Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

П. Кропоткинъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦІОНЕРА.

Съ предисловіемъ **Георга Брандеса.**

Съ англійскаго. Переводъ **Діонео**

подъ редакціей **автора.**

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

„Пров 38"

Исключительное право выпустить ***„Записки революціонера"*** *въ Россіи пріобрѣтено у автора товариществомъ* ***„Знаніе"****. Всѣ другія изданія этой книги, о которыхъ объявлялось въ газетахъ, предприняты* ***безъ*** *разрѣшенія автора.*

215728

Типографія «Сѣверъ», А. М. Лесмана, Садовая ул. 42.

ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ НАСТОЯЩЕМУ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Съ глубокимъ волненіемъ просматривалъ я эти страницы, передъ тѣмъ какъ отправить ихъ для печатанія въ Россіи...

Итакъ, вѣра въ возможность и близость переворота не обманула тѣхъ, кто за послѣдніе сорокъ лѣтъ велъ въ Россіи борьбу противъ отжившаго прошлаго, съ увѣренностью въ близкомъ торжествѣ; и, сквозь всѣ столкновенія и взрывы страстей настоящей минуты, мы уже провидимъ новую, обновленную Россію, въ которой русскому народу представится возможность — свергнувши вѣковое иго—приступить къ выработкѣ новыхъ формъ общежитія, основанныхъ на началахъ равенства, свободы и всеобщаго труда.

„Нужна ли, однако, теперь—спрашиваю я себя—въ эту горячую пору, такая книга воспоминаній о прошломъ, — о томъ, что было когда то, но никогда болѣе уже не повторится"?

Но мнѣ вспоминается швейцарецъ, когда онъ поднимается на свои горы, иногда съ тяжелою ношею на плечахъ. По временамъ онъ останавливается перевести духъ; и, опершись на свою палку, онъ всегда поворачивается лицомъ къ долинѣ.—„Окинь ее взглядомъ, говоритъ онъ своему спутнику; погляди, сколько ты уже поднялся надъ равниной, и это придастъ тебѣ бодрости, чтобы идти дальше — все выше и выше, какъ бы труденъ ни былъ дальнѣйшій путь".

Съ такою мыслью посылаю я эту книгу въ Россію. Вотъ маленькій, знакомый мнѣ уголокъ того громаднаго

пути, который мы прошли съ 1861-го года. И если смѣрить весь путь, пройденный нами со временъ крѣпостного права—вплоть до настоящаго пробужденія русскаго народа; если вдуматься затѣмъ въ бѣглые очерки, набросанные въ этой книгѣ, изъ жизни западно-европейскаго рабочаго движенія; и если представить себѣ въ одной общей картинѣ то, что уже сдѣлано, на Западѣ и въ Россіи, для освобожденія человѣчества изъ подъ ярма капитала и государства, — то, какъ у швейцарца, окинувшаго взглядомъ пройденный имъ путь, у читателя, вѣроятно, явится то же желаніе,—оправить свою котомку на плечахъ, и бодро, съ полною вѣрою въ конечный успѣхъ, снова пуститься въ путь, для достиженія лучшаго, болѣе свѣтлаго будущаго.

Предисловіе къ первому русскому изданію, писанное въ то мрачное время, когда Россія была отдана подъ управленіе сыщика фонъ-Плеве, пусть остается здѣсь, какъ выраженіе тогдашняго настроенія.

П. Кропоткинъ.

Декабрь 1905.

ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Многое изъ того, что разсказано въ этой книгѣ—не ново для русскаго читателя; а многое изъ того, что особенно могло бы заинтересовать русскаго—разсказано, можетъ быть, слишкомъ кратко. Но послѣдніе годы вымиранія крѣпостнаго права,—никогда не казавшагося такъ сильнымъ, какъ именно въ эти го́ды,—эпоха возрожденія Россіи въ шестидесятыхъ годахъ и, наконецъ, послѣдовавшіе затѣмъ «семидесятые го́ды»,—годы пробужденія общественной совѣсти, среди молодежи, по отношенію къ забитому и обманутому русскому народу,—эти три десятилѣтія такъ знаменательны въ русской жизни и такъ сильно наложили свой отпечатокъ на дальнѣйшую исторію нашей родины, что иногда и мелкая подробность личной жизни или общественнаго настроенія имѣетъ свое значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она лучше освѣщаетъ эпоху, чѣмъ цѣлыя страницы разсужденій.

Притомъ-же, Россія живетъ быстро за послѣднее полъстолѣтія. Крѣпостное право и крѣпостные нравы,—съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись надъ ними шестидесятые годы и прошла полосою очистительная, безпощадная критика нигилизма,—какъ будто отошли куда-то очень далеко, въ блѣдную туманную перспективу временъ. Даже великое движеніе въ народъ—забыто, и представляется современной молодежи какимъ-то сказочнымъ, героическимъ періодомъ, который можно толковать такъ же своевольно, какъ и дѣла минувшихъ лѣтъ: относясь къ нему, то съ чуть не религіознымъ уваженіемъ, то съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ «охранителей порядка».

А между тѣмъ, какъ ни далеко отошло отъ насъ, въ исторической перспективѣ, крѣпостное право и его обычаи, какъ ни кажутся намъ забыты крѣпостнически-государственные идеалы, вызвавшіе кровавое усмиреніе возставшей Польши,—наслѣдіе и тѣхъ и другихъ еще живо среди насъ. Оно не умерло, ни въ актахъ правительства, ни даже въ складѣ мысли передовыхъ людей, до сихъ поръ несущей на себѣ слѣды тисковъ крѣпостнаго государства. Задачи, поставленныя Россіи освобожденіемъ крестьянъ, но брошенныя неразрѣшенными надвинувшеюся реакціею—стоятъ и понынѣ, непочатыя передъ русскою жизнью; а идеалы Николаевщины по сію пору еще стремятся водвориться сызнова въ Россіи. Громадный шагъ, сдѣланный въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, уничтоженіемъ личнаго рабства крестьянъ и физическаго истязанія «непривилегированныхъ» на лобномъ мѣстѣ,—этотъ шагъ, все значеніе котораго могутъ вполнѣ оцѣнить только люди нашего поколѣнія, забывается понемногу. Крѣпостной строй, разбитый въ 1861-мъ году, вернулся снова въ русскую жизнь, подъ маскою новыхъ мундировъ, но съ тѣми же пріемами, цѣлями и задачами порабощенія массы въ пользу привилегированныхъ и правящихъ. Идеалъ жандармскаго, сосредоточеннаго, сильнаго государства, который въ 1863-мъ году сплотилъ вокругъ престола, противъ Польши, даже недовольные элементы русскаго общества—идеалъ централистовъ, однимъ словомъ—опять ожилъ среди насъ; опять онъ увлекаетъ тѣхъ, кто себя считаетъ призваннымъ руководить судьбами Россіи; опять стоитъ онъ на пути развитія мѣстной жизни и мѣстной самостоятельности. И наконецъ, рабство мысли и раболѣпіе—въ наукѣ передъ авторитетомъ, а въ жизни передъ мундиромъ,—которое такъ возмущало лучшихъ людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и вызвало рѣзкій протестъ Базарова,—вновь оживаетъ среди насъ.

И теперь, какъ и тогда,—не смотря на несомнѣнное пробужденіе самосознанія среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ,—и даже, именно вслѣдствіе того, что вѣками угнетенный крестьянинъ поднимаетъ голову и самъ начинаетъ утверждать свои, доселѣ попранныя права на волю,—снова

является тотъ же самый вопросъ передъ всякимъ думающимъ молодымъ человѣкомъ изъ привилегированныхъ классовъ, который мы себѣ ставили тридцать лѣтъ тому назадъ.—«Стану ли я пользоваться моимъ привилегированнымъ положеніемъ и, разсматривая дѣло освобожденія крестьянъ и рабочихъ, какъ дѣло ихъ класса, а не моего,—отнесусь-ли я равнодушно къ ихъ усиліямъ? Или-же, понимая, что прогрессъ въ человѣчествѣ нераздѣленъ, что онъ возможенъ только, когда онъ охватываетъ всѣхъ, что нищета и угнетеніе однихъ ведутъ за собою нищету духа и рабство всѣхъ,—сочту-ли я себя простою частицей въ этомъ большомъ цѣломъ и не понесу-ли я въ среду народа тѣ знанія, тотъ свѣтъ, ту вѣру въ свободу и освобожденіе, которые позволили мнѣ стать свободнымъ, стряхнуть съ себя ярмо предразсудковъ и отказаться отъ наслѣдій рабскаго прошлаго?»

Если эта книга поможетъ кому нибудь разрѣшить этотъ вопросъ, она достигнетъ своей цѣли.

Еще два слова. Почему такъ случилось, что Записки русскаго, преимущественно объ русской жизни, пришлось переводить другому русскому съ англійскаго языка,—требуетъ нѣсколькихъ словъ объясненія.

Началъ я писать эти Записки—конечно, по-русски. Первая часть—Дѣтство—была уже написана, когда я попалъ, осенью 1897-года, въ Америку. Въ Нью-Іоркѣ я встрѣтился съ очень симпатичнымъ человѣкомъ, Вальтеромъ Пэджемъ, который былъ тогда издателемъ ежемѣсячнаго журнала, «Atlantic Monthly». Онъ уговорилъ меня засѣсть сейчасъ же за мои Мемуары, кончить ихъ и начать печатать ихъ въ его журналѣ. Я такъ и сдѣлалъ. Я написалъ, опять-таки по-русски, по гораздо подробнѣе чѣмъ здѣсь, мою юность. Затѣмъ, для «Atlantic Monthly» я написалъ все это вновь, въ сокращенной формѣ, по-англійски; а потомъ, когда началось печатаніе, я уже успѣвалъ писать по-русски только часть того, что́ должно было войти въ каждую книжку, и переходилъ къ англійскому тексту. Когда зашла рѣчь о напечатаніи, группою русскихъ товарищей, русскаго изданія

«Записокъ Революціонера», то возникъ вопросъ—что́ печатать: русскій-ли текстъ, гораздо болѣе подробный, особенно по русскимъ дѣламъ, чѣмъ англійскій, или переводъ съ англійскаго? Первое представляло, однако, значительныя неудобства, такъ какъ, за отсутствіемъ полнаго русскаго текста, пришлось бы заполнять значительные промежутки переводами съ англійскаго, что́, конечно, нарушало бы цѣлостность книги. А такъ какъ за русскій переводъ предложило взяться одно вполнѣ-компетентное лицо, то мы остановились на переводѣ съ англійскаго. Мнѣ остается только душевно поблагодарить переводчика за его прекрасный переводъ, сдѣланный имъ съ такою любовью, что онъ вполнѣ замѣняетъ оригиналъ.

Іюль 1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ
Георга Брандеса.

Автобіографіи великихъ людей когда-то можно было отнести къ одному изъ слѣдующихъ трехъ типовъ: „Вотъ какъ я уклонился отъ пути праведнаго, и вотъ, какъ я снова возвратился къ нему“ (Святой Августинъ); или „Посмотрите какъ я былъ пороченъ; но кто же дерзнетъ считать себя лучшимъ?“ (Руссо); или „Вотъ какъ развивался геній,—органически, при благопріятныхъ условіяхъ“ (Гётэ). Во всѣхъ этихъ видахъ самоизображенія авторъ, главнымъ образомъ, занятъ самимъ собою.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ автобіографіи замѣчательныхъ людей очень часто составлены по одному изъ слѣдующихъ образцовъ: „Вотъ какъ талантлива я была и привлекательна; вотъ какъ мною восхищались и какъ меня цѣнили“ (*Іоанна Луиза Гейбергъ*, „Жизнь, пережитая въ воспоминаніяхъ“), или — „Я былъ талантливъ и достоинъ любви; но между тѣмъ меня не оцѣнили; вотъ тѣ тяжелыя испытанія, которыя я перенесъ, прежде чѣмъ добился вѣнца славы“ (*Гансъ Христіанъ Андерсенъ*, „Исторія моей жизни“). Въ этихъ двухъ типахъ жизнеописаній авторъ, стало быть, занятъ главнымъ образомъ тѣмъ, что современники думали и говорили о немъ.

Авторъ автобіографіи, лежащей теперь передъ нами, не занятъ мыслью о своихъ талантахъ и, поэтому, не говоритъ намъ о борьбѣ, которую ему пришлось бы выдержать, прежде, чѣмъ оцѣнили его заслуги. Еще меньше интересуется онъ мнѣніями о немъ его современниковъ. Какъ другіе думали о немъ, — онъ не упоминаетъ даже ни единымъ словомъ.

Въ этой книгѣ авторъ не любуется собственнымъ изображеніемъ. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые охотно говорятъ о себѣ; когда онъ дѣлаетъ это, то неохотно и съ нѣкоторой робостью. Читатель не найдетъ здѣсь ни интимныхъ признаній, ни сантиментальности, ни грубой откровенности. Кропоткинъ не говоритъ ни о своихъ недостаткахъ, ни о своихъ добродѣтеляхъ; онъ не вступаетъ съ читателемъ ни въ какую вульгарную интимность. Онъ совсѣмъ не говоритъ, какъ влюблялся, и такъ мало сообщаетъ о своихъ знакомствахъ съ прекраснымъ поломъ, что умалчиваетъ даже о своей женитьбѣ, и только мимоходомъ мы узнаемъ, что онъ женатъ. Онъ—отецъ, и отецъ очень нѣжный, но считаетъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ только разъ, когда быстро резюмируетъ шестнадцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Его больше интересуетъ психологія его современниковъ, чѣмъ его собственная. И въ его книгѣ мы находимъ психологію Россіи: Россіи оффиціальной и ея народныхъ массъ; Россіи, борющейся за прогрессъ и Россіи реакціонной. Авторъ охотнѣе разсказываетъ о своихъ современникахъ, чѣмъ о самомъ себѣ. И поэтому, разсказъ о его жизни заключаетъ исторію Россіи его эпохи, а также и исторію рабочаго движенія въ Европѣ за послѣднее полвѣка. Когда онъ погружается въ свой внутренній міръ, мы видимъ, какъ весь внѣшній міръ отражается въ немъ.

Всетаки въ этой книгѣ есть нѣчто подобное тому, къ чему Гёте стремился въ „Dichtung und Wahrheit". Въ ней видно, какъ сформировался замѣчательный умъ. Можно сравнить ее также съ „Исповѣдью" Святаго Августина, потому что книга является исторіей душевнаго кризиса, который соотвѣтствуетъ тому, что нѣкогда называлось „обращеніемъ". Дѣйствительно, этотъ кризисъ является поворотнымъ пунктомъ и сущностью всей книги.

Въ настоящее время есть только два великихъ русскихъ, которые думаютъ для русскаго народа и мысль которыхъ принадлежитъ человѣчеству: Левъ Толстой и

Петръ Кропоткинъ. Толстой часто намъ разсказывалъ въ художественной формѣ различные эпизоды своей жизни. Кропоткинъ даетъ намъ здѣсь, въ первый разъ, не прибѣгая къ художественной переработкѣ беллетристическаго произведенія, бѣглый обзоръ всей своей дѣятельности.

Хотя эти два человѣка радикально отличаются другъ отъ друга, но можно намѣтить параллель въ ихъ жизни и въ ихъ пониманіи жизни. Толстой—художникъ, Кропоткинъ—ученый. Но въ жизни того и другаго былъ моментъ, когда они не могли больше найти успокоенія въ работѣ, въ которую каждый изъ нихъ внесъ большія природныя дарованія. Толстого заставили свернуть съ пути, по которому онъ слѣдовалъ,—религіозныя размышленія, а Кропоткина—размышленія соціальныя.

Оба любятъ человѣчество, и оба сурово осуждаютъ индифферентизмъ, недостатокъ мысли, грубость и жестокость высшихъ классовъ; обоихъ одинаково тянетъ къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Оба видятъ въ мірѣ больше трусости, чѣмъ глупости. Оба — идеалисты и оба имѣютъ темпераментъ реформаторовъ. Оба по натурѣ миролюбивые люди, и Кропоткинъ наиболѣе миролюбивый изъ двухъ, хотя Толстой проповѣдуетъ постоянно миръ и осуждаетъ прибѣгающихъ къ силѣ для защиты своихъ правъ, тогда какъ Кропоткинъ оправдываетъ ихъ и поддерживаетъ дружескія отношенія съ террористами. Больше всего расходятся они въ одномъ пунктѣ—въ отношеніяхъ къ интеллигентному, образованному человѣку и къ наукѣ вообще. Толстой, въ своемъ религіозномъ пылѣ, презираетъ и обезцѣниваетъ и ученаго, и науку; тогда какъ Кропоткинъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, хотя онъ въ тоже время осуждаетъ ученыхъ, забывающихъ про народъ и про страданія массъ.

Многіе свершили великое дѣло, хотя и не жили великой жизни. Многіе люди интересны, хотя жизнь ихъ, можетъ быть, ничтожна и банальна. Жизнь Кропоткина въ одно и то же время и велика и интересна.

Въ этой книгѣ читатель найдетъ сочетаніе всѣхъ эле-

ментовъ, изъ которыхъ слагается богатая событіями жизнь: тутъ есть и идиллія и трагедія, драма и романъ.

Дѣтство автора, проведенное въ Москвѣ и въ деревнѣ, портреты матери, сестеръ, учителей, старыхъ, вѣрныхъ слугъ, многочисленныя картины патріархальной жизни, все это такъ хорошо описано, что тронетъ сердце всѣхъ. Картины природы, разсказъ о необычайно сильной любви между двумя братьями,—все это чистѣйшая идиллія.

Но рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, много слезъ и страданій: грубость семейной жизни, свирѣпое обращеніе съ крѣпостными, узость ума и жестокость сердецъ тѣхъ, которые правятъ судьбами людей.

Есть также разнообразіе и есть драматическія катастрофы: жизнь придворная и жизнь въ тюрьмѣ; жизнь въ высшихъ кругахъ русскаго общества, близъ императоровъ и великихъ князей, и жизнь въ бѣдности, среди пролетаріата, въ Лондонѣ и въ Швейцаріи. Тутъ встрѣчается переодѣванье, какъ въ драмѣ; главное дѣйствующее лицо днемъ является въ изящной одеждѣ въ Зимній Дворецъ, а вечеромъ, въ крестьянскомъ полушубкѣ, отправляется въ предмѣстья, чтобы тамъ проповѣдывать среди крестьянъ революцію. Есть также сенсаціонный элементъ, принадлежащій роману. Хотя трудно представить себѣ что нибудь болѣе простое, чѣмъ тонъ и стиль Кропоткина, въ разсказѣ есть однако мѣста, которыя по самой природѣ излагаемыхъ событій, гораздо больше захватываютъ, чѣмъ все, что мы находимъ въ романахъ, написанныхъ единственно съ сенсаціонной цѣлью. Есть ли что нибудь болѣе захватывающее, чѣмъ разсказъ о приготовленіяхъ къ побѣгу изъ госпиталя и смѣлое выполненіе плана?

Немногіе знали, какъ Кропоткинъ, всѣ слои общества, потому что жили въ нихъ. Какія картины! Вотъ Кропоткинъ въ дѣтствѣ: завитой, въ маскарадномъ костюмѣ онъ стоитъ возлѣ Николая I; вотъ онъ пажъ, бѣгущій за Александромъ II, чтобы защитить его отъ опасности; вотъ онъ въ страшной тюрьмѣ, гдѣ спроваживаетъ великаго князя Николая Николаевича и гдѣ слышитъ изо

дня въ день все болѣе безумныя слова крестьянина, сидящаго въ камерѣ подъ нимъ и мало по малу сходящаго съ ума.

Онъ велъ жизнь аристократа и работника; онъ былъ камеръ-пажемъ императора и былъ очень бѣднымъ писателемъ. Онъ былъ студентомъ, офицеромъ, ученымъ, изслѣдователемъ неизвѣстныхъ странъ, администраторомъ и революціонеромъ. Въ изгнаніи ему приходилось часто жить, какъ русскому крестьянину, чаемъ и хлѣбомъ; за нимъ шпіонили и его пытались убить, какъ русскаго императора.

Не многіе пережили такъ много. Точно такъ, какъ геологъ, Кропоткинъ можетъ обнять доисторическую эволюцію въ теченіи тысячи вѣковъ, — онъ можетъ также дать себѣ отчетъ въ исторической эволюціи его собственной эпохи. Къ литературному и научному образованію, пріобрѣтаемому въ университетѣ и въ рабочемъ кабинетѣ, то-есть къ знанію языковъ, изящной литературы, философіи и высшей математики,—Кропоткинъ съ раннихъ лѣтъ прибавилъ знанія, пріобрѣтаемыя въ мастерской, въ лабораторіи и въ полѣ, то-есть естественныя и военныя науки, фортификацію, тайну механическихъ и промышленныхъ производствъ. Знанія его универсальны.

Какъ долженъ былъ страдать этотъ дѣятельный умъ въ вынужденномъ бездѣйствіи въ тюрьмѣ! Какая школа терпѣнія и стоицизма! Въ одномъ мѣстѣ Кропоткинъ говоритъ, что фундаментомъ всякой организаціи должна быть высоко развитая нравственная личность. Это приложимо къ нему самому. Жизнь сдѣлала его однимъ изъ краеугольныхъ камней зданія будущаго.

Кризисъ въ жизни Кропоткина заключаетъ два момента, которые слѣдуетъ отмѣтить.

Онъ приближается къ тридцати годамъ, къ рѣшительному возрасту въ жизни человѣка. Душой и сердцемъ онъ человѣкъ науки; онъ сдѣлалъ цѣнное научное открытіе. Онъ нашелъ, что карты сѣверной Азіи не вѣрны; что не только прежнія представленія о географіи

Азіи ложны, но что и теоріи Гумбольдта расходятся съ фактами. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ погружается въ тщательныя изысканія. Разъ, какъ молнія, сверкнуло предъ нимъ истинное значеніе фактовъ. Онъ понялъ, что главныя линіи строенія Азіи идутъ не съ сѣвера на югъ, не съ запада на востокъ, а съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Онъ провѣряетъ свое открытіе, прилагаетъ къ множеству отдѣльныхъ фактовъ, и всѣми оно подтверждается. Такимъ образомъ онъ познаетъ, въ наиболѣе благородной и чистой формѣ радость научнаго открытія и постигаетъ, какъ она возвышаетъ душу.

Тогда наступаетъ кризисъ. Мысль о томъ, что эту радость могутъ испытывать лишь очень немногіе, мучитъ его. Онъ задаетъ себѣ вопросъ, имѣетъ ли онъ право самъ одинъ наслаждаться знаніемъ? Онъ чувствуетъ, что есть высшій долгъ, что скорѣе нужно понести массамъ пріобрѣтенныя уже знанія, чѣмъ работать надъ новыми открытіями.

Съ моей стороны, я не думаю, чтобы авторъ былъ правъ. Исходя изъ такихъ мыслей, Пастеръ не могъ бы стать тѣмъ благодѣтелемъ человѣчества, какимъ сдѣлался. Въ концѣ концовъ, съ теченіемъ времени, все превращается въ благо для массъ. Я убѣжденъ, что человѣкъ дѣлаетъ все, что въ его силахъ, для благосостоянія всѣхъ, когда онъ съ наибольшей настойчивостью выполняетъ то, что можетъ произвести. Но эта основная идея характеризуетъ Кропоткина. Въ ней онъ высказывается весь.

И этотъ складъ ума увлекаетъ его дальше. Въ Финляндіи, гдѣ онъ стоитъ на порогѣ новаго научнаго открытія,—гдѣ у него развивается мысль, тогда еще еретическая, что въ доисторическія времена вся сѣверная Европа находилась подъ ледянымъ покровомъ,— онъ такъ живо тронутъ состраданіемъ къ бѣднымъ, къ страдающимъ, часто вѣдающимъ голодъ, и жизнь которыхъ настоящая борьба за существованіе,—что онъ считаетъ своимъ великимъ долгомъ, долгомъ абсолютнымъ, стать для громадной, трудящейся и обездоленной массы учителемъ и опорой.

Вскорѣ послѣ этого предъ нимъ открывается новый міръ,—жизнь рабочихъ классовъ, и онъ учится у тѣхъ, кого хотѣлъ учить.

Пять или шесть лѣтъ спустя происходитъ второй фазисъ кризиса. Еще во время своей первой поѣздки въ Швейцарію, Кропоткинъ оставилъ группу соціалистовъ-государственниковъ изъ опасенія экономическаго деспотизма, изъ ненависти къ централизаціи, изъ любви къ свободѣ личности и къ мірскому строю. Но только послѣ продолжительнаго заключенія въ Россіи и во время вторичнаго пребыванія среди развитыхъ работниковъ французской Швейцаріи,—не ясное еще представленіе новаго соціальнаго строя приняло у него болѣе опредѣленную форму — федераціи общинъ, дѣйствующихъ сообща, подобно тому, какъ дѣйствуютъ теперь желѣзнодорожныя компаніи или почтовыя учрежденія различныхъ странъ. Съ тѣхъ поръ, окончательно сложилось его міросозерцаніе. Онъ знаетъ, что не можетъ указать обязательнаго пути для будущаго; онъ убѣжденъ, что все должно произойти отъ созидательной дѣятельности массъ; но онъ сравниваетъ, для наглядности, будущій общественный строй съ корпораціями и взаимными отношеніями, существовавшими въ средніе вѣка и явившимися, какъ результатъ дѣятельности массъ. Онъ не вѣритъ въ различіе между правящими и управляемыми; но я долженъ сознаться, что я на столько старозавѣтный, что обрадовался, когда онъ, съ легкой непослѣдовательностью, въ одномъ мѣстѣ восхваляетъ своего пріятеля, говоря о немъ, какъ о „прирожденномъ вождѣ людей".

Кропоткинъ называетъ себя революціонеромъ, и совершенно справедливо. Но рѣдко бываютъ такіе гуманные и мягкіе революціонеры. Читатель изумленъ, когда по случаю едва не состоявшейся вооруженной схватки съ швейцарской полиціей,—у автора проявляется воинственный инстинктъ, существующій въ каждомъ изъ насъ. Кропоткинъ говоритъ, что онъ не могъ бы тогда сказать съ увѣренностью, радовался ли онъ съ друзьями, или огорчался, что стычка не состоялась. Но это выра-

женіе чувства стоитъ совсѣмъ особнякомъ. Авторъ никогда не былъ мстителемъ, но всегда мученикомъ.

Онъ не требовалъ самопожертвованія отъ другихъ, но постоянно оставлялъ это для себя. Всю жизнь онъ поступалъ такимъ образомъ. Но онъ такъ мало говоритъ объ этомъ, какъ будто бы жертвы ему ничего не стоили. И не смотря на всю его энергію, духъ мщенія такъ слабъ въ немъ, что, упоминая объ одномъ негодяѣ, тюремномъ врачѣ, Кропоткинъ ограничивается замѣчаніемъ: „чѣмъ меньше скажемъ о немъ, тѣмъ лучше".

Это—революціонеръ безъ напыщенности и безъ громкихъ словъ. Онъ смѣется надъ клятвами и церемоніями, которыми заговорщики связываютъ себя въ драмахъ и въ операхъ. Человѣкъ этотъ — олицетвореніе простоты. По характеру онъ можетъ выдержать сравненіе съ любымъ борцомъ за свободу любой страны. Никто не былъ больше безкорыстенъ и больше его никто не любилъ человѣчество.

Но онъ не позволитъ мнѣ сказать въ предисловіи къ его книгѣ все то хорошее, что я думаю о немъ. И если бы я сдѣлалъ это, то далеко вышелъ бы изъ обыкновенныхъ размѣровъ предисловія.

Георгъ Брандесъ.

Записки революціонера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣтство.

I

Москва росла медленно. Въ силу этого, различныя части ея до сихъ поръ удивительно еще какъ хорошо сохранили черты, наложенныя медленнымъ ходомъ исторіи. Замоскворѣчье съ его широкими, сонными улицами и однообразными сѣрыми, невысокими домами, ворота которыхъ накрѣпко заперты и днемъ и ночью, — всегда было излюбленнымъ мѣстомъ купечества и твердыней суровыхъ и деспотическихъ старообрядцевъ, до крайности преданныхъ формѣ. Кремль и теперь еще является твердыней государства и церкви. Громадная площадь передъ нимъ, застроенная тысячами лавокъ и лабазовъ, съ незапамятныхъ временъ представляла настоящую торговую толчею и до сихъ поръ является сердцемъ внутренней торговли обширной имперіи. На Тверской и Кузнецкомъ мосту издавна, главнымъ образомъ, сосредоточены модные магазины, тогда какъ заселенныя мастеровымъ людомъ Плющиха и Дорогомиловка сохранили тѣ самыя черты, которыми отличалось ихъ буйное населеніе во времена московскихъ царей. Каждая часть составляетъ сама по себѣ отдѣльный мірокъ, со своей собственной физіономіей и живетъ своей особой жизнью. Даже склады и мастерскія, тяжело нагруженные вагоны и паровозы

желѣзныхъ дорогъ, когда послѣднія вторглись въ древнюю столицу, и тѣ сосредоточились отдѣльно, въ особыхъ центрахъ на окраинахъ стараго города.

И изъ всѣхъ московскихъ частей, быть можетъ, ни одна такъ не типична, какъ лабиринтъ чистыхъ, спокойныхъ и извилистыхъ улицъ и переулковъ, раскинувшійся за Кремлемъ, между Арбатомъ и Пречистенкой, и извѣстный подъ названіемъ Старой Конюшенной.

Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ тутъ жило и медленно вымирало старое московское дворянство, имена котораго часто упоминаются въ Русской Исторіи до Петра I. Эти имена исчезли мало-по-малу, уступивъ мѣсто именамъ новыхъ людей, „разночинцевъ“, призванныхъ на службу основателемъ русской имперіи. Чувствуя, что его оттѣснили при Петербургскомъ дворѣ, родовитое дворянство удалилось на покой либо въ Старую Конюшенную, либо въ свои живописныя подмосковныя. Оттуда оно глядѣло съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и съ тайной завистью на пеструю толпу, занявшую высшія правительственныя должности въ новой столицѣ на берегахъ Невы.

Въ молодые годы большинство изъ нихъ тоже пытало счастье на государственной, большею частью, военной службѣ. Но въ силу тѣхъ или другихъ причинъ вскорѣ оставляло ее, не добравшись до высокихъ чиновъ. Наиболѣе счастливые (мой отецъ былъ въ числѣ ихъ) получали какую-нибудь покойную, почетную службу въ родномъ городѣ; большинство же просто выходило въ отставку. Но въ какой бы дальній уголъ Россіи ихъ не забросила служба, родовитые дворяне всѣ какъ-то ухитрялись доживать старые годы въ собственномъ домѣ въ Старой Конюшенной, вблизи той самой церкви, гдѣ ихъ крестили и гдѣ отпѣвали родителей.

Старые корни пускали новые побѣги. Нѣкоторые изъ нихъ болѣе или менѣе отличались въ различныхъ концахъ Россіи; нѣкоторые пріобрѣтали болѣе роскошные, въ новомъ стилѣ дома въ другихъ частяхъ Москвы или въ Петербургѣ; но истинной представительницей рода

считалась все же та вѣтвь, какое бы ни было ея положеніе въ родословномъ древѣ, которая жила возлѣ зеленой, желтой, розовой или коричневой церкви, ставшей дорогой по семейнымъ событіямъ. Къ старомодному представителю рода относились съ большимъ уваженіемъ, хотя, долженъ сознаться, не безъ нѣкоторой примѣси легкой ироніи,—даже тѣ молодые представители рода, которые покинули свой городъ и сдѣлали блестящую карьеру въ гвардіи или же при дворѣ: старикъ являлся для молодыхъ олицетвореніемъ древности рода и его традицій.

Въ этихъ тихихъ улицахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ шума и суеты торговой Москвы, всѣ дома очень похожи другъ на друга. Большею частью, они деревянные, съ ярко зелеными желѣзными крышами; у всѣхъ фасадъ съ колоннами, всѣ выкрашены по штукатуркѣ въ веселые цвѣта. Почти всѣ дома были—въ одинъ этажъ, съ выходящими на улицу семью или девятью большими, свѣтлыми окнами. Второй этажъ допускался лишь въ мезонинѣ, выходившемъ на просторный дворъ, обстроенный многочисленными службами: кухнями, конюшнями, сараями, погребами и людскими. Во дворъ вели широкія ворота, и на мѣдной доскѣ надъ калиткой значилось обыкновенно: „Домъ поручика или штабсъ-ротмистра и кавалера такого-то“. Рѣдко можно было встрѣтить „генералъ-майоръ“ или соотвѣтственный гражданскій чинъ. Но если на этихъ улицахъ стоялъ болѣе нарядный домъ, обнесенный золоченой рѣшеткой съ желѣзными воротами, то на доскѣ навѣрное уже значилось „Коммерціи совѣтникъ“ или „Почетный гражданинъ“ такой-то. То былъ народъ непрошенный, втершійся въ кварталъ и, поэтому, не признаваемый сосѣдями.

Въ эти тихія улицы лавки не допускались, за исключеніемъ развѣ мелочной или овощной лавочки, которая ютилась въ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ приходской церкви. Зато на углу уже навѣрное стояла полицейская будка, у дверей которой днемъ показывался

самъ будочникъ, съ алебардой въ рукахъ, чтобы этимъ безвреднымъ оружіемъ отдавать честь проходящимъ офицерамъ. Съ наступленіемъ же сумерекъ онъ вновь забирался въ свою темную будку, гдѣ занимался или починкой сапогъ, или же изготовленіемъ какого-нибудь особенно забористаго нюхательнаго табака, на который предъявлялся большой спросъ со стороны пожилыхъ слугъ изъ сосѣднихъ домовъ.

Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, на посторонній взглядъ, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ Москвы. Утромъ никого нельзя было встрѣтить на улицахъ. Въ полдень появлялись дѣти, отправлявшіяся подъ надзоромъ гувернеровъ-французовъ или нянекъ-нѣмокъ на прогулку по занесеннымъ снѣгомъ бульварамъ. Попозже можно было видѣть барынь въ парныхъ саняхъ съ лакеемъ на запяткахъ, а то въ старомодныхъ — громадныхъ и просторныхъ, на высокихъ, висячихъ рессорахъ, каретахъ, запряженныхъ четверкой, съ форейторомъ впереди и двумя лакеями на запяткахъ. Вечеромъ большинство домовъ было ярко освѣщено; а такъ какъ ставни не запирались, то прохожіе могли любоваться играющими въ карты или же танцующими. Въ тѣ дни „идеи“ не были еще въ ходу; еще не пришла та пора, когда въ каждомъ изъ этихъ домовъ началась борьба между „отцами и дѣтьми“, борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или же ночнымъ посѣщеніемъ жандармовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ никто не думалъ ни о чемъ подобномъ. Все было тихо и спокойно, по крайней мѣрѣ, на поверхности.

Въ этой Старой Конюшенной родился я въ 1842 году; здѣсь прошли первыя пятнадцать лѣтъ моей жизни. Отецъ продалъ домъ, въ которомъ умерла наша мать, и купилъ другой; потомъ продалъ и этотъ, и мы нѣсколько зимъ прожили въ наемныхъ домахъ, покуда отецъ нашелъ третій по своему вкусу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, въ которой его крестили и отпѣвали его мать. И все это было въ Старой Конюшенной. Мы оставляли ее лишь, чтобы проводить лѣто въ нашей деревнѣ.

II.

Высокая, просторная угловая комната въ нашемъ домѣ. Въ ней—бѣлая постель, на которой лежитъ мать. Наши дѣтскія креслица и столики пододвинуты близко къ кровати. Красиво накрытые столы уставлены конфектами и хорошенькими стеклянными баночками съ желе, и въ эту комнату насъ, дѣтей, ввели въ необычное время—таковы мои первыя, смутныя воспоминанія. Наша мать умирала отъ чахотки. Ей было всего тридцать пять лѣтъ. Прежде чѣмъ покинуть насъ навсегда, она пожелала видѣть насъ возлѣ себя, ласкать насъ, быть на мгновеніе счастливой нашими радостями; она придумала это маленькое угощеніе у своей постели, съ которой уже не могла болѣе подняться. Я припоминаю ея блѣдное, исхудалое лицо, ея большіе темно-каріе глаза. Она глядитъ на насъ и ласково, любовно приглашаетъ насъ ѣсть, предлагаетъ взобраться на постель; затѣмъ вдругъ заливается слезами и начинаетъ кашлять... Насъ уводятъ.

Немного времени спустя, насъ дѣтей, т. е. меня и брата Александра, перевели изъ большого дома въ маленькій флигель во дворѣ. Апрѣльское солнце заливаетъ своими лучами комнатку, но нѣмка-бонна, m-me Бурманъ, и няня Ульяна велятъ намъ ложиться спать. Лица ихъ мокры отъ слезъ. Онѣ шьютъ намъ черныя рубашечки съ широкими бѣлыми оторочками. Намъ не спится. Неизвѣстность пугаетъ насъ; мы прислушиваемся къ сдержанному разговору нянекъ. Онѣ говорятъ что-то такое о нашей матери, чего мы понять не можемъ. Мы выскакиваемъ наконецъ и спрашиваемъ, „гдѣ мама? гдѣ мама?“ Обѣ женщины начинаютъ плакать навзрыдъ, гладятъ наши кудрявыя головки, зовутъ насъ „бѣдными сиротами“. Ульяна не можетъ скрывать больше и говоритъ: „ваша мама улетѣла туда, на небо, къ ангеламъ“.

— Какъ на небо? Почему?—Наше дѣтское воображеніе напрасно старалось отвѣтить на эти вопросы.

Это было въ апрѣлѣ 1846 года. Мнѣ было всего три съ половиной года, а брату Сашѣ еще не минуло пяти. Я не знаю, гдѣ были тогда старшій братъ и сестра, Николай и Елена; по всей вѣроятности, уже уѣхали учиться. Николаю шелъ двѣнадцатый годъ, а Ленѣ одиннадцатый. Они всегда держались вмѣстѣ, и мы очень мало знали ихъ. Такимъ образомъ, мы съ Александромъ остались во флигелѣ на попеченіи m-me Бурманъ и Ульяны. Добрая старая нѣмка, не имѣвшая ни своего угла, ни души родныхъ, замѣнила намъ мать. Она воспитала насъ, какъ могла; отъ времени до времени она покупала намъ простыя игрушки, закармливала коврижками, которыми торговалъ заходившій иногда другой старый нѣмецъ,—по всей вѣроятности, такой же одинокій бобыль, какъ m-me Бурманъ. Мы рѣдко видали отца. Два слѣдующихъ года прошли, не оставивъ никакого впечатлѣнія въ моей памяти.

III

Отецъ мой очень гордился своимъ родомъ и съ необыкновенной торжественностью указывалъ на пергаментъ, висѣвшій на стѣнѣ въ кабинетѣ. Въ пергаментѣ, украшенномъ нашимъ гербомъ (гербомъ Смоленскаго княжества), покрытымъ горностаевой мантіей, увѣнчанной шапкой Мономаха—свидѣтельствовалось и скрѣплялось департаментомъ Герольдіи, что родъ нашъ ведетъ начало отъ внука Ростислава Мстиславича Удалого и что наши предки были великими князьями Смоленскими.

— Я за этотъ пергаментъ заплатилъ триста рублей,— часто говорилъ намъ отецъ.

Какъ большинство людей его поколѣнія, онъ не былъ особенно силенъ въ русской исторіи и цѣнилъ пергаментъ, главнымъ образомъ, по стоимости его, а не по историческимъ воспоминаніямъ.

Нашъ родъ, дѣйствительно, очень древній; но подобно большинству родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ

Рюрика, онъ былъ оттѣсненъ, когда кончился удѣльный періодъ, вступили на престолъ Романовы и стали объединять Россію. Въ послѣднее время никто изъ Кропоткиныхъ, повидимому, не питалъ особенной склонности къ государственной службѣ. Мой прадѣдъ и дѣдъ служили въ военной службѣ, но вышли въ отставку совсѣмъ молодыми и поспѣшили удалиться въ свои родовыя помѣстья. Нужно сказать, впрочемъ, что одно изъ этихъ помѣстій, Урусово, находящееся въ Рязанской губерніи и расположенное на высокомъ холмѣ, среди роскошныхъ полей, прельстило бы хоть кого красотой тѣнистыхъ лѣсовъ, безконечными лугами и извилистой рѣчкой. Мой дѣдъ вышелъ въ отставку поручикомъ, удалился въ Урусово, гдѣ занялся хозяйствомъ, и сталъ прикупать имѣнья въ сосѣднихъ губерніяхъ.

По всей вѣроятности, и наше поколѣніе сдѣлало бы то же самое; но нашъ дѣдъ женился на княжнѣ Гагариной, принадлежавшей совсѣмъ къ другому роду. Ея братъ былъ извѣстенъ, какъ страстный любитель сцены. Онъ завелъ свой собственный театръ и, къ ужасу всей родни, женился даже на крѣпостной, на великой артисткѣ Семеновой, родоначальницѣ реальной драматической школы въ Россіи. Безъ сомнѣнія, и по характеру Семенова была одна изъ наиболѣе привлекательныхъ личностей театральнаго міра. Къ ужасу „всей Москвы“, Семенова и послѣ замужества продолжала появляться на сценѣ.

Я не знаю, обладала ли моя бабушка тѣми же артистическими и литературными вкусами, какъ ея братъ. Я только помню ее, когда она уже была разбита параличемъ и могла говорить только шепотомъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что слѣдующее поколѣніе нашей семьи проявило склонность къ литературѣ. Одинъ изъ сыновей княгини Гагариной писалъ стихи и издалъ даже цѣлую книжку, фактъ, о которомъ мой отецъ всегда стыдился даже упомянуть. Мои двоюродные братья, мой братъ и я самъ, въ большей или меньшей степени, принимали участіе въ литературѣ нашего времени.

Отецъ мой былъ типичный николаевскій офицеръ. Не то, чтобъ онъ былъ надѣленъ особеннымъ боевымъ духомъ или особенно любилъ походную жизнь: я сомнѣваюсь даже, чтобъ онъ провелъ хотя бы одну ночь у бивуачнаго огня, или же участвовалъ хотя бы въ одномъ сраженіи; но при Николаѣ это имѣло второстепенное значеніе. Настоящимъ военнымъ въ то время былъ тотъ, кто обожалъ мундиръ и кто презиралъ штатское платье; чьи солдаты бывали вымуштрованы такъ, что могли выдѣлывать почти невѣроятныя штуки ногами и ружьями (одна изъ знаменитыхъ штукъ того времени была, напримѣръ, разломать прикладъ, беря на караулъ); кто на парадѣ могъ показать такой же правильный и неподвижный рядъ солдатъ, какъ будто то были не живые, а игрушечные солдатики.

— Очень хорошо — сказалъ разъ великій князь Михаилъ послѣ того, какъ полчаса заставилъ простоять полкъ съ ружьемъ на караулъ; только дышутъ!

Идеаломъ моего отца, конечно, было возможно больше походить на военнаго того времени.

Дѣйствительно, онъ принималъ участье въ 1828 г., въ войнѣ съ Турціей; но устроился такъ, что все время пробылъ въ штабахъ. И если мы, дѣти, воспользовавшись моментомъ, когда отецъ былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, просили его разсказать намъ про войну,—онъ могъ сообщить намъ лишь то, какъ на него да на вѣрнаго слугу Фрола, въ то время, когда они проѣзжали деревню, — напали десятки разъяренныхъ собакъ. Отцу и Фролу пришлось пустить въ ходъ сабли, чтобъ отбиться отъ голодныхъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, намъ больше бы хотѣлось, чтобы то былъ отрядъ турокъ, но мы мирились и съ собаками; но когда, послѣ долгихъ приставаній, намъ удавалось заставить отца разсказать, за что онъ получилъ Анну съ мечами и золотую саблю, тутъ ужъ мы были совсѣмъ разочарованы. Исторія была до крайности прозаична. Офицеры генеральнаго штаба квартировали въ турецкой деревнѣ, когда въ ней вспыхнулъ пожаръ. Въ одно мгновенье огонь охватилъ

дома, и въ одномъ изъ нихъ оставался ребенокъ. Мать рыдала въ отчаяньи. Фролъ, сопровождавшій всегда отца, бросился въ огонь и спасъ ребенка. Главнокомандующій, который видѣлъ этотъ поступокъ, тутъ же наградилъ отца крестомъ за храбрость.

— Но, папаша, восклицали мы,—вѣдь это Фролъ спасъ ребенка!

— Такъ что жъ такое,—отвѣчалъ отецъ наивнѣйшимъ образомъ.—Развѣ онъ не мой крѣпостной? Вѣдь это все равно.

Отецъ мой принималъ также участье въ войнѣ противъ поляковъ во время революціи 1831 г. Въ Варшавѣ онъ познакомился и влюбился въ младшую дочь корпуснаго командира, генерала Сулимы. Свадьбу отпраздновали очень торжественно въ лазенковскомъ дворцѣ. Посаженнымъ отцомъ со стороны невѣсты былъ Паскевичъ.

— Но ваша мать, — прибавлялъ всегда отецъ, — не принесла мнѣ никакого приданаго.

То была чистая правда. Отецъ ея, Николай Семеновичъ Сулима, совсѣмъ не умѣлъ себѣ сдѣлать карьеру и нажить состояніе. Должно быть, въ его жилахъ было слишкомъ много крови запорожцевъ, которые умѣли сражаться съ отлично вооруженными, храбрыми поляками и съ втрое болѣе сильными турецкими арміями; но не умѣли уберечься отъ тенетъ московской дипломатіи. Извѣстно, что послѣ страшнаго возстанія 1648-го года, которое было началомъ конца польской республики и войны съ поляками, казаки подпали подъ иго русскихъ царей и потеряли всѣ свои вольности. Одинъ изъ Сулима былъ захваченъ тогда поляками и замученъ до смерти въ Варшавѣ; но остальные полковники такого же закала дрались еще болѣе упорно, и Польша потеряла Малороссію.

Что касается моего дѣда, то въ двѣнадцатомъ году онъ, во главѣ кирасирскаго полка, умѣлъ врубиться въ карэ французовъ, несмотря на щетину штыковъ, и, оставленный, какъ убитый, на полѣ сраженія, сумѣлъ

оправиться, отдѣлавшись глубокимъ шрамомъ на головѣ; но стать лакеемъ у всемогущаго Аракчеева онъ не захотѣлъ, и его отправили въ своего рода почетную ссылку, вначалѣ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, а потомъ въ Западную. Въ то время такой постъ считался болѣе прибыльнымъ, чѣмъ золотой пріискъ; но мой дѣдъ возвратился изъ Сибири такимъ же небогатымъ человѣкомъ, какимъ отправился туда. Онъ оставилъ своимъ тремъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ лишь маленькое наслѣдство. Когда я, въ 1862 году, поѣхалъ въ Сибирь, то часто слышалъ его имя, произносившееся съ большимъ уваженіемъ. Чудовищное воровство, царившее тогда въ Сибири, съ которымъ мой дѣдъ былъ не въ силахъ бороться, — приводило его въ отчаянье.

Мать моя, безъ сомнѣнья, для своего времени была замѣчательная женщина. Много лѣтъ спустя послѣ ея смерти, я въ углу, въ кладовой, въ нашемъ деревенскомъ домѣ нашелъ много бумагъ, исписанныхъ ея твердымъ и красивымъ почеркомъ. То были дневники, въ которыхъ она описывала красоту природы въ Германіи и говорила о своихъ печаляхъ и о жаждѣ счастья. Тутъ были также тетради запрещенныхъ русскихъ стихотвореній, между прочимъ, думы Рылѣева. Въ другихъ тетрадяхъ были ноты, французскія драмы, стихи Ламартина, поэмы Байрона. Нашелъ я также много акварелей, рисованныхъ моею матерью.

Высокая, стройная, съ массой каштановыхъ волосъ, съ темно-карими глазами, съ маленькимъ ртомъ, она, какъ живая, глядитъ съ портрета, написаннаго съ любовью масляными красками хорошимъ художникомъ. Она была всегда весела, подчасъ беззаботна и очень любила танцы. Никольскія крестьянки часто разсказывали намъ, какъ бывало любовалась она съ балкона на ихъ хороводы, а потомъ не утерпитъ и сама присоединится къ нимъ. Она была артистическая натура. На балу моя мать схватила простуду, которая кончилась воспаленіемъ легкихъ и довела до могилы.

Всѣ, знавшіе ее, любили ее. Слуги боготворили ея память. Ради ея мадамъ Бурманъ взялась заботиться о насъ. Въ память ея Ульяна такъ любила насъ. Когда она чесала насъ или крестила предъ сномъ, она часто говаривала: — Бѣдные сиротки! Теперь ваша мамаша смотритъ на васъ съ неба и плачетъ по васъ.

Все мое дѣтство перевито воспоминаніями о ней. Какъ часто гдѣ-нибудь въ темномъ корридорѣ рука дворового ласково касалась меня или брата Александра. Какъ часто крестьянка, встрѣтивъ насъ въ полѣ, спрашивала: „Выростете ли вы такими же добрыми, какой была ваша мать. Она насъ жалѣла, а вы будете жалѣть?“

„Насъ“—означало, конечно, крѣпостныхъ. Не знаю, что стало бы съ нами, если бы мы не нашли въ нашемъ домѣ среди дворовыхъ ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дѣти. Мы были дѣти нашей матери; мы были похожи на нее; и, въ силу этого, крѣпостные осыпали насъ заботами, подчасъ, какъ видно будетъ дальше, въ крайне трогательной формѣ.

Люди жаждутъ безсмертія; но они часто упускаютъ изъ виду тотъ фактъ, что память о дѣйствительно добрыхъ людяхъ живетъ вѣчно. Она запечатлѣвается на слѣдующемъ поколѣніи и передается снова дѣтямъ. Неужели имъ мало такого безсмертія?

IV

Два года послѣ смерти матери отецъ мой женился во второй разъ. Онъ уже было высмотрѣлъ красивую невѣсту изъ богатой семьи, когда судьба его рѣшилась иначе. Разъ утромъ, когда отецъ сидѣлъ еще въ халатѣ, вбѣжали перепуганные слуги и возвѣстили о прибытіи генерала Тимофеева, начальника шестого армейскаго корпуса, въ которомъ отецъ служилъ. Любимецъ Николая I былъ ужасный человѣкъ. За ошибку на парадѣ онъ могъ отдать приказъ запороть солдата почти до смерти. Онъ могъ разжаловать офицера и сослать въ

Сибирь, если бы встрѣтилъ его на улицѣ съ разстегнутыми крючками высокаго, тугого воротника. У Николая слово генерала Тимофеева значило все. Въ то утро генералъ, который до тѣхъ поръ никогда не бывалъ у насъ, явился самолично, чтобы посватать отцу племянницу жены, дѣвицу Елизавету Марковну Карандино, одну изъ дочерей адмирала черноморскаго флота, говорятъ, очень красивую тогда дѣвицу, съ правильнымъ греческимъ профилемъ. Отецъ согласился, и вторая свадьба, какъ и первая, была отпразднована съ большою торжественностью.

— Вы, молодежь, ничего не понимаете въ подобныхъ дѣлахъ,—заканчивалъ всегда отецъ, когда онъ впослѣдствіи съ непередаваемымъ тонкимъ юморомъ разсказывалъ мнѣ эту исторію.—Знаешь ли ты, что въ то время значило „корпусный?“ А вдругъ самъ онъ, одноглазый чортъ, пріѣхалъ сватомъ. Конечно, приданаго было всего большой сундукъ, набитый бабьими тряпками, да еще сидитъ на немъ крѣпостная дѣвка Марѳа, черная, какъ цыганка.

Я рѣшительно ничего не помню объ этомъ событіи. Припоминается лишь большая гостиная въ богато убранномъ домѣ, а въ этой гостиной молодая привлекательная дама съ слишкомъ острыми южными глазами, заигрывающая съ нами, повторяя: „Видите, какая веселая мама будетъ у васъ!“

На что Саша и я, насупившись, отвѣчали: „наша мама улетѣла на небо!“ Мы съ недовѣрчивостью относились къ такой слишкомъ большой живости.

Пришла зима, и для насъ началась новая жизнь. Домъ продали и купили другой, который омеблировали совершенно заново. Исчезло все, что могло бы напоминать мать: ея портреты, рисунки, вышиванье. Напрасно молила мадамъ Бурманъ оставить ее въ домѣ и обѣщала посвятить себя всецѣло ребенку, котораго ожидала мачиха—ее разсчитали.

— Не хочу имѣть у себя никого изъ дома Сулимы!—говаривала мачиха. Она порвала всѣ связи съ нашими

дядьями, тетками и бабушкой. Ульяну назначили ключницей и выдали за Фрола, котораго сдѣлали дворецкимъ. Чтобы учить насъ, приставили дорогого француза-гувернера, мосьё Пулэна и наняли за дешево русскаго студента Н. П. Смирнова. Во многихъ домахъ въ Москвѣ были тогда французы гувернеры, обломки наполеоновской великой арміи. Пулэнъ тоже принадлежалъ къ ней и только что закончилъ воспитаніе младшаго сына романиста Загоскина. Въ Старой Конюшенной Сережа Загоскинъ считался такимъ благовоспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, что отецъ мой, не колеблясь, пригласилъ Пулэна за высокую по тому времени плату въ 600 руб. въ годъ.

Пулэнъ явился со своей охотничьей собакой, Трезоромъ, наполеоновскимъ кофейникомъ, французскими учебниками и сталъ править нами и крѣпостнымъ Матвѣемъ, котораго приставили намъ въ прислуги. Его планъ воспитанія былъ очень простъ. Разбудивъ насъ, онъ приготовлялъ кофе, который пилъ въ своей комнатѣ. Въ то время, какъ мы приготовляли уроки, онъ очень тщательно занимался своимъ туалетомъ: зачесывалъ свои сѣдые волосы такъ, чтобъ скрыть расползавшуюся плѣшь, надѣвалъ фракъ, прыскалъ себя и вытиралъ одеколономъ, а затѣмъ велъ насъ внизъ поздороваться съ родителями. Отца и мачиху мы обыкновенно заставали за утреннимъ кофе. Подойдя къ нимъ, мы повторяли оффиціальнымъ тономъ: „Bonjour, mon cher papa“, „Bonjour, ma chére maman“, и затѣмъ цѣловали руки. Мосьё Пулэнъ выдѣлывалъ очень сложный и элегантный пируэтъ, произнося: „Bonjour, monsieur le prince“, „Bonjour, madame la princesse“. Выполнивъ все это, мы немедленно уходили къ себѣ наверхъ. Эта церемонія повторялась каждое утро.

Затѣмъ, начиналось наше ученіе. Мосьё Пулэнъ, вмѣсто фрака, облачался въ халатъ, надѣвалъ на голову кожаную шапочку, погружался въ кресло и говорилъ: „скажите урокъ“.

Мы сказывали „наизусть“, отъ одного мѣста, отмѣ-

ченнаго намъ ногтемъ, до другого. М. Пулэнъ принесъ съ собою памятную не одному поколѣнію русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ грамматику Ноэля и Шапсаля, книжку французскихъ вокабулъ, всемірную исторію въ одномъ томикѣ и всеобщую географію тоже въ одной книжкѣ. Мы должны были вызубрить грамматику, вокабулы, исторію и географію. Съ грамматикой, начинавшейся знаменитой фразой: „Что такое грамматика? Искусство правильно читать и писать", съ грамматикой, говорю, дѣло обходилось благополучно. Но, къ несчастью, исторія начиналась съ предисловія, въ которомъ перечислялись всѣ выгоды, проистекающія изъ знанія этой науки. Съ первыми предложеніями дѣло шло довольно гладко. Мы твердили: „Государь находитъ въ исторіи примѣры великодушія, чтобъ слѣдовать имъ при управленіи своимъ народомъ; полководецъ изучаетъ по ней благородное искусство ратнаго дѣла". Но какъ только мы добирались до юриспруденціи, все портилось. „Юрисконсультъ находитъ въ исторіи"; но что именно находитъ онъ, мы такъ и не могли узнать. Трудное слово „юрисконсультъ" портило все. Какъ только мы добирались до него, мы останавливались.

— На колѣни, gros pouff! (Это ко мнѣ) восклицалъ Пулэнъ.—На колѣни, gran dada! (Это по адресу брата). И мы становились на колѣни и обливались слезами, тщетно стараясь выучить, что находитъ юрисконсультъ въ исторіи.

Это предисловіе дорого намъ обошлось! Мы уже выучили про римлянъ. Мы бросали, „какъ Бренъ" палки на чашки вѣсовъ, когда Ульяна отвѣшивала рисъ. Подражая Курцію, мы, для спасенія отчизны, прыгали въ бездну со стола; но М. Пулэнъ все еще время отъ времени возвращалъ насъ къ предисловію и ставилъ на колѣни все изъ-за того же юрисконсульта. Нужно ли удивляться послѣ этого, что и я, и мой братъ возымѣли непреодолимое отвращеніе къ юриспруденціи!

Не знаю, что стало бы съ географіей, если бы въ книжкѣ М. Пулэна тоже было бы предисловіе. Къ счастью,

первыя двадцать страницъ были вырваны (я думаю, эту великую услугу оказалъ намъ Сережа Загоскинъ). Въ силу этого наши уроки начались прямо съ двадцать первой страницы, со словъ „изъ рѣкъ, орошающихъ Францію".

Долженъ сознаться, что дѣло не всегда кончалось наказаніемъ на колѣни. Въ классной имѣлась также розга, къ которой и прибѣгалъ М. Пулэнъ, когда на прогрессъ въ предисловіи или же въ діалогахъ о добродѣтели и благопристойности не было больше надежды. Но однажды сестра Лена, которая только что возвратилась изъ Екатерининскаго института и занимала комнату подъ нашей классной, услыхавъ нашъ плачъ, стремительно вбѣжала въ слезахъ въ кабинетъ къ отцу. Она горько стала упрекать его за то, что онъ отдалъ насъ мачихѣ, которая сдала насъ на произволъ „отставному французскому барабанщику".

— Конечно,—она кричала въ слезахъ—здѣсь некому заступиться за нихъ; но я не могу видѣть, какъ барабанщикъ обращается съ моими братьями.

Отецъ былъ захваченъ врасплохъ и смѣшался. Онъ сначала сталъ бранить Лену, но кончилъ тѣмъ, что похвалилъ за любовь къ братьямъ. Съ тѣхъ поръ розга сохранилась лишь для того, чтобы внушать Трезору правила благопристойности.

Покончивъ съ тяжелыми учительскими обязанностями, мосьё Пулэнъ мгновенно преображался; предъ нами былъ уже не свирѣпый педагогъ, а веселый товарищъ. Послѣ завтрака онъ водилъ насъ на прогулку и здѣсь не было конца его разсказамъ. Мы болтали, какъ птички. Хотя мы не забирались съ Пулэномъ дальше первыхъ страницъ синтаксиса, но мы скоро научились „правильно говорить". Мы стали думать по-французски. Когда же онъ продиктовалъ намъ полъ-книги о миѳологіи (онъ исправлялъ ошибки по книгѣ, никогда не пытаясь даже объяснить, почему слово должно быть писано такъ, а не иначе), то мы постигли также, какъ „правильно писать".

Послѣ обѣда мы занимались съ учителемъ русскаго языка, студентомъ юридическаго факультета Московскаго университета. Онъ обучалъ всѣмъ „русскимъ“ предметамъ: грамматикѣ, ариѳметикѣ и т. п. Въ тѣ годы серьезное ученіе еще не начиналось. Одновременно онъ диктовалъ намъ ежедневно по страницѣ изъ исторіи, и такимъ образомъ мы на практикѣ быстро научились совершенно правильно писать по-русски.

Наше лучшее время бывало по воскресеньямъ, когда всѣ наши, кромѣ дѣтей, отправлялись на обѣдъ къ генеральшѣ Тимофеевой. Порой случалось также, что отпускъ получали въ этотъ день Пулэнъ и Н. П. Смирновъ. Въ такомъ случаѣ мы оставались на попеченіи Ульяны. Наскоро пообѣдавъ, мы отправлялись въ парадный залъ, куда скоро являлась и молодежь изъ горничныхъ. Затѣвались всевозможныя игры: въ жмурки, въ коршуна и т. д. Затѣмъ мастеръ на всѣ руки Тихонъ являлся со скрипкой. Начиналась пляска; не скучные, мѣрные танцы подъ управленіемъ танцмейстера француза „на резиновыхъ ножкахъ“ (танцы входили въ программу нашего воспитанія), а живой танецъ, не урокъ. Паръ двадцать кружились въ разныя стороны, но это было лишь вступленіемъ къ еще болѣе оживленному казачку. Тихонъ тогда вручалъ скрипку одному изъ стариковъ и начиналъ вывертывать ногами такія мудреныя фигуры, что въ дверяхъ показывались повара и даже кучера, желавшіе поглядѣть на любезный ихъ сердцу танецъ.

Въ девять часовъ за нашими посылалась большая карета. Тихонъ, вооружившись щеткой ползалъ по паркету, чтобы возстановить опять его дѣвственный блескъ. Въ домѣ воцарялся образцовый порядокъ. И если бы насъ съ братомъ на другой день подвергли самому строгому допросу, мы не обмолвились бы ни словомъ о развлеченіяхъ предыдущаго вечера. Мы ни за что не выдали бы никого изъ слугъ, точно такъ же, какъ никто изъ нихъ не выдалъ бы насъ.

Разъ въ воскресенье мы съ братомъ играли одни въ большой залѣ и набѣжали на подставку, поддерживавшую дорогую лампу. Лампа разбилась вдребезги. Немедленно же слуги собрали совѣтъ. Никто не упрекалъ насъ. Рѣшено было, что на другой день рано утромъ Тихонъ, на свой страхъ и отвѣтственность выберется тихонько, побѣжитъ на Кузнецкій мостъ и тамъ купитъ такую же лампу. Она стоила пятнадцать рублей, — для дворовыхъ, громадная сумма. Но лампу купили, а насъ никогда никто не попрекнулъ даже словомъ.

Когда я думаю теперь о прошломъ, и въ моей памяти возстаютъ всѣ эти сцены, я припоминаю также, что во время игръ мы никогда не слыхали грубыхъ словъ; не видали мы также въ танцахъ ничего такого, чѣмъ теперь угощаютъ дѣтей даже въ пантомимахъ. Въ людской, промежъ себя, слуги, конечно, употребляли неприличныя выраженія. Но мы были дѣти, ея дѣти, и это охраняло насъ отъ всего.

Въ тѣ времена дѣтей не заваливали такой массой игрушекъ, какъ теперь. Собственно говоря, ихъ у насъ почти вовсе не имѣлось, и мы вынуждены были прибѣгать къ нашей собственной изобрѣтательности. Съ другой стороны, мы съ братомъ рано пріобрѣли вкусъ къ театру. Впечатлѣніе, произведенное масленичными балаганами, съ ихъ представленіями, съ сраженіями и съ разбойниками, продолжалось не долго: мы сами предостаточно играли въ казаковъ и разбойниковъ. Но въ Москву прибыла балетная звѣзда первой величины, Фанни Эльслеръ, и мы увидали ее. Когда отецъ покупалъ билетъ въ театръ, то бралъ всегда лучшую ложу, не жалѣя денегъ; но за то онъ хотѣлъ, чтобы за эти деньги наслаждалась вся семья. Взяли и меня, несмотря на то, что я былъ тогда очень малъ. Фанни Эльслеръ произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе граціозностью, воздушностью и изяществомъ всякаго движенія, что съ тѣхъ поръ танцы, относящіеся скорѣе къ области гимнастическихъ упражненій, чѣмъ искусства, меня никогда не интересовали.

Нечего и говорить, что „Гитану, Испанскую цыганку“, балетъ, въ которомъ Эльслеръ участвовала, мы рѣшили поставить дома, т. е. содержаніе балета, а не танцы. У насъ была готовая сцена: дверь изъ спальни въ классную закрывалась занавѣсью. Нѣсколько стульевъ полукругомъ и кресло для М. Пулэна составили зрительный залъ и царскую ложу. Публику мы легко собрали: тутъ были Ульяна, русскій учитель и двѣ-три горничныя. Мы рѣшили во что бы то ни стало поставить двѣ сцены: ту, въ которой цыгане привозятъ въ таборъ маленькую Гитану въ тачкѣ, и ту, гдѣ Гитана въ первый разъ появляется на сценѣ, спускается съ пригорка и переходитъ по мосту черезъ ручей, въ которомъ отражается ея образъ. Зрители тогда стали бѣшено аплодировать, и мы рѣшили, что рукоплесканія были вызваны отраженіемъ въ ручьѣ.

Для роли Гитаны мы выбрали одну изъ самыхъ маленькихъ дѣвочекъ въ дѣвичьей. Ея оборванное пестрядевое платье не составляло препятствія. Перевернутый стулъ вполнѣ замѣнилъ тачку. Но ручей! Изъ двухъ креселъ да гладильной доски портного Андрея мы соорудили мостъ, а изъ куска синей китайки—ручей. Для полученія отраженія мы пустили въ ходъ маленькое круглое зеркало, предъ которымъ брился М. Пулэнъ; но сколько мы не старались, отраженіе во весь ростъ не получалось. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ мы должны были отказаться отъ опытовъ съ зеркаломъ. Но мы упросили Ульяну, чтобы она поступила такъ, какъ будто бы видѣла отраженіе въ ручьѣ и аплодировала бы громко. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ мы сами начали вѣрить, что, быть можетъ, что-нибудь и видно въ самомъ дѣлѣ.

Расиновская „Phèdre“ или, по крайней мѣрѣ, послѣдній актъ трагедіи, сходила тоже очень не дурно, а именно, Саша прекрасно декламировалъ звучные стихи:

„A peine nous sortions des portes de Trézène“,

а я сидѣлъ совершенно неподвижно, во все время трагическаго монолога, возвѣщавшаго мнѣ о смерти сына, до тѣхъ поръ, покуда я, согласно книжкѣ, долженъ былъ подать реплику: „O, dieux!“

Но что бы мы ни играли, всѣ наши представленія неизмѣнно заканчивались адомъ. Мы тушили всѣ свѣчи, кромѣ одной, которую ставили за прозрачный экранъ, намазанный сурикомъ, что должно было изображать пламя. Мы съ братомъ затѣмъ прятались и принимались отчаянно выть, какъ осужденные грѣшники. Ульяна не любила поминать чорта къ ночи и пугалась, но я задаю себѣ вопросъ, не содѣйствовало ли это слишкомъ конкретное представленіе ада, при помощи сальной свѣчки и листа бумаги, тому, что мы съ братомъ въ раннемъ возрастѣ освободились отъ страха геены огненной. Наше представленіе было слишкомъ реально, чтобы не пробудить скептицизма.

Вѣроятно, я былъ очень малъ, когда увидалъ знаменитыхъ московскихъ актеровъ: Щепкина, Садовскаго и Шумскаго въ „Ревизорѣ“ и въ „Свадьбѣ Кречинскаго“. Тѣмъ не менѣе, я живо помню не только всѣ выдающіяся сцены въ обѣихъ комедіяхъ, но даже интонацію нашихъ великихъ актеровъ реалистической школы: ихъ игра такъ сильно запечатлѣлась во мнѣ, что когда я впослѣдствіи видѣлъ тѣ же пьесы въ Петербургѣ въ исполненіи актеровъ французской декламаторской школы, я не могъ выносить ихъ. Я сравнивалъ этихъ актеровъ съ Щепкинымъ и Садовскимъ, установившимъ мой вкусъ въ драматическомъ искусствѣ. Это наводитъ меня кстати на мысль, что родители, желающіе воспитать въ дѣтяхъ художественный вкусъ, должны ихъ брать изрѣдка въ театръ, смотрѣть хорошихъ актеровъ въ хорошихъ пьесахъ, а не такъ называемыя дѣтскія пантомимы.

V

На восьмомъ году въ моей жизни произошло событіе, опредѣлившее, какъ пойдетъ мое дальнѣйшее

воспитаніе. Я не знаю въ точности по какому случаю, но полагаю, что по поводу двадцати-пятилѣтія со дня вступленія на престолъ Николая I,—въ Москвѣ подготовлялся грандіозный балъ. Дворъ долженъ былъ прибыть въ старую столицу, и московское дворянство рѣшило ознаменовать событіе костюмированнымъ баломъ, въ которомъ дѣтямъ предстояло принять видное участіе. Рѣшено было, что привѣтствовать государя должны всѣ различныя народности, входящія въ составъ имперіи. Какъ у насъ, такъ и у сосѣдей шли большія приготовленія. Для нашей мачихи былъ приготовленъ замѣчательный русскій костюмъ. Такъ какъ отецъ былъ военный, то, разумѣется, онъ долженъ былъ явиться въ мундирѣ; но тѣ изъ нашихъ родственниковъ, которые не служили, не менѣе дамъ были заняты приготовленіемъ русскихъ, греческихъ, кавказскихъ, монгольскихъ и другихъ костюмовъ. Когда московское дворянство даетъ балъ государю, вечеръ долженъ отличаться необыкновенной пышностью. Насъ съ братомъ считали слишкомъ молодыми, чтобы принять участіе въ торжествѣ.

Но въ концѣ концовъ, я попалъ таки на балъ. Наша мать очень дружила съ Назимовой, женой генерала, который былъ виленскимъ губернаторомъ, когда заговорили объ освобожденіи крѣпостныхъ. Назимовой, очень красивой женщинѣ, предстояло явиться въ сопровожденіи десятилѣтняго сына, въ великолѣпномъ костюмѣ персидской царевны. Соотвѣтственно и сынъ долженъ былъ быть въ очень богатомъ костюмѣ, перехваченномъ поясомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Но мальчикъ заболѣлъ какъ разъ передъ баломъ, и Назимова рѣшила, что одинъ изъ сыновей ея лучшаго друга лучше всего замѣнитъ больного. Насъ съ Сашей повезли къ Назимовой, чтобы примѣрить костюмъ. Онъ оказался коротокъ для Александра, который былъ гораздо выше меня ростомъ; но мнѣ костюмъ пришелся какъ разъ въ пору. Въ силу этого рѣшили, что изображать персидскаго царевича буду я.

Громадный залъ собранія московскаго дворянства былъ наполненъ гостями. Каждому изъ дѣтей вручили жезлъ съ гербомъ одной изъ шестидесяти губерній Россійской имперіи. На моемъ жезлѣ значился орелъ, парящій надъ голубымъ моремъ, что, какъ я узналъ впослѣдствіи, изображало гербъ Астраханской губерніи. Насъ выстроили въ концѣ громаднаго зала; затѣмъ мы попарно подходили къ возвышенію, на которомъ находились императоръ и его семья. Когда мы подходили, то расходились направо и налѣво и выстраивались, такимъ образомъ, въ одинъ рядъ предъ возвышеніемъ. Тогда, по данному намъ приказанію, мы склонили всѣ жезлы съ гербами передъ Николаемъ.... Апоѳеозъ самодержавія вышелъ очень эффектный. Николай былъ въ восторгѣ. Всѣ провинціи преклонялись предъ верховнымъ правителемъ. Затѣмъ мы, дѣти, стали медленно уходить въ глубь залы.

Но тутъ произошло нѣкоторое замѣшательство; засуетились камергеры въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, и меня вывели изъ рядовъ. Мой дядя, князь Гагаринъ, одѣтый тунгусомъ (я не могъ наглядѣться на его кафтанъ изъ тонкой замши, на его лукъ и на колчанъ, наполненный стрѣлами) поднялъ меня на руки и поставилъ на платформу предъ царемъ.

Не знаю, потому ли, что я былъ самый маленькій въ процессіи, или потому, что мое круглое лицо съ кудрями казалось особенно потѣшно подъ высокой смушковой шапкой, но Николай пожелалъ видѣть меня на платформѣ. Мнѣ потомъ сказали, что Николай, любившій всегда казарменныя остроты, взялъ меня за руку, подвелъ къ Маріи Александровнѣ (женѣ наслѣдника), которая тогда ждала третьяго ребенка и, по солдатски, сказалъ ей: „вотъ какихъ молодцовъ мнѣ нужно!“ Эта острота, конечно, заставила Марію Александровну покраснѣть. Во всякомъ случаѣ, я очень хорошо помню, какъ Николай спросилъ: хочу ли я конфектъ? на что я отвѣтилъ, что хотѣлъ бы имѣть крендельковъ, которые намъ подавали къ чаю въ торжественныхъ случаяхъ. Ни-

колай подозвалъ лакея и высыпалъ полный подносъ въ мою высокую шапку.

„Я отвезу ихъ Сашѣ“, сказалъ я Николаю.

Въ концѣ концовъ фельдфебелеобразный братъ Николая, Михаилъ, имѣвшій репутацію остряка, ухитрился таки заставить меня заплакать.

— Когда ты пай-дитя, тебя гладятъ вотъ такъ, — сказалъ онъ и провелъ своею большою рукою по моему лицу сверху внизъ.

— Когда же ты шалишь, тебя гладятъ вотъ эдакъ,— и онъ провелъ рукой вверхъ, сильно нажимая носъ, который и безъ того проявлялъ уже наклонность расти кверху. На моихъ глазахъ показались слезы, которыя я напрасно старался удержать. Дамы, впрочемъ, заступились за меня. Добрая Марья Александровна взяла меня подъ свое покровительство. Она усадила меня рядомъ съ собою на высокій съ золоченой спинкой бархатный стулъ. Мнѣ говорили впослѣдствіи, что я скоро заснулъ, положивъ голову ей на колѣни, а она не вставала съ мѣста во все время бала. Помню я также, что родные, когда мы дожидались кареты, гладили меня по головѣ, цѣловали и говорили: „Петя, ты назначенъ пажемъ!“ на что я отвѣчалъ: „я не пажъ, я домой хочу“, и очень былъ озабоченъ моей шапкой, въ которой лежали предназначенные для Саши крендельки.

Не знаю, много ли ихъ досталось Сашѣ; но помню, что крѣпко обнялъ онъ меня, когда ему сказали, какъ я безпокоился о шапкѣ.

Быть записаннымъ въ кандидаты въ пажескій корпусъ считалось тогда большою милостью. Николай рѣдко ее оказывалъ московскому дворянству. Отецъ мой былъ въ восторгѣ и мечталъ уже о той блестящей карьерѣ, которую сдѣлаетъ при дворѣ сынъ. Когда моя мачиха разсказывала это событіе, она никогда не забывала прибавить: „а все это потому, что я его благословила предъ баломъ“.

Назимова была въ восторгѣ и заказала акварельный портретъ, на которомъ изображена она въ персидскомъ костюмѣ, и я—рядомъ съ ней.

Черезъ годъ рѣшилась также судьба Александра. Въ это время праздновался въ Петербургѣ юбилей Измайловскаго полка, въ которомъ отецъ служилъ въ молодости. Разъ ночью, когда въ домѣ всѣ спали глубокимъ сномъ, у воротъ остановилась, гремя колокольчиками, тройка. Выскочилъ изъ кибитки фельдъегерь и громко крикнулъ: „Отоприте! Приказъ отъ его величества государя императора!..“

Можно легко себѣ представить, какой ужасъ нагнало на весь домъ это ночное посѣщеніе. Дрожащій отецъ спустился въ кабинетъ. „Военный судъ, разжалованье въ солдаты“—мерещилось тогда каждому офицеру. То было вѣдь ужасное время. Оказалось, однако, что Николай просто пожелалъ имѣть имена всѣхъ сыновей офицеровъ, когда либо служившихъ въ Измайловскомъ полку, чтобы распредѣлить мальчиковъ по военнымъ учебнымъ заведеніямъ, если это еще не было сдѣлано. Съ этой-то цѣлью и послали изъ Петербурга въ Москву курьера, который и днемъ и ночью стучался въ дома всѣхъ бывшихъ офицеровъ Измайловскаго полка.

Дрожащей рукой отецъ записалъ, что его старшій сынъ Николай уже учится въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, что младшій сынъ Петръ—кандидатъ въ Пажескій корпусъ и что остается лишь средній сынъ Александръ, который еще не поступилъ въ военно-учебное заведеніе. Черезъ нѣсколько недѣль пришла бумага, извѣщавшая отца о „монаршей милости“. Александра повелѣвалось опредѣлить въ Орловскій кадетскій корпусъ. Отцу стоило не мало хлопотъ и денегъ, чтобы добиться позволенія опредѣлить Александра въ Московскій кадетскій корпусъ. Новая „милость“ была оказана только въ виду того, что старшій сынъ уже учился въ этомъ корпусѣ.

Такимъ образомъ, по волѣ Николая I, намъ обоимъ предстояло получить военное воспитаніе, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы возненавидѣли военную службу по причинѣ ея нелѣпости. Но Николай бдительно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ сыновья дворянъ, кромѣ хворыхъ,

избирали бы только военную карьеру. Такимъ образомъ, къ великому утѣшенію отца, мы всѣ трое должны были стать офицерами.

VI

Въ то время богатство измѣрялось числомъ „душъ“, которыми владѣлъ помѣщикъ. „Души“ означали крѣпостныхъ мужского пола. Женщины въ счетъ не шли. Мой отецъ считался богатымъ человѣкомъ. У него было около 1200 душъ въ трехъ различныхъ губерніяхъ и еще большія земли. Онъ жилъ соотвѣтственно положенію. Это значило, что домъ былъ открытъ для гостей и что отецъ держалъ многочисленную дворню. Въ семьѣ насъ было восемь человѣкъ, иногда десять или двѣнадцать; между тѣмъ, пятьдесятъ человѣкъ прислуги въ Москвѣ и около шестидесяти въ деревнѣ не считалось слишкомъ большимъ штатомъ. Тогда казалось бы непонятнымъ, какъ можно обойтись безъ четырехъ кучеровъ, смотрѣвшихъ за двѣнадцатью лошадьми, безъ трехъ поваровъ для господъ и кухарокъ для людей, безъ двѣнадцати лакеевъ, прислуживавшихъ за столомъ во время обѣда (за каждымъ обѣдающимъ стоялъ лакей съ тарелкой) и безъ безчисленныхъ горничныхъ въ дѣвичьей.

Въ то время завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ изготовлялось собственными крѣпостными людьми. Все это вотъ для чего. Если кто-нибудь изъ гостей замѣтитъ:

„Какъ хорошо настроенъ вашъ рояль. Вашъ настройщикъ, вѣроятно, Шиммель?“

То истинный баринъ отвѣчалъ:

— У меня собственный настройщикъ.

— Что за прекрасное пирожное! — бывало, воскликнетъ кто-нибудь изъ гостей, когда къ концу обѣда появлялось своего рода художественное произведеніе изъ мороженнаго и печеній. — Признайтесь, князь, это отъ Tremblé (модный кондитеръ того времени)?

— Нѣтъ, это дѣлалъ мой собственный кондитеръ, ученикъ Tremblé. Я позволилъ ему сегодня показать свое искусство.

Завѣтнымъ желаніемъ каждаго богатаго и знатнаго помѣщика было имѣть мебель, сбрую, вышивки, словомъ все, отъ собственныхъ мастеровъ. Когда дѣтямъ дворовыхъ исполнялось десять лѣтъ, ихъ отдавали на выучку въ модныя мастерскія. Пять или семь лѣтъ они подметали лавку, получали безчисленныя колотушки и состояли, главнымъ образомъ, на побѣгушкахъ. Я долженъ сказать, что не многіе выучивались въ совершенствѣ ремеслу. Портные и сапожники могли шить платье и сапоги только на прислугу; когда же нужно было дѣйствительно хорошее пирожное, его заказывали у Трамблэ, а нашъ кондитеръ въ это время игралъ на барабанѣ въ крѣпостномъ оркестрѣ. Этотъ оркестръ былъ другимъ пунктомъ тщеславія моего отца; почти каждый дворовый, помимо своего ремесла, состоялъ еще басомъ или кларнетомъ въ оркестрѣ. Настройщикъ Макаръ, онъ же помощникъ дворецкаго, игралъ также на флейтѣ. Портной Андрей игралъ на волторнѣ. Обязанностью же кондитера было вначалѣ бить въ барабанъ; но онъ такъ усердствовалъ, что оглушалъ всѣхъ. Тогда ему купили чудовищную трубу въ надеждѣ, что, быть можетъ, легкими онъ не будетъ въ состояніи производить такой шумъ, какъ руками. Но когда и эта надежда не оправдалась, его сдали въ солдаты. Что же касается рябого Тихона, то помимо безчисленныхъ обязанностей въ домѣ, въ роли ламповщика, полотера или выѣзднаго лакея, онъ еще не безъ пользы помогалъ въ оркестрѣ, сегодня на тромбонѣ, завтра на контръ-басѣ, а не то и какъ вторая скрипка.

Двѣ первыя скрипки составляли единственное исключеніе изъ правила. Онѣ были только скрипками. Отецъ купилъ ихъ за большія деньги, съ семьями, у сестеръ (онъ никогда не покупалъ крѣпостныхъ у постороннихъ и не продавалъ людей чужимъ). И вотъ, по вечерамъ, когда отецъ не уѣзжалъ въ клубъ, или когда у насъ

бывали гости, игралъ оркестръ изъ двѣнадцати или пятнадцати музыкантовъ и игралъ очень недурно. На нашъ оркестръ былъ большой спросъ, когда сосѣди, въ особенности, въ деревнѣ, устраивали вечера съ танцами. Каждый разъ, конечно, въ подобныхъ случаяхъ нужно было спросить разрѣшеніе отца.

Ничто не доставляло отцу такое удовольствіе, какъ когда къ нему обращались съ просьбой по поводу оркестра или чего-либо другого: напримѣръ, опредѣлить мальчика на казенный счетъ въ школу или освободить кого-нибудь отъ наказанія, наложеннаго судомъ. Хотя отецъ способенъ былъ на взрывы бѣшенства, но по натурѣ, безъ сомнѣнія, онъ былъ довольно мягкій человѣкъ. И когда къ нему обращались за протекціей, онъ писалъ десятки писемъ во всѣ стороны, ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, которыя могли быть полезны его protégé. Въ такихъ случаяхъ его и безъ того не малая переписка увеличивалась еще полдюжиной спеціальныхъ писемъ, написанныхъ въ крайне характерномъ, полуоффиціальномъ, полу-шуточномъ тонѣ. Каждое письмо, конечно, запечатывалось гербовой печатью отца. Большой квадратный конвертъ шумѣлъ, какъ дѣтская погремушка по причинѣ песка, которымъ густо посыпалось письмо. Промокательную бумагу въ то время еще не знали. Чѣмъ труднѣе была просьба, тѣмъ большую энергію проявлялъ отецъ, покуда не добивался просимаго для protégé, котораго во многихъ случаяхъ никогда даже въ глаза не видалъ.

Отецъ мой любилъ, чтобы у него были гости. Обѣдали мы въ четыре, а въ семь вся семья собиралась вокругъ самовара. Въ это время могъ приходить всякій, принадлежавшій къ нашему кругу. Въ особенности, не было недостатка въ гостяхъ, когда Лена возвратилась изъ института. Если въ окнахъ, выходившихъ на улицу, былъ свѣтъ, знакомые знали, что наши — дома и что гостямъ будутъ рады.

Гости собирались почти каждый вечеръ. Въ залѣ раскрывались ломберные столы. Молодежь же и дамы

оставались въ гостиной или же собирались возлѣ Ленинаго рояля. Послѣ ухода дамъ, картежная игра продолжалась до разсвѣта, и значительныя суммы переходили тогда изъ рукъ въ руки. Отецъ мой постоянно проигрывалъ. Опасной для него, однако, являлась игра не дома, а въ англійскомъ клубѣ, гдѣ ставки были выше. Въ особенности, опасно было, когда отца звали на партію „съ очень почтенными господами“ въ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ домовъ въ Старой Конюшенной, гдѣ большая игра шла всю ночь. Въ подобныхъ случаяхъ отецъ проигрывалъ очень много.

Нерѣдко устраивались танцовальные вечера, не говоря уже о двухъ обязательныхъ балахъ каждую зиму. Въ подобныхъ случахъ отецъ не смотрѣлъ на издержки, а устраивалъ все, какъ можно лучше. Въ то же время, въ будничной нашей жизни проявлялась такая скаредность, что если бы я сталъ разсказывать подробности, ихъ сочли бы за преувеличеніе. Объ одномъ претендентѣ на французскій престолъ, который прославился великолѣпными охотничьими партіями, говорятъ, что въ его домѣ даже сальные огарки были на счету. Такая же мелочная экономія во всемъ практиковалась и въ нашемъ домѣ, и скупость доходила до того, что мы, дѣти, когда выросли, возненавидѣли бережливость и разсчетъ. Впрочемъ, въ Старой Конюшенной такая манера жить заставила лишь всѣхъ относиться еще съ большимъ уваженіемъ къ отцу.

— Старый князь,—говорили всѣ,—скуповатъ на домашніе расходы, зато ужъ знаетъ, какъ слѣдуетъ жить дворянину.

На нашихъ тихихъ и чистенькихъ уличкахъ именно такая жизнь уважалась въ особенности. Одинъ изъ нашихъ сосѣдей, генералъ Д., велъ домъ на широкую ногу; а между тѣмъ ежедневно между бариномъ и поваромъ происходили крайне комическія сцены. Послѣ завтрака старый генералъ, посасывая трубку, самъ заказывалъ обѣдъ.

— Ну, братецъ,—говорилъ онъ повару, въ бѣлоснѣж-

ной курткѣ и колпакѣ, — сегодня насъ будетъ немного, не болѣе двухъ-трехъ гостей. Ты соорудишь супъ, знаешь, съ какой-нибудь первинкой: съ зеленымъ горошкомъ, фасолью...

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Затѣмъ смастери, что хочешь самъ, на второе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

— Конечно, спаржа еще дороговата, хотя я видѣлъ вчера въ лавкѣ такіе славные пучки.

— Точно такъ, ваше превосходительство, по четыре цѣлковыхъ за пучекъ.

— Совершенно вѣрно. Ну, твои жареные цыплята и индѣйки намъ надоѣли до смерти. Ты приготовь намъ что-нибудь новое.

— Не прикажете ли дичи, ваше превосходительство?

— Да, да, братецъ, что-нибудь такое.

Когда всѣ шесть блюдъ бывали обсуждены, старый генералъ спрашивалъ:

— Ну, а сколько тебѣ дать на расходы? я думаю, три рубля хватитъ.

— Десять цѣлковыхъ, ваше превосходительство.

— Не говори глупостей, любезный. Вотъ тебѣ три рубля. Я знаю, что ихъ—за глаза достаточно.

— Какъ же такъ! Четыре цѣлковыхъ за спаржу да два съ полтиной за зелень.

— Ну, слушай, любезный, посовѣстись. Такъ и быть, прибавлю еще три четвертака, а ты экономничай.

Торгъ, такимъ образомъ, продолжался около получаса. Наконецъ, сходились на семи рубляхъ съ четвертакомъ, съ условіемъ, чтобъ обѣдъ на другой день стоилъ бы не больше полутора рублей. Генералъ, счастливый тѣмъ, что устроилъ все такъ выгодно, приказывалъ закладывать сани и отправлялся въ модныя лавки, откуда возвращался сіяющій и привозилъ женѣ флаконъ тонкихъ духовъ, за который заплатилъ бѣшеную цѣну во французскомъ магазинѣ. Единственной дочери онъ сообщалъ при этомъ, что пришлютъ отъ мадамъ такой-то

для примѣрки „очень простенькую“ и очень дорогую, бархатную мантилью.

Вся наша безчисленная родня со стороны отца жила точно такимъ же образомъ. Если порой проявлялись какія-нибудь новыя стремленія, они, обыкновенно, принимали религіозную форму. Такъ, напримѣръ, къ великому смущенію „всей Москвы“ одинъ князь Гагаринъ поступилъ въ орденъ іезуитовъ; другой молодой князь пошелъ въ монастырь, а нѣсколько старыхъ дамъ стали отчаянными святошами.

Бывали и исключенія. Одинъ изъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ, назову его Мирскимъ, провелъ молодость въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ гвардіи. Имѣть крѣпостного портного или мебельщика его не занимало. Домъ его былъ великолѣпно убранъ, а платье онъ носилъ отъ лучшаго портного. Онъ не любилъ картъ и игралъ лишь съ дамами; за то его слабостью была ѣда, на которую онъ тратилъ невѣроятныя деньги.

Въ особенности развертывался онъ во время поста и Пасхи. Постомъ онъ погружался всецѣло въ изобрѣтеніе тонкихъ рыбныхъ блюдъ. Съ этой цѣлью онъ перерывалъ лавки въ обѣихъ столицахъ. Изъ вотчинъ командировались спеціальные гонцы къ устьямъ Волги, чтобы доставить оттуда на почтовыхъ (желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было) громаднаго осетра или какой-нибудь необыкновенный балыкъ. Когда же наступала Пасха, его изобрѣтательности не было конца.

Пасха—наиболѣе чтимый и наиболѣе веселый праздникъ въ Россіи, — праздникъ весны. Таютъ громадные сугробы, лежащіе всю зиму, и бурные ручьи бѣгутъ по улицамъ. Весна приходитъ не какъ татъ, крадучись незамѣтно, но открыто. Каждый день замѣчается перемѣна какъ въ снѣжныхъ сугробахъ, такъ и въ наливающихся почкахъ. Ночные морозы лишь слегка замедляютъ оттепель. Въ мое время Страстная недѣля встрѣчалась въ Москвѣ необыкновенно торжественно. Толпы народа ходили въ церкви, особенно въ четвергъ, послушать тѣ трогательныя мѣста Евангелія, въ которыхъ говорится

о страданіяхъ Христа. На Страстной не ѣли даже рыбной пищи, а наиболѣе благочестивые вовсе не касались ѣды въ Страстную Пятницу. Тѣмъ болѣе разителенъ былъ переходъ къ Пасхѣ.

Въ субботу всѣ отправлялись ко всенощной. Начало ея, какъ извѣстно, очень печально. Но въ полночь возвѣщается о Воскресеніи Христовомъ. Всѣ церкви разомъ освѣщаются. Съ сотенъ колоколенъ раздается радостный трезвонъ колоколовъ. Начинается всеобщее веселье... Церкви, залитыя свѣтомъ, пестрѣютъ нарядными туалетами дамъ. Даже самая бѣдная женщина постарается на Пасху надѣть обновку, и если она шьетъ себѣ новое платье только разъ въ годъ, то сошьетъ его, конечно, къ этому дню.

Какъ и тогда, такъ и теперь Пасха является также временемъ крайней невоздержанности въ пищѣ. Въ богатыхъ домахъ готовятся къ этому времени самые вычурные пасхи и куличи, и какъ бы бѣденъ кто не былъ, онъ долженъ имѣть хотя бъ одну пасху и маленькій куличъ и хотя бы одно красное яйцо, чтобы освятить ихъ въ церкви и разговѣться.

Большинство начинало ѣсть ночью, послѣ заутрени, непосредственно послѣ того, какъ освященные куличи приносились изъ церкви. Въ богатыхъ же барскихъ домахъ розговѣнье откладывалось до Воскресенья. Къ утру накрывался громадный столъ и устанавливался всякаго рода яствами, и, когда господа выходили въ столовую, вся многочисленная дворня, вплоть до послѣдней судомойки, приходила христосоваться.

Всю пасхальную недѣлю въ залѣ стоялъ накрытый столъ, и гости приглашались закусить. И въ этомъ случаѣ князь Мирскій превосходилъ самого себя. Бывалъ ли онъ въ Петербургѣ или же въ Москвѣ, гонцы одинаково привозили ему изъ деревни нарочито приготовленный творогъ для пасокъ, изъ котораго поваръ мастерилъ своего рода художественныя произведенія. Другой нарочный скакалъ въ новгородскую деревню за медвѣжьимъ окорокомъ, который спеціально коптился для княжескаго пасхальнаго стола.

Княгиня бывала всю страстную недѣлю въ очень удрученномъ настроеніи, посѣщая съ двумя дочерьми самые суровые монастыри, гдѣ каждая всенощная длилась по три и по четыре часа, и съѣдая только кусокъ черстваго хлѣба въ промежуткахъ между службами и посѣщеніемъ православныхъ, католическихъ и протестантскихъ проповѣдниковъ. А мужъ ея, въ это время, каждое утро объѣзжалъ знаменитыя Милютины лавки, гдѣ гастрономы находятъ деликатесы со всѣхъ концовъ земли. Здѣсь князь выбиралъ для пасхальнаго стола все самое дорогое и тонкое. Зато во время пасхальной недѣли сотни гостей являлись къ нему, и ихъ просили „только попробовать“ ту или другую диковину.

Кончилось тѣмъ, что князь ухитрился буквально проѣсть свое значительное состояніе. Его роскошно-омеблированный домъ и прекрасное имѣнье продали, и на старости лѣтъ у князя и княгини ничего не осталось, не было даже своего угла. Они должны были жить у дѣтей.

Такъ шла жизнь въ нашихъ краяхъ, и нечего удивляться поэтому, что послѣ освобожденія крестьянъ почти вся Старая Конюшенная разорилась. Но я забѣгаю впередъ.

VII

Было бы разорительно содержать такую многочисленную дворню, какъ у насъ, если бы приходилось всю провизію покупать въ Москвѣ. Но во время крѣпостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ:

„Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Сиренѣ, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера, —**приказъ:**

„По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать пять крестьянскихъ парныхъ

подводъ, по лошади отъ двора, да по человѣку и по дровнямъ отъ другаго; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также куръ, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми". Въ томъ же духѣ шли двѣ страницы до точки. Далѣе шло перечисленіе наказаній, которыя постигнутъ виновниковъ, если провизія не прибудетъ во время и въ хорошемъ состояніи въ домъ номеръ такой-то и на такой-то улицѣ.

Не задолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней дѣйствительно въѣзжали въ ворота и заполняли весь громадный дворъ.

Какъ только докладывалось отцу объ этомъ важномъ событіи, онъ начиналъ звать громко:

— Фролъ! Кирюшка! Егорка! Гдѣ вы тамъ! Все раскрадутъ! Фролъ! ступай принимать овесъ. Ульяна! ступай принимать птицу. Кирюшка! зови княгиню!

Во всемъ домѣ начиналось смятеніе. Слуги метались, какъ угорѣлые, во всѣ стороны, изъ передней во дворъ, а изъ двора опять въ переднюю, но главнымъ образомъ, въ дѣвичью, чтобы сообщить никольскія новости. „Паша выходитъ замужъ послѣ Рождества. Тетка Анна отдала Богу душу", и т. п. Прибывали также и письма изъ деревни. Вскорѣ которая-нибудь изъ горничныхъ уже пробиралась наверхъ въ мою комнату.

— Петенька, вы одни? Учителя нѣтъ?

— Нѣтъ, онъ въ университетѣ.

— Такъ ты, пожалуйста, прочитай письмо отъ матери.

И я принимался читать наивное письмо, которое неизмѣнно начиналось словами: „Родители шлютъ тебѣ свое благословленіе навѣки нерушимое". Затѣмъ слѣдовали уже новости. „Тетка Афросинья больна, ноютъ у ней всѣ кости. Братанъ еще не женился, но уповаемъ, женится на красную горку. Тетки Степаниды корова пала на Всѣхъ Святыхъ". За новостями шли двѣ страницы поклоновъ: „Братецъ Павелъ посылаетъ поклонъ, и сестрицы Марья да Дарья шлютъ поклонъ и еще низ-

кій поклонъ отъ дяди Митрія", и т. д. Несмотря на монотонность перечисленія, каждое имя вызывало какое-нибудь замѣчаніе. „Значитъ, еще жива, бѣдная! Вотъ уже девять лѣтъ, какъ она лежитъ пластомъ". Или „Ишь, не забылъ меня. Значитъ, вернулся къ Рождеству. Такой славный парень. Вы напишете мнѣ письмецо? Тогда и его не забыть бы". Я обѣщалъ, конечно, и въ должное время писалъ письмо точно въ такомъ же родѣ.

Когда сани бывали разгружены, передняя наполнялась крестьянами. Они стояли въ армякахъ поверхъ полушубковъ и дожидались, покуда отецъ позоветъ ихъ въ кабинетъ, чтобы разспросить о томъ, каковъ снѣгъ выпалъ и каковы виды на урожай. Они робѣли ступать по навощенному паркету, и немногіе рѣшались присѣсть на кончикъ дубовой скамьи. Они наотрѣзъ отказывались отъ стульевъ. Такъ они дожидались цѣлыми часами, глядя съ тоской на каждаго входившаго или же выходившаго изъ кабинета.

Нѣсколько попозже, обыкновенно на другой день, кто-нибудь изъ слугъ украдкой пробирался въ нашу классную комнату.

— Князинька, вы одни?

— Да.

— Такъ бѣгите скорѣе въ переднюю. Мужики хотятъ васъ видѣть. Гостинцы привезли отъ кормилицы.

Когда я спускался въ переднюю, кто-нибудь изъ крестьянъ вручалъ мнѣ узелокъ съ гостинцемъ: нѣсколько ржаныхъ лепешекъ, полдюжины крутыхъ яицъ и нѣсколько яблокъ. Все это бывало завязано въ пестрый ситцевый платокъ.

— Вотъ это тебѣ гостинцы отъ кормилицы Василисы. Ужъ не замерзли ли яблоки? Авось нѣтъ. Я ихъ всю дорогу держалъ за пазухой. Да уже не дай Богъ какой морозъ!—И широкое, бородатое лицо сіяло отъ улыбки, а изъ подъ густой стрѣхи усовъ сверкали два ряда ослѣпительныхъ зубовъ.

— А это для братца отъ его кормилицы Анны, — прибавлялъ другой, вручая мнѣ такой же узелокъ: Бѣд-

ный,—сказывала она,—поди никогда не доѣстъ-то тамъ въ корпусѣ.

Я краснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ, я бормоталъ: „Скажи Василисѣ, что я цѣлую ее; тоже самое скажи Аннѣ отъ брата". При этомъ лица у крестьянъ еще болѣе расцвѣтали.

— Да, ужо передамъ, само собою.

Кирилла, который караулилъ у дверей отцовскаго кабинета, начиналъ шептать: „бѣгите скорѣе наверхъ, папаша сейчасъ выйдутъ". — „Не забудьте платокъ; они хотятъ его взять обратно", шепталъ онъ, догоняя меня на лѣстницѣ; и когда я тщательно складывалъ поношенный платокъ, мнѣ сильно хотѣлось послать Василисѣ что-нибудь. Но у меня ничего не было, не было даже игрушекъ. Никогда намъ не давали карманныхъ денегъ.

Лучшее наше время было, конечно, въ деревнѣ. Когда проходила Пасха и Троица, всѣ наши мысли бывали сосредоточены на Никольскомъ. Но время шло; по нашимъ соображеніямъ, сирень должна была уже отцвѣсти въ деревнѣ, а, между тѣмъ, тысяча дѣлъ все еще задерживала отца въ городѣ. Наконецъ, во дворъ въѣзжало пять или шесть крестьянскихъ телѣгъ, чтобы забрать все необходимое для деревни. Выкатывались и еще разъ осматривались старинная карета и другіе экипажи, въ которыхъ мы должны были ѣхать. Начинали укладывать сундуки. Ученье наше подвигалось медленно. Ежеминутно мы прерывали учителей вопросами, слѣдуетъ ли съ собой взять ту или другую книгу. Гораздо раньше остальныхъ, мы начинали укладывать наши книги, доски и самодѣльныя игрушки.

Наконецъ, все готово: возы нагружены необходимой для деревни мебелью, ящиками съ кухонной посудой и безчисленными пустыми банками для варенья и соленья. Мужики цѣлыми часами ждутъ ежедневно въ передней. Но приказъ тронуться въ путь еще не отдавался. Отецъ все писалъ по утрамъ въ кабинетѣ, а вечеромъ уходилъ въ клубъ. Наконецъ вмѣшивалась мачиха, такъ какъ ея

горничная рѣшалась доложить, что мужикамъ давно пора домой, такъ какъ близится сѣнокосъ.

На слѣдующее утро звали въ кабинетъ дворецкаго Фрола и первую скрипку Михайлу Алѣева. Дворецкому вручался мѣшокъ съ кормовыми деньгами для 40—50 человѣкъ, которые должны были сопровождать насъ въ Никольское, и „реестръ". Въ немъ перечислялись всѣ: оркестръ въ полномъ составѣ, затѣмъ повара и поваренки, прачки и подъ-прачка, надѣленная шестью ребятишами, Полька Косая, Домна Большая и Домна Малая. Никто не былъ забытъ.

Первой скрипкѣ вручался маршрутъ. Я помню его хорошо, потому что отецъ, видя, что самъ никогда не управится, всегда бывало велитъ мнѣ переписать маршрутъ въ книгу для „исходящихъ бумагъ".

„Моему дворовому Михайлу Алѣеву, отъ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера — приказъ:

„Предписывается тебѣ тронуться съ моимъ обозомъ 29 мая, въ шесть часовъ утра, изъ города Москвы въ деревню мою Никольское, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Сиренѣ, въ 200 верстахъ отъ сего дома; смотрѣть за хорошимъ поведеніемъ людей, порученныхъ тебѣ, а если кто либо изъ нихъ провинится въ пьянствѣ или неповиновеніи, то ты долженъ доставить виновнаго къ начальнику гарнизонной службы, вмѣстѣ съ приложеннымъ циркулярнымъ письмомъ, и просить о наказаніи онаго (первая скрипка понималъ уже кого) въ примѣръ другимъ.

„Приказывается тебѣ въ особенности смотрѣть за цѣлостью вещей, довѣренныхъ тебѣ, и ѣхать согласно маршруту: первый день остановиться въ такой-то деревнѣ покормить лошадей; второй день ночевать въ городѣ Подольскѣ". И такъ далѣе точно было указано, какъ провести всѣ семь или восемь дней въ пути.

На слѣдующій день, въ десять, вмѣсто шести—точность не въ числѣ русскихъ добродѣтелей („Слава Богу, мы не нѣмцы")—обозъ трогался въ путь. Слугамъ предстояло итти пѣшкомъ. Лишь ребятишкамъ уступалось

мѣсто, гдѣ-нибудь въ ваннѣ или же въ ящикѣ на самомъ верху нагруженнаго воза, да женщины иногда могли присѣсть на край телѣги. Остальные шли пѣшкомъ всѣ двѣсти верстъ. Покуда шли Москвой, соблюдалась дисциплина: безусловно было запрещено запрятывать панталоны въ сапоги и опоясываться поясомъ. Но когда дня черезъ два мы нагоняли обозъ, въ особенности, если было извѣстно, что отецъ останется въ Москвѣ, мы находили нѣсколько иную картину. Мужчины и женщины, въ какихъ-то невѣроятныхъ армякахъ, подпоясанныхъ платками, шагали, подпираясь палками, вырѣзанными въ лѣсу по дорогѣ. Загорѣлые отъ солнца или же промоченные дождемъ, они походили скорѣе на кочующій цыганскій таборъ, чѣмъ на дворовыхъ богатаго помѣщика. Такъ странствовали въ то время дворовые всѣхъ барскихъ домовъ. Когда мы видѣли толпу слугъ, проходившихъ по одной изъ нашихъ улицъ, мы знали уже, что Апухтины или Прянишниковы перебираются. Обозъ выѣзжалъ, а семья наша все еще не трогалась. Намъ всѣмъ страшно надоѣдало ожиданіе. Но отецъ все писалъ бурмистрамъ приказы, а я тщательно переписывалъ ихъ въ книгу „исходящихъ бумагъ“. Наконецъ, отдавалось приказаніе тронуться въ путь. Насъ всѣхъ сзывали внизъ. Отецъ прочитывалъ громко маршрутъ „княгинѣ Кропоткиной, женѣ князя Алексѣя Петровича Кропоткина, полковника и кавалера“. Въ бумагѣ подробно перечислялось, гдѣ слѣдуетъ останавливаться въ продолженіе пятидневнаго путешествія. Нужно сказать, что приказъ былъ на 30-е мая, и отъѣздъ назначался въ шесть часовъ утра; между тѣмъ, май прошелъ, и выѣзжали мы въ полдень, что разстраивало всѣ вычисленія. Но, какъ всегда въ военныхъ приказахъ о походѣ, это обстоятельство было предусмотрѣно и оговорено въ слѣдующемъ параграфѣ: „Если же, паче чаянія, отъѣздъ вашего сіятельства не состоится въ назначенный день и часъ, вы уполномачиваетесь поступать согласно собственному усмотрѣнію, дабы привести оное путешествіе къ благополучному окончанію“.

Затѣмъ вся семья и прислуга садились на минуту, крестились и прощались съ отцомъ. „Умоляю тебя, Алексисъ, не ходи въ клубъ,"—шептала мачиха. Большая карета, запряженная четверкой, съ форейторомъ впереди, дожидалась у подъѣзда. Подножка лѣсенкой откидывалась. Мѣста наши въ каретѣ были точно указаны въ маршрутѣ, но такъ какъ всѣ не умѣщались, то мачихѣ тутъ же приходилось распорядиться „согласно собственному усмотрѣнію". Наконецъ, къ всеобщему удовольствію мы трогались.

Дорога являлась неистощимымъ источникомъ удовольствія для насъ, дѣтей. Переѣзды были короткіе, и мы останавливались дважды въ день, чтобы покормить лошадей. Такъ какъ дамы кричали при малѣйшей неровности дороги, то на всѣхъ спускахъ и подъемахъ, т. е. почти безпрестанно, приходилось вылѣзать изъ экипажей. Мы пользовались этимъ, чтобъ заглянуть въ лѣсъ при дорогѣ или побѣгать по берегамъ прозрачнаго ручья. Къ тому же, на прекрасномъ Московско-Варшавскомъ шоссе, которымъ мы ѣхали нѣкоторое время, мы встрѣчали много занимательнаго: обозы, партіи богомольцевъ и много разнаго народа. Дважды въ день мы останавливались въ большихъ бойкихъ селахъ, и, поторговавшись всласть по поводу цѣнъ на сѣно, овесъ и самоваръ, въѣзжали въ ворота постоялаго двора. Поваръ Андрей покупалъ курицу и варилъ супъ, а мы тѣмъ временемъ убѣгали въ лѣсъ или же осматривали дворъ. Мы, обыкновенно, ночевали въ Малоярославцѣ, гдѣ въ 1812 году русскіе тщетно старались остановить Наполеона во время его отступленія изъ Москвы. Monsieur Poulain, который былъ раненъ во время испанской кампаніи, конечно, зналъ или, во всякомъ случаѣ, увѣрялъ, что знаетъ все относительно боя при Малоярославцѣ. Онъ водилъ насъ на поле сраженія и объяснялъ намъ, какъ русскіе пытались задержать Наполеона, и какъ великая армія опрокинула ихъ и прорвалась сквозь наши линіи. Онъ разсказывалъ все такъ подробно, какъ будто самъ участвовалъ въ битвѣ. Здѣсь казаки пробовали

обойти французовъ, но Даву или другой какой-нибудь маршалъ разбилъ ихъ и преслѣдовалъ вонъ до того холма, что направо. Вонъ тамъ лѣвое крыло наполеоновской арміи опрокинуло русскую пѣхоту, а вотъ здѣсь самъ Наполеонъ повелъ старую гвардію противъ центра Кутузовской арміи и покрылъ и себя и гвардію неувядаемой славой.

Разъ мы поѣхали по старой калужской дорогѣ и остановились въ Тарутинѣ. Тутъ monsieur Poulain былъ не такъ краснорѣчивъ, потому что здѣсь, послѣ кровавой битвы, Наполеонъ, разсчитывавшій пойти на югъ, вынужденъ былъ вновь слѣдовать дорогой на Смоленскъ, черезъ мѣста, разоренныя во время наступленія на Москву. Но (такъ выходило по разсказамъ Пулэна) все это произошло единственно оттого, что Наполеонъ былъ обманутъ маршалами. Иначе онъ пошелъ бы на Кіевъ и Одессу, и его орлы развѣвались бы на берегу Чернаго моря.

За Калугой, дорога шла верстъ семь чуднымъ сосновымъ боромъ, и этотъ боръ соединенъ у меня съ самыми счастливыми воспоминаніями дѣтства. Песокъ въ лѣсу былъ такъ глубокъ, какъ въ Африканской пустынѣ. Все время мы шли пѣшкомъ; лошади медленно волокли карету и останавливались поминутно. Тогда я уходилъ впередъ отъ всѣхъ и шелъ все время одинъ. По обѣимъ сторонамъ дороги росли громадныя, вѣковыя красныя сосны. Ухо улавливало лишь шелестъ высокихъ деревьевъ. Въ маленькомъ оврагѣ журчалъ прозрачный ручей, гдѣ кто-то оставилъ для прохожихъ берестяной ковшикъ, прикрѣпленный къ расщепленной палкѣ. Гдѣ-то въ вышинѣ неслышно пробиралась бѣлка. Внизу все было такъ же таинственно, какъ и въ кронахъ деревьевъ... Въ этомъ лѣсу зародилась моя любовь къ природѣ и смутное представленіе о безконечной ея жизни.

За лѣсомъ, переправившись на паромѣ черезъ Угру, мы сворачивали съ большой дороги на проселочную. Зеленые колосья ржи заглядывали въ окна кареты; лошади щипали на ходу траву на обочинахъ дороги,

узкой, какъ траншея. Наконецъ, показывались три одинокія ивы возлѣ дороги, означавшія, что наша деревня близка, а потомъ, какъ въѣдешь на пригорокъ, сразу выплывала и стройная, свѣтложелтая колокольня никольской церкви.

Никольское какъ нельзя лучше соотвѣтствовало тихой жизни тогдашнихъ помѣщиковъ. Тамъ не было великолѣпія, которое встрѣчалось въ болѣе богатыхъ помѣстьяхъ. Но художественный вкусъ сказывался въ планировкѣ построекъ, сада и вообще во всемъ. Кромѣ главнаго, недавно выстроеннаго отцемъ дома, на большомъ дворѣ было еще нѣсколько флигелей. Они давали большую независимость жившимъ въ нихъ и въ то же время не разрушали тѣсныхъ сношеній, устанавливаемыхъ семейной жизнью. Большой фруктовый „верхній садъ“ тянулся до церкви; на южномъ скатѣ, который велъ къ рѣкѣ, былъ разбитъ садъ для гулянья. Здѣсь цвѣточныя клумбы чередовались съ аллеями, обсаженными липами, сиренью и акаціями. Съ балкона главнаго дома открывался великолѣпный видъ на рѣку и на остатки земляной Серенской „крѣпости“, въ которой русскіе когда-то упорно отсиживались отъ татаръ. Далѣе разстилалось громадное желтѣющее море колосьевъ, окаймленное на горизонтѣ лѣсами.

Въ ранніе дни дѣтства мы двое и monsieur Poulain занимали одинъ изъ флигелей. Послѣ того, какъ методы преподаванія нашего гувернера смягчились вслѣдствіе вмѣшательства Лены,—мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Отца никогда не было лѣтомъ; онъ все время проводилъ въ смотрахъ. Мачиха не обращала на насъ много вниманія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ у ней родилась дочь Полина. Такимъ образомъ, мы все время были съ monsieur Пулэномъ, который наслаждался пребываніемъ въ деревнѣ и давалъ возможность наслаждаться и намъ. Не было конца пріятнымъ впечатлѣніямъ: лѣса, прогулки вдоль рѣки, карабканье на холмы старой крѣпости, гдѣ Poulain объяснялъ намъ, какъ русскіе защищали ее, и какъ татары

взяли ее, иногда—случайныя встрѣчи съ волками. Бывали и маленькія приключенія. Во время одного изъ нихъ M. Poulain сталъ героемъ въ нашихъ глазахъ: онъ вытащилъ изъ рѣки тонувшаго Александра. Иногда отправлялись на прогулку большой партіей, всей семьей, съ горничными по грибы. Тогда чай пили въ лѣсу, на пчельникѣ, гдѣ жилъ столѣтній пасѣчникъ съ маленькимъ внукомъ. Или-же мы отправлялись въ одну изъ нашихъ деревень, гдѣ былъ вырытъ глубокій прудъ, въ которомъ лавливали тысячи золотистыхъ карасей. Часть улова шла помѣщику, остальное распредѣлялось между крестьянами. Моя кормилица жила въ этой деревнѣ. Ея семья была изъ бѣднѣйшихъ. Кромѣ мужа, въ семьѣ были маленькій мальчикъ, уже помощникъ, да дѣвочка, моя молочная сестра, ставшая впослѣдствіи проповѣдницей и „богородицей“ въ раскольничьей сектѣ, къ которой принадлежала. Кормилица бывала страшно рада, когда я приходилъ повидать ее. Угостить меня она могла лишь сливками, яйцами, яблоками и медомъ. Но глубокое впечатлѣніе производили на меня ея любовь и ласки. Она накрывала столъ бѣлоснѣжной скатертью (чистота—религіозный культъ раскольниковъ), подавала угощенье въ сверкающихъ деревянныхъ тарелкахъ, ласково говорила со мной, какъ съ роднымъ сыномъ. Я долженъ сказать то же самое о кормилицахъ двухъ старшихъ братьевъ моихъ—Николая и Александра. Онѣ тоже принадлежали къ семьямъ, принимавшимъ видное участье въ двухъ раскольничьихъ толкахъ въ Никольскомъ. Немногіе знаютъ, какъ много доброты таится въ сердцѣ русскаго крестьянина, несмотря на то, что вѣка суроваго гнета, повидимому, должны были бы озлобить его.

Въ ненастные дни у monsieur Poulain былъ большой запасъ исторій для насъ, въ особенности про войну въ Испаніи. Мы постоянно просили разсказать намъ опять, какъ онъ былъ раненъ въ сраженіи, и каждый разъ, какъ онъ доходилъ до того мѣста, что почувствовалъ, какъ теплая кровь льется въ сапогъ, мы бросались цѣловать его и давали ему всевозможныя нѣжныя имена.

Все, повидимому, подготовляло насъ къ военному поприщу: пристрастіе отца (единственная игрушка, которую онъ, какъ припоминаю, купилъ намъ—было ружье и настоящая будка), военные разсказы Пулэна, болѣе того, даже библіотека, имѣвшаяся въ нашемъ распоряженіи. Эта библіотека принадлежала когда-то дѣду нашей матери, генералу Рѣпнинскому, видному военному дѣятелю XVIII вѣка, и состояла изъ сочиненій, большею частью французскихъ, по исторіи войнъ, тактикѣ и стратегіи, прекрасно переплетенныхъ въ кожу и украшенныхъ многочисленными гравюрами. Нашимъ величайшимъ удовольствіемъ въ ненастные дни являлось просматривать эти картинки, изображавшія различное оружіе со времени евреевъ и планы всѣхъ битвъ со времени Александра Македонскаго. Увѣсистые томы были также великолѣпнымъ строительнымъ матеріаломъ для сооруженія сильныхъ крѣпостей, которыя нѣкоторое время выдерживали удары тарана и метательные снаряды Архимедовой катапульты (она, впрочемъ, скоро была запрещена, такъ какъ камни неизбѣжно попадали въ окна). Тѣмъ не менѣе ни я, ни Александръ не стали военными. Литература шестидесятыхъ годовъ вытравила все, чему насъ учили въ дѣтствѣ.

Monsieur Poulain держался того же мнѣнія о революціяхъ, какъ и орлеанистскій журналъ Illustration Française, старые нумера котораго онъ получалъ и всѣ рисунки котораго были намъ отлично знакомы. Долгое время революція представлялась мнѣ не иначе, какъ смертью, скачущей на конѣ, съ краснымъ флагомъ въ одной рукѣ, съ косой въ другой, чтобы косить людей. Такъ было нарисовано въ Illustration. Теперь я думаю, однако, что нелюбовь Пулэна ограничивалась лишь возстаніемъ 1848 года, такъ какъ одинъ изъ его разсказовъ о революціи 1789 года произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Титулъ сіятельство употреблялся въ нашемъ домѣ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. По всей вѣроятности, это производило на Пулэна непріятное впе-

чатлѣніе, потому что разъ онъ принялся разсказывать намъ, что зналъ, о великой революціи. Я не могу теперь вспомнить все, что онъ говорилъ, припоминаю лишь слѣдующее. Пулэнъ разсказалъ, какъ „графъ Мирабо“ и другіе отказались отъ своихъ титуловъ, и какъ Мирабо, чтобы выразить презрѣніе къ аристократическимъ претензіямъ, открылъ мастерскую съ вывѣской „Портной Мирабо“ (передаю исторію, какъ слышалъ ее отъ Пулэна). Долгое время послѣ того я все думалъ, какое бы занятіе я бы избралъ, чтобы изобразить на вывѣскѣ: „Такихъ то—дѣлъ мастеръ Кропоткинъ“. Впослѣдствіи мой учитель Н. П. Смирновъ и общій демократическій духъ русской литературы побудили меня къ тому же, и когда я началъ писать повѣсти, что было на двѣнадцатомъ году,—я сталъ подписываться просто „П. Кропоткинъ“. То же дѣлалъ я и впослѣдствіи, когда былъ въ военной службѣ, несмотря на замѣчанія моихъ начальниковъ.

VIII

Осенью 1852 года Александръ поступилъ въ кадетскій корпусъ, и съ тѣхъ поръ мы видались лишь по праздникамъ да иногда по воскресеньямъ. До кадетскаго корпуса отъ нашего дома было верстъ семь, и хотя у насъ держали десятокъ лошадей, но всегда какъ-то выходило, что когда слѣдовало послать сани въ корпусъ за братомъ, — всѣ лошади были въ разгонѣ. Николай пріѣзжалъ домой очень рѣдко. Относительная свобода, которую Александръ нашелъ въ военномъ училищѣ, а въ особенности вліяніе двухъ преподавателей литературы, быстро содѣйствовали его развитію. Дальше мнѣ придется еще сказать о томъ благотворномъ вліяніи, которое имѣлъ онъ на мое развитіе. Мнѣ выпало на долю большое счастье имѣть любящаго, развитого старшаго брата.

Я, тѣмъ временемъ, оставался дома. Приходилось дожидаться, покуда придетъ мой чередъ поступить въ

пажескій корпусъ, а онъ пришелъ, когда мнѣ было почти пятнадцать лѣтъ. Пулэнъ въ это время получилъ отставку, и вмѣсто него пригласили учителя нѣмца, оказавшагося однимъ изъ тѣхъ идеалистовъ, которые нерѣдко встрѣчаются среди нѣмцевъ. Въ особенности, помню я, какъ онъ читалъ Шиллера: наивная его декламація приводила меня въ восторгъ. Прожилъ онъ у насъ всего лишь одну зиму. На слѣдующую зиму меня отдали въ московскую гимназію, и я былъ окончательно отданъ на попеченіе Н. П. Смирнова. Мы вскорѣ стали друзьями, въ особенности, когда отецъ взялъ насъ обоихъ въ рязанскую деревню. Во время дороги мы придумывали всевозможныя шалости и изобрѣтали всякія забавныя исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами были встрѣчавшіеся намъ люди. Впечатлѣніе, произведенное на меня дорогой, пересѣкавшей гористую мѣстность въ Алексинскомъ уѣздѣ, когда мы изъ Рязани проѣхали въ Тулу,—еще болѣе усилило развивавшуюся во мнѣ любовь къ природѣ. Подъ вліяніемъ Смирнова сталъ развиваться также мой литературный вкусъ, и въ промежутокъ между 1854 и въ 1857 годами онъ вполнѣ опредѣлился. Мой учитель, къ тому времени, окончилъ университетъ и получилъ небольшое мѣсто въ судебной палатѣ, гдѣ проводилъ все утро; я же оставался одинъ до обѣда. Послѣ приготовленія уроковъ и прогулки у меня оставалось еще много времени, чтобъ читать, а въ особенности, чтобъ писать. Осенью же, когда учитель возвращался въ Москву въ свою Палату, а мы все еще жили въ деревнѣ, — я опять оставался одинъ. Уроковъ никакихъ не было, и поболтавши въ семьѣ и поигравши съ маленькой сестрой Полинькой, я могъ вволю отдаваться чтенію и письму.

Крѣпостное право доживало тогда послѣдніе годы. Все это было еще такъ недавно,—точно вчера,—а, между тѣмъ, немногіе въ Россіи ясно сознаютъ, чѣмъ было крѣпостное право. Большинство смутно сознаетъ, что тогдашнія условія были плохи; но какъ сказывались эти условія, физически и нравственно, на живыхъ существахъ,

едва-ли многіе понимаютъ. Просто поразительно видѣть, какъ быстро было забыто учрежденіе и общественныя условія, порожденныя имъ, едва только учрежденіе перестало существовать. Такъ быстро мѣняются обстоятельства и люди! Постараюсь, поэтому, разсказать, какъ жили при крѣпостномъ правѣ. Буду передавать не то, что слышалъ, а то, что самъ видѣлъ.

Ключница Ульяна стоитъ въ корридорѣ, ведущемъ въ кабинетъ отца, и крестится. Она не смѣетъ ни войти ни повернуть назадъ. Наконецъ, она прочитываетъ молитву, входитъ въ кабинетъ и едва слышнымъ голосомъ докладываетъ, что запасъ чая почти на исходѣ, что сахара осталось всего лишь фунтовъ двадцать и что остальная провизія также скоро вся выйдетъ.

— Воры! Грабители!—кричитъ отецъ.—А ты, заодно съ ними!

Голосъ его гремитъ на весь домъ. Мачиха послала Ульяну, чтобы на ней разразилась гроза.

— Фролъ! позови княгиню!—кричитъ отецъ.—Гдѣ она! И когда мачиха входитъ, онъ встрѣчаетъ ее такимъ же образомъ.

— И ты заодно съ хамовымъ отродьемъ! Ты заступаешься за нихъ,—и такъ далѣе въ продолженіе цѣлаго получаса, а иногда и больше.

Затѣмъ отецъ принимается провѣрять счеты. При этомъ онъ вспоминаетъ о сѣнѣ. Посылается Фролъ перевѣсить, сколько осталось его; мачихѣ приказывается присутствовать при взвѣшиваніи, а отецъ вычисляетъ, сколько должно быть сѣна на сѣновалѣ. Выходитъ, повидимому, что исчезло много пудовъ, а Ульяна не можетъ сказать, какъ израсходовано нѣсколько фунтовъ такой-то провизіи. Голосъ отца становится все болѣе и болѣе грознымъ. Ульяна трепещетъ. Теперь зовутъ къ допросу кучера. На немъ разражается гроза. Отецъ бросается на него и принимается бить. Кучеръ твердитъ одно: „ваше сіятельство изволили ошибиться“.

Отецъ снова принимается считать. На этотъ разъ выходитъ, что на сѣновалѣ больше сѣна, чѣмъ слѣдо-

вало. Крики продолжаются. Теперь отецъ ругаетъ кучера за то, что онъ задаетъ лошадямъ меньше корма, чѣмъ надлежитъ; но кучеръ призываетъ въ свидѣтели всѣхъ святыхъ, что лошади получаютъ корма, сколько нужно. Фролъ призываетъ въ свидѣтельницы Богородицу, что кучеръ говоритъ правду.

Но отецъ не желаетъ угомониться. Онъ призываетъ настройщика и подъ-дворецкаго Макара и высчитываетъ ему всѣ недавніе проступки и прегрѣшенія. Макаръ на прошлой недѣлѣ напился и, навѣрное, былъ пьянъ также вчера, потому что разбилъ нѣсколько тарелокъ. Въ сущности, разбитыя тарелки и были перво-причиной всей тревоги. Мачиха сообщила объ этомъ отцу утромъ; въ силу этого Ульяна была встрѣчена большею бранью, чѣмъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, въ силу этого состоялась провѣрка сѣна. Отецъ продолжаетъ кричать, что хамово отродье заслуживаетъ всяческаго наказанія.

Внезапно наступаетъ затишье. Отецъ садится за столъ и пишетъ записку. „Пошлите Макара съ этой запиской на съѣзжую. Тамъ ему закатятъ сто розогъ".

Въ домѣ ужасъ и оцѣпенѣніе.

Бьетъ четыре. Мы всѣ спускаемся къ обѣду, но ни у кого нѣтъ охоты ѣсть. Никто не дотрагивается до супа. Насъ за столомъ десять человѣкъ. За каждымъ стоитъ скрипка или тромбонъ, съ чистой тарелкой въ лѣвой рукѣ, но Макара нѣтъ.

— Гдѣ Макаръ?—спрашиваетъ мачиха,—позвать его.

Макаръ не является, и приказъ отдается снова. Входитъ Макаръ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, пристыженный, съ опущенными глазами. Отецъ глядитъ въ тарелку. Мачиха, видя, что никто изъ насъ не дотронулся до супа, пробуетъ оживить насъ.

— Не находите ли вы, дѣти, говоритъ она по-французски—что супъ сегодня превосходный.

Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ корридорѣ и хочу поцѣловать его руку; но онъ вырываетъ ее и говоритъ, не то съ упре-

комъ, не то вопросительно: „Оставь меня; небось, когда выростешь, и ты такой же будешь?“

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

А между тѣмъ отецъ мой былъ не изъ жестокихъ помѣщиковъ. Наоборотъ даже, слуги и мужики считали его хорошимъ бариномъ. Но то, что я только что описалъ происходило всюду, часто въ гораздо болѣе жестокой формѣ. Сѣченіе крѣпостныхъ входило въ кругъ обязанностей полиціи и пожарныхъ.

Одинъ помѣщикъ разъ спросилъ другого: „почему это въ вашемъ имѣніи число душъ такъ медленно прибываетъ? Вы, по всей вѣроятности, мало слѣдите за тѣмъ, чтобы люди женились“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого генералъ возвратился въ свою деревню. Онъ велѣлъ принести себѣ списокъ всѣхъ крестьянъ, отмѣтилъ имена всѣхъ парней, достигшихъ восемнадцати лѣтъ, и дѣвушекъ, которымъ исполнилось шестнадцать, т. е. всѣхъ тѣхъ, которыхъ уже по закону можно вѣнчать. Затѣмъ генералъ отдалъ приказъ: „Ивану жениться на Аннѣ, Павлу на Парашкѣ, Ѳедору на Прасковьѣ“ и т. д. Такъ онъ намѣтилъ пять паръ. „Пять свадьбъ,—гласилъ приказъ,—должны состояться въ воскресенье, черезъ десять дней“.

Вой поднялся по всей деревнѣ. Въ каждомъ домѣ вопили женщины, молодыя и старыя. Анна надѣялась выйти за Григорія. Павловы старики уже сговорились съ Федотовыми на счетъ ихъ дочери, которая скоро входила въ возрастъ. На придачу, время было пахать, а не свадьбы играть. Да и какъ можно приготовиться къ свадьбѣ въ десять дней! Десятки крестьянъ приходили, чтобы повидать барина. Группы бабъ, съ кусками тонкаго полотна въ рукахъ, дожидались у чернаго входа барыни, чтобы заручиться ея заступничествомъ. Но все было напрасно. Помѣщикъ заявилъ, что свадьбы должны быть черезъ десять дней; такъ оно и быть должно.

Въ назначенный день свадебныя процессіи, скорѣе напоминавшія похороны, направились въ церковь. Жен-

щины вопили и причитывали, какъ по покойникамъ. Одного изъ лакеевъ командировали въ церковь, чтобы доложить, когда обрядъ свершится. Скоро, однако, лакей прибѣжалъ, блѣдный и разстроенный, съ шапкой въ рукахъ.

— Парашка упрямится,—доложилъ онъ. Она не хочетъ выходить за Павла. Когда батюшка спросилъ: „согласна ты?“ Она громко крикнула: „Нѣтъ, не согласна!“

Помѣщикъ разсвирѣпѣлъ. „Ступай и скажи ему, долгогривому, что если онъ не обвѣнчаетъ Парашку, я донесу архіерею, что онъ пьяница. Какъ смѣетъ онъ, мерзавецъ, не слушаться меня. Скажи, что я его сгною въ монастырѣ. Парашкиныхъ же родителей сошлю въ степную деревню“.

Лакей передалъ приказъ. Парашку обступили попъ и родители ея. Мать на колѣняхъ молила не губить всѣхъ. Дѣвушка твердила все: „не хочу“; но все болѣе и болѣе слабымъ голосомъ; потомъ шепотомъ, наконецъ, совсѣмъ замолчала. Ей возложили вѣнецъ. Она не сопротивлялась. Лакей помчался въ барскій домъ съ докладомъ: „повѣнчали!“

Полчаса спустя, у воротъ помѣщичьяго дома, забрякали бубенчики свадебнаго поѣзда. Пять паръ слѣзли съ телѣгъ, перешли дворъ и вошли въ переднюю. Помѣщикъ принялъ ихъ и велѣлъ поднести по рюмкѣ водки. Родители, стоявшіе позади плакавшихъ дочерей, велѣли имъ кланяться въ ноги барину.

Свадьбы по приказу составляли такое обычное явленіе, что среди нашихъ дворовыхъ молодые люди, не любившіе другъ друга, но предвидѣвшіе, что ихъ велятъ обвѣнчать,—обыкновенно кумились. По закону, вѣнчаніе становилось невозможнымъ. Хитрость, обыкновенно, удавалась; но разъ закончилась трагедіей. Портной Андрей полюбилъ дѣвушку, принадлежавшую сосѣднему помѣщику. Андрей разсчитывалъ, что отецъ отпуститъ его на оброкъ и, что, работая усердно, онъ сможетъ скопить

денегъ на вольную для дѣвушки. Иначе, выйдя замужъ за крѣпостного, она тоже стала бы крѣпостной отца. А такъ какъ Андрей предвидѣлъ, что ему могутъ приказать обвѣнчаться съ одной изъ нашихъ горничныхъ, онъ рѣшилъ покумиться съ ней. Случилось именно то, чего они опасались. Разъ ихъ позвали въ кабинетъ къ отцу и отдали приказъ повѣнчаться.

— Мы всегда рады выполнить вашу волю,—отвѣтили они, да нѣсколько недѣль тому назадъ мы вмѣстѣ крестили.—Андрей также сообщилъ о своемъ намѣреніи. Кончилось тѣмъ, что его сдали въ солдаты.

При Николаѣ I не было всеобщей воинской повинности, какъ теперь. Дворяне и купцы не были обязаны служить. Когда объявляли новый наборъ, помѣщики должны были доставить извѣстное число рекрутъ. Обыкновенно, въ каждой деревнѣ крестьяне сами вырабатывали чередъ; но дворовые зависѣли всецѣло отъ произвола помѣщика. Если баринъ былъ недоволенъ дворовымъ, онъ отправлялъ его въ воинское присутствіе и получалъ рекрутскую квитанцію, которая представляла значительную денежную стоимость, такъ какъ ее можно было продать тѣмъ, кому предстояло итти въ солдаты.

Солдатская служба въ то время была ужасна: она продолжалась двадцать пять лѣтъ. Стать солдатомъ значило навсегда оторваться отъ родной деревни и отъ родныхъ и находиться въ полной власти у такого командира, какъ, напримѣръ, Тимофеевъ, о которомъ я уже говорилъ. Побои, розги, палки сыпались каждый день. Жестокость при этомъ превосходила все, что можно себѣ представить. Даже въ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ воспитывались дѣти дворянъ, присуждалась иногда тысяча розогъ, въ присутствіи всего корпуса, за папиросу. Докторъ стоялъ возлѣ истязаемаго мальчика и останавливалъ наказаніе только тогда, когда пульсъ почти переставалъ биться. Окровавленную жертву въ обморочномъ состояніи уносили въ госпиталь. Великій князь Михаилъ, начальникъ военныхъ училищъ, быстро удалилъ бы директора, у котораго не было хоть

одного или двухъ подобныхъ случаевъ въ теченіе года. „Дисциплины нѣтъ!“—сказалъ бы онъ.

Съ простыми солдатами поступали, конечно, еще хуже. Если кто попадалъ подъ военный судъ, приговоръ былъ почти всегда—прогнать сквозь строй. Тогда выстраивали въ два ряда тысячу солдатъ, воруженныхъ палками, толщиной въ мизинецъ (онѣ сохранили свое нѣмецкое названіе — шпицрутены). Осужденнаго проволакивали сквозь строй три, четыре, пять и семь разъ, при чемъ каждый солдатъ отпускалъ каждый разъ по удару. Унтеръ-офицеры слѣдили за тѣмъ, чтобы солдаты били изо всѣхъ силъ. Послѣ одной или двухъ тысячъ палокъ харкающую кровью жертву уносили въ госпиталь, гдѣ ее лѣчили только для того, чтобы наказаніе могло быть доведено до конца, какъ только солдатъ немного оправится. Если онъ умиралъ подъ палками, окончаніе приговора производилось надъ трупомъ. Николай и братъ его Михаилъ были неумолимы. Никакое смягченіе наказанія не было даже возможно.

— Я тебя прогоню сквось строй. Я тебѣ шкуру спущу подъ палками! — такова была обычная угроза въ то время.

Мрачный ужасъ охватывалъ весь нашъ домъ, когда становилось извѣстно, что кого-нибудь изъ прислуги отправляютъ въ военное присутствіе. Его заковывали и сажали въ контору подъ стражу, чтобъ помѣшать ему наложить на себя руки. Затѣмъ, къ дверямъ конторы подъѣзжала телѣга, и сдаваемаго выводили въ сопровожденіи двухъ караульныхъ. Всѣ дворовые окружали его. Онъ кланялся всѣмъ низко и просилъ каждаго простить ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія. Если родители сдаваемаго жили въ деревнѣ, они приходили также, чтобы проводить. Сдаваемый клалъ родителямъ земной поклонъ, при чемъ мать и родственницы начинали причитывать какъ по покойнику: „На кого же ты покинулъ насъ? Кто порадѣетъ о насъ на чужой да на сторонушкѣ? Кто же насъ, сиротинушекъ, отъ людей злыхъ да укроетъ?...“

Такимъ образомъ, Андрею предстояло двадцать пять лѣтъ тянуть солдатскую лямку. Всѣ его мечты о счастьѣ разомъ разрушились.

Судьба одной изъ горничныхъ, Пелагеи или Поли, какъ ее звали, была еще болѣе трагична. Въ дѣтствѣ ее сдали въ магазинъ, гдѣ она въ совершенствѣ изучила тонкое вышиванье. Въ Никольскомъ ея пяльцы стояли въ комнатѣ Лены. Она часто принимала участье въ разговорахъ между сестрой и жившей въ той же комнатѣ сестрой мачихи. Какъ по разговору, такъ и по манерамъ Поля скорѣе была похожа на барышню, чѣмъ на горничную.

Съ ней случилось несчастье. Она убѣдилась, что должна скоро стать матерью. Она разсказала все мачихѣ, которая разразилась упреками: „Не хочу больше имѣть въ домѣ эту тварь! Не допущу подобнаго стыда въ моемъ домѣ. О, безстыдница, дрянь!“ и т. д. На слезы Лены не обратили вниманія. Полѣ отрѣзали косу и сослали на скотный дворъ. Но такъ какъ она какъ разъ въ то время вышивала удивительную юбку, то работу приказано было кончать на скотномъ, въ грязной избѣ, у микроскопическаго оконца. Поля закончила работу и сдѣлала еще много другихъ тонкихъ вышивокъ, въ надеждѣ получить прощеніе. Но оно не приходило. Отецъ ребенка, дворовый нашего сосѣда, молилъ о разрѣшеніи жениться. Но такъ какъ у него не было денегъ, то разрѣшенія не дали. „Дворянскія манеры“ Поли приняли, какъ отягчающія вину обстоятельства. Ей готовилась горькая доля. Среди нашихъ дворовыхъ былъ одинъ, который, за малый ростъ, ѣздилъ форейторомъ. Звали его Филька Косолапый. Въ дѣтствѣ его жестоко зашибла лошадь и онъ не росъ больше. Ноги у него были колесомъ, ступни выворочены во внутрь, носъ сломанъ и согнутъ въ сторону, а челюсть обезображена. За этого-то урода рѣшили отдать Полю и отдали. Выдали ее силой. Новобрачныхъ послали на крестьянскую работу въ рязанскую деревню.

Человѣческія чувства не признавались, даже не подо-

зрѣвались въ крѣпостныхъ. Когда Тургеневъ написалъ „Муму“, а Григоровичъ свои повѣсти, въ которыхъ заставлялъ публику плакать надъ несчастьями крѣпостныхъ,—для многихъ читателей то было настоящимъ откровеніемъ. „Возможно ли это? крѣпостные любятъ совсѣмъ, какъ мы!“—восклицали сентиментальныя дамы, которыя, при чтеніи французскихъ романовъ, горько оплакивали злосчастія героевъ и героинь.

Образованіе, которое давали иногда помѣщики своимъ крѣпостнымъ, являлось для нихъ лишь новымъ источникомъ несчастій. Отецъ мой разъ выбралъ въ крестьянской избѣ способнаго мальчика и отдалъ его въ фельдшерскую школу. Мальчикъ былъ прилежный и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Когда онъ возвратился домой, отецъ купилъ все необходимое для хорошей аптеки. Ее устроили очень удобно въ одномъ изъ флигелей, въ Никольскомъ. Лѣтомъ „Саша докторъ“, какъ звали въ домѣ молодого человѣка, усердно собиралъ и сушилъ различныя цѣлебныя травы. Въ короткое время онъ сталъ очень популяренъ въ Никольскомъ и во всей округѣ: больные крестьяне приходили изъ сосѣднихъ деревень. Отецъ очень гордился успѣхомъ своей аптеки. Но это продолжалось не долго. Разъ зимой отецъ пріѣхалъ въ Никольское, прожилъ здѣсь нѣсколько дней, затѣмъ уѣхалъ. Въ ту же ночь Саша докторъ застрѣлился, — нечаянно, какъ говорили. Но причиной была любовная исторія. Онъ любилъ дѣвушку, на которой не могъ жениться, такъ какъ она была крѣпостная другого помѣщика.

Судьба другого молодого человѣка, Герасима Круглова, котораго отецъ отдалъ въ московское земледѣльческое училище, была почти такъ же печальна. Онъ блестяще окончилъ—съ золотой медалью. Директоръ училища употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить отца дать Круглову вольную и открыть ему доступъ въ университетъ, куда крѣпостныхъ не принимали. „Кругловъ навѣрное будетъ замѣчательнымъ человѣкомъ,—говорилъ директоръ,—быть можетъ, гордостью Россіи. Вы смо-

жете гордиться тѣмъ, что оцѣнили его способности и дали такого человѣка русской наукѣ".

— Онъ мнѣ надобенъ въ моей деревнѣ, — отвѣчалъ отецъ на настойчивыя ходатайства за молодого человѣка. Въ дѣйствительности, при первобытномъ способѣ веденія хозяйства, отъ котораго отецъ ни за что не отступилъ бы, Герасимъ Кругловъ былъ совершенно безполезенъ. Онъ снялъ планъ деревни, а затѣмъ ему приказали сидѣть въ лакейской и стоять съ тарелкой въ рукахъ за обѣдомъ. Конечно, на Герасима это должно было сильно подѣйствовать. Онъ мечталъ объ университетѣ, объ ученой дѣятельности. Его взглядъ выражалъ страданіе; мачиха же находила особое удовольствіе въ оскорбленіи Герасима при всякомъ удобномъ случаѣ. Разъ осенью порывъ вѣтра открылъ ворота. Мачиха крикнула: „Гараська, ступай запереть ворота!"

То была послѣдняя капля. Герасимъ отвѣтилъ: „на то у васъ дворникъ",—и пошелъ своей дорогой.

Мачиха вбѣжала съ плачемъ въ кабинетъ къ отцу и принялась ему выговаривать: „ваши люди оскорбляютъ меня въ вашемъ домѣ!..."

Герасима немедленно заковали и посадили подъ караулъ, чтобы сдать въ солдаты. Прощанье съ нимъ стариковъ родителей—было одною изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ, которыя я когда-либо видѣлъ.

На этотъ разъ судьба, однако, отомстила. Николай I умеръ и военная служба стала менѣе несносной. Замѣчательныя способности Герасима были скоро замѣчены, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ однимъ изъ главныхъ письмоводителей и, въ сущности, душой одного изъ департаментовъ военнаго министерства. Случилось такъ, что мой отецъ, человѣкъ абсолютно честный, никогда не бравшій взятокъ—и это въ такое время, когда взятками всѣ наживали состоянія, — нарушилъ разъ строгія правила службы и допустилъ неправильность, чтобы угодить своему корпусному командиру: записалъ въ разрядъ неспособныхъ одного изъ солдатъ, служившаго у корпуснаго за управляющаго. Отцу это едва не

стоило генеральскаго чина, который должны были дать ему. Главная, единственная цѣль его тридцати-пяти лѣтней службы была въ опасности. Мачиха помчалась въ Петербургъ, чтобы уладить исторію. Послѣ долгихъ хлопотъ, ей сказали наконецъ, что единственно, что остается,—обратиться къ одному изъ письмоводителей, такого-то департамента. Хотя онъ лишь простой главный писарь, — сказали ей, — но, въ дѣйствительности, руководитъ всѣмъ и можетъ сдѣлать, что захочетъ. Зовутъ его—Герасимъ Ивановичъ Кругловъ.

— Представь себѣ,—разсказывала мачиха мнѣ потомъ, — нашъ Гараська! Я всегда знала, что у него большія способности. Пошла я къ нему и сказала ему о дѣлѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Я ничего не имѣю противъ стараго князя и сдѣлаю все, что могу для него".

Герасимъ сдержалъ слово: онъ сдѣлалъ благопріятный докладъ и отца произвели. Наконецъ-то онъ могъ надѣть такъ давно желанные красные штаны, шинель на красной подкладкѣ и каску съ плюмажемъ.

Таковы были дѣла, которыя я самъ видѣлъ въ дѣтствѣ. Картина получилась бы гораздо болѣе мрачная, если бы я сталъ передавать, что слышалъ въ тѣ годы: разсказы про то, какъ мужчинъ и женщинъ отрывали отъ семьи, продавали, проигрывали въ карты, либо вымѣнивали на пару борзыхъ собакъ, а потомъ переселяли на окраину Россіи, чтобы образовать новое село; разсказы про то, какъ отнимали дѣтей у родителей и продавали жестокимъ или же развратнымъ помѣщикамъ; про то, какъ ежедневно, съ неслыханной жестокостью пороли на конюшнѣ; про дѣвушку, утопившуюся, чтобы спастись отъ насилія; про старика, посѣдѣвшаго на службѣ у барина и потомъ повѣсившагося у него подъ окнами; про крестьянскіе бунты, укрощаемые николаевскими генералами: запарываніемъ до смерти десятаго или же пятаго и опустошеніемъ деревни. Послѣ военной экзекуціи, остававшіеся въ живыхъ крестьяне отправлялись побираться подъ окнами. Что же касается той бѣдности, которую во время поѣздокъ я видѣлъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ,

въ особенности въ удѣльныхъ, которыя принадлежали членамъ императорской фамиліи, — то нѣтъ словъ для описанія всего.

Завѣтной мечтой крѣпостныхъ было получить вольную. Но мечту эту очень трудно было осуществить, такъ какъ за вольную приходилось уплатить помѣщику большую сумму денегъ.

— Знаешь ли,—сказалъ мнѣ разъ отецъ,—ваша мать являлась ко мнѣ послѣ смерти. Вы, молодежь, не вѣрите въ такія вещи, а между тѣмъ это правда. Дремлю я разъ поздно ночью въ креслѣ, у письменнаго стола. Вдругъ вижу, она входитъ, вся въ бѣломъ, блѣдная, съ горящими глазами. Когда твоя мать умирала, она взяла съ меня обѣщаніе, что я дамъ вольную горничной Машѣ. Потомъ, то за тѣмъ, то за другимъ дѣломъ цѣлый годъ я не могъ исполнить обѣщанія. Ну вотъ, твоя мать явилась и говоритъ мнѣ глухимъ голосомъ: „Alexis, ты обѣщалъ мнѣ дать вольную Машѣ; неужели забылъ?“ Я былъ пораженъ ужасомъ. Вскакиваю изъ креселъ, а она исчезла. Зову людей; но никто изъ нихъ ничего не видѣлъ. На другой день я отслужилъ панихиду на могилѣ и сейчасъ же отпустилъ Машу на волю.

Когда отецъ умеръ, Маша явилась на похороны, и я говорилъ съ ней. Она была замужемъ и очень счастлива. Братъ Александръ шутливо передалъ Машѣ разсказъ отца, и мы спросили, что она знаетъ о привидѣніи.

— Все это было уже очень давно, такъ что я могу вамъ сказать правду, — отвѣтила Маша. — Вижу я, что князь совершенно забылъ о своемъ обѣщаніи; тогда я одѣлась въ бѣлое, какъ ваша мамаша, и напомнила князю его обѣщаніе.—Вы, вѣдь, не будете сердиться за это на меня?

— Разумѣется, нѣтъ!

Десять или двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ произошли событія, описанныя въ началѣ главы, я разъ ночью бесѣдовалъ съ отцемъ въ его кабинетѣ о прошломъ. Крѣпостное право было отмѣнено: отецъ жаловался,

хотя не сильно, на новый порядокъ дѣлъ. Онъ принялъ его безъ особеннаго ропота.

— А вѣдь сознайтесь, — сказалъ я, — что вы часто жестоко наказывали слугъ, иногда даже безъ всякаго основанія.

— Съ этимъ народомъ,—отвѣтилъ онъ,—иначе нельзя было.

Затѣмъ отецъ откинулся на спинку кресла и задумался на нѣкоторое время.

— Но что я дѣлалъ,—началъ онъ опять, послѣ долгой паузы, — были пустяки; и говорить не стоитъ. А вотъ, хоть этотъ самый Саблевъ: ужъ на что кажется мягкимъ, и говоритъ такимъ сладкимъ голоскомъ; а между тѣмъ съ крѣпостными чего онъ не дѣлалъ! Сколько разъ они покушались убить его! Я, по крайней мѣрѣ, хоть никогда не трогалъ своихъ дѣвокъ. А вотъ этотъ старый чертъ Т. такой былъ, что крѣпостные собирались жестоко изувѣчить его... Ну, прощай. Bonne nuit!

IX

Я хорошо помню крымскую войну. Въ Москвѣ, собственно, она производила не особенно глубокое впечатлѣніе. Правда, въ каждомъ домѣ, на вечерахъ щипали корпію; но мало ея доставалось русскимъ войскамъ: большая часть раскрадывалась и продавалась непріятелю. Лена и другія молодыя дѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, но обычный ходъ общественной жизни совершенно не былъ нарушенъ происходившей тогда великой борьбой. Въ деревнѣ же, напротивъ, война вызвала крайне подавленное настроеніе. Рекрутскіе наборы слѣдовали одинъ за другимъ. Мы постоянно слышали причитанья крестьянокъ. Народъ смотрѣлъ на войну, какъ на Божью кару, и отнесся, поэтому, къ ней съ серьезностью, составлявшей рѣзкій контрастъ съ легкомысліемъ, которое я видѣлъ впослѣдствіи въ западной Европѣ. Хотя я былъ еще очень молодъ, но и тогда по-

нималъ чувство торжественной покорности судьбѣ, которое господствовало въ деревняхъ.

Братъ Николай, какъ и другіе, былъ захваченъ военной горячкой и присоединился къ кавказской арміи, не окончивъ кадетскаго корпуса. Больше я никогда уже не видѣлъ его.

Въ 1854-мъ году семья наша увеличилась: пріѣхали еще двѣ сестры мачихи. У нихъ былъ домъ и виноградники въ Севастополѣ, но теперь онѣ остались безъ крова и стали жить съ нами. Когда союзники высадились въ Крыму, жителямъ Севастополя объявляли, что имъ бояться нечего и что каждому остается лишь жить спокойно. Но послѣ пораженія при Альмѣ, всѣмъ велѣли выбраться возможно скорѣе, такъ какъ городъ будетъ занятъ черезъ нѣсколько дней. Лошадей не хватало; на придачу, дороги были запружены войсками, передвигавшимися на югъ. Нанять повозку оказывалось почти невозможнымъ. Сестры мачихи должны были оставить по дорогѣ почти все имущество и вытерпѣли не мало, покуда пріѣхали въ Москву.

Я скоро подружился съ младшей изъ сестеръ, тридцатилѣтней дѣвицей, которая курила папиросы одну за другой, когда разсказывала мнѣ о всѣхъ ужасахъ дороги. Со слезами на глазахъ говорила она про прекрасные военные корабли, которые пришлось потопить у входа въ севастопольскую бухту, и не разъ повторяла, что не понимаетъ, какъ это будутъ защищать Севастополь съ суши, такъ какъ городъ не имѣетъ собственно никакихъ укрѣпленій.

Мнѣ шелъ тринадцатый годъ, когда умеръ Николай I. Поздно вечеромъ 18-го февраля городовые разносили по домамъ бюллетени, въ которыхъ возвѣщалось о болѣзни царя, и населеніе приглашалось въ церкви молиться за выздоровленіе Николая. Между тѣмъ, царь уже умеръ, и власти знали про это, такъ какъ Петербургъ и Москва были соединены телеграфомъ. Но такъ какъ до послѣдняго момента ни слова не было произнесено о болѣзни царя, то начальство сочло необходи-

мымъ постепенно подготовить народъ. Мы всѣ ходили въ церковь и молились очень усердно.

На другой день, въ субботу, повторилось то же самое. Даже въ воскресенье утромъ вышли бюллетени о состояніи здоровья царя. Лишь въ полдень, отъ слугъ, возвратившихся съ рынка, мы узнали про смерть императора. Когда извѣстіе распространилось, ужасъ охватилъ, какъ нашъ, такъ и сосѣдніе дома. Передавалось, что народъ на базарѣ держитъ себя крайне подозрительно и не только не выражаетъ сожалѣнія, но, напротивъ, высказываетъ опасныя мнѣнія. Взрослые разговаривали не иначе, какъ шепотомъ, а мачиха твердила постоянно: „ахъ, не говорите при людяхъ!“ Слуги, въ свою очередь, шептались про „волю“, которую дадутъ скоро. Помѣщики ждали ежеминутно бунта крѣпостныхъ, новую пугачовщину.

Въ это время на улицахъ въ Петербургѣ интеллегентные люди обнимались, сообщая другъ другу пріятную новость. Всѣ предчувствовали, что наступаетъ конецъ какъ войнѣ, такъ и ужаснымъ условіямъ. Говорили о томъ, что Николай отравился; указывалось въ подтвержденіе на быстрое разложеніе тѣла. Истина, однако, раскрылась постепенно. Смерть обусловливалась слишкомъ большой дозой возбуждающаго лѣкарства, принятаго Николаемъ.

Въ провинціи, лѣтомъ 1855 года, съ сосредоточеннымъ интересомъ слѣдили за героической борьбой подъ Севастополемъ за каждый аршинъ разрушенныхъ укрѣпленій. Изъ нашего дома дважды въ недѣлю отправлялся нарочный въ уѣздный городъ за газетами, и когда онъ возвращался, у него брали и распечатывали газеты, прежде даже, чѣмъ онъ успѣвалъ слѣзть съ коня. Читали вслухъ всѣмъ или Лена, или я. Новости немедленно передавались въ людскую, оттуда въ кухню, въ контору, священнику, а потомъ крестьянамъ.

Со слезами узнали всѣ про послѣдніе дни Севастополя, про страшную бомбардировку и про оставленіе города нашими войсками. Всюду въ помѣщичьихъ до-

махъ потеря Севастополя оплакивалась, какъ смерть близкаго родственника, хотя всѣ понимали, что теперь ужасной войнѣ скоро придетъ конецъ.

X

Въ августѣ 1857 года пришла моя очередь поступить въ пажескій корпусъ, и меня повезли въ Петербургъ. Мнѣ тогда было почти пятнадцать лѣтъ. Уѣхалъ я изъ дому мальчикомъ; но человѣческій характеръ устанавливается опредѣленно раньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что, несмотря на отроческій возрастъ, я въ значительной степени и тогда былъ уже тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи. Мои вкусы и наклонности уже опредѣлились.

Первый толчекъ въ развитіи далъ мнѣ, какъ я сказалъ, учитель русскаго языка. Я считаю прекраснымъ тогдашній обычай — къ сожалѣнію, выводящійся уже теперь — имѣть въ домѣ студента, чтобы помогать при приготовленіи уроковъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, даже когда дѣти поступятъ въ гимназію. Помощь такого учителя неоцѣнима какъ для того, чтобы лучше усваивать преподаваніе въ школѣ, такъ и вообще для того, чтобы расширять кругъ знаній. Болѣе того, такимъ образомъ вносится въ семью культурный элементъ. Студентъ становится старшимъ братомъ молодежи, зачастую даже лучше старшаго брата, такъ какъ на студентѣ лежитъ извѣстная отвѣтственность за успѣхи его учениковъ. А такъ какъ методы преподаванія мѣняются съ каждымъ поколѣніемъ, то студентъ лучше можетъ помочь дѣтямъ, чѣмъ наиболѣе интеллигентные родители.

Николай Павловичъ Смирновъ имѣлъ развитой литературный вкусъ. Въ дикую эпоху николаевщины многія совершенно невинныя произведенія нашихъ лучшихъ писателей не могли быть напечатаны. Другія вещи были такъ изуродованы цензурой, что теряли всякій смыслъ. Напримѣръ, въ геніальной комедіи Грибоѣдова, полков-

ника Скалозуба пришлось назвать „господиномъ Скалозубомъ“, отчего пострадали и смыслъ и нѣкоторые стихи. Представить полковника въ смѣшномъ видѣ считалось бы оскорбленіемъ арміи. Вторую часть такой безобидной книги, какъ „Мертвыя души“, не разрѣшили вовсе, а первую часть воспретили выпустить вторымъ изданіемъ, когда первое разошлось.

Многія стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Алексѣя Толстого, Рылѣева и другихъ поэтовъ не были пропущены цензурой. Я уже не говорю про стихотворенія, заключавшія какую-нибудь политическую мысль или критиковавшія существующій порядокъ. Но всѣ эти стихотворенія ходили въ рукописи. Смирновъ переписывалъ ихъ и даже большія произведенія Гоголя и Лермонтова для себя или для пріятелей, и въ этой работѣ я иногда помогалъ ему. Какъ настоящій москвичъ, онъ питалъ глубочайшее уваженіе къ писателямъ, жившимъ въ Москвѣ (нѣкоторые изъ нихъ даже въ Старой Конюшенной). Съ уваженіемъ показывалъ онъ мнѣ домъ графини Саліясъ (Евгеніи Туръ), нашей ближайшей сосѣдки. Что же касается дома Герцена, то Николай Павловичъ мнѣ указывалъ его не только съ уваженіемъ, но даже съ благоговѣніемъ. Домъ, въ которомъ жилъ Гоголь, являлся для насъ обоихъ предметомъ особаго обожанія. Хотя мнѣ было всего лишь девять лѣтъ, когда умеръ Гоголь (1852), и я тогда еще ни читалъ ни одного его произведенія, но я хорошо помню, какъ опечалила Москву эта смерть. Тургеневъ хорошо выразилъ это общее горе въ замѣткѣ, за которую Николай посадилъ его подъ арестъ, а затѣмъ сослалъ его въ деревню.

„Евгеній Онѣгинъ“ произвелъ на меня лишь слабое впечатлѣніе. И до сихъ поръ я больше восхищаюсь удивительной простотой и красотой формы романа, чѣмъ его содержаніемъ. За то Гоголь, котораго я читалъ, когда мнѣ было одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ, произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Мои первые литературные опыты я, въ подражаніе Гоголю, писалъ въ юмористическомъ жанрѣ. „Юрій Милославскій“ За-

госкина, „Капитанская Дочка“ и „Королева Марго“ Дюма надолго заинтересовали меня исторіей. Что касается другихъ французскихъ романовъ, то я сталъ читать ихъ лишь тогда, когда выступили Золя и Додэ. Съ ранняго дѣтства Некрасовъ былъ мой любимый поэтъ. Многія его стихотворенія я зналъ наизусть.

Николай Павловичъ рано пріохотилъ меня писать. При его помощи я написалъ длинную „Исторію гривенника“. Мы придумывали вмѣстѣ различные характеры людей, въ руки которыхъ попадалъ гривенникъ. Саша, въ то время, больше проявлялъ поэтическія наклонности. Онъ писалъ романтическія исторіи и рано сталъ сочинять очень звучные стихи, которые давались ему крайне легко. Онъ навѣрное сталъ бы виднымъ поэтомъ, если бы всецѣло не увлекся впослѣдствіи естественными науками и философіей. Слегка покатая крыша подъ нашимъ окномъ въ то время была любимымъ мѣстомъ, гдѣ онъ искалъ поэтическаго вдохновенія; а я, конечно, не могъ удержаться, чтобы не дразнить его: „Вотъ у трубы поэтъ сидитъ, и стихи строчитъ“. Поддразниваніе кончалось жестокой потасовкой, которая приводила Лену въ отчаянье. Но Саша былъ незлопамятенъ. Миръ вскорѣ бывалъ возстановленъ, и мы страстно любили другъ друга. У мальчиковъ любовь и потасовка часто идутъ рука въ руку.

Я даже тогда пробовалъ стать журналистомъ. На двѣнадцатомъ году началъ издавать ежедневную газету. Бумага у насъ была въ обрѣзъ, и, въ силу этого, моя газета была лишь въ тридцать вторую долю листа. А такъ какъ крымская война еще не начиналась, и отецъ получалъ только Московскія Полицейскія Вѣдомости, то у меня не было большаго выбора для подражанія. Такимъ образомъ, моя газета состояла изъ коротенькихъ рубрикъ, излагавшихъ новости дня, въ родѣ слѣдующаго: „Пошли въ лѣсъ. Н. П. Смирновъ настрѣлялъ дроздовъ“ и т. д.

Вскорѣ, однако, это перестало удовлетворять меня, и въ 1855 году я сталъ издавать ежемѣсячный журналъ,

въ которомъ помѣщались стихи Александра, мои повѣсти и еще разныя разности. Матеріально журналъ былъ совершенно обезпеченъ, такъ какъ имѣлъ массу подписчиковъ: во-первыхъ, самого редактора-издателя и во-вторыхъ, Смирнова, который даже когда оставилъ нашъ домъ, аккуратно вносилъ свою плату за подписку, именно, опредѣленное количество листовъ бумаги. За это я чистенько переписывалъ для постояннаго подписчика второй экземпляръ.

Когда Смирновъ оставилъ насъ, его замѣнилъ медицинскій студентъ Н. М. Павловъ, который помогалъ мнѣ въ изданіи. Онъ досталъ для журнала поэму одного пріятеля и, что еще болѣе важно, вступительную лекцію московскаго профессора по физической географіи. Конечно, лекція нигдѣ еще не появлялась: нашъ журналъ ни за что не унизился бы до перепечатки.

Едва ли нужно сказать, что Саша живо былъ заинтересованъ журналомъ, и слава его вскорѣ распространилась въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Нѣсколько многообѣщающихъ молодыхъ писателей задумали издавать сопернический журналъ. Дѣло принимало серьезный оборотъ. Что касается стихотвореній и повѣстей, то преимущество было за нами; но у конкурента былъ „критикъ“. А „критикъ“, затрагивающій, по поводу новыхъ беллетристическихъ произведеній, всевозможные вопросы, которые не могутъ быть обсуждаемы иначе, является, какъ извѣстно, душой русскаго журнала. У конкурента былъ критикъ, а у насъ нѣтъ! Онъ даже написалъ статью для перваго нумера и показалъ ее брату. Статья, впрочемъ, была претенціозна и слаба, и Александръ немедленно написалъ антикритику, въ которой сокрушилъ и осмѣялъ автора. Тогда лагерь соперниковъ впалъ въ уныніе, узнавши, что антикритика появится въ нашемъ ближайшемъ нумерѣ. Соперники отказались отъ мысли издавать журналъ, и лучшіе писатели ихъ лагеря перешли къ намъ. Мы съ тріумфомъ возвѣстили, что заручились сотрудничествомъ столькихъ знаменитыхъ писателей.

Журналъ прекратился въ августѣ 1857 года, просуществовавъ два года. Я ѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ меня ждала новая среда и новая жизнь. Съ сожалѣніемъ оставлялъ я домъ, тѣмъ болѣе, что теперь разстояніе между Москвой и Петербургомъ должно было отдѣлять меня отъ Александра. При томъ, я считалъ уже несчастьемъ поступленіе въ военное училище.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пажескій корпусъ.

I

Завѣтное желаніе моего отца осуществилось. Открылась вакансія въ Пажескомъ корпусѣ, которую я могъ занять, прежде чѣмъ достигъ предѣльнаго возраста, старше котораго уже не принимаютъ. Мачиха меня отвезла въ Петербургъ, и я поступилъ въ корпусъ. Въ этомъ привиллегированномъ учебномъ заведеніи, соединяющемъ характеръ военной школы на особенныхъ правахъ и придворнаго училища, находящагося въ вѣдѣніи императорскаго двора,—воспитывалось всего сто пятьдесятъ мальчиковъ, большею частью, дѣти придворной знати. Послѣ четырехъ или пятилѣтняго пребыванія въ корпусѣ, окончившіе выпускались офицерами въ любой, по выбору, гвардейскій или армейскій полкъ—безразлично, имѣлась ли вакансія или нѣтъ. Ежегодно первые шестнадцать учениковъ старшаго класса назначались камер-пажами къ различнымъ членамъ императорской фамиліи: къ царю, царицѣ, великимъ княгинямъ и великимъ князьямъ, что, конечно, считалось большой честью. Къ тому же, молодые люди, которымъ выпадала подобная честь, становились извѣстны при дворѣ и имѣли возможность попасть потомъ въ адъютанты къ императору или къ одному изъ великихъ князей. Такимъ образомъ, они могли сдѣлать блестящую карьеру. Въ силу этого, папеньки и маменьки, имѣвшіе связи при дворѣ, изо всѣхъ силъ старались, чтобы ихъ дѣтки попали въ па-

жескій корпусъ, даже хотя бы въ ущербъ другимъ кандидатамъ, которые тогда никакъ не могли дождаться вакансіи. Теперь, когда я попалъ, наконецъ, въ пажескій корпусъ. отецъ могъ дать просторъ своимъ честолюбивымъ мечтамъ.

Корпусъ дѣлился на пять классовъ, изъ которыхъ старшій назывался первымъ, а младшій — пятымъ, и я держалъ экзаменъ въ четвертый классъ. Но такъ какъ на повѣрочномъ испытаніи обнаружилось мое недостаточное знакомство съ десятичными дробями, то я, вмѣсто четвертаго, попалъ въ пятый классъ, тѣмъ болѣе, что въ четвертомъ было уже болѣе сорока воспитанниковъ, тогда какъ для младшаго едва набрали двадцать.

Такое рѣшеніе крайне огорчило меня. И безъ того я очень не охотно поступалъ въ военное училище, а тутъ еще предстояло пробыть въ немъ пять лѣтъ, вмѣсто четырехъ. Что я стану дѣлать въ пятомъ классѣ, когда уже знаю все, чему тамъ учатъ? Со слезами на глазахъ сказалъ я это инспектору; но онъ отвѣтилъ мнѣ шутливо: „а знаете слова Цезаря —«лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ?»“ На что я съ жаромъ возразилъ, что желалъ бы быть самымъ послѣднимъ, лишь бы могъ окончить военное училище возможно скорѣе.

— Быть можетъ, со временемъ вы полюбите корпусъ,—замѣтилъ инспекторъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ относиться хорошо ко мнѣ.

Преподавателю ариѳметики, также пытавшемуся утѣшить меня,—я поклялся, что никогда не раскрою учебника его предмета; „и, несмотря на это, вы мнѣ всегда будете ставить двѣнадцать“, прибавилъ я. Слово я сдержалъ. Ученикъ, какъ видно, и тогда уже былъ съ душкомъ.

А между тѣмъ, теперь я могу только благодарить за то, что меня записали въ младшій классъ. Такъ какъ мнѣ въ первый годъ приходилось лишь повторять уже извѣстное, я привыкъ выучивать уроки въ классѣ, прислушиваясь къ объясненіямъ учителя. Такимъ образомъ,

послѣ классовъ, у меня было вдоволь времени читать и писать, сколько душѣ угодно. Я никогда не готовился къ экзаменамъ. Во время, назначенное для подготовки, я читалъ, обыкновенно, нѣсколькимъ товарищамъ вслухъ Островскаго или Шекспира. Когда я перешелъ въ старшіе спеціальные классы, я былъ хорошо подготовленъ къ слушанью различныхъ предметовъ, читавшихся тамъ, хотя большую половину первой зимы провелъ въ госпиталѣ. Какъ всѣ дѣти, родившіеся не въ Петербургѣ, я отдалъ дань столицѣ „хладныхъ финскихъ береговъ“: я перенесъ нѣсколько припадковъ мѣстной холеры и, наконецъ, слегъ отъ тифа.

Когда я поступилъ въ пажескій корпусъ, во внутренней жизни его происходила полная перемѣна. Вся Россія пробудилась тогда отъ глубокаго сна и освобождалась отъ тяжелаго кошмара николаевщины. Это пробужденіе отразилось и на нашемъ корпусѣ. Признаться, я не знаю, что стало бы со мною, если бы поступилъ въ корпусъ на годъ или на два раньше. Или моя воля была бы окончательно сломлена, или меня бы исключили, Богъ вѣсть съ какими послѣдствіями. Къ счастью для меня, въ 1857 году переходный періодъ былъ уже въ полномъ развитіи.

Директоромъ корпуса былъ превосходный старикъ, генералъ Желтухинъ; но онъ только номинально былъ главою корпуса. Дѣйствительнымъ начальникомъ училища былъ „Полковникъ“—французъ на русской службѣ, полковникъ Жирардотъ. Говорили, что онъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ, и я думаю, что такъ оно и было. Его тактика, во всякомъ случаѣ, была основана на ученіи Лойолы, а методъ воспитанія заимствованъ изъ французскихъ іезуитскихъ коллегій.

Нужно представить себѣ маленькаго, крайне худощаваго человѣка съ впалой грудью, съ черными, пронизывающими, бѣгающими глазами, съ коротко подстриженными усами, дѣлавшими его похожимъ на кота; человѣка очень сдержаннаго и твердаго, не одареннаго особенными умственными способностями, но замѣчательно

хитраго; деспота по натурѣ, способнаго ненавидѣть, и ненавидѣть сильно, мальчика, не поддающагося всецѣло его вліянію, и проявлять эту ненависть не безсмысленными придирками, но безпрестанно, всѣмъ поведеніемъ своимъ,—жестомъ, улыбкой, восклицаніемъ. Онъ не ходилъ, а скорѣе скользилъ, а пытливые взгляды, которые онъ бросалъ кругомъ, не поворачивая головы, еще болѣе довершали сходство съ котомъ. Печать холода и сухости лежала на губахъ его, даже когда онъ пытался быть благодушнымъ. Выраженіе становилось еще болѣе рѣзкимъ, когда ротъ Жирардота искривлялся улыбкой неудовольствія или презрѣнія. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ ничего не было начальническаго. При первомъ взглядѣ, можно было подумать, что снисходительный отецъ говоритъ съ дѣтьми, какъ съ взрослыми людьми. А между тѣмъ немедленно чувствовалось, что онъ желалъ всѣхъ и все подчинить своей волѣ. Горе тому мальчику, который не чувствовалъ себя счастливымъ или несчастливымъ въ соотвѣтствіи съ бо̀льшимъ или меньшимъ расположеніемъ, которое оказывалъ ему полковникъ!

Слово „Полковникъ“ было постоянно у всѣхъ на устахъ. Всѣ остальные офицеры имѣли клички; но никто не дерзалъ дать кличку Жирардоту. Своего рода таинственность окружала его, какъ будто онъ былъ всевѣдущъ и вездѣсущъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ проводилъ весь день и большую часть вечера въ корпусѣ. Когда мы сидѣли въ классахъ, полковникъ бродилъ всюду, осматривалъ наши ящики, которые отпиралъ собственными ключами. По ночамъ же онъ до поздняго часа отмѣчалъ въ книжечкахъ (ихъ у него была цѣлая библіотека), особыми значками, разноцвѣтными чернилами и въ разныхъ графахъ, проступки и отличія мальчиковъ.

Прекращались игры, шутки и бесѣды, лишь только бывало завидимъ, какъ онъ медленно, покачиваясь взадъ и впередъ, подвигается по нашимъ громаднымъ заламъ, объ руку съ однимъ изъ любимцевъ. Онъ улыбнется

одному мальчику, остро посмотритъ въ глаза другому, скользнетъ безразличнымъ взглядомъ по третьему и слегка искривитъ губы, проходя мимо четвертаго. И по этимъ взглядамъ всѣ знали, что Жирардотъ любитъ перваго, равнодушенъ ко второму, намѣренно не замѣчаетъ третьяго и ненавидитъ четвертаго. Ненависть эта была достаточна, чтобы нагнать ужасъ на большинство его жертвъ; тѣмъ болѣе, что никто не зналъ причину ея. Впечатлительныхъ мальчиковъ приводило въ отчаянье какъ это нѣмое, неукоснительно проявляемое отвращеніе, такъ и подозрительные взгляды. Въ другихъ, это отвращеніе вызывало полное уничтоженіе воли, какъ показалъ это въ автобіографическомъ романѣ, „Болѣзни воли“, Ѳедоръ Толстой, тоже воспитанникъ Жирардота.

Внутренняя жизнь корпуса подъ управленіемъ Жирардота была жалка. Во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ новичковъ преслѣдуютъ. Они проходятъ своего рода искусъ. „Старики“ желаютъ узнать, какая цѣна новичкамъ. Не станутъ ли они фискалами? Затѣмъ, „старички“ желаютъ показать новичкамъ во всемъ блескѣ могущество существующаго товарищества. Такъ дѣло обстоитъ въ школахъ и въ тюрьмахъ. Но подъ управленіемъ Жирардота преслѣдованія принимали болѣе острый характеръ и производились они не товарищами одноклассниками, а воспитанниками старшаго класса, камерпажами, т. е. унтеръ-офицерами, которыхъ Жирардотъ поставилъ въ совершенно исключительное привиллегированное положеніе. Система полковника заключалась въ томъ, что онъ предоставлялъ старшимъ воспитанникамъ дѣлать, что угодно; онъ притворялся, что не знаетъ даже о тѣхъ ужасахъ, которые они продѣлываютъ; зато черезъ посредство камерпажей онъ поддерживалъ строгую дисциплину. Во времена Николая, отвѣтить на ударъ камерпажа, если фактъ доходилъ до свѣдѣнія начальства, значило угодить въ кантонисты. Если же мальчикъ какимъ-нибудь образомъ не подчинялся ка-

призу камерпажа, то это вело вотъ къ какимъ послѣдствіямъ. Двадцать юношей старшаго класса, вооружившись тяжелыми дубовыми линейками, жестоко избивали, по молчаливому разрѣшенію Жирардота, ослушника, проявившаго духъ непокорства.

Въ силу этого, камерпажи дѣлали все, что хотѣли. Всего лишь за годъ до моего[1] поступленія въ корпусъ, любимая игра ихъ заключалась въ томъ, что они собирали ночью новичковъ въ одну комнату, а затѣмъ гоняли мальчиковъ въ ночныхъ сорочкахъ по кругу, какъ лошадей въ циркѣ. Одни камерпажи стояли въ кругѣ, другіе—внѣ его и гутаперчевыми хлыстами безпощадно стегали мальчиковъ. „Циркъ“, обыкновенно, заканчивался отвратительной оргіей на восточный ладъ. Нравственныя понятія, господствовавшія въ то время, и разговоры, которые велись въ корпусѣ по поводу „цирка“, таковы, что чѣмъ меньше о нихъ говорить, тѣмъ лучше.

Полковникъ зналъ про все это. Онъ организовалъ замѣчательную сѣть шпіонства, и ничто не могло укрыться отъ него. Но у Жирардота была система закрывать глаза на всѣ продѣлки старшаго класса.

Въ корпусѣ повѣяло, однако, новой жизнью, и всего за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія произошла революція. Въ томъ году третій классъ подобрался особенный. Многіе серьезно учились и читали, такъ что нѣкоторые изъ нихъ стали впослѣдстіи извѣстными людьми. Мое знакомство съ однимъ изъ нихъ — назову его фонъ-Шауфъ—произошло, я помню, когда онъ былъ занятъ чтеніемъ „Критики чистаго разума“ Канта. При томъ въ третьемъ же классѣ находились и самые большіе силачи корпуса, какъ, напримѣръ, замѣчательный силачъ Коштовъ, большой другъ фонъ-Шауфа. Третій классъ не такъ послушно, какъ его предшественники, подчинялся игу камерпажей. Послѣдствіемъ одного происшествія, о которомъ лучше не говорить—была большая драка между первымъ и третьимъ классомъ. Камерпажи были жестоко побиты. Жирардотъ замолчалъ происшествіе; но авторитетъ перваго класса былъ подорванъ.

Хлысты остались, но ихъ больше уже никогда не пускали въ ходъ. Что же касается цирка и другихъ игрищъ, то они перешли въ область преданій.

Такимъ образомъ, многое было выиграно; но самый младшій классъ, состоявшій изъ очень молодыхъ мальчиковъ, только что поступившихъ въ корпусъ, долженъ былъ еще подчиняться мелкимъ капризамъ камерпажей. У насъ былъ прекрасный, старый садъ; но пятиклассники мало имъ пользовались. Они должны были вертѣть карусель, когда камерпажи сидѣли въ немъ, или подавать имъ шары при игрѣ въ кегли. Дня черезъ два послѣ моего поступленія, видя, какъ обстоятъ дѣла въ саду, я не пошелъ туда, а остался наверху. Я читалъ, когда вошелъ рыжій, веснущатый камерпажъ и приказалъ мнѣ немедленно отправиться въ садъ вертѣть карусель.

— Я не пойду. Не видите развѣ, я читаю, — отвѣтилъ я.

Гнѣвъ искривилъ и безъ того некрасивое лицо камерпажа. Онъ готовъ былъ кинуться на меня. Я сталъ въ оборонительную позицію. Онъ пробовалъ бить меня по лицу фуражкой. Я отражалъ удары, какъ умѣлъ. Тогда онъ швырнулъ фуражку на полъ.

— Поднимите!

— Сами поднимите!

Подобный фактъ неподчиненія былъ неслыханной дерзостью въ корпусѣ. Не знаю, почему онъ не избилъ меня на мѣстѣ. Онъ былъ и старше, и сильнѣе меня.

На другой день и на слѣдующій я получалъ подобные же приказы, но не исполнялъ ихъ. Тогда начался рядъ систематическихъ мелкихъ преслѣдованій, которыя способны довести мальчика до отчаянія. Къ счастью, я всегда былъ въ веселомъ расположеніи духа и отвѣчалъ шутками, или вовсе не обращалъ вниманія.

Къ тому же все вскорѣ кончилось. Полили дожди, и мы большую часть нашего времени проводили въ четырехъ стѣнахъ. Въ саду первый классъ курилъ довольно свободно; но внутри зданія курильной комнатой

была „башня“. Она содержалась очень чисто, и каминъ топился весь день.

Камерпажи сильно наказывали всякаго мальчика, если ловили его съ папиросой; но сами постоянно сидѣли у огня, курили и болтали. Любимымъ ихъ временемъ для куренія было послѣ десяти часовъ вечера, когда всѣ остальные уже ложились спать. Засѣданіе въ „башнѣ“ продолжалось до половины двѣнадцатаго; а чтобы охранить себя отъ неожиданнаго посѣщенія Жирардота, они заставляли насъ дежурить. Пятиклассниковъ поднимали поочередно, парами, съ постелей и заставляли ихъ бродить по лѣстницѣ до половины двѣнадцатаго, чтобы поднять тревогу въ случаѣ приближенія полковника.

Мы рѣшили покончить съ этими ночными дежурствами. Долго продолжались совѣщанія; обратились за совѣтомъ, какъ поступить, къ старшимъ классамъ. Ихъ рѣшеніе, наконецъ, было получено: „откажитесь стоять на часахъ; если же камерпажи начнутъ бить васъ, что, по всей вѣроятности, будетъ, соберитесь возможно большей толпой и призовите Жирардота. Онъ, конечно, знаетъ все, но тогда вынужденъ будетъ прекратить собранія“. Вопросъ о томъ, не будетъ ли это „фискальствомъ“, былъ рѣшенъ отрицательно знатоками въ дѣлахъ чести: вѣдь камерпажи не держались съ нами, какъ съ товарищами.

Чередъ стоять на стражѣ выпалъ въ эту ночь на нѣкоего „старичка“ Шаховского и на крайне робкаго новичка Селянова, говорившаго даже тоненькимъ, какъ у дѣвочки, голосомъ. Вначалѣ позвали Шаховского, тотъ отказался, и его оставили въ покоѣ. Затѣмъ, два камерпажа пришли къ Селянову, который лежалъ въ постели; такъ какъ и онъ отказался, то его принялись жестоко стегать ременными подтяжками. Шаховской разбудилъ нѣсколько товарищей, которые спали поближе, и всѣ вмѣстѣ побѣжали къ Жирардоту.

Я тоже лежалъ въ постели, когда два камерпажа подошли ко мнѣ и приказали мнѣ стать на часы. Я отказался. Тогда они схватили двѣ пары подтяжекъ (мы

всегда складывали наше платье въ большомъ порядкѣ на табуретъ, рядомъ съ постелью, подтяжки сверху, а галстухъ накрестъ) и стали стегать меня ими. Я сидѣлъ въ постели и отмахивался руками; мнѣ уже досталось нѣсколько горячихъ ударовъ, когда раздался окрикъ: „первый классъ къ полковнику!“ Свирѣпые бойцы разомъ присмирѣли и поспѣшно складывали въ порядкѣ мои вещи.

— Смотрите, ничего не говорите полковнику!—шептали они.

— Положите галстухъ, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,— шутилъ я, хотя спина и руки горѣли отъ ударовъ.

О чемъ Жирардотъ говорилъ съ первымъ классомъ, мы не узнали; но на другой день, когда мы выстроились, чтобы спуститься въ столовую, полковикъ обратился къ намъ съ рѣчью, въ минорномъ тонѣ. Онъ говорилъ, какъ прискорбно, что камерпажи напали на мальчика, который былъ правъ, когда отказался итти. И на кого напали? На новичка, на такого робкаго мальчика, какъ Селяновъ! Всему корпусу стало противно отъ этой іезуитской рѣчи.

Нечего, кажется, прибавлять, что ночнымъ дежурствамъ положенъ былъ конецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нанесенъ былъ окончательный ударъ системѣ „приставанія“ къ новичкамъ.

Это событіе также нанесло ударъ авторитету Жирардота, который принялъ все это близко къ сердцу. Къ нашему классу, а ко мнѣ, въ особенности, онъ сталъ относиться очень непріязненно (исторія съ каруселемъ была ему конечно передана) и проявлялъ это при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ первую зиму я частенько лежалъ въ госпиталѣ. Въ декабрѣ я заболѣлъ тифомъ. Во время болѣзни директоръ и докторъ относились ко мнѣ съ отеческой заботливостью. За тифомъ у меня былъ рядъ острыхъ и мучительныхъ гастрическихъ воспаленій. Жирардотъ, во время своихъ ежедневныхъ обходовъ, заставая меня часто въ госпиталѣ, сталъ говорить мнѣ полушутливо

по-французски: „вотъ валяется въ госпиталѣ молодой человѣкъ, крѣпкій, какъ новый мостъ". Разъ или два я отвѣчалъ шутками; но, наконецъ, меня возмутило злорадствованіе въ этомъ безпрерывномъ повтореніи одного и того же.

— Какъ вы смѣете говорить такъ!—крикнулъ я.—Я попрошу доктора, чтобы онъ запретилъ вамъ входить въ эту палату. И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ.

Жирардотъ отступилъ шага на два. Черные глаза его сверкнули; его тонкія губы еще больше поджались. Наконецъ, онъ произнесъ: „я оскорбилъ васъ? Не такъ ли? Хорошо, въ рекреаціонной залѣ у насъ двѣ пушки. Хотите драться на дуэли?

— Я не шучу!—продолжалъ я,—и говорю вамъ, что не хочу больше терпѣть вашихъ намековъ.

Полковникъ съ тѣхъ поръ не повторялъ болѣе своей шутки, только окидывалъ меня еще болѣе непріязненнымъ взглядомъ, чѣмъ прежде.

Всѣ говорили о враждѣ, питаемой Жирардотомъ ко мнѣ, но я не обращалъ на это вниманія; по всей вѣроятности, мой индиферентизмъ еще больше усиливалъ чувство полковника.

Цѣлыхъ полтора года онъ не давалъ мнѣ погоновъ, которые, обыкновенно, даются новичкамъ черезъ мѣсяцъ или два послѣ поступленія, послѣ того, какъ новичекъ получитъ нѣкоторое понятіе о фронтовой службѣ. Но я чувствовалъ себя очень счастливымъ и безъ этого украшенія. Наконецъ, одинъ офицеръ, лучшій фронтовикъ въ корпусѣ, вызвался обучить меня. Убѣдившись, что я, какъ слѣдуетъ, выдѣлываю всѣ штуки, онъ рѣшился представить меня Жирардоту, но полковникъ отказалъ разъ и два, такъ что офицеръ принялъ это за личное оскорбленіе. И когда разъ директоръ спросилъ его, почему у меня нѣтъ погоновъ,—офицеръ отвѣтилъ напрямикъ: „мальчикъ все знаетъ; но только полковникъ не хочетъ". Въ силу этого—по всей вѣроятности, послѣ замѣчанія директора—Жирардотъ сейчасъ же проэкзаменовалъ меня, и я получилъ погоны въ тотъ же день.

Вліяніе полковника было уже сильно на ущербѣ. Измѣнялся весь характеръ корпуса. Цѣлые двадцать лѣтъ Жирардотъ преслѣдовалъ въ училищѣ свой идеалъ: чтобы пажики были тщательно причесаны и завиты, какъ бывали придворные Людовика XIV. Учились ли пажи чему-нибудь, или нѣтъ—это его не занимало. Любимцами полковника состояли тѣ, у кого въ туалетныхъ шкатулкахъ было больше всевозможныхъ щеточекъ для ногтей и флаконовъ съ духами, чьи „собственные“ мундиры (они надѣвались во время отпуска по воскресеньямъ) были лучше сшиты и кто умѣлъ дѣлать наиболѣе изящный salut oblique. Жирардотъ часто устраивалъ репетиціи придворныхъ церемоній. Съ этой цѣлью одного изъ пажей закутывали въ красный бумажный постельный чехолъ. Это онъ изображалъ императрицу во время baise-main. Мальчики, когда-то, почти какъ священнодѣйствіе, выполняли обрядъ прикладыванія къ рукѣ мнимой императрицы и удалялись съ изящнымъ поклономъ въ сторону. Но теперь даже тѣ, которые были очень изящны при дворѣ, на репетиціи отбивали поклоны съ такой медвѣжьей граціей, что общій хохотъ не прекращался, а Жирардотъ приходилъ въ бѣшенство. Прежде пажики, которыхъ завивали, чтобы повезти на выходъ во дворецъ,—заботились о томъ, чтобы возможно дольше сохранить свои завитки послѣ церемоніи; теперь же, возвратившись изъ дворца, мальчики бѣжали подъ кранъ, чтобы распрямить волосы. Надъ женственной наружностью смѣялись. Попасть на выходъ, чтобы стоять тамъ въ видѣ декораціи, считалось уже не милостью, а своего рода барщиной. Пажики, которыхъ возили иногда во дворецъ, чтобы играть съ маленькими великими князьями, какъ-то замѣтили, что одинъ изъ послѣднихъ, при игрѣ въ жгуты, скручивалъ потуже свой платокъ, чтобы больнѣе стегать имъ. Одинъ изъ пажей сдѣлалъ тогда то же самое и такъ отхлесталъ князька, что тотъ ударился въ слезы. Жирардотъ былъ въ ужасѣ, хотя воспитатель великаго князя, старый Севастопольскій адмиралъ, даже похвалилъ пажика.

Въ корпусѣ, какъ и въ другихъ школахъ, проявилось новое и серьезное стремленіе учиться. Въ прежніе годы пажи были увѣрены, что такъ или иначе они получатъ необходимыя отмѣтки для выпуска въ гвардію. Въ силу этого, первые годы они ничего не дѣлали; учиться чему-нибудь начинали лишь въ послѣднихъ двухъ классахъ. Теперь же и младшіе классы учились очень хорошо. Моральная атмосфера тоже стала совершенно иная, въ сравненіи съ тѣмъ, что было нѣсколько лѣтъ назадъ. Одна или двѣ попытки воскресить былое закончились скандалами, которые достигли даже до петербургскихъ гостиныхъ. Жирардотъ долженъ былъ подать въ отставку. Ему разрѣшили, однако, остаться на старой холостой квартирѣ въ зданіи корпуса, и мы часто видѣли его потомъ, когда онъ, закутанный въ шинель, проходилъ, погруженный въ размышленія; по всей вѣроятности, то были размышленія печальныя, такъ какъ полковникъ не могъ не осуждать тѣхъ новыхъ вѣяній, которыя быстро опредѣлялись въ корпусѣ.

II

Вся Россія говорила тогда объ образованіи. Послѣ того, какъ заключили миръ въ Парижѣ, и цензурныя строгости нѣсколько ослабѣли, стали съ жаромъ обсуждать вопросъ о воспитаніи. Любимыми темами для обсужденія въ прессѣ, въ кружкахъ просвѣщенныхъ людей и даже въ великосвѣтскихъ гостиныхъ стало невѣжество народа, препятствія, которыя ставились до сихъ поръ желающимъ учиться, отсутствіе школъ въ деревняхъ, устарѣлые методы преподаванія, и какъ помочь всему этому. Первыя женскія гимназіи открылись въ 1857 году. Программа и штатъ преподавателей не оставляли желать лучшаго. Какъ по волшебству, выдвинулся цѣлый рядъ учителей и учительницъ, которые не только отдались всецѣло дѣлу, но проявили также выдающіяся педагогическія способности. Ихъ труды заняли бы почетное мѣсто въ западной литературѣ, если бы были извѣстны за границей.

И на пажескомъ корпусѣ тоже отразилось вліяніе оживленія. За немногими исключеніями, всѣ три младшихъ класа стремились учиться. Чтобы поощрить это желаніе, инспекторъ Винклеръ (образованный артиллерійскій полковникъ, хорошій математикъ и передовой человѣкъ) придумалъ очень удачный планъ. Онъ пригласилъ для младшихъ классовъ, вмѣсто прежнихъ посредственностей, самыхъ лучшихъ преподавателей. Винклеръ былъ того мнѣнія, что лучшіе учителя всего лучше дадутъ начинающимъ учиться мальчикамъ первыя понятія. Такимъ образомъ, для преподаванія начальной алгебры въ четвертомъ классѣ Винклеръ пригласилъ отличнаго математика и прирожденнаго педагога, капитана Сухонина. Весь классъ сразу пристрастился къ математикѣ. Между прочимъ скажу, что капитанъ преподавалъ и наслѣднику, Николаю Александровичу, и что наслѣдникъ, поэтому, пріѣзжалъ въ пажескій корпусъ, разъ въ недѣлю, чтобы присутствовать на урокахъ алгебры ка-

питана Сухонина. Императрица Марія Александровна была образованная женщина и думала, что, быть можетъ, общеніе съ прилежными мальчиками заохотитъ учиться и ея сына. Наслѣдникъ сидѣлъ на скамьѣ вмѣстѣ съ другими и, какъ всѣ, отвѣчалъ на вопросы. Но, большею частью, во время урока Николай Александровичъ или рисовалъ (очень недурно), или же разсказывалъ шепотомъ сосѣдямъ смѣшныя исторіи. Онъ былъ добродушный и мягкій юноша; но легкомысленный, какъ въ ученіи, такъ еще больше въ дружбѣ.

Для пятаго класса инспекторъ пригласилъ двухъ замѣчательныхъ людей. Разъ онъ сіяющій вошелъ къ намъ въ классъ и объявилъ, что намъ выпало завидное счастье. Большой знатокъ классической и русской литературы, профессоръ Классовскій,—сказалъ намъ Винклеръ,—согласился преподавать вамъ русскую грамматику и пройдетъ съ вами изъ класса въ классъ, всѣ пять лѣтъ, до самаго выпуска. То же самое относительно нѣмецкаго языка сдѣлаетъ другой профессоръ университета, Беккеръ, библіотекарь императорской публичной библіотеки. Винклеръ выразилъ увѣренность, что мы будемъ сидѣть тихо въ классѣ, такъ какъ профессоръ Классовскій чувствуетъ себя больнымъ въ эту зиму. Случай имѣть такого хорошаго преподавателя слишкомъ завиденъ, чтобы упустить его.

Винклеръ не ошибся. Мы очень гордились сознаніемъ, что намъ читаютъ профессора изъ университета. Правда, въ „Камчаткѣ“ держались того мнѣнія, что „колбасника“ слѣдуетъ сдѣлать шелковымъ; но общественное мнѣніе класса высказалось въ пользу профессоровъ.

„Колбасникъ“, однако, сразу завоевалъ наше уваженіе. Въ классъ вошелъ высокій человѣкъ, съ громаднымъ лбомъ и добрыми, умными глазами, съ искрой юмора въ нихъ, и совершенно правильнымъ русскимъ языкомъ заявилъ намъ, что намѣренъ раздѣлить классъ на три группы. Въ первую войдутъ нѣмцы, знающіе языкъ, къ которымъ онъ будетъ особенно требователенъ. Второй группѣ онъ станетъ читать грамматику, а впо-

слѣдствіи нѣмецкую литературу по установленной программѣ. Въ третью же группу, прибавилъ профессоръ съ милой улыбкой, войдетъ Камчатка. „Отъ нея я буду требовать только, чтобы каждый, во время урока, переписалъ изъ книги по четыре строки, которыя я укажу. Когда перепишетъ свои четыре строчки, Камчатка вольна дѣлать, что хочетъ, при одномъ условіи: не мѣшать другимъ. Я же обѣщаю вамъ, что въ пять лѣтъ вы научитесь немного нѣмецкому языку и литературѣ. Ну, кто идетъ въ группу нѣмцевъ? Вы, Штакельбергъ? Вы, Ламсдорфъ? Быть можетъ, кто-нибудь изъ русскихъ тоже желаетъ? А кто въ Камчатку?“ Пять или шесть изъ насъ, не знавшихъ ни звука по-нѣмецки, поселились на отдаленномъ полуостровѣ. Они добросовѣстно переписывали свои четыре строчки (въ старшихъ классахъ строчекъ двѣнадцать-двадцать), а Беккеръ такъ хорошо выбиралъ эти строчки и такъ внимательно относился къ ученикамъ, что черезъ пять лѣтъ „камчадалы“ дѣйствительно имѣли нѣкоторое представленіе о нѣмецкомъ языкѣ и литературѣ.

Я присоединился къ нѣмцамъ. Саша въ своихъ письмахъ такъ убѣждалъ меня учиться нѣмецкому языку, на которомъ есть не только богатая литература, но имѣется также переводъ всякой книги, представляющей научное значеніе,—что я самъ уже засѣлъ за этотъ языкъ. Я переводилъ тогда и выучивалъ трудное въ смыслѣ языка поэтическое описаніе грозы. По совѣту профессора, я выучилъ всѣ спряженія, нарѣчія и предлоги и сталъ переводить. Это—отличный методъ для изученія языковъ. Беккеръ посовѣтовалъ мнѣ, кромѣ того, подписаться на дешевый, еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Картинки и коротенькіе разсказы пріохочивали къ чтенію.

Къ концу зимы я попросилъ Беккера дать мнѣ „Фауста“. Я читалъ его въ русскомъ переводѣ; прочиталъ я также чудную тургеневскую повѣсть „Фаустъ“, и теперь жаждалъ узнать великое произведеніе въ подлинникѣ.

— Вы ничего не поймете въ немъ, — сказалъ мнѣ Беккеръ съ доброй улыбкой,— оно слишкомъ философ-

ское произведеніе.—Тѣмъ не менѣе, онъ принесъ мнѣ маленькую, квадратную книжечку, съ пожелтѣвшими отъ времени страницами. Философія Фауста и музыка стиха захватили меня всецѣло. Началъ я съ прекраснаго, возвышеннаго посвященія и скоро зналъ цѣлыя страницы наизусть. Монологъ Фауста въ лѣсу приводилъ меня въ экстазъ, въ особенности, тѣ стихи, въ которыхъ онъ говоритъ о пониманіи природы:—

«Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles,
Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst
Dein Angesicht im Feuer zugewendet....»

И теперь еще это мѣсто производитъ на меня сильное впечатлѣніе. Каждый стихъ постепенно сталъ для меня дорогимъ другомъ. Есть ли болѣе высокое эстетическое наслажденіе, чѣмъ чтеніе стиховъ на не совсѣмъ хорошо знакомомъ языкѣ? Все покрывается тогда своего рода легкой дымкой, которая такъ подобаетъ поэзіи. Тѣ слова, которыя, когда мы знаемъ разговорный языкъ, рѣжутъ наше ухо несоотвѣтствіемъ съ передаваемымъ образомъ, сохраняютъ свой тонкій, возвышенный смыслъ. Музыкальность стиха особенно улавливается.

Первая лекція Вл. Игн. Классовскаго явилась для насъ откровеніемъ. Было ему подъ пятьдесятъ; роста онъ былъ небольшого, стремителенъ въ движеніяхъ, имѣлъ сверкающіе умомъ и сарказмомъ глаза и высокій лобъ поэта. Явившись на первый урокъ, онъ тихо сказалъ намъ, что не можетъ говорить громко, такъ какъ страдаетъ застарѣлой болѣзнью и, въ силу этого, попросилъ насъ сѣсть поближе къ нему. Классовскій поставилъ свой стулъ возлѣ перваго ряда столовъ, и мы облѣпили его, какъ рой пчелъ.

Онъ долженъ былъ преподавать намъ грамматику; но вмѣсто скучнаго предмета мы услыхали нѣчто совсѣмъ другое. Онъ читалъ, конечно, грамматику; но то онъ сопоставлялъ сравненіе изъ былины со стихомъ изъ

Гомера или изъ Магабараты, прелесть которыхъ давалъ намъ понять въ русскомъ переводѣ; то вводилъ строфу изъ Шиллера, то вставлялъ саркастическое замѣчаніе по поводу какого-нибудь современнаго предразсудка. Затѣмъ слѣдовала опять грамматика, а потомъ какія-нибудь широкія, поэтическія или философскія обобщенія.

Конечно, мы не все понимали и упускали глубокое значеніе многаго; но развѣ чарующая сила ученія не заключается именно въ томъ, что оно постоянно раскрываетъ предъ нами неожиданые горизонты? Мы еще не постигаемъ вполнѣ всего; но насъ манитъ итти все дальше и дальше, къ тому, что вначалѣ кажется лишь смутными очертаніями.... Одни изъ насъ навалились на плечи товарищей, другіе стояли возлѣ Классовскаго. У всѣхъ глаза блестѣли. Мы жадно ловили его слова. Къ концу урока голосъ профессора упалъ; но тѣмъ болѣе внимательно слушали мы, затаивъ дыханіе. Инспекторъ пріоткрылъ было дверь, чтобы посмотрѣть, какъ у насъ идутъ дѣла съ новымъ преподавателемъ, но увидавъ рой застывшихъ слушателей, удалился на цыпочкахъ. Даже Дауровъ, натура вообще мятежная, и тотъ вперился глазами въ Классовскаго, какъ будто хотѣлъ сказать: „Такъ вотъ ты какой!“ Неподвижно сидѣлъ даже безнадежный Клейнау, кавказецъ съ нѣмецкой фамиліей. Въ сердцахъ большинства кипѣло что-то хорошее и возвышенное, какъ будто предъ нами раскрывался новый міръ, существованіе котораго мы до сихъ поръ не подозрѣвали. На меня Классовскій имѣлъ громадное вліяніе, которое съ годами лишь усиливалось. Предсказаніе Винклера, что, въ концѣ концовъ, я полюблю школу, оправдалось.

Западная Европа и, по всей вѣроятности, Америка не знаютъ этого типа учителя, хорошо извѣстнаго въ Россіи. У насъ нѣтъ сколько-нибудь выдающихся дѣятелей и дѣятельницъ въ области литературы или общественной жизни, которые первымъ толчкомъ къ развитію не обязаны были бы преподавателю словесности. Во

всякой школѣ, всюду, долженъ былъ бы быть такой учитель. Каждый преподаватель имѣетъ свой предметъ, и между различными предметами нѣтъ связи. Одинъ только преподаватель литературы, руководствующійся лишь въ общихъ чертахъ программой и которому предоставлена свобода выполнять ее по своему усмотрѣнію, — имѣетъ возможность связать въ одно всѣ гуманитарныя науки, обобщить ихъ широкимъ философскимъ міровоззрѣніемъ и пробудить, такимъ образомъ, въ сердцахъ молодыхъ слушателей стремленіе къ возвышенному идеалу. Въ Россіи эта задача естественно выпадаетъ на долю преподавателя русской словесности. Такъ какъ онъ говоритъ о развитіи языка, о раннемъ эпосѣ, о народныхъ пѣсняхъ и музыкѣ, а впослѣдствіи о современной беллетристикѣ и поэзіи, о научныхъ, политическихъ и философскихъ теченіяхъ, отразившихся въ ней,—то онъ обязанъ ввести обобщающія понятія о развитіи человѣческаго разума, излагаемомъ врозь въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ.

То же самое слѣдовало бы дѣлать при преподаваніи естественныхъ наукъ. Мало обучать физикѣ и химіи, астрономіи и метеорологіи, зоологіи и ботаникѣ. Какъ бы ни было поставлено преподаваніе естественныхъ наукъ въ школѣ, ученикамъ слѣдуетъ сказать о философіи естествознанія, внушить имъ общія идеи о природѣ, по образу обобщеній, напримѣръ, сдѣланныхъ Гумбольдтомъ въ первой половинѣ „Космоса“. Философія и поэзія природы, методъ точныхъ наукъ и широкое пониманіе жизни природы должны войти въ преподаваніе. Преподаватель географіи могъ бы всего лучше выполнить эту задачу; но тогда нужны совсѣмъ другіе преподаватели этого предмета въ среднихъ школахъ и совсѣмъ другіе профессора на кафедрахъ географіи въ университетахъ.

Другой учитель покорилъ нашъ шумный классъ совсѣмъ инымъ путемъ. То былъ учитель чистописанія, послѣдняя ступица въ педагогической колесницѣ. Если

къ „язычникамъ“, т. е. къ преподавателямъ французскаго и нѣмецкаго языка питали мало уваженія, то тѣмъ менѣе къ учителю чистописанія Эберту, нѣмецкому еврею. Онъ сталъ настоящимъ мученикомъ. Пажи считали особымъ шикомъ грубить Эберту. Вѣроятно, лишь бѣдностью объяснялось, почему онъ не отказался отъ уроковъ въ корпусѣ. Особенно плохо относились къ учителю старички, засѣвшіе въ пятомъ классѣ на второй и третій годъ, безъ надежды вылѣзть. Но, такъ или иначе, Эбертъ заключилъ съ ними договоръ: „по одной шалости въ урокъ, не больше“. Къ сожалѣнію долженъ сознаться, что мы не всегда честно выполняли договоръ.

Однажды обитатель далекой Камчатки намочилъ губку въ чернила, посыпалъ её мѣломъ и швырнулъ въ мученика чистописанія. „Эбертъ, лови!“—крикнулъ онъ, глупо ухмыляясь. Губка попала въ плечо. Бѣлесая жижа брызнула Эберту въ лицо и залила рубаху.

Мы были увѣрены, что на этотъ разъ Эбертъ выйдетъ изъ класса и пожалуется инспектору; но онъ вынулъ бумажный платокъ, утерся и сказалъ: „господа, одна шалость, больше нельзя“.—„Рубаха испорчена!“—прибавилъ онъ подавленнымъ голосомъ, и продолжалъ исправлять чью-то тетрадь.

Мы сидѣли пристыженные и ошеломленные. Почему, вмѣсто того, чтобы пожаловаться, онъ прежде всего вспомнилъ о договорѣ? Расположеніе класса сразу перешло на сторону учителя.

— Свинство ты сдѣлалъ!—стали мы упрекать товарища. Онъ—бѣдный человѣкъ, а ты испортилъ ему рубаху!

Виноватый сейчасъ же всталъ и пошелъ извиняться.

— Учиться надо, господа, учиться!—печально отвѣтилъ Эбертъ. И больше—ничего.

Послѣ этого классъ сразу притихъ. На слѣдующій урокъ, точно по уговору, большинство изъ насъ усердно выводило буквы и носило показывать тетради Эберту. Онъ сіялъ и чувствовалъ себя счастливымъ въ этотъ день.

Этотъ случай произвелъ на меня глубокое впечатлѣ-

ніе и не изгладился изъ памяти. До сихъ поръ я благодаренъ этому замѣчательному человѣку за его урокъ.

Съ учителемъ рисованія, Ганцомъ, у насъ никогда не могли установиться мирныя отношенія. Онъ постоянно „записывалъ“ шалившихъ во время его урока. По нашимъ понятіямъ, онъ не имѣлъ права такъ поступать, во-первыхъ, потому, что былъ лишь учитель рисованія, а во-вторыхъ, и самое главное, потому, что не былъ человѣкомъ добросовѣстнымъ. Во время урока онъ на большинство изъ насъ не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ исправлялъ рисунки лишь тѣмъ, которые брали у него частные уроки или заказывали ему рисунки къ экзамену. Мы ничего не имѣли противъ товарищей, заказывавшихъ рисунки. Напротивъ, мы считали вполнѣ естественнымъ, что ученики, не проявлявшіе способности къ математикѣ, или не обладавшіе памятью, чтобы заучивать географію, и получавшіе по этимъ предметамъ плохія отмѣтки,—имѣютъ право заказать писарю хорошій рисунокъ или топографическую карту, чтобы получить „полныя двѣнадцать“ и улучшить, такимъ образомъ, общій выводъ. Только первымъ двумъ ученикамъ не слѣдовало этого дѣлать. Но самому учителю не подобаетъ, — разсуждали мы, — выполнять рисунки на заказъ. А разъ онъ дѣлаетъ такъ, то пусть же покорно переноситъ шумъ и наши проказы. Но Ганцъ, вмѣсто того, чтобы покориться, жаловался послѣ каждаго урока и съ каждымъ урокомъ все больше и больше „записывалъ“.

Когда мы перешли въ четвертый классъ и почувствовали себя полноправными гражданами корпуса, мы рѣшили обуздать Ганца.

— Сами виноваты, что онъ такъ, заважничалъ у васъ,— говорили намъ старшіе товарищи. — Мы его держали въ ежевыхъ рукавицахъ. — Тогда мы тоже рѣшили вышколить его.

Однажды двое изъ нашего класса, отличные товарищи, подошли къ Ганцу съ папиросами въ рукахъ и по-

просили огонька. Конечно, это была лишь шутка: никто не думалъ курить въ классѣ. По нашимъ понятіямъ, Ганцъ попросту долженъ былъ сказать проказникамъ: „убирайтесь!“, но вмѣсто того онъ записалъ ихъ въ журналъ и обоихъ сильно наказали. То была капля, переполнившая чашу. Мы рѣшили устроить Ганцу „балаганъ“. Это значило, что весь классъ, вооружившись одолженными у старшихъ пажей линейками, станетъ барабанить ими по столамъ до тѣхъ поръ, покуда учитель уберется вонъ.

Выполненіе заговора представляло, однако, нѣкоторыя затрудненія. Въ нашемъ классѣ было не мало маменькиныхъ сынковъ, которые дали бы обѣщаніе присоединиться къ демонстраціи, но въ рѣшительный моментъ струсили бы и пошли на попятный. Тогда учитель могъ пожаловаться на остальныхъ. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, въ подобныхъ предпріятіяхъ единодушіе означаетъ все, такъ какъ наказаніе, какое бы оно ни было, всегда легче, когда падаетъ на цѣлый классъ, а не на немногихъ.

Затрудненіе было преодолѣно съ чисто-макіавеліевской ловкостью. Условились, что по данному сигналу всѣ повернутся спиной къ Ганцу, а затѣмъ уже начнутъ барабанить линейками, которыя будутъ лежать для этой цѣли на готовѣ на столахъ второго ряда. Такимъ образомъ, маменькиныхъ сынковъ не испугаетъ видъ Ганца. Но сигналъ? Разбойничій посвистъ, какъ въ сказкѣ, крикъ или даже чиханье не годились. Ганцъ сейчасъ бы донесъ на того, кто свистнулъ или чихнулъ. Предстояло придумать беззвучный сигналъ. Рѣшили, что одинъ изъ насъ, хорошо рисовавшій, понесетъ показать Ганцу рисунокъ. Сигналомъ будетъ, когда онъ вернется и сядетъ на мѣсто.

Все шло прекрасно. Несадовъ понесъ рисунокъ, а Ганцъ исправлялъ его нѣсколько минутъ, которыя показались намъ безконечными. Но вотъ Несадовъ вернулся, наконецъ, остановился на мгновенье, взглянулъ на насъ, затѣмъ сѣлъ... Сразу весь классъ повернулся спиной

къ учителю; линейки отчаянно затрещали по столамъ. Нѣкоторые, покрывая трескотню, кричали: „Ганцъ, пошелъ вонъ!“ Шумъ получился оглушительный. Всѣ классы знали, что Ганцъ получилъ полностью бенефисъ. Онъ поднялся, пробормоталъ что-то, наконецъ удалился. Вбѣжалъ офицеръ. Шумъ продолжался. Тогда влетѣлъ субъ-инспекторъ, а за нимъ и инспекторъ. Шумъ сразу прекратился. Началась разноска.

— Старшій подъ арестъ!—скомандовалъ инспекторъ. Такъ какъ первымъ ученикомъ въ классѣ, а потому и старшимъ, былъ я, — то меня повели въ карцеръ. Въ силу этого, я не видалъ всего дальнѣйшаго. Явился директоръ. Ганцу предложили указать зачинщиковъ; но онъ не могъ никого назвать.

— Они всѣ повернулись ко мнѣ спиной и стали шумѣть,—отвѣтилъ онъ. Тогда весь классъ повели внизъ. Хотя тѣлесное наказаніе совершенно уже не практиковалось въ нашемъ корпусѣ, но на этотъ разъ высѣкли двухъ пажей, попросившихъ у Ганца закурить. Мотивировались розги тѣмъ, что бенефисъ устроили въ отмщеніе за наказанье проказниковъ.

Узналъ я о всемъ этомъ десять дней спустя, когда мнѣ разрѣшили возвратиться въ классъ. Меня стерли съ красной доски, чѣмъ я ничуть не огорчился. Зато долженъ сознаться, что десять дней безъ книгъ въ карцерѣ показались мнѣ нѣсколько длинными. Чтобы скоротать время, я сочинилъ въ дубовыхъ стихахъ оду, въ которой воспѣвались славныя дѣянія четвертаго класса.

Само собою разумѣется, мы стали героями корпуса. Цѣлый мѣсяцъ потомъ мы все разсказывали другимъ классамъ про наши подвиги и получали похвалы за то, что выполнили все такъ единодушно, что никого не поймали отдѣльно. Затѣмъ потянулись воскресенія до самаго Рождества... Весь классъ былъ наказанъ безъ отпуска. Впрочемъ, такъ какъ мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, то проводили эти дни очень весело. Маменькины сынки получали цѣлыя корзины съ лакомствами. У кого води-

лись деньженки, тѣ накупали горы пирожковъ. Существенное до обѣда, а сладкое—послѣ. По вечерамъ товарищи изъ другихъ классовъ доставляли контрабандным путемъ славному четвертому классу массу фруктовъ.

Ганцъ не записывалъ больше никого; но съ рисованіемъ мы покончили. Никто не хотѣлъ учиться рисованію у этого продажнаго человѣка.

III

Саша въ это время находился въ Москвѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Мы дѣятельно переписывались. Покуда я былъ дома, отъ переписки пришлось отказаться, такъ какъ отецъ считалъ своимъ правомъ распечатывать всѣ письма, прибывавшія въ нашъ домъ, и скоро положилъ бы конецъ всякой не банальной корреспонденціи. Теперь мы имѣли полную возможность обсуждать въ письмахъ, что угодно. Было лишь одно затрудненіе, какъ достать денегъ на почтовые расходы? Мы однако скоро пріучились писать такъ мелко, что умудрялись передавать невѣроятную массу вещей въ одномъ письмѣ. Александръ писалъ удивительно. Онъ ухитрялся умѣщать по четыре печатныхъ страницы на одной сторонѣ листка обыкновенной почтовой бумаги. При всемъ томъ, его микроскопическія буквы читались такъ же легко, какъ четкій нонпарель. Крайне жаль, что эти письма, которыя я хранилъ, какъ святыню, исчезли. Жандармы забрали ихъ у брата во время обыска.

Въ первыхъ письмахъ мы говорили, главнымъ образомъ, про мелочи корпусной жизни, но вскорѣ переписка приняла болѣе серьезный характеръ. Братъ не умѣлъ писать о пустякахъ. Даже въ обществѣ онъ оживлялся лишь тогда, когда завязывался серьезный разговоръ, и жаловался, что испытываетъ „физическую боль въ головѣ“, какъ онъ говорилъ, когда находится среди

людей, болтающихъ о пустякахъ. Саша сильно опередилъ меня развитіемъ и побуждалъ меня развиваться. Съ этой цѣлью онъ поднималъ одинъ за другимъ вопросы философскіе, научные, присылалъ мнѣ цѣлыя ученыя диссертаціи въ своихъ письмахъ, будилъ меня, совѣтовалъ мнѣ читать и учиться. Какъ счастливъ я, что у меня былъ такой братъ, который, при этомъ, еще любилъ меня страстно. Ему, больше всего и больше всѣхъ, обязанъ я моимъ развитіемъ.

Иногда, напримѣръ, онъ совѣтовалъ мнѣ читать стихи и посылалъ въ письмахъ длинныя выдержки, а то и цѣлыя поэмы Лермонтова, А. К. Толстого и т. д., которыя писалъ на память. „Читай поэзію; отъ нея человѣкъ становится лучше“, писалъ онъ. Какъ часто потомъ вспоминалъ я это замѣчаніе и убѣждался въ справедливости его! Читайте поэзію; отъ нея человѣкъ становится лучше! Саша самъ былъ поэтъ и могъ писать удивительно звучные стихи. Но реакція противъ искусства, происшедшая въ молодежи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и изображенная Тургеневымъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, — заставила Сашу смотрѣть съ пренебреженіемъ на свои поэтическіе опыты. Его всецѣло захватили естественныя науки. Долженъ, однако, сказать, что моимъ любимымъ поэтомъ былъ не тотъ, кого болѣе всего напоминалъ братъ какъ музыкальностью стиха, такъ и склонностью къ философскимъ темамъ. Любимымъ поэтомъ Александра былъ Веневитиновъ, тогда какъ моимъ былъ Некрасовъ. Правда, стихи Некрасова часто не музыкальны; но они говорили моему сердцу тѣмъ, что заступались за „униженныхъ и обиженныхъ“.

„Человѣкъ долженъ имѣть опредѣленную цѣль въ жизни,—писалъ мнѣ братъ, — безъ цѣли, жизнь не въ жизнь“. И онъ совѣтовалъ мнѣ намѣтить такую цѣль, ради которой стоило бы жить. Я былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы найти ее; но въ силу призыва, что-то неопредѣленное, смутное, „хорошее“ закипало уже во мнѣ, хотя я самъ не могъ бы опредѣлить, что будетъ это „хорошее“.

Отецъ давалъ намъ очень мало карманныхъ денегъ. У меня ихъ никогда не имѣлось столько, чтобы купить хотя бы одну книгу. Но если Александръ получалъ нѣсколько рублей отъ какой-нибудь тетушки, то никогда не тратилъ ни копейки лично на себя, а покупалъ книгу и посылалъ ее мнѣ. Саша былъ противъ безпорядочнаго чтенія. „Приступая къ чтенію книги, у каждаго долженъ быть вопросъ, который хотѣлось бы разрѣшить“,—писалъ онъ мнѣ. Тѣмъ не менѣе, я тогда не вполнѣ оцѣнилъ это замѣчаніе. Теперь я не могу безъ изумленія вспомнить громадное количество книгъ, иногда совершенно спеціальнаго характера, которыя я тогда прочиталъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а главнымъ образомъ по исторіи. Я не тратилъ времени на французскіе романы съ тѣхъ поръ, какъ Александръ рѣшительно опредѣлилъ ихъ такъ: „они глупы, и тамъ ругаются скверными словами“.

Главной темой нашей переписки былъ, конечно, вопросъ о Weltanschauung, о выработкѣ міросозерцанія. Въ дѣтствѣ мы никогда не отличались религіозностью. Насъ брали въ церковь; но въ маленькой деревенской церкви торжественное настроеніе народа производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сама служба. Изъ всего того, что я слышалъ въ церкви, лишь двѣ вещи произвели впечатлѣніе на меня: чтеніе—въ страстной четвергъ двѣнадцати евангелій и молитва Ефрема Сирина, которая дѣйствительно прекрасна какъ по простотѣ, такъ и по глубинѣ чувства. Пушкинъ переложилъ ее, какъ извѣстно, въ стихи:

«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей» и пр.

Впослѣдствіи, въ Петербургѣ, я бывалъ нѣсколько разъ въ католической церкви; но меня поразила тамъ театральность и отсутствіе истиннаго чувства. Впечатлѣніе это было еще сильнѣе, когда я видѣлъ простую вѣру какихъ-нибудь отставныхъ польскихъ солдатъ или

же крестьянокъ, молившихся въ дальнемъ углу. Заходилъ я также и въ протестантскую церковь; но когда я вышелъ оттуда, то поймалъ себя на томъ, что шепталъ стихи Гете:

Bewundrung von Kindern und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht;
Doch werdet ihr nie Herz zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht.

Александръ въ то время съ обычнымъ пыломъ увлекся лютеранствомъ. Онъ прочелъ книгу Мишлэ о Сервете и составилъ себѣ собственную вѣру по образцу этого знаменитаго антитринитарія. Съ энтузіазмомъ изучилъ братъ Аугсбургскую декларацію, которую переписалъ и послалъ мнѣ. Наши письма тогда переполнены были разсужденіями о благодати и цитатами изъ посланій апостоловъ Павла и Якова. Я — слушалъ брата; но богословскія бесѣды не особенно глубоко интересовали меня. Я сталъ читать книги совсѣмъ другого характера, когда оправился отъ тифа. Лена была тогда уже замужемъ, жила въ Петербургѣ, и по субботамъ вечеромъ я отправлялся къ ней. Мужъ ея имѣлъ порядочную библіотеку, въ которой находились энциклопедисты и лучшія произведенія современныхъ французскихъ философовъ. Я погрузился въ чтеніе этихъ книгъ. Онѣ были запрещенныя, и я не могъ взять ихъ съ собою въ корпусъ, но зато по субботамъ, до глубокой ночи, я читалъ энциклопедистовъ, „Философскій словарь“ Вольтера, произведенія стоиковъ, въ особенности Марка Аврелія, и т. д. Безконечность вселенной, величіе природы, поэзія и вѣчно біющаяся жизнь ея—производили на меня все большее и большее впечатлѣніе, а никогда не прекращающаяся жизнь и гармонія природы погружали меня въ тотъ восторженный экстазъ, котораго такъ жаждутъ молодыя натуры. Въ тоже время у моихъ любимыхъ поэтовъ я находилъ образы для выраженія той пробуждавшейся любви и вѣры

въ прогрессъ, которой красна юность и которая оставляетъ впечатлѣніе на всю жизнь.

Александръ, между тѣмъ, постепенно дошелъ до кантіанскаго критицизма. Письма его наполнились „относительностью представленій“, „представленіями во времени и въ пространствѣ, и во времени только“ и т. д. Почеркъ становился все болѣе и болѣе микроскопическимъ, по мѣрѣ того, какъ возрастала важность предмета. Но ни тогда, ни впослѣдствіи, когда мы цѣлыми часами обсуждали кантовскую философію, брату не удалось превратить меня въ поклонника кенигбергскаго философа.

Моими любимыми предметами стали точныя науки, математика, физика и астрономія.

Въ 1858 году, еще до появленія безсмертнаго труда Дарвина, профессоръ зоологіи московскаго университета К. Ф. Рулье напечаталъ три лекціи о трансформизмѣ. Мой братъ тотчасъ же ухватился за идею объ измѣнчивости видовъ; но не довольствовался приблизительными доказательствами, а занялся изученіемъ спеціальныхъ работъ о наслѣдственности и т. п. Въ письмахъ онъ сообщалъ мнѣ главные факты, а также свои выводы и сомнѣнія. Появленіе „Происхожденія видовъ“ не разрѣшило его сомнѣній по поводу нѣкоторыхъ спеціальныхъ пунктовъ. Книга подняла лишь рядъ новыхъ вопросовъ, которые побудили его заниматься еще съ большимъ усердіемъ. Впослѣдствіи мы обсуждали—и наши обсужденія продолжались много лѣтъ — различные вопросы, касающіеся происхожденія уклоненій въ видахъ, возможности передачи этихъ уклоненій по наслѣдству и усиленія ихъ. Короче, насъ занимали тѣ трудности въ теоріи естественнаго подбора, которыя были недавно подняты въ научномъ спорѣ между Спенсеромъ и Вейсманомъ, въ изслѣдованіяхъ Галтона и въ трудахъ современныхъ нео-ламаркіанцевъ. Благодаря своему философскому и критическому уму, Александръ сразу замѣтилъ, какое важное значеніе имѣютъ эти вопросы, ко-

торые тогда были недосмотрѣны многими учеными, для теоріи измѣненія видовъ.

Долженъ я также упомянуть о временной экскурсіи въ область политической экономіи. Въ 1858 и 1859 годахъ всѣ въ Россіи говорили о политической экономіи. Лекціи о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ привлекали массу слушателей. Горячо, хотя и не на долго, заинтересовался экономическими вопросами и Александръ, который тогда еще не былъ поглощенъ всецѣло Происхожденіемъ видовъ. Онъ прислалъ мнѣ для прочтенія курсъ Жана Батиста Сея; я прочелъ, однако, лишь нѣсколько главъ: тарифы и банковыя операціи не интересовали меня. Зато Александръ увлекся всѣми этими матеріями такъ сильно, что писалъ даже о нихъ мачихѣ, пытаясь заинтересовать ее системой таможенныхъ пошлинъ. Впослѣдствіи въ Сибири мы перечитывали эти письма. Мы хохотали, какъ дѣти, когда дошли до одного посланія, въ которомъ Саша горько жаловался на неспособность мачихи заинтересоваться даже такими жгучими вопросами и неистовствовалъ по поводу „мѣдно-лобаго зеленщика“, котораго изловилъ на улицѣ. Со многими восклицательными знаками Саша писалъ: „Повѣришь ли, несмотря на то, что онъ лавочникъ, этотъ болванъ со свинскимъ равнодушіемъ относился къ тарифнымъ вопросамъ“!

Каждое лѣто половина всѣхъ пажей уходила въ лагерь въ Петергофъ. Два младшихъ класса освобождались однако отъ этого. Такимъ образомъ, два года я проводилъ каникулы въ Никольскомъ. Оставить корпусъ, поѣхать по машинѣ въ Москву и встрѣтить тамъ Александра было для меня такимъ счастьемъ, что я считалъ дни. Но разъ въ Москвѣ меня ждало большое разочарованіе. Александръ не выдержалъ экзамена и остался на второй годъ въ томъ же классѣ. Въ сущности, онъ былъ еще слишкомъ молодъ для спеціальныхъ классовъ; но тѣмъ не менѣе отецъ очень разсердился и не позволилъ намъ видѣться. Меня это крайне опечалило. Мы

уже не были дѣтьми, и у насъ много накопилось, что сказать другъ другу. Я пытался отпроситься къ теткѣ Сулима, въ домѣ которой надѣялся встрѣтить брата; но получилъ рѣшительный отказъ. Послѣ второй женитьбы отца намъ запретили ходить къ родственникамъ матери.

Въ ту весну нашъ московскій домъ былъ полонъ гостей. Каждый вечеръ пріемныя ярко освѣщались, игралъ оркестръ, кондитеръ приготовлялъ мороженое и печенія, а картежная игра въ большой залѣ шла до поздней ночи. Я бродилъ безцѣльно по яркоосвѣщеннымъ комнатамъ и чувствовалъ себя несчастнымъ.

Разъ ночью, послѣ десяти, кто-то изъ слугъ поманилъ меня знакомъ и шепнулъ, чтобы я вышелъ въ переднюю. Я вышелъ. „Идите въ людскую,—шепнулъ старый дворецкій Фролъ,—Александръ Алексѣевичъ тамъ".

Я помчался черезъ дворъ, быстро взбѣжалъ на крыльцо, въ людскую. Въ полутемной большой комнатѣ, за громаднымъ столомъ, я увидалъ Александра.

— Саша, милый мой, откуда ты?—Мы кинулись въ объятія другъ другу. Нѣкоторое время мы ничего не могли сказать отъ волненія.

— Тише! Еще услышатъ васъ! — зашептала кухарка Прасковья, утирая глаза угломъ передника. — Бѣдныя сиротки! Если бы ваша мамаша жива была!..

Старый Фролъ тоже стоялъ, понуривъ голову; и у него глаза мигали.

— Смотри же, Петя, никому ни слова; слышишь, никому,—сказалъ онъ. Прасковья между тѣмъ поставила на столъ передъ Александромъ горшокъ съ кашей.

Сверкающій здоровьемъ Саша принялся уже говорить о разныхъ разностяхъ, уписывая въ то же время кашу. Горшокъ пустѣлъ. Я едва могъ добиться отъ Саши, какъ онъ явился такъ поздно. Жили мы тогда близъ Смоленскаго бульвара, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того дома, въ которомъ умерла мать; кадетскій же корпусъ находился на другомъ концѣ Москвы, верстахъ въ семи.

Саша, вмѣсто себя, уложилъ подъ одѣяло чучело,

сдѣланное изъ платья, затѣмъ спустился незамѣтно черезъ окно „башни“ и всѣ семь верстъ прошелъ пѣшкомъ.

— А ты не боялся проходить пустырями, близъ корпуса?—спросилъ я.

— Кого мнѣ бояться. Развѣ что на меня накинулись собаки; но я ихъ самъ же раздразнилъ. Завтра захвачу съ собою тесакъ.

Кучера и другіе слуги приходили между тѣмъ. Они вздыхали, глядя на насъ, затѣмъ садились у стѣнъ и тихо перешептывались порой, чтобы не помѣшать намъ. А мы, обнявшись, просидѣли до полуночи и бесѣдовали о туманныхъ пятнахъ и о гипотезѣ Лапласа, о строеніи вещества, о борьбѣ папской и императорской власти при Бонифаціи VIII и т. п.

Время отъ времени вбѣгалъ кто-нибудь изъ слугъ и говорилъ:

— Петинька, пойди покажись въ залѣ; а то они поднялись отъ картъ и могутъ хватиться тебя.

Я умолялъ Сашу, чтобы онъ не приходилъ на слѣдующую ночь; но онъ, тѣмъ не менѣе, явился, выдержавъ предварительно стычку съ собаками, противъ которыхъ захватилъ тесакъ. Еще быстрѣе вчерашняго помчался я на другой день, когда меня позвали въ людскую. На этотъ разъ Саша часть дороги проѣхалъ на извозчикѣ. Прошлой ночью одинъ изъ слугъ принесъ ему деньги, которыя получилъ отъ игравшихъ въ карты гостей и упросилъ принять ихъ. Саша взялъ немного мелочи на извозчика и поэтому прибылъ раньше.

Думалъ онъ пріѣхать и на слѣдующій день; но такъ какъ наши свиданія могли навлечь бѣду на слугъ, то мы рѣшили разстаться до осени. Изъ коротенькаго оффиціальнаго письма, полученнаго на другой день, я узналъ, что его ночныя похожденія остались не раскрыты. Если бы про нихъ узнали въ корпусѣ, наказаніе было бы ужасно. Страшно даже подумать объ этомъ! Сѣченіе розгами предъ всѣмъ корпусомъ, до потери сознанія, покуда несчастнаго унесутъ на простынѣ въ гос-

питаль, а затѣмъ разжалованье въ кантонисты, — все было возможно въ то время.

Не менѣе жестоко пострадали бы слуги, если бы отецъ узналъ про наши свиданія. Но они умѣли хранить тайны и не выдавали другъ друга. Всѣ они знали про посѣщенія Александра; но никто не обмолвился ни словомъ предъ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ. Лишь только они да я во всемъ домѣ знали про свиданія.

IV

Къ тому же году относится мой первый опытъ изслѣдованія народной жизни. Онъ пододвинулъ меня на шагъ ближе къ нашимъ крестьянамъ и показалъ ихъ въ новомъ свѣтѣ, а также пригодился мнѣ впослѣдствіи въ Сибири.

Ежегодно въ іюлѣ, въ день Казанской Божьей матери, храмовой праздникъ нашей церкви, въ Никольскомъ бывала большая ярмарка. Съѣзжались купцы изъ сосѣднихъ городовъ; нѣсколько тысячъ крестьянъ собиралось изъ окрестныхъ деревень, верстъ за сорокъ. Никольское тогда кипѣло народомъ два дня. Въ томъ году Аксаковъ напечаталъ свое замѣчательное изслѣдованіе украинскихъ ярмарокъ. Саша, котораго увлеченіе политической экономіей стояло тогда въ зенитѣ, посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать статистическое описаніе нашей ярмарки, съ цѣлью опредѣлить оборотъ ея. Я послѣдовалъ совѣту и, къ великому моему изумленію, выполнилъ работу довольно успѣшно. Мои вычисленія оборота, на сколько я могу теперь припомнить, заслуживали столько же довѣрія, сколько результаты многихъ статистическихъ изслѣдованій.

Ярмарка наша продолжалась немного больше сутокъ. Наканунѣ храмового праздника ярмарочная площадь кипѣла жизнью. Наскоро сооружался длинный рядъ навѣсовъ, подъ которыми продавались ситцы, нитки, ленты

и всякія деревенскія обновы. Въ большой каменный сарай привозились столы, стулья и скамьи, и онъ превращался въ трактиръ. Полъ его посыпался яркимъ, желтымъ пескомъ. Сооружались три новыхъ кабака, издали привлекавшіе вниманіе крестьянъ вѣникомъ, насаженнымъ на длинный шестъ. Съ изумительной быстротой выростали ряды меньшихъ лавченокъ, въ которыхъ продавалась посуда, сапоги, пряники и разная мелочь. Въ одномъ концѣ ярмарки вырывали въ землѣ походныя кухни. Въ громадныхъ котлахъ варились цѣлые бараны и четверти пшена и гречневой крупы. Тутъ стряпали щи и кашу для всей ярмарки. Къ полудню, на всѣхъ четырехъ дорогахъ, ведущихъ къ селу, не было проѣзда отъ гуртовъ скота, крестьянскихъ телѣгъ и возовъ, нагруженныхъ глиняной посудой, бочками съ дегтемъ, хлѣбомъ.

Всенощная служилась въ нашей церкви съ необыкновенной торжественностью. Служили ее соборнѣ около десятка священниковъ и діаконовъ изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ. А дьячки, подкрѣпленные молодыми сидѣльцами, заливались совсѣмъ, какъ архіерейскіе пѣвчіе въ Калугѣ. Церковь бывала набита биткомъ. Всѣ молились усердно. Торговцы соперничали другъ съ другомъ числомъ и величиной свѣчъ, поставленныхъ предъ иконами, чтобы торговля шла бойчѣе. Въ церкви бывало такъ людно, что пришедшіе позже не могли протолкаться къ алтарю. Постоянно, вслѣдствіе этого, отъ дверей къ алтарю, изъ рукъ въ руки переходили, смотря по состоянію молящагося, толстыя и тонкія, бѣлыя и желтыя свѣчи. Передававшіе шептали: „Заступницѣ нашей, Пресвятой Казанской Божьей Матери“, „Николаю Угоднику“, „Фролу и Лавру“. А то и просто: „всѣмъ святымъ“, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій.

Немедленно послѣ всенощной начиналось подторжье. Я вполнѣ отдался работѣ: опрашивалъ сотни людей о стоимости привезеннаго товара. Къ моему удивленію, работа спорилась. Конечно, и мнѣ тоже задавали вопросы: „Зачѣмъ это вамъ?“ „Ужъ не для стараго ли

князя? Не хочетъ ли онъ увеличить ярморочный сборъ?" Но мое увѣреніе, что „старый князь" ничего не знаетъ и знать не будетъ (онъ, конечно, счелъ бы величайшимъ позоромъ, что сынъ его занимается подобной перепиской), разрѣшало всѣ сомнѣнія. Скоро я научился, какъ ставить вопросы. Послѣ полудюжины стакановъ чая, распитыхъ съ лавочникомъ въ трактирѣ (въ какой бы ужасъ пришелъ отецъ, если бы узналъ это), все устроилось очень хорошо. Моей работой заинтересовался также никольскій староста, Василій Ивановъ, красивый молодой крестьянинъ, съ умнымъ лицомъ и шелковистой русой бородой.

— Коли тебѣ это нужно для твоей науки, то ты такъ и дѣлай, а потомъ—можетъ и намъ пригодится,—замѣтилъ онъ, и говорилъ потомъ крестьянамъ, что съ моими опросами все—ладно.

Короче сказать, „привозъ" опредѣлился довольно точно. Но продажа, начавшаяся на другой день, представляла нѣкоторыя затрудненія. Торгующіе краснымъ товаромъ сами еще не знали, на сколько они продали. Въ день храмового праздника молодыя крестьянки просто брали лавки приступомъ. Каждая изъ нихъ продала немного самотканнаго полотна и теперь покупала ленту, ситцу, цвѣтной головной платокъ для себя, шейный платокъ для мужа и небольшіе гостинцы для стариковъ и ребятишекъ, оставшихся дома. Что касается до крестьянъ, продававшихъ посуду, пряники, скотъ или пеньку, то они (въ особенности же, старухи) сразу опредѣляли сумму.

— Хорошо торговала, бабушка?—задавалъ я вопросъ.

— Грѣхъ жаловаться. Что Бога гнѣвить! Почти все ужъ продала.

И изъ маленькихъ итоговъ, которые они мнѣ давали, у меня въ записной книжкѣ, въ общемъ, складывались суммы въ десятки тысячъ рублей. Только одинъ пунктъ остался не выясненъ. Подъ палящимъ солнцемъ стояли сотни бабъ. Каждая принесла на продажу кусокъ самотканнаго холста, иногда очень тонкаго. Десятки покупа-

телей, съ цыганскими лицами и ястребиными глазами шныряли въ толпѣ, покупая холстъ. Эти сдѣлки я могъ опредѣлить лишь приблизительно, при помощи Василія Иванова.

Я тогда не философствовалъ надъ своимъ опытомъ и просто радовался, что онъ удался. Но здравый смыслъ и способность быстраго пониманія русскаго крестьянина, выяснившіеся мнѣ въ эти два дня,—произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда мы занимались революціонной пропагандой въ народѣ, я нерѣдко удивлялся тому, что товарищи, получившіе гораздо болѣе демократическое воспитаніе, чѣмъ я, — не знали, какъ приступиться къ крестьянамъ или къ фабричнымъ. Они пытались поддѣлаться подъ народный говоръ, вводили много, такъ называемыхъ, „народныхъ“ оборотовъ, но этимъ дѣлали свою рѣчь еще болѣе непонятной.

Ничего подобнаго не требуется, когда говоришь или же пишешь для народа. Великорусскій крестьянинъ отлично понимаетъ интеллигентнаго человѣка, если только послѣдній не начиняетъ свою рѣчь иностранными словами. Крестьянинъ не понимаетъ лишь отвлеченныхъ понятій, если они не пояснены наглядными примѣрами. Вообще, я убѣдился изъ опыта, что нѣтъ такого вопроса изъ области естественныхъ наукъ или соціологіи, котораго нельзя было бы изложить совершенно понятно для крестьянъ и вообще для деревенскаго населенія всѣхъ странъ. Требуется только, чтобы вы сами совершенно ясно понимали, о чемъ вы говорите, и говорили просто, исходя изъ наглядныхъ примѣровъ. Главное отличіе между образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ то, что второй не можетъ слѣдить за цѣпью умозаключеній. Онъ улавливаетъ первое, быть можетъ, и второе; но третье уже утомляетъ его, если онъ еще не видитъ конечнаго вывода, къ которому вы стремитесь. Впрочемъ—какъ часто то же самое мы видимъ и въ образованныхъ людяхъ.

Вынесъ я еще одно впечатлѣніе изъ этой юношеской

работы, хотя оформилъ его лишь впослѣдствіи. По всей вѣроятности, оно удивитъ не одного читателя. Я имѣю въ виду духъ равенства, крайне опредѣленно выраженный, не только въ русскихъ крестьянахъ, но вообще въ деревенскомъ населеніи всѣхъ странъ. Мужикъ можетъ рабски повиноваться помѣщику или полицейскому чиновнику; онъ подчиняется безпрекословно ихъ волѣ; но онъ отнюдь не считаетъ ихъ высшими людьми. Черезъ минуту тотъ же крестьянинъ будетъ съ бариномъ разговаривать, какъ равный съ равнымъ, если рѣчь пойдетъ о сѣнѣ или объ охотѣ. Во всякомъ случаѣ никогда я не наблюдалъ въ русскомъ крестьянинѣ того подобострастія, ставшаго второй натурой, съ которымъ маленькій чиновникъ говоритъ о своемъ начальникѣ или лакей о своемъ баринѣ. Крестьянинъ слишкомъ легко подчиняется силѣ, но не поклоняется ей.

Въ то лѣто я возвратился изъ Никольскаго въ Москву не обычнымъ путемъ. Тогда желѣзная дорога между Калугой и Москвой еще не существовала, а былъ нѣкто Козелъ, державшій родъ почтовыхъ дилижансовъ между обоими городами. Наши, конечно, никогда не ѣзжали такимъ образомъ: на то были свои лошади и экипажи. Но отецъ, чтобы избавить мачиху отъ двойного путешествія, полушутливо предложилъ мнѣ поѣхать дилижансомъ, „на Козлѣ“. Я съ радостью ухватился за это предложеніе. Мачиха довезла меня до Калуги, а оттуда я отправился съ Козловскимъ тарантасомъ. Въ тарантасѣ насъ было всего четыре человѣка: очень толстая старая купчиха, я, да еще купецъ съ мѣщаниномъ на переднемъ сидѣньѣ. Путешествіе—оказалось чудное. Прежде всего я путешествовалъ самъ (мнѣ шелъ всего шестнадцатый годъ), а затѣмъ купчиха запаслась для трехдневнаго путешествія громадной корзиной съ припасами и все время угощала меня всевозможными пирожками, печеньями и фруктами.

Но больше всего у меня запечатлѣлся одинъ вечеръ. Мы остановились на постояломъ дворѣ, въ большомъ

селѣ. Старая купчиха заказала для себя самоваръ, а я отправился бродить по улицамъ. Мое вниманіе обратила бѣлая харчевня, и я зашелъ туда. За столами, покрытыми бѣлыми скатертями, сидѣли крестьяне и распивали чай. Заказалъ и я себѣ пару.

Все было для меня ново. Село было не господское, а казенныхъ крестьянъ, — сравнительно зажиточныхъ, такъ какъ въ селѣ было развито тканье полотна. За столами шелъ тихій, спокойный разговоръ; лишь иногда раздавался смѣхъ. Кто-то спросилъ меня, откуда я, куда ѣду, и скоро у меня завязался разговоръ съ десяткомъ крестьянъ объ урожаѣ въ нашихъ мѣстахъ, о погодѣ, о сѣнѣ. Затѣмъ, мнѣ стали задавать различные вопросы. Крестьяне желали знать все о Петербургѣ, а въ особенности, о ходившихъ тогда слухахъ о близости воли. И на меня повѣяло какое-то особенно-теплое чувство простоты, сердечности и сознанія равенства, чувство, которое я всегда испытывалъ впослѣдствіи среди крестьянъ. Ничего особеннаго не случилось въ этотъ вечеръ, такъ что я даже себя спрашиваю, стоитъ ли упоминать объ немъ. А между тѣмъ теплая, темная ночь, спустившаяся на деревню, маленькая харчевня, тихія бесѣды крестьянъ, ихъ пытливые разспросы о сотнѣ предметовъ, лежащихъ внѣ круга ихъ обычной жизни,— все это сдѣлало то, что съ тѣхъ поръ бѣдная бѣлая харчевня стала для меня привлекательнѣе богатаго, роднаго ресторана.

V

Корпусъ нашъ переживалъ бурное время. Когда Жирардотъ вышелъ въ отставку, мѣсто его занялъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, капитанъ Б. Онъ вообще былъ добрый человѣкъ; но ему засѣло въ голову, что мы почитаемъ его не такъ, какъ соотвѣтствуетъ высокому посту, занимаемому имъ. И вотъ нашъ капитанъ сталъ внушать намъ большее уваженіе и благовѣніе къ себѣ,

и началъ съ того, что сталъ притѣснять старшій классъ изъ-за всякой мелочи. Что казалось намъ еще хуже,— онъ посягнулъ на наши „вольности", происхожденіе которыхъ терялось во мракѣ времени. Права эти были очень маленькія; но мы крайне дорожили ими.

Въ результатѣ получилось то, что корпусъ нашъ нѣсколько дней „бунтовалъ". Послѣдовало поголовное наказаніе и исключеніе изъ корпуса двухъ камерпажей, нашихъ любимцевъ.

Затѣмъ, тотъ же капитанъ сталъ заходить въ классы, гдѣ мы въ теченіе часа, до начала занятій, приготовляли уроки. Мы считали, что въ классахъ избавлены отъ надзора фронтового начальства, такъ какъ находимся въ вѣдѣніи инспектора. Насъ сильно задѣло вторженіе въ классъ, и разъ я громко заявилъ капитану, что тутъ мѣсто инспектора классовъ. За эту дерзость я отсидѣлъ нѣсколько недѣль въ карцерѣ. Меня бы исключили, если бы инспекторъ, помощникъ его и даже нашъ старый директоръ не рѣшили, что я громко высказалъ то, что они сами говорили между собой.

Едва эти волненія кончились, какъ смерть вдовствующей императрицы снова прервала правильное теченіе занятій.

Похороны высочайшихъ особъ устраиваются всегда съ особенной пышностью и торжественностью, производящей сильное впечатлѣніе на народъ. Тѣло императрицы было доставлено изъ Царскаго Села, гдѣ она умерла, въ Петербургъ, и съ вокзала его перевезли по главнымъ улицамъ въ Петропавловскую крѣпость. Гробъ провожала вся императорская фамилія, высшіе сановники, десятки тысячъ чиновниковъ и безчисленныя корпораціи. Впереди шли сотни священниковъ и хоры пѣвчихъ. Сто тысячъ гвардіи было выстроено вдоль улицъ. Тысячи людей въ парадныхъ формахъ участвовали въ процессіи, сопровождали колесницу или же шли впереди ея. На каждомъ перекресткѣ пѣлась литія. Звонъ церковныхъ колоколовъ, пѣніе громадныхъ хоровъ, смѣшанные звуки соединенныхъ военныхъ оркестровъ,—все

это должно было внушить народу, что громадная толпа оплакиваетъ смерть императрицы.

Покуда гробъ стоялъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, пажи, въ числѣ прочихъ, стояли возлѣ него на часахъ днемъ и ночью. Три камерпажа и три фрейлины постоянно дежурили возлѣ гроба, помѣщавшагося на высокомъ катафалкѣ, а пажей двадцать стояли на платформѣ, на которой два раза въ день служились панихиды въ присутствіи императора и всей его семьи. Ради этого еженедѣльно отвозили въ крѣпость чуть не половину нашего корпуса. Мы смѣнялись каждые два часа, и днемъ дежурить было не трудно. Но жутко бывало вставать ночью, одѣваться въ придворное платье и затѣмъ итти въ соборъ темными и мрачными дворами крѣпости, при печальномъ перезвонѣ башенныхъ часовъ. Холодъ тогда пробѣгалъ у меня, когда я вспоминалъ о заключенныхъ, замурованныхъ гдѣ-то тутъ, въ этой русской Бастиліи. „Кто знаетъ,—думалъ я,—быть можетъ и мнѣ предстоитъ когда-нибудь попасть въ число ихъ".

Похороны не обошлись безъ происшествія, которое могло бы имѣть очень серьезныя послѣдствія. Надъ гробомъ, подъ куполомъ собора, сдѣланъ былъ громадный балдахинъ, увѣнчанный большой позолоченной короной. Отъ нея, къ четыремъ громаднымъ пиллястрамъ, поддерживающимъ куполъ, ниспадала огромная пурпурная мантія, подбитая горностаемъ. Впечатлѣніе получалось сильное; но мы, пажи, скоро открыли, что золоченая корона сдѣлана изъ картона и дерева, что лишь нижняя часть мантіи—бархатная, верхняя же—изъ краснаго кумача, и что вмѣсто горностая употребили бѣлую бумазею съ нашитыми бѣличьими хвостиками. Покрытые крепомъ щиты съ гербами были тоже картонные. Но народу, которому вечеромъ разрѣшали проходить мимо катафалка, чтобы приложиться къ золотой парчѣ, покрывавшей гробъ,—не было времени разсмотрѣть бумазейный горностай и картонные щиты.

Во время панихидъ члены императорской фамиліи,

какъ водится, стояли съ зажженными свѣчами, которыя тушились послѣ прочтенія извѣстныхъ молитвъ. Разъ одинъ изъ маленькихъ великихъ князей, увидавши что „большіе“ тушатъ свѣчи, перевернувъ ихъ, сдѣлалъ то же самое и нечаянно поджегъ черный крэпъ, ниспадавшій позади его, съ щита. Черезъ мгновенье щитъ и бумажная ткань пылали. Громадный огненный языкъ побѣжалъ вверхъ по тяжелымъ складкамъ, такъ называемой, горностаевой мантіи.

Панихида прекратилась. Глаза всѣхъ были устремлены съ ужасомъ на этотъ огненный языкъ, который взбѣгалъ все выше и выше, къ картонной коронѣ и къ деревянной рамѣ, поддерживавшей все сооруженіе. Стали падать куски горящей ткани, грозя зажечь траурные вуали дамъ.

Александръ II потерялся лишь на мгновеніе, но немедленно оправился. „Нужно гробъ нести“,—приказалъ онъ. Камерпажи тотчасъ же покрыли гробъ золотой парчей, и всѣ стали подходить, чтобы поднять его. Но въ это время громадный огненный языкъ распался на мелкіе голубые огоньки, которые пошли по ворсу ткани. Мало-по-малу и они потухли среди пыли и копоти, накопившихся наверху.

Не могу сказать, на что я тогда больше засмотрѣлся; на ползущій ли огненный языкъ или на величественныя и стройныя фигуры трехъ фрейлинъ, стоявшихъ возлѣ гроба. Черныя кружевныя вуали висѣли у нихъ вдоль плечъ, а длинные шлейфы траурныхъ платьевъ покрывали ступени катафалка. Ни одна изъ нихъ не шелохнулась. Онѣ стояли, какъ прекрасныя изваянія. Лишь на глазахъ одной изъ нихъ, Гамалеи, слезы блеснули, какъ жемчужины. Она была украинка родомъ и единственная красавица среди всѣхъ фрейлинъ.

Въ корпусѣ все было верхъ дномъ. Занятія прекратились. Тѣ изъ насъ, которые возвращались съ дежурства изъ крѣпости, жили во временныхъ помѣщеніяхъ. Такъ какъ дѣлать было нечего, то придумывались различныя проказы. Такъ, мы открыли стоявшій въ комнатѣ

шкафъ, въ которомъ находилась великолѣпная коллекція моделей животныхъ, предназначавшаяся для преподаванія естественной исторіи. Собственно говоря, таково было ея оффиціальное назначеніе; но намъ никогда не показывали животныхъ. За то мы рѣшили воспользоваться моделями теперь. Изъ черепа, который мы нашли въ шкафу, мы сдѣлали привидѣніе, чтобы пугать ночью товарищей и офицеровъ. Животныхъ же мы размѣстили въ самыхъ уморительныхъ положеніяхъ и группахъ: обезьяны разъѣзжали верхомъ на львахъ, овцы играли съ леопардами, жирафы танцовали со слонами и т. д. Хуже всего было то, что въ корпусъ пріѣхалъ прусскій принцъ, прибывшій на похороны (кажется, тотъ самый, который сталъ впослѣдствіи императоромъ Фридрихомъ). Нашъ директоръ не преминулъ похвастать прекрасными педагогическими коллекціями и подвелъ гостя къ злосчастному шкафу. Едва прусскій принцъ увидалъ нашу зоологическую классификацію, у него вытянулось лицо и онъ быстро отвернулся. Директоръ оцѣпенѣлъ отъ ужаса; онъ лишился способности произносить членораздѣльные звуки и только тыкалъ рукой, все по направленію морскихъ звѣздъ, помѣщенныхъ въ стеклянныхъ коробкахъ возлѣ шкафа. Свита принца притворялась, будто ничего не замѣчаетъ и лишь украдкой окидывала взглядомъ курьезную коллекцію. А мы употребляли всѣ усилія, чтобы не расхохотаться.

VI

Школьная жизнь юноши въ Россіи рѣзко отличается отъ западно-европейской. У насъ, юноша въ университетѣ или же въ военной школѣ живо интересуется вопросами соціальными, политическими и философскими. Правда изъ всѣхъ учебныхъ заведеній пажескій корпусъ представлялъ наименѣе удобную почву для такого развитія, но въ ту эпоху всеобщаго пробужденія прогрессивныя идеи проникли и къ намъ и захватили нѣ-

которыхъ изъ насъ. Это, впрочемъ, не мѣшало намъ принимать дѣятельное участіе въ бенефисахъ и другихъ проказахъ.

Въ четвертомъ классѣ я заинтересовался исторіей. По замѣткамъ, составленнымъ во время уроковъ, и при помощи книгъ (Саша, конечно, прислалъ мнѣ всеобщую исторію Лоренца), я написалъ для себя цѣлый курсъ ранней исторіи среднихъ вѣковъ. На слѣдующій годъ меня заинтересовала борьба между папской властью и свѣтской при Бонифаціи VIII и Филиппѣ IV; мнѣ страстно хотѣлось получить разрѣшеніе работать въ публичной библіотекѣ, чтобы тамъ изучать великую борьбу. Это было, однако, не согласно съ правилами: воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній не допускались. Добрый Беккеръ, впрочемъ, уладилъ, всѣ препятствія; мнѣ разрѣшили доступъ въ святилище. Я могъ занять теперь мѣсто на одномъ изъ красныхъ бархатныхъ диванчиковъ, предъ однимъ изъ столиковъ, составлявшихъ тогда меблировку читальни. Познакомившись съ учебниками, а затѣмъ съ книгами, имѣвшимися въ нашей библіотекѣ, — я перешелъ къ первоисточникамъ. Я не зналъ латыни, но вскорѣ открылъ богатые источники на старомъ нѣмецкомъ и старомъ французскомъ языкахъ. Архаическія формы и выразительность языка французскихъ лѣтописей доставляли мнѣ высокое эстетическое наслажденіе. Предо мной раскрылся совершенно новый общественный строй; я узналъ про невѣдомый, сложный міръ. Съ тѣхъ поръ я научился цѣнить историческіе первоисточники, больше чѣмъ модернизированныя сочиненія. Изъ послѣднихъ дѣйствительная жизнь описываемаго періода вытѣсняется партіозными тенденціями, а не то и модной формулой. Замѣчу также, что ничто не даетъ такого толчка умственному развитію, какъ самостоятельно сдѣланныя изысканія. Гораздо позже эти юношескія работы очень помогли мнѣ.

Къ сожалѣнію, я долженъ былъ прекратить занятія исторіей когда перешелъ во второй (предпослѣдній) классъ. Пажамъ въ два года предстояло пройти то, что

въ другихъ военныхъ школахъ проходится въ трехъ спеціальныхъ классахъ. Работать, поэтому, приходилось много. Естественныя науки, математика и школьныя военныя науки, отодвинули исторію на задній планъ.

Во второмъ классѣ мы начали серьезно заниматься физикой. Преподаватель, Чарухинъ, у насъ былъ превосходный,—умный, саркастическій, ненавидѣвшій зубрячку и желавшій, чтобы мы учились *думать*, а не просто заучивали факты.

Онъ былъ хорошій математикъ и налегалъ на алгебраическій анализъ въ физикѣ. При этомъ онъ обладалъ удивительнымъ даромъ, чтобы выяснить основную мысль каждаго физическаго закона и физическихъ приборовъ, не теряясь въ мелочахъ, какъ это дѣлаетъ большинство составителей учебниковъ физики. Нѣкоторые его вопросы были такъ оригинальны и объясненія такъ хороши, что они навѣки врѣзались въ моей памяти.

Учебникъ физики Ленца, которымъ мы пользовались, не былъ плохъ (большая часть учебниковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ была составлена лучшими учеными того времени); но онъ устарѣлъ. Въ силу этого, нашъ преподаватель, слѣдовавшій собственной методѣ, началъ составлять краткій конспектъ по своему предмету. Случилось однако такъ, что черезъ нѣсколько недѣль конспектированіе урока досталось на мою долю. Какъ хорошій педагогъ, Чарухинъ предоставилъ это всецѣло мнѣ и самъ читалъ лишь корректуры. Отдѣлы о теплотѣ, электричествѣ и магнетизмѣ пришлось писать заново, вводя новѣйшія теоріи, и такимъ образомъ я составилъ почти полный учебникъ физики, который былъ отлитографированъ для употребленія въ корпусѣ. Легко понять, какъ помогла мнѣ впослѣдствіи эта работа.

Во второмъ классѣ мы стали также изучать химію. И для нея мы имѣли отличнаго преподавателя, артиллерійскаго офицера Петрушевскаго, страстнаго любителя предмета, сдѣлавшаго нѣсколько важныхъ изслѣдованій. Годы 1858 — 1861 были временемъ расцвѣта точныхъ

наукъ. Гровъ, Клаузіусъ, Джоуль и Сегэнъ доказали, что теплота и электричество суть лишь различныя формы движенія. Около этого времени Гельмгольцъ началъ свои изслѣдованія о звукѣ, которыя составили эпоху въ наукѣ. Тиндаль въ своихъ популярныхъ лекціяхъ, такъ сказать, прикоснулся къ самимъ атомамъ и молекуламъ. Герардъ и Авогадро ввели теорію замѣщенія, а Менделѣевъ, Лотаръ Мейеръ и Ньюландсъ открыли періодическую законность химическихъ элементовъ. Дарвинъ своимъ „Происхожденіемъ видовъ“ свершилъ полный переворотъ въ біологическихъ наукахъ, а Карлъ Фогтъ и Молешотъ, слѣдуя за Клодъ Бернаромъ, создали физіологическую психологію.

То было время всеобщаго научнаго возрожденія. Непреодолимый потокъ мчалъ всѣхъ къ естественнымъ наукамъ, и въ Россіи вышло тогда много очень хорошихъ естественно-научныхъ книгъ въ русскихъ переводахъ. Я скоро понялъ, что основательное знакомство съ естественными науками и ихъ методами необходимо для всякаго, для какой бы дѣятельности онъ не предназначалъ себя. Насъ соединилось пять или шесть человѣкъ, и мы завели родъ химической лабораторіи. При помощи самыхъ простыхъ приборовъ, указанныхъ, для начинающихъ въ превосходномъ учебникѣ Штэкгардта, мы засѣли въ комнатѣ двухъ товарищей, братьевъ Засѣцкихъ, за химическіе опыты. Отецъ ихъ, отставной адмиралъ, былъ очень радъ, что дѣти его съ такой пользой употребляютъ время, и не препятствовалъ намъ собираться по воскресеньямъ и праздникамъ въ „лабораторіи“, находившейся рядомъ съ его кабинетомъ. Руководствуясь учебникомъ Штэкгардта, мы продѣлали всѣ указанныя тамъ опыты. Долженъ прибавить, что мы чуть не подожгли домъ и не разъ отравляли воздухъ во всѣхъ комнатахъ хлоромъ и тому подобными зловонными веществами. Но старый адмиралъ относился къ этому очень добродушно. Когда мы за обѣдомъ разсказывали старику наши приключенія, онъ тоже сообщалъ намъ, какъ разъ съ товарищами чуть не спалилъ домъ, пре-

слѣдуя менѣе полезную цѣль, чѣмъ мы, именно, приготовляя жженку. А мать товарищей прибавляла между припадками удушливаго кашля: „что-жъ, ничего не подѣлаешь, если для вашихъ занятій вамъ нужно возиться съ такими гадостями".

Мы ласкались къ ней за такое милое отношеніе, и послѣ обѣда она, обыкновенно, садилась за рояль, и до поздней ночи мы пѣли дуэты, тріо и хоры изъ оперъ. А не то мы брали партитуру какой-нибудь оперы—нерѣдко „Руслана"—и пѣли ее всю, отъ начала до конца. Мать Засѣцкихъ и сестра пѣли партіи примадоннъ, а мы съ грѣхомъ пополамъ выполняли остальныя партіи. Химія и музыка шли, такимъ образомъ, рука объ руку.

Высшая математика заняла тоже не малую часть моего времени. Многіе изъ насъ уже рѣшили, что не пойдутъ въ гвардію, гдѣ фронтовая служба и парады отняли бы все время. Мы намѣревались послѣ производства поступить въ артиллерійскую или въ инженерную академію. Для этого мы должны были изучить аналитическую геометрію, дифференціальное и начало интегральнаго исчисленія, и брали частные уроки. Элементарная астрономія преподавалась намъ тогда подъ именемъ математической географіи, и я увлекся, въ особенности въ послѣдній годъ пребыванія въ корпусѣ, чтеніемъ по астрономіи. Никогда не прекращающаяся жизнь вселенной, которую я понималъ какъ жизнь и эволюцію, стала для меня неистощимымъ источникомъ поэтическихъ наслажденій, и мало-по-малу философіей моей жизни стало сознаніе единства человѣка съ природой, какъ одушевленной, такъ и не одушевленной.

Если бы у насъ преподавались только перечисленные предметы, то и тогда все наше время было бы совершенно заполнено. Но намъ читали еще гуманитарныя науки: исторію, законовѣдѣніе, то есть общее знакомство со Сводомъ Законовъ, затѣмъ основы политической экономіи и сравнительной статистики. Кромѣ того, нужно было одолѣть громаднѣйшіе курсы воен-

ныхъ наукъ: тактики, военной исторіи (походы 1812 и 1815 годовъ въ мельчайшихъ подробностяхъ), артиллеріи и полевой фортификаціи. Припоминая теперь прошлое, я прихожу къ заключенію, что наша программа (кромѣ военныхъ предметовъ, вмѣсто которыхъ мы могли бы съ большей пользой изучать точныя науки) была вовсе недурна и, несмотря на свое разнообразіе, вполнѣ приходилась по силамъ юношѣ со средними способностями. Вслѣдствіе хорошаго знакомства съ низшей математикой и физикой, которое мы пріобрѣтали въ младшихъ классахъ, большинство изъ насъ справлялось вполнѣ удовлетворительно съ программой. Многіе изъ насъ занимались, конечно, спустя рукава, нѣкоторыми предметами, напримѣръ, законовѣдѣніемъ или новой исторіей, которая читалась у насъ прескверно, престарѣлымъ Шульгинымъ: его держали только ради выслуги полной пенсіи. Но намъ предоставляли извѣстный просторъ въ выборѣ любимыхъ предметовъ. По нимъ насъ экзаменовали очень строго, а по остальнымъ—довольно снисходительно. Вообще, я объясняю себѣ сравнительную успѣшность прохожденія этой обширной программы конкретнымъ характеромъ всего преподаванія. Какъ только мы познакомились теоретически съ элементарной геометріей, мы тотчасъ же примѣняли ее въ полѣ при помощи вѣхъ, землемѣрной цѣпи, а потомъ съ астролябіей, компасомъ и мензулой. Послѣ такихъ наглядныхъ уроковъ, начальная астрономія уже не представляла для насъ затрудненій, тогда какъ съемка плановъ, сама по себѣ, становилась для насъ источникомъ удовольствій. Та же система нагляднаго преподаванія примѣнялась и для фортификаціи. Зимой мы разрѣшали задачи въ родѣ слѣдующихъ: имѣя въ распоряженіи тысячу солдатъ, построить въ двухнедѣльный срокъ возможно болѣе сильное укрѣпленіе, чтобы защитить мостъ для отступающей арміи; и разрѣшивши задачу, мы потомъ горячо отстаивали наши проэкты, когда преподаватель критиковалъ ихъ. Лѣтомъ же мы примѣняли наши теоретическія познанія на дѣлѣ, въ полѣ. Такимъ образомъ,

благодаря практическимъ упражненіямъ, большинство изъ насъ, въ возрастѣ 17—18 лѣтъ, очень недурно усваивали всю эту массу различныхъ предметовъ.

За всѣмъ тѣмъ, у насъ оставалось еще вдоволь времени для развлеченій и для проказъ различнаго рода. Лучшее время наступало, когда кончались экзамены; до выступленія въ лагери у насъ тогда имѣлся почти мѣсяцъ, совершенно свободный, а затѣмъ, по возвращеніи изъ лагерей, мы были опять свободны цѣлыя три или четыре недѣли. Немногіе изъ насъ, которые оставались въ училищѣ, пользовались тогда полной свободой и отпускомъ въ любое время. Въ корпусъ мы возвращались только ѣсть и спать. Я работалъ въ это время въ публичной библіотекѣ, ходилъ въ эрмитажъ и изучалъ тамъ картины, одну школу за другой, или же посѣщалъ казенныя ткацкія фабрики, литейные, хрустальные и гранильные заводы, куда доступъ всегда открытъ. Иногда мы отправлялись компаніей кататься на лодкахъ по Невѣ и проводили бѣлыя ночи,— когда вечерняя заря встрѣчается съ утренней и когда въ полночь можно безъ свѣчи читать книгу,—на рѣкѣ или у рыбаковъ на взморьѣ. Для всего этого времени у насъ было достаточно.

Изъ посѣщенія фабрикъ я вынесъ тогда же любовь къ могучимъ и точнымъ машинамъ. Я понялъ поэзію машинъ, когда видѣлъ, какъ гигантская паровая лапа, выступившая изъ лѣсопильнаго завода, вылавливаетъ бревно изъ Невы и плавно подкладываетъ его подъ машину, которая распиливаетъ стволъ на доски, или же смотрѣлъ, какъ раскаленная докрасна желѣзная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается въ рельсъ. Въ современныхъ фабрикахъ машина убиваетъ личность работника. Онъ превращается въ пожизненнаго раба извѣстной машины и никогда уже не бываетъ ничѣмъ инымъ. Но это лишь результатъ неразумной организаціи, и виновна въ этомъ случаѣ—не машина. Чрезмѣрная работа и безконечная ея монотонность одинаково вредны съ ручнымъ орудіемъ и съ машиной. Если же уничто-

жить переутомленіе, то мнѣ вполнѣ понятно удовольствіе, которое можетъ доставить человѣку сознаніе мощности его машины, цѣлесообразный характеръ ея работы, изящность и точность каждаго ея движенія. Ненависть, которую питалъ къ машинамъ Вильямъ Моррисъ, доказываетъ только, что, несмотря на его могучій талантъ, мощность и красота машинъ были ему недоступны.

Музыка тоже играла важную роль въ моемъ развитіи. Она являлась для меня еще бо́льшимъ источникомъ наслажденія и энтузіазма, чѣмъ поэзія. Въ то время русская опера почти еще не существовала; но то былъ періодъ расцвѣта итальянской оперы. Въ Петербургѣ она была чрезвычайно популярна и насчитывала не мало крупныхъ талантовъ. Когда заболѣла примадонна Бозіо, тысячи людей, въ особенности молодежи, простаивали до поздней ночи у дверей гостиницы, чтобы узнать о здоровьѣ Дивы. Она не была хороша собой, но казалась такой прекрасной, когда пѣла, что молодыхъ людей, безумно въ нее влюбленныхъ, можно было считать сотнями. Когда Бозіо умерла, ей устроили такія похороны, какихъ Петербургъ до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ.

Весь Петербургъ дѣлился тогда на два лагеря: на поклонниковъ итальянской оперы и на завсегдатаевъ французскаго театра, гдѣ уже тогда зарождалась гнилая оффенбаховщина, черезъ нѣсколько лѣтъ заразившая всю Европу. Нашъ классъ тоже раздѣлился на два лагеря, и я принадлежалъ къ итальянцамъ. Намъ не позволялось посѣщать кресла или галлереи; ложи же въ итальянской оперѣ разбирались за нѣсколько мѣсяцевъ до начала сезона, по подпискѣ, а въ нѣкоторыхъ домахъ абонементы передавались даже по наслѣдству. Намъ оставалось, такимъ образомъ, пробираться въ оперу по субботамъ, на верхнюю галлерею, гдѣ мы скучивались въ „проходѣ“ и парились, какъ въ банѣ. Чтобы скрыть наши, бросающіеся въ глаза, мундиры, мы должны были стоять даже тамъ, несмотря на духоту, въ застегнутыхъ

черныхъ ватныхъ шинеляхъ, съ мѣховыми воротниками. Удивительно, какъ это никто изъ насъ не схватилъ воспаленія легкихъ, въ особенности, если вспомнить, что мы, разгоряченные овaціями въ залѣ, простаивали потомъ подолгу на улицѣ, у театральнаго подъѣзда, чтобы еще разъ взглянуть на нашихъ любимцевъ и еще разъ поаплодировать имъ. Итальянская опера въ то время какимъ-то страннымъ образомъ связана была съ радикальнымъ движеніемъ. Революціонные речитативы въ „Вильгельмѣ Теллѣ“ или „Пуританахъ“ всегда вызывали шумныя овaціи, не мало смущавшія Александра II. А въ шестомъ ярусѣ, въ курильной и на подъѣздѣ собиралась лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общимъ благоговѣніемъ къ благородному искусству. Все это можетъ показаться теперь ребячествомъ; но тогда не мало возвышенныхъ идей и чистыхъ стремленій было заронено въ насъ поклоненіемъ предъ любимыми артистами.

VII

Лѣтомъ мы выступали въ лагерь въ Петергофъ, вмѣстѣ съ другими военными училищами петербургскаго округа. Въ общемъ, жилось намъ тамъ очень хорошо, и, безъ сомнѣнія, мы значительно поправлялись въ лагеряхъ. Спали мы въ просторныхъ палаткахъ, купались въ морѣ, и возвращались въ городъ съ запасомъ здоровья.

Въ военныхъ училищахъ главное занятіе въ лагеряхъ, конечно, фронтовая служба. Мы ее всѣ терпѣть не могли; но скука ея порой смягчалась тѣмъ, что мы принимали участье въ маневрахъ. Разъ, когда мы уже ложились спать, Александръ II поднялъ лагерь, приказавши бить тревогу. Черезъ нѣсколько минутъ весь лагерь ожилъ. Нѣсколько тысячъ мальчиковъ собралось вокругъ знаменъ. Въ ночной тишинѣ раздался тяжелый гулъ пушекъ артиллерійскаго училища. Весь военный Петергофъ прискакалъ въ лагерь; но въ силу какого-то

недоразумѣнія царю не приводили лошади. Поскакали во всѣ концы ординарцы, чтобы достать царю коня; но коня не оказывалось. Такъ какъ Александръ II былъ не особенно хорошій наѣздникъ, то онъ не садился на чужую лошадь. Онъ былъ очень сердитъ, и когда къ нему подскакалъ ординарецъ, рапортуя: „Лошадь вашего величества ведутъ съ Бабьигоны", онъ грозно разразился: „Дуракъ, развѣ у меня одна лошадь?"

Сгущавшаяся темнота, пушечные выстрѣлы, топотъ кавалеріи, все это дѣйствовало на насъ, мальчиковъ, сильно возбудающимъ образомъ, и когда Александръ II пустилъ нашу колонну въ атаку, оставаясь впереди ея, мы едва не смяли его. Сомкнутые въ ряды, съ опущенными штыками, мы, должно быть, имѣли грозный видъ; и я видѣлъ, какъ императоръ, который все еще стоялъ пѣшій, тремя громадными скачками очистилъ путь для колонны. Я понялъ тогда, что значитъ колонна, идущая сомкнутыми рядами, возбужденная музыкой и наступленіемъ. Предъ нами стоялъ императоръ, нашъ военный начальникъ, къ которому мы всѣ относились съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ я чувствовалъ, что ни одинъ изъ насъ не подвинулся бы на вершокъ и не остановился бы, чтобы дать ему дорогу. Мы составляли идущую колонну, онъ являлся препятствіемъ, и колонна смяла бы его. Въ подобныхъ случаяхъ мальчики съ ружьями въ рукахъ еще страшнѣе старыхъ солдатъ.

На слѣдующій годъ, когда мы приняли участье въ большихъ маневрахъ подъ Петербургомъ, я получилъ нѣкоторое представленіе о томъ, что такое война. Два дня подрядъ мы только то и дѣлали, что подвигались взадъ и впередъ на протяженіи какихъ-нибудь двадцати верстъ. Мы не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, что дѣлается кругомъ, ни о томъ, съ какой цѣлью мы двигаемся. Пушки гремѣли то возлѣ насъ, то гдѣ-то вдали. Порой въ лѣсу и на холмахъ начиналась жаркая ружейная перестрѣлка. Ординарцы скакали и привозили приказъ то наступать, то отступать. А мы все шли, шли

и шли, не видя смысла въ этомъ передвиженіи. Конница прошла той же дорогой и превратила ее въ широкую рѣку зыбучаго песка, по которому мы еле тащились взадъ и впередъ. Наконецъ, всякая дисциплина порвалась въ нашей колоннѣ. Изъ стройнаго цѣлаго она превратилась въ толпу усталыхъ путниковъ. По дорогѣ шли одни знаменные унтеръ-офицеры; остальные же медленно плелись обочинами въ лѣсу. Приказы и мольбы офицеровъ не приводили ни къ чему.

Вдругъ сзади донесся крикъ: „Государь ѣдетъ!“ Офицеры засуетились, умоляя насъ построиться въ ряды; но никто не слушался.

Прискакалъ императоръ и приказалъ еще разъ отступать.

— Налѣво кругомъ!—раздалась команда. — Господа, государь позади. Пожалуйста, обернитесь!—шептали офицеры. Но баталіонъ почти не обратилъ никакого вниманія на команду и на мольбы. Къ счастью, Александръ II не былъ фронтовикомъ-фанатикомъ. Сказавъ нѣсколько словъ, чтобы ободрить насъ, и обѣщавъ намъ отдыхъ, онъ ускакалъ.

Я понялъ тогда, какъ много въ военное время зависитъ отъ духа арміи, и какъ мало можно сдѣлать путемъ одной дисциплины, когда отъ солдатъ требуется больше, чѣмъ среднее усиліе. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отрядъ къ опредѣленному часу на поле битвы. Лишь энтузіазмъ да довѣріе могутъ въ подобныя минуты заставить солдатъ сдѣлать невозможное. А для успѣха на войнѣ постоянно приходится выполнять „невозможное“. Какъ часто впослѣдствіи вспоминалъ я этотъ наглядный урокъ, въ Сибири, гдѣ во время научныхъ экспедицій намъ тоже приходилось то и дѣло выполнять „невозможное“.

Фронтовое ученіе и маневры отнимали однако лишь небольшую часть нашего лагернаго времени. Мы много занимались практическими съемками и фортификаціей. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ упражненій, намъ

давали бусоль и говорили: „снимите планъ этого озера или парка съ его дорогами. Измѣряйте углы бусолью, а разстояніе шагами".

Рано утромъ, позавтракавъ наскоро, юноша набивалъ свои просторные военные карманы ломтями чернаго хлѣба и отправлялся на четыре-пять часовъ за нѣсколько верстъ въ паркъ. Онъ набрасывалъ на планъ прекрасныя тѣнистыя дороги, ручьи и озера. Работа его сравнивалась впослѣдствіи съ точными картами, и въ видѣ награды, по выбору юноши, давались оптическіе инструменты или готовальни. Мнѣ эта съемка доставляла невыразимое удовольствіе. Независимый характеръ работы, одиночество подъ столѣтними деревьями, лѣсная жизнь, которой я могъ отдаваться безъ помѣхи, оставили глубокій слѣдъ въ моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впослѣдствіи сталъ изслѣдователемъ Сибири, а нѣкоторые изъ моихъ товарищей—изслѣдователями Средней Азіи,—мы нашли, что корпусныя съемки послужили намъ хорошей подготовительной школой.

Въ послѣднемъ классѣ, черезъ день, партіи изъ четырехъ пажей отправлялись въ деревни, лежащія на значительномъ разстояніи отъ лагеря. Тамъ мы дѣлали точныя съемки при помощи мензулы и кипрегеля. Порой наѣзжали офицеры генеральнаго штаба, чтобы провѣрить работы и подать кое-какіе совѣты. Жизнь-же среди крестьянъ, въ деревенскихъ избахъ, отлично вліяла на наше умственное и нравственное развитіе.

Въ то же время мы упражнялись въ возведеніи въ настоящую величину частей укрѣпленій. Мы отправлялись съ офицерами въ открытое поле, и здѣсь намъ поручалось возвести разрѣзъ бастіона или сложнаго мостового укрѣпленія. Мы сколачивали гвоздями дранницу и шесты такимъ же образомъ, какъ дѣлаютъ инженеры, когда имъ нужно провести новую желѣзную дорогу. При постройкѣ барбетовъ и бойницъ намъ нужно было вычислять очень много, чтобы опредѣлить наклонъ и сѣченія различныхъ плоскостей, и послѣ этого стереометрія уже не представляла для насъ затрудненій, а

синусы и тангенсы получали вещественный, опредѣленный смыслъ.

Работа такъ нравилась намъ, что разъ, уже въ городѣ, найдя въ саду кучу глины и щебня, мы принялись за постройку настоящаго укрѣпленія въ уменьшенномъ видѣ. Барбеты, прямыя и наклонныя бойницы были тщательно вычислены. Все было сдѣлано очень изящно. Мы мечтали теперь о томъ, какъ бы достать доски, чтобы сдѣлать платформы для орудій и поставить на нихъ модели пушекъ изъ нашей классной. Но увы, наши панталоны были въ плачевномъ состояніи!

— Что вы тутъ дѣлаете!—кричалъ на насъ капитанъ. —Взгляните на себя! Вы похожи на землекоповъ. (Этимъ именно мы и гордились теперь!) Что, если великій князь пріѣдетъ и застанетъ васъ въ такомъ видѣ!

— Мы покажемъ ему наше укрѣпленіе и попросимъ дать намъ инструменты и доски для платформъ.

Но напрасно мы протестовали. На другой день, десятокъ работниковъ свезли тачками наше прекрасное укрѣпленіе, какъ будто бы оно было лишь кучей мусора!

Упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, какъ дѣтямъ и юношамъ хочется примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, и какъ ограничены тѣ воспитатели, которые не могутъ воспользоваться этимъ стремленіемъ для педагогическихъ цѣлей. Въ нашемъ корпусѣ все было, конечно, направлено къ тому, чтобы пробудить военный духъ; но мы съ такимъ же увлеченіемъ прокладывали бы желѣзную дорогу, строили бы избу, или обрабатывали поле и огородъ. Стремленіе дѣтей къ живой, настоящей работѣ пропадаетъ безплодно, потому что въ школѣ господствуетъ еще духъ схоластики, завѣщанный средневѣковыми монастырями.

VIII

Годы 1857 — 1861 были, какъ извѣстно, эпохой умственнаго роста Россіи. Все то, о чемъ поколѣніе, представленное въ литературѣ Тургеневымъ, Толстымъ, Гер-

ценомъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кавелинымъ, Достоевскимъ, Григоровичемъ, Островскимъ и Некрасовымъ, говорило шепотомъ, въ дружеской бесѣдѣ — начинало теперь проникать въ печать. Цензура все еще свирѣпствовала; но, чего нельзя было сказать открыто въ политической статьѣ, то проводилось контрабаннымъ путемъ въ видѣ повѣсти, юмористическаго очерка или въ замаскированной критикѣ западно-европейскихъ событій. Всѣ умѣли читать между строками и понимали, что означаетъ „Критика китайской финансовой системы".

У меня не было знакомыхъ въ Петербургѣ, кромѣ школьныхъ да тѣснаго круга родныхъ. Я стоялъ, такимъ образомъ, далеко въ сторонѣ отъ радикальнаго движенія того времени. Тѣмъ не менѣе, (и это, быть можетъ, наиболѣе характерная черта движенія) идеи проникали даже въ такое благонамѣренное училище, какъ наше, и отражались даже въ кругѣ нашихъ московскихъ родственниковъ.

Воскресенья и праздники я теперь проводилъ у моей тетки, княгини Мирской, о которой я упоминалъ уже выше. Князь Мирскій думалъ только о необыкновенныхъ завтракахъ и обѣдахъ, а княгиня и княжна проводили время очень весело. Моей двоюродной сестрѣ шелъ двадцатый годъ. Она была очень хороша и привлекательна. Всѣ двоюродные братья были влюблены въ нее; она тоже полюбила одного изъ нихъ и желала выйти за него замужъ. Но вѣнчать двоюродныхъ—великій грѣхъ по законамъ православной церкви, и княгиня напрасно добивалась особаго разрѣшенія отъ высшихъ представителей церковной іерархіи. Теперь, княгиня Мирская привезла дочку въ Петербургъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, она выберетъ среди безчисленныхъ поклонниковъ болѣе подходящаго жениха, чѣмъ родного двоюроднаго брата. Долженъ прибавить, что старанія княгини ни къ чему не привели, хотя въ ея домѣ всегда было много блестящей гвардейской и дипломатической молодежи.

Можно было думать, что меньше всего революціон-

ныя идеи проникнутъ въ такой домъ. А между тѣмъ именно тамъ я впервые познакомился съ революціонной литературой. Герценъ тогда только что началъ издавать въ Лондонѣ „Полярную Звѣзду“, которая быстро и широко распространилась въ публикѣ и произвела смятеніе даже въ придворныхъ кружкахъ. Двоюродная сестра какъ-то доставала эти книги и мы обыкновенно читали ихъ вмѣстѣ. Сердце ея было возмущено препятствіями, которыя мѣшали ея счастью, и тѣмъ охотнѣе ея умъ воспринималъ герценовскую рѣзкую критику самодержавія и подгнившей государственной системы. Почти съ молитвеннымъ благоговѣніемъ глядѣлъ я на напечатанный на обложкѣ „Полярной Звѣзды“ медаліонъ съ изображеніемъ головъ повѣшенныхъ декабристовъ,— Бестужева, Каховскаго, Пестеля, Рылѣева и Муравьева-Апостола. Красота и сила твореній Герцена, мощность размаха его мыслей, его глубокая любовь къ Россіи охватили меня. Я читалъ и перечитывалъ эти страницы, блещущія умомъ и проникнутыя глубокимъ чувствомъ. Тургеневъ правду сказалъ, что Искандеръ писалъ слезами и кровью, и что никто, съ тѣхъ поръ, у насъ не писалъ такъ.

Въ 1859 году или же въ началѣ 1860 года я сталъ издавать мою первую революціонную газету. Въ томъ возрастѣ я могъ быть, конечно, только конституціоналистомъ, и я горячо доказывалъ въ моей газетѣ необходимость конституціи для Россіи. Я писалъ о безумныхъ расходахъ двора, о суммахъ, затраченныхъ въ Ниццѣ на ничего не дѣлавшую эскадру, сопровождавшую вдовствующую императрицу, которая умерла въ 1860 году. Я упоминалъ о злоупотребленіяхъ чиновниковъ, о которыхъ слышалъ постоянно, и доказывалъ необходимость правового порядка. Мою газету я переписалъ въ трехъ экземплярахъ и подсунулъ ихъ въ столы товарищамъ старшихъ классовъ, которые, по моимъ соображеніямъ, должны были интересоваться общественными дѣлами. Я просилъ читателей положить свои замѣчанія за большими часами въ нашей библіотекѣ.

Съ бьющимся сердцемъ вошелъ я на другой день въ библіотеку, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего для меня. Дѣйствительно, за часами лежали двѣ записки. Два товарища писали, что вполнѣ сочувствуютъ мнѣ и только совѣтовали не рисковать слишкомъ сильно. Я выпустилъ второй нумеръ, еще болѣе рѣзкій. Въ немъ я доказывалъ необходимость объединиться всѣмъ во имя свободы... На этотъ разъ за часами ничего не было; но за то два товарища сами подошли ко мнѣ.

— Мы убѣждены, что газету издаете вы, — сказали они,—и пришли поговорить о ней. Мы съ вами совершенно согласны и хотимъ сказать: „будемъ друзьями". Но газету болѣе не слѣдуетъ издавать. Во всемъ корпусѣ всего еще два товарища, которыхъ интересуютъ подобныя вещи. Если же станетъ извѣстно, что существуетъ подобная газета, послѣдствія для насъ будутъ ужасны. Составимъ лучше кружокъ и станемъ говорить обо всемъ. Быть можетъ, удастся убѣдить въ чемъ-нибудь и другихъ.

Все это было такъ разумно, что мнѣ оставалось лишь согласиться, и мы скрѣпили союзъ сильнымъ рукопожатіемъ. Съ тѣхъ поръ мы стали большими друзьями, много читали вмѣстѣ и обсуждали различные вопросы.

Освобожденіе крестьянъ приковывало тогда вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей.

Революція 1848 года глухо отразилась среди русскихъ крестьянъ. Съ 1850 года бунты крѣпостныхъ стали принимать очень серьезные размѣры. Когда началась крымская война и по всей Россіи стали вызывать ратниковъ, возмущенія крестьянъ распространились съ невиданной до тѣхъ поръ силой. Нѣсколько помѣщиковъ были убиты крѣпостными. Бунты приняли такой грозный характеръ, что для усмиренія приходилось посылать цѣлые полки, съ пушками, тогда какъ прежде небольшіе отряды солдатъ нагоняли ужасъ на крестьянъ и прекращали безпорядки.

Эти вспышки, съ одной стороны, и глубокое отвра-

щеніе къ крѣпостному праву въ томъ поколѣніи, которое выдвинулось при вступленіи на престолъ Александра II, — сдѣлали освобожденіе крестьянъ насущнымъ вопросомъ. Александръ II, ненавидѣвшій самъ крѣпостное право и поддерживаемый, точнѣе—побуждаемый въ собственной семьѣ женой, братомъ Константиномъ и великой княгиней Еленой Павловной,—сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Онъ хотѣлъ, чтобы иниціатива реформы исходила отъ самихъ помѣщиковъ. Но ни въ одной губерніи нельзя было убѣдить помѣщиковъ подать подобный адресъ государю. Въ мартѣ 1856 года Александръ II самъ обратился къ московскому дворянству съ рѣчью, въ которой доказывалъ необходимость реформы; но отвѣтомъ было упорное молчаніе. Александръ II разсердился тогда и закончилъ рѣчь памятными словами Герцена: „Лучше, господа, чтобы освобожденіе пришло сверху, чѣмъ ждать, покуда оно придетъ снизу". Но даже и эти слова не подѣйствовали. Починъ былъ сдѣланъ, наконецъ, литовскими губерніями, Гродненской, Виленской и Ковенской, въ которыхъ Наполеонъ уничтожилъ въ 1812 году (на бумагѣ) крѣпостное право. Генералъ-губернатору Назимову удалось убѣдить литовское дворянство подать желаемый адресъ, и въ ноябрѣ 1857 года былъ опубликованъ знаменитый рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, въ которомъ Александръ II выражалъ намѣреніе освободить крестьянъ. Со слезами на глазахъ читали мы знаменитую статью Герцена: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ". Лондонскіе изгнанники заявляли, что отнынѣ не считаютъ Александра II своимъ врагомъ, а будутъ поддерживать его въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Отношеніе крестьянъ было въ высшей степени замѣчательно. Какъ только разнеслась вѣсть, что страстно желанную волю скоро дадутъ, возстанія почти совершенно прекратились. Крестьяне ждали. Когда Александръ II объѣзжалъ среднюю Россію, они окружали его и умоляли дать волю; но къ этимъ повторявшимся просьбамъ Александръ относился недружелюбно. Любо-

пытно, однако, до какой степени сильна традиція великой революціи: среди крестьянъ шелъ слухъ, что Наполеонъ III, при заключеніи мира, потребовалъ отъ Александра II дать волю. Я часто слышалъ это. Даже наканунѣ освобожденія крестьяне сомнѣвались, чтобы волю дали безъ давленія извнѣ. „Если Гарибалка не придетъ, ничего не будетъ“,—говорилъ какъ-то въ Петербургѣ одинъ крестьянинъ моему товарищу, который толковалъ ему, что скоро „дадутъ волю“. И такъ думали многіе.

За моментомъвсе общей радости послѣдовали, однако, годы тревогъ и сомнѣній. Въ губерніяхъ и въ Петербургѣ работали спеціально избранные комитеты; но Александръ II, повидимому, колебался. Цензура слѣдила особенно строго за тѣмъ, чтобы печать не обсуждала вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ подробностяхъ. Мрачные слухи ходили по Петербургу и достигали до нашего корпуса.

Среди дворянства не было недостатка въ молодыхъ людяхъ, которые искренно работали для полнаго освобожденія крестьянъ. Но партія крѣпостниковъ все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ окружала Александра II и оказывала на него давленіе. Крѣпостники нашептывали, что въ день освобожденія крестьянъ начнется всеобщее избіеніе помѣщиковъ, и что Россію тогда ждетъ новая пугачевщина, еще страшнѣе 1773 года. Александръ II былъ человѣкъ слабохарактерный и прислушивался къ подобнымъ зловѣщимъ предсказаніямъ. Но громадная машина для выработки „Положенія“ была уже пущена въ ходъ. Комитеты засѣдали. Десятки записокъ съ проектами освобожденія крестьянъ посылались царю, ходили въ рукописи или же печатались въ Лондонѣ. Герценъ, при содѣйствіи Тургенева, увѣдомлявшаго его о положеніи дѣлъ, обсуждалъ подробности каждаго проекта въ „Колоколѣ“ и „Полярной Звѣздѣ“. То же дѣлалъ Чернышевскій въ „Современникѣ“. Славянофилы, въ особенности Аксаковъ и Бѣляевъ, воспользовались немедленно сравнительнымъ облегченіемъ печати, чтобы дать мысли

объ освобожденіи крестьянъ широкое распространеніе. Они тоже съ большимъ знаніемъ технической стороны дѣла во всѣхъ подробностяхъ обсуждали, какъ совершить освобожденіе. Весь образованный Петербургъ соглашался съ Герценомъ и, въ особенности, съ Чернышевскимъ. Я помню, какъ стояли за него даже конногвардейскіе офицеры, которыхъ я видалъ по воскресеніямъ, послѣ церковнаго парада, у моего двоюроднаго брата, Дмитрія Николаевича Кропоткина, полкового адъютанта и флигель-адъютанта. Настроеніе Петербурга, въ гостиныхъ и на улицѣ, показывало, что итти назадъ теперь уже невозможно. Освобожденіе крестьянъ должно было быть выполнено. Отвоеванъ былъ и другой пунктъ, именно освобожденіе съ землей.

Но партія крѣпостниковъ не теряла надежду. Она добивалась теперь отсрочки реформы, уменьшенія надѣловъ и такой высокой выкупной платы за землю, которая дѣлала бы экономическую независимость призракомъ. И въ этомъ крѣпостники вполнѣ успѣли. Александръ II отстранилъ Николая Милютина (брата военнаго министра), являвшагося душой дѣла.

— Мнѣ крайне жаль разставаться съ вами—сказалъ онъ, — но я долженъ: — дворянство называетъ васъ „краснымъ“.

Комитеты перваго созыва, выработавшіе проектъ освобожденія крестьянъ, были распущены. Новые комитеты пересматривали теперь весь планъ въ интересахъ крѣпостниковъ. Печати опять зажали ротъ.

Дѣла принимали, такимъ образомъ, мрачный характеръ. Теперь уже возникалъ вопросъ, состоится ли само освобожденіе? Я лихорадочно слѣдилъ за борьбой, и по воскресеньямъ, когда товарищи возвращались въ корпусъ, спрашивалъ ихъ, что говорятъ ихъ родители? Осенью 1860 года вѣсти стали все хуже и хуже. „Партія Валуева одержала верхъ“. „Они хотятъ пересмотрѣть заново все дѣло“. „Родственники княжны Д. (пріятельницы царя) сильно вліяютъ на государя“. „Освобожденіе крестьянъ отложено: боятся революціи“.

Въ январѣ 1861 года стали, впрочемъ, доходить нѣсколько болѣе утѣшительные слухи. Всѣ надѣялись теперь, что 19-го февраля, въ день вступленія Александра на престолъ, будетъ объявленъ какой-то манифестъ объ освобожденіи.

Наступилъ и этотъ день, но онъ не принесъ ничего. Въ тотъ день я былъ во дворцѣ, гдѣ вмѣсто большого былъ лишь малый выходъ. Пажей второго класса посылали на такіе выходы, чтобы пріучать къ придворнымъ порядкамъ, и девятнадцатаго была моя очередь. Я сопровождалъ одну изъ великихъ княгинь при выходѣ изъ церкви, а такъ какъ ея мужъ не показывался, то она меня попросила найти его. Его вызвали изъ кабинета императора, и я въ полушутливомъ тонѣ сказалъ великому князю о томъ, какъ безпокоится его жена. Я не подозрѣвалъ даже, какой важный вопросъ обсуждался въ тотъ моментъ въ кабинетѣ. Кромѣ нѣсколькихъ посвященныхъ, никто не зналъ, что манифестъ подписанъ 19-го февраля. Его держали въ секретѣ двѣ недѣли, только потому, что черезъ недѣлю, 26-го февраля, начиналась масленица. Боялись, что въ деревняхъ пьянство въ эти дни вызоветъ бунты. Даже масленичные балаганы перевели въ этомъ году съ Дворцовой площади на Марсово Поле, подальше отъ дворца, изъ опасенія народнаго возстанія. Войскамъ были даны самыя строгія инструкціи, какимъ образомъ усмирять безпорядки.

Черезъ двѣ недѣли, 5-го марта, въ послѣдній день масленицы, я былъ въ корпусѣ, такъ какъ въ полдень долженъ былъ итти на разводъ въ Михайловскій манежъ. Я лежалъ еще въ постели, когда мой деньщикъ Ивановъ вбѣжалъ съ чайнымъ подносомъ въ рукахъ и воскликнулъ: „Князь, воля! Манифестъ вывѣшенъ въ гостиномъ дворѣ (напротивъ корпуса)!“

— Ты самъ видѣлъ манифестъ?

— Да. Народъ стоитъ кругомъ. Одинъ читаетъ, а всѣ слушаютъ. Воля!

Черезъ двѣ минуты я уже одѣлся и былъ на улицѣ.

— Кропоткинъ, воля!—крикнулъ входившій въ кор-

пусъ товарищъ.—„Вотъ манифестъ. Мой дядя узналъ вчера, что его будутъ читать за ранней обѣдней въ Исакіевскомъ соборѣ. Народа было немного, одни мужики. Послѣ обѣдни прочитали и роздали манифестъ. Крестьяне хорошо поняли значеніе его. Когда я выходилъ изъ собора, много мужиковъ бродило на паперти. Двое изъ нихъ стояли въ дверяхъ. Они мнѣ такъ смѣшно сказали: „Что, баринъ? Теперь фюить!"—Товарищъ мимикой передалъ, какъ мужики указали ему дорогу. Годы томительнаго ожиданія сказались въ этомъ жестѣ выпроваживанія барина.

Я читалъ и перечитывалъ манифестъ. Онъ былъ составленъ престарѣлымъ московскимъ митрополитомъ, Филаретомъ, напыщеннымъ языкомъ. Церковно-славянскіе обороты лишь затемняли смыслъ.

Но то была воля, безъ всякаго сомнѣнія, хотя не немедленная. Крестьяне оставались крѣпостными еще два года, до 19-го февраля 1863 года; но тѣмъ не менѣе ясно было одно: крѣпостное право—уничтожено, и крестьяне получаютъ надѣлъ. Имъ придется выкупать его; но пятно рабства смыто. Рабовъ больше нѣтъ. Реакціи не удалось одержать верхъ.

Мы отправились на разводъ. Когда военная церемонія кончилась, Александръ II, который все еще продолжалъ сидѣть на конѣ, громко крикнулъ: „Господа офицеры, ко мнѣ!" Офицеры окружили царя, и онъ громко началъ рѣчь о великомъ событіи дня.

— „Господа офицеры... Представители дворянства въ арміи, — долетали до насъ отрывки рѣчи... — Положенъ конецъ вѣковой несправедливости... Я жду жертвъ отъ дворянства... Благородное дворянство сомкнется вокругъ престола..." И такъ далѣе. Когда Александръ кончилъ, ему отвѣтили восторженными криками „ура!"

Назадъ мы скорѣе добѣжали, чѣмъ дошли до корпуса. Мы спѣшили въ итальянскую оперу, на послѣдній въ сезонѣ, сборный дневной спектакль.—Не подлежало сомнѣнію, что будутъ какія-нибудь манифестаціи. Поспѣшно сбросили мы военную аммуницію, и я съ нѣсколь-

кими товарищами помчался въ театръ, на галлерею шестого яруса. Театръ былъ переполненъ.

Во время перваго же антракта курильная наполнилась возбужденной молодежью. Знакомые и незнакомые восторженно обмѣнивались впечатлѣніями. Мы тутъ же порѣшили возвратиться въ залъ и пропѣть вмѣстѣ со всѣми „Боже, царя храни!"

Но вотъ донеслись звуки музыки, и мы поспѣшили обратно въ залъ. Оркестръ игралъ уже гимнъ; но звуки его утопали въ восторженныхъ крикахъ „ура!" всѣхъ зрителей. Я видѣлъ, какъ дирижеръ Бавери махалъ палочкой, но не могъ уловить ни одного звука громаднаго оркестра. Бавери кончилъ, но восторженнные крики „ура!" не прекращались. Онъ снова замахалъ палочкой: я видѣлъ движеніе смычковъ, видѣлъ, какъ надувались щеки музыкантовъ, игравшихъ на мѣдныхъ инструментахъ; но восторженные крики опять заглушали музыку. Бавери въ третій разъ началъ гимнъ. И только тогда, къ самому концу, отдѣльные звуки мѣдныхъ инструментовъ стали порой прорѣзывать гулъ человѣческихъ голосовъ.

Такія же восторженныя сцены повторялись и на улицахъ. Толпы крестьянъ и образованныхъ людей стояли передъ зимнимъ дворцомъ и кричали „ура". Когда царь показался на улицѣ, за его коляской помчался ликующій народъ. Герценъ былъ правъ, сказавъ два года спустя, когда правительство топило польскую революцію въ рѣкахъ крови, а Муравьевъ Вѣшатель душилъ ее на эшафотѣ: „Александръ Николаевичъ, зачѣмъ вы не умерли въ этотъ день? Вы остались бы героемъ въ исторіи!"

А гдѣ же были возстанія, предсказанныя крѣпостниками? Трудно было придумать состояніе болѣе неопредѣленное, чѣмъ то, которое вводило Положеніе. Если что-нибудь могло вызвать мятежи, то именно запутанная неопредѣленность условій, созданная закономъ. А между тѣмъ, кромѣ двухъ мѣстъ, гдѣ были возмущенія, да небольшихъ безпорядковъ кое-гдѣ, созданныхъ,

главнымъ образомъ, непониманіемъ, вся Россія оставалась спокойна—болѣе спокойна, чѣмъ когда-либо. Съ обычнымъ здравымъ смысломъ крестьяне поняли, что крѣпостному праву положенъ конецъ и что пришла воля. Они приняли наложенныя на нихъ условія, какъ тяжелы они ни были.

Я посѣтилъ Никольское въ августѣ 1861 года, а затѣмъ снова лѣтомъ 1862 года, и былъ пораженъ тѣмъ, какъ разумно и спокойно приняли крестьяне новыя условія. Они знали очень хорошо, какъ тяжело будетъ платить выкупъ, который являлся, въ сущности, вознагражденіемъ за даровой трудъ отобранныхъ душъ; но они такъ высоко цѣнили свое личное освобожденіе отъ рабства, что приняли даже такія разорительныя условія. Правда, дѣлалось это не безъ ропота; но крестьяне покорились необходимости. Въ первые мѣсяцы они праздновали по два дня въ недѣлю, увѣряя, что грѣхъ работать по пятницамъ, но когда наступило лѣто, они принялись за работу еще съ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде.

Когда я увидалъ нашихъ никольскихъ крестьянъ черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ освобожденія,—я не могъ налюбоваться ими. Врожденная доброта ихъ и мягкость остались, но клеймо рабства исчезло. Крестьяне говорили со своими прежними господами, какъ равные съ равными, какъ будто бы никогда и не существовало иныхъ отношеній между ними. Къ тому же, изъ крестьянъ уже выдѣлились такія личности, которыя могли постоять за ихъ права. „Положеніе“—была большая и тяжело написанная книга. Я затратилъ не мало времени, покуда понялъ ее. Но когда разъ никольскій староста Василій Ивановъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой объяснить ему одно темное мѣсто въ „Положеніи“, — я убѣдился, что онъ отлично разобрался въ запутанныхъ главахъ и параграфахъ, хотя и читалъ-то далеко не бойко.

Хуже всего было дворовымъ. Они не получили надѣла, да и врядъ ли знали бы, что дѣлать съ нимъ, если бы получили. Дворовымъ дали свободу и ничего больше. Въ нашей округѣ почти всѣ они оставили своихъ преж-

нихъ господъ; у моего отца, напримѣръ, никто не остался. Они разбрелись въ поискахъ за занятіемъ. Многіе нашли сейчасъ же мѣста у купцовъ, которые гордились тѣмъ, что у нихъ служитъ кучеръ князя такого-то или же поваръ генерала такого-то. Знавшіе какое-нибудь ремесло находили работу въ городѣ. Такъ, напримѣръ, оркестръ моего отца такъ и остался оркестромъ, хорошо зарабатывалъ въ Калугѣ и поддерживалъ дружелюбныя отношенія съ нашимъ домомъ. Приходилось плохо тѣмъ, которые не знали никакого ремесла. А между тѣмъ, большинство ихъ предпочитало лучше перебиваться кое-какъ, чѣмъ оставаться у прежнихъ господъ.

Что касается помѣщиковъ, то крупные землевладѣльцы все пустили въ ходъ въ Петербургѣ, чтобы возобновить крѣпостное право подъ какимъ-нибудь новымъ названіемъ, (отчасти они и успѣли въ этомъ при Александрѣ III); но большая часть остальныхъ помѣщиковъ покорилась реформѣ, какъ неминуемому бѣдствію. Молодое поколѣніе дало Россіи тѣхъ замѣчательныхъ мировыхъ посредниковъ, а впослѣдствіи мировыхъ судей, которые содѣйствовали такъ много мирному проведенію эмансипаціи. Люди-же стараго поколѣнія только мечтали заложить выкупныя свидѣтельства (земля была оцѣнена гораздо выше ея стоимости) и соображали, какъ прокутить эти деньги въ ресторанахъ, или же пустить на зеленое поле. И дѣйствительно, большинство изъ нихъ прокутили или проиграли выкупныя деньги, какъ только получили ихъ.

Для многихъ помѣщиковъ освобожденіе крестьянъ оказалось въ сущности выгодной сдѣлкой. Такъ, напримѣръ, та земля, которую отецъ мой, предвидя освобожденіе, продавалъ участками по одиннадцати рублей за десятину, крестьянамъ ставилась въ 40 рублей, то-есть въ 3½ раза больше. Такъ было вездѣ въ нашей округѣ. Въ тамбовскомъ же степномъ имѣніи отца, міръ снялъ всю землю на двѣнадцать лѣтъ, и отецъ получалъ вдвое больше, чѣмъ прежде, когда землю обрабатывали ему крѣпостные.

Лѣтъ десять послѣ этого памятнаго дня я поѣхалъ въ тамбовское имѣнье, которое досталось мнѣ по наслѣдству отъ отца. Я прожилъ здѣсь нѣсколько недѣль. Вечеромъ, послѣ моего отъѣзда, нашъ молодой священникъ, умный, независимаго образа мыслей (такіе иногда встрѣчаются въ южныхъ губерніяхъ) пошелъ погулять. Закатъ солнца былъ великолѣпный. Изъ степи тянулъ напоенный ароматомъ вѣтерокъ. За деревней, на пригоркѣ, онъ нашелъ не очень стараго крестьянина, Антона Савельева, который читалъ псалтирь. Крестьянинъ съ трудомъ разбиралъ по складамъ церковную печать и часто читалъ книгу, начиная съ послѣдней страницы. Ему нравился больше всего процессъ чтенія; затѣмъ, какое-нибудь слово поражало его, и повтореніе этого слова было ему пріятно. Теперь онъ читалъ 106-ой псаломъ, гдѣ часто повторяется „радуюсь я".

— Что вы читаете, Антонъ Савельевичъ?—спросилъ священникъ.

— А вотъ, батюшка, разскажу вамъ.—Четырнадцать лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ сюда старый князь. Была зима. Я только-что вернулся домой и совсѣмъ замерзъ. Кружила мятель. Только-что сталъ я раздѣваться,—слышу, староста стучитъ въ окно и кричитъ: „ступай къ князю; онъ тебя требуетъ!" Тутъ мы всѣ, моя баба и ребятишки перепугались. „Зачѣмъ это ужъ къ князю?"—переполошилась моя хозяйка. Я перекрестился и пошелъ. Какъ переходилъ плотину, мятель мнѣ глаза совсѣмъ залѣпила. Ну, обошлось все благополучно. Старый князь спалъ послѣ обѣда, а когда выспался, то только спросилъ меня: „А что, Антонъ Савельевъ, умѣешь штукатурить?"

— „Умѣю, ваше сіятельство".

— „Ну,—такъ приходи завтра, поправишь штукатурку въ этой комнатѣ".

„Пошелъ я домой совсѣмъ веселый. Только прихожу на плотину,—вижу, хозяйка моя стоитъ. Все время, въ мятель, простояла она, съ дитей на рукахъ, меня дожидалась.

— „Что такое, Савельичъ?“—спрашиваетъ.

— „Ничего, — говорю я, — все благополучно, штукатурку звалъ поправить“. Такъ вотъ, батюшка, какъ оно было при старомъ князѣ. А теперь вотъ пріѣхалъ молодой князь. Пошелъ я на него посмотрѣть. Сидитъ онъ въ саду, въ холодкѣ, подъ домомъ, чай пьетъ. Вы, батюшка, сидите съ нимъ, и волостной старшина, съ медалью, тутъ же.

— „Хочешь чаю, Савельичъ? — спрашиваетъ князь. Подсаживайся. Дай ему стулъ, Петръ Григорьичъ“. И Петръ Григорьичъ,—ужъ какимъ сатаной былъ онъ для насъ, когда служилъ управляющимъ у стараго князя, — несетъ стулъ! Сѣли мы за столъ, калякаемъ, а онъ всѣмъ чай наливаетъ. — Ну, батюшка, сегодня такая благодать, вечеръ хорошій, со степи воздухъ несетъ такой легкій, — такъ вотъ я сижу и читаю: „Радуюсь я! Радуюсь я!“

Вотъ что означала воля для крестьянъ!

IX

Въ іюнѣ 1861 года я былъ произведенъ въ фельдфебели пажескаго корпуса. Долженъ сознаться, что нѣкоторымъ изъ нашихъ офицеровъ это не нравилось. Они говорили, что съ такимъ фельдфебелемъ не будетъ никакой дисциплины. Но они ничего не могли подѣлать. Обыкновенно, фельдфебелемъ назначался первый ученикъ старшаго класса, а я былъ первымъ уже нѣсколько лѣтъ. Производство считалось крайне завиднымъ, не только потому, что фельдфебель занималъ особое положеніе въ корпусѣ и пользовался преимуществами офицера, но также потому, что онъ въ то же время былъ камерпажемъ императора. Такимъ образомъ, онъ становился лично извѣстенъ государю, что считалось, конечно, важнымъ шагомъ въ дальнѣйшей карьерѣ.

Для меня важнѣе всего было то, что производство избавляло меня отъ той тяжелой повинности дежурствъ

въ самомъ корпусѣ, которая выпадала на долю камер-пажей, и что отнынѣ я буду имѣть для моихъ занятій отдѣльную комнату, куда могу удалиться отъ школьнаго гама. Правда, была и оборотная сторона медали. Я всегда находилъ скучнымъ ходить мѣрнымъ шагомъ по комнатамъ и предпочиталъ лучше мчаться бѣгомъ, что было строго воспрещено. Теперь уже нельзя будетъ промчаться черезъ всѣ залы, а придется чинно шагать, съ дежурной книгой подъ мышкой! Поэтому важному поводу было даже совѣщаніе моихъ пріятелей; но они рѣшили, что время отъ времени я все-таки смогу себѣ пробѣгаться; а что касается до моихъ отношеній съ другими воспитанниками, то отъ меня самого зависитъ установить ихъ на товарищескую ногу. Что я и сдѣлалъ.

Камерпажи часто бывали во дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ, на балахъ, пріемахъ, парадныхъ обѣдахъ и т. д. Во время Рождества, Новаго года и Пасхи насъ требовали во дворецъ почти каждый день, а иногда и по два раза въ день. Кромѣ того, какъ фельдфебель, я каждое воскресенье долженъ былъ докладывать царю на разводѣ, что „по ротѣ пажескаго корпуса все обстоитъ благополучно“, даже если треть воспитанниковъ были больны.—„Докладывать ли сегодня, что не все обстоитъ благополучно?“ спросилъ я разъ полковника, когда чуть не полкорпуса переболѣло какою-то болѣзнью.—„Боже сохрани!—ужаснулся онъ,—такъ докладывать можно только, если въ корпусѣ случится бунтъ“.

Въ придворной жизни, безъ сомнѣнія, много живописнаго. Элегантная утонченность манеръ, (хотя, быть можетъ, и поверхностная), строгій этикетъ, блестящая обстановка, несомнѣнно, производятъ впечатлѣніе. Большой выходъ—красивое зрѣлище. Даже простой пріемъ у императрицы нѣсколькихъ дамъ рѣзко отличается отъ обыкновеннаго визита. Пріемъ происходитъ въ великолѣпной залѣ, гости вводятся камергерами въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, за императрицей слѣдуютъ великолѣпно одѣтые пажи и фрейлины, и все выполняется

съ необыкновенной торжественностью. Быть дѣйствующимъ лицомъ въ придворной жизни для мальчика моихъ лѣтъ, конечно, было больше, чѣмъ любопытно. Къ тому же нужно сказать, что на Александра II я тогда смотрѣлъ, какъ на героя: онъ не придавалъ значенія придворнымъ церемоніямъ, начиналъ тогда работать въ шесть часовъ утра и упорно боролся съ реакціонной партіей, чтобы провести рядъ реформъ, въ ряду которыхъ освобожденіе крестьянъ составляло лишь первый шагъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ я присматривался къ казовой сторонѣ придворной жизни и время отъ времени видѣлъ мелькомъ, что творится за кулисами,—я убѣдился въ ничтожности этихъ церемоній, которыми лишь слабо прикрывается то, что желаютъ скрыть отъ толпы. Больше того, я убѣдился, что эти мелочи до такой степени поглощаютъ вниманіе двора, что препятствуютъ ему видѣть явленія первой важности, и что изъ-за театральности часто забывается дѣйствительность. И если бы я когда-нибудь лелѣялъ иллюзію насчетъ дѣятельности въ придворныхъ сферахъ, она исчезла бы къ концу перваго же года.

Въ большіе праздники, а также въ царскіе дни, во дворцѣ бывалъ большой выходъ. Тысячи офицеровъ, отъ генераловъ до капитановъ, а также высшіе гражданскіе чиновники выстраивались въ громадныхъ залахъ дворца, чтобы отвѣсить низкій поклонъ, когда императоръ съ семьею торжественно прослѣдуютъ въ церковь. Всѣ члены императорской фамиліи собирались для этого въ гостиной и весело болтали, покуда не наступалъ моментъ выхода. Затѣмъ процессія выстраивалась. Императоръ подавалъ руку императрицѣ и шелъ впереди. За нимъ слѣдовалъ его камерпажъ, а за нимъ дежурный генералъ-адъютантъ и министръ двора. За императрицей, или точнѣе, за безконечнымъ шлейфомъ ея платья, шли два камерпажа, поднимавшіе этотъ шлейфъ на поворотахъ и потомъ расправлявшіе его во всей красѣ. Далѣе шли наслѣдникъ, которому тогда было лѣтъ во-

семнадцать, великіе князья и княгини, согласно порядку престолонаслѣдія. За каждой изъ великихъ княгинь слѣдовалъ ея камерпажъ. Далѣе тянулась длинная вереница старыхъ и молодыхъ статсъ-дамъ, въ такъ называемыхъ русскихъ костюмахъ, то есть въ бальномъ платьѣ, которое, почему-то предполагалось, похоже на сарафанъ.

Когда процессія проходила, я могъ наблюдать, какъ каждый изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, прежде чѣмъ отвѣсить свой поклонъ, старался украдкой уловить взглядъ царя. И если тотъ отвѣчалъ кому-нибудь на поклонъ улыбкой, однимъ или двумя словами, или даже чуть замѣтнымъ кивкомъ, то преисполненный гордости счастливецъ оглядывалъ сосѣдей, ожидая отъ нихъ поздравленій.

Изъ церкви процессія возвращалась въ томъ же порядкѣ. Затѣмъ каждый спѣшилъ по своимъ собственнымъ дѣламъ. Кромѣ немногихъ фанатиковъ придворнаго этикета, да молодыхъ дамъ, большинство присутствовавшихъ считали выходы скучной барщиной.

Два или три раза въ зиму во дворцѣ давались большіе балы, на которые приглашались тысячи гостей. Послѣ того, какъ императоръ открывалъ танцы полонезомъ, каждому предоставлялось веселиться, какъ угодно. Въ безконечныхъ, блестяще освѣщенныхъ залахъ было сколько угодно мѣста молодымъ дѣвушкамъ укрыться отъ бдительнаго глаза маменекъ и тетушекъ. Молодежь веселилась во время танцевъ, а за ужиномъ всегда какъ-то выходило такъ, что молодыя пары усаживались вдали отъ стариковъ.

Моя служба на балахъ была не изъ легкихъ. Александръ II не танцовалъ и не сидѣлъ, а все время ходилъ между гостей. Камерпажу приходилось итти на нѣкоторомъ разстояніи отъ царя такъ, чтобы не торчать слишкомъ близко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть подъ рукой, чтобы явиться немедленно на зовъ. Это сочетаніе присутствія съ отсутствіемъ давалось не легко. Не требовалъ его и императоръ; онъ предпочелъ бы, чтобы его оставили одного; но таковъ уже былъ обычай, кото-

рому царю приходилось подчиняться. Хуже всего было когда Александръ II входилъ въ толпу дамъ, стоявшихъ вокругъ танцующихъ великихъ князей, и медленно двигался тамъ. Не особенно легко было пробираться среди этого живого цвѣтника, который разступался, чтобы дать дорогу царю, но сейчасъ же замыкался за нимъ. Сотни дамъ и дѣвицъ не танцовали, а стояли тутъ, въ надеждѣ, что, быть можетъ, кто-нибудь изъ великихъ князей замѣтитъ ихъ и пригласитъ на польку или на туръ вальса. О вліяніи двора на петербургское общество можно судить по слѣдующему. Если родители замѣчали, что великій князь обратилъ вниманіе на ихъ дочь, они прилагали всѣ старанія, чтобы дѣвушка влюбилась въ высокую особу, хотя отлично знали, что дѣло не можетъ кончиться бракомъ. Я не могъ бы себѣ даже представить тѣхъ разговоровъ, которые услыхалъ разъ въ „почтенной“ семьѣ, послѣ того какъ наслѣдникъ два или три раза потанцовалъ съ молодой семнадцатилѣтней дѣвушкой. По этому поводу родители ея строили различные, блестящіе по ихъ мнѣнію, планы.

Каждый разъ, когда мы бывали во дворцѣ, мы обѣдали и завтракали тамъ. Придворные лакеи тогда разсказывали намъ,—желали мы ихъ слушать или нѣтъ,—скандальную придворную хронику. Они знали рѣшительно все, что происходило во дворцахъ. То была ихъ среда. Въ интересахъ истины долженъ сказать, что въ тотъ годъ, о которомъ я говорю, хроника была бѣднѣе событіями, чѣмъ въ семидесятыхъ годахъ. Одни тогда только что женились, а другіе были еще слишкомъ молоды. Но объ отношеніяхъ къ княжнѣ N., которую Тургеневъ такъ хорошо обрисовалъ въ „Дымѣ“ подъ именемъ Ирины, — во дворцѣ говорили еще болѣе открыто, чѣмъ въ петербургскихъ салонахъ. Разъ, когда мы вошли въ комнату, гдѣ переодѣвались всегда, намъ сообщили, что „княжна N. сегодня получила отставку, на этотъ разъ, полную“. Полчаса спустя я увидалъ княжну N. Она явилась въ церковь съ распухшими отъ

слезъ глазами. Все время службы она глотала слезы. Остальныя дамы держались поодаль отъ несчастной, какъ бы для того, чтобы ее лучше видѣли. Прислуга уже вся знала про событіе и обсуждала его на свой собственный ладъ. Было нѣчто отвратительное въ толкахъ этихъ людей, которые за день до того пресмыкались предъ этой самой дамой.

Разъ, въ началѣ января 1862 года, я увидалъ, что Александръ II вышелъ изъ процессіи и одинъ направился въ залы, гдѣ были выстроены для парада отряды отъ всѣхъ полковъ петербургскаго гарнизона. Этотъ парадъ обыкновенно происходилъ на площади, но въ тотъ день, по случаю сильнаго мороза, долженъ былъ состояться въ залахъ. Александру II предстояло, такимъ образомъ, пройти пѣшкомъ предъ войсками, вмѣсто того, чтобы проскакать предъ ними галопомъ. Я зналъ, что мои придворныя обязанности кончаются, какъ только императоръ выступаетъ, какъ главнокомандующій войсками, и что я долженъ итти за нимъ только до тѣхъ поръ, но не дальше. Оглянувшись, однако, я увидалъ, что онъ остался совершенно одинъ. Флигель-адъютантъ и генералъ-адъютантъ куда-то исчезли.

Не знаю, спѣшилъ ли Александръ II въ тотъ день, или имѣлъ какія-нибудь другія причины желать, чтобы парадъ скорѣе кончился, но онъ буквально промчался предъ рядами. Онъ дѣлалъ такіе быстрые и большіе шаги (онъ былъ очень высокъ ростомъ), что я долженъ былъ итти скорымъ шагомъ, а порой даже бѣгомъ. Онъ спѣшилъ такъ, какъ будто бы убѣгалъ отъ опасности. Его возбужденіе передалось и мнѣ, и ежеминутно я готовъ былъ броситься впередъ, жалѣя лишь о томъ, что при мнѣ не моя собственная шпага съ толедскимъ клинкомъ, который пробивалъ пятаки, а обыкновенное форменное оружіе. Александръ II замедлилъ шагъ лишь тогда, когда прошелъ предъ послѣднимъ полкомъ. Выходя въ другой залъ, онъ оглянулся и встрѣтился съ моимъ взглядомъ, блестѣвшимъ отъ возбужденія и быстрой ходьбы. Младшій флигель-адъютантъ мчался

бѣгомъ двѣ залы позади насъ. Я приготовился выслушать строгій выговоръ, но вмѣсто этого Александръ II, быть можетъ, обнаруживая мысли, которыя занимали его тогда, сказалъ мнѣ: „Ты здѣсь? молодецъ!“ И медленно удаляясь, онъ вперилъ въ пространство тотъ неподвижный, загадочный взглядъ, который все чаще и чаще я сталъ замѣчать въ немъ.

Таковъ былъ тогда мой образъ мыслей. Но рядъ мелкихъ случаевъ, а также реакціонный характеръ, который все болѣе и болѣе принимала политика Александра II,—стали поселять сомнѣнія въ моемъ сердцѣ. Ежегодно 6-го января, какъ извѣстно, происходитъ полухристіанскій, полуязыческій обрядъ освященія воды на Іордани. Онъ также соблюдается при дворѣ. На Невѣ, противъ дворца, сооружается павильонъ. Императорская фамилія, предшествуемая духовенствомъ, идетъ изъ дворца поперекъ великолѣпной набережной къ павильону, гдѣ послѣ молебствія крестъ погружается въ воду. Тысячи народа на набережной и на льду слѣдятъ издали за церемоніей. Всѣ, конечно, стоятъ безъ шапокъ во время молебствія. Въ тотъ годъ былъ очень сильный морозъ, и одинъ старый генералъ надѣлъ изъ предосторожности парикъ; но когда старикъ, передъ выходомъ на улицу, поспѣшно накидывалъ въ передней шинель, то не замѣтилъ, какъ парикъ его былъ сбитъ на сторону и былъ посаженъ проборомъ поперекъ. Константинъ Николаевичъ увидѣлъ это и во все время службы пересмѣивался съ молодыми великими князьями. Всѣ они смотрѣли на генерала, который глупо ухмылялся, не понимая, чѣмъ онъ могъ вызвать такое веселье. Константинъ, наконецъ, шепнулъ брату, который тоже взглянулъ на генерала и разсмѣялся.

Нѣсколько минутъ спустя, когда процессія, на обратномъ пути, опять была на набережной, старый крестьянинъ протолпился сквозь двойную цѣпь солдатъ, стоявшихъ вдоль пути, и упалъ на колѣни предъ царемъ, держа вверхъ прошеніе.

— „Батюшка-царь, заступись!—крикнулъ онъ со сле-

зами, и въ этомъ восклицаніи сказалось все вѣковое угнетеніе крестьянъ. Но Александръ II прошелъ мимо, не обративъ вниманія на мужика. Я оглянулся. Флигель-адъютантовъ не было. Константинъ, который шелъ за нами, также не обратилъ вниманія на просителя, какъ и его братъ. Не было никого, кто-бы могъ принять бумагу. Тогда я взялъ ее, хотя зналъ, что мнѣ сдѣлаютъ за это выговоръ; принимать прошенія было не моимъ дѣломъ; но я вспомнилъ, сколько долженъ былъ перенести мужикъ, покуда добрался до Петербурга, а затѣмъ, пока пробрался сквозь ряды полиціи и солдатъ. Какъ и всѣ крестьяне, подающіе прошеніе царю, мужикъ рисковалъ попасть въ острогъ, Богъ вѣсть, на какой срокъ.

Въ день освобожденія крестьянъ Александра II боготворили въ Петербургѣ; но замѣчательно то, что, помимо этого момента энтузіазма, его не любили въ столицѣ. Братъ его, Николай, былъ очень популяренъ среди мелкихъ лавочниковъ и извозчиковъ. Но ни Александръ II, ни Константинъ, вождь партіи реформъ, ни Михаилъ не пользовались особою любовью ни одного класса изъ населенія столицы. Александръ II унаслѣдовалъ отъ отца много чертъ полновластнаго самодержца, и онъ просвѣчивали иногда, несмотря на обычное добродушіе его манеръ. Онъ легко поддавался гнѣву и часто обходился крайне пренебрежительно съ придворными. Сомнѣваюсь, чтобы онъ искренно былъ привязанъ къ кому-нибудь. Окружали и были близки ему, порой, люди такіе, какъ, напримѣръ, графъ Адлербергъ, за котораго Александръ II постоянно платилъ долги, тогда какъ другіе прославлялись колоссальнымъ воровствомъ. Уже съ 1862 года можно было опасаться, что Александръ II вновь введетъ худшія черты Николаевщины. Было извѣстно, что онъ хочетъ преобразовать судъ и армію, что ужасное тѣлесное наказаніе отмѣняется, и что Россіи дадутъ мѣстное самоуправленіе, а, можетъ быть, еще какой-нибудь видъ конституціи. Но малѣйшіе безпорядки, по его приказанію, подавлялись съ су-

ровой строгостью. Каждое такое возмущеніе онъ принималъ за личное оскорбленіе. Въ силу этого, постоянно можно было ждать отъ Александра II самыхъ реакціонныхъ мѣръ. Студенческіе безпорядки въ октябрѣ 1861 года, въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ и Казанскомъ, подавлялись съ возраставшей строгостью. Петербургскій университетъ закрыли, закрыли также вольные курсы, начатые многими профессорами въ городской думѣ, и лучшіе профессора должны были выйти въ отставку. Затѣмъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ началось сильное движеніе для основанія воскресныхъ школъ. Онѣ открывались частными лицами и учрежденіями; всѣ учители, конечно, занимались безвозмездно, и въ числѣ учителей были офицеры, студенты и даже нѣсколько пажей. Крестьяне и работники, старые и молодые, устремились въ эти школы, и скоро выработался такой методъ, что въ девять-десять уроковъ мы выучивали крестьянъ читать. Въ этихъ школахъ, въ нѣсколько лѣтъ, безъ всякихъ расходовъ со стороны правительства, большинство крестьянъ научилось бы грамотѣ. Но внезапно всѣ воскресныя школы были закрыты. Въ Польшѣ, гдѣ начались патріотическія манифестаціи, арестовывали сотни людей въ церквахъ, и казаки, съ обычной жестокостью, разгоняли толпу нагайками. Въ концѣ 1861 года въ Варшавѣ на улицѣ даже стрѣляли по народу, и нѣсколько человѣкъ было убито. При усмиреніи же немногихъ крестьянскихъ безпорядковъ вновь ввели „прогнаніе сквозь строй“,—любимое наказаніе Николая I. Такимъ образомъ, уже въ 1862 году можно было предвидѣть тѣ черты характера императора, которыя рѣзко обнаружились въ семидесятыхъ годахъ.

Изъ всей императорской фамиліи, безъ сомнѣнія, наиболѣе симпатичной была императрица Марія Александровна. Она отличалась искренностью и, когда говорила что-либо пріятное кому, то чувствовала такъ. На меня произвело глубокое впечатлѣніе, какъ она разъ

благодарила меня за маленькую любезность (послѣ пріема посланника Соединенныхъ Штатовъ). Такъ не благодаритъ женщина, привыкшая къ придворной лести. Она, безъ сомнѣнія, не была счастлива въ семейной жизни. Не любили ее также и придворныя дамы, находившія ее слишкомъ строгой: онѣ не могли понять, отчего это Марія Александровна слишкомъ строга къ мужу. Теперь извѣстно, что Марія Александровна принимала далеко не послѣднее участье въ освобожденіи крестьянъ. Но тогда про это мало знали. Вождями партіи реформы при дворѣ считались великій князь Константинъ и великая княгиня Елена Павловна, главная покровительница Николая Милютина въ высшихъ сферахъ. Больше знали о томъ дѣятельномъ участіи, которое принимала Марія Александровна въ учрежденіи женскихъ гимназій. Съ самаго начала онѣ были поставлены очень хорошо, съ широкой программой и въ демократическомъ духѣ. Ея дружба съ Ушинскимъ спасла замѣчательнаго педагога отъ участи многихъ талантливыхъ людей того времени, то-есть отъ ссылки.

Марія Александровна сама получила хорошее образованіе и хотѣла дать такое же своему старшему сыну. Съ этой цѣлью она пригласила въ преподаватели лучшихъ спеціалистовъ въ различныхъ областяхъ знанія, въ томъ числѣ Кавелина, хотя она и знала о дружбѣ его съ Герценомъ. Когда Кавелинъ упомянулъ ей про это, Марія Александровна отвѣтила, что сердита на Герцена только за рѣзкіе отзывы о вдовствующей императрицѣ.

Наслѣдникъ былъ необыкновенно красивъ, быть можетъ, даже слишкомъ женственъ. Онъ ничуть не былъ гордъ и во время выходовъ пріятельски болталъ съ камерпажами. (Помню даже, что, во время новогодняго пріема дипломатическаго корпуса, я пытался, объяснить ему, на сколько просто-одѣтый посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, Уашбёрнъ, выгодно отличается отъ разряженныхъ, какъ попугаи, остальныхъ посланниковъ). Но тѣ, которые хорошо знали наслѣдника, отзывались о

немъ, какъ о натурѣ эгоистичной. Въ августѣ 1861 годъ наслѣдникъ окончательно провалился на экзаменахъ, происходившихъ въ присутствіи отца. Помню даже, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого провала, на парадѣ въ Петергофѣ, на которомъ командовавшій наслѣдникъ сдѣлалъ какую-то ошибку, Александръ крикнулъ ему громко, такъ что всѣ слышали: „даже этому не можешь научиться!“ Какъ извѣстно, наслѣдникъ умеръ двадцати-двухъ лѣтъ отъ болѣзни спинного мозга.

Александръ Александровичъ, ставшій наслѣдникомъ въ 1865 году, являлся полной противоположностью брату. Онъ напоминалъ мнѣ лицомъ и сознаніемъ своего величія Павла I.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Сибирь.

I

Въ серединѣ мая 1862 года, за нѣсколько недѣль до нашего производства, капитанъ предложилъ мнѣ составить окончательный списокъ тѣхъ полковъ, въ которые каждый изъ насъ желалъ поступить. Намъ предоставлялось право выйти въ любой гвардейскій полкъ, съ первымъ чиномъ, или же въ армейскій — съ чиномъ поручика. Я взялъ списокъ воспитанниковъ нашего класса и сталъ обходить товарищей. Каждый зналъ уже очень хорошо тотъ полкъ, въ который поступитъ. Большинство щеголяло уже въ саду въ офицерской фуражкѣ своего полка.

— „Кирасирскій полкъ его величества", „Преображенскій полкъ", „въ конную гвардію",—отмѣчалъ я въ спискѣ.

— Ну, а ты, Кропоткинъ, куда? Въ казаки, въ артиллерію?—задавали мнѣ вопросы со всѣхъ сторонъ. Меня взяла грусть, раздумье; я попросилъ товарища докончить списокъ и ушелъ въ свою комнату, чтобы еще разъ обдумать окончательное рѣшеніе.

Я уже давно рѣшилъ, что не поступлю въ гвардію и не отдамъ всю жизнь придворнымъ баламъ и парадамъ. Я мечталъ поступить въ университетъ, чтобы учиться и жить студенческой жизнью. Это значило бы, конечно,

порвать окончательно съ отцомъ, который мечталъ совсѣмъ объ иномъ, и перебиваться уроками. Тысячи студентовъ живутъ такъ, и такая жизнь меня нисколько не страшила. Но какъ сдѣлать первые шаги въ новой жизни? Черезъ нѣсколько недѣль я оставлю школу и долженъ буду обзавестись своимъ платьемъ, своей квартирой. Мнѣ неоткуда было взять даже тѣ небольшія деньги, которыя нужны для начала. Такъ какъ на поступленіе въ университетъ не было надежды, то я давно думалъ объ артиллерійской академіи. Это избавило бы меня на два года отъ фронтовой лямки, и кромѣ военныхъ наукъ, я могъ бы изучать въ академіи математику и физику. Но въ Петербургѣ тянулъ уже вѣтеръ реакціи. Въ прошлую зиму, съ офицерами академіи обращались, какъ съ школьниками. Въ двухъ академіяхъ тогда были безпорядки, и въ одной изъ нихъ, инженерной, всѣ офицеры вышли изъ академіи.

И все болѣе и болѣе я останавливался на мысли о Сибири. Амурскій край тогда только-что былъ присоединенъ къ Россіи. Я много читалъ объ этомъ Миссисипи дальняго востока, о горахъ, прорѣзываемыхъ рѣкой, о субтропической растительности Уссури и мысленно переносился дальше, къ тропическому поясу, такъ чудно описанному Гумбольдтомъ, и къ великимъ обобщеніямъ Риттера, которыми я такъ увлекался. Кромѣ того, я думалъ, что Сибирь — безконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя выработаны или задуманы. Тамъ, вѣроятно, работниковъ мало, и я легко найду широкое поприще для настоящей дѣятельности. Хуже всего было то, что пришлось бы разстаться съ Сашей; но онъ вынужденъ былъ оставить университетъ послѣ безпорядковъ, и я разсчитывалъ (и разсчиталъ вѣрно), что такъ или иначе, черезъ годъ или черезъ два, мы будемъ вмѣстѣ. Оставалось только выбрать полкъ въ Амурской области. Уссурійскій край привлекалъ меня больше всего; но, увы! Тамъ былъ лишь пѣшій казачій баталіонъ. Я былъ все-таки еще мальчикъ, и „пѣшій казакъ“ казался мнѣ, поэтому, уже слишкомъ жалкимъ, такъ что, въ концѣ кон-

цовъ, я остановился на Амурскомъ конномъ казачьемъ войскѣ.

Такъ и отмѣтилъ я въ спискѣ, къ великому огорченію всѣхъ товарищей. „Это такъ далеко!“—говорили они. А пріятель мой Дауровъ схватилъ памятную книжку для офицеровъ и къ ужасу всѣхъ присутствующихъ началъ вычитывать: „мундиръ—чернаго сукна съ простымъ краснымъ воротникомъ, безъ петличекъ. Папаха изъ собачьяго или иного какого мѣха, смотря по мѣсту расположенія, шаровары—сѣраго сукна“.

— Ты только подумай, что за мундиръ!—воскликнулъ онъ. Папаха еще куда не шло: можешь носить волчью или медвѣжью. Но шаровары! Ты только подумай: сѣрые, какъ у фурштатовъ!—Послѣ чтенія, огорченіе пріятелей еще болѣе усилилось.

Я отшучивался, какъ могъ, и понесъ списокъ къ капитану.

— Кропоткинъ всегда выкинетъ какую-нибудь шутку!—воскликнулъ онъ. — Вѣдь сказалъ же я вамъ, что списокъ нужно отправить сегодня великому князю.

Но когда я ему объяснилъ, что совсѣмъ не шучу, на лицѣ добраго капитана изобразилось изумленіе и полное огорченіе.

На другой день, однако, я едва не перемѣнилъ рѣшенія, когда увидалъ, какъ принялъ его Классовскій. Онъ желалъ, чтобы я поступилъ въ университетъ, и съ этой цѣлью давалъ мнѣ даже уроки латинскаго языка. Я же не рѣшался сказать ему, что мѣшаетъ мнѣ сдѣлаться студентомъ. Я зналъ, что если скажу, то Классовскій предложитъ подѣлиться своими крохами.

Затѣмъ, мой отецъ телеграфировалъ, что воспрещаетъ мнѣ уѣзжать въ Сибирь. Объ этомъ доложили великому князю, начальнику военно-учебныхъ заведеній. Меня потребовали къ помощнику его, и на его вопросы я принялся ему расписывать растительность Амура и прелести путешествія... Я имѣлъ сильныя основанія предполагать что если заикнусь о желаніи поступить въ университетъ

кто-нибудь изъ царской фамиліи предложитъ мнѣ стипендію,—чего я ни въ какомъ случаѣ не желалъ.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не случилось одно очень важное событіе—большой пожаръ въ Петербургѣ,—косвенно разрѣшившее мои затрудненія.

Двадцать шестого мая, въ Духовъ день, начался страшный пожаръ Апраксина двора. Середину двора, почти версту въ квадратѣ, занималъ тогда толкучій рынокъ, весь застроенный деревянными лавченками. Здѣсь продавались всевозможныя подержанныя вещи. Въ лавченкахъ, въ проходахъ между ними и даже на крышахъ нагромождалась подержанная мебель, перины, ношенное платье, книги, посуда. Словомъ, всякій хламъ свозился сюда изъ всѣхъ концовъ города. Позади этого громаднаго склада горючаго матерьяла находилось министерство внутреннихъ дѣлъ, въ архивѣ котораго хранились всѣ документы, касающіеся освобожденія крестьянъ, а впереди толкучаго, окаймленнаго рядомъ каменныхъ лавокъ,— стоялъ на другой сторонѣ Садовой Государственный Банкъ. Узкій переулокъ, частью обстроенный каменными лавками, отдѣлялъ Апраксинъ дворъ отъ крыла зданія пажескаго корпуса. Нижній этажъ этого крыла занятъ былъ лавками съ бакалейнымъ и москательнымъ товарами, а въ верхнемъ этажѣ—помѣщались квартиры офицеровъ. Почти насупротивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на другомъ берегу Фонтанки, находились громадные дровяные склады. Апраксинъ дворъ и дровяные склады занялись почти одновременно, въ четыре часа пополудни.

Будь въ это время сильный вѣтеръ, огонь уничтожилъ бы полъ-Петербурга, въ томъ числѣ и государственный банкъ, нѣсколько министерствъ, гостиный дворъ, пажескій корпусъ и публичную библіотеку.

Въ тотъ день я былъ въ корпусѣ и обѣдалъ у одного изъ офицеровъ. Мы помчались на пожаръ, какъ только увидали изъ оконъ первые черные клубы дыма.

Зрѣлище было ужасное. Огонь трещалъ и шипѣлъ. Какъ чудовищная змѣя, онъ метался изъ стороны въ сторону и охватывалъ кольцами лавченки. Затѣмъ онъ поднимался внезапно громаднымъ столбомъ, высовывалъ въ сторону свои языки и лизалъ ими новые и новые балаганы и груды товаровъ. Образовались вихри огня и дыма; а когда вихрь закружилъ тучу горящихъ перьевъ изъ периннаго ряда,—оставаться на Толкучемъ уже было невозможно. Приходилось бросить все на произволъ огня.

Власти совершенно потеряли голову. Во всемъ Петербургѣ не было тогда ни одной паровой пожарной трубы. Какіе-то рабочіе вызвались привезти ее изъ колпинскихъ литейныхъ заводовъ, то-есть верстъ за тридцать отъ Петербурга по желѣзной дорогѣ. Когда машину привезли въ Петербургъ, народъ же приволокъ ее на пожаръ. Изъ четырехъ кишекъ одна оказалась поврежденной неизвѣстной рукой; остальныя же три кишки направили на зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

На пожаръ пріѣхали великіе князья и скоро уѣхали. Поздно вечеромъ, когда государственный банкъ находился уже внѣ опасности, явился Александръ II и велѣлъ отстаивать пажескій корпусъ, какъ центральный пунктъ позиціи. Это и безъ него всѣ знали. Было очевидно, что если загорится Пажескій корпусъ, погибнутъ Публичная библіотека и половина Невскаго проспекта.

Толпа, народъ дѣлалъ все, чтобы остановить огонь. Былъ моментъ, когда государственный банкъ находился въ сильной опасности. Вынесенные изъ лавокъ товары свалили кучами на Садовой, у стѣнъ лѣваго крыла банка. Отъ падающихъ головешекъ загорались постоянно товары, сваленные на улицѣ; но народъ, задыхаясь въ невыносимой жарѣ, не давалъ загорѣться вещамъ, сложеннымъ у стѣнъ банка. Въ толпѣ ругали начальство за то, что тутъ не было ни одной пожарной трубы. Всюду слышалось: „Что они тамъ, черти, дѣлаютъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, когда вотъ-вотъ за-

горятся банкъ и воспитательный домъ? Они всѣ съ ума сошли, что-ли!—Гдѣ оберъ-полицеймейстеръ? Почему онъ не посылаетъ пожарную команду къ банку?" Оберъ-полицеймейстера, генерала Анненкова, я зналъ лично, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ домѣ помощника инспектора, куда Анненковъ приходилъ со своимъ братомъ, извѣстнымъ критикомъ. Тогда я вызвался найти его и, дѣйствительно, нашелъ. Онъ бродилъ безцѣльно по улицѣ. Когда я доложилъ ему о положеніи вещей, то онъ, какъ это ни невѣроятно, поручилъ мнѣ, мальчику, перевести одну пожарную команду отъ зданія министерства къ банку. Я воскликнулъ, конечно, что пожарные меня не послушаются, и, просилъ письменнаго приказа; но у Анненкова не было при себѣ, или онъ увѣрялъ, что не имѣетъ, ни клочка бумаги. Въ силу этого я попросилъ одного изъ нашихъ офицеровъ, Л. Л. Госсе, пойти со мной и передать приказъ. Мы, наконецъ, убѣдили одного брандмейстера, ругавшаго весь свѣтъ и свое начальство отборными словами,—перейти со своей командой на Садовую.

Горѣло не министерство внутреннихъ дѣлъ, а архивы. Много молодежи, главнымъ образомъ, кадеты и пажи, при содѣйствіи канцелярскихъ, выносили изъ горящаго зданія пачки бумагъ и складывали на извозчиковъ. Иногда пачка падала на землю, вѣтеръ тогда подхватывалъ отдѣльные листы и гналъ ихъ по площади. Сквозь черныя тучи дыма видны были зловѣщіе огни пылавшихъ дровяныхъ складовъ на другомъ берегу Фонтанки.

Узкій Чернышевъ переулокъ, отдѣлявшій Пажескій корпусъ отъ Апраксина двора, былъ въ отчаянномъ положеніи. Въ лавкахъ тамъ находились большіе запасы сѣры, деревяннаго масла, скипидара и тому подобныхъ горючихъ веществъ. Громадные, разноцвѣтные огненные языки, выброшенные взрывами, лизали крышу крыла пажескаго корпуса, выходившаго на другую сторону переулка. Оконныя рамы и стропила начали уже дымиться. Пажи и кадеты, очистивъ зданіе, поливали его

крышу изъ небольшой пожарной трубы кадетскаго корпуса, для которой вода, съ большими промежутками, подвозилась въ бочкахъ. Ихъ приходилось наливать шайками. Два-три пожарныхъ, которые стояли на раскаленной крышѣ, все время кричали надрывавшими душу голосами: „воды! воды!“ Я не могъ выносить эти крики и помчался на Садовую, гдѣ силой завернулъ на нашъ дворъ одну изъ полицейскихъ пожарныхъ бочекъ. Но когда я попытался сдѣлать это вторично, пожарный наотрѣзъ отказался слушаться. „Меня отдадутъ подъ судъ, если я сверну“, сказалъ онъ. Со всѣхъ сторонъ товарищи торопили меня: „пойди и найди кого-нибудь, оберъ-полицеймейстера или великаго князя. Скажи имъ, что безъ воды мы больше не можемъ отстаивать пажескій корпусъ“.

— Не доложить ли директору?—предложилъ кто-то.

— Чортъ побери ихъ всѣхъ! Ихъ теперь съ фонаремъ не разыщешь! Пойди и сдѣлай все самъ.

Я побѣжалъ опять разыскивать Анненкова. Мнѣ, наконецъ, сказали, что онъ, должно быть, во дворѣ государственнаго банка. Тамъ стояло нѣсколько офицеровъ около генерала, въ которомъ я узналъ петербургскаго генералъ-губернатора, князя Суворова. Ворота, однако, были заперты. Банковый чиновникъ, стоявшій возлѣ нихъ, наотрѣзъ отказался впустить меня. Я настаивалъ, грозилъ, и, наконецъ, меня впустили. Тогда я подошелъ прямо къ князю Суворову, который писалъ записку на спинѣ одного изъ своихъ адъютантовъ.

Когда я доложилъ о положеніи вещей, то Суворовъ прежде всего спросилъ: „Кто васъ послалъ?“

— Никто,—отвѣчалъ я,—товарищи.

— Такъ вы говорите, что пажескій корпусъ скоро загорится?

— Да.

Князь Суворовъ немедленно вышелъ на улицу, подобралъ картонку для шляпы, покрылъ ею голову и побѣжалъ, что было силъ, въ переулокъ. Съ одной стороны его пылали лавки, съ другой—тлѣли рамы и стро-

пила корпуса. Мостовая же была покрыта пустыми бочками, деревянными ящиками, соломой и тому подобнымъ. Князь Суворовъ принялся дѣйствовать рѣшительно.

— У васъ во дворѣ рота солдатъ. Возьмите отрядъ и немедленно очистите переулокъ. Сейчасъ проведутъ сюда одну изъ кишекъ паровой пожарной машины. Управляйте ею. Я вамъ лично поручаю ее.

Не легко было двинуть солдатъ изъ нашего сада. Они вычистили изъ бочекъ и ящиковъ все содержаніе, набили карманы кофейными зернами, а въ кепи запрятали каждый по большому куску сахара, и теперь, въ эту теплую весеннюю ночь, прохлаждались подъ деревьями, пощелкивая орѣхи. Никто не хотѣлъ двинуться съ мѣста, покуда не вмѣшался офицеръ. Переулокъ очистили и кишку пустили въ ходъ. Товарищи были въ восторгѣ. Каждыя двадцать минутъ мы смѣняли направлявшихъ кишку. Мы стояли рядомъ съ ними, не смотря на адскую жару.

Около трехъ или четырехъ часовъ утра, стало очевидно, что съ огнемъ удалось справиться. Пажескій корпусъ находился теперь внѣ опасности. Утоливъ жажду нѣсколькими стаканами чая въ бѣлой харчевнѣ, которая была уже открыта, полумертвые отъ усталости, мы завалились спать на первыя свободныя койки въ госпиталѣ корпуса. На другой день я поднялся рано и въ нѣкогда бѣломъ, суконномъ, а теперь черномъ отъ копоти кепи пошелъ взглянуть на пожарище. Возвратившись въ корпусъ, я встрѣтилъ великаго князя Михаила, котораго, согласно требованію службы, я провожалъ, когда онъ обходилъ зданіе. Пажи поднимали головы съ подушекъ. У всѣхъ лица почернѣли отъ дыма, глаза и вѣки распухли; у многихъ были опалены волосы. Нарядныхъ пажей съ трудомъ можно было узнать, но они гордились сознаніемъ, что проявили себя не бѣлоручками и что работали не хуже другихъ.

Это посѣщеніе великаго князя разрѣшило всѣ мои затрудненія. Выходя, онъ спросилъ меня,—съ чего это

я вздумалъ ѣхать на Амуръ, имѣю ли я тамъ друзей, и знаетъ ли меня генералъ-губернаторъ? Я отвѣтилъ, что не имѣю родственниковъ въ Сибири, и что тамъ меня никто не знаетъ.

— Какъ же ты ѣдешь тогда? Они тебя упрячутъ въ глухую станицу. Что ты тамъ будешь дѣлать? Я лучше напишу генералъ-губернатору и попрошу оставить тебя гдѣ нибудь при штабѣ.

Я былъ увѣренъ теперь, что, послѣ такого предложенія, отецъ мой не будетъ больше противъ моей поѣздки. Такъ оно и было. Теперь я могъ свободно ѣхать въ Сибирь.

Пожаръ Апраксина Двора сталъ поворотнымъ пунктомъ не только въ политикѣ Александра II, но и въ исторіи Россіи того періода. Не подлежало сомнѣнію, что пожаръ не былъ дѣломъ случайности. Въ Троицу и въ Духовъ день въ Апраксиномъ дворѣ, кромѣ нѣсколькихъ сторожей, никого не было. Кромѣ того, Апраксинъ дворъ и дровяные склады занялись почти одновременно; а за пожаромъ въ Петербургѣ послѣдовало нѣсколько такихъ же пожаровъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Несомнѣнно, кто-то поджигалъ; но кто именно?— На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта до сихъ поръ.

Катковъ, руководимый личной ненавистью къ Герцену, а въ особенности къ Бакунину, съ которымъ разъ долженъ былъ драться на дуэли, на другой же день послѣ пожара обвинилъ въ поджогѣ поляковъ и русскихъ революціонеровъ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ этому обвиненію большинство повѣрило.

Польша готовилась тогда къ революціи, которая разразилась въ январѣ слѣдующаго года. Тайное революціонное правительство заключило союзъ съ лондонскими изгнанниками. Жондъ имѣлъ членовъ даже въ самомъ сердцѣ петербургской администраціи. Немного времени спустя послѣ пожара, русскій офицеръ стрѣлялъ въ варшавскаго намѣстника, графа Людерса; а когда назначили, вмѣсто графа, намѣстникомъ Константина Нико-

лаевича (говорили тогда, что изъ Польши сдѣлаютъ отдѣльное королевство для великаго князя), то и на него сдѣлано было, 26 іюня, покушеніе. Въ августѣ кто-то стрѣлялъ также въ маркиза Велепольскаго, вождя партіи сліянія съ Россіей. Наполеонъ III поддерживалъ въ полякахъ надежду на вооруженное вмѣшательство въ пользу ихъ независимости. Въ такихъ условіяхъ съ обыкновенной, узкой военной точки зрѣнія, уничтоженіе государственнаго банка, нѣсколькихъ министерствъ и распространеніе паники въ столицѣ могли казаться хорошимъ боевымъ планомъ. Но въ подтвержденіе этого предположенія не было приведено ни малѣйшаго факта.

Съ другой стороны, крайнія партіи въ Россіи видѣли, что на иниціативу Александра II въ реформаціонномъ движеніи нельзя больше возлагать никакихъ надеждъ. Не подлежало сомнѣнію, что теченіемъ его все ближе и ближе относитъ къ лагерю реакціонеровъ. Для передовыхъ людей было очевидно, что освобожденіе означаетъ для крестьянъ полное разореніе, вслѣдствіе высокаго выкупа, назначеннаго за землю. Въ маѣ, въ силу этого, въ Петербургѣ появились прокламаціи, призывавшія народныя массы къ поголовному возстанію; образованнымъ же классамъ предлагалось настаивать на необходимости земскаго собора. При такомъ настроеніи какому-нибудь революціонеру могла прійти въ голову мысль разрушить правительственную машину пожаромъ.

Наконецъ, неопредѣленный характеръ освобожденія вызвалъ сильное броженіе среди крестьянъ, составляющихъ большую часть населенія во всѣхъ городахъ. Всегда въ Россіи броженія среди крестьянъ сопровождались подметными письмами и поджогами.

Возможно, что мысль поджечь Апраксинъ рынокъ могла возникнуть въ головѣ единичныхъ представителей революціоннаго лагеря; но ни тщательное слѣдствіе, ни массовые аресты, начавшіеся въ Россіи и въ Польшѣ немедленно послѣ пожара, не дали ни малѣйшихъ указаній на это. Если что-нибудь въ этомъ родѣ было бы найдено, то реакціонная партія навѣрное поспѣшила бы

воспользоваться. Съ тѣхъ поръ появилось также въ печати много воспоминаній, опубликовано много писемъ, относящихся къ тому времени, но опять-таки въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, въ подтвержденіе послѣдней гипотезы.

Напротивъ, когда вспыхнули пожары во многихъ приволжскихъ городахъ, а въ особенности въ Саратовѣ, и когда туда былъ посланъ царемъ для слѣдствія сенаторъ Ждановъ,—онъ закончилъ разслѣдованіе съ твердымъ убѣжденіемъ, что саратовскій пожаръ былъ дѣломъ реакціонной партіи. Въ ней существовала увѣренность, что возможно еще убѣдить Александра II отложить окончательное освобожденіе крестьянъ, которое должно было состояться 19-го февраля 1863 года. Реакціонеры знали слабость характера Александра II и немедленно послѣ пожаровъ сильно стали агитировать въ пользу отстрочки освобожденія и пересмотра практическаго примѣненія закона. Въ хорошо освѣдомленныхъ кругахъ говорили, что Ждановъ возвращался въ Петербургъ съ положительными доказательствами виновности саратовскихъ реакціонеровъ; но онъ внезапно умеръ въ дорогѣ, а портфель его исчезъ и никогда не былъ найденъ.

Какъ бы то ни было, пожаръ Апраксина двора имѣлъ весьма печальныя послѣдствія. Послѣ него Александръ II открыто выступилъ на путь реакціи. Что еще хуже, общественное мнѣніе той части общества въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которая имѣла сильное вліяніе на правительство, сразу сбросило либеральный мундиръ и возстало не только противъ крайней партіи, но даже противъ умѣренныхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ пожара, я пошелъ навѣстить моего двоюроднаго брата, фигель-адъютанта. Въ конногвардейскихъ казармахъ, гдѣ онъ жилъ, я часто встрѣчалъ офицеровъ, сочувствовавшихъ Чернышевскому. Двоюродный братъ мой до тѣхъ поръ самъ былъ усерднымъ читателемъ „Современника“; теперь же онъ принесъ мнѣ нѣсколько книжекъ журнала, отложилъ предо мной на столъ и сказалъ: „отнынѣ,

послѣ этого, не хочу имѣть ничего общаго съ зажигательными писаніями, довольно!“ Слова эти отражали мнѣніе „всего Петербурга“. Толковать о реформахъ стало неприлично. Атмосфера была насыщена духомъ реакціи. „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены. Всѣ виды воскресныхъ школъ запретили. Начались массовые аресты. Петербургъ былъ поставленъ на военное положеніе.

Черезъ двѣ недѣли, 13 іюня, наступилъ, наконецъ, день, котораго кадеты и пажи дожидались съ такимъ нетерпѣніемъ. Александръ II произвелъ намъ родъ короткаго экзамена въ военныхъ построеніяхъ. Мы командовали ротами, а я гарцовалъ на конѣ впереди баталіона. Затѣмъ насъ всѣхъ произвели въ офицеры.

Когда парадъ кончился, Александръ II громко скомандовалъ: „Произведенные офицеры ко мнѣ!“ Мы окружили его. Царь остался на конѣ.

Тутъ я увидалъ Александра II въ совершенно новомъ для меня свѣтѣ.

Началъ онъ въ спокойномъ тонѣ: „Поздравляю васъ: Вы теперь офицеры!“ Онъ говорилъ о военныхъ обязанностяхъ и о вѣрности государю, какъ это всегда говорится въ подобныхъ случаяхъ. Но затѣмъ лицо его внезапно исказилось гнѣвомъ, и онъ началъ говорить, отчеканивая каждое слово: — „Но если, чего Боже сохрани, кто нибудь изъ васъ измѣнитъ царю, престолу и отечеству, я поступлю съ нимъ, по всей стрро-го-сти закона, безъ мал-лѣйшаго по-пу-щенія!

Александра II я увидалъ еще разъ, прежде чѣмъ оставилъ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ производства, всѣ офицеры представлялись ему во дворцѣ. Мой болѣе, чѣмъ скромный мундиръ съ знаменитыми сѣрыми шароварами привлекалъ всеобщее вниманіе. Ежеминутно я долженъ былъ удовлетворять любопытство офицеровъ, всѣхъ чиновъ, спрашивавшихъ меня, что это за форма такая? Амурское казачье войско было тогда

самое молодое въ арміи, и я стоялъ почти въ концѣ нѣсколькихъ сотенъ представлявшихся офицеровъ. Александръ II отыскалъ меня и спросилъ:

— Такъ ты ѣдешь въ Сибирь? Что жъ, твой отецъ согласился въ концѣ концовъ?

Я отвѣтилъ, что да.

— Тебя не страшитъ ѣхать такъ далеко?

Я съ жаромъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, я хочу работать, а въ Сибири такъ много дѣла, чтобы проводить намѣченныя реформы".

Александръ II взглянулъ на минуту и сказалъ, наконецъ: „Что жъ, поѣзжай. Полезнымъ вездѣ можно быть" И лицо его приняло выраженіе усталости, полной апатіи.

Петербургъ принялъ мрачный характеръ. По улицамъ ходили отряды пѣхоты. Казачьи патрули объѣзжали кругомъ дворца. Петропавловская крѣпость наполнялась политическими заключенными. Куда я ни приходилъ, всюду я видѣлъ одно и то же, — торжество реакціи. Я оставлялъ Петербургъ безъ сожалѣнія.

Каждый день я навѣдывался въ казачье управленіе, съ просьбой выправить скорѣе мои бумаги. И, какъ только онѣ были готовы, я поспѣшилъ въ Москву, къ брату Сашѣ.

II

Пять лѣтъ, проведенныя мною въ Сибири, были для меня настоящей школой изученія жизни и человѣческаго характера. Я приходилъ въ соприкосновеніе съ различнаго рода людьми, съ самыми лучшими и съ самыми худшими, съ тѣми, которые стоятъ на верху общественной лѣстницы и съ тѣми, кто прозябаетъ и копошится на послѣднихъ ея ступеняхъ: съ бродягами и, такъ называемыми, неисправимыми преступниками. Я имѣлъ полную возможность наблюдать крестьянъ въ ихъ ежедневной жизни и еще большую возможность убѣдиться, какъ мало можетъ дать имъ правительство, даже если оно одушевлено лучшими намѣреніями. Наконецъ, мои

продолжительныя путешествія, во время которыхъ я сдѣлалъ болѣе семидесяти тысячъ верстъ на перекладныхъ, на пароходѣ, въ лодкѣ, а главнымъ образомъ, верхомъ,—удивительно закалили мое здоровье. Путешествія научили меня также тому, какъ мало, въ дѣйствительности, нужно человѣку, когда онъ выходитъ изъ зачарованнаго круга условной цивилизаціи. Съ нѣсколькими фунтами хлѣба и маленькимъ запасомъ чая въ переметныхъ сумахъ, съ котелкомъ и топоромъ у сѣдла, съ кошмой подъ сѣдломъ, чтобы покрыть ею постель изъ свѣже нарѣзаннаго молодого лиственяка, — человѣкъ чувствуетъ себя удивительно независимымъ, даже среди неизвѣстныхъ горъ, густо поросшихъ лѣсомъ или же покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Я могъ бы написать цѣлую книгу объ этой порѣ моей жизни, но мнѣ приходится коснуться ея лишь поверхностно, потому что такъ много нужно сказать о дальнѣйшихъ годахъ.

Сибирь—не мерзлая страна, вѣчно покрытая снѣгомъ и заселенная лишь ссыльными, какъ представляютъ ее иностранцы и какъ еще очень недавно представляли ее себѣ у насъ. Растительность южной Сибири по богатству напоминаетъ флору южной Канады. Сходны также ихъ физическія положенія. На 500,000 инородцевъ въ Сибири 4½ милліона русскихъ, а южная часть Западной Сибири имѣетъ такой же совершенно русскій характеръ, какъ и губерніи къ сѣверу отъ Москвы.

Въ 1862 году, высшая сибирская администрація была гораздо болѣе просвѣщенная и въ общемъ гораздо лучше, чѣмъ администрація любой губерніи въ Европейской Россіи. Постъ генералъ-губернатора восточной Сибири занималъ уже нѣсколько лѣтъ замѣчательный человѣкъ, графъ Н. Н. Муравьевъ, присоединившій Амурскій край. Онъ былъ очень уменъ, очень дѣятеленъ, крайне обаятеленъ, какъ личность, и желалъ работать на пользу края. Какъ всѣ люди дѣйствія правительственной школы, онъ въ глубинѣ души былъ деспотъ; но Муравьевъ придерживался крайнихъ мнѣній, и демократическая республика не вполнѣ бы удовлетво-

рила его. Ему удалось отдѣлаться почти отъ всѣхъ старыхъ чиновниковъ, смотрѣвшихъ на Сибирь, какъ на край, гдѣ можно грабить безнаказанно, и онъ окружилъ себя, большею частью, молодыми, честными офицерами, изъ которыхъ многіе имѣли такія же благія намѣренія, какъ и самъ онъ. Въ его собственномъ кабинетѣ молодые люди, вмѣстѣ съ сосланнымъ Бакунинымъ (онъ бѣжалъ изъ Восточной Сибири въ августѣ 1861 года), обсуждали возможность созданія Сибирскихъ Соединенныхъ Штатовъ, вступающихъ въ федеративный союзъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Когда я пріѣхалъ Иркутскъ, реакціонная волна, поднимавшаяся въ Петербургѣ, еще не достигла столицы Восточной Сибири. Меня очень хорошо принялъ молодой генералъ-губернаторъ Корсаковъ, только что замѣнившій Муравьева, и заявилъ, что онъ очень радъ видѣть возлѣ себя людей либеральнаго образа мыслей. Что же касается молодого, тридцати-пяти лѣтняго генерала Кукеля, начальника штаба Восточной Сибири (я былъ назначенъ сейчасъ же его адъютантомъ), то онъ повелъ меня въ комнату въ своемъ домѣ, гдѣ я нашелъ лучшіе русскіе журналы и полную коллекцію лондонскихъ революціонныхъ изданій Герцена. Скоро мы стали близкими друзьями.

Въ то время Б. К. Кукель временно занималъ постъ губернатора Забайкальской области, и черезъ нѣсколько недѣль мы переправились черезъ Байкалъ и поѣхали на востокъ, въ Читу. Здѣсь мнѣ пришлось отдаться всецѣло, не теряя времени, великимъ реформамъ, которыя тогда обсуждались. Изъ петербургскихъ министерствъ прибыли мѣстнымъ властямъ предложенія выработать планы полнаго преобразованія администраціи, полиціи, судовъ, тюремъ, системы ссылки, городского самоуправленія. Все это должно было быть преобразовано на широкихъ либеральныхъ основахъ, намѣченныхъ въ царскихъ манифестахъ.

Кукель, которому помогали умный, практическій человѣкъ, полковникъ Педашенко, и два-три честныхъ

чиновника, — работалъ усердно весь день, а иногда и значительную часть ночи. Я сталъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправленія. Я ухватился за работу со всѣмъ энтузіазмомъ девятнадцатилѣтняго юноши, много читалъ объ историческомъ развитіи этихъ учрежденій въ Россіи и о современномъ положеніи ихъ въ Западной Европѣ. Министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи издавали тогда въ своихъ журналахъ отличныя работы и документы, относящіеся къ вопросу. Но въ Забайкальской области мы не только занимались теоріями. Я сперва обсуждалъ съ практическими людьми, хорошо знакомыми съ мѣстными условіями и съ нуждами края, общія черты проекта, а затѣмъ мы вырабатывали его во всѣхъ подробностяхъ, пунктъ за пунктомъ. Съ этой цѣлью мнѣ приходилось встрѣчаться съ цѣлымъ рядомъ лицъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ. Затѣмъ полученные результаты мы вновь обсуждали съ Кукелемъ и Педашенко. Послѣ этого я составлялъ проектъ, который снова, тщательно, пунктъ за пунктомъ, разбирался въ комитетѣ. Одинъ изъ этихъ комитетовъ, для выработки проекта самоуправленія— состоялъ изъ читинцевъ, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ города. Короче сказать, наша работа была очень серьезна. И даже въ настоящее время, глядя на нее въ перспективѣ нѣсколькихъ десятилѣтій, я искренно могу сказать, что если бы самоуправленіе дано было по тому скромному плану, который мы выработали, — сибирскіе города имѣли бы теперь совсѣмъ другой видъ. Но изъ нашей работы, какъ видно будетъ, ничего не вышло.

Не было недостатка и въ другихъ случайныхъ работахъ. То приходилось найти деньги для поддержанія благотворительныхъ учрежденій; то нужно было сдѣлать описаніе экономическаго положенія области для мѣстной земледѣльческой выставки, то предстояло начать какія нибудь важныя изслѣдованія, или произвести слѣдствіе.

— Мы живемъ въ великую эпоху; работайте, милый другъ; помните, что вы секретарь всѣхъ существую-

щихъ и будущихъ комитетовъ, — говорилъ мнѣ иногда Кукель. И я работалъ съ двойной энергіей.

Одинъ или два примѣра покажутъ, каковы были результаты. Въ Забайкальской области, въ одной изъ волостей служилъ засѣдатель М., творившій невѣроятныя вещи. Онъ грабилъ крестьянъ, сѣкъ немилосердно— даже женщинъ, что было уже противъ закона. Если ему въ руки попадало уголовное дѣло, онъ гноилъ въ острогѣ тѣхъ, которые не могли дать ему взятку. Кукель давно бы уже прогналъ засѣдателя; но на это не соглашался генералъ-губернаторъ, такъ какъ М. имѣлъ сильныхъ покровителей въ Петербургѣ. Послѣ долгихъ колебаній рѣшили, что я поѣду и произведу слѣдствіе на мѣстѣ, чтобы собрать факты противъ засѣдателя. Выполнить это было не легко, такъ какъ напуганные крестьяне отлично помнили, что до Бога высоко, а до царя далеко, и не рѣшались давать свидѣтельскія показанія. Даже женщина, которую высѣкъ засѣдатель, опасалась вначалѣ свидѣтельствовать. Лишь послѣ того, какъ я прожилъ двѣ недѣли съ крестьянами и заслужилъ ихъ довѣріе, выплыли мало по малу дѣянія М. Я собралъ подавляющіе факты, и засѣдателю велѣли подать въ отставку. Каково же было наше удивленіе, когда мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали, что тотъ же М. назначенъ исправникомъ въ Камчатку. Тамъ онъ могъ безпрепятственно грабить инородцевъ, что и дѣлалъ, конечно. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился въ Петербургъ богатымъ человѣкомъ. Теперь онъ порой сотрудничаетъ въ консервативныхъ газетахъ и, разумѣется, парадируетъ, какъ „настоящій патріотъ“.

Какъ я сказалъ, волна реакціи еще не дошла до Сибири. Съ политическими ссыльными обращались съ всевозможной мягкостью, какъ при Муравьевѣ. Когда въ 1861 году сослали въ каторжныя работы М. Л. Михайлова за составленіе прокламаціи, тобольскій губернаторъ далъ въ честь его обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ мѣстныя власти. Въ Забайкальской области Михайлова не держали въ каторжныхъ казармахъ. Ему

оффиціально разрѣшили оставаться въ тюремномъ госпиталѣ села Кадки, близъ Нерчинскаго завода; но здоровье Михайлова было очень слабо—онъ умеръ отъ чахотки въ 1865 году—и генералъ Кукель разрѣшилъ ему жить у брата, горнаго инженера, арендовавшаго у казны золотой пріискъ. Объ этомъ знали всѣ въ Сибири. Но разъ мы получили извѣстіе изъ Иркутска, что, въ силу полученнаго доноса, въ Читу ѣдетъ жандармскій генералъ, для слѣдствія по дѣлу М. Л. Михайлова. Привезъ намъ это извѣстіе адъютантъ генералъ-губернатора. Меня немедленно послали предупредить Михайлова и сказать ему, чтобы онъ сейчасъ же перебирался въ Кадки, покуда жандармскаго генерала задержатъ въ Читѣ. Такъ какъ генералъ выигрывалъ за зеленымъ полемъ въ домѣ Кукеля значительныя суммы денегъ, то онъ скоро рѣшилъ не мѣнять этого пріятнаго занятія на долгое путешествіе въ горный округъ; тѣмъ болѣе, что и холода тогда стояли жестокіе. Въ концѣ концовъ жандармскій генералъ возвратился въ Иркутскъ, очень довольный своею выгодною командировкою.

Гроза, тѣмъ не менѣе, надвигалась все ближе и ближе. Она все смела предъ собою, вскорѣ послѣ того, какъ въ Польшѣ разразилась революція.

III

Въ январѣ 1863 года Польша возстала противъ русскаго владычества. Образовались отряды повстанцевъ, и началась война, продолжавшаяся полтора года. Лондонскіе эмигранты умоляли польскіе революціонные комитеты отложить возстаніе, такъ какъ предвидѣли, что революція будетъ подавлена и что она положитъ конецъ реформамъ въ Россіи. Но ничего нельзя уже было сдѣлать. Свирѣпыя казачьи расправы съ націоналистическими манифестаціями на улицахъ Варшавы въ 1861 году, жестокія, безпричинныя казни, послѣдовавшія за тѣмъ, привели поляковъ въ отчаянье. Жребій былъ брошенъ.

Никогда раньше польскому дѣлу такъ много не сочувствовали въ Россіи, какъ тогда. Я не говорю о революціонерахъ. Даже многіе умѣренные люди открыто высказывались тогда, что Россіи выгоднѣе имѣть Польшу хорошимъ сосѣдомъ, чѣмъ враждебно настроенной подчиненной страной. Польша никогда не потеряетъ своего національнаго характера; онъ слишкомъ рѣзко вычеканенъ. Она имѣетъ и будетъ имѣть свое собственное искусство, свою литературу и свою промышленность. Держать ее въ рабствѣ Россія можетъ лишь при помощи грубой физической силы; а такое положеніе дѣлъ всегда благопріятствовало, и будетъ благопріятствовать господству гнета въ самой Россіи. Это сознавали многіе, и когда я былъ еще въ корпусѣ, петербургское общество одобрительно привѣтствовало передовую статью, которую Иванъ Аксаковъ имѣлъ мужество напечатать въ своей газетѣ *День*. Онъ начиналъ съ предположенія, что русскія войска очистили Польшу, и указывалъ благія послѣдствія для самой Польши и для Россіи. Когда началась революція 1863 года, нѣсколько русскихъ офицеровъ отказались итти противъ поляковъ, а нѣкоторые даже открыто присоединились къ нимъ и умерли, или на эшафотѣ, или на полѣ битвы. Деньги на возстаніе собирались по всей Россіи, а въ Сибири даже открыто. Въ университетахъ студенты снаряжали тѣхъ товарищей, которые отправлялись къ повстанцамъ.

Но вотъ среди общаго возбужденія пришло извѣстіе, что въ ночь на 10 января повстанцы напали на солдатъ, квартировавшихъ по деревнямъ и перерѣзали сонныхъ, хотя наканунѣ казалось, что отношенія между населеніемъ и войсками дружескія. Происшествіе было нѣсколько преувеличено; но, къ сожалѣнію, въ этомъ извѣстіи была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатлѣніе на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхожденію, но столь различными по національному характеру, воскресла старая вражда.

Постепенно дурное впечатлѣніе исчезло до извѣстной степени. Доблестная борьба всегда отличавшихся храбростью поляковъ, неослабная энергія, съ которой они сопротивлялись громадной арміи, — скоро пробудили вновь симпатію къ этому героическому народу. Но въ это время стало извѣстно, что революціонный комитетъ требуетъ возстановленія Польши въ старыхъ границахъ, со включеніемъ Украйны, православное населеніе которой ненавидитъ пановъ и не разъ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ начинало возстаніе противъ нихъ кровавой рѣзней. Кромѣ того, Наполеонъ III и Англія стали угрожать Россіи новой войной, и эта пустая угроза принесла полякамъ болѣе вреда, чѣмъ всѣ остальныя причины, взятыя вмѣстѣ. Наконецъ, радикальная часть русскаго общества съ сожалѣніемъ убѣдилась, что въ Польшѣ берутъ верхъ чисто національстическія стремленія. Революціонное правительство меньше всего думало о надѣленіи крѣпостныхъ землей,—и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить въ роли защитника хлоповъ противъ польскихъ пановъ.

Когда въ Польшѣ началась революція, всѣ въ Россіи думали, что она приметъ демократическій, республиканскій характеръ и что Народовый Жондъ освободитъ на широкихъ, демократическихъ началахъ крестьянъ, сражающихся за независимость родины.

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи представляло весьма удобный случай для подобнаго дѣйствія. Личныя обязательства крестьянъ къ помѣщикамъ кончались 19-го февраля 1863 года. Затѣмъ слѣдовало выполнить очень долгую процедуру установленія добровольнаго соглашенія между помѣщиками и крѣпостными относительно величины и мѣстонахожденія надѣла. Размѣръ ежегодныхъ платежей за надѣлы (оцѣненные очень высоко) былъ утвержденъ правительствомъ по столько-то съ десятины. Но крестьянамъ приходилось еще платить дополнительныя суммы за усадебныя земли, при-

чемъ правительство опредѣлило лишь высшую норму; помѣщикамъ же предоставлялось или отказаться отъ дополнительныхъ платежей, или удовольствоваться частью. Что же касается выкупа надѣловъ, при которомъ правительство платило помѣщикамъ полностью выкупными свидѣтельствами, а крестьяне обязаны были погашать долгъ въ теченіе сорока-девяти лѣтъ взносами по шести процентовъ въ годъ,—то эти платежи не только были чрезмѣрно велики и разорительны для крестьянъ; но не былъ опредѣленъ также срокъ для выкупа. Онъ предоставлялся волѣ помѣщика, и во многихъ случаяхъ выкупныя сдѣлки не были заключены даже черезъ двадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Такое положеніе вещей предоставляло польскому революціонному правительству широкую возможность улучшить русскій законъ. Оно обязано было выполнить актъ справедливости по отношенію къ крестьянамъ (положеніе ихъ было такъ же плохо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже хуже, чѣмъ въ Россіи) и выработать гораздо лучшіе и болѣе опредѣленные законы освобожденія крѣпостныхъ. Ничего подобнаго не было сдѣлано. Верхъ одержала партія чисто націоналистическая и шляхетская, и великій вопросъ объ освобожденіи хлоповъ былъ отодвинутъ на задній планъ. Вслѣдствіе этого, русскому правительству открылась возможность заручиться расположеніемъ польскихъ крестьянъ, противъ революціонеровъ.

Оно широко воспользовалось этой ошибкой; Александръ II послалъ Н. Милютина въ Польшу съ полномочіемъ освободить крестьянъ по тому плану, который послѣдній думалъ осуществить въ Россіи, не считаясь съ тѣмъ, разоритъ ли такое освобожденіе помѣщиковъ или нѣтъ.

— Поѣзжайте въ Польшу и тамъ примѣните противъ помѣщиковъ вашу красную программу,— сказалъ Александръ II Милютину. И Милютинъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ и многими другими, дѣйствительно сдѣлалъ все возможное, чтобы отнять землю у помѣщиковъ и дать крестьянамъ большіе надѣлы.

Разъ я встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые, вмѣстѣ съ Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ, дѣйствовали въ Польшѣ.

— Мы имѣли полную возможность,—сказалъ онъ,— передать всю землю крестьянамъ. Обыкновенно я начиналъ съ того, что сзывалъ крестьянскій сходъ.—„Скажите сперва, какою землею вы владѣете теперь?". Мнѣ указывали ее. „Вся ли это земля, которая когда либо принадлежала вамъ?" спрашивалъ я. „Нѣтъ,—отвѣчали они, бывало, какъ одинъ человѣкъ. — Въ былые годы вонъ тѣ луга принадлежали намъ; имѣли мы еще тотъ лѣсъ и тѣ поля". Я предоставлялъ имъ высказать все, а затѣмъ говорилъ: „ну, кто изъ васъ можетъ подъ присягой показать, что вотъ та земля была когда-то ваша?" Конечно, никто не выступалъ, потому что дѣло шло о давно прошедшемъ времени. Наконецъ, выталкивали впередъ какого-нибудь древняго старика. Остальные говорили: „онъ знаетъ все; онъ можетъ присягнуть". Старикъ начиналъ безконечный разсказъ про то, что видалъ въ молодости, или про то, что слыхалъ отъ отца; но я круто обрывалъ: „Покажи подъ присягой, что участокъ когда-то принадлежалъ гминѣ, и земля будетъ ваша". И какъ только старикъ присягалъ—а такой присягѣ можно слѣпо вѣрить,—я составлялъ бумаги и объявлялъ сходу: „теперь у васъ нѣтъ никакихъ обязательствъ къ вашимъ бывшимъ помѣщикамъ; вы простые сосѣди. Платите только, по столько-то въ годъ, въ казну. Усадьбы идутъ вмѣстѣ съ землей. Платить за нихъ вамъ ничего не нужно".

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе все это произвело на крестьянъ. Мой двоюродный братъ, Петръ Николаевичъ Кропоткинъ, братъ того флигель-адъютанта, о которомъ я упоминалъ выше, былъ въ Польшѣ или въ Литвѣ съ гвардейскимъ уланскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ. Революція имѣла такой серьезный характеръ, что противъ поляковъ двинули изъ Петербурга даже гвардію. Теперь извѣстно, что, когда Михаила Муравьева посылали въ Литву, и онъ пришелъ

проститься съ императрицей Маріей Александровной, она сказала ему: „спасите хоть Литву!“ Польша считалась уже утерянной.

— Вооруженныя банды повстанцевъ держали весь край,—разсказывалъ мой двоюродный братъ. — Мы не могли не только разбить, но и найти ихъ. Банды нападали безпрестанно на наши небольшіе отряды; а такъ какъ повстанцы сражались превосходно, отлично знали мѣстность, и находили поддержку въ населеніи, то они оставались побѣдителями въ такихъ случаяхъ. Поэтому мы вынуждены были ходить всегда большими колоннами. И вотъ мы ходили все время, по всему краю, взадъ и впередъ, среди лѣсовъ, а конца возстанію не предвидѣлось. Пока мы пересѣкали какую-нибудь мѣстность, мы не встрѣчали никакого слѣда повстанцевъ. Но какъ только мы возвращались, то узнавали, что банды опять появлялись въ тылу и собирали патріотическую подать. И если какой-нибудь крестьянинъ оказывалъ услуги нашимъ войскамъ, мы находили его повѣшеннымъ повстанцами. Такъ дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ,—безъ всякой надежды на скорый конецъ, покуда не прибыли Милютинъ и Черкасскій. Какъ только они освободили крестьянъ, и дали имъ землю,—все сразу измѣнилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать намъ ловить повстанцевъ. Революція кончилась“.

Въ Сибири я часто бесѣдовалъ съ ссыльными поляками на эту тему, и нѣкоторые изъ нихъ понимали ошибку, которая была сдѣлана. Революція, съ самаго начала, должна явиться актомъ справедливости по отношенію къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“, а не обѣщаніемъ поправки зла въ будущемъ; иначе она навѣрное не удастся. Къ несчастью, часто случается, что вожди бываютъ такъ поглощены вопросами политики и военной тактики, что забываютъ самое главное. Между тѣмъ, революціонеры, которымъ не удастся убѣдить массы, что для нея начинается новая эра, готовятъ вѣрную гибель своему собственному дѣлу.

Бѣдственныя послѣдствія революціи для Польши— извѣстны и принадлежатъ уже исторіи. Никто еще доподлинно не знаетъ, сколько тысячъ человѣкъ погибло на полѣ битвы, сколько сотенъ повѣшено и сколько десятковъ тысячъ человѣкъ было сослано во внутреннія русскія губерніи и въ Сибирь. Но даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ недавно, въ одномъ лишь Литовскомъ краѣ, палачъ Муравьевъ, которому правительство поставило памятникъ, — повѣсилъ собственной властью 128 поляковъ и сослалъ въ Сибирь 9423 мужчинъ и женщинъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Сибирь было сослано 18,672 человѣка; изъ нихъ 10,407—въ Восточную Сибирь, и я помню, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири упоминалъ мнѣ приблизительно ту же цифру. Онъ мнѣ говорилъ, что въ его край, въ каторжныя работы или на поселеніе, прислано одиннадцать тысячъ человѣкъ. Я видѣлъ ихъ и былъ свидѣтелемъ ихъ страданій. Въ общемъ, отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ человѣкъ, если не больше, были оторваны отъ Польши и сосланы въ Европейскую Россію, на Уралъ, на Кавказъ или же въ Сибирь.

Для Россіи послѣдствія были одинаково бѣдственны. Польская революція положила конецъ всѣмъ реформамъ. Правда, въ 1864 и 1866 годахъ ввели земскую и судебную реформу, но онѣ были готовы еще въ 1862 году. Кромѣ того, въ послѣдній моментъ Александръ II отдалъ предпочтеніе плану земской реформы, выработанному не Николаемъ Милютинымъ, а реакціонною партіей Валуева. Затѣмъ, немедленно послѣ обнародованія обѣихъ реформъ, значеніе ихъ сократили, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уничтожили, прибавленіемъ многочисленныхъ временныхъ правилъ.

Хуже всего было то, что само общественное мнѣніе сразу повернуло на путь реакціи. Героемъ дня сталъ Катковъ, парадировавшій теперь, какъ русскій „патріотъ“ и увлекавшій за собою значительную часть Петербургскаго и Московскаго общества. Онъ немедленно

помѣщалъ въ разрядъ „измѣнниковъ“ всѣхъ тѣхъ, кто еще дерзалъ говорить о реформахъ.

Волна реакціи скоро добралась и до нашей далекой окраины. Разъ, въ февралѣ или мартѣ 1863 года, прискакалъ нарочный изъ Иркутска и привезъ бумагу. Въ ней предписывалось генералу Кукелю немедленно оставить постъ губернатора Забайкальской области, вернуться въ Иркутскъ и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій, не принимая должности начальника штаба.

Почему такъ? Что все это означаетъ? Про это въ бумагѣ не было ни слова. Даже генералъ-губернаторъ, личный другъ Кукеля, не рѣшился прибавить ни одного пояснительнаго слова къ таинственной бумагѣ. Значила ли она, что Кукеля повезутъ съ двумя жандармами въ Петербургъ и тамъ замуруютъ въ каменный гробъ, въ Петропавловскую крѣпость? Все было возможно. Позднѣе мы узнали, что такъ именно и предполагалось. Такъ бы и сдѣлали, если бы не энергичное заступничество графа Николая Муравьева-Амурскаго, который лично умолялъ царя пощадить Кукеля.

Наше прощанье съ Б. К. Кукелемъ и его прелестной семьей было похоже на похороны. Сердце мое надрывалось. Въ Кукелѣ я не только терялъ дорогого, близкаго друга; но я сознавалъ также, что его отъѣздъ означаетъ похороны цѣлой эпохи,—богатой „иллюзіями,“ какъ стали говорить впослѣдствіи,—эпохи, на которую возлагалось столько надеждъ.

Такъ оно и вышло. Прибылъ новый губернаторъ, добродушный, беззаботный человѣкъ. Видя, что терять время нельзя, я съ удвоенной энергіей принялся за работу и закончилъ проектъ реформъ системы ссылки и городского самоуправленія. Губернаторъ, для формы, сдѣлалъ нѣсколько возраженій; но затѣмъ подписалъ проектъ, который и былъ отправленъ въ Петербургъ. Но тамъ больше уже не желали реформъ. Тамъ нашъ проектъ и покоится по сію пору, съ сотнями другихъ подобныхъ записокъ, поданныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ столицахъ выстроили нѣсколько „образцовыхъ“

тюремъ, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ старыя, не образцовыя,—чтобы было, что показать знатнымъ иностранцамъ во время тюремныхъ конгрессовъ. Но въ 1886 году Кеннанъ нашелъ всю систему ссылки въ такомъ же видѣ, въ какомъ я ее оставилъ въ 1872 году. Лишь теперь, черезъ много лѣтъ, правительство вводитъ въ Сибири новые суды и пародію на самоуправленіе; лишь теперь назначены снова комиссіи для разслѣдованія системы ссылки *).

Когда Кеннанъ возвратился послѣ своего путешествія по Сибири въ Лондонъ, онъ на другой же день розыскалъ Степняка, Чайковскаго, меня и еще одного русскаго эмигранта. Вечеромъ мы всѣ собрались у Кеннана, въ небольшой гостинницѣ близъ Чарингъ-Кросса. Видѣли мы Кеннана въ первый разъ и не особенно довѣряли предпріимчивымъ англичанамъ, которые до него брались изучить все, касающееся Сибири и ссылки, не давши себѣ даже труда научиться хоть немного по русски. По этому мы подвергли путешественника строгому перекрестному допросу. Къ нашему великому изумленію, онъ не только отлично говорилъ по русски, но зналъ все, что стоило знать, относительно Сибири. Мы четверо знали многихъ ссыльныхъ, находившихся въ Сибири, и осаждали Кеннана вопросами: „Гдѣ такой-то? Женатъ ли онъ? Счастливъ ли въ семейной жизни? Сохранился ли онъ?“ Мы быстро убѣдились, что Кеннанъ знаетъ всѣхъ.

Когда этотъ допросъ кончился, я спросилъ: „не знаете ли вы, г-нъ Кеннанъ, построена пожарная каланча въ Читѣ?“ Степнякъ взглянулъ на меня, какъ будто упрекая за излишнюю пытливость. Но тотъ расхохотался, и я тоже. Смѣясь, мы перекидывались вопросами:

— Какъ, вы знаете объ этомъ?

— И вы тоже?

— Выстроили, наконецъ?

— Да, по двойной смѣтѣ.

*) Писано въ 1897 году.

И такъ далѣе. Наконецъ вмѣшался Степнякъ и наиболѣе суровымъ тономъ, на какой лишь былъ способенъ при своемъ добродушіи, заявилъ:

— Скажите намъ, наконецъ, чему вы смѣетесь?

Тогда Кеннанъ разсказалъ исторію читинской каланчи, которую читатели его, вѣроятно, помнятъ. Въ 1859 году читинцы пожелали выстроить каланчу и собрали деньги для этого; но смѣту пришлось послать въ Петербургъ. Она пошла къ министру внутреннихъ дѣлъ; но когда утвержденная смѣта вернулась черезъ два года въ Читу, то оказалось, что цѣны на лѣсъ и на трудъ значительно поднялись въ молодомъ разроставшемся городѣ. Это было въ 1862 году, когда я жилъ въ Читѣ. Составили новую смѣту и отправили въ Петербургъ. Исторія повторилась нѣсколько разъ и тянулась цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, покуда, наконецъ, читинцы потеряли терпѣніе и выставили въ смѣтѣ почти двойныя цѣны. Тогда, фантастическую смѣту торжественно утвердили въ Петербургѣ. Такимъ то образомъ Чита получила каланчу.

За послѣдніе годы, намъ часто приходилось слышать, что Александръ II совершилъ большую ошибку, вызвавъ такъ много ожиданій, которыхъ потомъ не могъ удовлетворить. Такимъ образомъ, говорятъ, онъ уготовилъ свою собственную гибель. Изъ всего того, что я сказалъ,—а исторія маленькой Читы была исторіей всей Россіи,—видно, что правительство сдѣлало нѣчто худшее. Оно не только пробудило надежды. Уступивъ на время теченію, оно побудило по всей Россіи людей засѣсть за работу; оно побудило ихъ выйти изъ области надеждъ и призраковъ и, такъ сказать, осязать назрѣвшія реформы. Оно заставило ихъ узнать, что можно сдѣлать немедленно и какъ легко это сдѣлать. Правительство убѣдило этихъ людей пожертвовать частью ихъ идеаловъ, которые нельзя было немедленно осуществить, и требовать только практически-возможнаго въ данное время. И когда они отлили свои идеалы, когда дали имъ форму готовыхъ законовъ, требовавшихъ лишь подписи императора, чтобъ стать дѣйствительностью, онъ отка-

зался подписать. Ни одинъ реакціонеръ не высказывалъ, и не смѣлъ высказать, что дореформенные суды, отсутствіе городского самоуправленія и старая система ссылки были хороши и достойны сохраненія. Никто не дерзалъ утверждать этого. И, тѣмъ не менѣе, изъ страха сдѣлать что-нибудь, все оставили, какъ оно было. Тридцать-пять лѣтъ вносили въ разрядъ „подозрительныхъ“ всѣхъ тѣхъ, кто дерзалъ замѣтить, что нужны перемѣны. Изъ одного страха передъ страшнымъ словомъ „реформы“, учрежденія, осужденныя всѣми, признанныя всѣми за гнилые пережитки стараго, были оставлены въ нетронутомъ видѣ.

IV.

Я видѣлъ, что въ Читѣ мнѣ дѣлать больше нечего, такъ какъ съ реформами тутъ покончено, и весною того же 1863 года охотно принялъ предложеніе поѣхать на Амуръ.

Все необъятное лѣвое побережье Амура и берегъ Тихаго океана, вплоть до залива Петра Великаго, были присоединены графомъ Муравьевымъ почти противъ воли петербургскихъ властей и уже, во всякомъ случаѣ, безъ какой-либо значительной помощи съ ихъ стороны. Когда Муравьевъ задумалъ смѣлый планъ овладѣть великой рѣкой, которой южное положеніе и плодоносные берега въ теченіе двухъ столѣтій манили сибиряковъ; когда онъ рѣшилъ, прежде чѣмъ Японія откроется для Европы, занять для Россіи прочное положеніе на берегу Тихаго океана и вступить, такимъ образомъ, въ сношенія съ Соединенными Штатами, — противъ генералъ-губернатора ополчились почти всѣ въ Петербургѣ. У военнаго министра не было лишнихъ солдатъ, у министра финансовъ—свободныхъ денегъ. Въ особенности противилось министерство иностранныхъ дѣлъ, всегда старающееся избѣгать „дипломатическихъ осложненій“. Муравьеву, поэтому, оставалось дѣйствовать на собственный страхъ и разсчитывать, при выполненіи грандіоз-

наго предпріятія, лишь на тѣ скудныя средства, которыя могла доставить слабо населенная Восточная Сибирь. Кромѣ того, приходилось дѣйствовать, какъ можно скорѣе, чтобы возможному протесту Западно-Европейскихъ дипломатовъ противопоставить „свершившійся фактъ".

Номинальная лишь оккупація не имѣла бы никакого значенія, и вотъ явилась мысль выстроить по Амуру и по Усури, на протяженіи 3500 верстъ слишкомъ, цѣпь станицъ и, такимъ образомъ, установить правильное сообщеніе между Сибирью и берегомъ Великаго океана. Для станицъ нужны были засельщики, которыхъ Восточная Сибирь не могла дать. Тогда Муравьевъ прибѣгъ къ необычайнымъ мѣрамъ. Ссыльно-каторжнымъ, отбывшимъ срокъ въ каторжныхъ работахъ и приписаннымъ къ кабинетскимъ промысламъ, возвратили права и обратили въ Забайкальское казачье войско. Часть ихъ поселили по Амуру, а часть по Усури. Возникли два новыхъ казачьихъ войска. Затѣмъ Муравьевъ добился освобожденія тысячи каторжниковъ (большею частью, разбойниковъ и убійцъ), которыхъ рѣшилъ устроить, какъ вольныхъ переселенцевъ, по низовьямъ Амура. Отправляя ихъ съ Кары на новыя мѣста, Муравьевъ, конечно, произнесъ имъ рѣчь: „Ступайте, дѣтушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сдѣлайте ее русскимъ краемъ, начните новую жизнь,"—и такъ далѣе. Русскія крестьянки почти всегда добровольно слѣдуютъ въ Сибирь за сосланными мужьями. Такимъ образомъ, почти всѣ поселенцы имѣли свои семьи. Но были и холостые, которые замѣтили Муравьеву: „мужикъ безъ бабы—ничего; жениться намъ нужно". Тогда генералъ-губернаторъ велѣлъ освободить каторжанокъ, и предложилъ имъ выбрать мужей. Времени терять было нельзя. Полая вода быстро спадала въ Шилкѣ; плотамъ слѣдовало сниматься. Тогда Муравьевъ велѣлъ поселенцамъ стать на берегу парами, благословилъ ихъ и сказалъ: „вѣнчаю васъ, дѣтушки. Будьте ласковы другъ съ другомъ; мужья, не обижайте женъ и живите счастливо".

Я видѣлъ этихъ новоселовъ лѣтъ шесть спустя послѣ

описанной сцены. Деревни были бѣдны; поля пришлось отвоевать у тайги; но въ общемъ, мысль Муравьева осуществилась, а браки, заключенные имъ, были не менѣе счастливы, чѣмъ браки вообще. Добрый, умный епископъ Амурскій Иннокентій призналъ впослѣдствіи эти браки и дѣтей, рожденныхъ въ нихъ, законными и приказалъ такъ и отмѣтить въ церковныхъ книгахъ.

Менѣе счастливъ былъ Муравьевъ съ другимъ разрядомъ. Нуждаясь въ людяхъ для заселенія Восточной Сибири, онъ принялъ, какъ колонистовъ, двѣ тысячи солдатъ изъ штрафныхъ баталіоновъ. Солдатъ распредѣлили, какъ пріемныхъ сыновей, въ казачьи семьи, или же устроили хозяйствами въ деревняхъ Восточной Сибири. Но десять или двадцать лѣтъ казарменной жизни, подъ ужасной николаевской дисциплиной, не могли быть, конечно, подготовительной школой для земледѣльческаго труда. „Сынки“ убѣгали отъ отцовъ, присоединялись къ бездомному, бродячему городскому населенію, перебивались случайной работой, пропивали весь заработокъ, а затѣмъ, беззаботные, какъ птицы, дожидались, покуда набѣжитъ новая работа.

Пестрыя толпы забайкальскихъ казаковъ, освобожденныхъ каторжниковъ и „сынковъ“, поселенныхъ наскоро и кое-какъ по берегу Амура,—конечно, не могли благоденствовать, въ особенности, по низовьямъ рѣки и по Уссури, гдѣ каждый квадратный аршинъ приходилось расчищать изъ подъ дѣвственнаго субтропическаго лѣса; гдѣ проливные дожди, принесенные муссонами въ іюлѣ, затопляли громадныя пространства; гдѣ милліоны перелетныхъ птицъ выклевывали постоянно хлѣба. Всѣ эти условія привели населеніе низовьевъ въ отчаяніе, а затѣмъ породили апатію.

Такимъ образомъ, ежегодно приходилось отправлять цѣлые караваны баржъ съ солью, мукой, солониной и такъ далѣе, для продовольствія, какъ войскъ, такъ и переселенцевъ въ низовьяхъ Амура. Въ Читѣ для этого строили ежегодно около ста пятидесяти баржъ, которыя сплавлялись весной въ половодье по Ингодѣ, Шилкѣ и

Амуру. Вся флотилія дѣлилась на отряды въ двадцать, тридцать судовъ, которыми завѣдывали казачьи офицеры и чиновники. Большинство изъ нихъ не очень много понимали въ навигаціонномъ дѣлѣ; но на нихъ можно было хоть положиться, что они не раскрадутъ провизію и не покажутъ ее потомъ затонувшей. Я былъ прикомандированъ помощникомъ къ начальнику всего сплава, майору Малиновскому.

Мой первый опытъ въ новой роли сплавщика былъ совсѣмъ неудаченъ. Мнѣ надлежало поспѣшить, на сколько возможно, изъ Срѣтенска съ нѣсколькими баржами къ извѣстному пункту на Амурѣ и тамъ сдать ихъ. Съ этой цѣлью приходилось взять команду изъ числа „сынковъ“, о которыхъ я говорилъ выше. Никто изъ нихъ ничего не понималъ въ рѣчномъ плаваніи. Немногимъ больше понималъ и я. Въ день отправки пришлось собирать мою команду по кабакамъ. Въ пять часовъ утра, когда слѣдовало сняться, нѣкоторые были такъ пьяны, что ихъ приходилось выкупать предварительно въ рѣкѣ, чтобы хоть нѣсколько вытрезвить. Когда мы тронулись, мнѣ пришлось ихъ учить всему. Тѣмъ не менѣе, днемъ дѣло шло недурно. Баржи, сносимыя быстрымъ теченіемъ, плыли по серединѣ рѣки. Хотя моя команда и отличалась неопытностью, но ей не было никакого разсчета посадить суда на берегъ: для этого потребовалось бы спеціальное усиліе. Но когда стемнѣло и наступила пора причалить наши неуклюжія, тяжело нагруженныя баржи къ берегу на ночь, то оказалось, что одна ушла далеко впередъ отъ той, на которой я былъ; остановилась она лишь тогда, когда крѣпко наткнулась на камень у подножья страшно высокаго, крутого утеса. Здѣсь баржа засѣла основательно. Уровень рѣки, поднятый ливнями, быстро падалъ. Мои десять „сынковъ“, находившіеся на этой баржѣ, конечно, не могли снять ее. Я поплылъ въ лодкѣ въ ближайшую станицу, чтобы позвать на помощь казаковъ и въ то же время отправилъ гонца къ пріятелю, казачьему офицеру, жившему въ Срѣтенскѣ, старому, опытному сплавщику.

Наступило утро. На помощь явилось около сотни казаковъ и казачекъ; но подъ утесомъ было такъ глубоко, что невозможно было установить сообщеніе съ берегомъ съ цѣлью разгрузить баржу. Когда же мы попробовали сдвинуть ее съ камня, въ днѣ образовалась пробоина, черезъ которую хлынула вода, размывая нашъ грузъ: муку и соль. Къ великому ужасу моему, я видѣлъ множество рыбокъ, попавшихъ черезъ пробоину и теперь плававшихъ въ баржѣ. Я безпомощно стоялъ, не зная, что дѣлать. Есть простое средство въ подобныхъ случаяхъ: нужно заткнуть пробоину кулемъ муки, который быстро всосется въ отверстіе. Образовавшаяся кора тѣста не даетъ водѣ проникнуть черезъ муку; но никто изъ насъ этого не зналъ.

Къ счастью для меня, мы черезъ нѣсколько минутъ усмотрѣли вверхъ по рѣкѣ баржу, плывшую къ намъ. Врядъ ли обрадовалась такъ, приведенная въ отчаянье Эльза при видѣ плывущаго къ ней на лебедѣ Лоэнгрина, какъ возликовали мы, завидѣвъ неуклюжую баржу. Легкій голубой туманъ, висѣвшій въ этотъ ранній часъ надъ красавицей Шилкой, придавалъ еще бо́льшую поэзію нашему видѣнію. То былъ мой пріятель, казачій офицеръ, понявшій изъ моей записки, что никакими человѣческими силами не сдвинуть баржу, что она погибла, и пригнавшій, поэтому, пустую баржу, чтобы спасти грузъ.

Пробоину заткнули, воду вычерпали и перенесли грузъ на новое судно. На слѣдующее утро я могъ продолжать плаванье. Этотъ маленькій опытъ былъ мнѣ очень полезенъ, и вскорѣ я достигъ назначенія безъ дальнѣйшихъ приключеній, о которыхъ стоило бы упоминать. Мы всегда находили по вечерамъ небольшую полосу крутого, но сравнительно невысокаго берега, чтобы причалить. Скоро затѣмъ, на берегу быстрой и чистой рѣки пылали наши костры. А фономъ бивуака былъ великолѣпный горный пейзажъ. Трудно представить себѣ болѣе пріятное плаванье, чѣмъ днемъ, на баржѣ, сносимой по волѣ теченія. Нѣтъ ни того шума, ни грохота,

какъ на пароходѣ. Порой приходится лишь раза два повернуть громадное кормовое весло, чтобы держать баржу среди рѣки. Любителю природы не сыскать лучшихъ видовъ, чѣмъ по нижнему теченію Шилки и на верхнемъ Амурѣ, гдѣ широкая и быстрая, прозрачная рѣка течетъ между поросшихъ лѣсами горъ, спускающихся къ водѣ высокими, крутыми скалами, тысячи въ двѣ футовъ въ вышину. Но эти самыя скалы дѣлаютъ сообщеніе берегомъ крайне затруднительнымъ. Проѣхать можно только верхомъ, горной тропой. Это я испыталъ на личномъ опытѣ, осенью того же года. Въ Восточной Сибири зовутъ послѣдніе семь перегоновъ по Шилкѣ (около 180 верстъ) Семью смертными грѣхами. Эта часть Сибирской желѣзной дороги, если когда нибудь ее проложатъ здѣсь, обойдется въ страшно большія деньги,—гораздо дороже, чѣмъ участокъ канадской желѣзной дороги, проходящій въ Скалистыхъ горахъ, въ ущельѣ рѣки Фразеръ.

Сдавъ мои баржи, я сдѣлалъ около 1500 верстъ внизъ по Амуру въ почтовой лодкѣ. Середина ея покрыта навѣсомъ, какъ кибитка, а на носу стоитъ ящикъ, набитый землей, на которой разводятъ огонь. Гребцовъ у меня было трое. Намъ приходилось торопиться, и мы гребли поочередно весь день, а ночью предоставляли лодкѣ плыть по теченію, держа ее по срединѣ рѣки. Я сидѣлъ на кормѣ часа три или четыре, чтобы удерживать лодку въ фарватерѣ и не угодить въ протоку. Эти ночныя дежурства были полны невыразимой прелести. На небѣ сіялъ полный мѣсяцъ, а черныя горы отражались въ заснувшей прозрачной рѣкѣ.

Гребцы мои были изъ „сынковъ“, прогнанныхъ сквозь строй, а теперь бродяжившихъ изъ города въ городъ и не всегда признававшихъ права собственности. А между тѣмъ я возилъ съ собой тяжелую сумку, набитую серебромъ, бумажками и мѣдью. Въ Западной Европѣ такое путешествіе по пустынной рѣкѣ считалось бы опаснымъ; но не въ Восточной Сибири. Я сдѣлалъ его преблаго-

получно, не имѣя при себѣ даже стараго пистолета. Мои бродяги оказались очень хорошими людьми. Только подъѣзжая къ Благовѣщенску, они затосковали.

— Ханшина (китайская водка) ужъ очень дешева тутъ,— скорбѣли они. — Водка крѣпкая; какъ выпьешь, сразу съ ногъ сшибетъ съ непривычки!—Я предложилъ имъ оставить слѣдуемыя деньги у одного пріятеля, съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ плату моимъ „сынкамъ", когда усадитъ ихъ на обратный пароходъ. „Не поможетъ,— мрачно повторяли они, — ужъ кто-нибудь да поднесетъ чашку. Дешева, подлая. А какъ выпьешь, такъ и сшибаетъ съ ногъ".

Сынки были дѣйствительно огорчены. Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я возвращался обратно черезъ Благовѣщенскъ, то узналъ, что одинъ изъ „моихъ сынковъ", какъ народъ звалъ ихъ въ городѣ, дѣйствительно, попалъ въ бѣду. Пропивъ послѣдніе сапоги, онъ укралъ что-то и попалъ въ тюрьму. Мой пріятель, въ концѣ концовъ, добился его освобожденія и усадилъ на обратный пароходъ.

Лишь тѣ, которые видѣли Амуръ или знаютъ Миссисипи и Янсекіангъ, могутъ себѣ представить, какой громадной рѣкой становится Амуръ послѣ сліянія съ Сунгари, и какія громадныя волны ходятъ по рѣкѣ въ непогоду. Въ іюлѣ, во время проливныхъ дождей, обусловленныхъ муссонами, вода въ Сунгари, Усури и въ Амурѣ страшно поднимается. Полая вода заливаетъ или же смываетъ тысячи острововъ, поросшихъ тальникомъ. Рѣка достигаетъ трехъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже семи верстъ ширины и заливается въ озера, которыя тянутся цѣпью по сторонамъ главнаго русла. Свѣжій восточный вѣтеръ разводитъ на рѣкѣ и въ протокахъ невѣроятное волненіе. Еще хуже, когда съ Китайскаго моря налетитъ тайфунъ.

Мы испытали его. Я былъ тогда въ большой крытой лодкѣ, съ Малиновскимъ, съ которымъ встрѣтился въ Благовѣщенскѣ. Онъ оснастилъ свою лодку всякими парусами такъ, что она могла идти въ бейдевиндъ, и

когда начался штормъ, намъ удалось добраться до завѣтерья и укрыться въ протокѣ. Здѣсь мы простояли два дня, покуда бушевала буря. Ярость ея была такъ велика, что когда я отважился выйти въ тайгу, за нѣсколько сотъ шаговъ, то вынужденъ былъ возвратиться, такъ какъ вѣтеръ валилъ кругомъ меня деревья. Мы начали сильно безпокоиться объ участи нашихъ баржъ. Было очевидно, что если онѣ поплыли утромъ, то не смогли укрыться отъ вѣтра. Ихъ должно было погнать къ тому берегу, гдѣ ярость бури и волнъ особенно свирѣпствовала. Въ такомъ случаѣ, гибель ихъ была неминуема. Мы почти были увѣрены, что сплавъ разбитъ.

Мы тронулись въ путь, какъ только ослабѣла ярость бури. По разсчетамъ мы скоро должны были обогнать два отряда баржъ; но прошелъ день и два, а каравановъ нѣтъ и слѣда. Гдѣ-то у одного крутого берега, виднѣлись какія-то бревна; но ни складовъ, ни людей не было видно. Малиновскій потерялъ сонъ и аппетитъ, и выглядывалъ такъ, какъ будто только что перенесъ тяжелую болѣзнь. Съ утра до вечера онъ сидѣлъ неподвижно на палубѣ и шепталъ: „все пропало, все пропало!“ Въ этой части Амура поселенія рѣдки, и никто не могъ дать намъ никакихъ свѣдѣній. Началась новая буря. Вечеромъ, когда мы добрались, наконецъ, до деревни, намъ сказали, что баржи не проходили, но что наканунѣ много обломковъ плыло по рѣкѣ. Не подлежало сомнѣнію, что погибло, самое меньшее, сорокъ баржъ съ грузомъ въ 120 тысячъ пудовъ. Это означало неизбѣжный голодъ въ низовьяхъ Амура, въ слѣдующую весну, если запасы не подоспѣютъ во время, потому что близилась осень, навигація скоро должна была прекратиться, а телеграфа вдоль рѣки тогда еще не существовало.

Мы устроили совѣтъ и рѣшили, что Малиновскій поплыветъ возможно скорѣе къ устью Амура въ Николаевскъ. Быть можетъ, до прекращенія навигаціи, удастся закупить хлѣбъ въ Японіи. Я же долженъ былъ поспѣшить вверхъ по рѣкѣ, чтобы опредѣлить потери и

затѣмъ торопиться въ Читу, какъ прійдется: въ лодкѣ, верхомъ или на пароходѣ, если таковой попадется. Чѣмъ раньше удастся предупредить читинскихъ властей и выслать внизъ провіантъ, тѣмъ лучше. Быть можетъ, запасы достигнутъ осенью верховьевъ Амура, откуда ихъ удастся сплавить въ низовья по первой водѣ. Съ голодомъ легче будетъ бороться, если запасы прибудутъ хотя бы на нѣсколько недѣль или даже на нѣсколько дней раньше.

Мое путешествіе въ три тысячи верстъ я началъ въ маленькой лодкѣ, мѣняя гребцовъ въ каждой деревнѣ, то-есть приблизительно черезъ каждыя тридцать верстъ. Я очень медленно подвигался впередъ; но пароходъ съ низовьевъ могъ прійти не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, а за это время я могъ быть уже на мѣстѣ крушенія и опредѣлить, спасена ли какая-нибудь часть груза. Затѣмъ въ устьѣ Усури, въ Хабаровскѣ, я могъ бы сѣсть на пароходъ. Лодки были жалкія, начались опять бури. Мы держались, конечно, близко къ берегу; но приходилось перерѣзывать нѣсколько довольно широкихъ притоковъ Амура. Въ этихъ мѣстахъ, гонимыя вѣтромъ волны грозили залить нашу утлую посудину. Разъ намъ пришлось пересѣчь устье притока почти въ версту шириной. Короткія волны поднимались высокими буграми. Два крестьянина, сидѣвшіе на веслахъ, сильно перепугались и побѣлѣли, какъ полотно; посинѣвшія губы ихъ дрожали и шептали молитву. Но державшій корму пятнадцатилѣтній мальчикъ не потерялся и зорко слѣдилъ за волнами. Онъ скользилъ между ними, когда онѣ опускались. Когда же волны грозно поднимались впереди насъ, онъ легкимъ движеніемъ весла направлялъ лодку, носомъ черезъ гребни. Лодку постоянно заливало, и я отливалъ воду старымъ ковшемъ, причемъ убѣждался, что она набирается скорѣе, чѣмъ я успѣваю вычерпывать. Одно время въ лодку хлестнули два такихъ большихъ вала, что, по знаку дрожащаго гребца, я отстегнулъ тяжелую сумку съ серебряными и мѣдными деньгами, висѣвшую у меня черезъ плечо... Такія переправы бы-

вали у насъ нѣсколько дней подрядъ. Я никогда не понуждалъ гребцовъ, но они знали, почему я тороплюсь, и сами рѣшали въ извѣстную минуту, что можно попытаться. „Семи смертей не бывать, а одной не миновать“,— говорили тогда гребцы, крестились и брались за весла.

Я добрался, наконецъ, до того мѣста, гдѣ произошло главное крушеніе нашего сплава. Буря разбила сорокъ четыре баржи. Разгрузить ихъ было невозможно, такъ что спасли лишь очень небольшую часть провіанта. Около ста тысячъ пудовъ муки погибло въ Амурѣ. Съ этой грустной вѣстью тронулся я дальше въ путь.

Черезъ нѣсколько дней меня нагналъ пароходъ, медленно ползшій вверхъ по теченію, и мы причалили къ нему. Отъ пассажировъ я узналъ, что капитанъ допился до чертиковъ и прыгнулъ черезъ бортъ; его спасли однако, и теперь онъ лежалъ въ бѣлой горячкѣ въ каютѣ. Меня просили принять командованіе пароходомъ, и я согласился. Но скоро, къ великому моему изумленію, я убѣдился, что все идетъ такъ прекрасно само собою, что мнѣ дѣлать почти нечего, хотя я и прохаживался торжественно весь день по капитанскому мостику. Если не считать нѣсколько дѣйствительно отвѣтственныхъ минутъ, когда приходилось приставать къ берегу за дровами, да порой два-три ободрительныхъ слова кочегарамъ, чтобы убѣдить ихъ тронуться съ разсвѣтомъ, какъ только выяснятся очертанія береговъ,—дѣло шло само собою. Лоцманъ разбирающій карту, отлично справился бы за капитана.

То пароходомъ, то верхомъ я добрался, наконецъ, до Забайкалья. Меня мучила все время мысль о голодѣ, который можетъ начаться весной въ низовьяхъ Амура, а потому, замѣтивъ, что нашъ пароходъ шелъ очень тихо вверхъ по верхнему Амуру, я сошелъ и поѣхалъ, сопутствуемый казакомъ, верхомъ, горной тропой, по берегу Аргуни. Эти триста верстъ—Газимурскаго хребта—представляютъ одно изъ самыхъ дикихъ мѣстъ въ Сибири. Я ѣхалъ весь день и только въ полночь останавливался, гдѣ попало въ лѣсу, чтобы отдохнуть до

разсвѣта. Я могъ выгодать такимъ образомъ всего десять или двѣнадцать часовъ, но и они имѣли значеніе, такъ какъ съ каждымъ днемъ приближалось прекращеніе навигаціи. Ночью на рѣкѣ появлялась уже шуга. Наконецъ я встрѣтилъ на Карѣ забайкальскаго губернатора и моего пріятеля, полковника Педашенко, который сейчасъ же позаботился о немедленной отправкѣ новаго транспорта. Я же поспѣшилъ съ докладомъ въ Иркутскъ.

Тамъ всѣ удивлялись, какъ это я могъ проѣхать такъ скоро такой длинный путь; но я совсѣмъ выбился изъ силъ и спалъ въ теченіе недѣли такъ много, что теперь стыдно даже сказать.

— Вы хорошо отдохнули? — спросилъ меня генералъ-губернаторъ дней черезъ восемь или десять послѣ моего пріѣзда. — Можете ли вы выѣхать завтра курьеромъ въ Петербургъ, чтобы лично доложить о гибели баржъ?

Это значило отмахать въ двадцать дней—не больше— 4800 верстъ до Нижняго-Новгорода, откуда я могъ уже ѣхать до Петербурга по машинѣ; это значило мчаться день и ночь на перекладныхъ, въ кибиткѣ, потому что никакой рессорный экипажъ не выдержалъ бы такой длинной дороги по мерзлымъ выбоинамъ. Но повидать Сашу было слишкомъ большимъ соблазномъ, чтобы устоять, и я тронулся въ путь въ слѣдующую же ночь. Въ Барабѣ и на Уралѣ путешествіе превратилось въ настоящую пытку. Бывали дни, когда колеса кибитокъ ломались на каждой станціи. Рѣки только что начинали замерзать. Черезъ Обь и Иртышъ я переправлялся, когда уже густо шелъ ледъ, который, казалось, вотъ-вотъ затретъ нашу лодку. Но когда я добрался до Томи, которая стала всего наканунѣ, крестьяне наотрѣзъ отказались переправить меня. Послѣ долгихъ переговоровъ они стали требовать съ меня „расписку“.

— Какую вамъ расписку?—спросилъ я.

— А вотъ, напишите намъ бумагу: „Я, молъ, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что утонулъ по

волѣ Божьей, а не по винѣ крестьянской", и дайте намъ эту расписку.

— Отлично!—на другомъ берегу.

Наконецъ, крестьяне рѣшились. Шествіе открывалъ молодой парень (его я выбралъ въ толпѣ за смѣлый и смышленый взглядъ), пробуя прочность льда пешней. Вторымъ шелъ я, съ сумкой съ бумагами черезъ плечо. Насъ держали на длинныхъ возжахъ шедшіе въ нѣкоторомъ отдаленіи крестьяне. Одинъ изъ нихъ несъ охабку соломы, чтобы бросить на ледъ, если онъ окажется не крѣпкимъ.

Наконецъ, я добрался до Москвы, гдѣ братъ встрѣтилъ меня на вокзалѣ, и мы тотчасъ же вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ.

Молодость великое дѣло. Послѣ путешествія, продолжавшагося безпрерывно двадцать четыре дня и ночи, я прибылъ рано утромъ въ Петербургъ, сдалъ въ тотъ же день бумаги и не преминулъ навѣстить одну изъ тетокъ, или, точнѣе, кузинъ. Она сіяла. „Сегодня у насъ танцуютъ. Придешь ли ты?"—спросила она. „Конечно". былъ мой отвѣтъ. И не только пришелъ; но танцовалъ еще до ранняго утра.

Побывавши въ Петербургѣ у властей, я понялъ, почему именно меня послали съ докладомъ. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить крушенію баржъ.—„Вы сами были на мѣстѣ"? „Видѣли ли вы обломки вашими собственными глазами?" „Увѣрены ли вы вполнѣ въ томъ, что *они* не украли просто грузъ и не показали вамъ для отвода глазъ обломки нѣсколькихъ баржъ?" Вотъ на какіе вопросы я долженъ былъ все время отвѣчать.

Высшіе сановники, завѣдывавшіе въ Петербургѣ сибирскими дѣлами, были восхитительны въ своемъ великомъ невѣдѣніи края. „Mais, mon cher,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ (онъ всегда говорилъ только по французски), возможно ли, чтобы, напримѣръ, на Невѣ погибли сорокъ баржъ и чтобы никто не поспѣшилъ спасать ихъ?"

— Нева!—воскликнулъ я,—представьте себѣ три,

четыре Невы рядомъ и вы получите Амуръ въ низовьяхъ.

— Неужели онъ такъ широкъ?—Черезъ двѣ минуты, мой штатскій генералъ, на отмѣнномъ французскомъ языкѣ болталъ о разныхъ-разностяхъ.—Когда вы въ послѣдній разъ видѣли художника Шварца? Не правда ли, его „Иванъ Грозный"—удивительная картина? Знаете ли вы, почему они хотѣли арестовать Кукеля?" И онъ сообщилъ мнѣ о перехваченномъ письмѣ, въ которомъ Кукеля просили оказать содѣйствіе польскому возстанію. „А знаете, что Чернышевскій арестованъ? Онъ теперь сидитъ въ крѣпости".

— За что? Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ я.

— Ничего особеннаго! Но знаете, mon cher, государственныя соображенія!.. Такой талантливый человѣкъ, удивительно талантливыйі При томъ, такое вліяніе на молодежь. Вы понимаете, конечно, правительство не можетъ терпѣть этого. Рѣшительно не можетъ! intolérable, mon cher, dans un Etat bien ordonné!

Графъ Н. П. Игнатьевъ не задавалъ много вопросовъ: онъ очень хорошо зналъ Амуръ и зналъ также Петербургъ. Среди различныхъ шутокъ и остротъ по поводу Сибири, которыя сыпались у него съ удивительной быстротой,—Игнатьевъ замѣтилъ: „Какъ это хорошо вышло, что вы были на мѣстѣ и видѣли крушеніе. *Они* устроили это очень ловко, пославши васъ. Умно сдѣлано. Сперва никто не хотѣлъ вѣрить крушенію баржъ, думали, что—новое мошенничество. Но вы хорошо извѣстны здѣсь, какъ пажъ, и недолго пробыли въ Сибири, такъ что не стали бы выгораживать *ихъ* плутовства. Вамъ здѣсь довѣряютъ".

Единственный человѣкъ въ Петербургѣ, отнесшійся вполнѣ серьезно къ дѣлу, былъ военный министръ Милютинъ. Онъ задалъ мнѣ рядъ вопросовъ, которые всѣ шли къ дѣлу, и сразу понялъ всю суть. Весь нашъ разговоръ шелъ короткими фразами: безъ излишней торопливости, но и безъ лишнихъ словъ.

— Вы думаете, что на низовья лучше всего до-

ставлять провіантъ моремъ, а на остальныя части Амура—черезъ Читу? Очень хорошо. Ну а если и въ будущемъ году случится буря; не погибнетъ ли опять весь сплавъ?..

— Едва ли, если сплавъ будутъ сопровождать два буксирныхъ парохода.

— Довольно ли двухъ?

— Если бы у насъ былъ хоть одинъ пароходъ, потери были бы уже не такъ велики.

— Очень возможно. Сдѣлайте мнѣ докладъ письменно. Изложите все, что сказали, совершенно просто, безъ всякихъ формальностей.

V.

Я не долго оставался въ Петербургѣ и въ ту же зиму возвратился въ Иркутскъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ пріѣхать туда и братъ, принятый офицеромъ въ иркутскій казачій полкъ.

Незнающіе Сибири думаютъ, что зимнее путешествіе ужасно тяжело. Но, въ сущности, оно легче, чѣмъ въ какое бы то ни было другое время года. Сани несутся по накатанной дорогѣ. Холодъ сильный; но онъ переносится сравнительно легко. Когда лежишь въ кошевѣ, какъ это принято въ Сибири, закутанный въ двойную мѣховую полость, то не особенно страдаешь отъ мороза даже въ сорокъ или пятьдесятъ градусовъ ниже нуля. Путешествуя, какъ курьеръ, то-есть съ быстрыми перепряжками и съ остановками лишь разъ въ сутки, на одинъ часъ, для обѣда,—я черезъ девятнадцать дней послѣ выѣзда изъ Петербурга былъ уже въ Иркутскѣ. Въ сутки я выѣзжалъ среднимъ числомъ триста верстъ, а тысячу верстъ отъ Красноярска до Иркутска сдѣлалъ въ семьдесятъ часовъ. Морозъ стоялъ не особенно сильный, дорога была отличная, и ямщики хорошо получали „на водку“. Тройкѣ быстрыхъ лошадокъ, какъ будто бы, доставляло удовольствіе мчать легкую кошеву по

горамъ и доламъ, по замершимъ рѣкамъ и чрезъ тайгу, сверкавшую на солнцѣ въ серебряномъ уборѣ.

Меня назначили чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, по казачьимъ дѣламъ. Жить приходилось въ Иркутскѣ, но дѣла, собственно было не много. Изъ Петербурга отдали молчаливый приказъ не предлагать никакихъ перемѣнъ а предоставить дѣламъ идти по заведенному порядку. Вслѣдствіе этого я тѣмъ охотнѣе принялъ предложеніе заняться географическими изслѣдованіями въ Маньчжуріи.

Взглянувъ на карту Азіи, вы увидите, что русская граница съ Китаемъ, которая, въ общемъ, идетъ по пятидесятому градусу сѣверной широты, въ Забайкальѣ круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ. Она, на протяженіи четырехъ сотъ верстъ, идетъ по Аргуни; затѣмъ, дойдя до Амура, поворачиваетъ на юго-востокъ, вплоть до Благовѣщенска, который лежитъ подъ тѣмъ же пятидесятымъ градусомъ. Такимъ образомъ, между юго-восточнымъ угломъ Забайкальской области (Ново-Цурухайтуемъ) и Благовѣщенскомъ на Амурѣ разстояніе по прямой линіи всего семьсотъ верстъ; но по Аргуни и Амуру—болѣе 1500 верстъ; кромѣ того, сообщеніе по Аргуни, которая не судоходна, крайне затруднительно. Въ ея низовьяхъ нѣтъ другой дороги, кромѣ горной тропы.

Въ Забайкальѣ очень много скота, а потому казаки, богатые гуртовщики, жившіе въ юго-восточномъ углу области, желали установить прямое сообщеніе съ средней частью Амура, гдѣ былъ бы хорошій сбытъ на ихъ скотъ. Торгуя съ монголами, они слышали отъ нихъ, что до Амура не трудно добраться, если идти на востокъ черезъ Большой Хинганъ. Держась этого направленія, выйдешь на старую китайскую дорогу, пересѣкающую Хинганъ и ведущую въ Манчжурскій городъ Мергенъ (на притокѣ Сунгари,—рѣкѣ Нонни); а оттуда до Амура великолѣпный колесный трактъ.

Мнѣ предложили принять начальство надъ торго-

вымъ караваномъ, который казаки хотѣли снарядить, чтобы найти эту дорогу, на что я и согласился съ большимъ удовольствіемъ. Ни одинъ европеецъ никогда еще не посѣщалъ этихъ мѣстъ; русскій топографъ, направившійся туда за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ—былъ убитъ. Лишь два іезуита при императорѣ Канъ-си проникли съ юга до Мергена и опредѣлили его широту. Весь же громадный край къ сѣверу, шириной верстъ въ 750 и длиной верстъ въ 900, былъ совершенно неизвѣстенъ. Я, конечно, ознакомился съ источниками. Но даже у китайскихъ географовъ ничего нѣтъ объ этомъ краѣ. Соединеніе Амура съ Забайкальемъ имѣло, между тѣмъ, громадное значеніе. Теперь, Ново-Цурухайтуй будетъ отправнымъ пунктомъ маньчжурской части Сибирской желѣзной дороги. Такимъ образомъ мы были піонерами великаго дѣла.

Представлялось, впрочемъ, одно затрудненіе. По договору, богдыханъ давалъ русскимъ право торговать въ Китайской имперіи и Монголіи; Маньчжурія же не была упомянута. Одинаково свободно можно было толковать, что она входитъ и не входитъ въ договоръ. Китайскія власти толковали договоръ на свой ладъ, русскія—на свой. Кромѣ того, говорилось лишь о купцахъ, и офицеру вовсе не разрѣшили бы въѣздъ въ Маньчжурію. Мнѣ приходилось, стало быть, пробраться, какъ торговцу. Въ Иркутскѣ я накупилъ и взялъ на комиссію различные товары и одѣлся купцомъ. Генералъ-губернаторъ вручилъ мнѣ паспортъ, „Иркутскому второй гильдіи купцу Петру Алексѣеву съ товарищами“, и предупредилъ меня, что я не долженъ ни въ какомъ случаѣ выдавать его, назвавши себя, даже если китайскія власти меня арестуютъ и повезутъ въ Пекинъ, а оттуда черезъ Гоби. до русской границы, въ клѣткѣ на спинѣ верблюда (такъ китайцы всегда возятъ арестантовъ черезъ Монголію). Я принялъ, конечно, всѣ условія. Передъ искушеніемъ посѣтить край, въ которомъ ни одинъ европеецъ никогда еще не бывалъ, путешественнику трудно было устоять.

Скрыть, кто я, было не легко, покуда мы ѣхали по Забайкалью. Казаки, по части проницательности и пытливости—заткнутъ за поясъ монголовъ. Когда чужой пріѣзжаетъ въ деревню, хозяинъ избы, хотя и встрѣчаетъ гостя съ большимъ радушіемъ, подвергаетъ его тѣмъ не менѣе настоящему допросу.

— Однако, дорога трудная,—начинаетъ онъ.—Далеконько отъ Читы?

— А особливо, если ѣхать, можетъ-быть, не изъ Читы, а изъ самаго Иркутскаго.

— Торгуете? Много торговыхъ людей проѣзжаетъ здѣсь. Однако и до Нерчинскаго доѣдете? Да. Въ ваши годы тоже женаты бываютъ. Хозяйка, пожалуй, осталась дома? Дѣтокъ тоже имѣете? Тоже, поди, не все парнишки: и дочки есть?

И такъ—добрыхъ полчаса. Командиръ мѣстной казачьей бригады, капитанъ Буксгевденъ, отлично зналъ своихъ казаковъ, и мы приняли предосторожности. Въ Читѣ и Иркутскѣ мы часто устраивали любительскіе спектакли и ставили пьесы Островскаго. Я въ нихъ игралъ нѣсколько разъ, притомъ съ такимъ увлеченіемъ, что написалъ даже разъ брату восторженное письмо, въ которомъ сообщалъ свое рѣшительное намѣреніе бросить службу и пойти въ актеры. Большею частью я игралъ молодыхъ купчиковъ и, поэтому, изучилъ хорошо ихъ манеру говорить и ухватки, въ томъ числѣ, конечно, чаепитіе съ блюдечка (что постигъ еще въ Никольскомъ). Теперь выпадалъ случай сыграть купца не на сценѣ, а въ жизни.

— Присаживайтесь, Петръ Алексѣевичъ, говорилъ мнѣ капитанъ Буксгевденъ, когда на столѣ появлялся пыхтѣвшій и шумѣвшій самоваръ.

— Покорно благодаримъ-съ, и здѣсь посидимъ!—говорилъ я, садясь вдали на кончикъ стула и принимаясь пить чай совсѣмъ по московски. Буксгевденъ надрывался отъ смѣха, глядя, какъ я, выпучивъ глаза, дулъ на блюдечко и грызъ кусочекъ сахару, съ которымъ выпивалъ полдесятка стакановъ.

Мы знали, что казаки скоро все провѣдаютъ; но самое важное было выиграть нѣсколько дней, чтобы переправиться черезъ границу, покуда не станетъ извѣстно, кто я. Повидимому, я игралъ мою роль удачно, потому что казаки принимали меня всюду за мелкаго торговца. Въ одной изъ станицъ, старуха-хозяйка окликнула меня.

— За тобой ѣдетъ кто нибудь еще?—спросила она.

— Не слыхалъ, бабушка.

— Какъ же, сказывали, какой-то князь, Рапотскій, что ли, долженъ проѣхать. Будетъ онъ, нѣтъ ли?

— Да, точно,— отвѣтилъ я,— бабушка. Ихъ сіятельство, дѣйствительно, хотѣли пріѣхать изъ Иркутска. Ну, да, гдѣ же имъ въ такую дорогу? Такъ они и остались въ городѣ.

— Что и говорить, гдѣ ужъ ему ѣхать!

Короче сказать, мы безпрепятственно переѣхали черезъ границу. Насъ было, кромѣ меня, одиннадцать казаковъ, да одинъ тунгузъ, всѣ верхами. Мы гнали на продажу косякъ въ сорокъ лошадей и имѣли двѣ повозки, изъ которыхъ одна одноколка принадлежала мнѣ. Въ ней я везъ на продажу сукно, плисъ, позументы и тому подобные товары. Съ конемъ и одноколкой справлялся я совершенно одинъ. Мы выбрали старшиной каравана одного казака, для дипломатическихъ переговоровъ съ китайскими властями. Всѣ казаки говорили по-монгольски, а тунгузъ понималъ по-маньчжурски. Казаки, конечно, знали, кто я; одинъ изъ нихъ видѣлъ меня въ Иркутскѣ; но никто не выдалъ меня, такъ какъ всѣ понимали, что отъ молчанія зависитъ успѣхъ предпріятія. На мнѣ былъ такой же синій бумажный халатъ, какъ и на остальныхъ казакахъ, и китайцы до такой степени не замѣчали меня, что я могъ свободно дѣлать съемку при помощи бусоли. Только въ первый день, когда насъ осаждали всякаго рода китайскіе солдаты въ надеждѣ получить чашку водки, я долженъ былъ украдкой справляться съ бусолью и записывалъ засѣчки и разстоянія въ карманѣ, не вынимая бумаги.

Мы совсѣмъ не имѣли при себѣ оружія. Одинъ только тунгузъ, который собирался жениться, везъ съ собою кремневое ружье; изъ него онъ убивалъ косуль, шкуры которыхъ припасалъ, чтобъ уплатить калымъ, а мясо мы съѣдали.

Когда китайскіе солдаты убѣдились, что больше водки не получатъ,—они оставили насъ однихъ. И мы пошли на востокъ, пробираясь, какъ умѣли, въ горахъ и долинахъ. Черезъ четыре или пять дней мы, дѣйствительно, вышли на китайскую дорогу, которая должна была насъ привести, черезъ Хинганъ, въ Мергенъ.

Къ великому удивленію, перевалъ черезъ горный хребетъ, который кажется на картѣ такимъ грознымъ и страшнымъ,—въ сущности, оказался очень легокъ. Мы нагнали по дорогѣ, крайне жалкаго на видъ, стараго китайскаго чиновника, ѣхавшаго въ одноколкѣ. Онъ медленно плелся впереди нашего каравана. По характеру мѣстности видно было, что мы поднялись на большую высоту. Почва стала болотистой, а дорога грязной. Виднѣлась лишь скудная трава, деревья встрѣчались тонкія, малорослыя, часто искривленныя и покрытыя лишаями. Справа и слѣва поднимались гольцы. Мы уже думали о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣтимъ при перевалѣ черезъ хребетъ, когда нагнали стараго китайскаго чиновника, вылѣзшаго изъ своей таратайки у о б о (кучи камней и вѣтвей, къ которымъ привязаны конскіе волосы и тряпочки). Чиновникъ выдернулъ нѣсколько волосъ изъ гривы своего коня и навязывалъ ихъ на вѣтвь.

— Что это такое? — спрашивали мы.

— Обо. Отсюда воды текутъ уже въ Амуръ.

— И это весь Хинганъ?

— Да, весь. До самаго Амура нѣтъ болѣе горъ.— Одни холмы.

Сильное волненіе охватило весь нашъ караванъ.

— „Отсюда рѣки текутъ уже въ Амуръ! Въ Амуръ!“— восклицали казаки. Постоянно они слышали отъ стариковъ разсказы про великую рѣку, по берегамъ кото-

рой растетъ въ дикомъ видѣ виноградъ и тянутся на сотни верстъ степи, могущія дать богатство милліонамъ людей. Когда рѣку присоединили къ Россіи, казаки слышали про далекій путь до нея, про затрудненія первыхъ засельщиковъ и про благосостояніе родственниковъ, поселившихся въ верховьяхъ Амура. И теперь мы нашли къ его берегамъ короткій путь! Предъ нами былъ крутой спускъ, и дорога внизъ шла зигзагами, до небольшой рѣчки, которая пробивалась по довольно широкой долинѣ, среди застывшаго моря горъ и текла въ Нонни. До Амура больше не было препятствій!—Всякій путешественникъ легко представитъ себѣ мой восторгъ при видѣ этого неожиданнаго географическаго открытія. Что касается казаковъ, то они спѣшились и въ свою очередь привязывали къ вѣтвямъ „обо“ по пучку волосъ, выдернутыхъ изъ конскихъ гривъ. Сибиряки, вообще, побаиваются языческихъ боговъ инородцевъ. Они не очень высоко ставятъ ихъ; но такъ какъ считаютъ ихъ способными на всякую пакость, то предпочитаютъ лучше не ссориться съ ними. Гораздо выгоднѣе подкупить ихъ небольшимъ знакомъ вниманія.

— Глядите, что за странное дерево: дубъ должно быть!—восклицали казаки, когда мы спускались съ плоскогорія.

Дубъ въ Сибири не растетъ и встрѣчается лишь за восточнымъ склономъ высокаго плоскогорія.

— Глядите, орѣшникъ! — говорили казаки дальше.— А это, что за дерево?—спрашивали они при видѣ липы или же другихъ деревьевъ, не растущихъ въ Сибири, но составляющихъ часть маньчжурской флоры. Сѣверяне, много лѣтъ мечтавшіе про теплый край, были теперь въ восторгѣ. Лежа на землѣ, покрытой роскошной травой, они жадно вглядывались въ нее и, казалось, вотъ-вотъ примутся цѣловать ее. Теперь казаки горѣли нетерпѣніемъ, какъ можно скорѣе добраться до Амура. Когда мы, двѣ недѣли спустя, заночевали въ послѣдній разъ въ тридцати верстахъ отъ рѣки, они стали нетер-

пѣливы, какъ дѣти, начали сѣдлать коней вскорѣ послѣ полуночи и убѣдили меня тронуться въ путь задолго до разсвѣта. Когда же, наконецъ, съ гребня холма мы увидѣли синія воды Амура, то въ глазахъ безстрастныхъ сибиряковъ, которымъ вообще чуждо поэтическое чувство, загорѣлся восторгъ. Тогда мнѣ ясно стало, что рано или поздно, при поддержкѣ русскаго правительства или безъ нея, оба берега Амура, покуда пустынные, но удобные для колонистовъ, заселятся русскими. Такимъ же образомъ канадскіе voyageurs заселили берега Миссисипи.

Между тѣмъ полуслѣпой китайскій чиновникъ, съ которымъ мы вмѣстѣ перевалили черезъ Хинганъ, облачился въ свой синій халатъ и въ форменную шапку, съ стекляннымъ шарикомъ на ней, и на другой день утромъ объявилъ намъ, что не позволитъ идти дальше. Нашъ старшина принялъ чиновника и его писаря въ палаткѣ. Старикъ выставлялъ различные доводы противъ нашего дальнѣйшаго путешествія, повторяя то, что нашептывалъ ему „божко“. Онъ желалъ, чтобы мы стали лагеремъ и ждали, покуда онъ пошлетъ нашъ паспортъ въ Пекинъ и получитъ оттуда распоряженіе. Мы наотрѣзъ отказались. Тогда старикъ сталъ придираться къ нашему паспорту.

— Что это за паспортъ? — говорилъ онъ, глядя съ презрѣніемъ на нѣсколько строкъ по-русски и по-монгольски, написанныхъ на обыкновенномъ листѣ писчей бумаги и скрѣпленныхъ простой сургучной печатью.— Вы сами могли написать его и припечатать пятакомъ. Вы взгляните на мой паспортъ. Это стоитъ посмотрѣть!“ Онъ развернулъ предъ нами листъ въ два фута длиной, весь исписанный китайскими знаками.

Я спокойно сидѣлъ въ сторонѣ во время совѣщанія и укладывалъ что-то въ сундукѣ, когда мнѣ попался нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей“, на которыхъ, какъ извѣстно, помѣщается государственный гербъ. „Покажи это ему“,—сказалъ я старшинѣ. Онъ развернулъ громадный листъ и показалъ на орла: „Неужто тутъ все

про васъ написано?—съ ужасомъ спросилъ старикъ. „Да, все про насъ“,—отвѣтилъ, не моргнувъ даже глазомъ, нашъ старшина.

Старикъ, какъ настоящая приказная крыса, былъ совершенно ошеломленъ такой массой письма. Покачивая головой, онъ поглядывалъ одобрительно на каждаго изъ насъ. Но божко опять что-то зашепталъ, и чиновникъ въ концѣ концовъ заявилъ, что не позволитъ намъ идти дальше.

— Довольно разговаривать,—сказалъ я старшинѣ,—вели сѣдлать коней. Того же мнѣнія были и казаки; и нашъ караванъ тронулся въ путь. Мы распрощались съ старикомъ, обѣщая ему донести по начальству, что онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не дать намъ вступить въ Маньчжурію; и если мы все-таки вступили, то виноваты уже мы сами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мы были въ Мергенѣ, гдѣ торговали немного, и вскорѣ добрались до китайскаго города Айгунь на правомъ берегу Амура, немного выше Благовѣщенска. Такимъ образомъ мы открыли прямой путь и, кромѣ того, еще нѣсколько интересныхъ вещей: характеръ окраиннаго хребта въ Большомъ Хинганѣ, легкость перевала, третичные вулканы округа Уйюнъ Холдондзи, долго составлявшіе для географовъ загадку и такъ далѣе. Не могу сказать, чтобы я проявилъ большіе коммерческіе таланты: въ Мергенѣ я, напримѣръ, упорно запрашивалъ (на ломанномъ маньчжурскомъ языкѣ) за часы тридцать пять рублей, тогда какъ китаецъ давалъ за нихъ сорокъ пять; но казаки торговали отлично. Они продали съ большой выгодой всѣхъ своихъ лошадей. А когда были проданы и мои кони, товары и палатка, то оказалось, что экспедиція обошлась правительству всего въ двадцать два рубля.

VI.

Все лѣто я путешествовалъ по Амуру. Я спустился до самаго устья рѣки или, точнѣе, до лимана, до Николаевска, и здѣсь встрѣтился съ генералъ-губернаторомъ,

котораго сопровождалъ на пароходѣ вверхъ по Усури. Осенью того же года я сдѣлалъ еще болѣе интересное путешествіе по Сунгари, до самаго сердца Маньчжуріи, вплоть до Гирина.

Многія рѣки въ Азіи образуются изъ сліянія двухъ одинаково мощныхъ потоковъ, такъ что географу трудно опредѣлить, какую рѣку слѣддуетъ считать главной и какую—притокомъ. Сліяніе Ингоды съ Онономъ образуетъ Шилку, Шилка и Аргунь составляютъ Амуръ, а Амуръ, слившись съ Сунгари, становится той громадной рѣкой, которая поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Тихій океанъ, подъ суровыми широтами Татарскаго пролива.

До 1864 года великую маньчжурскую рѣку знали очень мало. Всѣ скудныя свѣдѣнія о ней восходили ко времени іезуитовъ. Теперь, когда имѣлся въ виду рядъ изслѣдованій въ Монголіи и Маньчжуріи, и когда страхъ, внушаемый Россіи Китаемъ начиналъ разсѣеваться, мы, молодежь, настойчиво убѣждали генералъ-губернатора въ необходимости изслѣдовать Сунгари. Намъ казалось почти обидой то, что у порога, такъ сказать, Амура лежитъ громадный край, такъ же мало извѣстный, какъ какая-нибудь африканская пустыня. И вотъ генералъ Корсаковъ рѣшилъ послать пароходъ вверхъ по Сунгари, подъ предлогомъ отвезти дружеское письмо къ генералъ-губернатору гиринской провинціи. Посланіе долженъ былъ везти нашъ ургинскій консулъ, Шишмаревъ, и въ составъ экспедиціи вошли: докторъ Конради. астрономъ Усольцевъ и я. Мы находились подъ начальствомъ полковника Черняева. Намъ дали маленькій пароходъ „Усури“, который тащилъ на буксирѣ баржу съ углемъ. Съ нами ѣхали еще на баржѣ двадцать пять солдатъ, ружья которыхъ тщательно спрятали подъ углемъ.

Все было устроено очень поспѣшно. На пароходѣ не было никакихъ приспособленій для насъ; но мы всѣ горѣли энтузіазмомъ и потому охотно помѣстились, какъ попало, въ тѣсныхъ каютахъ. Одинъ изъ насъ долженъ

былъ даже спать на столѣ. Когда мы тронулись, то оказалось, что нѣтъ даже вилокъ и ножей для всѣхъ, не говоря уже о другихъ принадлежностяхъ. Одинъ изъ насъ, поэтому, за обѣдомъ пользовался своимъ перочиннымъ ножемъ; а мой китайскій ножъ, съ двумя палочками вмѣсто вилки, явился желаннымъ пополненіемъ нажего хозяйства.

Плаванье вверхъ по Сунгари не особенно легко. Въ нижнемъ теченіи своемъ великая рѣка проходитъ по такой же низменности, какъ Амуръ, и такъ мелка, что хотя нашъ пароходикъ сидѣлъ всего три фута, мы не всегда могли найти достаточно глубокій фарватеръ. Бывали дни, когда мы проходили всего 60 верстъ и безпрестанно слышали, какъ скрипитъ песокъ подъ килемъ. То и дѣло приходилось посылать лодку, чтобы разслѣдовать путь. Но нашъ молодой капитанъ рѣшилъ добраться до Гирина непремѣнно до осени, и мы подвигались впередъ каждый день. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ рѣка становилась красивѣе и удобнѣе для навигаціи. Когда же мы оставили позади себя песчаныя пустыни при сліяніи съ Нонни,—подвигаться впередъ стало легко и пріятно. Такимъ образомъ мы добрались черезъ нѣсколько недѣль до главнаго города этой провинціи Маньчжуріи. Капитанъ Васильевъ и его товарищъ Андреевъ сняли великолѣпную карту рѣки. Къ сожалѣнію, время не терпѣло и мы лишь изрѣдка приставали у какого-нибудь города или деревни. Поселенія вдоль береговъ—рѣдки. Въ нижнемъ теченіи мы видѣли лишь низины, заливаемыя ежегодно во время половодья; нѣсколько дальше, на сотни верстъ вдоль береговъ тянутся песчаныя дюны, и только въ верхней части Сунгари, ближе къ Гирину берега густо населены.

Если бы нашей цѣлью было завязать дружескія сношенія съ Маньчжуріей, а не по просту изслѣдовать Сунгари, то поѣздку слѣдовало бы считать совершенно неудавшейся. У маньчжурскихъ властей свѣжо было въ памяти, какъ восемь лѣтъ тому назадъ „посѣщеніе“ Муравьева окончилось присоединеніемъ Амура и Усури; а

потому, къ негаданнымъ и незваннымъ гостямъ китайцы отнеслись очень подозрительно. Двадцать пять винтовокъ подъ углемъ, о которыхъ китайскимъ властямъ донесено было раньше, чѣмъ мы тронулись въ путь,— конечно, лишь усиливали подозрительность. Когда нашъ пароходъ бросилъ якорь у многолюднаго Гирина, всѣ купцы въ городѣ оказались вооруженными—заржавленными саблями изъ стараго арсенала. Намъ, однако, не препятствовали ходить по улицамъ; но какъ только мы высаживались, всѣ лавки запирали. Купцамъ запретили что либо продавать намъ. Власти прислали намъ на пароходъ кое-какую провизію, но какъ подарокъ, отказавшись принять деньги.

Наступила уже поздняя осень. Начались заморозки, и нужно было торопиться въ обратный путь, такъ какъ мы не могли зимовать на Сунгари. Такимъ образомъ, мы видѣли Гиринъ, но говорили лишь съ двумя переводчиками, являвшимися ежедневно на пароходъ. Цѣль путешествія, однако, была достигнута: мы убѣдились, что рѣка судоходна и сняли подробную карту Сунгари отъ устья до Гирина. Руководствуясь ей, мы могли идти теперь полнымъ ходомъ безъ приключеній. Разъ, однако, мы сѣли на мель. Гиринскія власти, больше всего боявшіяся, чтобы мы не зазимовали на рѣкѣ, сейчасъ же прислали намъ на помощь двѣсти китайцевъ, и намъ удалось сняться. Когда сотня китайцевъ стояли въ водѣ, безуспѣшно работая стягами, чтобы сдвинуть пароходъ, я соскочилъ въ воду, схватилъ стягъ и запѣлъ „Дубинушку“, чтобъ подъ ея звуки, разомъ толкать пароходъ. Китайцамъ это очень понравилось, и, при неописуемыхъ крикахъ ихъ тонкихъ голосовъ, пароходъ, наконецъ, тронулся и сошелъ съ мели. Это маленькое приключеніе установило между нами и китайцами самыя лучшія отношенія. Я говорю, конечно, о народѣ, который, повидимому, очень не любитъ дерзкихъ маньчжурскихъ властей.

Мы останавливались у нѣсколькихъ китайскихъ деревень, населенныхъ ссыльными изъ Небесной имперіи,

и всюду насъ принимали очень дружелюбно. Остался у меня въ памяти, въ особенности, одинъ вечеръ. Мы остановились у одной живописной деревеньки, когда сумерки уже сгущались. Нѣкоторые изъ насъ сошли на берегъ и отправились бродить по деревнѣ. Вскорѣ меня окружила толпа, не менѣе чѣмъ въ сотню китайцевъ. Хотя я не зналъ ни слова по-китайски, а они столько же по-русски, но мы оживленно и дружелюбно болтали (если только это слово примѣнимо здѣсь) при помощи знаковъ и отлично понимали другъ друга. Рѣшительно всѣ народы понимаютъ, что значитъ, если дружелюбно потрепать по плечу. Предложить другъ другу табачекъ или огонька, чтобы закурить, тоже очень понятное выраженіе дружескаго чувства. Одна вещь, въ особенности, повидимому, интересовала китайцевъ: почему у меня борода, хотя я такой молодой? Имъ позволяется отращивать растительность на подбородкѣ, въ шестьдесятъ лѣтъ. Я объяснилъ китайцамъ знаками, что, въ случаѣ крайности, могу питаться бородой, если нечего будетъ ѣсть. Шутка была понята и немедленно передана отъ одного другому. Китайцы заливались отъ смѣха и еще болѣе дружелюбно принялись трепать меня по плечу. Они водили меня къ себѣ, показывали дома, каждый предлагалъ свою трубку, а затѣмъ вся толпа дружески проводила меня до парохода. Долженъ прибавить, что въ этой деревнѣ не было и слѣда „божко“ (полицейскаго). Въ другихъ деревняхъ, какъ наши солдаты, такъ и мы всегда завязывали дружелюбныя сношенія съ китайцами; но чуть только показывался „божко“, все дѣло портилось. За то, нужно было видѣть, какія рожи они ему строили за спиной! Повидимому, китайцы ненавидѣли этого представителя предержащей власти.

Про эту экспедицію потомъ забыли. Астрономъ Ѳ. Усольцевъ и я—мы напечатали отчеты о поѣздкѣ въ „Запискахъ“ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества; но черезъ нѣсколько лѣтъ, во время страшнаго пожара въ Иркутскѣ, погибли всѣ оставшіеся экземпляры „Записокъ“, а также карта Сунгари. И

только въ послѣднее время, когда начались работы по маньчжурской желѣзной дорогѣ, русскіе географы откопали наши отчеты и нашли, что Сунгари была изслѣдована еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

VII

Такъ какъ съ реформами покончили, то я пытался сдѣлать все, что возможно было при наличныхъ условіяхъ, въ другихъ областяхъ; но я скоро убѣдился въ безполезности всякихъ усилій. Такъ, напримѣръ, какъ чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ по казачьимъ дѣламъ, я сдѣлалъ тщательное изслѣдованіе хозяйственнаго положенія усурійскихъ казаковъ, терпѣвшихъ недородъ каждый годъ, такъ что правительство должно было кормить ихъ всю зиму, чтобы избавить отъ голодной смерти. Когда я возвратился съ Усури съ моимъ докладомъ, то получилъ поздравленія со всѣхъ сторонъ; я былъ произведенъ, мнѣ дали спеціальную награду. Всѣ мѣры, указанныя мною, были приняты. По моему совѣту, нѣкоторымъ станицамъ помогли деньгами, другимъ — скотомъ, а третьи выселили на лучшія мѣста, на побережье Тихаго океана. Но практическое выполненіе намѣченныхъ мѣръ поручили старому пьяницѣ, который розгами пріучалъ казаковъ къ земледѣлію. И такъ дѣло шло всюду, начиная отъ Зимняго дворца до Усурійскаго края и Камчатки.

Высшая сибирская администрація имѣла самыя лучшія намѣренія; опять повторяю, состояла она, во всякомъ случаѣ, изъ людей гораздо лучшихъ, гораздо болѣе развитыхъ и болѣе заботившихся о благѣ края, чѣмъ остальныя власти въ Россіи. Но все же то была администрація—вѣтвь дерева, держащагося своими корнями въ Петербургѣ. И этого вполнѣ было достаточно, чтобы парализовать всѣ благія намѣренія и мѣшать мѣстнымъ самороднымъ проявленіямъ общественной жизни и прогресса. Если мѣстные жители задумывали что нибудь для блага края, на это смотрѣли подозрительно и съ

недовѣріемъ. Попытка немедленно парализовалась, не столько вслѣдствіе дурныхъ намѣреній (вообще, я замѣтилъ, что люди лучше, чѣмъ учрежденія), но просто потому, что сибирскія власти принадлежали къ пирамидальной, централизованной администраціи. Уже одинъ тотъ фактъ, что онѣ были вѣтвью правительственнаго дерева, коренящагося въ далекой столицѣ, заставлялъ сибирскія власти смотрѣть на все, прежде всего, съ чиновничьей точки зрѣнія. Раньше всего возникалъ у нихъ вопросъ, не о томъ на сколько то или другое полезно для края, а о томъ, что скажетъ начальство т а м ъ, какъ взглянутъ на это заправляющіе правительственной машиной.

Постепенно я все болѣе сталъ отдаваться научнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1865 году я изслѣдовалъ западные Саяны. Здѣсь у меня прибавилось еще нѣсколько новыхъ данныхъ для построенія схемы орографіи Сибири, и я также нашелъ другую важную вулканическую область, на границѣ Китая, къ югу отъ Окинскаго караула. Наконецъ, въ 1866 году я предпринялъ далекое путешествіе, чтобы открыть прямой путь изъ Забайкалья на Витимскіе и Олекминскіе золотые пріиски. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1860—1864) члены Сибирской экспедиціи пытались найти этотъ путь и пробовали пробраться черезъ параллельные ряды дикихъ, каменныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ золотые промыслы отъ забайкальской области. Но когда изслѣдователи подходили съ юга къ этимъ страшнымъ горамъ, заполняющимъ страну на нѣсколько сотъ верстъ къ сѣверу, то всѣ они (кромѣ одного, убитаго инородцами) возвращались назадъ. Ясно было, что попытку надо сдѣлать съ сѣвера на югъ,— изъ страшной, неизвѣстной пустыни въ болѣе теплый и населенный край. Когда я готовился къ экспедиціи, мнѣ попалась среди другого матеріала небольшая карта, вырѣзанная тунгусомъ, ножемъ на кускѣ бересты. Эта берестяная карта (она, между прочимъ, является отличнымъ примѣромъ полезности геометрической способ-

ности, даже для первобытнаго человѣка, и могла бы, поэтому, заинтересовать А. Р. Уоллэса) такъ поразила меня своею очевидною правдоподобностью, что я вполнѣ довѣрился ей и выбралъ путь, обозначенный на ней. Вмѣстѣ съ молодымъ, талантливымъ зоологомъ И. С. Поляковымъ и топографомъ П. Н. Мошинскимъ, мы спустились вначалѣ по Ленѣ и проѣхали затѣмъ горною тропою къ Олекминскимъ пріискамъ. Тамъ мы снарядили экспедицію, забрали съ собою провизіи на три мѣсяца и тронулись на югъ. Старый промышленникъ-якутъ, который двадцать лѣтъ тому назадъ прошелъ путемъ, указаннымъ тунгусомъ на берестѣ, взялся быть нашимъ проводникомъ черезъ горы, занимавшія почти четыреста верстъ въ ширину—слѣдуя долинами рѣкъ и ущельями, отмѣченными на картѣ. Онъ, дѣйствительно, выполнилъ этотъ удивительный подвигъ, хотя въ горахъ не было положительно никакой тропы. Всѣ заросшія лѣсомъ долины, которыя открывались съ вершины каждаго перевала, неопытному глазу казались совершенно одинаковыми, а между тѣмъ якутъ какимъ то чутьемъ угадывалъ, въ которую изъ нихъ нужно было спуститься.

На этотъ разъ мы нашли путь съ Олекминскихъ пріисковъ въ Забайкалье. Три мѣсяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной странѣ и по болотистому плоскогорью, пока, наконецъ, добрались до цѣли нашихъ странствованій, до Читы. Мнѣ говорили, что найденнымъ путемъ теперь гоняютъ скотъ съ юга на пріиски. Что касается меня, то путешествіе значительно помогло мнѣ впослѣдствіи найти ключъ къ строенію сибирскихъ горъ и плоскогорій. Но я не пишу книгу о путешествіяхъ, и потому долженъ остановиться на этомъ.

Годы, которые я провелъ въ Сибири, научили меня многому, чему я врядъ ли могъ бы научиться въ другомъ мѣстѣ. Я быстро понялъ, что для народа рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи административной машины. Съ этой иллюзіей я

распростился навсегда. Затѣмъ я сталъ понимать не только людей и человѣческій характеръ, но также скрытыя пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу невѣдомыхъ массъ, о которыхъ рѣдко упоминается въ книгахъ, и понялъ значеніе этой построительной работы въ ростѣ общества. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ духоборы переселялись на Амуръ; видѣлъ, сколько выгодъ давала имъ ихъ полукоммунистическая жизнь, и какъ удивительно устроились они тамъ, гдѣ другіе переселенцы терпѣли неудачу; и это научило меня многому, чему бы я не могъ научиться изъ книгъ. Я жилъ также среди бродячихъ инородцевъ и видѣлъ, какой сложный общественный строй выработали они помимо всякаго вліянія цивилизаціи. Эти факты помогли мнѣ впослѣдствіи понять то, что я узнавалъ изъ чтенія по антропологіи. Путемъ прямого наблюденія я понялъ роль, которую неизвѣстныя массы играютъ въ крупныхъ историческихъ событіяхъ,—переселеніяхъ, войнахъ, выработкѣ формъ общественной жизни. И я пришелъ къ такимъ же мыслямъ о вождяхъ и толпѣ, которыя высказываетъ Л. Н. Толстой въ своемъ великомъ произведеніи „Война и Миръ“.

Воспитанный въ помѣщичьей семьѣ, я, какъ всѣ молодые люди моего времени, вступилъ въ жизнь съ искреннимъ убѣжденіемъ въ томъ, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но какъ только мнѣ пришлось выполнять отвѣтственныя предпріятія и входить для этого въ сношенія съ людьми, причемъ каждая ошибка имѣла бы очень серьезныя послѣдствія, я понялъ разницу между дѣйствіемъ на принципахъ дисциплины и на началахъ взаимнаго пониманія. Дисциплина хороша на военныхъ парадахъ; но ничего не стоитъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ результатъ часто можетъ быть достигнутъ лишь сильнымъ напряженіемъ воли всѣхъ, направленной къ общей цѣли. Хотя я тогда еще не формулировалъ моихъ мыслей словами заимствованными изъ боевыхъ кличей политическихъ партій, я все-таки могу сказать те-

перь, что въ Сибири утерялъ всякую вѣру въ государственную дисциплину: я былъ подготовленъ къ тому, чтобы сдѣлаться анархистомъ.

Въ возрастѣ отъ девятнадцати до дватцати-пяти лѣтъ я вырабатывалъ всякіе планы реформъ, имѣлъ дѣло съ сотнями людей на Амурѣ, подготовлялъ и выполнялъ рискованныя экспедиціи съ ничтожными средствами.... И если эти предпріятія болѣе или менѣе удавались, то объясняю я это только тѣмъ, что скоро понялъ, что въ серьезныхъ дѣлахъ командованіемъ и дисциплиной не многаго достигнешь. Люди личнаго почина нужны вездѣ; но разъ толчекъ данъ, дѣло, въ особенности у насъ въ Россіи, должно выполняться не на военный ладъ, а скорѣе мірскимъ порядкомъ, путемъ общаго согласія. Хорошо было бы, если бы всѣ строющіе планы государственной дисциплины, прежде чѣмъ расписывать свои утопіи, прошли бы школу дѣйствительной жизни. Тогда меньше было бы проектовъ постройки будущаго общества по военному, пирамидальному образцу.

При всемъ томъ, жизнь въ Сибири становилась для меня все менѣе и менѣе привлекательной, хотя мой братъ и жилъ теперь со мной въ Иркутскѣ, гдѣ онъ командовалъ казачьей сотней. Мы были счастливы вмѣстѣ, читали много и обсуждали всѣ философскіе, научные и соціалистическіе вопросы дня; но оба мы жаждали умственной жизни, которой не было въ Сибири. Великимъ событіемъ для насъ былъ проѣздъ черезъ Иркутскъ американскаго геолога, Рафаэля Пумпэлли, и извѣстнаго нѣмецкаго антрополога, Адольфа Бастіана. Но они пробыли съ нами нѣсколько дней, и умчались туда, на Западъ. Насъ привлекала научная, а въ особенности политическая жизнь Западной Европы, которую мы знали по газетамъ. И въ нашихъ разговорахъ мы постоянно поднимали вопросъ о возвращеніи въ Россію. Въ концѣ концовъ, возстаніе польскихъ ссыльныхъ въ Сибири, въ 1866 году, открыло намъ глаза и показало то фальшивое положеніе, которое мы оба занимали, какъ офицеры русской арміи.

VIII

Я былъ тогда далеко, въ Витимскихъ горахъ, когда ссыльные поляки, работавшіе на кругобайкальской дорогѣ, сдѣлали отчаянную попытку сбросить оковы и пробраться въ Китай черезъ Монголію. Противъ нихъ послали войска, и русскій офицеръ, П—въ, былъ убитъ повстанцами. Я услыхалъ про это возстаніе, когда возвратился въ Иркутскъ, гдѣ около пятидесяти поляковъ должны были судиться военнымъ судомъ. Такъ какъ засѣданія военныхъ судовъ въ Россіи бываютъ открыты, то я присутствовалъ все время и записывалъ рѣчи. Я составилъ подробный отчетъ, который и былъ, къ великому неудовольствію генералъ-губернатора, помѣщенъ цѣликомъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ за 1865 годъ (другой отчетъ, составленный Вагинымъ, былъ помѣщенъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“).

Послѣ возстанія 1863 года, въ одну Восточную Сибирь прислали одиннадцать тысячъ мужчинъ и женщинъ, — главнымъ образомъ, студентовъ, художниковъ, бывшихъ офицеровъ, помѣщиковъ а, въ особенности, искусныхъ ремесленниковъ — лучшихъ представителей развитаго варшавскаго пролетаріата. Большую часть ихъ послали въ каторжныя работы, остальныхъ же поселили въ деревняхъ, гдѣ они не находили работы и почти умирали съ голода. Каторжники-поляки работали, или въ Читѣ, гдѣ они строили баржи (то были наиболѣе счастливые), или на казенныхъ чугунно-литейныхъ заводахъ, или на соляныхъ варницахъ. Я видѣлъ послѣднихъ въ Усть Кутѣ, на Ленѣ. Полуголые, они стояли въ балаганѣ вокругъ громаднаго котла и мѣшали кипѣвшій густой разсолъ длинными веслами. Въ балаганѣ жара бы а адская; но черезъ широкія раскрытыя двери дулъ леденящій сквознякъ, чтобы помогать испаренію разсола. Въ два года работы, при подобныхъ условіяхъ, мученики умирали отъ чахотки.

Впослѣдствіи значительное число ссыльныхъ поля-

ковъ поставили на постройку байкальской дороги. Байкалъ, какъ извѣстно, длинное и узкое альпійское озеро, окруженное живописными горами отъ трехъ до пяти тысячъ футовъ высоты, которое отдѣляетъ Иркутскую губернію отъ Забайкалья и Амурской области. Зимой переправляются по льду, а лѣтомъ—на пароходахъ. Но весной и осенью добраться до Читы и до Кяхты можно было только кружной горной тропой, по старой кругобайкальской дорогѣ пересѣкая хребты въ семь-восемь тысячъ футовъ высоты. Я разъ проѣхалъ этой дорогой, и, конечно, глубоко наслаждался великолѣпною панорамою горъ, покрытыхъ въ маѣ толстымъ слоемъ снѣга. Но въ общемъ, дорога была ужасна. Двѣнадцать верстъ до перевала черезъ хребетъ Хамаръ-Дабанъ заняли у меня отъ трехъ часовъ утра до восьми вечера. Лошади наши постоянно проваливались въ рыхлый снѣгъ и погружались вмѣстѣ съ всадниками въ ледяные потоки, текущіе подъ снѣжной корой. Въ концѣ концовъ рѣшили проложить постоянную дорогу вдоль самаго берега озера, взрывая порохомъ отвѣсныя скалы и перекидывая мосты черезъ безчисленные горные потоки. Эту трудную работу должны были выполнить польскіе ссыльные.

За послѣднія сто лѣтъ, въ Сибирь было послано не мало русскихъ политическихъ ссыльныхъ; но, по характерной русской чертѣ, они подчинялись своей участи и никогда не возставали. Они давали убить себя медленной смертью и не пытались даже освободиться. Поляки же, къ чести ихъ будь сказано, никогда не несли своего жребія съ такою покорностью. На этотъ разъ они устроили настоящій мятежъ. Конечно, у нихъ шансовъ на успѣхъ не было никакихъ; но они, тѣмъ не менѣе, возстали. Впереди ихъ было громадное озеро, а позади ихъ воздвигались горныя пустыни Сѣверной Монголіи. Они рѣшили, поэтому, обезоружить карауливших ихъ солдатъ, выковать страшное оружіе повстанцевъ—косы, и пробиться черезъ горы Монголіи къ морю, въ Китай, гдѣ ихъ могли бы принять англійскіе корабли. И вотъ, разъ въ Иркутскъ пришло извѣстіе, что часть поляковъ,

работавшихъ на кругобайкальской дорогѣ возмутились и обезоружили около дюжины солдатъ. Противъ нихъ могли отправить изъ Иркутска отрядъ пѣхоты, всего въ восемьдесятъ человѣкъ. Переправившись черезъ Байкалъ на пароходѣ, они пошли противъ повстанцевъ, находившихся на другомъ берегу озера.

Зима 1866 года въ Иркутскѣ была особенно скучная. Въ столицѣ Восточной Сибири нѣтъ такого рѣзкаго дѣленія на классы, какъ въ остальныхъ русскихъ провинціальныхъ городахъ, и Иркутское „общество" состояло изъ офицеровъ, чиновниковъ, женъ и дочерей мѣстныхъ купцовъ и священниковъ. Зимой они всѣ встрѣчались по четвергамъ въ собраніи. Въ томъ году, однако, не чувствовалось оживленія на вечерахъ. Любители драматическаго искусства тоже терпѣли неудачи. Даже картежная игра, обыкновенно процвѣтающая въ Сибири, и та шла вяло въ эту зиму. Среди офицеровъ чувствовался серьезный недостатокъ въ деньгахъ, и даже пріѣздъ нѣсколькихъ горныхъ инженеровъ не ознаменовался грудами бумажекъ, являвшимися прежде такъ кстати для рыцарей зеленаго поля.

Сезонъ рѣшительно былъ скучный, настоящій сезонъ для спиритическихъ опытовъ и для говорящихъ духовъ. Одинъ господинъ, баловень иркутскаго общества, который въ предыдущую зиму забавлялъ всѣхъ разсказами изъ народной жизни, принялся теперь за вертящіеся столы, когда увидалъ, что его анекдоты потеряли всякій интересъ. Онъ былъ ловкій человѣкъ, и черезъ недѣлю весь Иркутскъ помѣшался на стучащихъ столахъ. Новая жизнь открылась для тѣхъ, которые не знали, какъ убить время. Стучащіе столы появились въ каждой гостинной. Ухаживаніе очень удобно уживалось со стукомъ духовъ. Поручикъ П—въ очень серьезно отнесся и къ столамъ, и къ ухаживанью. Быть можетъ, это послѣднее ему менѣе удавалось, чѣмъ первое. Во всякомъ случаѣ, когда прибыло извѣстіе о польскомъ возстаніи, П—въ отпросился присоединиться къ отряду. Онъ мечталъ возвратиться, окруженный военной славой.

„Иду противъ поляковъ, — писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, — такъ интересно было бы вернуться легко раненымъ".

Онъ былъ убитъ. П—въ гарцовалъ на конѣ рядомъ съ полковникомъ, командовавшимъ солдатами, когда началась „битва съ повстанцами", пышное описаніе которой можно найти въ архивахъ генеральнаго штаба. Солдаты медленно подвигались по дорогѣ, когда встрѣтили около пятидесяти поляковъ, изъ которыхъ пять или шесть были вооружены ружьями, а остальные—косами. Поляки засѣли въ лѣсу и время отъ времени попаливали. Солдаты отвѣчали на выстрѣлы. П—въ дважды просилъ у полковника разрѣшенія спѣшиться и броситься въ цѣпь, такъ что полковникъ, въ концѣ концовъ, сердито приказалъ поручику оставаться на своемъ мѣстѣ. Несмотря на приказъ, П—въ изчезъ. Въ лѣсу раздалось нѣсколько выстрѣловъ, затѣмъ послышались дикіе крики. Солдаты бросились по направленію къ нимъ и нашли поручика, плавающаго въ крови на травѣ. Поляки выпустили послѣдніе заряды и сдались. Битва кончилась; П—въ лежалъ мертвый. Онъ бросился съ револьверомъ въ рукахъ въ чащу, гдѣ наткнулся на нѣсколько косиньеровъ, выпустилъ въ нихъ наудачу всѣ свои заряды и ранилъ одного. Тогда поляки кинулись на П—ва съ косами.

На другомъ концѣ дороги, на западномъ берегу озера, два русскихъ офицера самымъ позорнымъ образомъ обошлись съ „мирными" поляками, работавшими въ этомъ мѣстѣ, но не присоединившимися къ возстанію. Съ грубыми ругательствами одинъ изъ офицеровъ вбѣжалъ въ балаганъ, гдѣ жили ссыльные, и сталъ стрѣлять по нимъ изъ револьвера, причемъ тяжело ранилъ двухъ. Другой привязывалъ мирныхъ къ возамъ и жестоко расправлялся съ ними нагайкой—такъ-себѣ, для потѣхи.

По логикѣ сибирскихъ властей выходило, что такъ какъ убитъ русскій офицеръ, то слѣдуетъ казнить нѣсколькихъ поляковъ. Военный судъ приговорилъ къ

смертной казни пять человѣкъ: Шарамовича, красиваго, умнаго и энергичнаго тридцатилѣтняго піаниста, командовавшаго возстаніемъ, шестидесятилѣтняго старика Цѣлинскаго, бывшаго прежде русскимъ офицеромъ, и трехъ другихъ, фамиліи которыхъ я не помню.

Генералъ-губернаторъ телеграфировалъ въ Петербургъ и просилъ разрѣшенія смягчить приговоръ; но отвѣта не послѣдовало. Онъ обѣщалъ намъ не приводить въ исполненіе смертнаго приговора; но, прождавъ нѣсколько дней и не получивъ отвѣта изъ Петербурга, приказалъ свершить казнь секретно, рано утромъ. Отвѣтъ изъ Петербурга прибылъ почтой, черезъ мѣсяцъ! Генералъ-губернатору предоставлялось „поступить по собственному благоусмотрѣнію". Но пять человѣкъ были уже разстрѣляны.

Мнѣ часто приходилось слышать, что это возстаніе было безразсудно; а между тѣмъ горсть храбрыхъ повстанцевъ добилась кое-чего. О бунтѣ стало извѣстно за границей. Казни, жестокость двухъ офицеровъ, которая раскрылась на судѣ, вызвали сильное волненіе въ Австріи. Австрійское правительство заступилось за галичанъ, принимавшихъ участіе въ революціи 1863 года и сосланныхъ тогда въ Сибирь, и нѣкоторые изъ нихъ были возвращены на родину. Вообще, вскорѣ послѣ мятежа 1866 года положеніе всѣхъ ссыльныхъ поляковъ замѣтно улучшилось. И этимъ они обязаны были бунту,—тѣмъ, которые взялись за оружіе, и тѣмъ пяти мужественнымъ людямъ, которые были разстрѣляны въ Иркутскѣ.

Для меня и для брата возстаніе послужило урокомъ. Мы убѣдились въ томъ, что значитъ, такъ или иначе, принадлежать къ арміи. Я находился далеко; но Александръ былъ въ Иркутскѣ, и его сотню двинули противъ поляковъ. Къ счастью, командиръ полка, въ которомъ служилъ братъ, хорошо зналъ его и подъ какимъ-то предлогомъ приказалъ другому офицеру командовать отрядомъ. Иначе Александръ, конечно, отказался бы

выступить въ походъ. Если бы я былъ тогда въ Иркутскѣ, то сдѣлалъ бы то же самое.

Мы рѣшили разстаться съ военной службой и возвратиться въ Россію. Сдѣлать это было не особенно легко, въ особенности брату, который женился въ Сибири; но въ концѣ концовъ, все устроилось, и весной 1867 года мы поѣхали въ Петербургъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Петербургъ. Первая поѣздка за границу.

I

Въ началѣ осени 1867 года я и братъ съ семьей поселились въ Петербургѣ. Я поступилъ въ университетъ и сидѣлъ теперь на скамьѣ, вмѣстѣ съ юношами, почти мальчиками, гораздо моложе меня. Завѣтная мечта, которую я такъ долго лелѣялъ, наконецъ, осуществилась. Теперь я могъ учиться. Я поступилъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета, такъ какъ считалъ, что основательное знаніе математики—единственный солидный фундаментъ для всякой дальнѣйшей работы. Братъ поступилъ въ военную юридическую академію, я же—совершенно отказался отъ военной службы, къ великому неудовольствію отца, который не выносилъ даже вида штатскаго платья. Теперь мы съ Александромъ должны были жить исключительно собственнымъ трудомъ.

Занятія въ университетѣ и научныя работы поглотили все мое время въ теченіе пяти слѣдующихъ лѣтъ. У студента-математика, конечно, очень много работы; но такъ какъ я прежде уже занимался высшей математикой, то теперь могъ удѣлить часть моего времени географіи. Кромѣ того, въ Сибири я не утратилъ способности усиленно работать.

Отчетъ о моей послѣдней экспедиціи печатался; но въ это время у меня стали зарождаться географическія

обобщенія, вскорѣ всецѣло захватившія меня. Путешествія по Сибири убѣдили меня, что горныя цѣпи, какъ онѣ значились тогда на картахъ, нанесены совершенно фантастически и не дають никакого представленія о строеніи страны. Составители картъ не подозрѣвали тогда даже существованія обширныхъ плоскогорій, составляющихъ столь характерную черту Азіи. Вмѣсто нихъ обозначали нѣсколько великихъ горныхъ кряжей. Такъ, напримѣръ, въ чертежныхъ, не смотря на указанія Л. Шварца, сочинили восточную часть Станового хребта, въ видѣ громаднаго червя, ползущаго по картѣ на востокъ. Этого хребта, въ дѣйствительности, не существуетъ. Истоки рѣкъ, текущихъ съ одной стороны—въ Ледовитый океанъ, а съ другой—въ Великій океанъ, переплетаются на томъ же плоскогорьѣ и зарождаются въ однихъ и тѣхъ же болотахъ. Но въ воображеніи Европейскихъ топографовъ самые высокіе хребты должны находиться на главныхъ водораздѣлахъ, и вслѣдствіе этого, тутъ изображали высокія цѣпи горъ, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Много такихъ несуществующихъ хребтовъ бороздили карту сѣверной Азіи по всѣмъ направленіямъ.

Мое вниманіе, теперь, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ было поглощено однимъ вопросомъ—открыть руководящія черты строенія нагорной Азіи и основные законы расположенія ея хребтовъ и плоскогорій. Долгое время меня путали въ моихъ изысканіяхъ прежнія карты, а еще больше—обобщенія Александра Гумбольдта, который, послѣ продолжительнаго изученія китайскихъ источниковъ, покрылъ Азію сѣтью хребтовъ, идущихъ по меридіанамъ и параллельнымъ кругамъ. Но, наконецъ, я убѣдился, что даже смѣлыя обобщенія Гумбольдта не согласны съ дѣйствительностью.

Я началъ съ начала, чисто индуктивнымъ путемъ.—Собравши всѣ барометрическія наблюденія, сдѣланныя прежними путешественниками, я на основаніи ихъ вычислилъ сотни высотъ. Затѣмъ я нанесъ на большую карту Шварца всѣ геологическія и физическія наблюде-

нія путешественниковъ, отмѣчая факты, а не гипотезы. На основаніи этого матеріала я попытался выяснить, какое расположеніе хребтовъ и плоскогорій наиболѣе согласуется съ установленными фактами. Эта подготовительная работа заняла у меня болѣе двухъ лѣтъ. Затѣмъ послѣдовали мѣсяцы упорной мысли, чтобы разобраться въ хаосѣ отдѣльныхъ наблюденій. Наконецъ, все разомъ, внезапно освѣтилось и стало ясно и понятно. Основные хребты Азіи тянутся не съ сѣвера на югъ и не съ запада на востокъ, а съ юго-запада на сѣверо-востокъ, точно также, какъ Скалистыя горы и нагорья Сѣверной Америки тянутся съ сѣверо-запада къ юго-востоку. Одни только второстепенные хребты убѣгаютъ на сѣверо-западъ. Далѣе, горы Азіи отнюдь не ряды самостоятельныхъ хребтовъ, какъ Альпы, но окаймляютъ громадное плоскогорье,—бывшій материкъ, который направлялся когда-то отъ Гималаевъ къ Берингову проливу. Высокіе окраинные хребты выростали вдоль его береговъ, и съ теченіемъ времени террасы, образованныя позднѣйшими осадками, поднимались изъ моря, увеличивая основной материкъ Азіи въ ширину.

Въ человѣческой жизни мало такихъ радостныхъ моментовъ, которые могутъ сравниться съ внезапнымъ зарожденіемъ обобщенія, освѣщающаго умъ послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій. То, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ казалось хаотическимъ, противорѣчивымъ и загадочнымъ, сразу принимаетъ опредѣленную, гармоническую форму. Изъ дикаго смѣшенія фактовъ, изъ-за тумана догадокъ, опровергаемыхъ, едва лишь онѣ успѣютъ зародиться,—возникаетъ величественная картина, подобно альпійской цѣпи, выступающей во всемъ великолѣпіи изъ-за скрывавшихъ ее облаковъ и сверкающей на солнцѣ во всей простотѣ и многообразіи, во всемъ величіи и красотѣ. А когда обобщеніе подтвергается провѣркѣ, примѣняя его ко множеству отдѣльныхъ фактовъ, казавшихся до того безнадежно противорѣчивыми,—каждый изъ нихъ сразу занимаетъ свое положеніе и только усиливаетъ впечатлѣніе, произ-

водимое общею картиной. Одни факты оттѣняютъ нѣкоторыя характерныя черты, другіе раскрываютъ неожиданныя подробности, полныя глубокаго значенія. Обобщеніе крѣпнетъ и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонтъ, глазъ открываетъ очертанія новыхъ и еще болѣе широкихъ обобщеній.

Кто испыталъ разъ въ жизни восторгъ научнаго творчества, тотъ никогда не забудетъ блаженнаго мгновенія. Онъ будетъ жаждать повторенія. Ему досадно будетъ, что подобное счастье выпадаетъ на долю немногимъ, тогда какъ оно всѣмъ могло бы быть доступно, въ той или другой мѣрѣ, если бы знаніе и досугъ были достояніемъ всѣхъ.

Эту работу я считаю моимъ главнымъ вкладомъ въ науку. Вначалѣ я намѣревался написать объемистую книгу, въ которой мои взгляды на орографію Сибири подтверждались бы подробнымъ разборомъ каждаго отдѣльнаго хребта; но когда, въ 1873 году, я увидалъ, что меня скоро арестуютъ, я ограничился тѣмъ, что составилъ карту, содержащую мои взгляды и приложилъ объяснительный очеркъ. И карта и очеркъ были изданы Географическимъ Обществомъ подъ наблюденіемъ брата, когда я уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Петерманъ, составлявшій тогда свою карту Азіи и знавшій мои предварительныя работы, принялъ мою схему. Впослѣдствіи ее приняло большинство картографовъ. Карта Азіи, какъ она составляется теперь, я думаю, объясняетъ главныя физическія черты громаднаго материка, распредѣленіе климатовъ, фауны, флоры, а также и исторію его. Она показываетъ также, какъ я могъ убѣдиться во время моего путешествія въ Америку, поразительную аналогію въ структурѣ и въ геологическомъ ростѣ обоихъ материковъ сѣвернаго полушарія. Очень немногіе картографы могли бы сказать теперь, откуда взялись эти перемѣны въ картахъ Азіи; но для распространенія новой научной идеи даже лучше, чтобы она не была связана съ какимъ-нибудь именемъ. Ошибки, неизбѣжныя при первомъ обобщеніи, гораздо легче тогда исправляются.

II.

Въ то же время, какъ секретарь отдѣленія физической географіи, я много работалъ для Географическаго Общества. Тогда сильно интересовались изслѣдованіями Туркестана и Памировъ. Сѣверцовъ только что возвратился изъ путешествія, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ выдающійся зоологъ, талантливый географъ и одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ; но, какъ многіе русскіе, Сѣверцовъ не любилъ писать. Когда онъ дѣлалъ докладъ, его невозможно было убѣдить написать что нибудь, кромѣ коротенькаго отчета. И вотъ почему все, что появилось въ печати за подписью Сѣверцова, далеко не исчерпываетъ всѣхъ его наблюденій и обобщеній. Къ сожалѣнію, крайняя неохота излагать письменно свои мысли и наблюденія очень распространена въ Россіи. Тѣ замѣчанія, которыя при мнѣ дѣлалъ Сѣверцовъ объ орографіи Туркестана, о географическомъ распредѣленіи растеній и животныхъ, о роли ублюдковъ (гибридовъ) въ зарожденіи новыхъ видовъ птицъ, а также его наблюденія относительно важности взаимной поддержки въ прогрессивномъ развитіи видовъ (эти наблюденія упоминаются въ нѣсколькихъ строкахъ въ отчетѣ засѣданія), — всѣ свидѣтельствуютъ о недюжинномъ талантѣ и объ оригинальности. Но Сѣверцовъ не обладалъ даромъ письменно излагать свои мысли въ соотвѣтственно красивой формѣ, который сдѣлалъ бы его однимъ изъ наиболѣе выдающихся ученыхъ нашего времени.

Миклуха Маклай, хорошо извѣстный въ Австраліи, ставшей потомъ его второй родиной, тоже принадлежалъ къ той же категоріи людей, которые могли бы сказать гораздо больше, чѣмъ высказали въ печати. Онъ былъ маленькій, нервный человѣкъ, постоянно страдавшій лихорадкой. Когда я познакомился съ нимъ, онъ только что возвратился съ береговъ Краснаго моря, гдѣ, какъ

послѣдователь Геккеля, онъ много работалъ надъ изученіемъ морскихъ безпозвоночныхъ въ ихъ естественной средѣ. Географическому обществу потомъ удалось выхлопотать, чтобы русскій клиперъ отвезъ Миклуху Маклая на неизвѣстный берегъ Новой Гвинеи, гдѣ путешественникъ хотѣлъ изучать дикарей самой низкой культуры. Съ однимъ лишь матросомъ, его оставили на негостепріимномъ берегу, населеніе котораго слыло страшными людоѣдами, выстроивъ близъ туземной деревни хижину для обоихъ Робинзоновъ. Здѣсь они прожили полтора года, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ туземцами. Миклуха Маклай поставилъ себѣ правиломъ, которому неуклонно слѣдовалъ, быть всегда прямымъ съ дикарями и никогда ихъ не обманывать, даже въ мелочахъ, даже для научныхъ цѣлей. Когда онъ впослѣдствіи путешествовалъ по малайскому архипелагу, къ нему на службу поступилъ туземецъ, выговорившій, чтобы его никогда не фотографировали: — какъ извѣстно, дикари считаютъ, что, вмѣстѣ съ фотографіей, берется нѣкоторая часть ихъ самихъ. И вотъ однажды, когда дикарь крѣпко спалъ, Миклухѣ Маклаю, собиравшему антропологическіе матеріалы, страшно захотѣлось сфотографировать своего слугу, такъ какъ онъ могъ служить типичнымъ представителемъ своего племени. Дикарь, конечно, никогда бы не узналъ про фотографію; но Миклуха вспомнилъ свой уговоръ и устоялъ передъ искушеніемъ. Эта мелкая черта вполнѣ характеризуетъ его. Зато, когда онъ оставлялъ Новую Гвинею, декари взяли съ него обѣщаніе возвратиться. И онъ выполнилъ это черезъ нѣсколько лѣтъ, хотя былъ тогда сильно боленъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ напечаталъ, однако, лишь самую незначительную часть своихъ, поистинѣ драгоцѣнныхъ наблюденій.

Федченко, который сдѣлалъ многочисленныя зоологическія наблюденія въ Туркестанѣ, вмѣстѣ со своей женой Ольгой Федченко, тоже естествоиспытательницей, мы называли, „Европейцемъ“. Онъ съ увлеченіемъ

трудился надъ разработкой своихъ наблюденій; но, къ несчастью, онъ погибъ въ Швейцаріи, во время восхожденія на Монбланъ. Пылая юношескимъ жаромъ послѣ путешествія по горамъ Туркестана и полный увѣренности въ свои силы, Федченко предпринялъ восхожденіе безъ подходящихъ проводниковъ и погибъ во время метели. Къ счастью, его жена закончила изданіе его „Путешествія". Если не ошибаюсь, ея сынъ также продолжалъ работы своихъ родителей.

Былъ я также хорошо знакомъ съ Пржевальскимъ, или, точнѣе Пшевальскимъ, какъ слѣдовало бы произносить это польское имя, хотя самъ онъ любилъ выставлять себя „настоящимъ русакомъ". Онъ былъ страстный охотникъ. Энтузіазмъ, который онъ проявилъ при изслѣдованіи Центральной Азіи, былъ почти въ такой же мѣрѣ результатомъ его страсти къ охотѣ на всевозможную, рѣдкую и крупную дичь — гурановъ, дикихъ верблюдовъ и лошадей — какъ и желанія посѣтить новыя, неизвѣстныя еще земли. Когда его убѣждали разсказать что нибудь объ его путешествіяхъ, онъ скоро прерывалъ свой скромный разсказъ восторженнымъ восклицаніемъ: „А что за дичь тамъ! Какая охота"! И онъ съ энтузіазмомъ принимался разсказывать, какъ проползъ такое то разстояніе, чтобы подобраться на выстрѣлъ къ кулану.

Едва только онъ возвращался въ Петербургъ, какъ уже начиналъ строить планъ новой экспедиціи и бережливо копилъ для нея деньги, пробуя даже увеличить свои сбереженія биржевыми спекуляціями. По крѣпкому здоровью и по способности выносить годами суровую жизнь горнаго охотника, Пржевальскій былъ идеальнымъ путешественникомъ. Такая жизнь была ему по душѣ. Первое свое знаменитое путешествіе онъ сдѣлалъ въ сопровожденіи всего трехъ товарищей, и въ ту пору онъ постоянно былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ инородцами. Но когда впослѣдствіи его экспедиціи стали принимать болѣе и болѣе военный характеръ, Пржевальскій, къ несчастью, сталъ больше

полагаться на силу своего вооруженнаго конвоя, чѣмъ на миролюбивыя сношенія съ инородцами. Я слышалъ отъ хорошо освѣдомленныхъ людей, что если бы онъ не умеръ въ началѣ Тибетской экспедиціи,—такъ отлично и такъ мирно законченной его спутниками: Пѣвцовымъ, Роборовскимъ и Козловымъ,—онъ, вѣроятно, все равно не вернулся бы изъ нея въ живыхъ.

Въ то время въ Географическомъ обществѣ было большое оживленіе, и наше отдѣленіе, а слѣдовательно и секретарь его, были живо заинтересованы разными вопросами. Большинство изъ нихъ были слишкомъ спеціальнаго характера, чтобы здѣсь упоминать о нихъ, но не мѣшаетъ напомнить пробужденіе интереса къ плаванію и рыбнымъ промысламъ въ русской части Ледовитаго океана. Сибирскій купецъ и золотопромышленникъ Сидоровъ въ особенности старался пробудить этотъ интересъ. Онъ доказывалъ, что при небольшой правительственной помощи, напримѣръ устройствомъ мореходныхъ классовъ и нѣсколькими экспедиціями, можно было бы сильно подвинуть изслѣдованіе береговъ Бѣлаго моря, а также поддержать рыбные промыслы и мореплаванье. Но, къ несчастью, эта небольшая поддержка должна была получиться изъ Петербурга. А стоящихъ у власти, въ этомъ придворномъ, чиновничьемъ, литературномъ, артистическомъ и космополитическомъ городѣ, трудно заинтересовать чѣмъ бы то ни было провинціальнымъ. Бѣднаго Сидорова просто поднимали на смѣхъ. Интересъ къ нашему сѣверу былъ пробужденъ въ Географическомъ обществѣ изъ-заграницы.

Въ 1869—1871 годахъ смѣлые норвежскіе китобои совершенно неожиданно доказали, что плаваніе въ Карскомъ морѣ возможно. Къ великому нашему изумленію, мы узнали, что въ „ледникъ, постоянно набитый льдомъ", какъ мы съ увѣренностью называли Карское море, вошли небольшія норвежскія шкуны и избороздили его по всѣмъ направленіямъ. Предпріимчивые норманы посѣтили даже мѣсто зимовки знаменитаго голландца Ба-

ренца, которое, какъ мы полагали, навсегда скрыто отъ людей ледяными полями, насчитывающими не одну сотню лѣтъ. Наши ученые моряки рѣшили, что такіе неожиданные успѣхи норвежцевъ объяснялись исключительно-теплымъ лѣтомъ и исключительнымъ состояніемъ льда. Но для немногихъ изъ насъ было совершенно очевидно, что смѣлые норвежскіе китобои, чувствующіе себя среди льдовъ, какъ дома, дерзнули пробраться, со своими небольшими экипажами и на своихъ небольшихъ судахъ черезъ плавучіе льды, загромождающіе входъ въ Карскія ворота, тогда какъ командиры военныхъ кораблей, скованные отвѣтственностью морской службы, никогда не рискнули этого сдѣлать.

Открытія норвежцевъ пробудили интересъ къ арктическимъ изслѣдованіямъ. Въ сущности, эти промышленники возбудили тотъ энтузіазмъ къ полярнымъ путешествіямъ, который привелъ къ открытію Норденшильдомъ сѣверо-восточнаго прохода, къ изслѣдованіямъ Пэри въ сѣверной Гренландіи и къ нансеновской экспедиціи на „Фрамѣ“. Зашевелилось также и наше Географическое общество. Назначенъ былъ комитетъ, чтобы выработать планъ русской полярной экспедиціи и намѣтить тѣ научныя работы, которыя такая экспедиція могла бы выполнить. Спеціалисты взялись составить, каждый свою часть этого доклада. Но, какъ это часто случается, къ сроку готово было только нѣсколько отдѣловъ: по ботаникѣ, зоологіи и метеорологіи. Все остальное пришлось составить секретарю комитета, то-есть мнѣ. Нѣкоторые вопросы, какъ, напримѣръ, зоологія морскихъ животныхъ, приливы, наблюденія надъ маятникомъ, земной магнитизмъ — были для меня совершенно новы. Но трудно себѣ представить, какое количество работы можетъ выполнить въ короткое время здоровый человѣкъ, если напряжетъ всѣ свои силы и прямо пойдетъ къ корню каждаго вопроса. Мой докладъ былъ готовъ къ сроку. Онъ заканчивался предложеніемъ большой полярной экспедиціи, которая пробудила бы въ

Россіи постоянный интересъ къ арктическимъ вопросамъ и къ плаванію въ сѣверныхъ моряхъ; но въ то же время мы рекомендовали развѣдочную экспедицію, которая направилась бы на норвежской шкунѣ, подъ командой норвежскаго капитана, на сѣверъ или же на сѣверо-востокъ отъ Новой Земли. Эта экспедиція могла бы, указывалъ я, сдѣлать также попытку добраться до большой неизвѣстной земли, которая должна находиться не въ далекомъ разстояніи отъ Новой Земли. Возможное существованіе такого архипелага указалъ въ своемъ превосходномъ, но мало извѣстномъ докладѣ о теченіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ, русскій флотскій офицеръ баронъ Шиллингъ. Когда я прочиталъ этотъ докладъ, а также путешествіе Лютке на Новую Землю и познакомился съ общими условіями этой части Ледовитаго океана,—то сразу увидалъ, что предположеніе Шиллинга должно быть вѣрно. Къ сѣверу отъ Новой Земли, дѣйствительно, должна существовать земля, лежащая подъ болѣе высокой широтой, чѣмъ Шпицбергенъ. На это указывало неподвижное состояніе льда на сѣверо-западъ отъ Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающихъ здѣсь ледяныхъ поляхъ и нѣкоторые другіе мелкіе признаки. Кромѣ того, если бы такая земля не существовала, то холодное теченіе, несущееся на западъ, отъ меридіана Берингова пролива къ Гренландіи (то самое, въ которомъ дрейфовалъ „Фрамъ"), непремѣнно достигало бы Нордъ-Капа, какъ справедливо замѣтилъ Шиллингъ, и покрывало бы берега Лапландіи льдомъ, точно такъ, какъ это мы видимъ на крайнемъ сѣверѣ Гренландіи. Теплое теченіе, являющееся слабымъ продолженіемъ Гольфстрема, не могло бы помѣшать нагроможденію льдовъ у сѣверныхъ береговъ Европы, если бы такой земли не существовало. Этотъ архипелагъ, какъ извѣстно, былъ открытъ два года спустя австрійской экспедиціей и названъ Землей Франца Іосифа.

Докладъ по поводу полярной экспедиціи имѣлъ для меня совершенно неожиданныя послѣдствія. Мнѣ предложили стать во главѣ развѣдочной экспедиціи, для ко-

торой будетъ спеціально нанята норвежская шкуна. Я замѣтилъ, конечно, что никогда не бывалъ въ морѣ, но мнѣ возразили, что если сочетать опытность какого-нибудь Карльсэна или Іогансэна съ починомъ человѣка науки, то, навѣрное, можно получить очень цѣнные результаты. И я принялъ бы предложеніе, если бы министерство финансовъ не наложило на предпріятіе своего veto, отвѣтивъ, что министръ финансовъ не можетъ ассигновать, необходимыхъ для экспедиціи, тридцати или сорока тысячъ рублей. Съ того времени русскіе не принимали никакого участія въ изслѣдованіи полярныхъ морей. Земля, которую мы провидѣли сквозь полярную мглу, была открыта Пайеромъ и Вейпрехтомъ, а архипелагъ, который долженъ находиться на сѣверо-востокъ отъ Новой Земли (я въ этомъ убѣжденъ теперь еще больше, чѣмъ тогда) — такъ еще не найденъ *).

Вмѣсто полярнаго путешествія, Географическое Общество предложило мнѣ скромную экскурсію въ Финляндію и Швецію для изслѣдованія ледниковыхъ отложеній, и это путешествіе направило меня на совершенно новую дорогу.

Лѣтомъ того года академія наукъ командировала двухъ своихъ членовъ, стараго геолога, генерала Г. П. Гельмерсена и неутомимаго изслѣдователя Сибири Фридриха Шмидта,—изучить строеніе тѣхъ длинныхъ наносныхъ грядъ, которыя въ Финляндіи и Швеціи извѣстны подъ названіемъ âsar, а въ Англіи называются eskers, kames и т. п. Съ тою же цѣлью Географическое Общество послало меня въ Финляндію. Мы посѣтили втроемъ великолѣпную гряду Пунгахарью и затѣмъ раздѣлились. Я много работалъ въ то лѣто, объѣздилъ значительную часть Финляндіи и переправился въ Швецію, гдѣ изучалъ Упсальскій озъ и провелъ въ Стокгольмѣ нѣсколько счастливыхъ дней вмѣстѣ съ Норденшиль-

*) Только теперь, въ 1901 году, экспедиція Толля отправилась съ цѣлью открыть его.

домъ. Уже тогда, въ 1871 году, онъ сообщилъ мнѣ свое намѣреніе добраться до устьевъ сибирскихъ рѣкъ, а не то и до Берингова пролива, черезъ Ледовитый океанъ. Возвратившись въ Финляндію, я продолжалъ мои изслѣдованія до глубокой осени и собралъ массу въ высшей степени интересныхъ наблюденій относительно оледенѣнія края. Но во время этого путешествія я думалъ также очень много о соціальныхъ вопросахъ, и эти мысли имѣли рѣшающее вліяніе на мое послѣдующее развитіе.

Въ Географическомъ обществѣ черезъ мои руки проходили всевозможные цѣнные матеріалы относительно географіи Россіи. Мало-по-малу у меня начала складываться мысль написать пространную физическую географію этой громадной части свѣта, — удѣляя при этомъ видное мѣсто экономическимъ явленіямъ. Я намѣревался дать полное географическое описаніе всей Россіи, основывая его на строеніи поверхности, — орографіи, характеръ которой я началъ себѣ уяснять послѣ сдѣланной мною работы о строеніи Сибири. И я хотѣлъ очертить въ этомъ описаніи различныя формы хозяйственной жизни, которыя должны господствовать въ различныхъ физическихъ областяхъ. Много вопросовъ, насущныхъ для русскаго народа, можно было бы выяснить такою работою. Возьмите, напримѣръ, громадныя южнорусскія степи, такъ часто страдающія отъ засухи и неурожая. Послѣдніе нельзя считать случайнымъ бѣдствіемъ; они являются такою же естественной чертой даннаго округа, какъ и его положеніе на южномъ скатѣ средней возвышенности или его плодородіе. Вся хозяйственная жизнь Южной Россіи должна быть, поэтому, построена на предусмотрѣніи неизбѣжныхъ повтореній періодическихъ недородовъ. Каждый изъ поясовъ Россійской имперіи слѣдовало бы описать такъ же научно, какъ Азія была описана въ великолѣпномъ трудѣ Ритера.

Но для такой работы нужна была масса времени и полная свобода, и я часто думалъ, какъ споро пошло

бы дѣло, если бы меня выбрали современемъ секретаремъ географическаго общества. И вотъ оченью 1871 года, когда я работалъ въ Финляндіи и медленно подвигался пѣшкомъ къ Финскому заливу вдоль строившейся желѣзной дороги, высматривая появленіе неоспоримыхъ слѣдовъ послѣ-ледниковаго моря, — я получилъ телеграмму отъ Географическаго Общества: „Совѣтъ проситъ васъ принять должность секретаря общества". Въ то же время выходившій въ отставку секретарь убѣдительно просилъ меня не отказываться.

Мое желаніе, такимъ образомъ, осуществлялось. Но— въ эту пору, другія мысли и другія стремленія уже овладѣли мною, и, серьезно обдумавъ мое рѣшеніе, я телеграфировалъ въ отвѣтъ: „Душевно благодарю, но должность принять не могу".

III

Часто случается, что люди тянутъ ту или другую политическую, соціальную или семейную лямку, только потому, что имъ некогда разобраться—некогда спросить себя: такъ ли устроилась ихъ жизнь, какъ нужно? Соотвѣтствуетъ ли ихъ занятіе ихъ склонностямъ и способностямъ и даетъ ли оно имъ то нравственное удовлетвореніе, которое каждый вправѣ ожидать въ жизни. Дѣятельные люди чаще всего оказываются въ такомъ положеніи: каждый день приноситъ съ собою новую работу, и ея накопляется столько, что человѣкъ поздно ложится, не выполнивъ всего, что собирался сдѣлать за день, а утромъ поспѣшно хватается за дѣло, не доконченное вчера. Жизнь проходитъ, и нѣтъ времени подумать, некогда обсудить ея складъ. То же самое случилось и со мной.

Но теперь, во время путешествія по Финляндіи, у меня былъ досугъ. Когда я проѣзжалъ въ финской одноколкѣ по равнинѣ, не представлявшей интереса для геолога, или когда переходилъ съ молоткомъ на плечахъ

отъ одной балластной ямы къ другой, я могъ думать,— и одна мысль все болѣе и болѣе властно захватывала меня, гораздо сильнѣе геологіи.

Я видѣлъ, какое громадное количество труда затрачиваетъ финскій крестьянинъ, чтобы расчистить поле и раздробить валуны, и думалъ:—„Хорошо, я напишу физическую географію этой части Россіи и укажу лучшіе способы обработки земли. Вотъ здѣсь американская машина для корчеванія пней принесла бы громадную пользу. А тамъ наука могла бы указать новый способъ удобренія...

„Но что за польза толковать крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба, чтобы перебиться отъ одной жатвы до другой? когда арендная плата за эту, усѣянную валунами землю растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ улучшаетъ почву! Онъ грызетъ свою твердую, какъ камень, ржаную лепешку, которую печетъ дважды въ годъ, съѣдаетъ съ нею кусокъ невѣроятно соленой трески и запиваетъ снятымъ молокомъ... Какъ смѣю я говорить ему объ американскихъ машинахъ, когда на аренду и подати уходитъ весь его заработокъ! Крестьянину нужно, чтобы я жилъ съ нимъ, чтобы я помогъ ему сдѣлаться собственникомъ, или вольнымъ пользователемъ земли. Тогда онъ и книгу прочтетъ съ пользой; но не теперь“.

И мысленно я переносился изъ Финляндіи къ нашимъ никольскимъ крестьянамъ, которыхъ видѣлъ недавно. Теперь они свободны и высоко цѣнятъ волю,—но у нихъ нѣтъ покосовъ. Тѣмъ или инымъ путемъ помѣщики захватили всѣ луга для себя. Когда я былъ мальчикомъ, Савохины посылали въ ночное шесть лошадей, Толкачевы—семь. Теперь у нихъ только по три лошади. У кого было прежде по три, теперь и двухъ нѣтъ, а иные бѣдняки остались съ одной. Какое же хозяйство можно вести съ одной жалкой кляченкой! Нѣтъ покосовъ — нѣтъ скота и нѣтъ навоза! Какъ же тутъ толковать крестьянамъ про травосѣяніе! Они уже разорены, а еще

черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ разорятъ въ конецъ, выколачивая чрезмѣрныя подати. Какъ обрадовались они, когда я сказалъ, что отецъ разрѣшаетъ имъ обкашивать полянки въ Костиномъ лѣсу! „Ваши никольскіе мужики *люты* на работу“,—говорили всѣ наши сосѣди. Но пашни, которыя мачиха оттягала у нихъ въ силу „закона о минимумѣ помѣщичьей земли“ (діавольскій параграфъ, внесенный крѣпостниками, когда имъ позволили пересмотрѣть Уложеніе)—теперь поросли чертополохомъ и бурьяномъ. *Лютымъ* работникамъ не позволяютъ пахать эти земли. И то же самое творится по всей Россіи. Уже въ то время было очевидно, что первый серьезный неурожай въ центральной Россіи приведетъ къ страшному голоду. О томъ же предупреждали и правительственныя комиссіи (валуевская, въ томъ числѣ). И дѣйствительно, голодъ былъ въ 1876, въ 1889, 1891, 1895 и 1898 годахъ.

Наука—великое дѣло. Я зналъ радости, доставляемыя ею и цѣнилъ ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ многіе мои собратья. И теперь, когда я всматривался въ холмы и озера Финляндіи, у меня зарождались новыя, величественныя обобщенія. Я видѣлъ, какъ въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ человѣчества, въ сѣверныхъ архипелагахъ, на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи скоплялись льды. Они покрыли всю сѣверную Европу и медленно расползлись до ея центра. Жизнь тогда исчезала въ этой части сѣвернаго полушарія, и жалкая, невѣрная, отступала все дальше и дальше на югъ предъ мертвящимъ дыханьемъ громадныхъ ледяныхъ массъ. Несчастный, слабый, темный дикарь съ великимъ трудомъ поддерживалъ непрочное существованіе. Прошли многія тысячелѣтія, прежде чѣмъ началось таянье льдовъ и наступилъ озерный періодъ. Безчисленныя озера образовались тогда во впадинахъ; жалкая субполярная растительность начала робко показываться на безбрежныхъ болотахъ, окружавшихъ каждое озеро; и прошли еще тысячелѣтія, прежде чѣмъ началось крайне медленное высыханіе болотъ, и расти-

тельность стала надвигаться съ юга. Теперь мы — въ періодѣ быстраго высыханія, сопровождаемаго образованіемъ степей, и человѣку нужно найти способъ, какимъ образомъ остановить это угрожающее юго-восточной Европѣ высыханіе, жертвой котораго уже пала Центральная Азія.

Въ то время вѣра въ ледяной покровъ, достигавшій до Центральной Европы, считалась непозволительной ересью; но предъ моими глазами возникала величественная картина, и мнѣ хотѣлось передать ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ я ее представлялъ себѣ. Мнѣ хотѣлось примѣнить эту картину, какъ ключъ къ современному распространенію флоры и фауны, и открыть новые горизонты для геологіи и физической географіи.

Но какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба! когда все затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высокихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ и не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей? У кого нибудь, кусокъ долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка.

Знаніе—могучая силая. Человѣкъ долженъ овладѣть имъ. Но мы и теперь уже знаемъ много. Что если бы это знаніе, и только это, стало достояніемъ всѣхъ? Развѣ сама наука тогда не подвинулась бы быстро впередъ? И сколько новыхъ изобрѣтеній сдѣлаетъ тогда человѣчество, и насколько увеличитъ оно тогда производительность общественнаго труда! Грандіозность этого движенія впередъ мы даже теперь уже можемъ предвидѣть.

Массы хотятъ знать. Онѣ хотятъ учиться; онѣ могутъ учиться. Вонъ тамъ, на гребнѣ громадной морены, тянущейся между озерами, какъ будто бы великаны насыпали ее поспѣшно, чтобы соединить два берега, стоитъ финскій крестьянинъ, погруженъ въ созерцаніе разстилающихся предъ нимъ прекрасныхъ водъ, усѣян-

ныхъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, какъ бы забитъ и бѣденъ онъ ни былъ, не проѣдетъ не остановившись, не залюбовавшись, мимо этого мѣста. Или, вонъ тамъ на берегу озера стоитъ другой крестьянинъ и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ бы чувству и выразительности его мелодіи. Оба крестьянина чувствуютъ, оба созерцаютъ, оба думаютъ. Они готовы расширить свое знаніе,— только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ.

Вотъ въ какомъ направленіи мнѣ слѣдуетъ работать, и вотъ тѣ люди, для которыхъ я долженъ работать. Всѣ эти звонкія слова насчетъ прогресса, произносимыя въ то время, какъ сами дѣлатели прогресса держатся въ сторонѣ отъ народа, всѣ эти громкія фразы — одни софизмы. Ихъ придумали, чтобы отдѣлаться отъ разъѣдающаго противорѣчія...

И я послалъ мой отказъ Географическому Обществу.

IV.

Петербургъ сильно измѣнился съ 1862 года, когда я оставилъ его.

— О, да!—говорилъ мнѣ какъ-то поэтъ Майковъ,— вы знали Петербургъ Чернышевскаго.

Да, дѣйствительно, я зналъ тотъ Петербургъ, чьимъ любимцемъ былъ Чернышевскій. Но какъ же мнѣ назвать городъ, который я нашелъ по возвращеніи? Быть можетъ, Петербургомъ кафэшантановъ и танцклассовъ, если только названіе „весь Петербургъ“ можетъ быть примѣнено къ высшимъ кругамъ общества.

При дворѣ и въ придворныхъ кружкахъ либеральныя идеи были на плохомъ счету. На всѣхъ выдающихся людей шестидесятыхъ годовъ, даже на такихъ умѣренныхъ, какъ графъ Николай Муравьевъ и Николай Милютинъ, смотрѣли, какъ на неблагонадежныхъ. Александръ II удержалъ лишь военнаго министра Дмитрія

Милютина, да и то только потому, что на осуществленіе начатаго имъ преобразованія аріми требовалось еще много лѣтъ. Всѣхъ остальныхъ дѣятелей реформаціоннаго періода выбросили за бортъ.

Разъ какъ-то я бесѣдовалъ съ однимъ сановникомъ, занимавшимъ высокій постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Онъ рѣзко критиковалъ дѣятельность другого сановника, и я замѣтилъ, въ защиту, что послѣдній никогда, однако, не захотѣлъ принять никакого поста при Николаѣ.

— А теперь онъ служитъ при Шуваловѣ и Треповѣ!— воскликнулъ мой собесѣдникъ. Замѣчаніе такъ вѣрно передавало истинное положеніе дѣлъ, что мнѣ оставалось только замолчать.

Дѣйствительно, настоящими правителями Россіи были тогда шэфъ жандармовъ Шуваловъ и петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Треповъ.

Александръ II, конечно, не былъ заурядной личностью; но въ немъ жили два совершенно различныхъ человѣка, съ рѣзко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися другъ съ другомъ. И эта борьба становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе старился Александръ II. Онъ могъ быть то обаятеленъ, то немедленно же выказать себя жестокимъ. Предъ лицомъ настоящей опасности Александръ II проявлялъ полное самообладаніе и спокойное мужество, а между тѣмъ онъ постоянно жилъ въ страхѣ опасностей, существовавшихъ только въ его воображеніи. Безъ сомнѣнія, онъ не былъ трусъ и спокойно пошелъ бы на медвѣдя лицомъ къ лицу. Однажды медвѣдь, котораго онъ не убилъ наповалъ первымъ выстрѣломъ, смялъ охотника, бросившагося впередъ съ рогатиной. Тогда царь бросился на помощь своему подручнику. Онъ подошелъ и убилъ звѣря, выстрѣливъ въ упоръ (я слышалъ этотъ разсказъ отъ самого медвѣжатника). И, тѣмъ не менѣе, Александръ II всю жизнь прожилъ подъ страхомъ ужасовъ, созданныхъ его воображеніемъ.

Въ 1877 году Шувалова назначили посланникомъ въ

Англію, но другъ его, генералъ Потаповъ, продолжалъ ту же политику вплоть до Турецкой войны. За это время шелъ въ широчайшихъ размѣрахъ самый безсовѣстный грабежъ казны, а также расхищались государственныя и башкирскія земли и имѣнія, конфискованныя послѣ возстанія 1863-го года въ Литвѣ. Впослѣдствіи, когда Потаповъ сошелъ съума, а Треповъ былъ удаленъ въ отставку, ихъ придворные враги захотѣли показать Александру II этихъ героевъ въ истинномъ свѣтѣ, и нѣкоторые ихъ подвиги выплыли на свѣтъ, когда, по знаменитому Логишинскому дѣлу, креатура Потапова—минскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Токаревъ—и ихъ заступникъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, палачъ крестьянъ, генералъ Лошкаревъ, были отданы подъ судъ. Тогда обнаружилось, какъ „обруситель“ Токаревъ, при помощи своего пріятеля Потапова, безстыдно ограбилъ Логишинскихъ крестьянъ и отнялъ ихъ землю. Пользуясь высокимъ покровительствомъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ устроилъ такъ, что крестьянъ, искавшихъ суда, арестовали, пороли поголовно и нѣсколькихъ перестрѣляли. Это одно изъ самыхъ возмутительныхъ дѣлъ, даже въ русскихъ лѣтописяхъ, чреватыхъ грабежами всякаго рода. Лишь послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ, мстившей за наказаніе розгами политическаго заключеннаго, выяснилось воровство потаповской шайки, и министра удалили въ отставку. Треповъ же, думая, что ему приходится умирать, составилъ завѣщаніе, причемъ оказалось, что генералъ, безпрерывно твердившій царю, что бѣденъ, хотя занимаетъ прибыльный постъ оберъ-полиціймейстера, оставилъ своему сыну значительное состояніе. Нѣкоторые придворные донесли объ этомъ Александру II, который потерялъ довѣріе къ генералу и разстался съ нимъ. Тогда-то выплыли нѣкоторые грабежи, свершенные шайкою Шувалова, Потапова, Трепова и К°. Но предъ Сенатомъ Логишинское дѣло разбиралось только въ декабрѣ 1881-го года, „при открытыхъ дверяхъ“.

Повсемѣстно въ министерствахъ, а въ особенности

при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и при всякаго рода подрядахъ, грабежъ шелъ на большую ногу. Такимъ путемъ составлялись колоссальныя состоянія. Флотъ, какъ сказалъ самъ Александръ II одному изъ своихъ сыновей, находился „въ карманахъ такого-то“. Постройка гарантированныхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ обходилась баснословно дорого. Всѣмъ было извѣстно, что невозможно добиться утвержденія акціонернаго предпріятія, если различнымъ чиновникамъ въ различныхъ министерствахъ не будетъ обѣщанъ извѣстный процентъ съ дивиденда. Одинъ мой знакомый захотѣлъ основать въ Петербургѣ одно коммерческое предпріятіе и обратился за разрѣшеніемъ куда слѣдовало. Ему прямо сказали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что 25% чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15%—одному служащему въ министерствѣ финансовъ, 10% другому чиновнику того жеминистерства и 5%—еще одному. Такого рода сдѣлкисвершались открыто.

Много разъ было доказано въ Россіи, что сельское духовенство такъ занято требами, что не можетъ удѣлять времени народнымъ школамъ. Даже тогда, когда священникъ получаетъ вознагражденіе за преподаваніе Закона Божьяго въ деревенскихъ школахъ, онъ обыкновенно поручаетъ уроки кому-нибудь другому, такъ какъ у него нѣтъ времени. Тѣмъ не менѣе, высшее духовенство, пользуясь ненавистью Александра II къ такъ называемому революціонному духу, начало походъ съ цѣлью забрать въ руки школы. Лозунгомъ поповъ стало: „или приходская школа, или никакой“. Вся Россія жаждала образованія; но даже включавшаяся въ государственный бюджетъ, до смѣшнаго ничтожная сумма въ пять-шесть милліоновъ рублей на начальное образованіе, и та не расходовалась вся министромъ народнаго просвѣщенія, которое каждогодно возвращало въ Казначейство почтенный остатокъ. Въ то же время почти такая же сумма отпускалась ежегодно Синоду, какъ пособіе приходскимъ школамъ, которыя тогда (такъ же какъ и теперь) существовали только на бумагѣ.

Вся Россія желала реальныхъ школъ; но министерство открывало только классическія гимназіи, такъ какъ полагалось, что громадные курсы древнихъ языковъ не дадутъ ученикамъ времени думать и читать. Въ этихъ гимназіяхъ лишь 2—3% учениковъ, поступившихъ въ первый классъ, успѣшно добирались до аттестата зрѣлости. Всѣ мальчики, подававшіе надежды или проявлявшіе какую-нибудь независимость характера, тщательно намѣчались и ихъ удаляли раньше восьмого класса. При этомъ, приняты были всѣ мѣры, чтобы уменьшить число учениковъ. Образованіе признано было роскошью, пригодной лишь для немногихъ. Въ то же время министерство народнаго просвѣщенія занялось усиленной и ожесточенной борьбой съ частными лицами, земствами и городскими управами, пытавшимися открывать учительскія семинаріи, техническія, а то даже начальныя школы. На техническое образованіе—въ странѣ, нуждавшейся въ инженерахъ, ученыхъ агрономахъ и геологахъ,—смотрѣли какъ на нѣчто революціонное. Оно преслѣдовалось, запрещалось. Даже и теперь, ежегодно двѣ-три тысячи молодыхъ людей не попадаютъ въ высшія техническія учебныя заведенія по недостатку вакансій. Чувство отчаянія овладѣвало всѣми тѣми, которые хотѣли принести какую-нибудь пользу обществу. Въ то же время непосильныя подати и выколачиваніе недоимокъ полицейскими властями — разоряли на всегда крестьянъ. Въ столицѣ, въ милости были лишь тѣ губернаторы, которые особенно безпощадно выколачивали недоимки.

Таковъ былъ оффиціальный Петербургъ. Таково было его вліяніе на всю Россію.

V

Предъ отъѣздомъ изъ Сибири мы часто бесѣдовали съ братомъ о той умственной жизни, которую найдемъ въ Петербургѣ, и о предстоящихъ интересныхъ знаком-

ствахъ въ литературныхъ кружкахъ. Дѣйствительно, мы завязали такія знакомства среди, какъ радикаловъ, такъ и умѣренныхъ славянофиловъ; но надо сознаться, что мы нѣсколько были разочарованы. Встрѣтили мы массу прекрасныхъ людей (въ Россіи ихъ вездѣ много); но они вовсе не соотвѣтствовали нашему идеалу политическихъ писателей. Лучшіе литераторы—Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ, были или въ ссылкѣ, или, какъ Писаревъ, сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Другіе, мрачно смотрѣвшіе на дѣйствительность, измѣнили своимъ убѣжденіямъ и теперь тяготѣли къ своего рода отеческому самодержавію. Большинство же, хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожно въ выраженіи ихъ, что эта осторожность почти равнялась измѣнѣ.

Когда реформаціонное теченіе царило въ Россіи, почти всѣ писатели, принадлежавшіе къ передовымъ кружкамъ, были такъ или иначе въ сношеніяхъ съ Герценомъ, Тургеневымъ и ихъ друзьями, или даже съ тайными обществами *Великоруссъ* и *Земля и Воля*, имѣвшими тогда кратковременное существованіе. Теперь эти люди заботились лишь о томъ, чтобы похоронить поглубже свои прежнія симпатіи и казаться вполнѣ политически-благонадежными.

Два-три журнала, которыхъ терпѣло начальство,—главнымъ образомъ благодаря необыкновенной дипломатической ловкости ихъ издателей—помѣщали богатый бытовой матеріалъ, наглядно доказывавшій, что нищета и разоренность большинства крестьянъ постоянно растутъ изъ года въ годъ. Въ этихъ же журналахъ достаточно прозрачно говорилось также о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ставились всякому прогрессивному дѣятелю, въ какой бы области онъ ни пытался приложить свои силы. И фактовъ въ подтвержденіе приводилось столько, что они могли бы всякаго привести въ отчаянье. Но никто не смѣлъ сказать, какъ помочь дѣлу; никто не дерзалъ хоть намекомъ указать на поле возможной дѣятельности или же на выходъ изъ положенія, которое

признавалось безнадежнымъ. Нѣкоторые писатели все еще надѣялись, что Александръ II опять станетъ преобразователемъ; но у большинства—страхъ, что запретятъ журналъ и сошлютъ издателей и сотрудниковъ въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста—заглушалъ всѣ остальныя чувства. Опасеніе и надежда въ одинаковой степени парализовали писателей.

Чѣмъ сильнѣе радикальничали они десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ больше трепетали они теперь. Насъ съ братомъ очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣда теряла фривольный характеръ, или какъ только братъ, обладавшій большимъ талантомъ поднимать серьезные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла, или же на положеніе Франціи, которую Наполеонъ III велъ къ страшному кризису 1870 года,—такъ кто-нибудь изъ старшихъ уже навѣрное прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: „А кто былъ, господа, на послѣднемъ представленіи *Прекрасной Елены?*“ или: „А какого вы, сударь, мнѣнія объ этомъ балыкѣ?“ Разговоръ такъ и обрывался.

Внѣ литературныхъ кружковъ положеніе дѣлъ обстояло еще хуже. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ было много передовыхъ людей, которые, какъ казалось тогда, готовы были всѣмъ пожертвовать для своихъ убѣжденій.—„Что сталось съ ними?“—задавалъ я себѣ вопросъ. Я заговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ:—„Осторожнѣй, молодой человѣкъ!“—отвѣчали они. Ихъ кодексъ житейской философіи заключался теперь въ пословицахъ: „Сила солому ломитъ“, „Лбомъ стѣны не прошибешь“ и тому подобныхъ, которыхъ, къ несчастью, такъ много въ русскомъ языкѣ.—„Мы кое что уже сдѣлали; не требуйте больше отъ насъ“, или „Потерпите, такое положеніе вещей долго не продержится“. Такъ говорили намъ. А мы, молодежь, готовы были начать борьбу, дѣйствовать, рисковать, если нужно, жертвовать всѣмъ. Мы просили у стари-

ковъ лишь совѣта, кое-какихъ указаній и нѣкоторой интеллектуальной поддержки.

Тургеневъ, въ „Дымѣ“, вывелъ нѣкоторыхъ эксъ-реформаторовъ высшаго круга, и картина вышла довольно унылая. Но шестидесятниковъ „на ущербѣ“ нужно въ особенности изучать по надрывающимъ душу романамъ и очеркамъ г-жи Хвощинской, писавшей подъ псевдонимомъ „В. Крестовскій“ (не слѣдуетъ смѣшивать съ В. Крестовскимъ, авторомъ „Петербургскихъ трущобъ“). Правиломъ прогрессистовъ на ущербѣ стало: „Довольствуйся, что живъ“ или, точнѣе, „радуйся, что выжилъ“. Вскорѣ они, какъ и та безличная толпа, которая десять лѣтъ тому назадъ составляла силу прогрессивнаго движенія, отказывались даже слушать „про разные сантименты“. Они спѣшили воспользоваться богатствами, плывшими въ руки „практическимъ людямъ“.

Послѣ освобожденія крестьянъ открылись новые пути къ обогащенію, и по нимъ хлынула жадная къ наживѣ толпа. Желѣзныя дороги строились съ лихорадочной поспѣшностью. Помѣщики спѣшили закладывать имѣнія въ только-что открытыхъ частныхъ банкахъ. Недавно введенные нотаріусы и адвокаты получали громаднѣйшіе доходы. Акціонерныя компаніи росли, какъ грибы послѣ дождя, и учредители богатѣли. Люди, которые прежде скромно жили бы въ деревнѣ на доходъ отъ ста душъ, а не то на еще болѣе скромное жалованье судейскаго чиновника, теперь составляли себѣ состоянія или получали такіе доходы, какіе во времена крѣпостного права перепадали лишь крупнымъ магнатамъ.

Самые вкусы „общества“ падали все ниже и ниже. Итальянская опера, прежде всего служившая радикаламъ форумомъ для демонстрацій, теперь была забыта. Русскую оперу, робко выставлявшую достоинства нашихъ великихъ композиторовъ, — посѣщали лишь немногіе энтузіасты. И ту и другую находили теперь „скучной“. Сливки петербургскаго общества валили въ одинъ пошленькій театръ, въ которомъ второстепенныя звѣзды

парижскихъ малыхъ театровъ получали легко заслуженные лавры отъ своихъ поклонниковъ-конногвардейцевъ. Публика валила смотрѣть „Прекрасную Елену“, съ Лядовой, въ Александринскомъ театрѣ, а нашихъ великихъ драматурговъ забывали. Оффенбаховщина царила повсюду.

Нужно, впрочемъ, сказать, что политическая атмосфера была такова, что лучшіе люди имѣли нѣкоторое основаніе, или во всякомъ случаѣ, находили вѣскія оправданія, чтобы присмирѣть. Послѣ каракозовскаго выстрѣла 4-го апрѣля 1866 года, третье отдѣленіе стало всесильно. Заподозрѣнные въ „радикализмѣ“,—все равно, сдѣлали-ли они что-нибудь или нѣтъ—жили подъ постояннымъ страхомъ. Ихъ могли забрать каждую ночь—за знакомство съ лицомъ, замѣшаннымъ въ политическое дѣло, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за „опасныя“ убѣжденія. Арестъ же по политическому дѣлу могъ означать все что хотите: годы заключенія въ Петропавловской крѣпости, ссылку въ Сибирь, или даже пытку въ казематахъ.

Каракозовское движеніе мало извѣстно даже въ самой Россіи. Я находился въ то время въ Сибири и знаю о немъ лишь по наслышкѣ. Повидимому, въ немъ слилось тогда два различныхъ теченія. Одно изъ нихъ представляло въ зародышѣ то движеніе въ народъ, которое впослѣдствіи приняло такіе громадные размѣры; второе же имѣло характеръ чисто политическій. Нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли бы блестящіе профессора, выдающіеся историки и этнографы, рѣшили въ 1864 году стать, не смотря на всѣ препятствія со стороны правительства, носителями знанія и просвѣщенія среди народа. Они селились, какъ простые работники, въ большихъ промышленныхъ городахъ, устраивали тамъ кооперативныя общества, открывали негласныя школы. Они надѣялись, что при извѣстномъ тактѣ и терпѣніи имъ удастся воспитать людей изъ народа и,

такимъ образомъ, создать центры, изъ которыхъ постепенно среди массъ будутъ распространяться лучшія и болѣе высокія идеи. Для осуществленія плана были пожертвованы большія состоянія; любви и преданности дѣлу было очень много. Вообще, я склоненъ думать, что въ сравненіи съ послѣдующими движеніями, каракозовцы стояли на наиболѣе практической почвѣ. Ихъ организаторы, безъ сомнѣнія, очень близко подошли къ рабочему народу.

Съ другой стороны, Каракозовъ, Ишутинъ и нѣкоторые другіе члены кружка придали движенію чисто политическій характеръ. Въ періодъ времени 1862—1866 годовъ политика Александра II приняла рѣшительно реакціонный характеръ. Царь окружилъ себя крайними ретроградами и сдѣлалъ ихъ своими ближайшими совѣтниками. Реформы, составлявшія славу первыхъ лѣтъ его царствованія, были изуродованы и урѣзаны рядомъ временныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ. Въ лагерѣ крѣпостниковъ ждали вотчиннаго суда и возвращенія крѣпостного права въ измѣненномъ видѣ. Никто не надѣялся, что главная реформа—освобожденіе крестьянъ—устоитъ отъ ударовъ, направленныхъ противъ нее изъ Зимняго дворца. Все это должно было привести Каракозова и его друзей къ убѣжденію, что даже то немногое, что́ сдѣлано, рискуетъ погибнуть, если Александръ II останется на престолѣ: что Россіи грозитъ возвратъ ко всѣмъ ужасамъ Николаевщины. Въ то же время возлагались большія надежды (Es ist eine alte Geschichte doch bleibt sie immer neu) на либерализмъ наслѣдника и Константина Николаевича. Нужно также сказать, что подобныя опасенія и надежды довольно часто выражались и въ гораздо высшихъ кругахъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ вращался Каракозовъ. Какъ бы то ни было, 4-го апрѣля 1866 года Каракозовъ сдѣлалъ покушеніе на Александра II, когда тотъ выходилъ изъ Лѣтняго сада и садился въ свою коляску. Какъ извѣстно, онъ далъ промахъ, и его тутъ же арестовали.

Глава реакціонной партіи въ Москвѣ, Катковъ, въ совершенствѣ постигшій искусство извлекать денежную выгоду изъ каждой политической смуты, немедленно обвинилъ всѣхъ либераловъ и радикаловъ въ сообществѣ съ Каракозовымъ—что, конечно, было чистѣйшею ложью. Можно себѣ представить, какъ воспользовались этими обвиненіями всесильные Треповъ и Шуваловъ! Михаилъ Муравьевъ, заслужившій при усмиреніи польскаго возстанія прозвище „Вѣшателя“, получилъ приказъ произвести тщательное дознаніе и раскрыть всѣми способами предполагавшійся заговоръ, и онъ немедленно арестовалъ массу лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ слоямъ общества, сдѣлалъ безчисленное множество обысковъ и похвалялся, что „найдетъ средство развязать языкъ арестованнымъ“. Муравьевъ-Вѣшатель, конечно, не отступился бы предъ допросомъ „съ пристрастіемъ“, и общественное мнѣніе въ Петербургѣ почти единодушно говорило, что Каракозова пытали, но не добились признаній.

Государственныя тайны хорошо сохраняются въ крѣпостяхъ,—въ особенности въ этой каменной громадѣ напротивъ Зимняго дворца, видѣвшей столько ужасовъ, лишь недавно раскрытыхъ историками. Петропавловская крѣпость хранитъ до сихъ поръ тайны Муравьева; но слѣдующій эпизодъ броситъ, быть можетъ, на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Въ 1866 году я былъ въ Сибири. Одинъ изъ нашихъ сибирскихъ офицеровъ, который въ концѣ того года ѣхалъ изъ Россіи въ Иркутскъ, встрѣтилъ на станціи двухъ жандармовъ. Они сопровождали въ Сибирь одного чиновника, сосланнаго за воровство, и теперь возвращались домой. Нашъ иркутскій офицеръ, очень милый человѣкъ, засталъ жандармовъ за чаемъ, покуда перепрягали лошадей, подсѣлъ къ нимъ и завелъ разговоръ. Оказалось, что одинъ изъ жандармовъ зналъ Каракозова.

— Хитрый былъ человѣкъ,—говорилъ жандармъ.— Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, намъ велѣно было не давать ему спать. Мы по-двое дежурили при немъ, и

смѣнялись каждые два часа. Вотъ, сидитъ онъ на табуретѣ, а мы караулимъ. Станетъ онъ дремать, а мы встряхнемъ его за плечо, и разбудимъ. Что станешь дѣлать? Приказано такъ. Ну, смотрите, какой онъ хитрый. Сидитъ онъ, ногу за ногу перекинулъ и качаетъ ее. Хочетъ показать намъ, будто не спитъ; самъ дремлетъ, а ногой все дрыгаетъ. Но мы скоро замѣтили его хитрость, тоже передали и тѣмъ, что пришли на смѣну. Ну и стали его трясти каждыя пять минутъ—все равно, качаетъ-ли онъ ногой, или нѣтъ.

— А долго это продолжалось?—спросилъ мой пріятель.

— Долго:—больше недѣли!

Наивный характеръ этого разсказа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о правдивости: выдумать его нельзя было, а потому можно принять за достовѣрное, что по крайней мѣрѣ лишеніемъ сна—Каракозова пытали.

Одинъ изъ моихъ товарищей по корпусу, присутствовавшій на казни Каракозова, вмѣстѣ со своимъ кирасирскимъ полкомъ, разсказывалъ мнѣ: „Когда его вывезли изъ крѣпости, привязаннаго къ столбу на высокой платформѣ телѣги, прыгавшей по неровной поверхности гласиса, я думалъ вначалѣ, что везутъ вѣшать резиновую куклу. Я думалъ, что Каракозовъ, вѣрно, уже умеръ, и что вмѣсто него везутъ куклу. Представь себѣ, голова, руки висѣли, точно костей не было вовсе, или ихъ переломали. Страшно было смотрѣть. Но потомъ, когда два солдата сняли Каракозова изъ телѣги, онъ двигалъ ногами и употреблялъ всѣ усилія, чтобы безъ поддержки подняться на эшафотъ; такъ что это не была кукла, и онъ не былъ въ обморокѣ. Всѣ мы, офицеры, были очень поражены и не могли объяснить себѣ дѣло“. Я намекнулъ товарищу, что, быть можетъ, Каракозова пытали; онъ покраснѣлъ и сказалъ: „мы всѣ такъ думали!“

Конечно, одного даже лишенія сна, впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, было бы достаточно, чтобы объяснить то состояніе, въ которомъ находился въ день казни—Каракозовъ, человѣкъ, какъ извѣстно, очень сильный

духомъ. Могу только прибавить къ этому, что мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ Петропавловской крѣпости—по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ—а именно въ 1879 году, Адріану Сабурову—давали одуряющее пойло. Ограничился-ли Муравьевъ при примѣненіи пытки только такими средствами? Помѣшали-ли ему пойти дальше? Или никто не мѣшалъ? Этого я не знаю; но я слышалъ не разъ отъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, что при допросѣ Каракозова была примѣнена пытка.

Муравьевъ обѣщалъ искоренить всѣхъ радикаловъ въ Петербургѣ; а потому всѣ, имѣвшіе радикальное прошлое, трепетали теперь, страшась попасть въ лапы Вѣшателю. Больше всего сторонились они отъ молодежи, чтобы не запутаться какъ-нибудь въ опасное революціонное общество. Такимъ образомъ, пропасть открылась не только между „отцами и дѣтьми"—не только между двумя поколѣніями, но даже между людьми перевалившими за тридцать и тѣми, кто еще не достигъ этого возраста. Русская молодежь стояла теперь въ такомъ положеніи, что ей не только приходилось бороться съ отцами, которые защищали крѣпостные порядки, но что и старшіе братья отстранились отъ нея: они не захотѣли примкнуть къ ней въ ея тяготѣніи къ соціализму и боялись, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддержать ее въ борьбѣ за расширеніе политическихъ правъ. Встрѣчался ли прежде когда нибудь въ исторіи подобный примѣръ, чтобы горсти молодежи пришлось одной выступить на бой противъ такого могучаго врага,—оставляемой и отцами и старшими братьями,—тогда какъ эта молодежь только приняла горячо къ сердцу и попыталась осуществить въ жизни умственное наслѣдіе самихъ этихъ отцовъ и братьевъ? Велась ли когда-нибудь, гдѣ-нибудь борьба при такихъ трагическихъ условіяхъ?

VI.

Единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ Петербургской жизни было—движеніе среди молодежи обоего пола. Здѣсь слилось нѣсколько различныхъ теченій, и они образовали мощный агитаціонный потокъ, который вскорѣ принялъ подпольный и революціонный характеръ и на пятнадцать лѣтъ приковалъ къ себѣ вниманіе всей Россіи. Объ этомъ движеніи я скажу ниже. Теперь же остановлюсь на борьбѣ русскихъ женщинъ изъ-за высшаго образованія. Центромъ этого движенія былъ тогда Петербургъ.

Каждый день, когда молодая жена моего брата возвращалась съ педагогическихъ курсовъ, на которыхъ слушала лекціи, она сообщала намъ что нибудь новое объ оживленіи, господствовавшемъ тамъ. Тамъ шли горячіе толки объ открытіи для женщинъ особыхъ университетовъ и медицинскихъ курсахъ; устраивались лекціи и дебаты о школахъ и о различныхъ методахъ образованія, и тысячи женщинъ принимали въ нихъ горячее участіе, обсуждая разные частные вопросы въ своихъ кружкахъ. Появились общества переводчицъ, издательницъ, переплетчицъ и типографщицъ, въ которыхъ женщины съѣзжавшіяся въ Петербургъ и готовыя взяться за всякій трудъ, лишь бы добиться возможности получить высшее образованіе, могли бы получать занятіе. Словомъ, въ этихъ женскихъ кругахъ пульсъ жизни бился сильно и часто, представляя рѣзкую противоположность тому, что я видѣлъ въ другихъ сферахъ.

Когда выяснилось, что правительсто твердо рѣшило не допускать женщинъ въ существующіе университеты, онѣ употребили всѣ усилія, чтобы добиться открытія своихъ собственныхъ высшихъ курсовъ. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія имъ сказали, что дѣвушки, окончившія женскую гимназію, не имѣютъ достаточной подготовки для слушанья университетскихъ лекцій. „Отлично“, отвѣтили онѣ, „разрѣшите намъ, въ такомъ

случаѣ, устроить подготовительные курсы. Введите, какую хотите программу. Мы не просимъ даже денежной помощи отъ государства. Лишь дайте разрѣшеніе. Все остальное мы сдѣлаемъ сами". Но разрѣшенія, конечно, не дали.

Тогда женщины организовали въ различныхъ частяхъ Петербурга научные курсы въ частныхъ домахъ. Многіе профессора, сочувствовавшіе движенію, вызвались читать лекціи и, хотя сами люди не богатые, они предупредили основательницъ, что всякій намекъ о вознагражденіи сочтутъ за личное оскорбленіе. Затѣмъ, лѣтомъ, подъ руководствомъ профессоровъ университета, устраивались въ окрестностяхъ Петербурга геологическія и ботаническія экскурсіи, и большею частью, партіи состояли изъ женщинъ. На акушерскихъ курсахъ слушательницы убѣдили профессоровъ читать каждый предметъ гораздо полнѣе, чѣмъ требовалось по программѣ и добились преподаванія предметовъ, вовсе не входившихъ въ программу. Словомъ, женщины пользовались всякою возможностью, всякою брешью въ крѣпости, чтобы взять ее штурмомъ. Онѣ добились доступа въ анатомическій театръ профессора Грубера, и своими превосходными работами заручили на свою сторону стараго ученаго, для котораго анатомія была культомъ. И если онѣ узнавали, что какой нибудь профессоръ согласенъ допустить ихъ въ свою лабораторію по вечерамъ или по воскресеньямъ, — то немедленно пользовались этимъ случаемъ учиться.

Наконецъ, несмотря на все нежеланіе министерства, подготовительные курсы, подъ названіемъ педагогическихъ, открылись. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было воспретить будущимъ матерямъ изученіе методовъ воспитанія! Но такъ какъ методъ преподаванія ботаники, или естественныхъ наукъ вообще, нельзя изучать абстрактно, то вскорѣ въ программу педагогическихъ курсовъ вошли эти предметы, а потомъ и еще другіе.

Шагъ за шагомъ женщины расширяли свои права. Какъ только становилось извѣстно, что тотъ или другой

профессоръ въ Германіи собирается открыть свою аудиторію женщинамъ, какъ въ его двери уже стучались русскія слушательницы. Онѣ изучали право и исторію въ Гейдельбергѣ, математику въ Берлинѣ. Въ Цюрихѣ болѣе ста женщинъ и дѣвушекъ работали въ лабораторіяхъ университета и политехникума. Тамъ онѣ добились чего-то болѣе важнаго, чѣмъ докторскіе дипломы: а именно, уваженія лучшихъ профессоровъ, которые и высказывали его публично. Когда я пріѣхалъ въ Цюрихъ въ 1872 году и познакомился съ нѣкоторыми студентками, то былъ пораженъ тѣмъ, какъ молодыя дѣвушки въ политехникумѣ разрѣшали при помощи дифференціальнаго исчисленія сложныя задачи по теоріи теплоты или упругости — такъ легко, будто много лѣтъ учились математикѣ. Среди русскихъ дѣвушекъ, изучавшихъ математику въ Берлинѣ подъ руководствомъ Вейерштраса, была, какъ извѣстно, Софья Ковалевская, ставшая впослѣдствіи профессоромъ Стокгольмскаго университета. Кажется, она была первый профессоръ-женщина въ мужскомъ университетѣ — по крайней мѣрѣ въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Ковалевская была такъ молода, что въ Швеціи всѣ называли ее не иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ.

Александръ II ненавидѣлъ ученыхъ женщинъ. А между тѣмъ, несмотря на его нежеланіе; несмотря на оппозицію жандармовъ, изображавшихъ царю каждую учащуюся женщину революціонеркой; несмотря на громы противъ всего движенія и на гнусныя обвиненія, которыя Катковъ печаталъ въ каждомъ нумерѣ своей подлой газеты, — женщины все же добились открытія ряда курсовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили докторскіе дипломы за-границей, а въ 1872 году онѣ добились разрѣшенія открыть въ Петербургѣ высшіе медицинскіе курсы на частныя средства. Когда же правительство вызвало учащихся женщинъ изъ Цюриха, изъ страха, что онѣ будутъ знакомиться тамъ съ революціонерами и проводить революціонныя идеи на родинѣ, то оно вынуждено было открыть въ Россіи для нихъ высшіе курсы,

то-есть женскіе университеты, въ которыхъ скоро оказалось болѣе тысячи слушательницъ. Не поразительно ли, въ самомъ дѣлѣ, что несмотря на правительственное гоненіе на медицинскіе курсы, несмотря на временное закрытіе ихъ, въ Россіи теперь болѣе 670 женщинъ-врачей!

Безъ сомнѣнія, то было великое движеніе, изумительное по своимъ результатамъ и крайне поучительное вообще. Побѣда была одержана, благодаря той преданности народному дѣлу, которую проявили женщины. Онѣ проявили ее, какъ сестры милосердія во время крымской войны, впослѣдствіи—какъ учредительницы школъ, какъ земскія акушерки и фельдшерицы; и наконецъ, еще позже, онѣ стали сестрами милосердія и врачами въ тифозныхъ баракахъ во время русско-турецкой войны и здѣсь заслужили уваженіе не только военныхъ властей, но и самого Александра II, недружелюбно относившагося къ нимъ сначала. Я знаю двухъ женщинъ, которыя служили на войнѣ сестрами милосердія. Онѣ отправились съ чужими паспортами, такъ какъ ихъ усердно разыскивали жандармы. Одну изъ нихъ,—наиболѣе важную „преступницу“, принимавшую важное участіе въ моемъ побѣгѣ, — назначили даже старшей сестрой въ военномъ госпиталѣ, гдѣ подруга ея едва не умерла отъ тифа. Короче, женщины брались за всякое дѣло, съ какими бы трудностями оно ни было сопряжено, если только могли быть полезны народу. И такъ поступали не единичныя личности, а тысячи. Онѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, завоевали свои права.

Другой характерной чертой женскаго движенія было то, что въ немъ не образовалось упомянутой выше пропасти между двумя поколѣніями: старшихъ и младшихъ сестеръ. Во всякомъ случаѣ, черезъ оврагъ было немало мостиковъ. Тѣ женщины, которыя были первыми иниціаторами движенія, никогда не порывали потомъ связи съ младшими сестрами, даже тогда, когда послѣднія ушли гораздо дальше впередъ и стали придерживаться

крайнихъ взглядовъ. Онѣ преслѣдовали свои цѣли въ высшихъ сферахъ; онѣ держались въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ агитацій; но онѣ никогда не забывали, что сила движенія—въ массѣ болѣе молодыхъ женщинъ, большая часть которыхъ примкнула впослѣдствіи къ революціоннымъ кружкамъ. Эти вожаки женскаго движенія были—олицетвореніемъ корректности; я считалъ ихъ даже слишкомъ корректными; но онѣ не порывали съ молодыми студентками, типичными нигилистками по внѣшности: стриженными, безъ кринолиновъ, щеголявшими демократическими замашками. Отъ этой молодежи вожаки движенія держались немного въ сторонѣ; иногда даже отношенія обострялись; но онѣ никогда не отреклись отъ своихъ младшихъ сестеръ,—великое дѣло, скажу я, въ то время безумныхъ преслѣдованій.

Вожаки женскаго движенія, казалось, говорили болѣе демократической молодежи: „мы будемъ носить наши бархатныя платья и шиньоны, потому что намъ приходится имѣть дѣло съ глупцами, видящими въ нарядѣ признакъ политической благонадежности; но вы, дѣвушки, вольны въ вашихъ вкусахъ и наклонностяхъ". Когда русское правительство приказало студенткамъ, учившимся въ Цюрихѣ, возвратиться на родину, изящныя дамы-вожаки не отвернулись отъ нихъ. Онѣ только сказали правительству: „Вамъ это не нравится? Такъ откройте высшіе женскіе курсы въ Россіи. Иначе наши дѣвушки поѣдутъ заграницу въ еще большемъ числѣ и, конечно, будутъ вступать тамъ въ сношенія съ эмигрантами". Когда ихъ попрекали тѣмъ, что онѣ воспитываютъ революціонеровъ и грозили, что закроютъ высшіе женскіе курсы и академію, онѣ отвѣчали: „Да, многіе студенты становятся революціонерами; но развѣ изъ этого слѣдуетъ что надо закрыть всѣ университеты?" Какъ рѣдки политическіе вожаки, имѣющіе мужество не отвернуться отъ крайняго крыла своей собственной партіи!

Секретъ этой благоразумной и успѣшной тактики

объясняется тѣмъ, что ни одна изъ женщинъ, стоявшихъ во главѣ движенія, не была просто „феминисткой“, желавшей занять привилегированное положеніе въ обществѣ или въ государствѣ. Совсѣмъ напротивъ. Симпатіи большинства были на сторонѣ народа. Я помню живое участіе, которое принимала Стасова въ воскресныхъ школахъ 1861-го года, помню тѣ дружескія отношенія, которыя она и ея друзья завязывали среди дѣвушекъ-фабричныхъ, интересуясь тяжелой жизнью дѣвушекъ, ихъ борьбой съ жадными хозяевами. Помню также то горячее участіе, которое слушательницы педагогическихъ курсовъ приняли въ сельскихъ школахъ и въ трудахъ тѣхъ немногихъ, которымъ, какъ барону Корфу, на нѣкоторое время разрѣшали заниматься педагогической дѣятельностью среди народа. Помню также общественный духъ, которымъ были проникнуты эти курсы. Права, за которыя онѣ боролись—какъ вожаки, такъ и масса этихъ женщинъ—были вовсе не право на полученіе, лично для себя, высшаго образованія, а гораздо больше, несравненно больше, право быть полезными дѣятельницами среди массъ, среди народа. Въ этомъ и была причина ихъ успѣха.

VII

Въ послѣдніе годы здоровье нашего отца все ухудшалось. Когда мы пріѣхали, съ братомъ Александромъ, повидать его весной 1871 года, доктора сказали намъ, что онъ доживетъ только до первыхъ морозовъ. Онъ жилъ попрежнему въ Старой Конюшенной; но въ этомъ аристократическомъ кварталѣ произошли за послѣднее время большіе перемѣны. Богатые помѣщики, игравшіе здѣсь когда-то такую видную роль, исчезли. Они прокутили выкупныя свидѣтельства, заложили и перезаложили свои имѣнія въ только-что учрежденныхъ земельныхъ банкахъ, воспользовавшихся ихъ безпомощностью, а затѣмъ удалились въ свои имѣнія или въ провинціаль-

ные города, гдѣ и были забыты всѣми. Ихъ дома въ Старой Конюшенной достались богатымъ купцамъ, желѣзнодорожникамъ и тому подобнымъ „выскочкамъ“, тогда какъ въ каждой почти изъ старыхъ дворянскихъ семей новая жизнь боролась за свои права среди развалинъ старой. Единственными знакомыми отца оставались два-три старыхъ отставныхъ генерала, проклинавшихъ новшества и облегчавшихъ душу, предсказывая Россіи неминуемую гибель, да еще, можетъ быть, кто-нибудь изъ родни, случайно заглядывавшій къ нему, проѣздомъ черезъ Москву. Изо всѣхъ нашихъ многочисленныхъ родственниковъ, которыхъ было когда-то въ Москвѣ не меньше двадцати семействъ,—теперь въ столицѣ жило всего двѣ семьи, тоже увлеченныя потокомъ новой жизни: матери въ этихъ семьяхъ обсуждали съ дочерьми и сыновьями вопросы о народныхъ школахъ, или толковали о женскихъ курсахъ... Отецъ, конечно, глядѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Мачиха и младшая сестра Полина, нисколько не измѣнившіяся, по мѣрѣ силъ ухаживали за нимъ; но и онѣ тоже чувствовали себя неловко въ измѣнившейся средѣ.

Отецъ всегда былъ суровъ и въ высшей степени несправедливъ къ Александру; но Александръ отличался замѣчательной незлобивостью. Когда, со своей доброй улыбкой на губахъ и въ кроткихъ голубыхъ глазахъ, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ отецъ, и тотчасъ же нашелъ, что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы больному было удобнѣе,—причемъ все это выходило такъ просто и естественно, точно Александръ все время просидѣлъ въ комнатѣ больного,—отецъ былъ совершенно пораженъ. Онъ глядѣлъ на Александра, повидимому, ничего не понимая. Наше посѣщеніе внесло нѣсколько жизни въ мрачный, печальный домъ. Уходъ за больнымъ сталъ нѣсколько живѣе. Мачиха, Поля, даже прислуга—оживились, и отецъ сразу почувствовалъ перемѣну.

Одно, впрочемъ, смущало его. Онъ ожидалъ, что мы явимся, какъ блудные сыновья, съ мольбой о прощеніи и помощи. Но когда онъ обиняками завелъ разговоръ

о деньгахъ, мы весело отвѣтили ему: „Не безпокойтесь, папаша, мы отлично устроились". Это еще больше сбило его. Онъ совсѣмъ подготовился къ сценѣ, какъ бывало въ его время: сыновья просятъ прощенія и—денегъ.... Быть можетъ, одну минуту онъ испыталъ даже разочарованье, что ея не было; но зато потомъ онъ сталъ относиться къ намъ съ бо́льшимъ уваженіемъ. Разставаясь, мы всѣ трое были очень растроганы. Отца почти страшило возвращеніе къ мрачному одиночеству среди развалинъ строя, который онъ поддерживалъ всю жизнь. Но Александра ждала служба, а мнѣ необходимо было ѣхать въ Финляндію.

Осенью, когда меня вызвали по телеграфу изъ Финляндіи, я поспѣшилъ въ Москву, но пріѣхалъ уже къ отпѣванію—въ той самой красной церкви, въ которой крестили отца и отпѣвали бабушку. И слѣдуя за катафалкомъ, по знакомымъ мнѣ съ дѣтства улицамъ, я думалъ о совершившихся перемѣнахъ. Дома, мимо которыхъ шла процессія, мало измѣнились; но я зналъ, что въ каждомъ изъ нихъ началась новая жизнь.

Вотъ домъ, прежде принадлежавшій матери моего отца, затѣмъ — княгинѣ Мірской, а потомъ старожилу Старой Конюшенной — генералу N. Единственная его дочь упорно боролась два года съ добродушными, боготворившими ее, но упрямыми родителями изъ-за разрѣшенія посѣщать высшіе курсы. Наконецъ, дѣвушка побѣдила; но ее отправляли на курсы въ элегантной каретѣ, подъ надзоромъ маменьки, которая мужественно высиживала часы на скамейкахъ аудиторіи, вмѣстѣ съ слушательницами, рядомъ съ любимой дочкой. И, несмотря на бдительный надзоръ, дочь черезъ годъ или два присоединилась къ революціонному движенію, была арестована и просидѣла цѣлый годъ въ Петропавловской крѣпости.

Вотъ, напротивъ, домъ графовъ Z. Двѣ дочери ихъ, которымъ опротивѣла безполезная, безцѣльная, праздная жизнь, долго боролись съ родителями-самодурами изъ-за разрѣшенія присоединиться къ другимъ дѣвуш-

камъ, посѣщавшимъ курсы и чувствовавшимъ себя тамъ столь счастливыми. Борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ. Родители не уступали. Въ результатѣ, старшая сестра отравилась; тогда только младшей разрѣшили поступать, какъ ей угодно.

А вотъ и домъ, гдѣ мы прожили когда-то годъ. Здѣсь состоялось вскорѣ первое засѣданіе революціоннаго кружка, который мы съ Чайковскимъ основали въ Москвѣ. Я тотчасъ узналъ комнаты, памятныя мнѣ съ дѣтства, при совершенно другой обстановкѣ. Домъ принадлежалъ теперь роднымъ Наталіи Армфельдъ, трогательный портретъ которой далъ Кеннанъ, видѣвшій ее въ вольной командѣ на Карѣ.

А вотъ еще, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ которомъ скончался отецъ, небольшой сѣренькій домъ, гдѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца, я встрѣчалъ Степняка, переодѣтаго мужикомъ. Онъ только-что былъ арестованъ въ деревнѣ за соціалистическую пропаганду среди крестьянъ, но успѣлъ бѣжать и пріѣхалъ въ Москву.

Такія то перемѣны произошли въ барскомъ кварталѣ Старой Конюшенной за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Крѣпость стараго дворянства, и та не выдержала напора молодыхъ силъ.

VIII.

Ранней весной слѣдующаго года я въ первый разъ побывалъ за границей. Переѣзжая рубежъ, я испыталъ, даже сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ этого, то, что чувствуютъ всѣ русскіе, выѣзжающіе изъ Россіи. Пока поѣздъ мчится по мало населеннымъ сѣверо-западнымъ губерніямъ, испытываешь чувство, какъ будто пересѣкаешь пустыню. На сотни верстъ тянутся заросли, къ которымъ едва примѣнимо названіе лѣса. Тамъ и сямъ виднѣется жалкая деревушка, полузанесенная снѣгомъ. Но со въѣздомъ въ Пруссію все мѣняется сразу — и пейзажъ,

и люди. Изъ оконъ вагона видны чистенькія деревни и фермы, садики, мощеныя дороги; и чѣмъ дальше проникаешь въ Германію, тѣмъ контрастъ становится разительнѣе. Послѣ русскихъ городовъ, даже скучный Берлинъ кажется оживленнымъ.

А разница въ климатѣ! Два дня тому назадъ, когда я оставлялъ Петербургъ, все было покрыто снѣгомъ; здѣсь же, въ центральной Германіи, я ходилъ по платформѣ желѣзнодорожной станціи безъ пальто. Солнце припекало; почки уже налились, и цвѣты готовы были распуститься. А потомъ пошелъ Рейнъ, а еще дальше Швейцарія, залитая яркими лучами солнца, съ ея маленькими отелями, гдѣ завтракъ вамъ даютъ подъ открытымъ небомъ, въ виду снѣжныхъ горъ. До тѣхъ поръ, я никогда такъ ясно не представлялъ себѣ, что значитъ сѣверное положеніе Россіи, и какое вліяніе на ея исторію имѣло то обстоятельство, что центръ ея умственной жизни лежитъ на сѣверѣ, у самыхъ береговъ Финскаго залива. Только теперь я понялъ вполнѣ, почему Югъ всегда такъ привлекалъ русскихъ, почему они употребили такія невѣроятныя усилія, чтобы достигнуть Чернаго моря, и почему сибирскіе засельщики такъ упорно стремятся на Югъ, въ глубь Маньчжуріи.

Въ то время въ Цюрихѣ училось множество русскихъ студентовъ и студентокъ. Знаменитая Оберштрассе была настоящій русскій городокъ; русская рѣчь здѣсь преобладала. Студенты, а въ особенности студентки, жили такъ, какъ вообще живутъ русскіе учащіеся, то-есть на самыя ничтожныя средства. Чай, хлѣбъ, немного молока, маленькій ломтикъ мяса, зажаренный на спиртовой лампочкѣ, подъ оживленные разговоры про послѣднія событія въ соціалистическомъ мірѣ или по поводу прочитанной книги, — этимъ вполнѣ довольствовалась молодежь. Тѣ, которые имѣли больше денегъ, чѣмъ требовалось для подобной жизни, отдавали ихъ на общее дѣло: на библіотеку, на русскій революціонный журналъ, на швейцарскія рабочія газеты. Относительно нарядовъ публика была до крайности неприхотлива.

Но дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ?

и въ старомъ городѣ Цвингли русскія студентки какъ бы ставили населенію вопросъ: можетъ-ли быть такой простой нарядъ, который не присталъ бы дѣвушкѣ, когда она молода, умна и полна энергіи?

И вмѣстѣ съ тѣмъ русскія женщины работали упорно и настойчиво; такъ никогда еще не работали съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ университеты. Профессоры не переставали ставить женщинъ въ примѣръ студентамъ.

Уже много лѣтъ мнѣ страстно хотѣлось изучить все, касающееся Интернаціонала. Русскія газеты часто упоминали о немъ, но имъ не разрѣшалось писать ни о цѣляхъ, ни о дѣятельности Международнаго Союза Работниковъ. Я догадывался, что это должно быть великое движеніе, имѣющее богатое будущее; но я не могъ хорошо уловить его цѣли. Теперь, въ Швейцаріи, я рѣшился найти отвѣтъ на всѣ мои вопросы.

Интернаціоналъ находился тогда на высшей точкѣ своего развитія. Сороковые годы пробудили въ сердцахъ западно-европейскихъ работниковъ большія надежды. Лишь теперь мы узнаемъ, какую массу литературы распространили тогда среди пролетаріата соціалисты всѣхъ оттѣнковъ: христіанскіе и государственные соціалисты, фурьеристы, сэнсимонисты, овэнисты и такъ далѣе; и только теперь мы начинаемъ понимать, какъ глубоко было это движеніе; многое изъ того, что наше поколѣніе считаетъ своимъ открытіемъ было выражено уже тогда, подчасъ съ большею силою и большимъ пониманіемъ. Республиканцы, подъ словомъ „республика“, понимали тогда вовсе не демократическую организацію капитализма, какъ понимается это теперь, а нѣчто совершенно другое. Когда республиканцы говорили объ Европейскихъ Соединенныхъ Штатахъ, они подразумѣвали братство всѣхъ работниковъ, и орудія истребленія, обращенныя въ орудія производства, предоставленныя всѣмъ членамъ общества, — „мечи, перекованные въ орала“, „желѣзо, возвращенное работникамъ“, — какъ

говорилъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ Пьеръ Дюпонъ. Республиканцы стремились не только къ равенству предъ закономъ и къ равнымъ политическимъ правамъ, но, главнымъ образомъ, къ экономическому равенству. Даже націоналисты думали тогда о такой молодой Германіи, молодой Италіи и молодой Венгріи, которыя возьмутъ на себя починъ смѣлыхъ аграрныхъ и экономическихъ реформъ.

Разгромъ іюньскаго возстанія въ Парижѣ, пораженіе венгерской арміи Николаемъ I-мъ, и молодой Италіи — французами и австрійцами, потомъ мрачная политическая и умственная реакція, начавшаяся вскорѣ послѣ 1848-го года во всей Европѣ, — совершенно задавили громадное движеніе того времени, и въ послѣдующія двадцать лѣтъ люди просто забыли литературу соціалистовъ сороковыхъ годовъ, ихъ дѣятельность, и самые принципы экономической революціи и всеобщаго братства.

Но одна идея уцѣлѣла среди этого разгрома: мысль о братствѣ работниковъ всѣхъ странъ. Нѣсколько французскихъ изгнанниковъ продолжали проповѣдывать ее въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Англіи она жила среди учениковъ Роберта Оуэна. И въ 1862-мъ году, соглашеніе, состоявшееся между немногими англійскими работниками и французскими делегатами во время всемірной выставки, послужило отправною точкою для мощнаго движенія, которое вскорѣ распространилось по всей Европѣ, захвативъ милліоны представителей труда. Спавшія двадцать лѣтъ надежды снова пробудились, когда изъ Лондона раздался призывъ къ работникамъ „всѣхъ націй, религій, расъ, цвѣтовъ и половъ“ соединиться и заявить, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Они приглашались внести въ потокъ эволюціи человѣчества новую, мощную силу интернаціональной организаціи, борящейся — не во имя слащавой любви и милосердія, а во имя справедливости, которая неизбѣжно должна быть оказана людямъ, сознавшимъ свой идеалъ и цѣли жизни.

Въ 1868 и 1869 годахъ въ Парижѣ произошли двѣ стачки, до извѣстной степени поддержанныя небольшими суммами, присланными изъ за-границы—главнымъ образомъ, изъ Англіи. Хотя эти стачки, сами по себѣ, были назначительны, но онѣ, а вслѣдъ за тѣмъ преслѣдованіе Интернаціонала наполеоновскимъ правительствомъ, породили мощное движеніе, которое противопоставило соперничеству государствъ — единеніе всѣхъ работниковъ. Мысль о международномъ объединеніи всѣхъ отдѣльныхъ ремёслъ, и о борьбѣ противъ Капитала при международной поддержкѣ—увлекла всѣхъ, даже самыхъ индифферентныхъ рабочихъ. Какъ степной пожаръ, движеніе быстро охватило Францію, Италію и Испанію, и выставило впередъ великое множество развитыхъ, дѣятельныхъ и преданныхъ рабочихъ. Къ движенію присоединилось также нѣсколько выдающихся личностей обоего пола изъ высшихъ классовъ. Въ Европѣ съ каждымъ днемъ крѣпла сила, существованіе которой до тѣхъ поръ даже не подозрѣвалось. И если бы движеніе не было задержано франко-прусской войной, въ Европѣ произошли бы, вѣроятно, великія событія, которыя ускорили бы прогрессъ и измѣнили характеръ нашей цивилизаціи. Но сокрушившая Францію побѣда Германіи создала ненормальныя условія. Она на двадцать-пять лѣтъ затормозила нормальное развитіе Франціи и породила періодъ военщины, изъ котораго мы до сихъ поръ еще не выбились.

Въ то время среди работниковъ были въ ходу всякія полумѣры, предлагавшіяся для разрѣшенія великаго соціальнаго вопроса: потребительныя и производительныя общества, поддержанныя государствомъ, народные банки, даровой кредитъ и такъ далѣе. Проекты всѣхъ этихъ полумѣръ вносились, одинъ за другимъ, въ „секціи“ Международнаго Союза, затѣмъ въ мѣстные, окружные, національные и интернаціональные Съѣзды, и горячо обсуждались. Вмѣсто всѣхъ этихъ полумѣръ выростала идея великой Соціальной Революціи. Каждый

годичный съѣздъ Союза знаменовалъ собою новый шагъ впередъ въ развитіи вопроса, который стоитъ теперь предъ нашимъ поколѣніемъ и грозно требуетъ разрѣшенія. До настоящаго времени, никѣмъ еще не была сдѣлана должная оцѣнка всѣхъ тѣхъ умныхъ, научновѣрныхъ и глубокихъ мыслей (всѣ онѣ были результатомъ *коллективнаго* мышленія работниковъ), которыя были высказаны на этихъ конгрессахъ. Достаточно сказать—и въ этомъ не будетъ никакого преувеличенія,—что всѣ проекты преобразованія общества, извѣстные теперь подъ названіемъ „научнаго соціализма“ и „анархизма“ имѣютъ свое начало въ дебатахъ конгрессовъ и въ различныхъ докладахъ интернаціонала. Немногіе образованные люди, присоединившіеся къ движенію, только облекли въ теоретическую форму желанія и критику дѣйствительности, высказыванныя рабочими въ секціяхъ Международнаго Союза и на его конгрессахъ.

Война 1870—71 годовъ замедлила, но не прекратила развитіе Союза. Во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Швейцаріи продолжали существовать многочисленныя и оживленныя секціи Интернаціонала, и тысячи работниковъ посѣщали ихъ засѣданія, на которыхъ объявлялась война существующей системѣ частнаго владѣнія землей и фабриками, и провозглашалось, что близокъ конецъ капиталистическаго строя. Въ различныхъ мѣстахъ Швейцаріи устраивались мѣстные конгрессы, и на каждомъ изъ нихъ обсуждались наиболѣе животрепещущіе и трудные вопросы современнаго общественнаго строя, причемъ знаніе предмета и широта постановки вопросовъ пугали буржуазію едва-ли не больше, чѣмъ увеличивающееся число членовъ въ секціяхъ и федераціяхъ Интернаціонала. Соперничество и зависть, всегда существовавшія между привилегированными работниками (часовщиками, ювелирами) и представителями болѣе грубыхъ производствъ (напримѣръ, ткачами) и препятствовавшія до тѣхъ поръ объединенію,—исчезли мало-по-малу. Работники все съ большею и большею силою заявляли, что изъ всѣхъ перегородокъ, настроенныхъ въ совре-

менномъ обществѣ, самая главная и самая вредная та, которая дѣлитъ общество на обладателей капитала и на пролетаріевъ, обреченныхъ въ силу своей прирожденной бѣдности навсегда оставаться производителями богатства для капиталистовъ.

Италія, въ особенности средняя и сѣверная, была тогда покрыта секціями Интернаціонала; и въ нихъ открыто заявлялось, что національное единство Италіи, изъ-за котораго такъ долго боролись патріоты—оказалось чистою иллюзіею. Народъ призывали теперь произвести собственную революцію: забрать земли для крестьянъ и фабрики для работниковъ, и уничтожить гнетъ централизованнаго государства, исторической миссіей котораго всегда было поддерживать эксплуатацію человѣка человѣкомъ.

Въ Испаніи, секціи Интернаціонала во множествѣ возникли въ Каталоніи, Валенціи и Андалузіи. Онѣ поддерживались сильными рабочими союзами въ Барцелонѣ, которые уже тогда добились восьмичасового дня въ строительномъ дѣлѣ. Интернаціоналъ насчитывалъ въ Испаніи не меньше восьмидесяти тысячъ платящихъ членовъ. Въ него вошли всѣ дѣятельные и энергичные элементы общества. Нежеланіемъ вмѣшиваться въ политическія интриги 1871—72 годовъ они расположили къ себѣ громадную массу населенія. Отчеты о провинціальныхъ и національныхъ конгрессахъ въ Испаніи и ихъ манифесты всегда были образцами строгой логики въ критикѣ существующаго строя и превосходнѣйшими изложеніями идеаловъ рабочаго класса.

То же самое движеніе распространялось въ Бельгіи, Голландіи и даже въ Португаліи. Лучшіе элементы бельгійскихъ ткачей и углекоповъ присоединились къ Интернаціоналу. Въ Англіи, трэдъ-юніоны, извѣстные своимъ консерватизмомъ, присоединились къ движенію, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ,—то-есть, еще не признавая себя соціалистами, рабочіе союзы выразили готовность поддерживать своихъ братьевъ на континентѣ въ борьбѣ съ капиталомъ, въ особенности во время ста-

чекъ. Въ Германіи соціалисты заключили союзъ съ многочисленными послѣдователями Лассаля и, такимъ образомъ, заложенъ былъ фундаментъ соціалъ-демократической партіи. Австрія и Венгрія шли тѣмъ же путемъ. Во Франціи, послѣ пораженія Коммуны и наступившей вслѣдъ за тѣмъ реакціи, никакая организація Интернаціонала не была возможна (противъ членовъ ассоціаціи изданы были драконовскіе законы); но всѣ, тѣмъ не менѣе, были убѣждены, что вскорѣ Франція не только присоединится къ движенію, но даже станетъ во главѣ его.

По пріѣздѣ въ Цюрихъ, я вступилъ въ одну изъ мѣстныхъ секцій Интернаціонала и спросилъ своихъ русскихъ пріятелей, по какимъ источникамъ можно познакомиться съ великимъ движеніемъ, начавшимся въ другихъ странахъ. „Читайте“, сказали мнѣ, и одна моя родственница, учившаяся тогда въ Цюрихѣ, принесла мнѣ цѣлую кипу книгъ, брошюръ и газетъ за послѣдніе два года. Я читалъ цѣлые дни и ночи напролетъ, и вынесенное мною впечатлѣніе было такъ глубоко, что никогда ничѣмъ не изгладится. Потокъ новыхъ мыслей, зародившихся во мнѣ, связывается въ моей памяти съ маленькой, чистенькой комнаткой на Оберштрассе, изъ окна которой видно было голубое озеро, высокіе шпили стараго города,—свидѣтеля столькихъ ожесточенныхъ религіозныхъ споровъ, и го́ры на другомъ берегу, гдѣ швейцарцы боролись за свою независимость.

Соціалистическая литература никогда не была богата книгами. Она писана для рабочихъ, у которыхъ и нѣсколько копѣекъ уже деньги, да и времени мало на чтеніе, послѣ долгаго рабочаго дня. Поэтому она состоитъ преимущественно изъ брошюръ и газетъ. Къ тому же, желающій ознакомиться съ соціализмомъ, мало найдетъ въ книгахъ того, что больше всего ему нужно узнать. Въ книгахъ изложены теоріи и научная аргументація соціализма; но онѣ не даютъ понятія о томъ, какъ работники принимаютъ соціалистическіе идеалы, и какъ послѣдніе могутъ быть осуществлены на прак-

тикѣ. Остается взять кипы газетъ и читать ихъ отъ доски до доски: хронику, передовыя статьи и все остальное; первая даже важнѣе передовыхъ.

Зато совершенно новый міръ соціальныхъ отношеній и совершенно новые методы мышленія и дѣйствія раскрываются во время этого чтенія, которое даетъ именно то, чего ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не узнаешь: а именно, объясняетъ глубину и нравственную силу движенія, и показываетъ насколько люди проникнуты новыми теоріями, насколько работники подготовлены провести идеи соціализма въ жизнь и пострадать за нихъ. Всего этого другимъ чтеніемъ нельзя узнать; а потому всѣ толки теоретиковъ о непримѣнимости соціализма и о необходимости медленнаго развитія имѣютъ мало значенія, потому что о быстротѣ эволюціи можно судить лишь на основаніи близкаго знакомства съ людьми, объ эволюціи которыхъ мы говоримъ. Можно-ли узнать сумму, если намъ неизвѣстны ея слагаемыя?

Чѣмъ больше я читалъ, тѣмъ сильнѣе я убѣждался, что предо мною—новый для меня міръ, совершенно неизвѣстный ученымъ авторамъ соціологическихъ теорій. Міръ этотъ я могъ изучить, только проживши среди рабочаго Интернаціонала и присматриваясь къ его повседневной жизни. Поэтому я рѣшилъ посвятить такому изученію нѣсколько мѣсяцевъ. Мои русскіе знакомые одобрили мой планъ, и, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Цюрихѣ, я отправился въ Женеву, которая была крупнымъ центромъ Интернаціонала.

Женевскія секціи собирались тогда въ огромномъ массонскомъ храмѣ, Temple Unique. Во время большихъ митинговъ просторный залъ могъ вмѣстить болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. По вечерамъ же, всякаго рода комитеты и секціи засѣдали въ боковыхъ комнатахъ, гдѣ читались также курсы исторіи, физики, механики и такъ далѣе. Очень немногіе интеллигентные люди, приставшіе къ движенію, большею частью, французскіе эмигранты-коммунары,—учили даромъ работниковъ. Храмъ

служилъ, такимъ образомъ, и народнымъ университетомъ и форумомъ.

Однимъ изъ главныхъ руководителей въ массонскомъ храмѣ былъ Николай Утинъ, образованный, ловкій и дѣятельный человѣкъ. Душой же всего являлась симпатичная русская женщина, которую работники величали m-me Olga. Она дѣятельнѣе всѣхъ работала во всѣхъ комитетахъ. Утинъ и m-me Olga приняли меня очень радушно, познакомили со всѣми выдающимися работниками различныхъ секцій, организованныхъ по ремесламъ, и приглашали на комитетскія собранія. Я побывалъ и на этихъ собраніяхъ, но гораздо болѣе предпочиталъ имъ среду самихъ рабочихъ. За стаканомъ кислаго вина, я просиживалъ подолгу вечеромъ въ залѣ у какого-нибудь столика, среди работниковъ, и скоро подружился съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ особенности, съ однимъ каменщикомъ эльзасцемъ, покинувшимъ Францію послѣ коммуны. У него были дѣти: двое изъ нихъ—въ возрастѣ дѣтей брата, недавно ушершихъ скоропостижно. Я скоро сдружился съ дѣтьми, а черезъ нихъ и съ родителями. Теперь я могъ наблюдать жизнь движенія изнутри и лучше понимать, какъ смотрѣли на него сами работники. Они всѣ свои надежды основали на Интернаціоналѣ. Молодые и старые спѣшили послѣ работы въ Temple Unique, чтобы подобрать тамъ крупицы знанія или послушать ораторовъ, говорившихъ о великой будущности. Затаивъ дыханіе, они слушали про строй, который будетъ основанъ на общности орудій производства, на полномъ братствѣ, безъ различія сословій, расъ и національностей. Всѣ вѣрили, что такъ или иначе вскорѣ наступитъ великая соціальная революція, которая совершенно измѣнитъ экономическія условія. Никто не желалъ междоусобной войны; но всѣ говорили, что если правящіе классы сдѣлаютъ ее неизбѣжной, своимъ слѣпымъ упрямствомъ, то нужно будетъ воевать, лишь бы только борьба принесла съ собой благоденствіе и свободу угнетеннымъ.

Нужно было жить среди работниковъ, чтобы понять,

какое вліяніе имѣлъ на нихъ быстрый ростъ Интернаціонала, какъ вѣрили они въ движеніе, съ какой любовью говорили про него, и какія дѣлали для него жертвы. Изо дня въ день, изъ года въ годъ, тысячи работниковъ жертвовали своимъ временемъ и деньгами, чтобы поддержать свою секцію, основать газету, покрыть расходы по устройству какого-нибудь національнаго или международнаго конгресса,—чтобы помочь товарищамъ, пострадавшимъ за Ассоціацію или просто, чтобы присутствовать на собраніяхъ и манифестаціяхъ. Глубокое впечатлѣніе произвело также на меня то облагораживающее вліяніе, которое имѣлъ Интернаціоналъ. Большинство парижскихъ интернаціоналистовъ не пили спиртныхъ напитковъ, и всѣ оставили куреніе. „Зачѣмъ я стану потакать этой слабости?"—говорили они. Все мелкое, низменное исчезло, уступая мѣсто величественному и возвышенному.

Посторонніе наблюдатели совершенно неспособны понять, какія жертвы приносятъ рабочіе, чтобы поддерживать движеніе. Требовалось не мало мужества, чтобы открыто присоединиться къ какой-нибудь секціи интернаціонала; это значило возстановить противъ себя хозяина и, по всей вѣроятности, получить расчетъ при первомъ удобномъ случаѣ, а слѣдовательно—долгіе мѣсяцы безработицы. Даже при лучшихъ условіяхъ, присоединеніе къ рабочему союзу, или къ той или другой крайней партіи, требуетъ цѣлаго ряда безпрерывныхъ жертвъ. Даже тѣ нѣсколько копеекъ, которыя европейскій работникъ даетъ на общее дѣло, чувствительно отзываются на его бюджетѣ. А между тѣмъ не мало копеекъ ему приходится давать каждую недѣлю. Частое посѣщеніе собраній тоже представляетъ собою нѣкоторую жертву. Для насъ является даже удовольствіемъ провести вечеръ на митингѣ; но работникъ, трудовой день котораго начинается въ пять или шесть часовъ утра, долженъ отнять нѣсколько часовъ у своего отдыха, чтобы провести вечеръ на собраніи, далеко отъ своей квартиры.

Для меня этотъ рядъ непрерывныхъ жертвъ служилъ постояннымъ укоромъ. Я видѣлъ, какъ жадно стремились работники къ образованію, а между тѣмъ, число добровольныхъ учителей было такъ ничтожно, что было отъ чего прійти въ отчаяніе. Я видѣлъ, какъ нуждаются трудящіяся массы въ помощи образованныхъ людей, обладающихъ досугомъ, для устройства и развитія ихъ организацій. Но—какъ ничтожно было число буржуа, являвшихся съ безкорыстнымъ предложеніемъ своихъ услугъ, безъ желанія извлечь извѣстныя личныя выгоды изъ самой безпомощности народа! Все больше и больше я чувствовалъ, что обязанъ посвятить себя всецѣло массамъ. Степнякъ, въ своемъ „Андреѣ Кожуховѣ“, говоритъ, что каждый революціонеръ переживаетъ въ жизни такой моментъ, когда какія нибудь обстоятельства, иногда ничтожныя сами по себѣ, заставляютъ его дать себѣ клятву беззавѣтно отдаться революціонной дѣятельности. Я знаю этотъ моментъ и пережилъ его послѣ одного собранія въ Temple Unique, когда почувствовалъ особенно сильно, какъ трусливы образованные люди, медлящіе отдать массамъ свои знанія, энергію и дѣятельность, въ которыхъ народъ такъ нуждается. „Вотъ люди, — думалъ я, — сознавшіе свое рабство и стремящіеся освободиться отъ него. Но гдѣ же помощники имъ? Гдѣ тѣ, которые придутъ служить массамъ, а не для того, чтобы пользоваться ими ради собственнаго честолюбія“?

Мало по малу, зарождалось во мнѣ также сомнѣніе насчетъ искренности пропаганды, которая велась въ Temple Unique. Разъ вечеромъ, хорошо извѣстный женевскій адвокатъ А. явился на собраніе и заявилъ, что если онъ до сихъ поръ не присоединился къ Интернаціоналу, то только потому, что ему необходимо было устроить предварительно свои собственныя денежныя дѣла. Такъ какъ теперь онъ этого достигъ, то намѣренъ пристать къ рабочему движенію. Меня поразилъ цинизмъ этого заявленія, и я сообщилъ свои мысли моему пріятелю каменщику. Оказалось, что на предыдущихъ

выборахъ адвокатъ искалъ поддержку радикальной партіи, но былъ разбитъ. Теперь онъ думалъ выѣхать на рабочей партіи. „Покуда мы принимаемъ услуги подобныхъ господъ“,—прибавилъ мой пріятель; „но послѣ соціальной революціи нашимъ первымъ дѣломъ будетъ вышвырнуть ихъ за бортъ“.

Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, поспѣшно былъ созванъ митингъ,—для протеста, какъ говорили, противъ „Journal de Genève“. Эта газета богатыхъ классовъ въ Женевѣ писала, что въ Temple Unique затѣвается что-то недоброе, и что строительныя ремесла подготовляютъ такую же общую стачку, какъ и въ 1869 году. Поэтому, вожди Temple Unique созвали сходку. Тысячи работниковъ наполнили залъ, и Утинъ предложилъ имъ принять резолюцію, формулировка которой показалась мнѣ очень странной: собраніе приглашалось, „съ негодованіемъ протестовать“ противъ невинной, по-моему, замѣтки, что работники собираются устроить стачку. „Почему же эту замѣтку хотятъ назвать клеветой?“ — недоумѣвалъ я. „Развѣ въ стачкѣ есть нѣчто преступное?“ Утинъ, между тѣмъ, торопился и закончилъ свою рѣчь словами: „Если вы, граждане, согласны съ моимъ предложеніемъ, я пошлю его сейчасъ же для напечатанія“. Онъ уже готовъ былъ сойти съ платформы, когда кто то замѣтилъ, что не мѣшало бы, однако, сперва обсудить вопросъ; и тогда одинъ за другимъ поднялись представители различныхъ строительныхъ ремеслъ, заявляя, что въ послѣднее время заработная плата была такъ низка, что нельзя жить; что къ веснѣ предвидится много работы, и что этимъ обстоятельствомъ рабочіе хотятъ воспользоваться, чтобы поднять заработокъ. Если же предприниматели не согласятся, то работники немедленно начнутъ стачку.

Я былъ въ ярости и на другой день сталъ попрекать Утина за его предложеніе. „Какъ же это возможно“? — говорилъ я. „Какъ вожакъ, вы *должны* были знать, что стачка дѣйствительно подготовлялась“. По наивности я не понялъ даже истинныхъ мотивовъ вожаковъ, и

самъ Утинъ объяснилъ мнѣ, что „стачка гибельно отозвалась бы на выборахъ адвоката А“.

А не могъ согласить этихъ махинацій вожаковъ съ тѣми пламенными рѣчами, которыя они произносили съ платформы. Я былъ вполнѣ разочарованъ и сказалъ Утину, что хочу познакомиться съ „бакунистами“, или „федералистами“, то-есть съ другой женевской секціей Интернаціонала. Слово „анархизмъ“, тогда еще мало употреблялось. Утинъ тотчасъ же далъ мнѣ записку, съ которой я могъ пойти къ Николаю Жуковскому, принадлежавшему къ „бакунистамъ“; затѣмъ онъ долго смотрѣлъ на меня и сказалъ со вздохомъ: „да, вы больше не вернетесь къ намъ; вы у нихъ останетесь“.—Онъ былъ совершенно правъ.

IX.

Я поѣхалъ сперва въ Нефшатель и провелъ затѣмъ около недѣли среди часовщиковъ въ юрскихъ горахъ. Такимъ образомъ я впервые познакомился съ знаменитой юрской федераціей, которая впослѣдствіи играла такую видную роль въ развитіи соціализма, введя въ него принципъ отрицанія правительства, или анархіи.

Въ 1872 году юрская федерація возстала противъ авторитета генеральнаго совѣта Интернаціонала. Великій международный союзъ былъ вполнѣ рабочимъ движеніемъ; и сами рабочіе такъ и смотрѣли на него, вовсе не считая свой Союзъ политической партіей. Въ восточной Бельгіи, напримѣръ, работники внесли въ уставъ параграфъ, въ силу котораго не занимающійся ручнымъ трудомъ не могъ быть членомъ секціи. Даже нарядчики не допускались. Кромѣ того, рабочіе были вполнѣ федералисты. Каждая нація, каждая отдѣльная область и даже каждая отдѣльная секція должны были пользоваться полною самобытностью развитія. Но буржуазные революціонеры старой школы, вступившіе въ Интернаціоналъ и проникнутые понятіями о централизованныхъ, пира-

мидальныхъ тайныхъ обществахъ прежнихъ временъ, ввели тѣ же понятія въ международный союзъ рабочихъ.

Кромѣ федеральныхъ и національныхъ Совѣтовъ, былъ назначенъ въ Лондонѣ Генеральный совѣтъ, который становился посредникомъ между различными національностями. Марксъ и Энгельсъ были его руководителями. Скоро, однако, выяснилось, что самый фактъ существованія подобнаго центральнаго совѣта влечетъ за собою весьма большія неудобства. Генеральный совѣтъ не удовольствовался ролью центральнаго бюро для сношеній. Онъ стремился захватить все движеніе въ свои руки,—то одобряя, то порицая дѣятельность, не только различныхъ секцій и федерацій, но и отдѣльныхъ членовъ. Когда началось возстаніе коммунистовъ въ Парижѣ, и вождямъ приходилось лишь слѣдовать за движеніемъ, не зная, куда оно ихъ приведетъ на слѣдующій день—Генеральный совѣтъ непремѣнно хотѣлъ руководить ходомъ дѣлъ, сидя въ Лондонѣ. Онъ требовалъ ежедневныхъ рапортовъ, отдавалъ приказы, одобрялъ, дѣлалъ внушенія и такимъ образомъ наглядно доказывалъ, какъ невыгодно даже Ассоціаціи имѣть правительственное ядро. Невыгода стала еже болѣе очевидна, когда послѣ тайнаго съѣзда въ 1871 году, Генеральный совѣтъ, поддерживаемый немногими делегатами, рѣшилъ поворотить всѣ силы Интернаціонала на выборную агитацію. Многіе увидали тогда всю нежелательность правительства, какъ бы демократично ни было его происхожденіе. Такъ начинался современный анархизмъ, и Юрская Федерація стала центромъ его развитія.

Въ юрскихъ горахъ не было того разобщенія между вожаками и работниками, которое я замѣтилъ въ Женевѣ, въ Temple Unique. Конечно, нѣкоторые члены были болѣе развиты, а, главное, болѣе дѣятельны, чѣмъ другіе; но этимъ и ограничивалась вся разница. Джемсъ Гильомъ, одинъ изъ наиболѣе умныхъ и широко образованныхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ,—служилъ

корректоромъ и управляющимъ въ маленькой типографіи. Зарабатывалъ онъ этимъ такъ мало, что долженъ былъ еще по ночамъ переводить съ нѣмецкаго на французскій языкъ романы.

Когда я пріѣхалъ въ Нефшатель, Гильомъ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что не можетъ удѣлить нашей бесѣдѣ больше часа или двухъ. Ихъ типографія въ тотъ день выпускала первый нумеръ мѣстной газеты, и Гильомъ не только редактировалъ и корректировалъ ее, но долженъ былъ еще надписывать по три тысячи адресовъ для первыхъ нумеровъ и заклеивать бандероли.

Я вызвался помочь ему писать адреса; но ничего не выходило. Гильомъ хранилъ адреса или въ памяти, или отмѣчалъ ихъ одной, двумя буквами на лоскуткахъ бумаги.

— Нечего дѣлать,—сказалъ я.—Въ такомъ случаѣ я приду послѣ обѣда въ типографію и стану заклеивать бандероли, а вы удѣлите мнѣ то время, которое я вамъ сберегу.

Мы поняли другъ друга, обмѣнялись крѣпкими рукопожатіями, и съ этого времени у насъ завязалась крѣпкая дружба. Мы провели нѣсколько часовъ въ типографіи. Гильомъ надписывалъ адреса, я — заклеивалъ бандероли, а одинъ изъ наборщиковъ — коммунаръ — болталъ съ нами обоими, быстро набирая въ то же время какую то повѣсть. Бесѣду онъ пересыпалъ фразами изъ набираемаго оригинала, которыя прочитывалъ вслухъ. Выходило приблизительно такъ.

— На улицахъ началась жаркая схватка.... „Дорогая Марія, люблю тебя....“ Работники были разъярены и на Монмартрѣ дрались, какъ львы.... „И онъ упалъ предъ ней на колѣни....“ И они отстаивали свое предмѣстье цѣлыхъ четыре дня. Мы знали, что Галифэ разстрѣливаетъ всѣхъ плѣнныхъ и, поэтому, дрались съ еще большимъ упорствомъ“. И такъ далѣе. Рука его быстро летала по кассѣ.

Было уже очень поздно, когда Гильомъ снялъ наконецъ рабочую блузу. И тогда мы могли побесѣдовать по душѣ

часа два, пока ему не пришла пора снова приняться за работу. Онъ редактировалъ „Бюллетень“ юрской федераціи.

Въ Нефшателѣ я познакомился также съ Малономъ. Онъ родился въ деревнѣ и въ молодости былъ пастухомъ. Впослѣдствіи онъ перебрался въ Парижъ, гдѣ и выучился ремеслу: плести корзины. Вмѣстѣ съ переплетчикомъ Варлэномъ и столяромъ Пэнди, онъ сталъ всѣмъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Интернаціонала, въ періодъ преслѣдованія его наполеоновскимъ правительствомъ (въ 1869 году). Эти трое положительно полонили сердца парижскихъ работниковъ, и когда началось возстаніе коммуны, Варлэнъ, Пэнди и Малонъ подавляющимъ большинствомъ были избраны членами въ Совѣтъ Коммуны. Малонъ былъ также мэромъ одного изъ парижскихъ округовъ. Теперь, когда я съ нимъ познакомился въ Швейцаріи, онъ перебивался плетеніемъ корзинъ. За нѣсколько су въ мѣсяцъ онъ снималъ за городомъ, на склонѣ горы, небольшой открытый навѣсъ, откуда, во время работы, могъ любоваться великолѣпнымъ видомъ на Нефшательское озеро. Ночью же онъ писалъ письма и статьи для рабочихъ газетъ и составлялъ книгу о коммунѣ. Такимъ образомъ, понемногу онъ сталъ писателемъ.

Я навѣщалъ его каждый день, чтобы послушать разсказовъ о коммунѣ этого широколицаго, трудолюбиваго слегка поэтическаго, спокойнаго и чрезвычайно добродушнаго революціонера. Онъ принималъ дѣятельное участвіе въ возстаніи и теперь заканчивалъ книгу о немъ, подъ заглавіемъ: „Третье пораженіе французскаго пролетаріата“.

Разъ утромъ, когда я взобрался къ навѣсу, сіяющій Малонъ встрѣтилъ меня восклицаніемъ: „А знаете, Пэнди живъ! Вотъ письмо отъ него. Онъ въ Швейцаріи!“ Про Пэнди ничего не было слышно съ 25-го или 26-го мая, когда его видѣли въ послѣдній разъ въ Тюльери. Думали, что онъ разстрѣлянъ, между тѣмъ, какъ онъ все это время скрывался въ Парижѣ. Не пе-

реставая гнуть ивнякъ, Малонъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ лишь порой слышалась дрожь, разсказывалъ мнѣ, сколько человѣкъ версальцы разстрѣляли, принимая ихъ за Пэнди, за Верлэна, или за него самого. Онъ передалъ мнѣ, что зналъ про смерть переплетчика Варлэна, котораго парижскіе работники боготворили, про стараго Делеклюза, не желавшаго пережить новаго пораженія, и про многихъ другихъ. Всѣ ужасы кроваваго карнавала, которымъ богатые классы отпраздновали свое возвращеніе въ Парижъ, проходили предо мною; а затѣмъ—духъ мщенія, вызванный ими въ толпѣ, предводимой Раулемъ Риго, которая и разстрѣляла заложниковъ коммуны.

Губы Малона дрожали, когда онъ говорилъ мнѣ про героизмъ парижскихъ мальчугановъ, и слезы закапали у него изъ глазъ, когда онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Одного мальчика версальцы собрались разстрѣлять. Передъ смертью мальчикъ обратился къ офицеру съ просьбой, позволить ему снести серебряные часы матери, жившей неподалеку. Тогда офицеръ, изъ жалости, далъ разрѣшеніе, — надѣясь, вѣроятно, что мальчикъ не возвратится. Но черезъ четверть часа маленькій герой прибѣжалъ и, ставши у стѣны среди труповъ, крикнулъ имъ: „я готовъ“. Двѣнадцать пуль пресѣкли его молодую жизнь.

Кажется, никогда я не испыталъ такого нравственнаго страданія, какъ при чтеніи ужасной книги, „Le Livre Rouge de la Justice Rurale“. Она была составлена исключительно изъ парижскихъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ „Standard“, „Daily Telegraph“ и „Times“, въ концѣ мая 1871 года, въ которыхъ говорилось объ ужасахъ, свершенныхъ версальцами подъ начальствомъ Галифэ, а также приводились выдержки изъ „Figaro“, пропитанныя кровожадностью по отношенію къ инсургентамъ. Мною овладѣвало мрачное отчаяніе. И оно сохранилось бы, если бы впослѣдствіи, въ побѣжденныхъ, пережившихъ всѣ ужасы, я не видѣлъ полное отсутствіе ненависти, вѣру въ окончательное торжество

идеала,—спокойный, хотя грустный взглядъ, обращенный къ будущему; стремленіе забыть кошмаръ прошлаго; словомъ, всѣ тѣ черты, которыя поражали меня, не только въ Малонѣ, но собственно, во всѣхъ коммунарахъ, жившихъ при мнѣ въ Женевѣ, а также во всѣхъ тѣхъ, кого я встрѣтилъ впослѣдствіи: Луизѣ Мишель, Лефрансэ, Элизэ Реклю и другихъ.

Изъ Нефшателя я поѣхалъ въ Сонвилье. Здѣсь, въ маленькой долинѣ среди юрскихъ горъ, разбросанъ рядъ городковъ и деревень, французское населеніе которыхъ тогда исключительно было занято различными отраслями часового дѣла. Цѣлыя семьи работали сообща въ мастерскихъ. Въ одной изъ нихъ я познакомился съ другимъ вожакомъ, Адэмаромъ Швицгебелемъ, съ которымъ впослѣдствіи очень сблизился. Я нашелъ его въ мастерской, среди десятка другихъ молодыхъ людей, гравировавшихъ крышки золотыхъ и серебряныхъ часовъ. Меня пригласили присѣсть на скамьѣ или на столѣ и скоро у насъ завязался оживленный разговоръ о соціализмѣ, о томъ, нужно ли или не нужно правительство, о приближающемся конгрессѣ.

Въ тотъ вечеръ бушевала жестокая мятель. Снѣгъ слѣпилъ насъ, а холодъ „вымораживалъ кровь въ жилахъ“, покуда мы плелись до ближайшей деревни. Но, несмотря на мятель, изъ сосѣднихъ городковъ и деревень собралось около пятидесяти часовщиковъ, главнымъ образомъ, все пожилые люди. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось пройти до десяти верстъ, и все-таки они не захотѣли пропустить маленькаго неочереднаго собранія, созваннаго на тотъ вечеръ.

Самой организаціей часового дѣла, дающей возможность людямъ отлично узнать другъ друга и работать на дому, гдѣ они могутъ свободно бесѣдовать, — объясняется, почему въ умственномъ развитіи мѣстное населеніе стоитъ выше, чѣмъ работники, проводящіе съ дѣтства всю свою жизнь на фабрикахъ. Юрскіе часовщики, дѣйствительно, отличаются бо̀льшею самобытностью и бо̀льшею независимостью. Но также и отсут-

ствіемъ раздѣленія на вожаковъ и рядовыхъ, объяснялось то, что каждый изъ членовъ федераціи стремился къ тому, чтобы самому выработать собственный взглядъ на всякій вопросъ. Здѣсь, работники не представляли стада, которымъ вожаки пользовались бы для своихъ политическихъ цѣлей. Вожаки здѣсь просто были болѣе дѣятельные товарищи, скорѣе—люди почина, чѣмъ руководители. Способность юрскихъ работниковъ, въ особенности среднихъ лѣтъ, схватить самую суть идеи, и ихъ умѣнье разбираться въ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросахъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе; и я твердо убѣжденъ, что если юрская федерація сыграла видную роль въ развитіи соціализма, то не только потому, что стала проводникомъ безгосударственной и федералистической идеи, но еще и потому, что этимъ идеямъ дана была конкретная форма здравымъ смысломъ юрскихъ часовщиковъ. Безъ нея онѣ, вѣроятно, еще долго оставались бы въ области чистой абстракціи.

Теоретическія положенія анархизма, какъ они начинали опредѣляться тогда въ Юрской Федераціи, — въ особенности, Бакунинымъ, — критика государственнаго соціализма, который, какъ указывалось тогда, грозитъ развиться въ экономическій деспотизмъ, еще болѣе страшный, чѣмъ политическій, и, наконецъ, революціонный характеръ агитаціи среди юрцевъ неотразимо дѣйствовали на мой умъ. Но сознаніе полнаго равенства всѣхъ членовъ федераціи, независимость сужденій и способовъ выраженія ихъ, которыя я замѣчалъ среди этихъ рабочихъ, а также ихъ беззавѣтная преданность общему дѣлу, еще сильнѣе того подкупали мои чувства. И когда, проживши недѣлю среди часовщиковъ, я уѣзжалъ изъ горъ, мой взглядъ на соціализмъ уже окончательно установился. Я сталъ анархистомъ.

Послѣ путешествія по Бельгіи, гдѣ я могъ сравнить централистическую политическую агитацію въ Брюсселѣ съ независимой и экономической агитаціей, которая шла среди суконщиковъ въ Вервье, мои воззрѣнія еще болѣе

окрѣпли. Эти суконщики принадлежали къ числу самыхъ симпатичныхъ группъ людей, которыхъ я встрѣчалъ за границей.

X.

Бакунинъ въ то время жилъ въ Локарно. Я не видалъ его и теперь крайне сожалѣю о томъ, потому что, когда, черезъ четыре года, я снова очутился въ Швейцаріи,—его уже не было въ живыхъ. Онъ помогъ юрскимъ друзьямъ разобраться въ мысляхъ и точно выразить ихъ стремленія; онъ сумѣлъ вселить могучій, непреодолимый, революціонный энтузіазмъ. Какъ только Бакунинъ усмотрѣлъ въ маленькой газетѣ, издаваемой Гильомомъ въ Юрскихъ горахъ (въ Локлѣ) — новую независимую струю въ соціалистическомъ теченіи, — онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Локль. Цѣлые дни и ночи бесѣдовалъ онъ съ новыми своими друзьями объ исторической необходимости новаго движенія въ сторону анархіи. Въ газетѣ онъ началъ рядъ глубокихъ и блестящихъ статей объ историческомъ поступательномъ движеніи человѣчества къ свободѣ. Онъ вселилъ новымъ друзьямъ энтузіазмъ и создалъ тотъ центръ пропаганды, изъ котораго впослѣдствіи анархизмъ распространился по всей Европѣ.

Послѣ того, какъ Бакунинъ переселился въ Локарно, онъ создалъ подобное же движеніе въ Италіи и въ Испаніи (при помощи симпатичнаго, талантливаго эмисара, Фанелли). Работу же, которую онъ началъ въ Юрскихъ горахъ, продолжали сами юрцы. Они часто поминали „Мишеля“; но говорили о немъ не какъ объ отсутствующемъ вождѣ, слово котораго законъ, а какъ о дорогомъ другѣ и товарищѣ. Поразило меня больше всего то, что нравственное вліяніе Бакунина чувствовалось гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе его какъ интеллектуальнаго авторитета.

Въ разговорахъ объ анархизмѣ, или о текущихъ дѣлахъ федераціи, я никогда не слыхалъ, чтобы спорный вопросъ разрѣшался ссылкой на авторитетъ Бакунина.

Рабочіе никогда не говорили: „Бакунинъ сказалъ то-то“, или „Бакунинъ думаетъ такъ-то“. Его писанія и изрѣченія не считались безапелляціоннымъ авторитетомъ, какъ, къ сожалѣнію, это часто наблюдается въ современныхъ политическихъ партіяхъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разумъ является верховнымъ судьею, каждый въ спорахъ выставлялъ свои собственные доводы. Иногда ихъ общій характеръ и содержаніе были, можетъ быть, внушены Бакунинымъ, или же иногда онъ самъ заимствовалъ ихъ отъ своихъ юрскихъ друзей. Во всякомъ случаѣ, аргументы каждаго сохраняли свой индивидуальный характеръ. Только разъ я слышалъ ссылку на Бакунина, какъ на авторитетъ, и это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ помню во всѣхъ подробностяхъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ происходилъ разговоръ. Нѣсколько молодыхъ людей болтали, въ присутствіи женщинъ, не особенно почтительно о женщинахъ вообще.

— Жаль, что нѣтъ здѣсь Мишеля!—воскликнула одна изъ присутствовавшихъ.—Онъ бы вамъ задалъ!

Они всѣ находились подъ обаяніемъ колоссальной личности борца, пожертвовавшаго всѣмъ для революціи, жившаго только для нея и черпавшаго изъ нея же высшія и чистыя правила жизни.

Я возвратился изъ этой поѣздки съ опредѣленными соціалистическими взглядами, которыхъ и держался съ тѣхъ поръ, посильно стараясь развивать ихъ и облечь въ болѣе опредѣленную и конкретную форму.

Былъ, однако, одинъ пунктъ, который я принялъ только послѣ долгихъ думъ и безсонныхъ ночей. Я ясно видѣлъ, что великія перемѣны, долженствующія передать все необходимое для жизни и производства въ руки общества,—все равно будетъ ли то народное государство соціалъ-демократовъ или же союзъ свободныхъ группъ, какъ хотятъ анархисты, — не могутъ совершиться безъ великой революціи, какой еще не знаетъ исторія. Больше того. Уже во время французской революціи, крестьяне

и республиканцы должны были напрячь всѣ усилія, чтобы опрокинуть подгнившій аристократическій строй. Между тѣмъ, въ великой соціальной революціи народу придется бороться съ противникомъ, гораздо болѣе сильнымъ умственно и физически: съ средними классами, которые имѣютъ, притомъ, въ своемъ полномъ распоряженіи могущественный механизмъ современнаго государства. Но я скоро замѣтилъ, что никакой революціи, ни мирной, ни кровавой, не можетъ свершиться безъ того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли въ тотъ самый классъ, котораго экономическія и политическія привилегіи предстоитъ разрушить. Я видѣлъ освобожденіе крестьянъ и понималъ, что если бы сознаніе несправедливости крѣпостного права не было широко распространено среди самихъ помѣщиковъ (подъ вліяніемъ эволюціи, созданной революціями 1798 и 1848 годовъ) эманципація никогда не свершилась бы такъ быстро, какъ въ 1861 году. И я также видѣлъ, что идея освобожденія работниковъ отъ капиталистическаго ига начинаетъ распространяться среди самой буржуазіи. Наиболѣе горячіе сторонники современнаго экономическаго строя отказываются уже отъ защиты своихъ привилегій на почвѣ *права*, а довольствуются обсужденіемъ *своевременности* преобразованія. Они не отрицаютъ желательности нѣкоторыхъ перемѣнъ, но только спрашиваютъ, дѣйствительно-ли будетъ новый экономическій строй, предлагаемый соціалистами, лучше нынѣшняго? Сможетъ-ли общество, въ которомъ работники будутъ имѣть преобладающее вліяніе, — лучше руководить производствомъ, чѣмъ отдѣльные капиталисты, побуждаемые личной выгодой, какъ въ настоящее время?

Кромѣ того, я постепенно началъ понимать, что революціи,—то-есть періоды ускоренной эволюціи и быстрыхъ перемѣнъ—такъ же сообразны природѣ человѣческаго общества, какъ и медленная эволюція, наблюдаемая теперь въ культурныхъ странахъ. И каждый разъ, когда темпъ такой эволюціи ускоряется, и начинается эпоха широкихъ преобразованій,—можетъ вспых-

нуть гражданская война въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, вопросъ не въ томъ, какъ избѣжать революціи, а въ томъ, какъ достичь наибольшихъ результатовъ, при наименьшихъ размѣрахъ гражданской войны, то-есть съ наименьшимъ числомъ жертвъ и, по возможности, не увеличивая взаимной ненависти. Все это возможно лишь при одномъ условіи: угнетенные должны составить себѣ возможно болѣе ясное представленіе о томъ, что имъ предстоитъ совершить и проникнуться достаточно сильнымъ энтузіазмомъ. Въ такомъ случаѣ они могутъ быть увѣрены, что къ нимъ присоединятся лучшіе и наиболѣе свѣжіе элементы изъ самихъ правящихъ классовъ.

Парижская коммуна—страшный примѣръ соціальнаго взрыва безъ достаточно опредѣленныхъ идеаловъ. Когда въ мартѣ 1871 года работники стали хозяевами Парижа, они не только не тронули правъ собственности буржуазіи, но даже охраняли ихъ. Вожди коммуны грудью покрывали національный банкъ. Несмотря на кризисъ, парализовавшій промышленность и послѣдовавшую отъ того безработицу, Коммуна своими декретами охраняла права владѣльцевъ фабрикъ, торговыхъ учрежденій и жилыхъ помѣщеній города Парижа. Между тѣмъ, несмотря на это, когда движеніе было подавлено, буржуазія не зачла бунтовщикамъ скромности ихъ требованій. Проживши два мѣсяца въ постоянномъ страхѣ, что коммунары посягнутъ на ихъ права собственности,—Версальцы, когда они взяли Парижъ, стали мстить, какъ будто это покушеніе уже было свершено. Около тридцати тысячъ рабочихъ, какъ извѣстно, было перебито—не въ сраженіи, а послѣ того, какъ сраженіе было кончено. Врядъ-ли месть могла быть ужаснѣй, если бы Коммуна приняла самыя рѣшительныя мѣры къ соціализаціи собственности.

Если въ развитіи человѣческаго общества—разсуждалъ я—существуютъ періоды, когда борьба неизбѣжна, и когда гражданская война возникаетъ помимо желанія отдѣльныхъ личностей, то необходимо, по крайней мѣрѣ,

чтобы она велась во имя точныхъ и опредѣленныхъ требованій, а не смутныхъ желаній. Необходимо, чтобы борьба шла не за второстепенные вопросы, незначительность которыхъ не уменьшитъ взаимнаго озлобленія, но во имя широкихъ идеаловъ, способныхъ воодушевить людей величіемъ открывающагося горизонта.

Въ послѣднемъ случаѣ, исходъ борьбы будетъ зависѣть не столько отъ ружей и пушекъ, сколько отъ творческой силы, примѣненной къ переустройству общества на новыхъ началахъ. Исходъ будетъ зависѣть въ особенности отъ созидательныхъ общественныхъ силъ, которымъ на время откроется широкій просторъ, и отъ нравственнаго вліянія преслѣдуемыхъ цѣлей; ибо, въ такомъ случаѣ, преобразователи найдутъ сочувствующихъ даже въ тѣхъ классахъ, которые были противъ революціи. Борьба, происходя на почвѣ широкихъ идеаловъ, очиститъ соціальную атмосферу. Въ такомъ случаѣ число жертвъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, будетъ гораздо меньше, чѣмъ если бы борьба велась за второстепенные вопросы, открывающіе широкій просторъ всякимъ низменнымъ стремленіямъ.

Проникнутый такими идеями, я возвратился въ Россію.

XI

Во время поѣздки я накупилъ много книгъ и собралъ коллекцію соціалистическихъ газетъ. Въ Россіи, конечно, всѣ онѣ были безусловно запрещены цензурой. Нѣкоторыя газеты и отчеты международныхъ конгрессовъ ни за какія деньги нельзя было бы пріобрѣсти даже въ Бельгіи. „Неужели такъ и бросить литературу—думалъ я—которой въ Петербургѣ такъ были бы рады братъ Александръ и мои друзья?“ И я рѣшилъ во что бы то ни стало перевезти книги въ Россію.

Возвращался я въ Петербургъ черезъ Вѣну и Варшаву. Тысячи евреевъ живутъ на сѣверо-западной гра-

ницѣ контрабандой, и я не безъ основанія думалъ, что если найду хоть одного изъ нихъ, мои книги будутъ переправлены благополучно черезъ границу. Но сойти на маленькой станціи близъ границы и тамъ разыскивать контрабандиста было бы не совсѣмъ благоразумно. Такимъ образомъ я свернулъ съ дороги въ Краковъ. „Столица старой Польши близка къ границѣ—думалъ я.—Тамъ, вѣроятно, я раздобуду еврея, который меня сведетъ съ необходимыми мнѣ людьми".

Я прибылъ въ знаменитую нѣкогда столицу вечеромъ, а на другой день рано утромъ отправился изъ гостинницы на поиски. Велико, однако, было мое смущеніе, когда на каждомъ углу и всюду на пустынной базарной площади я встрѣчалъ еврея, съ пейсами, въ традиціонномъ долгополомъ кафтанѣ, выглядывавшаго какого-нибудь пана или купца, которые послали бы его съ порученіемъ и дали бы заработать нѣсколько грошей. Мнѣ нуженъ былъ *одинъ* еврей, а тутъ ихъ оказалась цѣлая куча. Къ кому же обратиться? Я обошелъ весь городъ и, наконецъ, въ отчаяніи, рѣшилъ обратиться къ еврею, стоявшему у дверей моей гостинницы,—громаднаго, стариннаго палаца, въ залахъ котораго когда-то танцовали толпы изящныхъ дамъ и галантныхъ кавалеровъ. Теперь старинный дворецъ исполнялъ болѣе прозаическое назначеніе, давая убѣжище рѣдкимъ и случайнымъ проѣзжающимъ. Я объяснилъ фактору, что желаю переправить въ Россію довольно тяжелую пачку книгъ и газетъ.

— То пану заразъ будетъ сдѣлано. Я приведу комиссіонера отъ Главной компаніи международнаго обмѣна тряпокъ и костей (скажемъ такъ). Она ведетъ самую широкую контрабанду во всемъ мірѣ. Комиссіонеръ послужитъ господину.

Черезъ полчаса факторъ дѣйствительно возвратился съ „комиссіонеромъ", изящнымъ молодымъ человѣкомъ, отлично говорившимъ по-русски, польски и нѣмецки.

„Комиссіонеръ" осмотрѣлъ мой узелъ, взвѣсилъ его на рукахъ и спросилъ, какого рода это книги?

— Всѣ онѣ строжайше запрещены въ Россіи. Потому-то ихъ и нужно переправить контрабандой.

— Собственно говоря, книгами мы не занимаемся,— отвѣтилъ онъ.—Наше дѣло—шелковый товаръ. Если я сталъ бы платить моимъ людямъ по вѣсу, какъ за шелкъ, то долженъ былъ бы запросить съ васъ совсѣмъ не подходящую цѣну. На придачу, скажу вамъ правду, я не люблю путаться съ книгами. Случись, не дай Богъ, несчастье,—такъ „они“ сдѣлаютъ политическій процессъ. „Международная компанія тряпокъ и костей“ должна будетъ тогда заплатить громадныя деньги, чтобы выпутаться изъ исторіи.

Должно быть, видъ у меня былъ очень опечаленный, потому что элегантный „комиссіонеръ“ сейчасъ же прибавилъ: „Не огорчайтесь. Онъ (то-есть факторъ) устроитъ это дѣло для васъ другимъ путемъ.

— То чистая правда! — весело замѣтилъ факторъ, когда комиссіонеръ ушелъ.—Найдемъ сто дорогъ, чтобы угодить пану.

Черезъ часъ онъ возвратился съ другимъ молодымъ человѣкомъ, который взялъ узелъ, сложилъ его возлѣ дверей и сказалъ: „добре; если панъ выѣдетъ завтра, онъ найдетъ свои книги на такой-то станціи въ Россіи“. Онъ объяснилъ мнѣ подробно все.

— А сколько это будетъ стоить?—спросилъ я.

— А сколько панъ хочетъ дать?—отвѣтилъ онъ.

Я высыпалъ на столъ все, что у меня было въ кошелькѣ и сказалъ: „вотъ столько-то мнѣ на дорогу. Остальное вамъ. Я поѣду въ третьемъ классѣ“.

— Ай, ай, ай!—закрутили разомъ головами и факторъ, и молодой человѣкъ. — Развѣ то можно, чтобы такой панъ ѣхалъ третьимъ классомъ? Никогда! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Для насъ—десять рублей; потомъ фактору — два рубля, если вы довольны имъ. Мы не грабители какіе-нибудь, а честные купцы!“ Они наотрѣзъ отказались взять больше денегъ.

Мнѣ часто приходилось слышать съ тѣхъ поръ о честности еврейскихъ контрабандистовъ на сѣверо-за-

падной границѣ. Впослѣдствіи, когда нашъ кружокъ ввозилъ много книгъ изъ-за границы, затѣмъ еще позже, когда такъ много революціонеровъ переправлялось въ Россію и изъ Россіи,—не было ни одного случая, чтобы контрабандистъ выдалъ кого нибудь, или чтобы онъ воспользовался исключительностью положенія для вымогательства чрезмѣрной платы.

На другой день я выѣхалъ изъ Кракова. На условленной станціи въ Россіи къ моему вагону подошелъ носильщикъ и сказалъ такъ громко, чтобы его могъ слышать стоявшій на платформѣ жандармъ: „вотъ чемоданъ, который ваше сіятельство оставили вчера". Онъ вручилъ мнѣ мой цѣнный пакетъ.

Я такъ былъ ему радъ, что даже нео становился въ Варшавѣ, а прямо отправился въ Петербургъ, чтобы показать мои трофеи брату.

XII

Въ это время развивалось сильное движеніе среди русской интеллигентной молодежи. Крѣпостное право было отмѣнено. Но два съ половиною вѣка существованія его породили цѣлый міръ привычекъ и обычаевъ, созданныхъ рабствомъ. Тутъ было презрѣніе къ человѣческой личности, деспотизмъ отцовъ, лицемѣрное подчиненіе со стороны женъ, дочерей и сыновей. Въ началѣ XIX вѣка бытовой деспотизмъ царилъ во всей Западной Европѣ. Массу примѣровъ дали Теккерей и Диккенсъ, но нигдѣ онъ не расцвѣлъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ въ Россіи. Вся русская жизнь: въ семьѣ, въ отношеніяхъ начальника къ подчиненному, офицера къ солдату, хозяина къ работнику, была проникнута имъ. Создался цѣлый міръ привычекъ, обычаевъ, способовъ мышленія, предразсудковъ и нравственной трусости, выросшій на почвѣ бездѣлья. Даже лучшіе люди того времени платили широкую дань этимъ нравамъ крѣпостного права.

Противъ нихъ законъ былъ безсиленъ. Лишь сильное общественное движеніе, которое нанесло бы ударъ самому корню зла, могло бы преобразовать привычки и обычаи повседневной жизни. И въ Россіи это движеніе, борьба за индивидуальность, приняло гораздо болѣе мощный характеръ и стало болѣе безпощадно въ своемъ отрицаніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тургеневъ, въ своей замѣчательной повѣсти, „Отцы и Дѣти," назвалъ его „нигилизмомъ".

Въ Западной Европѣ нигилизмъ понимается совершенно невѣрно; въ печати, напримѣръ, постоянно смѣшиваютъ его съ терроризмомъ и упорно называютъ нигилизмомъ то революціонное движеніе, которое вспыхнуло въ Россіи къ концу царствованія Александра II и закончилось трагической его смертью. Все это основано на недоразумѣніи. Смѣшивать нигилизмъ съ терроризмомъ—все равно, что смѣшать философское движеніе, какъ напримѣръ, стоицизмъ или позитивизмъ, съ политическимъ движеніемъ, — напримѣръ, республиканскимъ. Терроризмъ былъ порожденъ нѣкоторыми особыми условіями политической борьбы въ данный историческій моментъ. Онъ жилъ и умеръ. Онъ можетъ вновь воскреснуть и снова умереть. Нигилизмъ же наложилъ у насъ свою печать на всю жизнь интеллигентнаго класса, и эта печать не скоро изгладится. Нигилизмъ, безъ его грубоватыхъ крайностей,—неизбѣжныхъ, впрочемъ въ каждомъ молодомъ движеніи,—придалъ нашей интеллигенціи тотъ своеобразный оттѣнокъ, котораго, къ великому нашему сожалѣнію, мы, русскіе, не находимъ въ Западно-Европейской жизни. Тотъ же нигилизмъ, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ проявленій, придаетъ многимъ нашимъ писателямъ тотъ искренній характеръ, ту манеру „мыслить вслухъ," которые такъ поражаютъ европейскихъ читателей.

Прежде всего нигилизмъ объявилъ войну такъ-называемой условной лжи культурной жизни. Его отличительной чертой была абсолютная искренность. И во

имя ея нигилизмъ отказался самъ, и требовалъ, чтобы то же сдѣлали другіе, — отъ суевѣрій, предразсудковъ, привычекъ и обычаевъ, существованія которыхъ разумъ не могъ оправдать. Нигилизмъ признавалъ только одинъ авторитетъ — разумъ; онъ анализировалъ всѣ общественныя учрежденія и обычаи, и возсталъ противъ всякаго рода софизма, какъ бы послѣдній ни былъ замаскированъ.

Онъ порвалъ, конечно, съ суевѣріемъ отцовъ. По философскимъ своимъ понятіямъ, нигилистъ былъ позитивистъ, атеистъ, эволюціонистъ въ духѣ Спенсера, или матеріалистъ. Онъ щадилъ, конечно, простую и искреннюю вѣру, являющуюся психологической необходимостью чувства; но за то безпощадно боролся съ христіанскимъ лицемѣріемъ.

Вся жизнь цивилизованныхъ людей полна условной лжи. Люди ненавидящіе другъ друга, встрѣчаясь на улицѣ, изображаютъ на своихъ лицахъ самыя блаженныя улыбки; нигилистъ же улыбался лишь тѣмъ, кого онъ радъ былъ встрѣтить. Всѣ формы внѣшней вѣжливости, которыя являются однимъ лицемѣріемъ, претили ему. Онъ усвоилъ себѣ нѣсколько грубоватыя манеры, какъ протестъ противъ внѣшней полированности отцовъ. Нигилисты видѣли, какъ отцы гордо позировали идеалистами и сентименталистами, что не мѣшало имъ быть настоящими дикарями по отношенію къ женамъ, дѣтямъ и крѣпостнымъ. И онъ возсталъ противъ этого сентиментализма, отлично уживавшагося съ вовсе не идеальнымъ строемъ русской жизни. Искусство тоже подпало подъ это широкое отрицаніе. Нигилисту были противны безконечные толки о красотѣ, объ идеалѣ, искусствѣ для искусства, эстетикѣ и тому подобномъ, тогда какъ всякій предметъ искусства покупался на деньги, выколоченныя у голодающихъ крестьянъ или у обираемыхъ работниковъ. Онъ зналъ, что, такъ называемое, „поклоненіе прекрасному“ было лишь маской, прикрывавшей самый пошлый развратъ. Нигилистъ тогда еще отлилъ безпощадную критику искусства, данную недавно величай-

шимъ художникомъ XIX-го вѣка, Толстымъ, — въ одну формулу: „пара сапогъ важнѣе всѣхъ вашихъ мадоннъ и всѣхъ утонченныхъ толковъ про Шекспира".

Бракъ безъ любви и брачное сожитіе безъ дружбы— нигилистъ отрицалъ. Дѣвушка, которую родители заставляли быть куклой въ кукольномъ домикѣ и выйти замужъ по расчету, предпочитала лучше оставить свои наряды и уйти изъ дома. Она надѣвала самое простое, черное шерстяное платье, остригала волосы и поступала на высшіе курсы, съ цѣлью добиться личной независимости. Женщина, видѣвшая, что бракъ пересталъ быть бракомъ, что ни любовь, ни дружба не связываютъ ее больше съ мужемъ, порывала совсѣмъ и мужественно уходила съ дѣтьми, предпочитая одиночество и зачастую нищету, вѣчной лжи и разладу съ собою.

Нигилистъ вносилъ свою любовь къ искренности даже въ мелкіе детали повседневной жизни. Онъ отказался отъ условныхъ формъ свѣтской болтовни и выражалъ свое мнѣніе рѣзко и прямо; даже съ нѣкоторой аффектаціей внѣшней грубоватости.

Въ Иркутскѣ мы собирались разъ въ недѣлю въ клубѣ, гдѣ танцовали. Одно время я усердно посѣщалъ эти вечера, но потомъ мало по малу отсталъ, отчасти изъ-за работы. Разъ какъ то, одна изъ дамъ спросила моего молодого пріятеля, почему это меня не видно въ клубѣ уже нѣсколько недѣль. „Когда Кропоткину нуженъ моціонъ, онъ катается верхомъ," — грубовато отвѣтилъ пріятель.

— Почему же ему не заглянуть и не посидѣть съ нами, не танцуя?—вставила одна изъ дамъ.

— А что ему здѣсь дѣлать? — отрѣзалъ по нигилистичьи мой другъ.—Болтать съ вами про моды и тряпки? Вся эта дребедень уже надоѣла ему.

— Но вѣдь онъ бываетъ иногда у Манечки такой то?—нерѣшительно замѣтила одна изъ барышень.

— Да, но она занимающаяся дѣвушка, — отрубилъ пріятель. — Онъ даетъ ей уроки нѣмецкаго языка.

Долженъ сказать, что эта, безспорно, грубоватая отповѣдь имѣла благіе результаты. Большинство иркутскихъ дѣвушекъ скоро стали осаждать брата, пріятеля и меня просьбами посовѣтовать имъ, что читать и чему учиться.

Съ тою же самою откровенностью нигилистъ отрѣзывалъ своимъ знакомымъ, что всѣ ихъ соболѣзнованія о „бѣдномъ братѣ“ народѣ—одно лицемѣріе, покуда они живутъ на счетъ народа, за котораго такъ болѣютъ душой, въ богато убранныхъ палатахъ. Съ тою же откровенностью нигилистъ заявлялъ крупному чиновнику, что тотъ не только не заботится о благѣ подчиненныхъ, а попросту — воръ.

Съ нѣкоторой суровостью нигилистъ далъ бы отпоръ дамѣ, болтающей пустяки и похваляющейся „женственностью“ своихъ манеръ и утонченностью туалета. Онъ прямо сказалъ бы ей: „какъ вамъ не стыдно болтать глупости и таскать шиньонъ изъ фальшивыхъ волосъ?“ Нигилистъ желалъ прежде всего видѣть въ женщинѣ товарища, человѣка, а не куклу, не „кисейную барышню.“ Онъ абсолютно отрицалъ тѣ мелкіе знаки внѣшней вѣжливости, которые оказываются, такъ называемому, „слабому полу“. Нигилистъ не срывался съ мѣста, чтобы предложить его вошедшей дамѣ, если онъ видѣлъ, что дама не устала, и въ комнатѣ есть еще другіе стулья. Онъ держался съ ней, какъ съ товарищемъ. Но если дѣвушка, хотя бы и совершенно ему незнакомая, проявляла желаніе учиться чему нибудь, онъ помогалъ ей уроками, и готовъ былъ хоть каждый день ходить на другой конецъ города. Молодой человѣкъ, который пальцемъ не шевельнулъ бы, чтобы подвинуть барышнѣ чашку чая, охотно передавалъ дѣвушкѣ, пріѣхавшей на курсы въ Москву или въ Петербургъ, свой единственный урокъ и свой единственный заработокъ, при чемъ говорилъ: „нечего благодарить; мужчинѣ легче найти работу, чѣмъ женщинѣ: вовсе не рыцарство, а простое равенство“.

И Тургеневъ, и Гончаровъ пытались изобразить этотъ

новый типъ въ своихъ романахъ. Гончаровъ въ „Обрывѣ“ далъ портретъ съ живого лица, но вовсе не типичнаго представителя класса; поэтому, Маркъ Волоховъ только каррикатура на нигилизмъ. Тургеневъ былъ слишкомъ тонкій художникъ, и слишкомъ уважалъ новый типъ, чтобы быть способнымъ на каррикатуру; но и его Базаровъ не удовлетворялъ насъ. Мы въ то время нашли его слишкомъ грубымъ, — напримѣръ, въ отношеніяхъ къ старикамъ родителямъ, а въ особенности, мы думали, что онъ слишкомъ пренебрегалъ своими обязанностями, какъ гражданинъ. Молодежь не могла быть удовлетворена исключительно отрицательнымъ ко всему отношеніемъ тургеневскаго героя. Нигилизмъ, съ его деклараціей правъ личности и отрицаніемъ лицемѣрія, былъ только переходнымъ моментомъ къ появленію „новыхъ людей“, не менѣе цѣнившихъ индивидуальную свободу, но жившихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, для великаго дѣла. Въ нигилистахъ Чернышевскаго, выведенныхъ въ несравненно менѣе художественномъ романѣ „Что дѣлать,“ мы видѣли лучшіе портреты самихъ себя.

„Но горекъ хлѣбъ, воздѣланный рабами,“ писалъ Некрасовъ. Молодое поколѣніе отреклось и отъ этого хлѣба, и отъ богатствъ, накопленныхъ отцами при помощи подневольнаго труда людей — крѣпостныхъ или закабаленныхъ на фабрикѣ.

Вся Россія читала съ удивленіемъ во время процесса Каракозовцевъ, что подсудимые, владѣвшіе значительными состояніями, жили по три, по четыре человѣка въ одной комнатѣ, никогда не расходовали больше, чѣмъ по десяти рублей въ мѣсяцъ на каждаго, и все состояніе отдавали на устройство кооперативныхъ обществъ, артелей, въ которыхъ сами работали. Пять лѣтъ спустя, тысячи молодыхъ людей, цвѣтъ Россіи, поступили такъ же. Ихъ лозунгъ былъ: „Въ народъ.“ Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, почти въ каждой богатой семьѣ происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддержать старыя преданія, и сыновьями и дочерьми,

отстаивавшими свое право располагать собою согласно собственнымъ идеаламъ. Молодые люди бросали военную службу, конторы, прилавки и стремились въ университетскіе города. Дѣвушки, получившія аристократическое воспитаніе, пріѣзжали безъ копейки въ Петербургъ, Москву и Кіевъ, чтобы научиться дѣлу, которое могло бы ихъ освободить отъ неволи въ родительскомъ домѣ, а впослѣдствіи, можетъ быть, и отъ мужнинаго ярма. Многія изъ нихъ добились этой личной свободы послѣ упорной и суровой борьбы. Теперь онѣ жаждали приложить съ пользою пріобрѣтенное знаніе; онѣ думали не о личномъ удовольствіи, а о томъ, чтобы дать народу то знаніе, которое освободило ихъ самихъ.

Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, экономистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было — разрѣшить великій вопросъ, стоявшій предъ молодежью: какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу? И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: нужно итти въ народъ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись, поэтому, въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ, и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа.

У всѣхъ нихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты, и въ то же время, узнать у самого народа, каковъ *его* идеалъ лучшей соціальной жизни.

Когда я возвратился изъ Швейцаріи, то нашелъ это движеніе въ полномъ разгарѣ.

XIII.

Я поспѣшилъ, конечно, подѣлиться съ друзьями моими книгами и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ Интернаціоналомъ. Собственно говоря, въ университетѣ у меня не было друзей; я былъ старше большинства моихъ товарищей, а среди молодыхъ людей разница въ нѣсколько лѣтъ всегда является помѣхой тѣсному сближенію. Нужно также прибавить, что съ тѣхъ поръ, какъ былъ введенъ уставъ 1861 года, лучшіе молодые люди, то-есть наиболѣе развитые и независимые, отсѣвались въ гимназіяхъ и не допускались въ университетъ. Поэтому, большинство моихъ товарищей были хорошіе юноши, трудолюбивые, но они не интересовались ничѣмъ, кромѣ экзаменовъ. Я подружился только съ однимъ, Дмитріемъ К. Онъ былъ родомъ изъ Южной Россіи и, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, врядъ ли говорилъ по нѣмецки, а въ типичномъ его лицѣ не было ничего тевтонскаго. Онъ былъ очень развитой, начитанный человѣкъ и много думалъ. К. очень любилъ науку и глубоко уважалъ ее: но, подобно большинству изъ насъ, скоро пришелъ къ заключенію, что стать ученымъ — значитъ перейти въ станъ филистеровъ, тогда какъ впереди такое множество другой, не терпящей отлагательства работы. Онъ посѣщалъ университетъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ бросилъ его и весь отдался соціальной дѣятельности. Жилъ онъ богъ вѣсть какъ. Сомнѣваюсь даже, была ли у него постоянная квартира. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ: „есть у васъ бумага?“ Забравъ запасъ ея, онъ примащивался гдѣ нибудь у края стола и прилежно переводилъ часа два. То немногое, что онъ зарабатывалъ подобнымъ образомъ, съ избыткомъ покрывало его скромныя потребности, и, кончивъ работу, К. плелся на другой конецъ города, чтобы по-

видаться съ товарищами или чтобы помочь нуждающемуся пріятелю. Онъ готовъ былъ исколесить весь Петербургъ, пѣшкомъ, чтобы выхлопотать пріемъ въ гимназію какого нибудь мальчика, въ которомъ товарищи принимали участіе. Онъ несомнѣнно былъ очень талантливъ. Въ Западной Европѣ гораздо менѣе одаренный человѣкъ, чѣмъ онъ, навѣрное, сталъ бы виднымъ политическимъ или соціалистическимъ вождемъ. Но мысль о главенствѣ никогда даже не приходила въ голову К. Честолюбіе было ему совершенно чуждо; за то я не знаю такой общественной работы, которую Дмитрій считалъ бы слишкомъ мелкой. Впрочемъ, эта черта была свойственна не только ему одному. Ею отличались всѣ тѣ, которые въ то время вращались въ студенческихъ кружкахъ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ-за границы Дмитрій предложилъ мнѣ вступить въ кружокъ, извѣстный въ то время среди молодежи подъ названіемъ кружка Чайковскаго. Подъ этимъ именемъ онъ сыгралъ важную роль въ соціальномъ развитіи Россіи и подъ тѣмъ же именемъ перейдетъ въ исторію. „Члены нашего кружка, покуда, большею частью конституціоналисты,— сказалъ мнѣ К.;—но всѣ они прекрасные люди. Они готовы принять всякую честную идею. У нихъ много друзей повсюду въ Россіи; вы сами увидите впослѣдствіи, что можно сдѣлать". Я былъ уже знакомъ съ Н. В. Чайковскимъ и нѣкоторыми членами его кружка. Чайковскій произвелъ на меня обаятельное впечатлѣніе съ перваго же раза. И до настоящаго времени, впродолженіе многихъ лѣтъ, наша дружба не поколебалась.

Кружокъ возникъ изъ очень небольшой группы мужчинъ и женщинъ, — въ числѣ послѣднихъ была Софья Перовская,—соединившихся для самообразованія и самоусовершенствованія. Въ 1869 году, Нечаевъ попытался организовать тайное, революціонное общество изъ молодежи, проникнутой желаніемъ работать среди народа. Но для достиженія своей цѣли онъ прибѣгъ къ пріему старинныхъ заговорщиковъ, и не останавливался даже

предъ обманомъ, чтобы заставить членовъ сообщества слѣдовать за собою. Такіе пріемы не могутъ имѣть успѣхъ въ Россіи, и скоро нечаевская организація рухнула. Всѣхъ членовъ арестовали; нѣсколько лучшихъ и наиболѣе честныхъ людей изъ русской интеллигенціи сослали въ Сибирь, прежде, чѣмъ они успѣли сдѣлать что нибудь. Кружокъ саморазвитія, о которомъ я говорю, возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности. Чайковскій и его друзья разсудили совершенно вѣрно, что нравственно-развитая личность должна быть въ основѣ всякой организаціи, независимо отъ того, какой бы политическій характеръ она потомъ ни приняла и какую бы программу дѣятельности она ни усвоила подъ вліяніемъ событій. Вотъ почему кружокъ Чайковскаго, постепенно раздвигая свою программу, такъ широко распространился по Россіи и достигъ такихъ серьезныхъ результатовъ. Поэтому также, впослѣдствіи, когда свирѣпыя преслѣдованія со стороны правительства породили революціонную борьбу, кружокъ выдвинулъ рядъ выдающихся дѣятелей и дѣятельницъ, павшихъ въ бою съ самодержавіемъ.

Въ то время, то-есть въ 1872 году, кружокъ не имѣлъ въ себѣ ничего революціоннаго. Если бы онъ остался простымъ кружкомъ саморазвитія, то члены его скоро закаменѣли бы, какъ въ скитѣ. Но кружокъ нашелъ подходящую работу. Чайковцы стали распространять хорошія книги. Они покупали цѣлыми изданіями сочиненія Лассаля, Флеровскаго — Берви („О положеніи рабочаго класса въ Россіи"), Маркса, труды по русской исторіи и распространяли ихъ среди студентовъ въ провинціальныхъ городахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ „тридцати восьми губерніяхъ Россійской имперіи", употребляя подсчетъ обвинительнаго акта.—не было сколько нибудь значительнаго города, гдѣ кружокъ не имѣлъ бы товарищей, занимавшихся распространеніемъ этого рода литературы. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ общаго хода событій и побуждаемый вѣстями прибывавшими изъ Западной Европы о быстромъ ростѣ рабо-

чаго движенія,—кружокъ все больше становился центромъ соціалистической пропаганды среди учащейся молодежи и естественнымъ посредникомъ между членами провинціальныхъ кружковъ. А затѣмъ наступилъ день, когда преграда, отдѣлявшая студентовъ отъ работниковъ, рухнула, и завязались прямыя сношенія съ петербургскими и, отчасти, провинціальными рабочими. Въ это самое время, весной 1872 года, я присоединился къ кружку.

Мои читатели въ Западной Европѣ, вѣроятно, не мало были разочарованы, когда узнали, что принятіе въ тайное общество не сопровождалось никакими клятвами и обрядами, о которыхъ такъ много наговорили имъ романисты. Ничего этого, конечно, не было. Даже одна мысль о ритуалѣ пріема насмѣшила бы насъ и вызвала бы со стороны Дмитрія такую саркастическую насмѣшку, отъ которой любитель церемоній, если бы такой нашелся, устыдился бы. У кружка даже не было устава. Въ члены принимались только хорошо извѣстныя лица, испытанныя много разъ, такъ что имъ можно было безусловно довѣрять. Прежде чѣмъ принять новаго члена, характеръ его обсуждался со всею откровенностью, присущею нигилистамъ. Малѣйшій признакъ неискренности или самомнѣнія,—и его не принимали. Чайковцы не гнались за тѣмъ, чтобы набрать побольше членовъ. Тѣмъ меньше стремились они къ тому, чтобы непремѣнно руководить всѣми многочисленными кружками, зарождавшимися въ столицахъ и въ провинціи, и взять, такъ-сказать, на откупъ все движеніе среди молодежи. Съ большинствомъ изъ кружковъ мы были въ дружескихъ сношеніяхъ; мы помогали имъ, и они помогали намъ; но мы не покушались на ихъ независимость.

Нашъ кружокъ оставался тѣсной семьей друзей. Никогда впослѣдствіи я не встрѣчалъ такой группы идеально чистыхъ и нравственно выдающихся людей, какъ тѣ человѣкъ двадцать, которыхъ я встрѣтилъ на первомъ засѣданіи кружка Чайковскаго. До сихъ поръ я горжусь тѣмъ, что былъ принятъ въ такую семью.

XIV.

Когда я присоединился къ чайковцамъ, они горячо спорили о томъ, какой характеръ слѣдуетъ придать ихъ дѣятельности. Нѣкоторые стояли за радикальную и соціалистическую пропаганду среди молодежи. Другіе же держались того мнѣнія, что у кружка должна быть одна цѣль: подготовить людей, которые могли бы поднять громадную, косную рабочую массу, а потому стояли за перенесеніе центра агитаціи въ среду крестьянъ и городскихъ работниковъ. Такіе же споры шли во всѣхъ кружкахъ и группахъ, которые тогда сотнями возникали въ Петербургѣ и въ провинціальныхъ городахъ. И всюду сторонники второй программы брали верхъ.

Если бы молодежь того времени была только за абстрактный соціализмъ, она удовлетворилась бы тѣмъ, что выставила бы нѣсколько общихъ принциповъ,—напримѣръ, о желательности въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ коммунистическаго владѣнія орудіями производства, а затѣмъ занялась бы политической агитаціей. Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ такъ именно и поступаютъ соціалисты, вышедшіе изъ среднихъ классовъ. Но русская молодежь того времени подошла къ соціализму совсѣмъ инымъ путемъ. Молодые люди не строили теорій соціализма, а становились соціалистами, живя не лучше, чѣмъ работники, не различая въ кругу товарищей между „моимъ“ и „твоимъ“, и отказываясь лично пользоваться состояніями, полученными по наслѣдству. Они поступали по отношенію къ капитализму такъ, какъ, по совѣту Толстого, слѣдуетъ поступать по отношенію къ войнѣ: то-есть, вмѣсто того, чтобы критиковать войну и въ то же время носить мундиръ,—каждый долженъ отказаться отъ военной службы и отъ ношенія оружія. Такимъ же образомъ молодые люди, каждый и каждая за себя, отказались отъ пользованія доходами родителей. Такая молодежь неизбѣжно должна была пойти въ народъ, и она пошла. Тысячи молодыхъ

людей и дѣвушекъ уже оставили дома своихъ родителей и жили въ деревняхъ и въ фабричныхъ городахъ подъ всевозможными видами. Это не было организованное движеніе, а стихійное,—одно изъ тѣхъ массовыхъ движеній, которыя наблюдаются въ моменты пробужденія человѣческой совѣсти. Теперь, когда начали возникать небольшіе организованные кружки, готовившіеся сдѣлать систематическую попытку распространенія идей свободы и возмущенія,—самая сила вещей толкнула ихъ на путь пропаганды среди крестьянъ и городскихъ рабочихъ.

Различные писатели пробовали объяснить движеніе въ народъ вліяніемъ извнѣ: вліяніе эмигрантовъ—любимое объясненіе всѣхъ полицій всего міра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодежь прислушивалась къ мощному голосу Бакунина; вѣрно также и то, что дѣятельность Интернаціонала производила на насъ чарующее впечатлѣніе. Но причины движенія въ народъ лежали гораздо глубже. Оно началось раньше, чѣмъ „заграничные агитаторы“ обратились къ русской молодежи, и даже раньше возникновенія интернаціонала. Оно обозначилось уже въ каракозовскихъ кружкахъ въ 1866 году. Его видѣлъ еще раньше Тургеневъ, въ 1859 году, и отмѣтилъ въ общихъ чертахъ. Въ кружкѣ чайковцевъ, я всѣми силами содѣйствовалъ развитію этого, уже намѣтившагося движенія; но въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось только плыть по теченію, которое было гораздо сильнѣе, чѣмъ усиліе отдѣльныхъ личностей.

Конечно, мы часто говорили также о необходимости политической агитаціи противъ самодержавія. Мы видѣли, что крестьяне совершенно разорены чрезмѣрными податями и продажей скота для покрытія недоимокъ. Мы, мечтатели, и тогда уже предвидѣли то полное обнищаніе всего населенія, которое, увы, теперь стало свершившимся фактомъ, охватило большую часть Средней Россіи и признается нынѣ даже правительствомъ. Мы знали, какой наглый грабежъ идетъ повсемѣстно въ Россіи. Мы знали о произволѣ чиновниковъ, о почти

невѣроятной грубости многихъ изъ нихъ, и каждый день приносилъ намъ новые факты въ этомъ направленіи. Мы постоянно слышали о ночныхъ обыскахъ, объ арестованныхъ друзьяхъ, которыхъ гноили по тюрьмамъ и потомъ ссылали административнымъ порядкомъ въ глухіе поселки на окраинахъ Россіи. Мы сознавали, поэтому, необходимость политической борьбы противъ этой страшной власти, убивавшей лучшія умственныя силы страны. Но мы не видѣли никакой почвы, легальной или полулегальной, для подобной борьбы.

Наши старшіе братья не признавали нашихъ соціалистическихъ стремленій, а мы не могли поступиться ими. Впрочемъ, если бы нѣкоторые изъ насъ и отреклись отъ этихъ идеаловъ, то и то бы не помогло. Все молодое поколѣніе, огуломъ, признавалось „неблагонадежнымъ," и потому, старшее поколѣніе боялось имѣть что нибудь общее съ нимъ. Каждый молодой человѣкъ, проявлявшій демократическія симпатіи, всякая курсистка были подъ тайнымъ надзоромъ полиціи и обличались Катковымъ, какъ крамольники и внутренніе враги государства. Обвиненія въ политической неблагонадежности строились на такихъ признакахъ, какъ синіе очки, подрѣзанныя волосы и плэдъ. Если къ студенту часто заходили товарищи, то полиція уже навѣрное производила обыскъ въ его квартирѣ. Обыски студенческихъ квартиръ производились такъ часто, что Дмитрій, со своимъ обычнымъ добродушнымъ юморомъ, разъ замѣтилъ жандармскому офицеру, рывшемуся у него: „И зачѣмъ это вамъ перебирать всѣ книги, каждый разъ, какъ вы у насъ производите обыскъ? Завели бы вы себѣ списокъ ихъ, а потомъ приходили бы каждый мѣсяцъ и провѣряли, всѣ ли на мѣстѣ и не прибавилось ли новыхъ". По малѣйшему подозрѣнію въ политической неблагонадежности студента забирали, держали его по году въ тюрьмѣ, а потомъ ссылали куда нибудь подальше, на „неопредѣленный срокъ", какъ выражалось начальство на своемъ бюрократическомъ жаргонѣ. Даже въ то время, какъ чайковцы занимались только распространеніемъ пропущен-

ныхъ цензурой книгъ,—Чайковскаго дважды арестовали и продержали въ тюрьмѣ по пяти или шести мѣсяцевъ; при чемъ въ послѣдній разъ арестъ произошелъ въ критическій для него моментъ. Только-что передъ тѣмъ появилась его работа по химіи въ „Бюллетенѣ Академіи Наукъ", а самъ онъ готовился сдать послѣдніе экзамены на кандидата. Въ концѣ концовъ его выпустили, такъ какъ жандармы не могли найти никакихъ поводовъ для ссылки его. „Но помните, если мы васъ еще разъ арестуемъ—тѣмъ не менѣе сказали ему—вы будете сосланы въ Сибирь". Завѣтной мечтой правительства, дѣйствительно, было основать гдѣ нибудь въ степяхъ отдѣльный городъ, зорко охраняемый казаками, и ссылать туда всѣхъ подозрительныхъ молодыхъ людей. Лишь опасность, которую представлялъ бы такой городъ, съ населеніемъ въ двадцать-тридцать тысячъ политически неблагонадежныхъ, помѣшала осуществить поистинѣ азіатскій планъ.

Одинъ изъ нашихъ членовъ, офицеръ Ш—о, принадлежалъ къ группѣ молодежи, которая стремилась на земскую службу. Она считала эту службу своего рода миссіей и усиленно готовилась къ ней серьезнымъ изученіемъ хозяйственнаго положенія Россіи. Многіе молодые люди нѣкоторое время лелѣяли такія же надежды, которыя разсѣялись, какъ туманъ, при первомъ столкновеніи съ государственной машиной. Правительство дало слабое подобіе самоуправленія нѣкоторымъ губерніямъ и сейчасъ же, путемъ урѣзокъ, приняло мѣры, чтобы реформа потеряла всякое жизненное значеніе и смыслъ. Земству пришлось довольствоваться ролью чиновниковъ для сбора дополнительныхъ налоговъ для покрытія мѣстныхъ государственныхъ нуждъ. Каждый разъ, когда земство брало на себя иниціативу въ устройствѣ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, въ заботахъ о народномъ здравіи, въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ,—оно встрѣчало со стороны правительства подозрительность и недовѣріе, а со стороны „Москов-

скихъ Вѣдомостей“ доносы и обвиненія въ сепаратизмѣ, въ стремленіи устроить „государство въ государствѣ“, въ „подкапываніи подъ самодержавіе“.

Если бы кто нибудь вздумалъ, напримѣръ, разсказать подлинную исторію борьбы тверского губернскаго земства изъ-за его учительской семинаріи; если бы кто повѣдалъ про всѣ мелкія преслѣдованія, придирки и запрещенія,—никто за границей ему бы не повѣрилъ. Читатель отложилъ бы книгу, говоря: „слишкомъ ужъ глупо, чтобы такъ было на дѣлѣ“. А между тѣмъ, все такъ именно и происходило. Не мало гласныхъ отрѣшались отъ должности, высылались изъ губерніи, а то попросту отправлялись въ ссылку за то, что осмѣливались подавать царю вѣрноподданѣйшія прошенія о правахъ, принадлежавшихъ и такъ уже земствамъ по закону. „Гласные уѣздныхъ и губернскихъ земствъ должны быть простыми министерскими чиновниками и повиноваться министерству внутреннихъ дѣлъ“. Такова была теорія петербургскаго правительства. Что же касается до народа помельче, состоявшаго на земской службѣ,—напримѣръ, учителей, врачей, акушерокъ, то ихъ безъ церемоніи, по простому распоряженію всесильнаго третьяго отдѣленія, отрѣшали въ двадцать четыре часа отъ службы и отправляли въ ссылку. Не дальше какъ въ 1896 году одна богатая помѣщица, мужъ которой занимаетъ видное положеніе въ одномъ изъ земствъ, пригласила на свои именины восемь народныхъ учителей. „Они, бѣдняги, никого не видятъ тамъ, кромѣ мужиковъ,“—сказала про себя барыня. На другой день послѣ бала явился къ ней урядникъ и потребовалъ списокъ приглашенныхъ учителей, для рапорта по начальству. Помѣщица отказала.

— „Ну, хорошо—сказалъ урядникъ—я самъ дознаюсь и отрапортую. Учителя *не имѣютъ права* собираться вмѣстѣ. Если они сдѣлали это, я обязанъ донести“. Высокое общественное положеніе барыни въ данномъ случаѣ спасло учителей; но соберись они у одного изъ товарищей, къ нимъ, навѣрное, нагрянули бы жандармы,

и половина была бы уволена министерствомъ народнаго просвѣщенія. А если бы у кого нибудь изъ нихъ сорвалось рѣзкое слово во время нашествія, то его навѣрное отправили бы подальше. Такія-то дѣла происходятъ теперь, черезъ тридцать-три года послѣ введенія земскаго положенія; но въ семидесятыхъ годахъ было еще хуже. Какой же базисъ для политической борьбы могли представлять подобныя учрежденія?

Когда я получилъ по наслѣдству отъ отца тамбовское помѣстье, я нѣкоторое время серьезно думалъ поселиться тамъ и посвятить всю энергію земской службѣ. Нѣкоторые крестьяне и бѣдные священники окружныхъ деревень просили меня объ этомъ. Что касается меня, я удовольствовался бы всякимъ дѣломъ, какъ бы скромно оно ни было, если бы только оно дало мнѣ возможность поднять умственный уровень и благосостояніе крестьянъ. Разъ, когда нѣкоторые изъ тѣхъ, которые совѣтовали мнѣ остаться, собрались вмѣстѣ,—я спросилъ ихъ: „предположимъ, я попробую открыть школу, заведу образцовую ферму, артельное хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ заступлюсь вотъ за такого то изъ нашихъ крестьянъ, волостного судью, котораго недавно выпороли въ угоду помѣщику С—ну. Дадутъ ли мнѣ возможность продолжать?“ И всѣ мнѣ отвѣтили единодушно: „ни-за-что“.

Нѣсколько дней спустя явился ко мнѣ очень уважаемый въ окрестности, сѣдой священникъ съ двумя вліятельными раскольничьими наставниками.

— Потолкуйте съ ними хорошенько,— сказалъ онъ мнѣ.—Если у васъ лежитъ къ тому сердце, такъ вы идите съ ними, и съ Евангеліемъ въ рукахъ проповѣдуйте крестьянамъ... Вы сами знаете, что проповѣдовать... Никакая полиція не разыщетъ васъ, если они васъ будутъ скрывать. Ничего другого не подѣлаешь. Вотъ какой совѣтъ я, старикъ, могу вамъ подать.

Я откровенно сказалъ имъ, почему не могу стать новымъ Виклифомъ. Но старикъ былъ правъ. Теперь среди крестьянъ быстро распространяется движеніе, подобное религіозному движенію лоллардовъ. Пытки, ко-

торымъ подверглись миролюбивые духоборы, и набѣги, свершавшіеся въ 1897 году на штундистовъ, у которыхъ отнимали дѣтей, для воспитанія ихъ въ провинціальныхъ монастыряхъ,—придадутъ движенію еще бо́льшую силу, чѣмъ оно могло проявить двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Такъ какъ во время нашихъ споровъ постоянно поднимался вопросъ о необходимости агитаціи въ пользу конституціи,—то я однажды предложилъ кружку серьезно обсудить это дѣло и выработать планъ дѣйствій. Я всегда держался того мнѣнія, что если кружокъ что нибудь рѣшитъ единогласно, каждый долженъ отложить свое личное чувство и приложить всѣ усилія для общей работы. „Если вы рѣшите вести агитацію въ пользу конституціи, говорилъ я, то сдѣлаемъ такъ. Я отдѣлюсь отъ кружка въ видахъ конспираціи и стану поддерживать сношенія съ нимъ черезъ кого нибудь одного,—напримѣръ, Чайковскаго. Черезъ него вы будете мнѣ сообщать о вашей дѣятельности, а я буду знакомить васъ въ общихъ чертахъ съ моею. Я-же поведу мою агитацію въ высшихъ и придворныхъ кругахъ. Тамъ у меня много знакомыхъ, и тамъ я знаю не мало такихъ, которые уже недовольны современнымъ порядкомъ. Я сведу ихъ вмѣстѣ и, если удастся, объединю въ какую нибудь организацію. А впослѣдствіи, навѣрное, выпадетъ случай двинуть всѣ эти силы, съ цѣлью заставить Александра II дать Россіи конституцію. Придетъ время, когда всѣ эти люди, видя, что они скомпрометированы, въ своихъ собственныхъ-же интересахъ вынуждены будутъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Тѣ изъ насъ, которые были офицерами, могли бы вести пропаганду въ арміи. Но вся эта дѣятельность должна вестись отдѣльно отъ вашей, хотя и параллельно съ ней. Я серьезно объ этомъ думалъ и знаю, какія у меня есть связи и кому можно довѣрять: думаю также, что нѣкоторые изъ недовольныхъ уже и теперь смотрятъ на меня, какъ на своего рода центръ, вокругъ котораго можно объединиться.

Лично я не выбралъ бы такой дѣятельности; но если вы думаете, что такъ нужно, я отдамся ей душой и тѣломъ".

Кружокъ не принялъ этого предложенія. Зная отлично другъ друга, товарищи, вѣроятно, рѣшили, что, избравъ такую дѣятельность, я не буду вѣренъ самому себѣ. Въ видахъ чисто личныхъ, я теперь крайне радъ, что мое предложеніе тогда не приняли. Я пошелъ бы по пути, къ которому не лежало мое сердце и не нашелъ бы личнаго счастья, которое встрѣтилъ, пойдя по другому направленію...

Но шесть или семь лѣтъ спустя, когда террористы были всецѣло поглощены страшной борьбой съ Александромъ II, я пожалѣлъ о томъ, что кто нибудь другой не занялся въ высшихъ петербургскихъ кругахъ выполненіемъ плана, который я изложилъ предъ кружкомъ. Если бы почва была подготовлена, то развѣтвившееся по всей имперіи движеніе, быть можетъ, сдѣлало бы то, что гекатомба жертвъ не погибла бы напрасно. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ подпольной дѣятельностью Исполнительнаго Комитета, обязательно должна была бы вестись параллельная агитація въ Зимнемъ дворцѣ.

Не разъ обсуждали мы въ нашемъ кружкѣ необходимость политической борьбы, но не приходили ни къ какому результату. Апатія и равнодушіе богатыхъ классовъ были безнадежны, а раздраженіе среди молодежи еще не достигло того напряженія, которое выразилось шесть или семь лѣтъ спустя борьбой террористовъ подъ руководствомъ исполнительнаго комитета. Мало того,—такова трагическая иронія исторіи,—та самая молодежь, которую Александръ II отправлялъ сотнями въ ссылку и въ каторжныя работы,—охраняла его въ 1871 — 1878 годахъ. Сами соціалистическія программы кружковъ мѣшали повторенію новаго покушенія на царя. Лозунгомъ того времени было: „Подготовьте въ Россіи широкое соціалистическое движеніе среди крестьянъ и рабочихъ. О царѣ-же и его совѣтникахъ не хлопочите. Если движеніе начнется, если крестьяне присоединятся массами

и потребуютъ землю и отмѣну выкупныхъ платежей, правительство прежде всего, попробуетъ опереться на богатые классы и на помѣщиковъ и созоветъ земскій соборъ. Точно такимъ же образомъ крестьянскія возстанія во Франціи, въ 1789 году принудили королевскую власть созвать національное собраніе. То же самое будетъ и въ Россіи".

Отдѣльныя личности и кружки настаивали на необходимости повторить попытку Каракозова. Но организованные кружки упорно были противъ этого и настойчиво отговаривали товарищей. Теперь я могу обнародовать фактъ, который до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ. Изъ южныхъ губерній пріѣхалъ однажды въ Петербургъ молодой человѣкъ съ твердымъ намѣреніемъ убить Александра II. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые чайковцы долго убѣждали юношу не дѣлать этого; но такъ какъ они не могли переубѣдить его, то заявили, что помѣшаютъ ему силой. Зная, какъ слабо охранялся въ ту пору Зимній дворецъ, я могу утвердительно сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Такъ твердо была тогда молодежь противъ той самой войны, въ которую она бросилась потомъ съ самоотверженіемъ, когда чаша ея страданій переполнилась.

XV

Тѣ два года, что я проработалъ въ кружкѣ Чайковскаго, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе навсегда. Въ эти два года моя жизнь была полна лихорадочной дѣятельности. Я позналъ тотъ мощный размахъ жизни, когда каждую секунду чувствуешь напряженное трепетаніе всѣхъ фибръ внутренняго *я*,—тотъ размахъ, ради котораго одного только и стоитъ жить. Я находился въ семьѣ людей, такъ тѣсно сплоченныхъ для общей цѣли и взаимныя отношенія которыхъ были проникнуты такой глубокой любовью къ человѣчеству и такой тонкой деликатностью, что не могу припомнить ни одного момента,

когда жизнь нашего кружка была бы омрачена хотя бы малѣйшимъ недоразумѣніемъ. Этотъ фактъ оцѣнятъ въ особенности тѣ, которымъ приходилось когда-нибудь вести политическую агитацію.

Прежде чѣмъ совершенно оставить ученую дѣятельность, я считалъ моею обязанностью закончить для Географическаго общества отчетъ о поѣздкѣ въ Финляндію, а также и другія географическія работы. Мои новые друзья такъ и совѣтовали мнѣ. „Не хорошо было бы поступить иначе“, говорили они. Потому я засѣлъ усердно за работу, чтобы поскорѣе закончить мои книги по географіи и геологіи.

Нашъ кружокъ собирался часто, и я никогда не пропускалъ сходокъ. Мы собирались тогда въ предмѣстьѣ Петербурга, въ домикѣ, который сняла Софья Перовская, жившая подъ паспортомъ жены мастерового. Перовская, какъ извѣстно, родилась въ аристократической семьѣ. Отецъ ея одно время былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ согласія матери, обожавшей дочь, Софья Перовская оставила родной домъ и поступила на высшіе курсы, а потомъ съ тремя сестрами Корниловыми, дочерьми богатаго фабриканта, основала тотъ маленькій кружокъ саморазвитія, изъ котораго впослѣдствіи возникъ нашъ. Теперь, въ повязанной платкомъ мѣщанкѣ, въ ситцевомъ платьѣ, въ мужскихъ сапогахъ, таскавшей воду изъ Невы, никто не узналъ бы барышни, которая недавно блистала въ аристократическихъ петербургскихъ салонахъ. Она была общей любимицей. Каждый изъ насъ, входя въ домъ, который она пыталась содержать въ чистотѣ, улыбался ей особенно дружески; мы улыбались даже тогда, когда она донимала насъ за грязь, которую мы натаскивали нашими мужицкими сапогами и полушубками: мы долго мѣсили грязь предмѣстья, покуда добирались до домика. Перовская пыталась тогда придать своему невинному, очень умному личику самое ворчливое выраженіе, какое только могла, за что мы и прозвали ее „Захаромъ“. По нравственнымъ воззрѣніямъ она была риго-

ристка, но отнюдь не проповѣдница. Когда она была недовольна кѣмъ нибудь, то бросала на него строгій взглядъ изъ подлобья; но въ немъ видѣлась открытая, великодушная натура, которой все человѣческое было доступно. Только по одному пункту она была непреклонна.—„Бабникъ“, выпалила она однажды, говоря о комъ-то, и выраженіе, съ которымъ она произнесла это слово, не отрываясь отъ работы, навѣки врѣзалось въ моей памяти.

Перовская была „народницей“ до глубины души, и въ то же время революціонеркой и бойцомъ чистѣйшаго закала. Ей не было надобности украшать работниковъ и крестьянъ вымышленными добродѣтелями, чтобы полюбить ихъ и чтобы работать для нихъ. Она брала ихъ такими, какъ они есть, и разъ, помню, сказала мнѣ: „Мы затѣяли большое дѣло. Быть можетъ, двумъ поколѣніямъ придется лечь на немъ; но сдѣлать его надо. „Ни одна изъ женщинъ нашего кружка не отступила бы предъ смертью на эшафотѣ. Каждая изъ нихъ заглянула бы смерти прямо въ глаза. Но въ то время, въ этой стадіи пропаганды, никто объ этомъ еще не думалъ. Извѣстный портретъ Перовской очень похожъ на нее. Онъ хорошо передаетъ ея сознательное мужество, ея открытый здравый умъ и любящую душу. Никогда еще женщина не выразила такъ своего чувства любящей души, какъ Перовская въ томъ письмѣ къ матери, которое она написала за нѣсколько часовъ до того, какъ взошла на эшафотъ.

Слѣдующій случай покажетъ, каковы были остальныя женщины, принадлежавшія къ нашему кружку. Разъ ночью мы съ Купріяновымъ отправились съ важнымъ сообщеніемъ къ Варварѣ Б. Было уже далеко за полночь; но такъ какъ мы увидали свѣтъ въ ея окнѣ, то поднялись по лѣстницѣ. Б—ва сидѣла въ маленькой комнатѣ за столомъ и переписывала программу нашего кружка. Мы знали ея рѣшительность, и намъ пришла въ голову мысль выкинуть одну изъ тѣхъ глупыхъ шутокъ, которыя люди иногда считаютъ остроумными.

— Б., мы пришли за вами,—началъ я.—Мы хотимъ сдѣлать почти безумную попытку освободить товарищей изъ крѣпости.

Б. не задала ни одного вопроса. Она положила перо, спокойно поднялась и сказала: „идемъ!“ Она произнесла это такъ просто, что я сразу понялъ какъ глупа была моя шутка, и признался во всемъ Б. Она опять опустилась на стулъ, и на глазахъ у ней блеснули слезы.— „Такъ это была только шутка?“—переспросила она съ упрекомъ. “Какъ можно *этимъ* шутить!“ Я вполнѣ понялъ тогда всю жестокость моихъ словъ.

Другимъ общимъ любимцемъ нашего кружка былъ Сергѣй Кравчинскій, хорошо извѣстный въ Англіи и въ Америкѣ подъ псевдонимомъ Степняка. Мы иногда называли его „Младенцемъ“, такъ мало заботился онъ о собственной безопасности. Но эта беззаботность являлась результатомъ безстрашія, которое, въ концѣ концовъ, бываетъ часто лучшимъ средствомъ спастись отъ преслѣдованій полиціи. Онъ скоро сталъ хорошо извѣстенъ рабочимъ, какъ пропагандистъ, подъ именемъ „Сергѣя“, и поэтому, полиція усиленно его разыскивала. Не смотря на то, онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Помнится, разъ на сходкѣ ему задали большую головомойку за то, что товарищи сочли большой неосторожностью. Сергѣй, по обыкновенію, опоздалъ на сходку и, чтобы попасть во время, онъ, одѣтый мужикомъ, въ полушубкѣ, промчался бѣгомъ по серединѣ Литейной.

— Какъ же можно такъ дѣлать?—упрекали его.—Ты могъ возбудить подозрѣніе и тебя забрали бы, какъ простого вора!

Но я желалъ бы, чтобы всѣ были такъ же осторожны, какъ Сергѣй, въ тѣхъ случаяхъ, когда могли бы быть скомпрометированы другіе.

Мы сблизились съ нимъ впервые по поводу книги Стэнли, „Какъ я нашелъ Ливингстона“. Разъ наша сходка затянулась до полуночи; когда мы уже собира-

лись расходиться, вошла съ книгой одна изъ Корниловыхъ и спросила, кто изъ насъ возьмется перевести къ восьми часамъ утра шестнадцать страницъ англійскаго текста. Я взглянулъ на размѣръ страницъ и сказалъ, что если кто-нибудь поможетъ мнѣ, то работу можно сдѣлать за ночь. Вызвался Сергѣй, и къ четыремъ часамъ утра печатный листъ былъ переведенъ. Мы прочитали другъ другу наши переводы, причемъ одинъ слѣдилъ по англійскому тексту. Затѣмъ мы опорожнили горшокъ каши, который оставили для насъ на столѣ, и вмѣстѣ вышли, чтобы возвратиться домой. Съ той ночи мы стали близкими друзьями.

Я всегда любилъ людей, умѣющихъ работать и выполняющихъ свою работу, какъ слѣдуетъ. Поэтому, переводъ Сергѣя и его способность быстро работать уже расположили меня въ его пользу. Когда же я узналъ его ближе, то сильно полюбилъ его за честный, открытый характеръ, за юношескую энергію, за здравый смыслъ, за выдающійся умъ и простоту, за вѣрность, смѣлость и стойкость. Сергѣй много читалъ и много думалъ и, оказалось, мы держались одинаковыхъ взглядовъ на революціонный характеръ начатой нами борьбы. Онъ былъ лѣтъ на десять моложе меня и, быть можетъ, не вполнѣ еще отдавалъ себѣ отчетъ, какую упорную борьбу вызоветъ предстоящая революція. Впослѣдствіи онъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ эпизодъ изъ своего ранняго хожденія въ народъ. „Разъ, — разсказывалъ онъ,—идемъ мы съ товарищемъ по дорогѣ. Нагоняетъ насъ мужикъ на дровняхъ. Я сталъ толковать ему, что податей платить не слѣдуетъ,—что чиновники грабятъ народъ и что по Писанію выходитъ, что надо бунтовать. Мужикъ стегнулъ коня; но и мы прибавили шагу. Онъ погналъ лошадь трусцой; но и мы побѣжали вслѣдъ, и все время я продолжалъ ему втолковывать на счетъ податей и бунта. Наконецъ, мужикъ пустилъ коня вскачь; но лошаденка была дрянная, такъ что мы не отставали отъ саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсѣмъ перехватило дыханье“.

Нѣкоторое время Сергѣй жилъ въ Казани, и мнѣ приходилось вести съ нимъ переписку. Онъ ненавидѣлъ шифровку писемъ, поэтому я предложилъ ему другой способъ переписки, который часто и прежде примѣнялся для конспиративныхъ цѣлей. Вы пишете самое обыкновенное письмо о разныхъ разницахъ; но въ немъ слѣдуетъ читать только нѣкоторыя слова,—напримѣръ, пятое. Такъ, вы пишете: „Прости, что пишу второпяхъ. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ. Завтра утромъ я долженъ поѣхать къ сестрѣ Лизѣ. Моему брату Николаю стало хуже. Теперь уже поздно сдѣлать операцію". Читая каждое пятое слово, получается: „Приходи завтра къ Николаю, поздно". Приходилось писать письма на шести-семи страницахъ, чтобы передать одну страницу сообщеній. Нужно было, кромѣ того, изощрять воображеніе, чтобы выдумать письмо, въ которое можно было бы втиснуть все необходимое. Сергѣю, отъ котораго невозможно было добиться зашифрованнаго письма,— очень понравился этотъ способъ переписки. Онъ строчилъ мнѣ посланія, содержавшія цѣлыя повѣсти съ потрясающими эпизодами и драматической развязкой. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что эти письма помогли ему развить беллетристическій талантъ. Если у кого есть дарованіе, то все содѣйствуетъ его развитію.

Въ январѣ или февралѣ 1874 года я жилъ въ Москвѣ, въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, въ которомъ прошло мое дѣтство. Разъ рано утромъ мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть какой-то крестьянинъ. Я вышелъ—и увидалъ Сергѣя, который только что бѣжалъ изъ Тверской губерніи. Онъ былъ очень силенъ, и ходилъ по деревнямъ, какъ пильщикъ, вмѣстѣ съ другимъ, такимъ же силачемъ, отставнымъ офицеромъ, Рогачевымъ. Работа была очень тяжелая, въ особенности для непривычныхъ рукъ; но и Рогачевъ, и Сергѣй полюбили ее. Никто не узналъ бы въ здоровыхъ пильщикахъ бывшихъ офицеровъ. Они ходили, такимъ образомъ, не возбуждая подозрѣнія, недѣли двѣ, смѣло пропагандируя направо и налѣво. Иногда Сергѣй, знавшій Евангеліе почти на-

изустъ, толковалъ его мужикамъ и доказывалъ стихами изъ него, что слѣдуетъ начать бунтъ. Иногда онъ толковалъ имъ отъ великихъ экономистовъ. Крестьяне слушали пропагандистовъ, какъ настоящихъ апостоловъ, водили ихъ изъ избы въ избу и отказывались брать деньги за харчи. Въ двѣ недѣли пропагандисты создали настоящее броженіе въ нѣсколькихъ деревняхъ. Молва про нихъ распространилась широко вокругъ. Старые и молодые крестьяне стали шептаться по амбарамъ про „ходоковъ“ и начали громче говорить, что скоро землю отберутъ отъ господъ, которыхъ царь возьметъ на жалованье. Молодежь стала посмѣлѣе по отношенію къ полиціи и говорила: „подождите; скоро прійдетъ нашъ чередъ. Не будете вы, иродово племя, верховодить надъ нами!“ Но слава про пильщиковъ дошла и до становаго, и ихъ забрали. Отданъ былъ приказъ доставить ихъ въ станъ, находившійся верстахъ въ двадцати.

Повели ихъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ мужиковъ. По пути пришлось проходить деревней, гдѣ былъ храмовой праздникъ.

— Кто такіе? Арестанты? Ладно. Валяй къ намъ, дяденьки — говорили пировавшіе мужики.

Арестантовъ и стражу задержали на цѣлый день, водя ихъ изъ избы въ избу и угощая брагой. Стражники не заставляли себя упрашивать долго. Они пили и убѣждали арестантовъ тоже пить. „Къ счастью, — разсказывалъ Сергѣй,—брага обходила кругомъ въ такомъ большомъ жбанѣ, что никто не могъ видѣть, сколько я пью, когда я прикладывался къ посудинѣ“. Къ вечеру, стража перепилась; и такъ какъ она не хотѣла предстать въ такомъ видѣ предъ становымъ, то рѣшено было заночевать въ деревнѣ. Сергѣй все время бесѣдовалъ съ крестьянами. Они слушали его и жалѣли, что такихъ хорошихъ людей ведутъ въ станъ. Когда всѣ укладывались спать, одинъ изъ молодыхъ конвойныхъ шепнулъ Сергѣю: „ворота я притворю только, — не запру на запоръ“. Сергѣй и Рогачевъ поняли намекъ. Когда всѣ заснули, они выбрались на улицу, пошли скорымъ

шагомъ и къ пяти часамъ утра были уже верстахъ въ двадцати-пяти отъ деревни, на полустанкѣ, гдѣ съ первымъ поѣздомъ отправились въ Москву. Сергѣй тутъ и остался. Потомъ, когда насъ всѣхъ въ Петербургѣ арестовали, московскій кружокъ, въ которомъ вдохновителями были онъ и Войнаральскій, сдѣлался главнымъ центромъ агитаціи.

Тамъ и сямъ пропагандисты селились небольшими группами, подъ различными видами, въ городахъ и въ деревняхъ. Устраивались кузницы, другіе садились на землю, и молодежь изъ богатыхъ семей работала въ этихъ мастерскихъ или же въ полѣ, чтобы быть въ постоянномъ соприкосновеніи съ трудящимися массами. Въ Москвѣ нѣсколько бывшихъ цюрихскихъ студентокъ основали свою собственную организацію и сами поступили на ткацкія фабрики, гдѣ работали по четырнадцати-шестнадцати часовъ въ день и вели въ общихъ казармахъ тяжелую, неприглядную жизнь русскихъ фабричныхъ женщинъ. То было великое, подвижническое движеніе, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, принимало активное участье отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ; причемъ вдвое или втрое больше этого сочувствовали и всячески помогали боевому авангарду. Нашъ петербургскій кружокъ правильно переписывался (конечно, при помощи шифровъ) съ доброй половиной этой арміи.

Мы скоро нашли недостаточной легальную литературу, въ которой строгая цензура запрещала всякій намекъ на соціализмъ, и завели заграницей собственную типографію. Приходилось, конечно, составлять особыя брошюры для работниковъ и крестьянъ, такъ что у „литературнаго комитета“, членомъ котораго я состоялъ, работы всегда было много. Сергѣй написалъ нѣсколько изъ этихъ брошюръ, между прочимъ „Слово на великій пятокъ“, въ духѣ Ламенэ; въ другой же, „Мудрица Наумовна“, онъ излагалъ соціалистическое ученіе въ формѣ сказки. Обѣ брошюры имѣли большой успѣхъ. Книги и брошюры, отпечатанныя за границей, ввозились

контрабандой, тюками въ Россію, складывались въ извѣстныхъ мѣстахъ, а потомъ разсылались мѣстнымъ кружкамъ, которые распространяли уже литературу среди крестьянъ и работниковъ. Для всего этого требовалась громадная организація, частыя поѣздки за-границу, обширная переписка. Въ особенности это нужно было, чтобы охранять нашихъ помощниковъ и книжные склады отъ полиціи. У насъ имѣлись спеціальные шифры для каждаго изъ провинціальныхъ кружковъ, и часто, послѣ шести или семи-часоваго обсужденія мельчайшихъ подробностей, женщины, не довѣрявшія нашей аккуратности въ шифрованной перепискѣ, работали еще ночь напролетъ, исписывая листы кабалистическими знаками и дробными числами.

Наши засѣданія отличались всегда сердечнымъ отношеніемъ членовъ другъ къ другу. Предсѣдатель и всякаго рода формальности крайне не по сердцу русскимъ, и у насъ ничего подобнаго не было. И хотя наши споры бывали порой очень горячи, въ особенности, когда обсуждались „програмные вопросы“, мы всегда отлично обходились безъ западно-европейскихъ формальностей. Довольно было одной абсолютной искренности, общаго желанія разрѣшить дѣло возможно лучше и нескрываемаго отвращенія ко всякому проявленію театральности. Если бы кто нибудь изъ насъ прибѣгъ къ декламаторскимъ эффектамъ въ рѣчи, мы шутками напомнили бы ему, что цвѣты краснорѣчія неумѣстны. Часто намъ приходилось обѣдать на сходкахъ же—и наша ѣда неизмѣнно состояла изъ чернаго хлѣба, соленыхъ огурцовъ, кусочка сыра или колбасы и жидкаго чая въ волю. Ѣли мы такъ не потому, что денегъ было мало; ихъ у насъ было всегда много; и все же ихъ не хватало на всѣ расходы по печатанью и перевозкѣ книгъ, укрыванію товарищей, разыскиваемыхъ жандармами, и на всякія новыя предпріятія.

Въ Петербургѣ мы скоро завели обширныя знакомства среди рабочихъ. Сердюковъ, юноша, получившій прекрасное образованіе, завелъ многихъ пріятелей среди

заводскихъ рабочихъ, большая часть которыхъ работала на казенномъ оружейномъ заводѣ, и устроилъ кружокъ, человѣкъ въ тридцать, собиравшійся для чтенія и бесѣдъ. Заводскимъ недурно платили въ Петербургѣ, и холостые жили, не нуждаясь. Они скоро освоились съ радикальной и соціалистической литературой того времени, и Бокль, Лассаль, Милль, Дрэперъ, Шпильгагенъ стали для нихъ знакомыми именами. По развитію, эти заводскіе мало чѣмъ отличались отъ студентовъ. Когда Дмитрій, Сергѣй и я присоединились къ чайковцамъ, мы втроемъ часто посѣщали ихъ кружокъ и вели тамъ бесѣды на различныя темы. Однако, наши надежды, что эти молодые люди станутъ пропагандистами среди остальныхъ работниковъ, положеніе которыхъ гораздо хуже ихняго, не вполнѣ оправдались. Въ свободной странѣ, они стали бы обычными ораторами на общественныхъ сходкахъ; но, подобно привилегированнымъ женевскимъ часовщикамъ, они относились къ простымъ фабричнымъ съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ и отнюдь не горѣли желаніемъ стать мучениками соціалистическаго дѣла. Только послѣ того, какъ большинство изъ нихъ арестовали, и нѣкоторыхъ продержали въ тюрьмѣ года по три, за то, что они дерзнули *думать*, какъ соціалисты; послѣ того лишь, какъ нѣкоторые измѣрили всю безграничность россійскаго произвола, они стали горячими пропагандистами, — главнымъ образомъ, политической революціи.

Мои симпатіи влекли меня преимущественно къ ткачамъ и къ фабричнымъ рабочимъ вообще. Въ Петербургъ сходятся тысячи такихъ работниковъ, которые на лѣто возвращаются въ свои деревни пахать землю. Эти полу-крестьяне, полу-фабричные приносятъ въ городъ мірской духъ русской деревни. Революціонная пропаганда среди нихъ шла очень успѣшно. Мы должны были даже удерживать рвеніе нашихъ новыхъ друзей:—иначе они водили бы къ намъ на квартиры сотни товарищей, стариковъ и молодежь. Большинство ихъ жило небольшими артелями, въ десять-двѣнадцать человѣкъ, на

общей квартирѣ и харчевались сообща, причемъ каждый участникъ вносилъ ежемѣсячно свою долю расходовъ. На эти то квартиры мы и отправлялись. Ткачи скоро познакомили насъ съ другими артелями: каменьщиковъ, плотниковъ и тому подобными, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ артелей Сергѣй, Дмитрій, Ш—о и нѣкоторые другіе наши товарищи были свои люди; цѣлыя ночи толковали они тутъ про соціализмъ. Во многихъ частяхъ Петербурга и предмѣстій у насъ были особыя квартиры, снимаемыя товарищами. Туда каждый вечеръ приходило человѣкъ десять работниковъ, чтобы учиться грамотѣ и потомъ побесѣдовать. Время отъ времени кто нибудь изъ насъ отправлялся также на недѣлю или двѣ въ тѣ деревни, откуда были родомъ наши пріятели, и тамъ пропагандировалъ почти открыто среди крестьянъ.

Конечно, всѣ тѣ, которые вели пропаганду среди работниковъ, переодѣвались крестьянами. Пропасть, отдѣляющая въ Россіи „барина“ отъ мужика такъ глубока, они такъ рѣдко приходятъ въ соприкосновеніе, что появленіе въ деревнѣ человѣка, одѣтаго „по господски“ возбуждало бы всеобщее вниманіе. Но даже и въ городѣ полиція немедленно бы насторожилась, если бы замѣтила среди работниковъ человѣка, не похожаго на нихъ по платью и разговору. „Чего ему якшаться съ простымъ народомъ, если у него нѣтъ злаго умысла?“ Очень часто, послѣ обѣда въ аристократическомъ домѣ, а то даже въ Зимнемъ Дворцѣ, куда я заходилъ иногда, повидать пріятеля, я бралъ извозчика и спѣшилъ на бѣдную студенческую квартиру въ дальнемъ предмѣстьѣ, гдѣ снималъ изящное платье, надѣвалъ ситцевую рубаху, крестьянскіе сапоги и полушубокъ и отправлялся къ моимъ пріятелямъ ткачамъ, перешучиваясь по дорогѣ съ мужиками. Я разсказывалъ моимъ слушателямъ про рабочее движеніе за-границей, про Интернаціоналъ, про Коммуну 1871-го года. Они слушали съ большимъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни слова, а затѣмъ ставили вопросъ, „что мы можемъ сдѣлать въ Россіи“ Мы отвѣчали: „Слѣдуетъ проповѣдовать, от-

бирать лучшихъ людей и организовать ихъ. Другого средства нѣтъ". Мы читали имъ исторію французской революціи, по передѣлкѣ изъ превосходной „Исторіи Крестьянина" Эркмана Шатріана. Всѣ восторгались „г. Шовелевымъ", ходившимъ по деревнямъ и распространявшимъ запрещенныя книги. Всѣ горѣли желаніемъ послѣдовать его примѣру. „Толкуйте съ другими,—говорили мы,—сводите людей между собою, а когда насъ станетъ больше, мы увидимъ, чего можно добиться". Работники вполнѣ понимали насъ, и намъ приходилось только удерживать ихъ рвеніе.

Среди нихъ я проводилъ не мало хорошихъ часовъ. Въ особенности памятенъ мнѣ первый день 1874 года, послѣдній новый годъ, который я провелъ въ Россіи на свободѣ. Новый годъ я встрѣтилъ въ избранномъ обществѣ. Говорилось тамъ не мало выспреннихъ, благородныхъ словъ о гражданскихъ обязанностяхъ, о благѣ народа и тому подобномъ. Но во всѣхъ этихъ прочувствованныхъ рѣчахъ чуялась одна нота. Каждый изъ гостей, казалось, былъ въ особенности занятъ мыслью, какъ бы ему сохранить свое собственное благосостояніе. Никто, однако, не смѣлъ прямо и открыто признаться, что онъ готовъ сдѣлать только то, что не сопряжено ни съ какими опасностями для него. Софизмы, безконечный рядъ софизмовъ на счетъ медленности эволюціи, косности массъ, безполезности жертвъ высказывались для того только, чтобы скрыть истинные мотивы,—въ перемежку съ увѣреніями на счетъ готовности къ жертвамъ... Мною внезапно овладѣла тоска и я ушелъ съ этого вечера.

На другое утро я пошелъ на сходку ткачей. Она происходила въ темномъ подвалѣ. Я былъ одѣтъ крестьяниномъ и затерялся въ толпѣ другихъ полушубковъ. Товарищъ, котораго работники знали, представилъ меня запросто: „Бородинъ, мой пріятель". „Разскажи намъ, Бородинъ,—предложилъ онъ,—что ты видѣлъ за-границей?" И я принялся разсказывать о рабочемъ движеніи въ Западной Европѣ; о борьбѣ пролетаріата, о труд-

ностяхъ, которыя предстоитъ ему преодолѣть, о его надеждахъ.

На сходкѣ, большею частью, были люди средняго возраста. Разсказъ мой чрезвычайно заинтересовалъ ихъ и они задавали мнѣ рядъ вопросовъ, вполнѣ къ дѣлу: о мельчайшихъ подробностяхъ рабочихъ союзовъ, о цѣляхъ Интернаціонала и о шансахъ его на успѣхъ. Затѣмъ пошли вопросы, что можно сдѣлать въ Россіи, и о послѣдствіяхъ нашей пропаганды. Я никогда не уменьшалъ опасностей нашей агитаціи и откровенно сказалъ, что думалъ. „Насъ, вѣроятно, скоро сошлютъ въ Сибирь, а васъ, то-есть нѣкоторыхъ изъ васъ, продержатъ долго въ тюрьмѣ за то, что вы насъ слушали“. Мрачная перспектива не охладила и не испугала ихъ. „Чтожъ, и въ Сибири не все, почитай, медвѣди живутъ: есть и люди? Гдѣ люди живутъ, тамъ и мы не пропадемъ“. „Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“. „Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить“. „Отъ сумы и отъ тюрьмы не зарекайся“.

И когда потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовали, они почти всѣ держались отлично и не выдали никого.

XVI

Въ тѣ два года, о которыхъ я говорю, было произведено много арестовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и по всей Россіи. Не проходило мѣсяца безъ того, чтобы мы не досчитывались кого-либо изъ насъ, или безъ того, чтобы не забрали какого-нибудь изъ членовъ провинціальныхъ группъ. Къ концу 1873 года аресты участились. Въ ноябрѣ полиція нагрянула на одну изъ нашихъ главныхъ квартиръ, за Нарвской Заставой. Мы потеряли Перовскую и трехъ другихъ товарищей. Всѣ сношенія съ работниками въ этой части Петербурга пришлось прекратить. Жандармы стали очень бдительны и сразу замѣчали появленіе студента въ рабочемъ кварталѣ. Мы основали новое поселеніе, еще дальше за городомъ,

но и его скоро пришлось оставить. Среди рабочихъ шныряли шпіоны и зорко слѣдили за ними. Въ нашихъ полушубкахъ, съ нашимъ крестьянскимъ видомъ, Дмитрій, Сергѣй и я пробирались незамѣченными. Мы продолжали посѣщать кварталы, кишѣвшіе жандармами и шпіонами. Но положеніе Дмитрія и Сергѣя было очень опасно. Полиція усиленно разыскивала ихъ, такъ какъ ихъ имена пріобрѣли широкую извѣстность въ рабочихъ кварталахъ. Если бы К—а или Кравчинскаго случайно нашли на квартирѣ знакомыхъ, куда полиція явилась бы съ обыскомъ, ихъ бы немедленно забрали. Бывали періоды, когда Дмитрію каждый день приходилось разыскивать квартиру, гдѣ онъ сравнительно спокойно могъ бы провести ночь.

— Могу я переночевать у васъ?—спрашивалъ онъ, являясь къ товарищу въ десятомъ часу вечера.

— Совсѣмъ невозможно. За моей квартирой въ послѣднее время сильно слѣдятъ. Лучше ступайте къ N.

— Да я только что отъ него. Онъ говоритъ, что его домъ окруженъ шпіонами.

— Ну, ступайте къ М. Онъ мой большой пріятель и внѣ подозрѣнія; но до него далеко. Возьмите извозчика. Вотъ деньги.—Но изъ принципа Дмитрій денегъ не бралъ и плелся пѣшкомъ за ночлегомъ въ противоположный конецъ города,—а то оставался у товарища, къ которому ежеминутно могли нагрянуть съ обыскомъ.

Въ январѣ 1874 года полиція захватила нашу главную цитадель на Выборгской, служившую намъ для пропаганды среди ткачей. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ пропагандистовъ исчезли за таинственными воротами третьяго отдѣленія. Нашъ кружокъ порѣдѣлъ. Собраться на общую сходку становилось все труднѣе. Мы напрягали всѣ усилія, чтобы образовать новые кружки изъ молодежи, которая могла бы продолжать дѣло, когда насъ арестуютъ. Чайковскій былъ тогда на югѣ. Мы убѣдили или, попросту, заставили Сергѣя и Дмитрія уѣхать изъ Петербурга. Мы повелѣли имъ выѣхать. Насъ оставалось въ Петербургѣ не больше пяти-шести человѣкъ, чтобы про-

должать дѣло нашего кружка. Я намѣревался, какъ только сдѣлаю докладъ Географическому Обществу, отправиться на югъ, чтобы тамъ создать родъ земельной лиги, нѣчто въ родѣ той организаціи, которая достигла такихъ грозныхъ размѣровъ въ Ирландіи, въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

Два мѣсяца прошло сравнительно спокойно; но вдругъ въ серединѣ марта мы узнали, что почти весь кружокъ заводскихъ арестованъ и, вмѣстѣ съ ними, бывшій студентъ Низовкинъ, къ несчастью, пользовавшійся ихъ довѣріемъ. Мы были увѣрены, что Низовкинъ, выгораживая себя, выдастъ все, что ему извѣстно. Кромѣ Дмитрія и Сергѣя, онъ зналъ основателя кружка, Сердюкова и меня. Мы разсчитывали, что онъ навѣрное назоветъ наши настоящія имена на допросахъ. Черезъ нѣсколько дней забрали двухъ ткачей, крайне ненадежныхъ парней, замотавшихъ даже деньги своихъ товарищей. Они знали меня подъ именемъ Бородина. Эти навѣрное должны были направить полицію на слѣдъ Бородина, одѣтаго по крестьянски и говорившаго на сходкахъ ткачей. Въ одну недѣлю забрали всѣхъ членовъ нашего кружка, кромѣ Сердюкова и меня.

Намъ не оставалось ничего другого, какъ только бѣжать изъ Петербурга, но именно этого мы не хотѣли. На нашихъ рукахъ была громадная организація, какъ внутри Россіи, такъ и за-границею для печатанія тамъ нашихъ изданій и ввоза контрабандою. Какъ оставить, не найдя замѣстителей, всю нашу сѣть кружковъ и колоній въ сорока губерніяхъ, которую мы съ такимъ трудомъ создали въ эти годы и съ которыми мы вели правильную переписку? Какъ, наконецъ, оставить наши рабочіе кружки въ Петербургѣ и наши четыре различныхъ центра для пропаганды среди столичныхъ работниковъ? Какъ бросить все это, прежде чѣмъ мы найдемъ людей, которые поддержатъ наши сношенія и переписку? Мы съ Сердюковымъ рѣшили принять въ нашъ кружокъ двухъ новыхъ членовъ и передать имъ всѣ дѣла. Каждый вечеръ мы встрѣчались въ различ-

ныхъ частяхъ города и усердно работали. Именъ и адресовъ мы никогда не записывали. Зашифрованы у насъ были и сложены въ безопасномъ мѣстѣ только адреса по перевозкѣ книгъ. Поэтому намъ нужно было, чтобы новые члены заучили сотни адресовъ и десятокъ шифровъ. Мы до тѣхъ поръ повторяли ихъ товарищамъ, покуда они не зазубривали ихъ. Каждый вечеръ, такимъ образомъ, мы давали наглядный урокъ по картѣ Европейской Россіи, останавливаясь въ особеннности на западной границѣ, гдѣ жили получавшіе переправленныя контрабандой книги, и на поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ находилось большинство нашихъ поселеній. Затѣмъ, конечно переодѣвшись, мы водили нашихъ новыхъ товарищей знакомить ихъ съ рабочими въ разныхъ частяхъ города.

Самое лучшее въ такомъ случаѣ было бы изчезнуть изъ своей квартиры и появиться въ новомъ мѣстѣ подъ чужимъ именемъ и съ чужимъ паспортомъ. Сердюковъ оставилъ свою квартиру; но такъ какъ у него не было паспорта, то онъ скрывался у знакомыхъ. Я долженъ былъ бы сдѣлать то же самое; но странное обстоятельство задержало меня. Я только что кончилъ записку о ледниковыхъ отложеніяхъ въ Финляндіи и въ Россіи, которую долженъ былъ прочесть на общемъ собраніи въ Географическомъ Обществѣ. Приглашенія были уже разосланы, но вышло такъ, что въ назначенный день должно было состояться соединенное засѣданіе двухъ геологическихъ обществъ Петербурга. Они просили Географическое Общество отложить на недѣлю мой докладъ. Было извѣстно, что я выскажу нѣсколько мыслей о распространеніи ледниковаго покрова до Средней Россіи, а наши геологи, кромѣ моего друга и учителя Фридриха Шмидта, считали это предположеніе слишкомъ смѣлымъ и хотѣли основательно разобрать его. Приходилось, стало быть, остаться еще на недѣлю.

Между тѣмъ таинственные незнакомцы бродили вокругъ моего дома и заходили ко мнѣ подъ различными фантастическими предлогами. Одинъ изъ нихъ предла-

галъ купить лѣсъ въ моемъ тамбовскомъ имѣніи, которое лежало въ безлѣсной степи. Къ моему удивленію я увидалъ на моей улицѣ, на Малой Морской, одного изъ упомянутыхъ выше арестованныхъ ткачей. Такимъ образомъ, я могъ убѣдиться, что за моимъ домомъ слѣдятъ. Между тѣмъ, я долженъ былъ держаться такъ, какъ будто не произошло ничего необыкновеннаго, потому что въ слѣдующую пятницу мнѣ предстояло читать докладъ въ Географическомъ Обществѣ.

Засѣданіе состоялось. Пренія были очень оживленныя, и, во всякомъ случаѣ, хоть одинъ пунктъ удалось отвоевать. Наши геологи признали, что всѣ старыя теоріи о дилювіальномъ періодѣ въ Россіи и разносѣ валуновъ плавающими льдинами рѣшительно ни на чемъ не основаны, и что весь вопросъ слѣдуетъ изучить заново. Я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ нашъ выдающійся геологъ Барботъ-де-Марни сказалъ: „Былъ ли ледяной покровъ или нѣтъ, но мы должны сознаться, господа, что все, что мы до сихъ поръ говорили о дѣйствіи плавающихъ льдинъ въ дѣйствительности не подтверждается никакими изслѣдованіями". Мнѣ предложили занять мѣсто предсѣдателя отдѣленія физической географіи, тогда какъ я самъ задавалъ себѣ вопросъ: не проведу ли я эту самую ночь уже въ Третьемъ отдѣленіи.

Мнѣ слѣдовало бы совсѣмъ не возвращаться въ мою квартиру; но я изнемогалъ отъ усталости и вернулся ночевать. Въ эту ночь жандармы не нагрянули. Я пересмотрѣлъ цѣлый ворохъ моихъ бумагъ, уничтожилъ все, что могло кого нибудь скомпрометировать, уложилъ всѣ вещи и приготовился къ отъѣзду. Я зналъ, что за моей квартирой слѣдятъ, но разсчитывалъ, что полиція явится съ визитомъ только поздно ночью и что, поэтому въ сумеркахъ, подъ вечеръ, мнѣ удастся выбраться незамѣтно. Стемнѣло, и когда я собрался уходить, одна изъ горничныхъ шепнула мнѣ: „вы бы лучше вышли по черной лѣстницѣ". Я понялъ ее, быстро спустился внизъ и выбрался изъ дома. У воротъ стоялъ только

одинъ извозчикъ. Я вскочилъ на дрожки и мы поѣхали по направленію къ Невскому Проспекту. Вначалѣ за мною не было погони и я уже думалъ, что все обстоитъ благополучно. Но вдругъ, уже на Невскомъ, около Думы, я замѣтилъ другого извозчика, который гнался за мной вскачь и вскорѣ сталъ обгонять насъ.

Къ великому изумленію, я увидалъ на дрожкахъ одного изъ двухъ арестованныхъ ткачей, а рядомъ съ нимъ какого то неизвѣстнаго мнѣ господина. Ткачъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, какъ будто хотѣлъ сказать что то. Я велѣлъ моему извозчику остановиться. „Быть можетъ,—подумалъ я,—его только что выпустили и у него ко мнѣ важныя порученія". Но какъ только я остановился, господинъ, сидѣвшій рядомъ съ ткачемъ (то былъ шпіонъ) крикнулъ громко: „г-нъ Бородинъ, князь Кропоткинъ, я васъ арестую"· Онъ подалъ сигналъ полицейскимъ, которыхъ всегда масса на Невскомъ, прыгнулъ ко мнѣ въ дрожки и показалъ бумагу съ печатью петербургской городской полиціи. „У меня приказъ пригласить васъ немедленно къ генералъ-губернатору для объясненія", сказалъ онъ. Сопротивленіе было безполезно. Два полицейскихъ уже стояли рядомъ. Я велѣлъ моему извозчику повернуть назадъ и ѣхать къ генералъ-губернатору. Ткачъ остался на своемъ извозчикѣ и поѣхалъ за нами.

Очевидно, полиція десять дней колебалась арестовать меня, такъ какъ не была увѣрена, что Бородинъ и я, одно и тоже лицо. Мой отвѣтъ на призывъ ткача разрѣшилъ всѣ сомнѣнія.

Случилось такъ, что какъ разъ тогда, когда я уѣзжалъ изъ дому, пріѣхалъ изъ Москвы молодой человѣкъ съ письмомъ ко мнѣ отъ моего пріятеля П. И. Войнаральскаго и къ Полякову отъ Дмитрія. Войнаральскій сообщалъ о томъ, что въ Москвѣ заведена тайная типографія. Вообще въ его письмѣ было много отрадныхъ вѣстей о революціонной дѣятельности въ этомъ городѣ. Я прочиталъ письмо и уничтожилъ его; а такъ какъ во второмъ письмѣ не было ничего, кромѣ невинной прія-

тельской болтовни, то я захватилъ его съ собою. Теперь, когда меня арестовали, я счелъ за лучшее уничтожить и это письмо. Я потребовалъ опять у шпіона его бумагу, и въ то время, какъ онъ доставалъ ее изъ кармана, незамѣтно бросилъ письмо на мостовую. Но когда мы подъѣхали къ генералъ-губернаторскому дому, ткачъ подалъ злосчастную бумажку сыщику, прибавляя: „я видѣлъ, какъ они выбросили письмо на мостовую, и поднялъ его".

Наступили теперь утомительные часы ожиданія прокурора. Представитель судебной власти играетъ, какъ извѣстно, роль подставного лица въ рукахъ жандармовъ. Они выставляютъ его, чтобы придать тѣнь законности обыскамъ и допросамъ. Прошло не мало времени, покуда разыскали прокурора и привезли его, чтобы онъ фигурировалъ, будто бы, въ видѣ представителя законности. Меня опять повезли на мою квартиру, гдѣ былъ произведенъ самый тщательный обыскъ, продлившійся до трехъ часовъ утра. Жандармы не нашли однако ни клочка бумаги, который могъ бы явиться уликой противъ меня или кого нибудь другого.

Послѣ обыска меня доставили въ Третье отдѣленіе, которое правило и правитъ подъ различными именами Россіей со временъ Николая I вплоть до настоящаго времени и составляетъ истинное государство въ государствѣ. Родоначальникомъ его былъ при Петрѣ I Преображенскій приказъ, въ которомъ противники основателя военной русской имперіи подвергались жестокимъ пыткамъ и бывали замучиваемы до смерти. При императрицахъ „приказъ" преобразовался въ „Тайную канцелярію". А при Аннѣ Іоанновнѣ застѣнокъ жестокаго Бирона нагонялъ ужасъ на всю Россію. Желѣзный деспотъ Николай I преобразовалъ канцелярію въ „Третье отдѣленіе" и присоединилъ къ нему корпусъ жандармовъ, причемъ шефъ жандармовъ сталъ лицомъ болѣе страшнымъ въ Россіи, чѣмъ самъ императоръ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Мезенцевъ былъ убитъ,— при Лорисъ-Меликовѣ, Третье отдѣленіе было уничто-

жено по имени; но, какъ фениксъ, оно возродилось и еще болѣе прошлаго разсцвѣло подъ новыми вывѣсками. Въ каждой губерніи, въ каждомъ городѣ, даже на каждой желѣзнодорожной станціи находятся жандармы, доносящіе непосредственно своимъ полковникамъ или генераламъ, которые сносятся съ шэфомъ жандармовъ. Послѣдній же видитъ царя каждый день и докладываетъ ему, что считаетъ нужнымъ доложить. Всѣ чиновники въ имперіи находятся подъ надзоромъ жандармовъ. Генералы и полковники этого корпуса слѣдятъ по обязанности за общественной и частной жизнью всѣхъ царскихъ подданныхъ, въ томъ числѣ, губернаторовъ, министровъ и даже великихъ князей. Самъ императоръ находится подъ ихъ бдительнымъ надзоромъ. И такъ какъ они хорошо освѣдомлены о секретныхъ дѣлишкахъ дворца и знаютъ каждый шагъ императора, то шэфъ жандармовъ становится, такъ сказать, наперсникомъ правителей Россіи въ ихъ наиболѣе интимныхъ дѣлахъ.

Въ тотъ періодъ царствованія Александра II, о которомъ я говорю, Третье отдѣленіе было всесильно. Жандармскіе полковники производили обыски тысячами, ничуть не заботясь о томъ, есть ли въ Россіи суды и законы или нѣтъ. Они арестовывали, кого хотѣли, держали въ тюрьмѣ, сколько имъ было угодно, и сотни людей отправлялись въ ссылку въ сѣверную Россію или въ Сибирь по усмотрѣнію какого-нибудь полковника или генерала. Подписа министра внутреннихъ дѣлъ была только пустой формальностью, потому что у него не было контроля надъ жандармами и онъ даже не зналъ, что они дѣлаютъ.

Было уже четыре часа утра, когда начался допросъ.

— Вы обвиняетесь,—заявили мнѣ торжественно,—въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣющему цѣль ниспровергнуть существующую форму правленія, и въ заговорѣ противъ священной особы его императорскаго величества. Признаете-ли вы себя виновнымъ въ этихъ преступленіяхъ?

— До тѣхъ поръ, покуда я не буду предъ гласнымъ судомъ, я не дамъ вамъ никакого отвѣта,—сказалъ я.

— Запишите,—продиктовалъ прокуроръ секретарю,— не признаетъ себя виновнымъ. Я долженъ вамъ задать еще нѣкоторые вопросы,—началъ онъ послѣ короткой паузы. Знаете ли вы нѣкоего Николая Чайковскаго?

— Если вы все таки желаете задавать мнѣ вопросы, на вашихъ допросахъ, то такъ и пишите „нѣтъ“ на всѣ тѣ, которые вы мнѣ будете задавать.

— Ну, а если мы спросимъ, знакомы ли вы, напримѣръ, съ г. Поляковымъ, о которомъ вы говорили прокурору нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Если вы зададите мнѣ такой вопросъ, то пишите „нѣтъ“. И если вы спросите меня, знакомъ ли я съ сестрой, братомъ или мачихой,—пишите тоже „нѣтъ“. Никакого другаго отвѣта вы отъ меня не получите. Я знаю, если отвѣчу „да“ по отношенію къ какому нибудь лицу, вы тотчасъ же учините ему крупную непріятность, нагрянете съ обыскомъ или сдѣлаете что нибудь похуже. А потомъ скажете ему, что я его выдалъ.

Мнѣ предложили тогда длинный списокъ вопросовъ и каждый разъ я спокойно отвѣчалъ: „запишите—*нѣтъ*“. Такъ продолжалось около часа. И изъ допроса я могъ убѣдиться, что всѣ арестованные, кромѣ двухъ ткачей, держали себя очень хорошо. Ткачи же знали только, что я раза два встрѣчался съ десяткомъ работниковъ. Жандармы, повидимому, ничего не знали о нашемъ кружкѣ...

— Что вы дѣлаете, князь?—сказалъ мнѣ жандармскій офицеръ, который отводилъ меня въ пятомъ часу ночи въ мою камеру. Вашимъ отказомъ отвѣчать на вопросы воспользуются, какъ страшнымъ оружіемъ противъ васъ же.

— Развѣ это не мое право?

— Да, но... вы знаете... Надѣюсь, вы найдете комнату удобной. Ее топятъ съ момента вашего ареста.

Я нашелъ ее очень удобной и немедленно крѣпко заснулъ. Разбудилъ меня черезъ нѣсколько часовъ жан-

дармъ, который принесъ мнѣ чай. За нимъ скоро явилось другое лицо, которое шепнуло мнѣ неожиданно: „вотъ бумага и карандашъ; пишите вашу записку". Это былъ сочувствовавшій, котораго я зналъ по имени. Черезъ него велась наша переписка съ арестованными въ Третьемъ отдѣленіи.

Со всѣхъ сторонъ я слышалъ легкій стукъ въ стѣны. То переговаривались условнымъ образомъ арестованные. Но такъ какъ я былъ новичекъ, то не могъ разобраться въ этомъ стукѣ, который, казалось, исходилъ изъ стѣнъ со всѣхъ сторонъ.

Одно смущало меня. Когда производили у меня обыскъ, я слышалъ, какъ прокуроръ шепнулъ жандармскому офицеру, о томъ, что они поѣдутъ съ обыскомъ къ Полякову, къ которому было адресовано письмо Дмитрія. Поляковъ былъ молодой студентъ, очень талантливый зоологъ и ботаникъ, съ которымъ мы вмѣстѣ свершили витимскую экспедицію. Родился онъ въ бѣдной казачьей семьѣ на границѣ Монголіи. Преодолѣвъ всевозможныя затрудненія, Поляковъ перебрался въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ, гдѣ сталъ извѣстенъ, какъ зоологъ, подававшій большія надежды. Въ это время онъ сдавалъ кандидатскій экзаменъ. Со времени долгаго путешествія мы были большими друзьями и даже одно время жили въ Петербургѣ вмѣстѣ. Но Поляковъ не интересовался моею политическою дѣятельностью.

Я заговорилъ о немъ съ прокуроромъ. „Даю вамъ честное слово, — сказалъ я, — что Поляковъ никогда не принималъ участья ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ. Завтра у него послѣдній экзаменъ. Вы разрушите навсегда ученую дѣятельность молодого человѣка, который боролся много лѣтъ и долженъ былъ преодолѣть большія препятствія, чтобы добиться настоящаго положенія. Я знаю, до всего этого вамъ дѣла нѣтъ; но университетъ смотритъ на Полякова, какъ на будущую славу русской науки".

Обыскъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлали у Полякова, но его

не арестовали и дали отсрочку на три дня для экзамена. Нѣсколько дней спустя меня вызвали къ прокурору, который съ сіяющимъ видомъ показалъ мнѣ конвертъ, надписанный моею рукой, а въ немъ записку, тоже моей рукой, въ которой говорилось: „Пожалуйста, передайте этотъ пакетъ В. Е. и попросите хранить, покуда его потребуютъ установленнымъ образомъ". Лицо, къ которому записка была адресована, въ ней не упоминалось.

— Это письмо найдено у г-на Полякова, — сказалъ прокуроръ. — И теперь, князь, его судьба въ вашихъ рукахъ. Если вы мнѣ скажете, кто такой „В. Е." мы сейчасъ же освободимъ г-на Полякова; въ противномъ случаѣ, мы его будемъ держать, покуда онъ намъ не назоветъ упомянутое лицо.

Взглянувъ на конвертъ, который былъ надписанъ тушевальнымъ карандашемъ, и на записку, написанную обыкновеннымъ, я немедленно вспомнилъ всѣ обстоятельства относительно письма и конверта.

— Я положительно утверждаю, — сказалъ я, — что конвертъ и записка не найдены вмѣстѣ. Это *вы* вложили письмо въ конвертъ.

Прокуроръ покраснѣлъ. „Неужели вы увѣрите меня,— продолжалъ я,—что вы, практическій человѣкъ, не замѣтили, что записка и конвертъ написаны разными карандашами? И теперь вы меня хотите увѣрить, что все это—одно цѣлое. Нѣтъ, милостивый государь, я заявляю вамъ, что письмо было адресовано не къ Полякову.

Замѣшательство прокурора продолжалось нѣсколько секундъ, затѣмъ онъ оправился и съ прежнимъ аппломбомъ сказалъ: „Поляковъ, однако, сознался, что ваша записка была къ нему".

Теперь я зналъ, что прокуроръ лжетъ. Поляковъ могъ бы еще признать все, касающееся его самого; но онъ скорѣе пошелъ бы въ Сибирь, чѣмъ оговорилъ бы другого. Я посмотрѣлъ пристально въ глаза прокурору и отвѣтилъ: „нѣтъ, милостивый государь, Поляковъ *никогда* не говорилъ вамъ ничего подобнаго. Вы сами отлично знаете, что говорите неправду".

Прокуроръ пришелъ въ бѣшенство или притворился такъ. „Хорошо, — отрѣзалъ онъ, — если вы подождете здѣсь нѣсколько минутъ, я вамъ принесу письменное показаніе г-на Полякова. Онъ въ сосѣдней комнатѣ".

— Съ удовольствіемъ буду ждать, сколько вамъ угодно.

Я усѣлся на диванѣ и сталъ курить безконечное число папиросъ. Показаніе однако не явилось, ни въ этотъ день, ни позже, и впослѣдствіи каждый разъ, при встрѣчѣ съ прокуроромъ,—я дразнилъ его вопросомъ: „Ну, а гдѣ же показаніе Полякова"?

Само собою разумѣется, никакого такого показанія не существовало. Я встрѣтился съ Поляковымъ въ Женевѣ, въ 1878 году, откуда мы сдѣлали необыкновенно пріятную экскурсію къ Алечскому леднику. Нечего и прибавлять, что Поляковъ отвѣтилъ именно такъ, какъ я ожидалъ. Онъ сказалъ, что рѣшительно ничего не знаетъ, какъ о письмѣ, такъ и о лицѣ, упомянутомъ подъ литерами В. Е. Мы обмѣнивались съ нимъ десятками книгъ; записку нашли въ одной изъ нихъ. Что же касается конверта, то его извлекли изъ кармана стараго пальто. Полякова продержали въ заключеніи нѣсколько недѣль, а затѣмъ выпустили, благодаря ходатайству его ученыхъ друзей. Полиція такъ и не дозналась, кто такое было лицо „В. Е.". Оно въ свое время выдало, кому нужно, всѣ мои бумаги.

Меня не повели обратно въ камеру, а черезъ нѣсколько времени возвратился прокуроръ въ сопровожденіи жандармскаго офицера.

— Вашъ допросъ теперь оконченъ, — сказалъ онъ мнѣ.—Васъ переведутъ въ другое мѣсто.

У воротъ стояла карета. Меня пригласили войти въ нее, а рядомъ сѣлъ дюжій, жандармскій офицеръ, кавказецъ родомъ. Я заговорилъ съ нимъ, но онъ только сопѣлъ. Карета проѣхала Цѣпной Мостъ, Марсово Поле, затѣмъ покатилась вдоль каналовъ, какъ будто бы избѣгая наиболѣе людныя улицы.

— Мы ѣдемъ въ Литовскій замокъ? — спросилъ я

офицера, такъ какъ зналъ, что многіе товарищи сидятъ уже тамъ. Офицеръ не отвѣтилъ. Съ того момента, какъ я сѣлъ въ карету, началась та система молчанія по отношенію ко мнѣ, которая примѣнялась потомъ цѣлые два года. Но когда карета покатилась по Дворцовому мосту, я понялъ, что меня везутъ въ Петропавловскую крѣпость.

Я любовался рѣкой—красавицей, зная, что не скоро увижу ее опять. Солнце близилось къ закату. Тяжелыя сѣрыя тучи нависли на западѣ надъ Финскимъ Заливомъ; прямо надъ головой плыли бѣлыя облака, разрываясь порой и открывая клочки голубаго неба. Карета повернула налѣво. Мы въѣхали подъ мрачный сводъ, въ ворота крѣпости.

— Ну, теперь меня продержатъ здѣсь годика два,— сказалъ я офицеру.

— Нѣтъ, зачѣмъ же такъ долго! — отвѣтилъ кавказецъ, который, разъ мы добрались до крѣпости, снова пріобрѣлъ даръ слова. — Дѣло ваше почти кончено, и недѣли черезъ двѣ его передадутъ въ судъ.

— Дѣло мое очень простое,—сказалъ я;—но прежде, чѣмъ вы предадите меня суду, вы захотите арестовать всѣхъ соціалистовъ въ Россіи, а ихъ много, очень много, и въ два года вы всѣхъ не переловите". Я тогда не сознавалъ, какъ много пророческаго было въ этомъ предсказаніи.

Карета остановилась у подъѣзда комендантской квартиры. Мы вошли въ пріемную. Къ намъ вышелъ генералъ Корсаковъ, высокій старикъ съ брюзгливымъ выраженіемъ лица. Жандармскій офицеръ шепнулъ ему что то на ухо и старикъ отвѣтилъ: „хорошо", окинувъ его почти презрительнымъ взглядомъ; затѣмъ онъ повернулся ко мнѣ. Видно было, что комендантъ вовсе не былъ доволенъ полученіемъ новаго квартиранта и нѣсколько стыдился своей обязанности; но взглядъ его какъ будто бы говорилъ: „я солдатъ и исполняю только долгъ". Мы опять сѣли въ карету, но скоро остановились у другихъ воротъ; здѣсь насъ продержали нѣко-

торое время, покуда солдаты не отперли ихъ извнутри. Всякими длинными, узкими проходами мы подошли наконецъ къ третьимъ желѣзнымъ воротамъ; они вели подъ темный сводъ, изъ котораго мы попали въ небольшую комнату, гдѣ тьма и сырость сразу охватили меня.

Нѣсколько унтеръ-офицеровъ крѣпостной стражи забѣгали неслышно въ своихъ войлочныхъ ботикахъ, не говоря ни слова, покуда смотритель расписывался въ книгѣ кавказца въ пріемѣ арестанта. Мнѣ велѣли раздѣться совершенно и надѣть арестантское платье: зеленый фланелевый халатъ, безконечные шерстяные чулки, плотности невѣроятной, и желтые туфли такой величины, что они едва держались на ногахъ, когда я попробовалъ ступить шагъ. Я всегда ненавидѣлъ халаты и туфли. Толстые чулки внушали мнѣ отвращеніе. Меня заставили даже снять шелковую фуфайку, которая особенно была бы кстати въ сырой крѣпости. Я, конечно, шумно запротестовалъ по этому поводу, и черезъ часъ мнѣ ее отдали по распоряженію генерала Корсакова.

Затѣмъ меня повели темнымъ корридоромъ, по которому шагали часовые, и ввели въ одиночную камеру. Захлопнулась тяжелая дубовая дверь, щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и я остался одинъ въ полутемной комнатѣ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Крѣпость. Побѣгъ.

I.

И такъ, я былъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ за послѣднихъ два вѣка гибли лучшія силы Россіи. Самое ея имя въ Петербургѣ произносится въ полголоса.

Здѣсь Петръ I пыталъ своего сына Алексѣя. Здѣсь, въ казематѣ, куда проникла вода во время наводненія, была заключена княжна Тараканова. Крысы, спасаясь отъ потопа, взбирались на ея платье. Здѣсь ужасный Минихъ пыталъ своихъ политическихъ противниковъ, а Екатерина II заживо похоронила тѣхъ, которые возмущались убійствомъ ея мужа. И со временъ Петра I, въ продолженіи ста семидесяти лѣтъ, лѣтописи этой каменной громады, возвышающейся изъ Невы противъ Зимняго дворца,—говорятъ только объ убійствахъ, пыткахъ, о заживо погребенныхъ, осужденныхъ на медленную смерть, или же о доведенныхъ до сумасшествія въ одиночныхъ, мрачныхъ, сырыхъ казематахъ.

Здѣсь перетерпѣли начальныя стадіи своей мученической жизни декабристы, первые развернувшіе у насъ знамя республики и уничтоженія крѣпостнаго права. Слѣды ихъ до сихъ поръ можно еще найти въ русской Бастиліи. Здѣсь были заключены Рылѣевъ, Шевченко, Достоевскій, Бакунинъ, Чернышевскій, Писаревъ и много другихъ изъ нашихъ лучшихъ писателей. Здѣсь пытали и повѣсили Каракозова.

Здѣсь, гдѣ-то въ Алексѣевскомъ Равелинѣ, сидѣлъ еще Нечаевъ, выданный Швейцаріей, какъ уголовный, но съ которымъ обращались, какъ съ опаснымъ политическимъ преступникомъ. Ему уже не суждено было больше увидать свободу. Въ томъ же равелинѣ, гласила молва, сидѣло нѣсколько человѣкъ, заключенныхъ на всю жизнь по приказу Александра II, за то что они знали дворцовыя тайны, которыхъ другіе не должны были знать. Одного изъ нихъ, старика съ длинной бородой, видѣлъ въ таинственной крѣпости одинъ изъ моихъ знакомыхъ.

Всѣ эти тѣни возставали въ моемъ воображеніи; но мои мысли останавливались въ особенности на Бакунинѣ, который хотя и просидѣлъ два года на цѣпи, прикованный къ стѣнѣ, въ австрійской крѣпости послѣ 1848 года и потомъ, выданный русскому правительству, еще шесть лѣтъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ,—вышелъ однако изъ тюрьмы, послѣ смерти желѣзнаго деспота болѣе энергичнымъ, чѣмъ многіе товарищи его, которые все это время пробыли на свободѣ. „Онъ выжилъ все это,—говорилъ я самому себѣ,—такъ и я не поддамся тюрьмѣ.“

Первымъ движеніемъ моимъ было подойти къ окну. Оно было прорѣзано въ видѣ широкаго, низкаго отверстія въ двухъ-аршинной толстой стѣнѣ, на такой высотѣ, что я едва доставалъ до него рукой. Оно было забрано двумя желѣзными рамами со стеклами и, кромѣ того, рѣшеткой. За окномъ, саженяхъ въ пяти, я видѣлъ предъ собою внѣшнюю крѣпостную стѣну, необыкновенной толщины; на ней виднѣлась сѣрая будка часоваго. Только глядя вверхъ, могъ я различить клочекъ неба.

Я тщательно осмотрѣлъ камеру, въ которой, быть можетъ, мнѣ предстояло провести нѣсколько лѣтъ. По положенію высокой трубы монетнаго двора я догадался, что моя комната находится въ юго-западномъ углу крѣвости, въ бастіонѣ, выходящемъ на Неву. Зданіе, въ которомъ я сидѣлъ, было однако, не бастіонъ, а то, что къ фортификаціи называютъ *редютъ*, то-есть внутрен-

нее, пятиугольное, двухэтажное каменное зданіе, поднимающееся нѣсколько надъ стѣнами бастіона и заключающее два этажа пушекъ. Моя комната была казематомъ, предназначавшимся для большой пушки, а окно— его амбразура. Солнечные лучи никогда не проникали туда. Даже лѣтомъ они терялись въ толщинѣ стѣны. Меблировку составляли: желѣзная кровать, дубовый столикъ и такой же табуретъ. Полъ былъ покрытъ густо закрашеннымъ войлокомъ, а стѣны выклеены желтыми обоями. Чтобы заглушить звуки, обои были однако наклеены не непосредственно на стѣну, а на полотно, подъ которымъ я открылъ проволочную сѣтку, а за ней слой войлока. Только подъ нимъ мнѣ удалось нащупать камень. У внутренней стѣны стоялъ умывальникъ. Въ толстой дубовой двери было прорѣзано запиравшееся квадратное отверстіе, чтобы подавать черезъ него пищу, и продолговатый глазокъ со стекломъ, закрывавшійся съ наружной стороны маленькою заслонкою. Черезъ этотъ глазокъ часовой, стоявшій въ корридорѣ, могъ видѣть во всякое время, что дѣлаетъ заключенный. Дѣйствительно, онъ часто поднималъ заслонку глазка, причемъ сапоги его жестоко скрипѣли всякій разъ, какъ онъ по медвѣжьи подкрадывался къ моей двери. Я пробовалъ заговорить съ нимъ; но тогда глазъ, который я видѣлъ сквозь стеклышко, принималъ выраженіе ужаса, и заслонка немедленно опускалась. Черезъ минуту или двѣ я опять слышалъ скрипъ, но никогда я не могъ добиться ни слова отъ часоваго. Кругомъ царила глубокая тишина. Я придвинулъ скамейку къ окну и сталъ смотрѣть на клочекъ неба. Тщетно старался я уловить какой нибудь звукъ съ Невы или изъ города на противоположномъ берегу. Мертвая тишина начинала давить меня. Я попробовалъ пѣть, вначалѣ тихо, потомъ все громче и громче. „Ужели мнѣ во цвѣтѣ лѣтъ любви сказать:“ прости навѣкъ,“—пѣлъ я изъ „Руслана и Людмилы“.

— Господинъ, не извольте пѣть!—раздался густой басъ изъ-за двери.

— Я хочу пѣть и буду.

— Пѣть не позволяется,—басилъ солдатъ.

— А я все таки буду.

Тогда явился смотритель, начавшій убѣждать меня, что я не долженъ пѣть, такъ какъ объ этомъ онъ вынужденъ будетъ доложить коменданту крѣпости, и такъ далѣе.

— Но у меня засорится горло, и легкія отучатся дѣйствовать, если я не буду ни говорить, ни пѣть,—пробовалъ убѣждать я.

— Ужъ вы лучше пойте въ полголоса, про себя,—просилъ старый смотритель.

Но въ просьбѣ не было надобности. Черезъ нѣсколько дней у меня пропала охота пѣть. Я пробовалъ было продолжать пѣніе изъ принципа; но это ни къ чему не повело.

— Самое главное,—думалъ я,—сохранить физическую силу. Я не хочу заболѣть. Нужно себѣ представить, что предстоитъ провести нѣсколько лѣтъ на сѣверѣ, во время полярной экспедиціи. Буду дѣлать много движенія, гимнастику,—не надо поддаваться обстановкѣ. Десять шаговъ изъ угла въ уголъ уже не худо. Если пройти полтораста разъ, вотъ уже верста. И я рѣшилъ дѣлать ежедневно по семи верстъ: двѣ версты утромъ, двѣ—предъ обѣдомъ, двѣ—послѣ обѣда и одну передъ сномъ. „Если положить на столъ десять папиросъ и передвигать одну, проходя мимо стола,—думалъ я,—то легко сосчитаю тѣ триста разъ, что мнѣ надо пройти взадъ и впередъ. Ходить надо скоро, но поворачивать въ углу медленно, чтобы голова не закружилась, и всякій разъ въ другую сторону. Затѣмъ дважды въ день буду продѣлывать гимнастику съ моей тяжелой табуреткой“. Я поднималъ ее за ножку и держалъ въ вытянутой рукѣ, затѣмъ вертѣлъ ее колесомъ, и скоро научился перебрасывать ее изъ одной руки въ другую, черезъ голову, за спиной и между ногами.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ меня привезли, явился смотритель и предложилъ кое-какія книги. Между ними были старые знакомые, какъ „Физіологія обыденной жизни“ Льюиса; но второй томъ, который

мнѣ особенно хотѣлось прочитать снова,—куда то затерялся. Я попросилъ, конечно, письменныя принадлежности, но мнѣ наотрѣзъ отказали. Перья и чернила никогда не выдаются въ крѣпости иначе, какъ по спеціальному разрѣшенію самого царя. Я, конечно, сильно страдалъ отъ вынужденной бездѣятельности и началъ сочинять въ памяти рядъ повѣстей для народнаго чтенія, на сюжеты, заимствованные изъ русской исторіи,—нѣчто въ родѣ „Mystères du Peuple“ Евгенія Сю. Самую идею мнѣ подали „Очерки изъ исторіи рабства“, которые я прочелъ въ одной изъ старыхъ книжекъ „Дѣла“. Я придумывалъ фабулу, описанія, діалоги, и пробовалъ запомнить все отъ начала до конца. Можно себѣ представить, какъ изнурила бы мозгъ подобная работа, если бы я ее продолжалъ больше, чѣмъ два или три мѣсяца.

Братъ Александръ, однако, выхлопоталъ для меня разрѣшеніе имѣть письменныя принадлежности. Разъ какъ-то меня опять пригласили сѣсть въ карету, рядомъ со старымъ знакомымъ, безсловеснымъ жандармомъ-кавказцемъ, и повезли въ Третье отдѣленіе. Тамъ мнѣ дали свиданіе съ братомъ, въ присутствіи двухъ жандармскихъ офицеровъ.

Когда меня арестовали, Александръ былъ въ Цюрихѣ. Отъ ранней юности онъ стремился за-границу, гдѣ люди могутъ думать, какъ хотятъ, читать, что хотятъ и могутъ открыто высказывать свои мысли. Русскую жизнь онъ ненавидѣлъ. Главной чертой его характера была глубокая искренность и прямодушіе. Онъ не выносилъ обмана въ какой бы то ни было формѣ. Отсутствіе свободы слова въ Россіи, русская готовность подчиниться деспотизму, „эзоповскій языкъ,“ къ которому прибѣгаютъ русскіе писатели,—все это до крайности было противно его открытой натурѣ. Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ за-границы Александръ уѣхалъ въ Швейцарію и намѣревался поселиться тамъ. Послѣ того, какъ онъ потерялъ одного ребенка, скончавшагося въ нѣсколько часовъ отъ холеры, а другаго—отъ чахотки, Петербургъ сталъ ему вдвое болѣе ненавистенъ.

Братъ не принималъ никакого участія въ нашей агитаціонной работѣ. Онъ не вѣрилъ въ возможность народнаго возстанія и революцію понималъ только какъ дѣятельность выборныхъ отъ народа, какъ, напримѣръ, Національнаго Собранія въ 1789 году. Что же касается соціалистической агитаціи, онъ признавалъ ее только, когда она ведется на открытыхъ митингахъ, съ публичныхъ платформъ, а не тайную, кропотливую, личную пропаганду, которой мы занимались. Въ Англіи, Александръ былъ бы сторонникомъ Джона Брайта или Чартистовъ. Если бы онъ жилъ въ Парижѣ во время іюньскаго возстанія 1848 года, онъ навѣрное дрался бы съ послѣдней горстью работниковъ за послѣдней баррикадой. Но въ подготовительномъ періодѣ, онъ шелъ бы за Луи Бланомъ и Ледрю Роллэномъ.

Въ Швейцаріи братъ поселился въ Цюрихѣ. Его симпатіи лежали на сторонѣ умѣреннаго крыла Интернаціонала. По принципамъ онъ былъ соціалистъ и согласно этимъ принципамъ велъ необыкновенно умѣренную и необыкновенно трудолюбивую жизнь. Онъ работалъ надъ большимъ ученымъ трудомъ, который составлялъ главную цѣль его жизни и долженъ былъ явиться дополненіемъ къ знаменитой „Systême de la Nature“ Гольбаха. Александръ скоро сильно подружился съ П. Л. Лавровымъ, съ которымъ имѣлъ много общаго по склонности къ кантовской философіи.

Узнавъ о моемъ арестѣ, Александръ немедленно оставилъ все,—трудъ всей жизни, свободу, которая была ему также необходима, какъ птицѣ—воздухъ, и возвратился въ ненавистный ему Петербургъ, чтобы помочь мнѣ въ моемъ заключеніи.

Мы оба сильно были взолнованы свиданіемъ. Братъ былъ страшно возбужденъ. Самый видъ голубыхъ мундировъ,—этихъ палачей всякой независимой мысли въ Россіи,—былъ ему ненавистенъ, и онъ выражалъ свои чувства открыто, въ ихъ присутствіи. Во мнѣ же пребываніе Александра въ Петербургѣ вселяло самыя мрачныя предчувствія. Я былъ счастливъ, что могъ снова

увидать его честное лицо, его глаза полные любви; меня безконечно обрадовало, когда я узналъ, что свиданія у насъ будутъ каждый мѣсяцъ. А между тѣмъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ за тысячи верстъ отъ этого жандармскаго логовища, куда онъ пришелъ сегодня по своей волѣ, но куда его неминуемо привезутъ когда нибудь ночью, подъ конвоемъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Уѣзжай немедленно!—кричало ему мое внутреннее я. И въ то же время я сознавалъ, что братъ не уѣдетъ, покуда меня будутъ держать въ тюрьмѣ.

Онъ, лучше, чѣмъ кто либо другой, понималъ, что бездѣятельность убьетъ меня и потому уже сталъ хлопотать о разрѣшеніи для меня продолжать работу. Географическое Общество желало, чтобы я закончилъ мою книгу о ледниковомъ періодѣ. Братъ растормошилъ весь ученый Петербургъ, чтобы добиться поддержки. Академія наукъ была заинтересована въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, черезъ два или три мѣсяца послѣ моего ареста ко мнѣ въ камеру вошелъ смотритель и сообщилъ, что царь разрѣшилъ мнѣ окончить докладъ для Географическаго Общества и, поэтому, мнѣ будутъ выдавать письменныя принадлежности; „но только до заката солнца," прибавилъ онъ. Солнце зимой въ Петербургѣ закатывается въ три часа. Но дѣлать было нечего. „До заката," такъ выразился Александръ II, давая позволеніе.

II.

Итакъ, я могъ снова работать.

Трудно было бы выразить, какое облегченіе я почувствовалъ, когда снова могъ писать. Я согласился бы жить на хлѣбѣ и водѣ, въ самомъ сыромъ подвалѣ, только бы мнѣ разрѣшили работать.

Я былъ однако единственный заключенный въ крѣпости, которому разрѣшили письменныя принадлежности.

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которые провели въ заключеніи три года, и даже больше, до знаменитаго процесса „ста девяносто-трехъ,"—имѣли только грифельныя доски. Конечно, въ страшномъ уединеніи крѣпости они рады были даже доскѣ и исписывали ее словами изучаемаго иностраннаго языка или математическими формулами. Но—каково писать, зная, что все будетъ стерто черезъ нѣсколько часовъ.

Моя тюремная жизнь приняла теперь болѣе правильный характеръ. Было нѣчто, непосредственно наполнявшее жизнь. Къ десяти часамъ утра я уже кончалъ мои первыя двѣ версты и ждалъ, покуда мнѣ принесутъ карандаши и перья. Работа, которую я приготовилъ для Географическаго Общества, содержала, кромѣ отчета о моихъ изслѣдованіяхъ въ Финляндіи, еще обсужденіе основъ ледниковой гипотезы. Зная теперь, что у меня много времени впереди, я рѣшилъ вновь написать и расширить этотъ отдѣлъ. Академія наукъ предоставила въ мое распоряженіе свою великолѣпную библіотеку. Вскорѣ цѣлый уголъ моей камеры заполнился книгами и картами, включая сюда полное изданіе шведской геологической съемки, почти полную коллекцію отчетовъ всѣхъ полярныхъ путешествій и полное изданіе „Quarterly Journal" Лондонскаго Геологическаго Общества. Моя книга въ крѣпости разрослась въ два большихъ тома. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ братомъ и моимъ другомъ Поляковымъ (въ Запискахъ Географическаго Общества); второй же, не совсѣмъ оконченный, остался въ Третьемъ отдѣленіи послѣ моего побѣга. Рукопись нашли только въ 1895 году и передали Русскому Географическому Обществу, которое и переслало ее мнѣ, въ Лондонъ. Въ пять часовъ вечера, а зимой въ три, какъ только вносили крошечную лампочку, перья и карандаши у меня отбирались и я долженъ былъ прекратить работу. Тогда я принимался за чтеніе, главнымъ образомъ, книгъ по исторіи. Рядъ поколѣній политическихъ заключенныхъ оставили послѣ себя въ Петропавловской крѣпости цѣлую библіотеку, и мнѣ разрѣшили прибавить къ ней

нѣсколько капитальныхъ сочиненій по русской исторіи. Кромѣ того, родственники присылали мнѣ много книгъ. Такимъ образомъ, я могъ познакомиться почти со всѣми книгами и сборниками документовъ, относящимися къ московскому періоду русской исторіи. Я съ наслажденіемъ читалъ не только лѣтописи, въ особенности превосходную вторую псковскую лѣтопись, богатую живыми подробностями объ общественномъ бытѣ русской демократической, средневѣковой республики (по всей вѣроятности, это—лучшая хроника въ Европѣ для изученія средневѣковыхъ городовъ);—но перечиталъ также много самыхъ сухихъ документовъ и даже „Житія святыхъ," гдѣ случайно вкраплены подробности о жизни массъ, какихъ нельзя найти въ другихъ источникахъ. Прочелъ я также много романовъ и даже устроилъ себѣ родъ праздника въ сочельникъ. Мои родные прислали мнѣ тогда рождественскіе разсказы Диккенса. И весь праздникъ я то смѣялся, то плакалъ надъ этими чудными произведеніями великаго романиста.

III.

Хуже всего было гробовое молчаніе, царившее кругомъ. Напрасно стучалъ я въ стѣны, топалъ ногой о полъ и прислушивался, не раздастся ли въ отвѣтъ, хоть слабый звукъ; но ничего не было слышно. Прошелъ мѣсяцъ, затѣмъ два, три, потомъ годъ,—отвѣта на мой стукъ не было: насъ, въ тридцати шести казематахъ, было только шесть человѣкъ, и звуки не доходили отъ одного къ другому. Остальные товарищи сидѣли въ Литовскомъ замкѣ. Когда я спрашивалъ унтеръ-офицера, входившаго ко мнѣ, чтобы вести меня на прогулку: „какова погода?—дождя нѣтъ?"—онъ искоса окидывалъ меня взглядомъ и скрывался за дверьми, гдѣ караулилъ его другой унтеръ-офицеръ. Единственнымъ живымъ существомъ, отъ котораго я могъ порой слышать нѣсколько словъ, былъ смотритель, входившій каждое утро

въ мою камеру, чтобы спросить, не нужно ли купить табаку или бумаги. Я пытался завязать съ нимъ разговоръ; но смотритель тоже робко оглядывался на унтеръ-офицера, стоявшаго въ полуоткрытыхъ дверяхъ. Лицо его, какъ будто, говорило: „вы видите, меня также сторожатъ.“ Только одни голуби не боялись меня. Каждое утро и послѣ обѣда они слетались къ моему окну, чтобы получить кормъ, который и имъ бросалъ сквозь рѣшетку.

Никакіе звуки не долетали до меня, кромѣ скрипа шаговъ часоваго, едва слышнаго шороха заслонки въ глазкѣ, да перезвона курантовъ на колокольнѣ крѣпостнаго собора. Каждую четверть часа они играютъ „Господи, помилуй,“—разъ, два, три, четыре раза. Затѣмъ, большой колоколъ отбиваетъ протяжно, съ большими промежутками между каждымъ ударомъ—часы. И тогда начинается жалобный перезвонъ курантовъ, которые при каждой внезапной перемѣнѣ погоды разстраиваются и изъ гимна „Коль славенъ“ получается ужасная какофонія, напоминающая звонъ на погребенье. Въ глухую полночь, послѣ „Коль славенъ“ куранты играютъ еще „Боже, царя храни.“ Перезвонъ продолжается тогда почти цѣлую четверть часа. И едва только онъ прекращается, какъ новое „Господи, помилуй“ возвѣщаетъ не могущему заснуть заключенному, что прошла опять четверть часа его безполезной жизни, и что не мало еще подобныхъ четвертей, получасовъ, и дней, и мѣсяцевъ растительной жизни пройдутъ, покуда освободятъ его тюремщики или же смерть.

Каждое утро меня выводили на прогулку, на полчаса, въ тюремный дворъ,—небольшой пятиугольникъ съ узкимъ тротуаромъ вдоль стѣнъ и съ баней по серединѣ; но я любилъ эту прогулку. Потребность новыхъ впечатлѣній въ тюрьмѣ такъ велика, что на прогулкѣ я всегда не сводилъ глазъ съ золотаго шпица крѣпостнаго собора. Изъ всего окружающаго меня, только эта игла мѣнялась, и я любилъ наблюдать эти перемѣны. Она то сверкала, какъ чистое золото, въ ясный день; то

принимала, при голубомъ небѣ, сказочный видъ, когда легкая голубая дымка тумана висѣла надъ городомъ; то казалась отлитой изъ сѣрой стали въ пасмурный день.

Во время этихъ прогулокъ я иногда видѣлъ дочь смотрителя, дѣвушку лѣтъ восемнадцати или девятнадцати. Когда она выходила изъ квартиры отца, ей приходилось сдѣлать нѣсколько шаговъ по тюремному дворику, чтобы добраться до воротъ, составляющихъ единственный выходъ. Она всегда спѣшила, потупивъ глаза, какъ будто стыдилась тѣмъ, что была дочерью тюремщика. Напротивъ, младшій братъ ея, кадетъ, котораго я встрѣтилъ раза два во дворѣ, всегда прямо смотрѣлъ мнѣ въ глаза. съ такимъ выраженіемъ симпатіи, что это поразило меня и я упомянулъ даже кому-то объ этомъ послѣ побѣга. Четыре или пять лѣтъ спустя, когда юноша былъ уже офицеромъ, его арестовали и сослали въ Восточную Сибирь, въ Тунку. Онъ присоединился къ партіи Народной Воли и, кажется, помогалъ перепискѣ между революціонерами на волѣ и заключенными въ крѣпости.

Петербургская зима мрачна для тѣхъ, которые не могутъ выйти на ярко освѣщенныя улицы. Въ казематѣ, она, конечно, еще мрачнѣе. Но сырость донимала еще больше, чѣмъ мракъ. Казематы такъ сыры, что ихъ приходилось очень жарко натапливать для просушки. Я почти задыхался отъ жары. Но когда я добился, чтобы не такъ нажаривали печь, стѣны стали потѣть отъ сырости. Обои приняли такой видъ, какъ будто ихъ каждый день окачивали ведромъ воды. И въ результатѣ я сильно страдалъ отъ ревматизма.

Не смотря на все это, я не унывалъ, писалъ и чертилъ карты въ полумракѣ, чиня карандаши осколкомъ стекла, которымъ раздобылся во дворѣ. Я неизмѣнно ходилъ каждый день мои семь верстъ изъ угла въ уголъ и продѣлывалъ гимнастическія упражненія моимъ дубовымъ табуретомъ. Время шло. Но вотъ въ мой казематъ вползло горе, которое почти сломило меня. Брата Александра арестовали.

Въ концѣ декабря 1874 года мнѣ дали въ крѣпости, въ присутствіи жандармскаго офицера, свиданіе съ братомъ и сестрой Еленой. Свиданія, даваемыя черезъ долгіе промежутки, всегда приводятъ заключенныхъ и ихъ родныхъ въ состояніе сильнаго возбужденія. Арестованный видитъ дорогія ему лица, слышитъ милые голоса и знаетъ, что все это исчезнетъ черезъ нѣсколько минутъ. Онъ чувствуетъ себя такъ близко и въ то же время такъ далеко отъ нихъ, такъ какъ интимной бесѣды не можетъ быть въ присутствіи посторонняго человѣка, врага и шпіона. Притомъ, братъ и сестра сильно тревожились за мое здоровье, на которое темные, мрачные зимніе дни и сырость уже начинали оказывать вліяніе. Мы разстались съ тяжелымъ сердцемъ.

Черезъ недѣлю послѣ этого свиданія, вмѣсто ожидаемаго письма отъ брата съ сообщеніемъ о печатаніи моей книги, я получилъ короткую записку отъ Полякова. Онъ увѣдомлялъ меня, что съ этихъ поръ корректуру будетъ читать онъ и, поэтому, я долженъ сноситься съ нимъ обо всемъ, касающемся печатанья. Я тотчасъ же понялъ, что съ братомъ случилось недоброе. Если бы онъ заболѣлъ, Поляковъ такъ и написалъ бы. Для меня наступили теперь тяжелые дни. Александра навѣрно заарестовали и я—причина этому. Жизнь утратила для меня всякій смыслъ. Прогулки, гимнастика, работа—потеряли всякій интересъ. Весь день я безцѣльно шагалъ взадъ и впередъ по камерѣ и не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только объ арестѣ брата. Для меня, одинокаго человѣка, заключеніе означало только личное неудобство; но Александръ былъ женатъ, страстно любилъ жену и имѣлъ теперь сына, на котораго не могъ надышаться. Родители сосредоточили на этомъ мальчикѣ всю ту любовь, которую питали къ двумъ дѣтямъ, умершимъ три года тому назадъ.

Хуже всего была неизвѣстность. Что такое могъ онъ сдѣлать? Почему его арестовали? Къ чему они его присудятъ? Проходили недѣли. Моя тревога усиливалась;

но вѣстей не было никакихъ. Наконецъ, окольнымъ путемъ я узналъ, что Александра арестовали за письмо къ П. Л. Лаврову.

Подробности я узналъ гораздо позже. Послѣ свиданія со мной, Александръ написалъ своему старому пріятелю Петру Лавровичу, издававшему въ то время въ Лондонѣ „Впередъ“. Въ письмѣ онъ выражалъ свое безпокойство по поводу моего здоровья, говорилъ о многочисленныхъ арестахъ и открыто высказывалъ свою ненависть къ русскому деспотизму. Третье отдѣленіе перехватило письмо на почтѣ и послало, какъ разъ въ сочельникъ, произвести обыскъ у брата,—что жандармы и выполнили даже съ еще большею грубостью, чѣмъ обыкновенно. Послѣ полуночи полдюжины людей ворвались въ его квартиру и перевернули верхъ дномъ рѣшительно все. Они ощупывали стѣны, и даже больнаго ребенка вынули изъ постели, чтобы обшарить бѣлье и матрасъ. Они ничего не нашли, да и нечего было находить. Мой братъ былъ сильно возмущенъ этимъ обыскомъ. Съ обычной откровенностью онъ заявилъ жандармскому офицеру, производившему осмотръ: „Противъ васъ, капитанъ, я не могу питать неудовольствія; вы получили такое ничтожное образованіе, что едва понимаете, что творите. Но вы, милостивый государь,—обратился онъ къ прокурору,—вы знаете, какую роль играете во всемъ этомъ. Вы получили университетское образованіе. Вы знаете законъ и знаете, что попираете сами законъ, какой онъ ни на есть, и прикрываете вашимъ присутствіемъ беззаконіе вотъ этихъ людей. Вы, милостивый государь, попросту мерзавецъ.“

Они возненавидѣли брата и продержали его въ Третьемъ отдѣленіи до мая. Ребенокъ Александра, прелестный мальчикъ, котораго болѣзнь сдѣлала еще болѣе нѣжнымъ и умнымъ,—умиралъ отъ чахотки. Доктора сказали, что ему остается жить всего нѣсколько дней. Братъ, никогда не хлопотавшій у враговъ ни о никакой милости, просилъ разрѣшить ему повидаться въ послѣдній разъ съ ребенкомъ. Онъ просилъ отпу-

стить его на полчаса домой, на честное слово или подъ конвоемъ. Ему не разрѣшили. Жандармы не могли отказать себѣ въ этой мести.

Ребенокъ умеръ. Мать его снова чуть не погибла отъ нервнаго удара. Въ это время брату объявили, что его сошлютъ въ Минусинскъ:—повезутъ его туда въ кибиткѣ съ двумя жандармами, а что касается жены, то она можетъ слѣдовать потомъ, но не должна ѣхать теперь, вмѣстѣ съ мужемъ.

— Скажите же мнѣ, наконецъ, въ чемъ мое преступленіе?—требовалъ братъ. Но никакихъ обвиненій, кромѣ письма, противъ Александра не было. Ссылка казалась всѣмъ такимъ произволомъ, она до такой степени была актомъ личной мести со стороны Третьяго отдѣленія, что никто изъ нашихъ родственниковъ не допускалъ, чтобы она могла продолжаться больше, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ. Братъ подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. Тотъ отвѣтилъ, что не можетъ вмѣшиваться въ постановленіе шефа жандармсвъ. Подана была другая жалоба Сенату, и тоже безъ послѣдствій.

Года два спустя, по собственной иниціативѣ, наша сестра Елена подала прошеніе царю. Мой двоюродный братъ Дмитрій, харьковскій генералъ-губернаторъ и флигель-адъютантъ Александра II, большой фаворитъ при дворѣ, лично вручилъ прошеніе, прибавивъ нѣсколько словъ отъ себя. Онъ былъ глубоко возмущенъ дѣйствіемъ Третьяго отдѣленія. На прошеніе царь отвѣтилъ: „пусть посидитъ!“ Братъ пробылъ въ Сибири двѣнадцать лѣтъ и никогда уже не возвратился въ Россію.

IV

Безчисленные аресты, произведенные лѣтомъ 1874 г., и тотъ серьезный характеръ, который полиція придала намѣреніямъ нашего кружка,—произвели глубокую перемѣну въ воззрѣніяхъ русской молодежи. До тѣхъ

поръ, главной ея задачей было выбирать изъ рабочихъ, а также иногда изъ крестьянъ, отдѣльныхъ людей, чтобы подготовлять изъ нихъ соціалистическихъ агитаторовъ. Но теперь, фабрики были наводнены шпіонами, и стало очевидно, что, во всякомъ случаѣ, и пропагандистовъ, и работниковъ скоро заберутъ и навсегда упрячутъ въ Сибирь. Тогда великое движеніе „въ народъ“ приняло новый характеръ. Сотни молодыхъ людей, пренебрегая всѣми предосторожностями, которыя принимались до тѣхъ поръ, устремились въ провинцію. Странствуя по городамъ и деревнямъ, они подстрекали народъ къ бунту и почти открыто распространяли революціонныя брошюры, пѣсни и прокламаціи. Въ нашихъ кружкахъ это время прозвали „безумнымъ лѣтомъ“.

Жандармы потеряли голову. Не хватало рукъ, чтобы ловить, и глазъ, чтобы выслѣживать каждаго революціонера въ его хожденіи изъ губерніи въ губернію. Тѣмъ не менѣе, около 1500 человѣкъ было арестовано во время этой большой травли, и половину ихъ продержали въ тюрьмахъ нѣсколько лѣтъ.

Разъ лѣтомъ 1875 года я ясно разслышалъ въ сосѣдней комнатѣ легкій стукъ каблуковъ, а нѣсколько минутъ спустя уловилъ отрывки разговора. Женскій голосъ слышался изъ каземата, а въ отвѣтъ ему ворчалъ густой басъ,—должно быть, часоваго. Затѣмъ я разслышалъ звонъ шпоръ полковника, поспѣшные его шаги, ругательство по адресу часоваго и щелканье ключа въ замкѣ. Полковникъ сказалъ что то.

— Мы вовсе не разговаривали, — раздался въ отвѣтъ женскій голосъ.—Я попросила только позвать унтеръ-офицера“. Дверь опять заперли и я слышалъ, какъ полковникъ шопотомъ честилъ часоваго.

Итакъ, я былъ уже не одинъ. У меня была сосѣдка, которая сразу нарушила строгую дисциплину, связывавшую до тѣхъ поръ солдатъ. Съ этого дня крѣпостныя стѣны, которыя были нѣмы пятнадцать мѣсяцевъ, ожили. Со всѣхъ сторонъ я слышалъ стукъ ногой о

полъ: одинъ, два, три, четыре... одиннадцать ударовъ, двадцать-четыре удара, пятнадцать. Затѣмъ пауза; послѣ нея—три удара и долгій рядъ тридцати-трехъ ударовъ. Въ томъ же порядкѣ удары повторялись безконечное число разъ, покуда сосѣдъ догадывался, что они означаютъ вопросъ: „кто вы“? Такимъ образомъ „разговоръ“ скоро завязывался и велся затѣмъ по сокращенной азбукѣ, придуманной еще декабристомъ Бестужевымъ. Азбука дѣлится на шесть рядовъ, по пяти буквъ въ каждой. Каждая буква отмѣчается своимъ рядомъ и своимъ мѣстомъ въ ряду.

Къ великому моему удовольствію я открылъ, что съ лѣвой стороны сидѣлъ мой другъ Сердюковъ, съ которымъ мы вскорѣ могли перестукиваться обо всемъ,—въ особенности, употребляя нашъ шифръ. Однако бесѣды съ людьми, въ тюрьмѣ, приносятъ не только свои радости, но и свои горести. Подо мной сидѣлъ крестьянинъ, знакомый Сердюкова, съ которымъ онъ перестукивался. Противъ моей воли, часто даже во время работы, я слѣдилъ за ихъ переговариваніемъ. Я тоже перестукивался съ нимъ. Но если одиночное заключеніе, безъ всякой работы, тяжело для интеллигентныхъ людей, то гораздо болѣе невыносимо оно для крестьянина, привыкшаго къ физическому труду и совершенно не способнаго читать весь день подрядъ. Нашъ пріятель крестьянинъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ. Его привезли въ крѣпость послѣ того, какъ онъ просидѣлъ уже два года въ другой тюрьмѣ и, поэтому, онъ былъ уже надломленъ. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ слушалъ соціалистовъ. Къ великому моему ужасу я сталъ замѣчать, что крестьянинъ порой начинаетъ заговариваться. Постепенно его умъ все больше затуманивался. И мы оба съ Сердюковымъ замѣчали, какъ шагъ за шагомъ, день за днемъ, онъ приближался къ безумію, покуда разговоръ его не превратился въ настоящій бредъ. Тогда, изъ нижняго этажа стали доноситься дикіе крики и страшный шумъ. Нашъ сосѣдъ помѣшался; но его, тѣмъ не менѣе, еще нѣсколько мѣсяцевъ

продержали въ крѣпости, прежде чѣмъ отвезти въ домъ умалишенныхъ, изъ котораго несчастному не суждено уже было выйти. Присутствовать, при такихъ условіяхъ, при медленномъ разрушеніи человѣческаго ума — ужасно. Я увѣренъ, это обстоятельство содѣйствовало увеличенію нервной раздражительности моего милаго друга Сердюкова. Когда, послѣ четырехъ лѣтъ заключенія, судъ оправдалъ его, и его выпустили,—онъ застрѣлился.

Разъ мнѣ нанесли неожиданный визитъ. Въ мою комнату, въ сопровожденіи только адъютанта, вошелъ братъ Александра II, великій князь Николай Николаевичъ, осматривавшій крѣпость. Дверь захлопнулась за нимъ. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „здравствуй, Кропоткинъ“. Онъ зналъ меня лично и говорилъ фамильярнымъ, благодушнымъ тономъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— Какъ это возможно, Кропоткинъ, чтобы ты, камеръ-пажъ, бывшій фельдфебель, могъ быть замѣшанъ въ такихъ дѣлахъ, и сидишь теперь въ этомъ ужасномъ казематѣ?

— У каждаго свои убѣжденія,—отвѣтилъ я.

— Убѣжденія? Такъ твое убѣжденіе, что нужно заводить революцію?

Что мнѣ было отвѣчать? Сказать „да“? Тогда изъ моего отвѣта сдѣлали бы такой выводъ, что я, отказавшійся давать какія бы то ни было показанія жандармамъ, „признался во всемъ“ брату царя. Николай Николаевичъ говорилъ тономъ начальника военнаго училища, пытающагося добиться „признанія“ отъ кадета. И въ то же время я не могъ отвѣтить „нѣтъ“. То была бы ложь. Я не зналъ, что сказать, и молчалъ.

— Вотъ видишь! Самому тебѣ стыдно теперь...

Это замѣчаніе разозлило меня, и я отвѣтилъ довольно рѣзко: „я далъ свои показанія судебному слѣдователю на допросахъ: мнѣ нечего прибавлять“.

— Да ты пойми, Кропоткинъ,—сказалъ тогда Николай Николаевичъ самымъ благодушнымъ тономъ, — я

говорю съ тобой, не какъ судебный слѣдователь, а совсѣмъ, какъ частный человѣкъ. Совсѣмъ, какъ частный человѣкъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

Мысли вихремъ кружились у меня въ головѣ. Сыграть роль маркиза Позы? Передать царю черезъ посредство его брата о разореніи Россіи, объ обнищаніи крестьянъ, о произволѣ властей, о неминуемомъ страшномъ голодѣ? Сказать, что мы хотѣли помочь крестьянамъ выйти изъ ихъ отчаяннаго положенія, придать имъ бодрости? Попытаться, такимъ образомъ, повліять на Александра II? Мысли эти мелькали одна за другой у меня въ головѣ. Наконецъ, я сказалъ самому себѣ: „никогда! Это безуміе. Они все это знаютъ. Такими рѣчами ихъ не передѣлаешь".

Я отвѣтилъ, что онъ всегда остается оффиціальнымъ лицомъ, и что я не могу смотрѣть на него, какъ на частнаго человѣка.

Николай Николаевичъ сталъ тогда задавать мнѣ всякіе безразличные вопросы: „Не въ Сибири ли, отъ декабристовъ ты набрался такихъ взглядовъ"?

— Нѣтъ. Я зналъ только одного декабриста и съ тѣмъ никогда не велъ серьезныхъ разговоровъ.

— Такъ ты набрался ихъ въ Петербургѣ?

— Я всегда былъ такой.

— Какъ! Даже въ корпусѣ?—съ ужасомъ переспросилъ онъ меня.

— Въ корпусѣ я былъ мальчикомъ. То, что смутно въ юности, выясняется потомъ, когда человѣкъ мужаетъ.

Онъ задалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ и, какъ онъ говорилъ, я ясно понималъ къ чему онъ ведетъ. Онъ пытался добиться отъ меня „признаній", и я живо представилъ себѣ мысленно, какъ онъ говоритъ своему брату: „всѣ эти прокуроры и жандармы дураки. Кропоткинъ имъ ничего не отвѣтилъ; но я поговорилъ съ нимъ десять минутъ и онъ мнѣ все разсказалъ". Все это начинало меня бѣсить. И когда Николай Николаевичъ замѣтилъ мнѣ нѣчто въ родѣ: "Какъ ты могъ имѣть что нибудь общее со всѣми этими людьми, съ мужиками и разночинцами",—я грубо

отрѣзалъ: „я вамъ сказалъ уже, что далъ свои показанія судебному слѣдователю“. Онъ рѣзко повернулся на каблукахъ и вышелъ.

Впослѣдствіи часовые, гвардейскіе солдаты, сложили цѣлую легенду по поводу этого посѣщенія. Товарищъ, пріѣхавшій потомъ въ пролеткѣ, чтобы освобождать меня, былъ въ военной фуражкѣ. Свѣтлыя бакенбарды придавали ему слабое сходство съ Николаемъ Николаевичемъ. И вотъ среди петербургскаго гарнизона пошла легенда, что меня увезъ самъ великій князь. Такимъ образомъ, легенды могутъ складываться даже въ вѣкъ газетъ и біографическихъ словарей.

V

Прошло два года. Иные изъ моихъ товарищей умерли, другіе стали душевно-больными; но не было никакихъ вѣстей о томъ, когда наше дѣло поступитъ въ судъ.

Къ концу второго года здоровье мое пошатнулось. Дубовый табуретъ теперь казался мнѣ тяжелымъ, а семь верстъ я находилъ безконечнымъ разстояніемъ. Такъ какъ въ крѣпости насъ сидѣло теперь около шестидесяти человѣкъ, а зимніе дни коротки, то на прогулку выводили всего разъ въ два-три дня, минутъ на двадцать. Я употреблялъ всѣ старанія, чтобы сохранить энергію, но „полярная зимовка“, безъ лѣтняго перерыва, брала свое. Изъ Сибири я вывезъ слабые признаки цынги; теперь, въ темномъ и сыромъ казематѣ они проявились болѣе опредѣленно. Этотъ тюремный бичъ сразилъ меня.

Въ мартѣ или апрѣлѣ 1876 года намъ наконецъ сообщили, что Третье отдѣленіе закончило предварительное дознаніе. Дѣло перешло къ судебнымъ властямъ, и потому насъ перевели въ домъ предварительнаго заключенія, — въ тюрьму, примыкающую къ зданію суда.

„Предварительная“, какъ ее называли — громадная, показная четырехэтажная тюрьма, выстроенная по типу французскихъ и бельгійскихъ образцовыхъ тюремъ. Ряды

маленькихъ камеръ всѣ имѣютъ по окну, выходящему во дворъ, и по двери, открывающейся на желѣзный балконъ. Балконы же различныхъ этажей соединены желѣзными лѣстницами.

Для многихъ моихъ товарищей переводъ въ „Предварительную“ явился большимъ облегченіемъ. Здѣсь было гораздо больше жизни, чѣмъ въ крѣпости, больше возможности переписываться и переговариваться; легче было добиться свиданія съ родственниками. Перестукиваніе продолжалось безпрерывно цѣлый день. Подобнымъ путемъ я даже изложилъ одному молодому сосѣду всю исторію парижской коммуны, отъ начала до конца. Нужно прибавить, однако, что я выстукивалъ мою исторію цѣлую недѣлю. Что касается здоровья, то въ Домѣ Предварительнаго Заключенія мое стало еще хуже, чѣмъ въ крѣпости. Я не могъ выносить спертаго воздуха крошечной камеры. Какъ только паровое отопленіе начинало дѣйствовать, температура, изъ леденящей, становилась невыносимо жаркой. Камера имѣла только четыре шага по діагонали, и когда я начиналъ ходить, то приходилось безпрестанно поворачиваться; голова начинала кружиться черезъ нѣсколько минутъ, а короткая прогулка въ маленькомъ дворикѣ, окруженномъ высокими каменными стѣнами, нисколько не освѣжала меня. Что касается тюремнаго врача, который не желалъ даже слышать слова „цынга“ въ „его тюрьмѣ“, то лучше о немъ не говорить совсѣмъ.

Мнѣ разрѣшили получать пищу изъ дому, такъ какъ недалеко отъ суда жила одна моя свояченица, вышедшая замужъ за адвоката. Но мое пищевареніе стало такъ плохо, что я съѣдалъ въ день только кусокъ хлѣба да одно или два яйца. Силы мои быстро падали, и по общему мнѣнію, мнѣ оставалось жить только нѣсколько мѣсяцевъ. Чтобы подняться до моей камеры, находившейся во второмъ этажѣ, я долженъ былъ раза два отдыхать на лѣстницѣ. Помню, какъ разъ старый солдатъ часовой жалостливо замѣтилъ: „не дожить тебѣ, сердешному, до осени“.

Родственники мои сильно встревожились. Сестра Лена пробовала хлопотать, чтобы меня выпустили на поруки; но прокуроръ Шубинъ отвѣтилъ ей съ сардонической усмѣшкой: „доставьте свидѣтельство отъ врача, что братъ вашъ умретъ черезъ десять дней; тогда я его освобожу". Прокуроръ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ сестра упала въ кресло и громко разрыдалась въ его присутствіи. Она добилась однако же того, чтобы меня осмотрѣлъ хорошій докторъ, старшій врачъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Врачъ оказался умный, старый генералъ: онъ осмотрѣлъ меня самымъ тщательнымъ образомъ и пришелъ къ заключенію, что у меня нѣтъ никакой органической болѣзни, но что страдаю я, главнымъ образомъ, отъ недостаточнаго окисленія крови.

— Все, что вамъ нужно, это—воздухъ, — заключилъ онъ. Онъ колебался нѣсколько минутъ, затѣмъ сказалъ рѣшительно: „Что тамъ толковать! Вы не можете оставаться здѣсь. Васъ необходимо перевести".

Дней черезъ десять послѣ этого меня дѣйствительно перевели въ находящійся на окраинѣ Петербурга военный госпиталь, при которомъ имѣется небольшая тюрьма для офицеровъ и солдатъ, заболѣвшихъ во время нахожденія подъ слѣдствіемъ. Въ эту тюрьму перевели уже двухъ моихъ товарищей, когда стало очевидно, что они скоро умрутъ отъ чахотки.

Въ госпиталѣ я началъ быстро поправляться. Мнѣ дали просторную комнату въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ караульной. Въ ней было громадное, забранное рѣшеткой окно, выходившее на югъ, на маленькій бульваръ, обсаженный двумя рядами деревьевъ, а за бульваромъ тянулось большое, открытое пространство, гдѣ ста два плотниковъ строили тогда бараки для тифозныхъ больныхъ. По вечерамъ они обыкновенно пѣли хоромъ, и такъ согласно, какъ только поютъ въ большихъ плотничьихъ артеляхъ. По бульварчику взадъ и впередъ ходилъ часовой; его будка стояла противъ моего окна.

Окно оставалось открыто весь день, и я упивался

солнечными лучами, которыхъ не видалъ такъ давно. Всей грудью вдыхалъ я ароматный майскій воздухъ. Мое здоворье быстро поправлялось,—слишкомъ даже быстро, по моему мнѣнію. Скоро былъ я въ состояніи переваривать легкую пищу, силы мои окрѣпли, и съ обновленной энергіей я принялся снова за работу. Не видя возможности закончить второй томъ моего труда, я написалъ короткое изложеніе его, которое и было приложено къ первому тому.

Въ крѣпости я слышалъ отъ товарища, сидѣвшаго одно время въ госпитальной тюрьмѣ, что оттуда мнѣ будетъ не трудно бѣжать. Я сообщилъ, конечно, друзьямъ, гдѣ нахожусь; сообщилъ и свои надежды. Побѣгъ, оказался, однако, гораздо болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ меня увѣрили. За мной учрежденъ былъ самый бдительный, безпримѣрный до того времени, надзоръ. У моихъ дверей помѣстили часоваго, и мнѣ никогда не позволяли выходить въ корридоръ. Госпитальные солдаты и караульные офицеры, которые иногда входили ко мнѣ,—боялись, повидимому, оставаться, болѣе одной или двухъ минутъ.

Мои друзья составили нѣсколько плановъ освобожденія, и въ томъ числѣ были проекты крайне забавные. По одному изъ нихъ, напримѣръ, я долженъ былъ подпилить рѣшетку въ окнѣ. Затѣмъ предполагалось, что когда, въ дождливую ночь часовой задремлетъ въ своей будкѣ, два моихъ пріятеля подползутъ сзади и опрокинутъ ее. Такимъ образомъ солдатъ не будетъ раненъ, но просто пойманъ, какъ крыса въ мышеловкѣ. Въ это время я долженъ былъ выпрыгнуть изъ окна... Неожиданно явилось лучшее разрѣшеніе вопроса.

— Попроситесь на прогулку!—шепнулъ мнѣ разъ одинъ изъ солдатъ. Я такъ и сдѣлалъ. Докторъ поддержалъ меня,—и мнѣ разрѣшили ежедневно, въ четыре часа, выходить въ тюремный дворъ на прогулку, на одинъ часъ. Я долженъ былъ носить все-таки зеленый фланелевый больничный халатъ, но мнѣ выдавали мои сапоги, панталоны и жилетъ.

Никогда я не забуду мою первую прогулку. Когда меня вывели, и я увидалъ передъ собой заросшій травою дворъ, въ добрыхъ триста шаговъ въ глубину и шаговъ двѣсти въ ширину,—я просто замеръ. Ворота были отперты, и сквозь нихъ я могъ видѣть улицу, громадный госпиталь и даже прохожихъ... Я остановился на крылечкѣ тюрьмы и оцѣпенѣлъ на мгновеніе при видѣ этого двора и воротъ. У одной изъ стѣнъ двора стояла тюрьма,—узкое зданіе, шаговъ полтораста въ длину, съ будками для часовыхъ, на каждомъ концѣ. Оба часовые ходили взадъ и впередъ вдоль зданія и такимъ образомъ вытоптали тропинку въ травѣ. По этой тропинкѣ мнѣ и велѣли гулять, а часовые тѣмъ временемъ продолжали ходить взадъ и впередъ, такъ что одинъ изъ нихъ былъ всегда не дальше, какъ шагахъ въ десяти или пятнадцати отъ меня. На крылечкѣ сѣли три госпитальныхъ солдата.

На противоположномъ концѣ громаднаго двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ изъ толстыхъ досокъ, нѣсколько крестьянъ сбрасывали съ возовъ дрова и складывали ихъ въ полѣнницы вдоль стѣны. Ворота были открыты, чтобы впускать возы.

Эти открытыя ворота производили на меня чарующее впечатлѣніе. „Не надо глядѣть на нихъ“—говорилъ я самому себѣ и, тѣмъ не менѣе, все поглядывалъ въ ту сторону. Какъ только меня опять ввели въ комнату, я тотчасъ же написалъ друзьямъ, чтобы сообщить имъ благую вѣсть. „Я почти не въ силахъ шифровать,—писалъ я дрожащей рукой, выводя непонятные значки вмѣсто цифръ.—Отъ этой близости свободы я дрожу, какъ въ лихорадкѣ. Они меня вывели сегодня во дворъ. Ворота отперты и возлѣ нихъ нѣтъ часоваго. Черезъ эти ворота я убѣгу. Часовые не поймаютъ меня“. И я набросалъ планъ побѣга. „Къ воротамъ госпиталя подъѣзжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а экипажъ дожидается ея на улицѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я нѣкоторое время буду дер-

жать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: „улица свободна“. Безъ этого я не двинусь. Я не хочу, чтобы меня словили на улицѣ. Сигналъ можно подать только звукомъ или свѣтомъ. Кучеръ можетъ дать его, направивъ своей лакированной шляпой свѣтового „зайчика“ на стѣну главнаго больничнаго зданія; еще лучше, если кто нибудь будетъ пѣть, покуда улица свободна,— развѣ если вамъ удастся нанять сѣренькую дачу, которую я вижу со двора; тогда можно подать сигналъ изъ окна. Часовой побѣжитъ за мной, какъ собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ, я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ. Если часовой вздумаетъ стрѣлять, то тутъ ничего не подѣлаешь. Это—внѣ нашего предвидѣнья. Въ виду неизбѣжной смерти въ тюрьмѣ—стоитъ рискнуть“.

Было сдѣлано нѣсколько другихъ предложеній; но, въ концѣ концовъ, этотъ проектъ приняли. Нашъ кружокъ принялся за дѣло. Люди, которые никогда не знали меня, приняли участье, какъ будто дѣло шло о дорогомъ имъ братѣ. Предстояло однако преодолѣть массу трудностей, а время мчалось съ поразительной быстротой. Я усиленно работалъ и писалъ до поздней ночи; но здоровье мое улучшалось тѣмъ не менѣе съ быстротой, которая приводила меня въ ужасъ. Въ первый разъ, когда меня вывели во дворъ, я только могъ ползти по тропинкѣ по черепашьи. Теперь же я окрѣпъ на столько, что могъ бы бѣгать. Правда, я по прежнему продолжалъ ползти медленно, какъ черепаха, иначе мои прогулки прекратились бы; но моя природная живость могла всякую минуту выдать меня. А товарищи мои должны были, въ это время подобрать человѣкъ двадцать для этого дѣла, найти подходящую лошадь и опытнаго кучера, и уладить сотню непредвидѣнныхъ мелочей, неминуемыхъ въ подобномъ заговорѣ. Подго-

товленія заняли уже около мѣсяца, а между тѣмъ каждый день меня могли перевести обратно въ домъ предварительнаго заключенія.

Наконецъ день побѣга былъ назначенъ—29 іюня, день Петра и Павла. Друзья мои внесли струйку сантиментализма и хотѣли освободить меня непремѣнно въ этотъ день. Они сообщили мнѣ, что на мой сигналъ: „въ тюрьмѣ все благополучно“ они отвѣтятъ: „все благополучно и у насъ“, выпустивъ красный игрушечный шаръ. Тогда подъѣдетъ пролетка, и кто-нибудь, будетъ пѣть пѣсню, покуда улица свободна.

Я вышелъ двадцать-девятаго іюня, снялъ шляпу и ждалъ воздушнаго шара; но его не было. Прошло полчаса. Я слышалъ, какъ прошумѣли колеса пролетки на улицѣ; я слышалъ, какъ мужской голосъ выводилъ незнакомую мнѣ пѣсню—но шара не было.

Прошелъ часъ, и съ упавшимъ сердцемъ я возвратился въ свою комнату. „Случилось что нибудь недоброе“, думалъ я.

Въ тотъ день случилось невозможное. Около Гостиннаго двора, въ Петербургѣ, продаются всегда сотни дѣтскихъ шаровъ. Въ этотъ же день не оказалось ни одного. Товарищи нигдѣ не могли найти шара. Наконецъ они добыли одинъ у ребенка, но шаръ былъ старый и не леталъ. Тогда товарищи мои кинулись въ оптическій магазинъ, пріобрѣли аппаратъ для добыванія водорода и наполнили имъ шаръ; но онъ, тѣмъ не менѣе, упорно отказывался подняться: водородъ не былъ просушенъ. Время уходило. Тогда одна дама привязала шаръ къ своему зонтику и, держа послѣдній высоко надъ головой, начала ходить взадъ и впередъ по тротуару, подъ заборомъ нашего двора. Но я ничего не видѣлъ: заборъ былъ очень высокій, а дама—очень маленькая.

Какъ оказалось потомъ, случай съ воздушнымъ шаромъ вышелъ очень кстати. Когда моя прогулка кончилась, пролетка проѣхала по тѣмъ улицамъ, по кото-

рымъ она должна была проскакать въ случаѣ моего побѣга. И тутъ, въ узкомъ переулкѣ ее задержали возы съ дровами для госпиталя. Лошади шли въ безпорядкѣ, однѣ по правую сторону улицы, другія по лѣвую, и пролетка могла двигаться только шагомъ; на поворотѣ ее совсѣмъ остановили. Если бы я сидѣлъ въ ней, насъ навѣрное бы поймали.

Теперь, товарищи установили цѣлый рядъ сигналовъ, чтобы дать знать, свободны ли улицы или нѣтъ. На протяженіи двухъ или трехъ верстъ отъ госпиталя были разставлены часовые. Одинъ долженъ былъ ходить взадъ и впередъ съ платкомъ въ рукахъ и спрятать платокъ, какъ только покажутся возы. Другой—сидѣлъ на троттуарной тумбѣ и ѣлъ вишни; но какъ только возы показывались, онъ переставалъ. И такъ шло по всей линіи. Всѣ эти сигналы, передаваясь отъ часоваго къ часовому, доходили, наконецъ, до пролетки. Мои друзья сняли также упомянутую выше сѣренькую дачу, и у ея открытаго окна помѣстился скрипачъ со скрипкой въ рукахъ, готовый заиграть, какъ только получитъ сигналъ: „улица свободна".

Побѣгъ назначили на слѣдующій день. Дальнѣйшая отсрочка могла быть опасна:—въ госпиталѣ уже замѣтили пролетку. Власти, должно быть, пронюхали нѣчто подозрительное, потому что наканунѣ побѣга, вечеромъ, я слышалъ, какъ патрульный офицеръ спросилъ часоваго, стоявшаго у моего окна: „Гдѣ твои боевые патроны?" Солдатъ сталъ ихъ неловко вытаскивать изъ сумки; минуты двѣ онъ возился, доставая ихъ. Патрульный офицеръ ругался: „развѣ не было приказано вамъ всѣмъ держать четыре боевыхъ патрона въ карманѣ шинели?" Онъ отошелъ только тогда, когда солдатъ это сдѣлалъ.

— Гляди въ оба!—сказалъ офицеръ, отходя.

Новую систему сигналовъ нужно было немедленно же сообщить мнѣ. На другой день, въ два часа, въ тюрьму явилась дама, дорогая мнѣ родственница, и попросила, чтобы мнѣ передали часы. Все проходило обы-

кновенно черезъ руки прокурора; но такъ какъ то были просто часы, безъ футляра, ихъ передали. Въ часахъ же находилась крошечная зашифрованная записочка, въ которой излагался весь планъ. Когда я увидалъ ее, меня просто охватилъ ужасъ,—до такой степени поступокъ поражалъ своею смѣлостью. Жандармы преслѣдовали уже даму, и ее задержали бы на мѣстѣ, если бы кто нибудь вздумалъ открыть крышку часовъ. Но я видѣлъ, какъ моя родственница спокойно вышла изъ тюрьмы и потихоньку пошла по бульвару.

Я вышелъ на прогулку, по обыкновенію, въ четыре часа и подалъ свой сигналъ. Я услышалъ сейчасъ же стукъ колесъ экипажа, а черезъ нѣсколько минутъ, изъ сѣраго домика до меня донеслись звуки скрипки. Но я былъ въ то время у другаго конца зданія. Когда же я вернулся по тропинкѣ къ тому концу, который былъ поближе къ воротамъ, шагахъ въ ста отъ нихъ, часовой стоялъ совсѣмъ у меня за спиной. „Пройду еще разъ!“—подумалъ я. Но прежде, чѣмъ я дошелъ до дальняго конца тропинки, звуки скрипки внезапно оборвались.

Прошло больше четверти часа въ томительной тревогѣ, прежде чѣмъ я понялъ причину перерыва: въ ворота въѣхало нѣсколько тяжело нагруженныхъ дровами возовъ, и они направились въ другой конецъ двора. Немедленно за тѣмъ скрипачъ (и очень хорошій, долженъ сказать) заигралъ бѣшеную и подмывающую мазурку Контскаго, какъ бы желая внушить: „теперь смѣлѣй! твое время,—пора!“ Я медленно подвигался къ тому концу тропинки, который былъ поближе къ воротамъ, дрожа при мысли, что звуки мазурки могутъ оборваться, прежде, чѣмъ я дойду до конца.

Когда я достигъ его, то оглянулся. Часовой остановился въ пяти или шести шагахъ за мной и смотрѣлъ въ другую сторону. „Теперь или никогда!“ помню я, сверкнуло у меня въ головѣ. Я сбросилъ зеленый фланелевый халатъ и пустился бѣжать.

Задолго до этого практиковался я, какъ снимать мой

безконечный и неуклюжій балахонъ. Онъ былъ такой длинный, что мнѣ приходилось таскать подолъ его на лѣвой рукѣ, какъ дамы держатъ шлейфъ амазонки. Не смотря на всѣ старанія, я не могъ скинуть халатъ въ одинъ пріемъ. Я подпоролъ швы подъ мышками; но и это не помогало. Тогда я рѣшилъ научиться снимать его въ два пріема: первый—скинуть шлейфъ съ руки, второй—сбросить халатъ на землю. Я терпѣливо упражнялся въ моей комнатѣ, до тѣхъ поръ, покуда научился дѣлать это чисто, какъ солдатъ ружейные пріемы.—„Разъ, два!“ и халатъ лежалъ на землѣ.

Не очень-то довѣряя моимъ силамъ, я побѣжалъ сначала медленно, чтобы сберечь ихъ. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ крестьяне, складывавшіе дрова на другомъ концѣ двора, заголосили: „бѣжитъ! держи его! лови его!“ и кинулись мнѣ на перерѣзъ къ воротамъ. Тогда я помчался, что было силъ. Я думалъ только о томъ, чтобы бѣжать скорѣе. Прежде меня часто безпокоила выбоина, которую возы вырыли у самыхъ воротъ, теперь я забылъ ее.—Бѣжать, бѣжать! На сколько хватитъ силъ.

Друзья мои, слѣдившіе за всѣмъ изъ окна сѣренькаго домика, разсказывали мнѣ потомъ, что за мной погнались часовой и три солдата, сидѣвшіе на крылечкѣ тюрьмы. Нѣсколько разъ часовой пробовалъ ударить меня сзади штыкомъ, бросая впередъ руку съ ружьемъ. Одинъ разъ друзья даже подумали, что вотъ меня поймали. Часовой не стрѣлялъ, такъ какъ былъ слишкомъ увѣренъ, что догонитъ меня. Но я удержалъ разстояніе и, добѣжавши до воротъ, солдатъ остановился.

Выскочивъ за ворота, я, къ ужасу моему, замѣтилъ, что въ пролеткѣ сидитъ какой-то штатскій въ военной фуражкѣ. Онъ сидѣлъ, не оборачиваясь ко мнѣ. „Пропало дѣло!“—мелькнуло у меня. Товарищи сообщали мнѣ въ послѣднемъ письмѣ: „разъ вы будете на улицѣ, не сдавайтесь; вблизи будутъ друзья, чтобы отбить васъ“; и я вовсе не желалъ вскочить въ пролетку, если тамъ сидитъ врагъ. Однако, когда я подбѣжалъ, я замѣтилъ,

что сидѣвшій въ пролеткѣ человѣкъ, съ свѣтлыми бакенбардами, очень похожъ на одного моего дорогого друга. Онъ не принадлежалъ къ нашему кружку; но мы были близкими друзьями, и не разъ я имѣлъ возможность восторгаться его поразительнымъ мужествомъ, смѣлостью и силой, становившейся неимовѣрной въ минуту опасности.

— Съ какой стати онъ здѣсь?—подумалъ я.—Возможно ли это?

Я едва не выкрикнулъ имени; но во время спохватился и, вмѣсто этого, захлопалъ на бѣгу въ ладоши, чтобы заставить сидящаго оглянуться. Онъ повернулъ голову. Теперь я узналъ, кто онъ.

— Сюда, скорѣе, скорѣе!—крикнулъ онъ, отчаянно ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, и меня, и кучера, и держа въ то же время наготовѣ револьверъ. „Гони! гони! убью тебя,“ кричалъ онъ кучеру. Великолѣпный призовой рысакъ, спеціально купленный для этой цѣли, помчался сразу галопомъ. Сзади слышались вопли: „держи его! лови!“ а другъ, въ это время, помогалъ мнѣ надѣть пальто и цилиндръ. Но главная опасность была не столько со стороны преслѣдовавшихъ, какъ со стороны солдата, стоявшаго у воротъ госпиталя, почти напротивъ того мѣста, гдѣ дожидалась пролетка. Онъ могъ помѣшать мнѣ вскочить въ экипажъ, или остановить коня, для чего достаточно было бы солдату забѣжать нѣсколько шаговъ впередъ. Поэтому, одного изъ моихъ пріятелей командировали, чтобы отвлечь бесѣдой вниманіе солдата. Онъ выполнилъ это съ большимъ успѣхомъ. Солдатъ, одно время, служилъ въ госпитальной лабораторіи; поэтому пріятель завелъ разговоръ на ученыя темы, именно, о микроскопѣ и о чудесахъ, которыя можно увидѣть посредствомъ его. Рѣчь зашла о нѣкоемъ паразитѣ человѣческаго тѣла.

— Видѣлъ-ли ты, какой большущій хвостъ у ней?—спросилъ пріятель.

— Откуда у ней хвостъ?—возражалъ солдатъ.

— Да какъ-же! Во-какой подъ микроскопомъ.

— Не ври сказокъ! отвѣтилъ солдатъ. —Я-то лучше знаю. Я ее, подлую, первымъ дѣломъ подъ микроскопъ сунулъ.—Научный споръ происходилъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я пробѣгалъ мимо нихъ и вскакивалъ въ пролетку. Оно похоже на сказку, но между тѣмъ, такъ было въ дѣйствительности.

Экипажъ круто повернулъ въ узкій переулокъ, вдоль той самой стѣны, у которой крестьяне складывали дрова и гдѣ теперь никого не было, такъ какъ всѣ погнались за мной. Поворотъ былъ такой крутой, что пролетка едва не перевернулась. Она выровнялась только тогда, когда я сильно навалился во-внутрь и потянулъ за собою пріятеля. Лошадь теперь бѣжала крупной, красивой рысью по узкому переулку, и мы повернули налѣво. Два жандарма, стоявшіе у дверей питейнаго, отдали честь военной фуражкѣ моего друга. „Тише! тише!“ говорилъ я ему, такъ какъ онъ былъ все еще страшно возбужденъ. „Все идетъ отлично. Жандармы даже отдаютъ тебѣ честь!“ Тутъ кучеръ обернулся ко мнѣ, и въ сіяющей отъ удовольствія физіономіи я узналъ другого пріятеля.

Всюду по дорогѣ мы встрѣчали друзей, которые подмигивали намъ, или желали успѣха, когда мы мчались мимо нихъ на нашемъ великолѣпномъ рысакѣ. Мы выѣхали на Невскій Проспектъ, повернули въ боковую улицу и остановились у одного подъѣзда, гдѣ и отослали экипажъ. Я взбѣжалъ по лѣстницѣ и упалъ въ объятія моей родственницы, которая дожидалась въ мучительной тоскѣ. Она и смѣялась, и плакала въ то же время, умоляя меня переодѣться поскорѣе и подстричь бросающуюся въ глаза бороду. Черезъ десять минутъ мы съ моимъ другомъ вышли изъ дома и взяли извощичью карету.

Тѣмъ временемъ, караульный офицеръ въ тюрьмѣ и госпитальные солдаты выбѣжали на улицу, не зная, что собственно дѣлать. На версту кругомъ не было ни одного извозчика, такъ какъ всѣ были наняты товарищами. Старая баба въ толпѣ оказалась умнѣе всѣхъ.

— Бѣдненькіе!—произнесла она, какъ будто говоря

сама съ собой.—Они навѣрное выѣдутъ на Невскій, а тамъ ихъ и поймаютъ, если кто-нибудь поскачетъ на-прямикъ этимъ переулкомъ.

Баба была совершенно права. Офицеръ побѣжалъ къ вагону конки, который стоялъ тутъ же, и потребовалъ у кондукторовъ лошадей, чтобы послать кого - нибудь верхомъ, перехватить насъ. Но кондукторы наотрѣзъ отказались выпрягать лошадей, а офицеръ не настаивалъ.

Что же касается скрипача и дамы, снявшихъ сѣренькій домикъ, то они тоже выбѣжали, присоединились къ толпѣ вмѣстѣ съ старухой и слышали, такимъ образомъ, ея совѣтъ; а когда толпа разсѣялась, они преспокойно ушли себѣ домой.

Былъ прекрасный вечеръ. Мы покатили на острова, куда шикарный Петербургъ отправляется весной въ погожіе дни полюбоваться закатомъ. По дорогѣ мы заѣхали къ цирульнику на далекой улицѣ, который сбрилъ мнѣ бороду. Это, конечно, измѣнило меня, но не очень сильно. Мы катались безцѣльно по островамъ; но не знали куда намъ дѣваться, такъ какъ намъ велѣли пріѣхать только поздно вечеромъ туда, гдѣ я долженъ былъ переночевать.

— Что намъ дѣлать теперь?—спросилъ я моего друга, который тоже былъ въ нерѣшительности.

— Къ Донону!—приказалъ онъ вдругъ извозчику.—Никому не прійдетъ въ голову искать насъ въ модномъ ресторанѣ. Они будутъ искать насъ вездѣ, но только не тамъ; а мы пообѣдаемъ—и выпьемъ также за успѣшный побѣгъ.

Могъ ли я возразить что нибудь противъ такого благоразумнаго предложенія? Мы отправились къ Донону, прошли залитыя свѣтомъ залы, наполненныя обѣдающими, и взяли отдѣльный кабинетъ, гдѣ и провели вечеръ до назначеннаго намъ часа. Въ домъ же, куда мы заѣзжали прямо изъ тюрьмы, нагрянула часа два спустя жандармерія. Произвели также обыскъ почти у всѣхъ моихъ друзей. Никому не пришло, однако, въ голову сдѣлать обыскъ у Донона.

Дня два спустя я долженъ былъ поселиться подъ чужимъ паспортомъ въ квартирѣ, снятой для меня. Но дама, которой предстояло сопровождать меня туда въ каретѣ, рѣшила, для предосторожности, сперва поѣхать самой. Оказалось, что вокругъ квартиры шпіоны кишмя кишатъ. Друзья такъ часто справлялись тамъ, все ли обстоитъ благополучно со мной, что полиція заподозрѣла кое что. Кромѣ того, моя карточка была въ сотняхъ экземпляровъ распространена Третьимъ отдѣленіемъ между полицейскими и дворниками. Сыщики, знавшіе меня въ лицо, искали меня на улицахъ. Тѣ же, которые меня не знали, бродили въ сопровожденіи солдатъ и стражниковъ, видѣвшихъ меня въ тюрьмѣ. Царь былъ взбѣшенъ тѣмъ, что побѣгъ могъ свершиться въ его столицѣ, среди бѣла дня, и отдалъ приказъ: „разыскать во что бы то ни стало.“

Въ Петербургѣ оставаться было невозможно, и я укрывался на дачахъ, въ окрестностяхъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями я прожилъ подъ столицей въ деревнѣ, куда въ то время года часто отправлялись петербуржцы устраивать пикники. Наконецъ, товарищи рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать за-границу. Но въ иностранной газетѣ мы вычитали, что во всѣхъ портовыхъ и пограничныхъ городахъ Финляндіи и Прибалтійскаго края находятся сыщики, знающіе меня въ лицо; поэтому я рѣшилъ поѣхать по такому направленію, гдѣ меня меньше всего могли ожидать. Снабженный паспортомъ одного изъ пріятелей, я, въ сопровожденіи одного товарища, проѣхалъ Финляндію и добрался до отдаленнаго порта въ Ботническомъ заливѣ, откуда и переправился въ Швецію.

Когда я сѣлъ уже на пароходъ, передъ самымъ отходомъ, товарищъ, сопровождавшій меня до границы, сообщилъ мнѣ петербургскія новости, которыя онъ обѣщалъ друзьямъ не говорить мнѣ раньше. Сестру Елену заарестовали; забрали также сестру жены моего брата, ходившую ко мнѣ на свиданіе въ тюрьму, разъ въ мѣсяцъ, послѣ того, какъ Александръ съ женой уѣхали въ Сибирь.

Сестра рѣшительно ничего не знала о приготовленіяхъ къ побѣгу. Лишь послѣ того, какъ я бѣжалъ, одинъ товарищъ пошелъ къ ней, чтобы сообщить радостную вѣсть. Сестра напрасно заявляла жандармамъ, что ничего не знаетъ. Ее оторвали отъ дѣтей и продержали въ тюрьмѣ двѣ недѣли. Что же касается моей свояченицы, то она смутно знала о какомъ-то приготовленіи, но не принимала въ немъ никакого участія. Здравый смыслъ долженъ былъ бы подсказать властямъ, что лицо, открыто посѣщавшее меня въ тюрьмѣ, не можетъ быть запутано въ подобномъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, ее продержали въ тюрьмѣ больше трехъ мѣсяцевъ. Ея мужъ, извѣстный адвокатъ, тщетно хлопоталъ объ освобожденіи.

— Мы теперь знаемъ,—сказали ему жандармы,—что она совершенно непричастна къ побѣгу, но, видите-ли, мы доложили императору, когда взяли ее, что лицо, организовавшее побѣгъ, открыто и арестовано. Теперь нужно время, чтобы подготовить государя къ мысли, что взяли не настоящаго виновника.

Я проѣхалъ Швецію, нигдѣ не останавливаясь, и прибылъ въ Христіанію, гдѣ прождалъ нѣсколько дней парохода въ Англію, въ Гуль. На досугѣ, я собиралъ свѣдѣнія о крестьянской партіи въ Норвежскомъ стортингѣ. Отправляясь на пароходъ, я тревожно спрашивалъ себя: „подъ какимъ флагомъ идетъ онъ? Подъ норвежскимъ, германскимъ или англійскимъ?“ Но тутъ я увидѣлъ на кормѣ британскій флагъ, подъ которымъ нашло убѣжище столько русскихъ, итальянскихъ, французскихъ и венгерскихъ изгнанниковъ. И я отъ души привѣтствовалъ этотъ флагъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Западная Европа.

I

Въ Нѣмецкомъ морѣ ревѣла буря, когда мы подходили къ берегамъ Англіи; но я съ удовольствіемъ привѣтствовалъ непогоду. Меня радовала борьба нашего парохода съ яростными волнами. Цѣлыми часами просиживалъ я на форъ-штевенѣ, обдаваемый пѣной волнъ. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ мрачномъ казематѣ, каждый нервъ моего внутренняго *я* трепеталъ и наслаждался полнымъ біеніемъ жизни.

Я не думалъ пробыть за-границей болѣе, чѣмъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ: ровно столько, сколько нужно, чтобы дать улечься суматохѣ, поднятой моимъ побѣгомъ, и чтобы возстановить нѣсколько здоровье. Я высадился подъ именемъ Левашева, подъ которымъ уѣхалъ изъ Россіи. Избѣгая Лондона, гдѣ шпіоны русскаго посольства скоро выслѣдили бы меня, я прежде всего отправился въ Эдинбургъ.

Случилось однако такъ, что я уже не возвращался въ Россію. Меня скоро захватила волна анархическаго движенія, которая какъ разъ къ тому времени шла на прибыль въ Западной Европѣ. Я чувствовалъ, что могу быть болѣе полезенъ здѣсь, чѣмъ въ Россіи, помогая опредѣлиться новому движенію. На родинѣ меня слишкомъ хорошо знали, чтобы я могъ вести открытую пропаганду,—въ особенности, среди работниковъ и крестьянъ.

Впослѣдствіи, когда русское революціонное движеніе стало заговоромъ и превратилось въ вооруженную борьбу съ самодержавіемъ, всякая мысль о народномъ движеніи рокозымъ образомъ была оставлена. Мои же симпатіи влекли меня все больше и больше къ тому, чтобы связать мою судьбу съ рабочими массами. Распространять среди нихъ идеи, способныя направить ихъ усилія ко благу всѣхъ работниковъ вообще; углубить и расширить идеалъ и принципы, которые послужатъ основой будущей соціальной революціи; развить эти идеалы и принципы предъ работниками — не какъ приказъ, исходящій отъ главарей партіи, но какъ послѣдствіе ихъ собственнаго размышленія; и, наконецъ, пробудить ихъ собственный починъ, теперь, когда работники призваны на арену исторіи, чтобы выработать новый и справедливый общественный строй; — все это казалось мнѣ столь же необходимымъ для развитія человѣчества, какъ и все то, что я могъ бы выполнить въ то время въ Россіи. И я присоединился къ горсти людей, работавшихъ въ этомъ направленіи въ Западной Европѣ, замѣнивъ тѣхъ, которые были надломлены годами упорной борьбы.

Когда я высадился въ Гуллѣ и поѣхалъ въ Эдинбургъ, я извѣстилъ лишь нѣсколькихъ друзей въ Россіи и въ Юрской федераціи о томъ, что благополучно прибылъ въ Англію. Соціалистъ долженъ всегда жить своимъ собственнымъ трудомъ. Поэтому, поселившись въ маленькой комнаткѣ въ предмѣстьѣ столицы Шотландіи, я тотчасъ же принялся подыскивать какую нибудь работу.

Между пассажирами на нашемъ пароходѣ былъ профессоръ-норвежецъ, съ которымъ я бесѣдовалъ, стараясь припомнить то немногое, что зналъ когда-то по шведски. Профессоръ говорилъ по нѣмецки.

— Но такъ какъ вы говорите немного по норвежски,— сказалъ онъ,—и пытаетесь научиться языку, то будемъ бесѣдовать по норвежски.

— Вы хотите сказать „по шведски“,— нерѣшительно замѣтилъ я.—Вѣдь я говорю по шведски, не правда ли?

— Гм! Я скорѣе думалъ бы, что это норвежскій языкъ. Во всякомъ случаѣ, не шведскій,—отвѣтилъ онъ.

Такимъ образомъ, со мной случилось тоже самое, что съ Паганелемъ, героемъ Жюля Верна, изучившимъ, по разсѣянности, вмѣсто испанскаго, португальскій языкъ.

Какъ бы то ни было, мы много бесѣдовали съ профессоромъ... скажемъ, по норвежски. Онъ далъ мнѣ, между прочимъ, газету, выходящую въ Христіаніи. Въ ней былъ помѣщенъ отчетъ о норвежской экспедиціи, только что возвратившейся послѣ изслѣдованія глубинъ сѣверной части Атлантическаго океана.

Поселившись въ Эдинбургѣ, я сейчасъ-же написалъ замѣтку объ этой экспедиціи, по-англійски, для „Nature“, которую мы съ братомъ аккуратно читали въ Петербургѣ съ самаго перваго ея появленія. Помощникъ редактора поблагодарилъ меня за замѣтку, и прибавилъ съ деликатностью, которую я потомъ часто встрѣчалъ здѣсь, что мой англійскій языкъ „совсѣмъ хорошъ“, но только въ немъ должно быть „больше характерныхъ особенностей, свойственныхъ этому языку“. Нужно сказать, что выучился я англійскому языку въ Россіи. Вмѣстѣ съ братомъ мы перевели „Философію Геологіи“ Пэджа и „Основы Біологіи“ Герберта Спенсера. Но такъ какъ учился я только по книгамъ, то произносилъ очень плохо, и квартирная моя хозяйка, шотландка, съ великимъ трудомъ понимала меня. Съ ея дочерью мы часто объяснялись письменно, на клочкахъ бумаги. Что касается „характерныхъ особенностей англійскаго языка“, то должно быть я дѣлалъ самыя забавныя ошибки. Помню, напримѣръ, уморительную исторію по поводу чашки чая. Вслѣдствіе моего не совершеннаго знанія языка, хозяйка приняла меня, вѣроятно, тогда за опивалу изъ дѣтской сказки. Долженъ прибавить въ мою защиту, что ни въ книгахъ по геологіи, которыя я читалъ по англійски, ни въ *Біологіи* Спенсера я не встрѣтилъ ни малѣйшаго намека по такому важному предмету, какъ чаепитіе.

Я выписалъ „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества“ и скоро началъ посылать въ „Times“ случайныя замѣтки о русскихъ географическихъ экспедиціяхъ. Пржевальскій былъ тогда въ Средней Азіи, и за его путешествіемъ слѣдили въ Англіи съ большимъ интересомъ.

Тѣмъ не менѣе, деньги, которыя я привезъ съ собою, быстро таяли, а такъ какъ всѣ мои письма въ Россію перехватывались, то я не могъ указать родственникамъ моего адреса. Поэтому я отправился черезъ нѣсколько недѣль въ Лондонъ, соображая, что здѣсь найду болѣе правильную работу. П. Л. Лавровъ все еще издавалъ здѣсь „Впередъ“; но такъ какъ я разсчитывалъ скоро возвратиться въ Россію, а за редакціей русской газеты навѣрно слѣдили шпіоны, то я не пошелъ туда.

Я отправился, само собою разумѣется, въ „Nature“, гдѣ меня очень хорошо принялъ помощникъ редактора, Кельти. Оказалось, что издатель желалъ расширить отдѣлъ замѣтокъ и находилъ, что я составлю ихъ, именно какъ нужно. Мнѣ, поэтому, отвели въ редакціи столъ, на которомъ сложили груду научныхъ журналовъ на всякихъ языкахъ.

— Приходите по понедѣльникамъ, г-нъ Левашевъ,— сказали мнѣ,—пересматривайте эти журналы, и если вы встрѣтите что-нибудь заслуживающее вниманія, напишите замѣтку, или же отмѣтьте статью. Мы ее тогда пошлемъ спеціалисту.

Кельти не зналъ, конечно, что я переписывалъ каждую замѣтку по три и по четыре раза прежде, чѣмъ рѣшался показать ему мой англійскій языкъ. Но мнѣ разрѣшили брать научные журналы домой, и скоро я могъ жить на маленькій гонораръ изъ „Nature“ и „Times'a. Послѣдній платилъ случайнымъ сотрудникамъ еженедѣльно, по четвергамъ, и я находилъ этотъ обычай великолѣпнымъ. Конечно, бывали недѣли, когда я не могъ дать никакихъ интересныхъ свѣдѣній про Пржевальскаго и когда мои замѣтки о другихъ частяхъ Россіи не попадали въ печать, какъ лишенныя интереса. Въ эти недѣли я довольствовался чаемъ и хлѣбомъ.

Разъ какъ-то Кельти досталъ съ полки нѣсколько русскихъ книгъ и попросилъ меня написать рецензію о нихъ для „Nature“. Я взглянулъ на книги и, къ не малому моему затрудненію, увидалъ мои собственныя работы о ледниковомъ періодѣ и объ орографіи Азіи. Братъ не преминулъ послать ихъ въ свой любимый журналъ. Я былъ въ большомъ недоумѣніи, и сложивъ книги въ саквояжъ, понесъ ихъ домой, чтобы обдумать дѣло на досугѣ. „Ну, что я стану съ ними дѣлать?— спрашивалъ я себя. — Хвалить ихъ я не могу; а ругать автора — тоже не согласенъ, такъ какъ раздѣляю его взгляды“. Наконецъ, я рѣшилъ отнести книги назадъ на другой день и объяснить Кельти, что, хотя я и назвался ему Левашевымъ, но на дѣлѣ я — авторъ этихъ книгъ, а потому не могу писать о нихъ рецензіи.

Кельти читалъ уже въ газетахъ о побѣгѣ Кропоткина и съ большимъ удовольствіемъ узналъ теперь о томъ, что онъ въ безопасности на англійской почвѣ. Что касается моихъ сомнѣній, Кельти резонно замѣтилъ, что мнѣ незачѣмъ ни хвалить, ни разносить автора, я могу просто изложить содержаніе его трудовъ. Съ того дня у насъ завязалась дружба, продолжающаяся до сихъ поръ.

Въ ноябрѣ или декабрѣ 1876 года я прочелъ въ „почтовомъ ящикѣ“ *Впередъ*, что К. приглашается зайти въ редакцію для полученія письма изъ Россіи. Думая, что это относится ко мнѣ, я заглянулъ въ редакцію. Скоро я подружился, какъ съ П. Л. Лавровымъ, такъ и съ молодежью, набиравшею журналъ.

Я думалъ, что никто меня не узнаетъ, когда я въ первый разъ постучался въ двери редакціи, — бритый, въ цилиндрѣ, и спросилъ у дамы, открывшей мнѣ, на моемъ наилучшемъ англійскомъ языкѣ: „дома ли мистеръ Лавровъ“? Я не назвалъ себя. Оказалось, однако, что дама, никогда не видавшая меня, но знавшая брата въ Цюрихѣ, тотчасъ узнала меня и побѣжала наверхъ сказать, кто пришелъ.

— Я васъ сейчасъ же узнала,—сказала она мнѣ потомъ,—по глазамъ: они напомнили мнѣ вашего брата.

Въ тотъ разъ я не долго пробылъ въ Англіи. Я находился въ живой перепискѣ съ моимъ другомъ Джемсомъ Гильомомъ изъ Юрской Федераціи. И какъ только я нашелъ постоянную географическую работу, которую могъ дѣлать и въ Швейцаріи, то сейчасъ же перебрался туда. Письма, полученныя наконецъ изъ Россіи, говорили мнѣ, что я могу спокойно оставаться за-границей, такъ какъ никакого особеннаго дѣла на родинѣ не предвидится. Волна энтузіазма прокатилась въ то время надъ Россіей въ пользу славянъ, возставшихъ противъ вѣкового турецкаго гнета. Мои лучшіе друзья, — Сергѣй Степнякъ, Дмитрій К. и многіе другіе отправились на Балканскій полуостровъ, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Друзья писали мнѣ: „Мы читаемъ корреспонденціи „Daily News“ о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, мы плачемъ при чтеніи и—идемъ записываться въ отряды инсургентовъ, какъ добровольцы, или какъ сестры милосердія“.

Я уѣхалъ въ Швейцарію, присоединился къ Юрской Федераціи Международнаго Союза Рабочихъ и, слѣдуя совѣту швейцарскихъ друзей, поселился въ Шодефонѣ.

II

Юрская Федерація сыграла важную роль въ современномъ развитіи соціализма.

Всегда случается такъ, что послѣ того, какъ политическая партія поставитъ требованія и заявитъ, что удовлетворится только совершеннымъ выполненіемъ ихъ, — она вскорѣ раздѣляется на двѣ партіи. Одна остается тѣмъ, чѣмъ была; другая же, хотя заявляетъ, что не поступилась ни буквой, принимаетъ нѣкотораго рода компромисы и, постепенно, отъ компромиса къ компромису, отступается отъ первоначальной программы и становится партіей умѣренныхъ реформъ.

Подобный расколъ произошелъ и въ Международномъ Союзѣ работниковъ. Открытымъ намѣреніемъ Союза, при возникновеніи, было—уничтоженіе частной собственности и передача самимъ производителямъ всѣхъ орудій, необходимыхъ для производства богатствъ. Работниковъ всѣхъ націй призывали образовать свои собственныя организаціи для прямой борьбы противъ капитализма. Имъ предлагалось выработать средства, *какъ* соціализировать производство богатствъ и ихъ потребленіе. И когда работники будутъ достаточно подготовлены, они должны завладѣть орудіями производства и организовать потребленіе, безъ всякаго отношенія къ современному политическому строю, который долженъ быть совершенно передѣланъ. Союзъ, такимъ образомъ, имѣлъ задачей подготовить громадный переворотъ, сперва въ умахъ, а затѣмъ въ самой жизни. Союзу предстояло произвести революцію, которая открыла бы для человѣчества новую эру прогресса, основаннаго на всеобщей солидарности. Таковъ былъ идеалъ, пробудившій отъ сна милліоны европейскихъ работниковъ и привлекшій въ Союзъ лучшія умственныя силы того времени.

Вскорѣ, однако, стали намѣчаться двѣ фракціи. Когда война 1870 года кончилась полнымъ пораженіемъ Франціи, и парижская коммуна была разгромлена, а противъ Международнаго Союза проведены были драконовскіе законы, лишавшіе французовъ возможности участвовать въ движеніи; когда, съ другой стороны, въ „объединенной Германіи," составлявшей цѣль радикаловъ съ 1848 г., введенъ былъ парламентскій строй, — нѣмцы сдѣлали попытку измѣнить цѣли и методы всего соціалистическаго движенія. Лозунгомъ Соціалъ-демократіи, какъ назвалась новая партія, стало—завоевать власть *въ существующемъ государствѣ*. Первые успѣхи этой партіи на выборахъ въ рейхстагъ возбудили большія надежды. Число депутатовъ соціалъ-демократовъ было сперва два, потомъ семь, потомъ девять; поэтому, даже разсудительные люди вычисляли, что къ концу XIX столѣтія соціалъ-демократы будутъ имѣть большинство въ гер-

манскомъ парламентѣ, и путемъ законодательныхъ мѣръ смогутъ установить народное соціалистическое государство. Соціалистическій идеалъ этой партіи мало по малу утратилъ свой характеръ. Вмѣсто общественнаго строя, который долженъ былъ выработаться самими рабочими организаціями, былъ выставленъ идеалъ государственнаго завѣдыванія промышленностью, то-есть государственный соціализмъ или, вѣрнѣе, государственный капитализмъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время въ Швейцаріи усилія соціалъ-демократовъ, въ политическомъ отношеніи, направлены къ централизаціи и къ борьбѣ съ федерализмомъ, а въ отношеніи экономическомъ—къ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ государствомъ и къ государственной монополіи въ банковомъ дѣлѣ и въ продажѣ спиртныхъ напитковъ. Государственное же завѣдываніе землею и главными крупными отрасляли промышленности, а равно и организація имъ потребленія будетъ, говорятъ намъ, слѣдующій шагъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Мало-по-малу жизнь и дѣятельность германской соціалъ-демократической партіи совершенно подчинилась соображеніямъ о выборахъ въ парламентъ. На рабочіе союзы они глядѣли съ презрѣніемъ, а къ стачкамъ относились неодобрительно, потому что тѣ и другія отвлекаютъ вниманіе работниковъ отъ выборной борьбы. Соціалъ-демократическіе вожди въ то же время относились къ каждому народному движенію и къ каждой революціонной агитаціи въ какой бы то ни было странѣ въ Европѣ, еще болѣе враждебно, чѣмъ капиталистическая печать.

Въ латинскихъ странахъ, однако, новое теченіе нашло весьма мало послѣдователей. Секціи и федераціи Интернаціонала оставались вѣрны принципамъ, которые были установлены при возникновеніи союза. Федералисты по своей исторіи, враждебные къ мысли о централизованномъ государствѣ и обладая притомъ революціонными традиціями, — работники латинскихъ странъ не могли послѣдовать за эволюціей, происходившей у нѣмцевъ.

Распаденіе соціалистическаго движенія на двѣ вѣтви

опредѣлилось тотчасъ же послѣ франко-германской войны. Какъ я уже упомянулъ, Интернаціоналъ создалъ себѣ центральное правленіе въ лицѣ генеральнаго совѣта, пребывавшаго въ Лондонѣ. И такъ какъ душой совѣта были два нѣмца, Энгельсъ и Марксъ, то онъ вскорѣ сталъ главною крѣпостью новаго соціалъ-демократическаго движенія. Вдохновителями же и умственными вождями латинскихъ федерацій стали Бакунинъ и его друзья.

Разладъ между марксистами и бакунистами отнюдь не былъ дѣломъ личнаго самолюбія. Онъ представлялъ собою неизбѣжное столкновеніе между принципами федерализма и централизаціи, между свободной коммуной и отеческимъ управленіемъ государства, между свободнымъ творческимъ дѣйствіемъ народныхъ массъ и законодательнымъ улучшеніемъ существующихъ условій, созданныхъ капиталистическимъ строемъ. То было, наконецъ, столкновеніе между латинскимъ духомъ и германскимъ Geist, который, разбивъ Францію на полѣ битвы, желалъ теперь главенства въ области науки, политики, философіи, а также и соціализма, — противопоставляя свое яко-бы „научное“ пониманіе соціализма „утопическому“ соціализму другихъ.

На гагскомъ конгрессѣ Интернаціонала, состоявшемся въ 1872 году, лондонскій генеральный совѣтъ, путемъ фиктивнаго большинства, исключилъ изъ Международнаго Союза Рабочихъ Бакунина, его друга Гильома и всю Юрскую Федерацію. Но такъ какъ было несомнѣнно, что Испанская, Итальянская и Бельгійская федераціи пріймутъ сторону юрцевъ, то конгрессъ попытался распустить Интернаціоналъ. Онъ постановилъ, что новый генеральный совѣтъ, состоящій изъ нѣсколькихъ соціалъ-демократовъ, будетъ засѣдать въ Нью-Іоркѣ, гдѣ не существовало рабочихъ организацій, которыя могли бы контролировать Совѣтъ. Съ тѣхъ поръ, такъ о немъ и не слыхали, тогда какъ испанская, итальянская, бельгійская и юрская федераціи продолжали существовать еще лѣтъ пять или шесть и ежегодно собирались на обычные конгрессы.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Швейцарію, Юрская Федерація была центромъ и наиболѣе извѣстнымъ выразителемъ Интернаціонала. Бакунинъ только что умеръ (1-го іюля 1876 года), но федерація удерживала то же положеніе, которое заняла подъ его вліяніемъ.

Положеніе дѣлъ во Франціи, Испаніи и Италіи было таково, что только благодаря тому, что революціонный духъ, который развился между работниками интернаціонала раньше франко-прусской войны, поддерживался интернаціоналомъ, правительства не рѣшались раздавить все рабочее движеніе и ввести царство бѣлаго террора. Извѣстно, что вступленіе на французскій престолъ графа Шамбора, одного изъ Бурбоновъ, едва не стало совершившимся фактомъ. Макъ-Магонъ оставался президентомъ республики, только для того, чтобы подготовить реставрацію монархіи. Самый день торжественнаго въѣзда Генриха V въ Парижъ былъ уже назначенъ; даже хомуты, украшенные королевской короною и вензелемъ, были уже готовы. Извѣстно также, что реставрація монархіи не удалась потому, что Гамбетта и Клемансо, опортюнистъ и радикалъ, организовали въ значительной части Франціи рядъ вооруженныхъ комитетовъ, готовыхъ возстать, какъ только начнется государственный переворотъ. Главную силу этихъ комитетовъ составляли работники, изъ которыхъ многіе принадлежали прежде къ Интернаціоналу и сохранили прежній духъ. И я могу сказать на основаніи того, что знаю лично,—что если бы радикальные вожди буржуазіи поколебались въ рѣшительный моментъ, работники, наоборотъ, въ этихъ комитетахъ — особенно на югѣ— воспользовались бы первой возможностью, чтобы поднять возстаніе, которое, начавшись для защиты республики, несомнѣнно пошло бы дальше въ соціалистическомъ направленіи.

То же самое можно сказать и объ Испаніи. Какъ только духовенство и аристократія, окружавшія короля, толкали его на путь реакціи, республиканцы сейчасъ же грозили возстаніемъ, въ которомъ, какъ они знали, дѣй-

ствительно боевымъ элементомъ выступятъ работники. Въ одной Каталоніи тогда было болѣе ста тысячъ работниковъ, организованныхъ въ сильные рабочіе союзы; болѣе восьмидесяти тысячъ испанцевъ принадлежали къ Интернаціоналу, правильно собирались на конгрессы и точно платили свои членскіе взносы съ чисто испанскимъ сознаніемъ долга. Я говорю объ этихъ организаціяхъ на основаніи личнаго знакомства, на мѣстѣ. Я знаю, что онѣ готовились провозгласить федеративную испанскую республику и отказаться отъ колоній, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя способны были идти дальше,— сдѣлали-бы попытки въ смыслѣ коллективизма. Одинъ только постоянный страхъ возстанія удержалъ испанскую монархію отъ разгрома всѣхъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій и отъ грубой клерикальной реакціи.

Подобныя же условія господствовали и въ Италіи. Въ сѣверной ея части рабочіе союзы еще не достигли тогда такого развитія, какъ теперь, но различныя части страны были усѣяны секціями Интернаціонала и республиканскими группами. Монархія жила подъ вѣчнымъ страхомъ сверженія, если республиканцы среднихъ классовъ обратятся къ революціоннымъ элементамъ среди работниковъ.

Однимъ словомъ, вспоминая теперь прошлое, отдѣленное четвертью вѣка, я съ увѣренностью могу сказать, что если Европа не погрузилась послѣ 1871 года въ мракъ самой тяжелой реакціи, то обусловливается это, главнымъ образомъ, тѣмъ революціоннымъ духомъ, который пробудился на Западѣ до франко-прусской войны и поддерживался послѣ разгрома Франціи, анархическими элементами Интернаціонала, бланкистами, мадзиніанцами и испанскими „кантоналистами“ (федеративными республиканцами).

Конечно, марксисты, поглощенные всецѣло своею мѣстною избирательною борьбою, мало знали обо всемъ этомъ. Страшась навлечь на свои головы бисмарковскіе громы и боясь, больше всего, чтобы въ Германіи не появился революціонный духъ и не повелъ бы къ ре-

прессіямъ, которыхъ они, не будучи достаточно сильными, не могли встрѣтить лицомъ къ лицу, — соціалъ-демократы, изъ тактическихъ соображеній, не только отнеслись отрицательно ко всѣмъ западнымъ революціонерамъ, но мало по малу прониклись ненавистью къ революціонному духу вообще. Они злобно обличали его, гдѣ бы онъ ни проявился, даже тогда, когда усмотрѣли первыя его проявленія въ Россіи.

При Макъ-Магонѣ было немыслимо издавать революціонныя газеты во Франціи. Даже пѣніе „Марсельезы" считалось преступленіемъ. Помню, какъ меня поразилъ тотъ ужасъ, который охватилъ моихъ попутчиковъ третьяго класса, когда нѣсколько новобранцевъ затянули на платформѣ революціонную пѣсню: то было въ маѣ 1878 года. „Развѣ опять позволено пѣть Марсельезу", спрашивали они тревожно другъ друга... Такимъ образомъ, соціалистическихъ газетъ во Франціи не было. Испанскія газеты издавались очень хорошо, и нѣкоторые манифесты испанскихъ конгрессовъ прекрасно излагали принципы анархическаго соціализма. Но кто же за предѣлами Испаніи знаетъ что нибудь объ ея идеалахъ? Что же касается до итальянскихъ газетъ, то онѣ всѣ были недолговѣчны: появлялись, изчезали и снова возникали подъ другими названіями; и несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ были превосходны, ихъ тоже никто не зналъ за предѣлами Италіи. Поэтому, Юрская Федерація, съ ея газетами на французскомъ языкѣ, стала очагомъ, гдѣ поддерживался и формулировался въ латинскихъ странахъ тотъ духъ, который, — повторяю это снова,— спасъ Европу отъ мрачнаго періода реакціи. Юрская Федерація явилась также почвой, на которой теоретическія положенія анархизма были разработаны Бакунинымъ и его послѣдователями, на языкѣ, понятномъ на материкѣ Европы.

III

Въ то время къ Юрской Федераціи принадлежало нѣсколько замѣчательныхъ людей различныхъ національностей, большею частью, личные друзья Бакунина. Редакторъ нашей главной газеты, „Bulletin de la Fédération Jurassienne", былъ Джемсъ Гильомъ, учитель по профессіи, принадлежавшій къ одной изъ старинныхъ фамилій Нефшателя. Средняго роста и худощавый, напоминавшій нѣсколько Робеспьера жосткою внѣшностью и рѣшительностью ума, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ золотымъ сердцемъ, которое раскрывалось только въ интимной дружбѣ. Онъ былъ прирожденный руководитель людей, по изумительной способности работать и по своей упорной дѣятельности. Восемь лѣтъ боролся онъ со всякими препятствіями, чтобы поддержать существованіе газеты, принимая въ то же время самое дѣятельное участіе во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ федераціи, покуда ему не пришлось оставить Швейцарію, гдѣ онъ не могъ болѣе найти никакой работы. Тогда онъ поселился во Франціи, и здѣсь его имя со временемъ будетъ упомянуто съ почтеніемъ въ исторіи освобожденія народной школы отъ поповъ.

Адемаръ Швицгебель, тоже швейцарецъ родомъ, былъ типичный представитель тѣхъ веселыхъ, жизнерадостныхъ, проницательныхъ, часовщиковъ изъ французской Юры, которыхъ можно встрѣтить въ предгоріяхъ бернскаго кантона. Гравировщикъ часовыхъ крышекъ по ремеслу, онъ никогда не пытался оставить ручного труда, и, вѣчно веселый и дѣятельный, поддерживалъ свою большую семью, даже во время кризисовъ, когда въ работѣ бывалъ застой, и заработки становились очень скудны. Швицгебель обладалъ поразительной способностью схватить сразу трудный политическій или экономическій вопросъ и, хорошенько обдумавъ его, изложить ясно, просто, съ точки зрѣнія рабочаго, не отнимая у него, при этомъ, ни глубины, ни значенія. Его знали

вездѣ „въ горахъ“, и при встрѣчахъ на конгрессахъ съ работниками другихъ странъ, онъ всегда былъ общимъ любимцемъ.

Прямую противоположность Швицгебелю составлялъ другой швейцарецъ, тоже часовщикъ, Шпихигеръ. Онъ былъ философъ, медлителенъ въ движеніяхъ и въ мысли, англичанинъ по наружности. Во всякомъ вопросѣ Шпихигеръ стремился добраться до самаго корня и поражалъ насъ вѣрностью своихъ выводовъ, къ которымъ доходилъ всесторонннимъ размышленіемъ, въ то время, какъ онъ просиживалъ дни за своимъ гильошернымъ станкомъ.

Вокругъ этихъ трехъ людей группировалось нѣсколько серьезныхъ, развитыхъ работниковъ, — иные среднихъ лѣтъ, другіе старики, всѣ страстно любившіе свободу, и съ восторгомъ принявшіе участіе въ такомъ великомъ движеніи—и еще около сотни пылкихъ, бойкихъ молодыхъ людей, то же большею частью изъ часовщиковъ. Всѣ они отличались независимостью образа мыслей, ласковостью и горячею преданностью дѣлу, ради котораго готовы были на всякія жертвы.

Нѣсколько бывшихъ коммунаровъ, жившихъ въ изгнаніи, пристали къ федераціи. Въ числѣ ихъ былъ великій географъ, Элизэ Реклю, типичный пуританинъ въ своихъ манерахъ и въ жизни, а съ интеллектуальной точки зрѣнія — французскій философъ - энциклопедистъ XVIII вѣка; вдохновитель другихъ, который никогда не управлялъ и никогда не будетъ управлять никѣмъ; анархистъ, котораго анархизмъ является выводомъ изъ широкаго и основательнаго изученія формъ жизни человѣчества во всѣхъ климатахъ и на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи; чьи книги считаются въ числѣ лучшихъ произведеній XIX вѣка, и чей стиль поражаетъ красотой и волнуетъ умъ и совѣсть. Когда онъ входитъ въ редакцію анархической газеты, то первый его вопросъ— хотя бы редакторъ былъ мальчикъ по сравненію съ нимъ: „скажите, что мнѣ дѣлать“? И, получивъ отвѣтъ, онъ садится, какъ простой газетный чернорабочій, чтобы

заполнить столько-то строкъ для слѣдующаго номера. Во время коммуны, Реклю просто взялъ ружье и сталъ въ ряды. А когда онъ приглашалъ сотрудника для какого нибудь тома своей всемірно извѣстной географіи, и тотъ робко спрашивалъ: „Что мнѣ нужно дѣлать"? Реклю отвѣчалъ: „Вотъ книги, вотъ столъ. Дѣлайте, какъ хотите".

Товарищемъ его былъ пожилой Лефрансэ, бывшій учитель, трижды находившійся въ изгнаніи: послѣ іюньскихъ дней 1848 года, послѣ наполеоновскаго государственнаго переворота и послѣ 1871 года. Онъ былъ членомъ коммуны, то-есть изъ числа тѣхъ, о которыхъ говорили, что они послѣ коммуны унесли въ своихъ карманахъ милліоны франковъ. О достовѣрности этихъ утвержденій буржуазной прессы можно судить по тому, что Лефрансэ работалъ, какъ багажный, на желѣзнодорожной станціи въ Лозаннѣ и разъ едва не былъ убитъ при разгрузкѣ, требовавшей болѣе молодыхъ плечъ, чѣмъ его. Книга Лефрансэ о парижской коммунѣ— единственная, въ которой дѣйствительное историческое значеніе движенія представлено въ настоящемъ свѣтѣ.

— „Я коммуналистъ, а не анархистъ, если вамъ угодно",—говорилъ онъ.—„Я не могу работать съ такими безумцами, какъ вы!"—А между тѣмъ, онъ не работалъ ни съ кѣмъ, какъ только съ нами, „потому что вы, безумцы,—говорилъ онъ,—именно тѣ люди, которыхъ я могу любить. Съ вами можно работать, оставаясь самимъ собою".

Съ нами жилъ еще другой членъ парижской коммуны, Пэнди, плотникъ изъ сѣверной Франціи, пріемное дитя Парижа. Онъ пріобрѣлъ большую иэвѣстность въ Парижѣ своею энергіею и яснымъ умомъ во время одной большой стачки, поддержанной Интернаціоналомъ, вскорѣ послѣ основанія Союза рабочихъ. Въ 1871 году, его выбрали членомъ коммуны, которая назначила его комендантомъ тюльерійскаго дворца. Когда версальскія войска вступили уже въ Парижъ, истребляя плѣнныхъ сотнями,—въ разныхъ концахъ города раз-

стрѣляли по крайней мѣрѣ троихъ, которыхъ приняли за Пэнди. Послѣ битвы его укрыла храбрая дѣвушка-швея, своимъ хладнокровіемъ спасшая его, когда солдаты пришли обыскивать домъ. Впослѣдствіи она стала его женой. Только годъ спустя имъ удалось незамѣтно выбраться изъ Парижа и добраться до Швейцаріи. Здѣсь онъ изучилъ ремесло пробирщика. Цѣлые дни проводилъ онъ теперь у раскаленнаго горна, вечера же всецѣло отдавалъ пропагандѣ, въ которой удивительно сочеталъ страстность революціонера съ здравымъ смысломъ и организаторской способностью, характеризующими парижскихъ работниковъ.

Поль Бруссъ былъ тогда молодой докторъ, необыкновенно живаго ума, шумный, ѣдкій и живой, готовый развить любую идею съ геометрической послѣдовательностью до крайнихъ ея предѣловъ. Его критика государства и государственныхъ учрежденій отличалась особой ѣдкостью и силой. Бруссъ находилъ время издавать двѣ газеты, одну французскую, другую—нѣмецкую (не зная нѣмецкаго), писать десятки длинныхъ писемъ и быть душою рабочихъ вечеринокъ. Онъ постоянно былъ занятъ организаціей новыхъ группъ, со всею тонкостью ума настоящаго „южанина“.

Изъ итальянцевъ, работавшихъ съ нами въ Швейцаріи въ особенности замѣчательны два близкихъ друга Бакунина, Кафіеро и Малатеста, имена которыхъ всегда упоминаются вмѣстѣ и будутъ поминаться въ Италіи не однимъ поколѣніемъ. Кафіеро—возвышенный и чистый идеалистъ, отдавшій все свое состояніе общему дѣлу и никогда не задававшійся вопросомъ, чѣмъ онъ будетъ жить потомъ; мыслитель, вѣчно погруженный въ философскія соображенія; человѣкъ, самый незлобивый, а между тѣмъ онъ взялся за ружье и пошелъ въ горы Беневенто, когда онъ и друзья его рѣшили, что надо сдѣлать попытку соціалистическаго возстанія, хотя бы только съ цѣлью доказать народу, что крестьянскій бунтъ долженъ быть серьезнѣе простаго возмущенія противъ сборщиковъ податей. Малатеста,—бывшій сту-

дентъ медицины, отказавшійся отъ своей профессіи и отъ состоянія ради революціи: чистый идеалистъ, полный жара и ума. За всю свою жизнь (ему теперь больше пятидесяти) онъ никогда не думалъ о томъ, будетъ ли у него кусокъ хлѣба на обѣдъ, и мѣсто, гдѣ переночевать сегодня. Не имѣя своего угла, онъ готовъ продавать мороженое на улицахъ Лондона, чтобы заработать на хлѣбъ, а по ночамъ будетъ писать блестящія статьи для итальянскихъ газетъ. Во Франціи его посадили въ тюрьму, освободили и изгнали; въ Италіи онъ былъ вторично осужденъ и сосланъ на островъ, откуда бѣжалъ и снова подъ другимъ именемъ явился въ Италію. Малатесту всегда можно найти тамъ, гдѣ борьба кипитъ особенно жарко,—все равно на родинѣ ли или внѣ ея. И эту жизнь онъ ведетъ вотъ уже тридцать лѣтъ. И когда мы встрѣчаемъ Малатесту, послѣ освобожденія изъ тюрьмы, или послѣ побѣга съ острова, мы находимъ его такимъ же бодрымъ, какимъ видѣли его въ послѣдній разъ. Вѣчно онъ готовъ начать съизнова борьбу; постоянно онъ поражаетъ тою же любовью къ человѣчеству и тѣмъ же отсутствіемъ ненависти къ своимъ противникамъ и тюремщикамъ; всегда у него готова сердечная улыбка для друзей и ласка для ребенка.

Среди насъ было очень мало русскихъ, потому что большинство соотечественниковъ шло за соціалъ-демократами. Съ нами находился однако старый другъ Герцена, Н. И. Жуковскій, оставившій Россію въ 1863 году: блестящій, изящный человѣкъ, очень умный и большой любимецъ рабочихъ. Больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ насъ, онъ имѣлъ, что французы называютъ l'oreille du peuple. Рабочіе всегда слушали его охотно, такъ какъ онъ умѣлъ зажечь сердца народа, показывая ему то важное участье, которое онъ долженъ принять въ переустройствѣ общества. Онъ умѣлъ поднять настроеніе, открывая работникамъ блестящія историческія перспективы; умѣлъ сразу освѣтить самый запутанный экономическій вопросъ и наэлектризовать

слушателей своею искренностью и убѣжденностью. Временно работалъ также съ нами бывшій офицеръ генеральнаго штаба, Н. В. Соколовъ, поклонникъ Поля Луи Курье за его смѣлость и Прудона за его философскіе взгляды. Соколовъ обратилъ многихъ въ Россіи въ соціализмъ своими статьями въ „Русскомъ Словѣ".

Упоминаю только тѣхъ, которые получили широкую извѣстность, какъ писатели, какъ делегаты на конгрессахъ или какъ организаторы. А между тѣмъ я спрашиваю себя, не лучше ли писать о тѣхъ, которые никогда не печатались, но тѣмъ не менѣе принимали такое же важное участье въ жизни федераціи, какъ любой изъ писателей? не лучше ли помянуть рядовыхъ бойцовъ, готовыхъ всегда примкнуть ко всякому предпріятію, никогда не задаваясь вопросомъ, будетъ ли дѣло крупно или мелко, славно или скромно; будетъ ли оно имѣть великія послѣдствія, или только принесетъ безконечныя тревоги имъ и ихъ семействамъ?

Я долженъ былъ бы также упомянуть о нѣмцахъ Вернерѣ и Ринке, которые пѣшкомъ пропутешествовали на конгрессъ изъ Швейцаріи въ Бельгію, объ испанцѣ Альбарасинѣ, студентѣ, котораго стачка въ Алькоѣ вынесла главою Алькойской коммуны, и про многихъ другихъ; но боюсь, что мои бѣглые наброски не смогутъ внушить читателямъ всего того чувства уваженія и любви, съ которымъ относились къ этой маленькой семьѣ всѣ, знавшіе членовъ ея лично.

IV.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ швейцарскихъ городовъ Шодефонъ, быть можетъ, наименѣе привлекательный. Онъ лежитъ на высокомъ плоскогоріи, совершенно лишенномъ растительности, и открытъ для пронизывающаго вѣтра, дующаго здѣсь зимой. Снѣгъ здѣсь выпадаетъ такой же глубокій, какъ въ Москвѣ, а таетъ и падаетъ онъ снова такъ же часто, какъ въ Петербургѣ. Но намъ

было важно распространить наши идеи въ этомъ центрѣ и придать больше жизни мѣстной пропагандѣ. Здѣсь жили Пэнди, Шпихигеръ, Альбарасинъ, бланкисты Ферре и Жало. Время отъ времени я могъ навѣщать отсюда Гильома въ Невшателѣ и Швицгебеля въ долинѣ Сэнтъ-Имье.

Для меня началась жизнь, полная любимой дѣятельности. Мы устраивали многочисленныя сходки, для которыхъ сами разносили афиши по кафэ и мастерскимъ. Разъ въ недѣлю собиралась наша секція, и здѣсь поднимались самыя оживленныя разсужденія. Отправлялись мы также проповѣдывать анархизмъ на собранія, созываемыя политическими партіями. Я разъѣзжалъ очень много, навѣщая другія секціи, и помогалъ имъ.

Въ ту зиму мы заручились симпатіями многихъ, хотя сильной помѣхой правильной работѣ являлся кризисъ въ часовомъ дѣлѣ. Половина работниковъ сидѣла безъ работы или была занята только нѣсколько часовъ въ недѣлю. Поэтому, муниципалитетамъ пришлось открыть дешевыя столовыя. Кооперативная мастерская, основанная въ Шодефонѣ анархистами, въ которой заработки распредѣлялись поровну между участниками, съ большимъ трудомъ доставала себѣ работы, не смотря на свою почетную репутацію. Шпихигеру,—одному изъ лучшихъ гильошеровъ,—пришлось даше нѣкоторое время зарабатывать средства къ жизни, расческой шерсти для одного обойщика.

Мы всѣ, въ томъ году, приняли участье въ демонстраціи съ краснымъ знаменемъ въ Бернѣ. Волна реакціи дошла и до Швейцаріи и, наперекоръ конституціи, Бернская полиція воспретила носить рабочее знамя на улицахъ. Необходимо было показать, поэтому, что, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работники не допустятъ попранія своихъ правъ и станутъ сопротивляться. Въ день годовщины парижской коммуны мы всѣ отправились въ Бернъ, чтобы, не смотря на запрещеніе, пройти по улицамъ съ красными знаменами. Конечно, произошло столкновеніе съ полиціей, въ которомъ

два товарища получили сабельные удары, а два полицейскихъ были ранены довольно тяжело. Но одно красное знамя донесли-таки благополучно до залы, гдѣ состоялся восторженный митингъ. Нечего прибавлять, что такъ-называемые вожаки были въ рядахъ и дрались вмѣстѣ со всѣми. Къ отвѣтственности было привлечено около тридцати швейцарскихъ гражданъ, которые всѣ сами заявляли слѣдователю, что приняли участіе въ демонстраціи, и требовали, чтобы ихъ судили. Ранившіе полицейскихъ немедленно выступили впередъ и заявили, что это сдѣлали они. Судъ пробудилъ не малую симпатію къ нашему дѣлу. Многіе поняли, что всѣ вольности нужно упорно защищать, чтобы ихъ не отняли. Приговоръ, поэтому, былъ сравнительно мягкій и не превосходилъ трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія.

Однако бернское правительство воспретило, вслѣдъ за этимъ, красное знамя во всемъ кантонѣ. Тогда Юрская Федерація рѣшила выступить съ нимъ, не смотря на всѣ запрещенія, въ Сэнтъ-Имье, гдѣ долженъ былъ состояться нашъ годичный конгрессъ, и защищать его, въ случаѣ надобности, съ оружіемъ въ рукахъ. На этотъ разъ всѣ мы были вооружены и приготовились защищать наше знамя до послѣдней крайности. На одной изъ площадей, по которымъ мы должны были пройти, расположился полицейскій отрядъ, чтобы остановить нашу процессію, а въ сосѣднемъ полѣ упражнялся взводъ милиціи, будто бы вызванный для учебной стрѣльбы. Мы хорошо слышали выстрѣлы стрѣлковъ, когда проходили по улицамъ города. Но когда наша процессія появилась, подъ звуки военной музыки, на площади, и ясно было, что полицейское вмѣшательство вызоветъ серьезное кровопролитіе, мэръ предоставилъ намъ спокойно идти. Мы, такимъ образомъ, безпрепятственно дошли до залы, гдѣ и состоялся нашъ митингъ. Никто изъ насъ особенно не желалъ столкновенія; но подъемъ, созданный этимъ шествіемъ въ боевомъ порядкѣ, при звукѣ военной музыки, былъ таковъ, что трудно сказать,—какое чувство преобладало среди насъ, когда мы добрались

до залы: облегченіе-ли, что боевой схватки не произошло, или же сожалѣніе о томъ, что все обошлось такъ тихо. Человѣкъ—крайне сложное существо.

Главная наша дѣятельность состояла, впрочемъ, въ формулировкѣ соціалистическаго анархизма, въ теоріи и въ практическихъ его приложеніяхъ. И въ этомъ направленіи Юрская Федерація выполнила работу, которая не умретъ.

Мы замѣчали, что среди культурныхъ націй зарождается новая форма общества, на смѣну старой:—общество равныхъ между собою. Члены его не будутъ болѣе вынуждены продавать свой трудъ и свою мысль тѣмъ, которые теперь нанимаютъ ихъ по своему личному усмотрѣнію. Они смогутъ прилагать свои знанія и способности къ производству на пользу всѣхъ; и для этого, они будутъ складываться въ организмы, такъ устроенные, чтобы сочетать наличныя силы для производства наивозможно большей суммы благосостоянія для всѣхъ, причемъ, въ то же время, личному почину будетъ предоставленъ полнѣйшій просторъ. Это общество будетъ состоять изъ множества союзовъ, объединенныхъ между собою для всѣхъ цѣлей, требующихъ объединенія:—изъ промышленныхъ федерацій для всякаго рода производства: земледѣльческаго, промышленнаго, умственнаго, художественнаго; и изъ потребительныхъ общинъ, которыя займутся всѣмъ, касающимся, съ одной стороны, устройства жилищъ и санитарныхъ улучшеній, а съ другой — снабженіемъ всего касающагося пищи, одежды и прочаго.

Возникнутъ также федераціи общинъ между собою, и потребительныхъ общинъ съ производительными союзами. И наконецъ возникнутъ еще болѣе широкіе союзы, покрывающіе всю страну или нѣсколько странъ, члены которыхъ будутъ соединяться для удовлетворенія экономическихъ, умственныхъ, художественныхъ и нравственныхъ потребностей, не ограничивающихся одною только страною. Всѣ эти производительные союзы и

потребительныя общины будутъ соединяться по свободному соглашенію между собою. Такъ уже работаютъ теперь сообща желѣзнодорожныя компаніи, или же почтовыя учрежденія различныхъ странъ, не имѣя центральнаго желѣзнодорожнаго или почтоваго департамента, хотя первыя руководятся исключительно эгоистическими цѣлями, а вторыя принадлежатъ различнымъ и часто враждебнымъ государствамъ. Такъ-же дѣйствуютъ метеорологическія учрежденія, горные клубы, англійскія спасательныя станціи, кружки велосипедистовъ, преподавателей, литераторовъ и такъ далѣе, соединяющіеся для всякаго рода общей работы, а то, попросту, и для удовольствія. Развитію новыхъ формъ производства и всевозможныхъ организацій будетъ предоставлена полная свобода; личный починъ будетъ поощряться, а стремленіе къ однородности и централизаціи будетъ задерживаться. Кромѣ того, это общество отнюдь не будетъ закристаллизовано въ какую-нибудь неподвижную форму: оно будетъ, напротивъ, безпрерывно измѣнять свой видъ, потому что оно будетъ живой, развивающійся организмъ. Ни въ какомъ правительствѣ не будетъ тогда представляться надобности, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые правительство теперь считаетъ подлежашими своей власти, — его замѣнитъ вполнѣ свободное соглашеніе и союзный договоръ; случаи же столкновеній неизбѣжно уменьшатся, а тѣ, которые будутъ возникать, могутъ разрѣшаться третейскимъ судомъ.

Никто изъ насъ не уменьшалъ важности и величія той перемѣны, которая намъ рисовалась впереди. Мы понимали, что ходячіе взгляды на необходимость частной собственности на землю, фабрики, копи, жилища и такъ далѣе, для развитія промышленнаго прогресса, и на систему заработной платы, какъ на средство заставить людей работать,—еще не скоро уступятъ мѣсто болѣе высокимъ понятіямъ объ общественной собственности и производствѣ. Мы знали, что предстоитъ утомительный періодъ пропаганды, затѣмъ долгая борьба и рядъ индивидуальныхъ и коллективныхъ возмущеній противъ ны-

нѣшней формы владѣнія собственностью; что нужны личныя жертвы, отдѣльныя попытки переустройства и мѣстныя революціи, — прежде, чѣмъ измѣнятся установившіеся теперь взгляды на собственность. Тѣмъ болѣе понимали мы, что культурные народы не захотятъ и не смогутъ отказаться разомъ отъ господствующихъ теперь идей о необходимости власти, на которыхъ мы всѣ воспитались. Понадобятся многолѣтняя пропаганда и длинный рядъ отдѣльныхъ возмущеній противъ властей, а также полный пересмотръ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя извлекаются теперь изъ исторіи, — прежде, чѣмъ люди поймутъ, какъ они ошибались, когда приписывали своему правительству и законамъ то, что въ дѣйствительности является результатомъ ихъ собственныхъ привычекъ и общественныхъ инстинктовъ. Мы знали все это. Но мы знали также, что проповѣдуя преобразованіе въ обоихъ этихъ направленіяхъ,—мы будемъ идти съ прогрессомъ, а не противъ него.

Когда я ближе познакомился съ западно-европейскими рабочими и съ симпатизирующими имъ людьми изъ интеллигенціи, я скоро убѣдился, что они цѣнятъ личную свободу гораздо выше, чѣмъ личное благосостояніе. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, работники готовы были продать свою личную свободу всякаго рода правителямъ и даже какому-нибудь Цезарю, въ обмѣнъ за обѣщаніе матеріальныхъ благъ. Но теперь этого нѣтъ. Я убѣдился, что слѣпая вѣра въ выборныхъ правителей, даже если они взяты изъ лучшихъ вожаковъ рабочаго движенія,—вымираетъ у работниковъ латинскихъ расъ. „Мы, прежде всего, должны узнать, что намъ нужно, а тогда мы это лучше всего сдѣлаемъ сами“, — говорили они, и эта мысль была сильно распространена среди работниковъ, — гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы предположить. Въ уставѣ Интернаціонала значилось: „Освобожденіе работниковъ должно быть выполнено ими самими“, и эта мысль пустила глубокіе корни въ умахъ. Печальный опытъ парижской коммуны вполнѣ подтверждалъ ее.

Когда началось возстаніе коммуны, многіе изъ среднихъ классовъ готовы были сами начать попытки въ соціалистическомъ направленіи, или, по крайней мѣрѣ, не противиться имъ.—„Когда мы съ братомъ выходили изъ нашихъ маленькихъ комнатъ на улицу, — сказалъ мнѣ однажды Элизэ Реклю, — люди изъ зажиточныхъ классовъ спрашивали насъ со всѣхъ сторонъ: „говорите, что дѣлать? Мы готовы попытаться на новомъ пути". Но *мы* (и тутъ онъ ударилъ себя по лбу) тогда не знали, что имъ сказать.

Ни одно правительство не имѣло въ своемъ составѣ столько представителей крайнихъ партій, какъ Совѣтъ Коммуны, избранный 25 марта 1871 года. Въ немъ были представлены въ соотвѣтствующей пропорціи всѣ оттѣнки революціонныхъ мнѣній: бланкисты, якобинцы, интернаціоналисты. А между тѣмъ, такъ какъ сами работники не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ на соціальныя реформы, то они и не могли внушить ихъ своимъ представителямъ; и потому, правительство коммуны ничего не сдѣлало въ этомъ направленіи. Его парализовалъ уже самый фактъ оторванности отъ массъ и пребыванія въ Hôtel de Ville (Городской Ратушѣ). И, думая объ этомъ, мы понимали, что ради самаго успѣха соціализма обязательно проповѣдывать идеи безначалія, самодѣятельности, и свободной личной иниціативы, — однимъ словомъ идеи анархизма, рядомъ съ идеями о соціализаціи собственности и производства.

Мы, конечно, предвидѣли, что при полной свободѣ мысли и дѣйствія для каждой личности, мы неизбѣжно встрѣтимся съ нѣкоторымъ крайнимъ преувеличеніемъ нашихъ принциповъ. Я видѣлъ уже нѣчто подобное въ русскомъ нигилизмѣ. Но мы рѣшили, — и опытъ доказалъ, что мы не ошиблись — что сама общественная жизнь, при наличности открытой и прямой критики мнѣній и дѣйствій, устранитъ понемногу крайнія преувеличенія. Мы дѣйствовали, въ сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода — наиболѣе вѣрное средство противъ временныхъ неудобствъ, про-

истекающихъ изъ свободы. Дѣйствительно, въ человѣчествѣ есть ядро общественныхъ привычекъ, доставшееся ему по наслѣдству отъ прежнихъ временъ, и недостаточно еще оцѣненное. Не по принужденію держатся эти привычки въ обществѣ, такъ какъ онѣ выше и древнѣе всякаго принужденія. Но на нихъ основанъ весь прогрессъ человѣчества, и до тѣхъ поръ, покуда человѣчество не начнетъ вырождаться физически и умственно, эти привычки не могутъ быть уничтожены, ни критикой людей, отрицающихъ ходячую нравственность, ни временнымъ возмущеніемъ противъ нихъ. Въ этихъ воззрѣніяхъ я убѣждался все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ росло мое знакомство съ людьми и съ жизнью.

Мы понимали въ то же время, что необходимыя перемѣны въ этомъ направленіи не могутъ быть вызваны однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, хотя бы и самымъ геніальнымъ. Онѣ явятся результатомъ не научнаго открытія и не откровенія, а послѣдствіемъ созидательной работы самыхъ народныхъ массъ. Народными массами,—не отдѣльными геніями,—выработаны были средневѣковое обычное право, деревенская община, гильдія, артель, средневѣковый городъ и основы международнаго права.

Многіе изъ нашихъ предшественниковъ пытались нарисовать идеальную республику, основывая ее, то на принципѣ власти, то, въ рѣдкихъ случаяхъ, на принципѣ свободы. Робертъ Оуэнъ и Фурье дали міру свой идеалъ свободнаго, органически развивающагося общества, въ противоположность идеальной общественной пирамидѣ, внушенной Римскою имперіею и католической церковью. Прудонъ продолжалъ работу Фурье и Оуэна, а Бакунинъ примѣнилъ свое ясное и широкое пониманіе философіи исторіи къ критикѣ современныхъ учрежденій, „создавая въ то время, какъ разрушалъ“. Но все это было только подготовительная работа.

Международный Рабочій Союзъ примѣнилъ новый методъ разрѣшенія задачъ практической соціологіи—путемъ обращенія къ самимъ работникамъ. Образован-

ные люди, присоединившіеся къ ассоціаціи, брались только объяснять рабочимъ, что происходитъ въ различныхъ странахъ, разбирать добытые результаты и, впослѣдствіи, помогать работникамъ, точно выразить свои заключенія. Мы не брались выводить изъ нашихъ теоретическихъ взглядовъ, каково *должно быть* идеальное общество; мы только приглашали работниковъ изслѣдовать причины настоящаго зла и выработать на своихъ сходкахъ и конгрессахъ практическія основы лучшаго общественнаго строя. Велось же обсужденіе такъ: вопросы, поднятые на международномъ конгрессѣ, рекомендовались всѣмъ рабочимъ союзамъ, какъ предметъ для изученія въ теченіе слѣдующаго года. Они обсуждались тогда во всей Европѣ, на небольшихъ сходкахъ отдѣловъ (секцій), соотвѣтственно съ мѣстными нуждами каждой отрасли промышленности. Затѣмъ, работы отдѣловъ представлялись слѣдующему конгрессу каждой федераціи, и наконецъ, въ болѣе обработанной формѣ, вносились на ближайшій международный конгрессъ всего Интернаціонала. Такимъ образомъ, снизу вырабатывались теоретическія и практическія основы того общества, къ которому мы стремились. И Юрская федерація приняла широкое участіе въ выработкѣ идеаловъ коллективистовъ и анархистовъ.

Что касается меня самого, то, находясь въ столь благопріятныхъ условіяхъ, я мало по малу пришелъ къ заключенію, что анархизмъ—нѣчто большее, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ идеалъ свободнаго общества. Онъ представляетъ собою, кромѣ того, философію, какъ природы, такъ и общества, которая должна быть развита совершенно другимъ путемъ, чѣмъ метафизическимъ или діалектическимъ методомъ, примѣнявшимся въ былое время къ наукамъ, разсуждающимъ о человѣкѣ. Я видѣлъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣми же методами, какіе примѣняются въ естественныхъ наукахъ; но не на скользкой почвѣ простыхъ аналогій, какъ дѣлаетъ это Гербертъ Спенсеръ, а на солидномъ фундаментѣ индукціи, примѣненной къ выработкѣ чело-

вѣчествомъ его учрежденій. И я сдѣлалъ все что могъ въ этомъ направленіи.

V.

Осенью 1877 года въ Бельгіи состоялось два конгресса: одинъ Интернаціональной Рабочей Ассоціаціи въ Вервье, другой—международный соціалистическій конгрессъ въ Гентѣ. Послѣдній былъ въ особенности важенъ, такъ какъ стало извѣстно, что германскіе соціалъ-демократы сдѣлаютъ попытку захватить все рабочее движеніе въ Европѣ въ одну организацію, главою которой будетъ центральный комитетъ, составляющій продолженіе стараго генеральнаго совѣта Интернаціонала, но только подъ новымъ названіемъ. Поэтому необходимо было отстоять автономію рабочихъ организацій въ латинскихъ странахъ, и мы сдѣлали все возможное, чтобы послать достаточное число делегатовъ на конгрессъ. Я поѣхалъ подъ именемъ Левашева; два нѣмца—наборщикъ Вернеръ и механикъ Ринке—прошли пѣшкомъ почти весь путь отъ Базеля до Бельгіи. И хотя насъ было всего только девять анархистовъ въ Гентѣ, намъ удалось помѣшать осуществленію централизаціоннаго проэкта.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка; состоялся рядъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ, и на каждомъ изъ нихъ поднималась одна и та же борьба: соціалъ-демократы пытались завербовать все рабочее движеніе Европы подъ свое знамя и подчинить своему контролю, анархисты-же возставали противъ этого и старались помѣшать этому. Сколько силъ истрачено понапрасно! сколько высказано горькихъ словъ, какъ дробятся силы! И все это потому, что стремящіеся къ „завоеванію власти въ существующемъ государствѣ“, не понимаютъ, что дѣяеельность въ этомъ направленіи не можетъ вмѣстить въ себя все соціалистическое движеніе! Съ самаго начала соціализмъ сталъ развиваться

въ трехъ направленіяхъ, выразителями которыхъ явились Сэнъ Симонъ, Фурье и Робертъ Оуэнъ. Сэнъ Симонизмъ породилъ соціаль - демократію; Фурьеризмъ далъ начало анархизму; а ученіе Оуэна развилось въ Англіи и въ Америкѣ въ трэдъ-юніонизмъ, кооперацію и такъ-называемый муниципальный соціализмъ, причемъ это движеніе осталось враждебнымъ государственному соціализму соціалъ-демократовъ имѣя при этомъ точки соприкосновенія съ анархизмомъ. Но вслѣдстіе нежеланія понять, что всѣ три движенія стремятся къ общей цѣли тремя различными путями, причемъ два послѣднихъ движенія вносятъ свой цѣнный вкладъ въ прогрессъ,—явилось то, что двадцать-пять лѣтъ было затрачено на осуществленіе неосуществимой утопіи, которую представило бы собою единое рабочее движеніе по соціалъ-демократическому образцу.

Гентскій конгрессъ кончился для меня неожиданно. Черезъ три или четыре дня послѣ начала его, бельгійская полиція узнала, кто такой Левашевъ, и получила приказъ арестовать меня за нарушеніе полицейскихъ постановленій, которое я свершилъ, назвавшись въ гостинницѣ вымышленнымъ именемъ. Мои бельгійскіе друзья предупредили меня. Они утверждали, что клерикальное министерство, находившееся у власти, способно выдать меня Россіи и настаивали на томъ, чтобы я немедленно оставилъ конгрессъ. Друзья не позволили мнѣ даже возвратиться съ одного большого митинга въ гостинницу. Гильомъ загородилъ мнѣ дорогу, заявивши, что онъ силой воспротивится тому, чтобы я шелъ въ гостинницу. Пришлось мнѣ направиться въ другую сторону съ нѣсколькими гентскими товарищами, и какъ только я присоединился къ нимъ, со всѣхъ сторонъ темной площади, на которой находились группы рабочихъ, раздались свистки и перекликиванья въ полголоса. Все это имѣло очень таинственный видъ. Наконецъ, послѣ долгаго перешептыванья и тихаго пересвистыванья, группа товарищей повела меня подъ конвоемъ къ ра-

ботнику соціалъ-демократу, гдѣ мнѣ предстояло переночевать, и гдѣ меня, анархиста, приняли самымъ трогательнымъ образомъ, какъ брата. На слѣдующее утро я опять уѣхалъ въ Англію и, вновь высаживаясь на берегахъ Темзы я, помнится, вызвалъ добродушную улыбку у англійскаго таможеннаго чиновника. Онъ непремѣнно желалъ осмотрѣть мой багажъ, а я могъ показать ему только крошечный, ручной сакъ-вояжъ.

Въ этотъ разъ я опять не долго оставался въ Лондонѣ. По богатымъ матеріаламъ Британскаго Музея я принялся за изученіе Французской Революціи,—именно, какъ зачинаются революціи. Но это меня не удовлетворяло; мнѣ нужна была болѣе живая дѣятельность, и я скоро отправился въ Парижъ. Послѣ безпощаднаго усмиренія возстанія коммуны, здѣсь начинало пробуждаться рабочее движеніе, и мнѣ удалось принять въ немъ участіе. Вмѣстѣ съ итальянцемъ Костой, нѣсколькими французскими работниками-анархистами и Жюль Гедомъ, съ его товарищами, которые въ то время еще не были узко партіозными соціалъ-демократами и, оставаясь революціонерами, отрицали парламентскую дѣятельность,— мы основывали первыя соціалистическія группы.

Начали мы съ очень небольшаго. Человѣкъ по пяти, по шести, мы встрѣчались въ кафэ; а когда намъ удавалось собрать сотню рабочихъ на митингъ, мы уже ликовали. Никто не могъ предвидѣть тогда, что черезъ два года движеніе такъ разростется. Но во Франціи дѣла развиваются особымъ путемъ. Когда реакція беретъ верхъ, всѣ видимые слѣды движенія исчезаютъ; лишь немногіе энтузіасты пробуютъ плыть противъ теченія. Но вотъ, какимъ-то таинственнымъ путемъ, черезъ посредство невидимаго впитыванія идей, реакція подточена. Зарождается новое теченіе, и потомъ вдругъ оказывается, что идея, которую всѣ считали уже мертвой— была жива все время, росла и распространялась. И какъ только открытая агитація становится возможной, выдвигаются сразу тысячи сторонниковъ, существованія

которыхъ никто не подозрѣвалъ. „Въ Парижѣ,—говорилъ старикъ Бланки,—всегда есть пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые не принимаютъ никакого участья въ сходкахъ и демонстраціяхъ; но какъ только они почувствуютъ, что народъ можетъ выйти на улицу, и тамъ заявить свое мнѣніе,—они тотчасъ-же являются и, если нужно, идутъ на штурмъ". Такъ оно было и тогда. Насъ было не больше двадцати человѣкъ, чтобы вести движеніе, и мы имѣли не болѣе двухсотъ открытыхъ сторонниковъ. На первыхъ поминкахъ коммуны, въ мартѣ 1878 г., насъ навѣрное было не больше двухсотъ человѣкъ. Но два года спустя пришла амнистія для коммунаровъ, и все рабочее населеніе Парижа высыпало на улицы, чтобы привѣтствовать возвращающихся. Оно толпилось на ихъ митингахъ и восторженно принимало изгнанниковъ. Соціалистическое движеніе сразу выросло и увлекло за собою радикаловъ.

Но въ апрѣлѣ 1878 г. пора оживленія еще не пришла, и въ одну прекрасную ночь арестовали Косту и еще одного товарища-анархиста, француза Педуссо. Полицейскій судъ приговорилъ ихъ къ полутора годамъ тюрьмы, какъ членовъ Интернаціонала. Я избѣжалъ ареста только вслѣдствіе ошибки. Полиція искала Левашева и пришла арестовать одного русскаго студента съ очень похожей фамиліей. Я же прописался подъ моимъ настоящимъ именемъ и прожилъ въ Парижѣ еще около мѣсяца. Затѣмъ меня вызвали въ Швейцарію.

VI.

Во время этого пребыванія въ Парижѣ я познакомился съ И. С. Тургеневымъ. Онъ выразилъ желаніе нашему общему пріятелю, П. Л. Лаврову, повидаться со мной и, какъ настоящій русскій, отпраздновать мой побѣгъ небольшимъ дружескимъ обѣдомъ. Я переступилъ порогъ великаго романиста почти съ благоговѣніемъ. Своими „Записками Охотника" онъ оказалъ гро-

мадную услугу Россіи, вселивъ отвращеніе къ крѣпостному праву (я тогда не зналъ еще, что Тургеневъ принималъ участье въ „Колоколѣ“); а послѣдующими своими повѣстями онъ принесъ молодой интеллигентной Россіи не меньшую пользу. Онъ вселилъ высшіе идеалы и показалъ, что такое русская женщина, какія сокровища таятся въ ея сердцѣ и умѣ, и чѣмъ она можетъ быть, какъ вдохновительница мужчины. Онъ насъ научилъ, какъ лучшіе люди относятся къ женщинамъ и какъ они любятъ. На меня и на тысячи моихъ современниковъ эта часть ученія Тургенева произвела неизгладимое впечатлѣніе,—гораздо болѣе сильное, чѣмъ лучшія статьи въ защиту женскихъ правъ.

Внѣшность Тургенева хорошо извѣстна. Онъ былъ очень красивъ: высокаго роста, крѣпко сложенный, съ мягкими сѣдыми кудрями. Глаза его свѣтились умомъ и не лишены были юмористическаго огонька, а манеры отличались той простотой и отсутствіемъ аффектаціи, которыя свойственны лучшимъ русскимъ писателямъ. Голова его сразу говорила объ очень большомъ развитіи умственныхъ способностей; а когда, послѣ смерти И. С. Тургенева, Поль Беръ и Поль Реклю (хирургъ) взвѣсили его мозгъ, то они нашли, что онъ до такой степени превосходитъ вѣсомъ наиболѣе тяжелый изъ извѣстныхъ мозговъ, именно Кювье, что не повѣрили своимъ вѣсамъ и достали новые, чтобы провѣрить себя.

Въ особенности была замѣчательна бесѣда Тургенева. Онъ говорилъ, какъ и писалъ, образами. Желая развить мысль, онъ прибѣгалъ не къ аргументамъ, хотя былъ мастеръ вести философскій споръ: онъ пояснялъ ее какой-нибудь сценой, переданной въ такой художественной формѣ, какъ будто бы она была взята изъ его повѣсти.

— Вы имѣли случай много наблюдать французовъ, нѣмцевъ и другихъ европейцевъ,—какъ-то сказалъ онъ мнѣ.—Не замѣтили ли вы, что существуетъ неизмѣримая пропасть между многими воззрѣніями иностранцевъ

и насъ, русскихъ: — есть пункты, на которыхъ мы никогда не сможемъ согласиться.

Я отвѣтилъ, что не замѣтилъ такихъ пунктовъ.

— „Нѣтъ, они есть. Ну, вотъ вамъ примѣръ. Разъ какъ-то мы были на первомъ представленіи одной новой пьесы. Я сидѣлъ въ ложѣ съ Флоберомъ, Додэ, Золя (не помню точно, назвалъ-ли онъ и Додэ, и Золя, но одного изъ нихъ онъ упомянулъ навѣрное). Всѣ они, конечно,— люди передовыхъ взглядовъ. Сюжетъ пьесы былъ вотъ какой. Жена разошлась съ своимъ мужемъ и жила теперь съ другимъ. Въ пьесѣ онъ былъ представленъ отличнымъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ они были совершенно счастливы. Дѣти ея, мальчикъ и дѣвочка, были малютками, когда мать разошлась съ ихъ отцомъ. Теперь они выросли и все время полагали, что сожитель ихъ матери былъ ихъ отецъ. Онъ обращался съ ними, какъ съ родными дѣтьми: они любили его и онъ любилъ ихъ. Дѣвушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ, а мальчику было около семнадцати. И вотъ, сцена представляетъ семейное собраніе за завтракомъ. Дѣвушка подходитъ къ своему предполагаемому отцу, и тотъ хочетъ поцѣловать ее. Но тутъ мальчикъ, узнавшій какъ-то истину, бросается впередъ и кричитъ:

— „Не смѣйте! (N'osez pas!)

„Это восклицаніе вызвало бурю въ театрѣ. Раздался взрывъ бѣшеныхъ апплодисментовъ. Флоберъ и другіе тоже апплодировали. Я, конечно, былъ возмущенъ.

— „Какъ!—говорилъ я,—эта семья была счастлива... Этотъ человѣкъ лучше обращался съ дѣтьми, чѣмъ ихъ настоящій отецъ... мать любила его, была счастлива съ нимъ... Да этого дряннаго, испорченнаго мальчишку слѣдуетъ просто высѣчь... Но сколько я ни спорилъ потомъ, никто изъ этихъ передовыхъ писателей не понялъ меня“.

Я, конечно, совершенно былъ согласенъ съ Тургеневымъ въ его взглядахъ на этотъ вопросъ и замѣтилъ только, что знакомства его были, по преимуществу, въ среднихъ классахъ. Тамъ разница между націями сильно

замѣтна. Мои же знакомства были исключительно среди рабочихъ; а всѣ работники и, въ особенности, крестьяне всѣхъ странъ очень похожи другъ на друга.

Говоря это, я былъ, однако, совершенно не правъ. Познакомившись впослѣдствіи поближе съ французскими работниками, я часто думалъ о справедливости замѣчанія Тургенева. Дѣйствительно, существуетъ глубокая пропасть между взглядами русскихъ на бракъ и тѣми понятіями, которыя господствуютъ во Франціи, какъ среди буржуазіи, такъ и среди работниковъ. Во многихъ другихъ отношеніяхъ русскіе взгляды такъ же глубоко разнятся отъ взглядовъ другихъ народовъ.

Послѣ смерти Тургенева, гдѣ-то было сказано, что онъ собирался написать повѣсть на эту тему. Если онъ началъ ее, то разсказанная мною сейчасъ сцена непремѣнно должна быть въ его рукописи. Какъ жаль, что Тургеневъ не написалъ этого произведенія! Вполнѣ „Западникъ“ по взглядамъ, онъ могъ бы высказать очень глубокія мысли по предмету, который навѣрное глубоко интересовалъ его всю жизнь.

Изъ всѣхъ беллетристовъ XIX вѣка Тургеневъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ себѣ равныхъ по художественной отдѣлкѣ и стройности произведеній. Проза его звучна, какъ музыка, — какъ глубокая музыка Бетховена; а въ рядѣ его романовъ: „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“, „Отцы и Дѣти“, „Дымъ“ и „Новь“, мы имѣемъ быстро развивающуюся картину, „дѣлавшихъ исторію“ представителей образованнаго класса, начиная съ 1848 года. Всѣ типы очерчены съ такой философской глубиной и знаніемъ человѣческой природы, и съ такою художественною тонкостью, которыя не имѣютъ ничего равнаго ни въ какой другой литературѣ. Между тѣмъ, большая часть молодежи приняла романъ „Отцы и Дѣти“, который Тургеневъ считалъ своимъ наиболѣе глубокимъ произведеніемъ,—съ громкимъ протестомъ. Она нашла, что нигилистъ Базаровъ отнюдь не представитель молодого поколѣнія. Многіе видѣли даже въ немъ каррикатуру на молодое поколѣніе. Это недоразумѣніе сильно

огорчало Тургенева. Хотя примиреніе между нимъ и молодежью и состоялось впослѣдствіи въ Петербургѣ, послѣ „Нови“, но рана, причиненная этими нападками,— никогда не залѣчилась.

Тургеневъ зналъ отъ Лаврова, что я—восторженный поклонникъ его произведеній, и разъ, когда мы возвращались въ каретѣ послѣ посѣщенія мастерской Антокольскаго, онъ спросилъ меня, какого я мнѣнія о Базаровѣ. Я откровенно отвѣтилъ: „Базаровъ—великолѣпный типъ нигилизма; но чувствуется, что вы не любите его такъ, какъ любили другихъ героевъ“.

— Напротивъ, я любилъ его, сильно любилъ, — съ неожиданнымъ жаромъ воскликнулъ Тургеневъ. — Вотъ пріѣдемъ домой, я покажу вамъ дневникъ, гдѣ записалъ, какъ я плакалъ, когда закончилъ повѣсть смертью Базарова.

Тургеневъ, безъ сомнѣнія, любилъ умственный обликъ Базарова. Онъ до такой степени отождествилъ себя съ нигилистической философіей своего героя, что даже велъ дневникъ отъ его имени, въ которомъ оцѣнивалъ событія съ базаровской точки зрѣнія. Но я думаю, что Тургеневъ больше восхищался Базаровымъ, чѣмъ любилъ его. Въ блестящей лекціи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ онъ раздѣлилъ всѣхъ „двигающихъ исторію“ людей на два класса, представленныхъ тѣмъ или другимъ изъ двухъ этихъ типовъ.—„Анализъ прежде всего, и эгоизмъ, а потому безвѣріе. Онъ весь живетъ для самаго себя, онъ эгоистъ; но вѣрить въ себя даже эгоистъ не можетъ“,—такъ характеризовалъ Тургеневъ Гамлета. Поэтому онъ скептикъ—и потому никогда ничего не сдѣлаетъ; тогда какъ Донъ-Кихотъ, сражающійся съ вѣтряными мельницами и принимающій бритвенный тазикъ за Мамбриновъ шлемъ (кто изъ насъ не дѣлалъ подобныхъ ошибокъ?)—ведетъ за собою массы. Массы всегда слѣдуютъ за тѣмъ, кто, не обращая вниманія ни на насмѣшки большинства, ни на преслѣдованія, — твердо идетъ впередъ, не спуская глазъ съ цѣли, которая видна, быть можетъ, ему одному. Донъ-Кихоты ищутъ, падаютъ,

снова поднимаются и, въ концѣ концовъ, достигаютъ. И это вполнѣ справедливо. Однако, „хотя отрицаніе Гамлета сомнѣвается въ добрѣ, но во злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой"... „Скептицизмъ Гамлета не есть также индифферентизмъ", „но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила", и эта сила истребляетъ его волю.

Въ этихъ мысляхъ, мнѣ кажется, Тургеневъ далъ ключъ къ пониманію его отношенія къ своимъ героямъ. Онъ и нѣкоторые изъ его лучшихъ друзей были болѣе или менѣе Гамлетами. Тургеневъ любилъ Гамлета — и восторгался Донъ-Кихотомъ. Вотъ почему онъ уважалъ также Базарова. Онъ отлично изобразилъ его умственное превосходство, онъ превосходно понялъ трагизмъ одиночества Базарова; но онъ не могъ окружить его тою нѣжностью, тою поэтической любовью, которую, какъ больному другу, онъ удѣлялъ своимъ героямъ, когда они приближались къ гамлетовскому типу. Такая любовь была бы здѣсь неумѣстна.

— „Знали-ли вы Мышкина"? — спросилъ онъ меня разъ въ 1878 году. Когда судили наши кружки, сильная личность Мышкина, какъ извѣстно, рѣзко выступила впередъ.

— „Я хотѣлъ бы знать все, касающееся его,—продолжалъ Тургеневъ. — *Вотъ человѣкъ*, ни малѣйшаго слѣда гамлетовщины" — И, говоря это, Тургеневъ, очевидно, обдумывалъ новый типъ, выставленный русскимъ движеніемъ и не существовавшій еще въ періодѣ, изображенномъ въ „Нови". Типъ этотъ появился года два спустя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ И. С. Тургенева, не то осенью, не то въ іюлѣ 1881 года. Онъ былъ уже очень боленъ и мучился мыслью, что его долгъ — написать Александру III,—который недавно вступилъ на престолъ и колебался еще, какой политикѣ послѣдовать,—чтобы указать ему на необходимость дать Россіи конституцію. Съ нескрываемой горестью Тургеневъ говорилъ мнѣ: „чувствую, что обязанъ это сдѣлать; но я вижу также,

что не въ силахъ буду это сдѣлать". Въ дѣйствительности, онъ терпѣлъ уже страшныя муки, причиняемыя ракомъ спинного мозга. Ему трудно было даже сидѣть и говорить нѣсколько минутъ. Такъ онъ и не написалъ Александру III.

VII

Между тѣмъ дѣла въ Россіи приняли совершенно новый оборотъ. Турецкая война 1877 года закончилась всеобщимъ неудовольствіемъ. До начала войны, всюду въ Россіи судьба славянъ вызывала большія симпатіи. Многіе вѣрили также, что за войной за освобожденіе на Балканскомъ полуостровѣ послѣдуютъ реформы въ самой Россіи. Но освобожденіе славянъ осуществилось лишь отчасти. Громадныя жертвы русскаго народа были парализованы ошибками высшихъ военныхъ властей. Десятки тысячъ солдатъ пали въ битвахъ, закончившихся только полупобѣдой; а уступки, вырванныя у Турціи, были уничтожены берлинскимъ конгрессомъ. Всѣ также хорошо знали, что казнокрадство во время войны практиковалось почти въ такихъ-же широкихъ размѣрахъ, какъ и во время крымской компаніи.

Среди этого всеобщаго недовольства, въ концѣ 1877 года, начался судъ надъ ста-девяносто-тремя лицами, арестованными, начиная съ 1873 года. Подсудимые, которыхъ защищали лучшіе адвокаты, сразу завоевали симпатію большой публики. Они произвели очень хорошее впечатлѣніе на петербургское общество. А когда стало извѣстно, что большинство изъ нихъ провело въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, по три и по четыре года, и что около двадцати человѣкъ сошли съ ума или покончили самоубійствомъ,—симпатіи въ пользу подсудимыхъ еще больше увеличились, даже въ самыхъ судьяхъ. Судъ постановилъ очень суровые приговоры для немногихъ и, сравнительно, мягкіе — для всѣхъ остальныхъ, на томъ основаніи, что предварительное заключеніе про-

должалось такъ долго и само ужъ по себѣ было такимъ суровымъ наказаніемъ, что прибавлять еще новое — несправедливо. Всѣ ждали, что царь еще болѣе смягчитъ приговоръ. Вышло, однако, ко всеобщему изумленію, что Александръ II, пересмотрѣвъ рѣшеніе суда, увеличилъ наказанія. Оправданныхъ сослали въ отдаленныя русскія и сибирскія губерніи; а тѣхъ, кому судъ назначилъ непродолжительное тюремное заключеніе послали на пять и на десять лѣтъ каторги. Все это было дѣло начальника третьяго отдѣленія, шефа жандармовъ, генерала Мезенцева.

Въ то же время петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ Треповъ, замѣтивъ во время посѣщенія Дома предварительнаго заключенія, что политическій заключенный Боголюбовъ не снялъ шапку предъ нимъ, всесильнымъ сатрапомъ, кинулся на него съ поднятыми кулаками; а когда Боголюбовъ оказалъ сопротивленіе, Треповъ приказалъ наказать его розгами. Остальные заключенные, немедленно узнавъ объ этомъ, громко протестовали въ своихъ камерахъ и, поэтому, были жестоко избиты надзирателями и полиціей.

Русскіе политическіе безропотно переносили суровую ссылку и каторгу, но они твердо рѣшили, ни въ какомъ случаѣ не позволять надъ собой тѣлеснаго насилія. Молодая дѣвушка Вѣра Засуличъ, не знавшая даже Боголюбова, взяла револьверъ, отправилась къ оберъ-полиціймейстеру и выстрѣлила въ него. Треповъ былъ только раненъ. Александръ II пришелъ взглянуть на молодую героиню, которая, должно быть, произвела на него впечатлѣніе своимъ необычайно симпатичнымъ лицомъ и скромностью. Треповъ имѣлъ столько враговъ въ Петербургѣ, что имъ удалось предать дѣло обыкновенному суду присяжныхъ. Вѣра Засуличъ заявила на судѣ, что прибѣгла къ оружію только тогда, когда испробованы были безуспѣшно всѣ средства довести дѣло до свѣдѣнія общества. Обращались даже къ петербургскому корреспонденту газеты „Times“, чтобы онъ разоблачилъ фактъ; но и онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ, должно

быть, счелъ разсказъ невѣроятнымъ. Тогда Засуличъ, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пошла стрѣлять въ Трепова. Теперь же, когда дѣло дошло до всеобщаго свѣдѣнія, – она была даже рада, что Треповъ только легко раненъ. Присяжные оправдали Вѣру Засуличъ, а когда полиція захотѣла вновь арестовать ее при выходѣ изъ суда, молодежь, толпившаяся на улицѣ, вырвала ее изъ рукъ жандармовъ. Она уѣхала за-границу и скоро присоединилась къ намъ въ Швейцаріи.

Дѣло это произвело глубокое впечатлѣніе по всей Европѣ. Я былъ въ Парижѣ, когда получилось извѣстіе объ оправдательномъ приговорѣ. Мнѣ пришлось въ тотъ день зайти по дѣламъ въ нѣсколько редакцій. Всюду редакторы дышали энтузіазмомъ и писали энергичныя передовыя статьи, прославлявшія дѣвушку. Даже серьезная „Revue des Deux Mondes“, въ годичномъ обзорѣ писала, что больше всего на общественное мнѣніе Европы въ 1878 году произвели впечатлѣніе два лица: Князь Горчаковъ во время берлинскаго конгресса и Вѣра Засуличъ. Портреты ихъ были помѣщены во многихъ альманахахъ и календаряхъ. Что-же касается европейскихъ рабочихъ, то самоотверженность Вѣры Засуличъ произвела на нихъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, безъ всякаго заговора, произошли быстро, одно за другимъ, четыре покушенія на коронованныхъ лицъ. Рабочій Гедель, а вслѣдъ за нимъ докторъ Нобилингъ, стрѣляли въ германскаго императора; нѣсколько недѣль позже, испанскій рабочій Олива Монкаси свершилъ покушеніе на Альфонса XII, а поваръ Пассананте кинулся съ ножемъ на итальянскаго короля. Европейскія правительства не могли допустить, чтобы покушенія на трехъ королей могли случиться безъ существованія какого нибудь международнаго заговора, и они ухватились за предположеніе, что отвѣтственность лежитъ на юрской федераціи Международнаго Союза Рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ прошло больше двадцати лѣтъ, и я могу категорически заявить, что никакихъ рѣшительно данныхъ, подтверждающихъ подобное предположеніе, не существовало. Между тѣмъ всѣ европейскія правительства напали на Швейцарію, упрекая ее въ томъ, что она даетъ убѣжище революціонерамъ, устраивающимъ подобные заговоры. Редакторъ нашей газеты „Avant-Garde"—Поль Бруссъ — былъ арестованъ и привлеченъ къ суду. Швейцарскіе судьи, видя, однако, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія для предположенія, что Бруссъ или Юрская Федерація принимали участіе въ недавнихъ покушеніяхъ, — присудили редактора только къ непродолжительному тюремному заключенію за его статью и изгнанію на десять лѣтъ изъ Швейцаріи; но за то газету запретили. Федеральное правительство обратилось даже съ предложеніемъ ко всѣмъ швейцарскимъ типографіямъ, не печатать больше подобныхъ изданій. Такимъ образомъ, Юрская федерація осталась безъ газеты.

Кромѣ того, швейцарскіе политическіе дѣятели, которые давно уже косились на ростъ анархической агитаціи въ ихъ странѣ, приняли подъ рукой такія мѣры, чтобы подъ угрозой полнѣйшей невозможности заработать средства къ жизни—заставить выдающихся членовъ швейцарцевъ отстать отъ Юрской федераціи. Брусса изгнали изъ Швейцаріи. Джемсъ Гильомъ, поддерживавшій, вопреки всѣмъ препятствіямъ, въ теченіе восьми лѣтъ оффиціальный органъ федераціи и добывавшій средства къ жизни уроками,—теперь не могъ найти никакихъ занятій и вынужденъ былъ уѣхать изъ Швейцаріи во Францію. Адемаръ Швицгебель не находилъ больше работы въ часовомъ дѣлѣ и, имѣя большую семью, принужденъ былъ отстать отъ движенія. Шпихигеръ находился въ такомъ же положеніи и эмигрировалъ. Вышло такъ, что мнѣ, иностранцу, пришлось взять на себя редактированіе газеты юрцевъ. Я, конечно, колебался; но такъ какъ другого выхода не было, то въ февралѣ 1879 года я, съ двумя товарищами, Дюмартрэ и Герцигомъ, основали въ Женевѣ новую двухнедѣльную

газету „Le Révolté“. Большинство статей приходилось мнѣ писать самому. Издательскій капиталъ нашъ состоялъ всего изъ двадцати-трехъ франковъ; но мы всѣ усердно принялись собирать деньги и выпустили первый нумеръ. Тонъ нашего журнала былъ умѣренный, но сущность его была революціонная, и я, по мѣрѣ силъ, старался излагать въ немъ самые сложные экономическіе и историческіе вопросы, понятнымъ для развитыхъ рабочихъ языкомъ. Наша прежняя газета, въ лучшія времена расходилась всего въ шестистахъ экземплярахъ. Теперь же мы отпечатали „Le Révolté“ въ двухъ тысячахъ экземплярахъ, и черезъ нѣсколько дней они всѣ разошлись. Газета имѣла успѣхъ, и до сихъ поръ она выходитъ въ Парижѣ подъ названіемъ „Temps Nouveaux“.

Соціалистическія газеты часто проявляютъ стремленіе обратиться въ скорбный листъ, наполненный жалобами на существующія условія. Отмѣчается тяжелое положеніе работниковъ въ шахтахъ, на фабрикахъ и въ деревняхъ; яркими красками рисуются нищета и страданія рабочихъ во время стачекъ; подчеркивается ихъ безпомощность въ борьбѣ съ предпринимателями. И эта лѣтопись безнадежныхъ усилій, повторяемая въ газетѣ изъ недѣли въ недѣлю, производитъ на читателя самое удручающее впечатлѣніе. Тогда, какъ противовѣсъ этому впечатлѣнію, редакторъ долженъ главнымъ образомъ разсчитывать на зажигательныя слова, при помощи которыхъ онъ пытается внушить читателю вѣру и энергію. Я полагалъ, напротивъ, что революціонная газета, главнымъ образомъ, должна отмѣчать признаки, которые всюду знаменуютъ наступленіе новой эры, зарожденіе новыхъ формъ общественной жизни и растущее возмущеніе противъ устарѣлыхъ учрежденій. За этими признаками нужно слѣдить, ихъ слѣдуетъ сопоставлять настоящимъ образомъ и группировать ихъ такъ, чтобы показать нерѣшительнымъ умамъ ту невидимую и часто безсознательную поддержку, которую передовыя воззрѣнія находятъ всюду, когда въ обществѣ начинается пробужденіе мысли. Заставить человѣка почувствовать

себя заодно съ бьющимся сердцемъ всего человѣчества, съ зачинающимся бунтомъ противъ вѣковой несправедливости и съ попытками выработки новыхъ формъ жизни—въ этомъ состоитъ главная задача революціонной газеты. Надежда, а не отчаянье, порождаетъ успѣшныя революціи.

Историки часто говорятъ намъ, какъ та или другая философская система свершила извѣстную перемѣну въ мысляхъ, а впослѣдствіи и въ учрежденіяхъ. Но это не исторія. На дѣлѣ, величайшіе философы улавливали только признаки приближающихся измѣненій, понимали ихъ внутреннюю связь и, руководимые индукціей и чутьемъ, предсказывали грядущія событія. Соціологи, съ своей стороны, набрасывали намъ планы соціальной организаціи, исходя изъ немногихъ принциповъ и развивая ихъ съ логической послѣдовательностью, какъ выводятся геометрическія теоремы изъ немногихъ аксіомъ. Но это не соціологія. Правильныя соціальныя предсказанія можно дѣлать только, если обращать вниманіе на тысячи признаковъ новой жизни, — отдѣляя случайные факты отъ органически-необходимыхъ, — и строить свои обобщенія на этомъ, единственно-прочномъ основаніи,

Съ этимъ именно методомъ мышленія я и старался ознакомить моихъ читателей. При этомъ я писалъ, по возможности, безъ мудреныхъ словъ, чтобы пріучить самыхъ скромныхъ рабочихъ къ собственному сужденію о томъ, куда и какъ идетъ общество, и дать имъ возможность самимъ поправить писателя, если тотъ будетъ дѣлать невѣрныя заключенія. Что-же касается до критики существующаго строя, я дѣлалъ ее только для того, чтобы выяснить корень зла, и чтобы показать, какъ глубоко укоренившееся и заботливо возлелѣянное поклоненіе передъ устарѣвшими формами, да еще широко распространенная трусость ума и воли—являются главными источниками всѣхъ бѣдствій.

Дюмартрэ и Герцигъ вполнѣ поддерживали меня въ этомъ направленіи. Дюмартрэ родился въ одной изъ

самыхъ бѣдныхъ крестьянскихъ семей въ Савоѣ. Учился онъ только въ начальной школѣ, да и то недолго. Между тѣмъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и смѣтливыхъ людей, которыхъ мнѣ когда либо пришлось встрѣтить. Его оцѣнки людей и текущихъ событій были такъ замѣчательны по своему здравому смыслу, что порой оказывались пророческими. Дюмартрэ былъ также очень тонкій критикъ текущей соціалистической литературы, и его никогда нельзя было ослѣпить фейерверками красивыхъ словъ и якобы-науки. Герцигъ былъ молодой приказчикъ, родомъ изъ Женевы, сдержанный, застѣнчивый, краснѣвшій какъ дѣвушка, когда высказывалъ оригинальную мысль. Когда же меня арестовали, и отвѣтственность за выходъ газеты легла на Герцига, онъ, благодаря своей волѣ, научился писать очень хорошо. Всѣ женевскіе хозяева бойкотировали его, и онъ впалъ со своей семьей въ крайнюю нужду; но, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ газету, покуда явилась возможность перенести ее въ Парижъ. Теперь, вмѣстѣ съ итальянцемъ Бертони, онъ издаетъ въ Женевѣ прекрасную анархическую, рабочую газету, „Le Réveil“.

На судъ этихъ двухъ друзей я могъ слѣпо положиться. Если Герцигъ хмурился и бормоталъ: „да, хорошо, сойдетъ“!—я зналъ, что статья не годится. А когда Дюмартрэ, постоянно жаловавшійся на плохое состояніе своихъ очковъ, когда ему приходилось разбирать не совсѣмъ четкую рукопись, а потому пробѣгавшій статьи только въ корректурѣ, прерывалъ чтеніе восклицаніемъ: „Non, ça ne va pas!“ (нѣтъ, не идетъ),—я тотчасъ понималъ, что дѣло не ладно, и пытался угадать, что именно вызвало его неодобреніе. Я зналъ, что допытываться отъ него совершенно безполезно. Дюмартрэ отвѣтилъ бы: „Ну, это не мое дѣло, а ваше! Не подходитъ. Вотъ все, что я могу сказать“. Но я чувствовалъ, что онъ правъ, и присаживался, чтобы написать мѣсто заново. А не то, взявши верстатку, набиралъ, вмѣсто неодобренныхъ строчекъ, новыя.

Нужно сказать, что выпадали на нашу долю и тяжелыя времена. Едва мы выпустили четыре или пять нумеровъ, какъ типографія, гдѣ мы печатали, отказала намъ. Для рабочихъ и ихъ изданій, свобода печати, указанная въ конституціяхъ, имѣетъ много ограниченій, помимо тѣхъ, которыя упомянуты въ законѣ. Владѣлецъ типографіи ничего не имѣлъ противъ нашей газеты: она ему нравилась; но въ Швейцаріи всѣ типографіи зависятъ отъ правительства, которое даетъ имъ различные заказы, какъ, напримѣръ, печатаніе статистическихъ отчетовъ, бланокъ и тому подобное. Нашему типографу рѣшительно заявили, что, если онъ будетъ продолжать печатать Révolté, то ему нечего больше разсчитывать на заказы отъ женевскаго правительства — и онъ повиновался. Я объѣхалъ всю французскую Швейцарію и повидалъ владѣльцевъ всѣхъ типографій; но даже отъ сочувственно относившихся къ направленію нашей газеты я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „мы не можемъ жить безъ правительственныхъ заказовъ, а ихъ намъ не дадутъ, если мы возьмемся печатать „Le Révolté".

Я возвратился въ Женеву съ сильно упавшимъ духомъ; но Дюмартрэ былъ преисполненъ жара и надеждъ. „Отлично,—говорилъ онъ,—заведемъ свою типографію! Возьмемъ ее въ долгъ, съ обязательствомъ выплатить черезъ три мѣсяца. А черезъ три-то мѣсяца мы навѣрное выплатимъ".

— Но гдѣ-же взять деньги? у насъ всего нѣсколько сотъ франковъ,—возражалъ я.

— „Деньги? Вотъ вздоръ! Деньги придутъ. Закажемъ только немедленно шрифтъ и выпустимъ сейчасъ же нумеръ. Деньги явятся". И въ этотъ разъ оправдались его слова. Когда нашъ слѣдующій нумеръ вышелъ изъ нашей собственной „Imprimerie Jurassienne", и мы разсказали читателямъ о нашемъ затруднительномъ положеніи; когда мы кромѣ того выпустили двѣ брошюрки, причемъ мы всѣ помогали въ наборѣ и печатаніи ихъ,— деньги дѣйствительно явились. Правда, большею частью

то были мѣдяки и мелкія серебряныя монеты, но долгъ былъ покрытъ. Постоянно въ моей жизни я слышу жалобы передовыхъ партій на недостатокъ средствъ; но чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше убѣждаюсь, что главное наше затрудненіе не въ недостачѣ денегъ, а въ недостачѣ *людей*, которые твердо и неукоснительно шли бы къ намѣченной цѣли и вдохновляли другихъ. Вотъ уже двадцать семь лѣтъ, какъ наша газета живетъ изо дня въ день; воззванія о помощи появляются чуть-ли не въ каждомъ нумерѣ. Но покуда есть люди, которые вкладываютъ въ дѣло всю энергію, какъ дѣлали это Герцигъ и Дюмартрэ въ Женевѣ, а теперь, вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ дѣлаетъ Гравъ — въ Парижѣ, — деньги являются. Ежегодный приходъ, идущій на покрытіе печатанія газеты и брошюръ, составляетъ около восьми тысячъ рублей, и составляется онъ, главнымъ образомъ, изъ мѣдяковъ и мелкаго серебра, вносимыхъ работниками. Для газеты, какъ и для всякаго другого дѣла, люди дороже денегъ.

Мы устроили нашу типографію въ маленькой комнаткѣ. Нашъ наборщикъ—малороссъ—согласился набирать газету за очень скромную плату въ шестьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. Если онъ имѣлъ возможность ежедневно обѣдать, да изрѣдка пойти въ оперу, то онъ былъ доволенъ.

— Въ баню идете, Иванъ?—спросилъ я разъ, встрѣтивъ его на улицѣ, съ узелкомъ, завернутымъ въ бумагу, подъ мышкой.

— Нѣтъ, перебираюсь на новую квартиру, — отвѣтилъ онъ своимъ пѣвучимъ голосомъ, съ обычной улыбкой.

Къ несчастью, онъ не зналъ по французски. Я писалъ статьи моимъ лучшимъ почеркомъ и часто сожалѣлъ о томъ, что такъ мало воспользовался уроками чистописанія добраго Эберта, но Иванъ отличался способностью читать по французски на свой ладъ. Вмѣсто „immédiatement“ онъ читалъ „immidiotermut“ или „immuidiatmunt“ и, соотвѣтственно съ этимъ, набиралъ фанта-

стическія французскія слова своего собственнаго изобрѣтенія. Но такъ какъ онъ соблюдалъ промежутки и не удлинялъ строкъ, то нужно было только перемѣнить буквъ двѣнадцать въ строкѣ, и все налаживалось. Мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и подъ его руководствомъ я самъ вскорѣ научился немного набирать. Наборъ всегда кончался во-время, чтобы отнести корректуры къ товарищу швейцарцу, который былъ отвѣтственнымъ редакторомъ и которому мы педантически давали на просмотръ весь нумеръ въ гранкахъ. Затѣмъ кто нибудь изъ насъ отвозилъ, въ телѣжкѣ, формы въ печатню. Наша „Imprimerie Jurassienne“ скоро получила широкую извѣстность своими изданіями, въ особенности брошюрами, за которые мы, по настоянію Дюмартрэ, никогда не назначали бо́льшую цѣну, чѣмъ десять сантимовъ, четыре копѣйки.

Для нашихъ маленькихъ брошюръ пришлось выработать совсѣмъ особый слогъ. Долженъ сознаться, что я иногда завидовалъ тѣмъ писателямъ, которые могутъ не стѣсняться числомъ страницъ для развитія своихъ мыслей и имѣютъ возможность воспользоваться хорошо извѣстнымъ извиненіемъ Таллейрана: „у меня не хватило времени быть краткимъ“ Когда мнѣ приходилось сжать результатъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы,—напримѣръ, о происхожденіи Закона, въ десяти-сантимную брошюру, мнѣ нужно было еще много работать надъ нею, чтобы быть краткимъ. Но мы писали для рабочихъ, для которыхъ двадцать сантимовъ, подчасъ, слишкомъ большая сумма. Въ результатѣ было то, что наши брошюры въ одинъ и два су (по двѣ и по четыре копѣйки) расходились десятками тысячъ и переводились на всѣ другіе языки за-границей. Впослѣдствіи, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ во Франціи, Элизэ Реклю издалъ отдѣльной книжкой мои передовыя статьи, подъ заглавіемъ, имъ придуманнымъ, „Рѣчи Бунтовщика“—Paroles d'un Révolté.“

Мы все время имѣли въ виду, главнымъ образомъ, Францію; но „Révolté“ былъ строго воспрещенъ при

Макъ Магонѣ. Контрабандисты же перетаскивали столько хорошихъ вещей, изъ Швейцаріи во Францію, что не хотѣли путаться съ нашей газетой. Я отправился разъ съ ними, перешелъ вмѣстѣ французскую границу и нашелъ, что они смѣлый народъ, на которыхъ можно положиться; но взяться за перевозку нашей газеты они не согласились. Все, что мы могли сдѣлать, это—разсылать ее въ закрытыхъ конвертахъ сотнѣ адресатовъ во Франціи. Мы ничего не брали за пересылку, разсчитывая на добровольныя пожертвованія подписчиковъ для покрытія почтовыхъ расходовъ,—что они и дѣлали. Но мы часто думали, что французская полиція упускала отличный случай въ конецъ разорить наше изданіе. Ей слѣдовало только подписаться на сотню экземпляровъ, а добровольныхъ пожертвованій не присылать.

Въ первый годъ мы могли разсчитывать только на самихъ себя; но постепенно Элизэ Реклю все болѣе заинтересовывался изданіемъ и, впослѣдствіи, присоединился къ намъ, а послѣ моего ареста, всей душой отдался газетѣ. Слѣдующимъ лѣтомъ, Реклю пригласилъ меня помочь ему въ составленіи тома его монументальной географіи, посвященнаго Азіатской Россіи. Онъ самъ выучился по русски, но полагалъ, что такъ какъ я былъ въ Сибири, то могу быть ему полезенъ моими свѣдѣніями. Здоровье моей жены было плохо, и врачи велѣли ей немедленно оставить Женеву съ ея холодными вѣтрами, а потому весной 1880 года мы переѣхали въ Кларанъ, гдѣ въ то время жилъ Реклю. Мы поселились надъ Клараномъ, въ маленькомъ домикѣ, съ видомъ на голубыя воды Лемана и на бѣлоснѣжную вершину Dent du Midi. Подъ окнами журчала рѣчка, превращавшаяся послѣ дождей въ ревущій потокъ, ворочавшій громадные камни и вырывавшій новыя русла. Противъ насъ, на склонѣ горы, виднѣлся старый замокъ Шатларъ, владѣльцы котораго, вплоть до революціи burla papei (то-есть сожигателей бумагъ) въ 1799 г., взымали съ сосѣднихъ крѣпостныхъ крестьянъ феодальные поборы въ случаѣ рожденія, свадебъ и похоронъ.

Здѣсь, при содѣйствіи моей жены, съ которой я обсуждалъ всегда всякое событіе и всякую проэктируемую статью, и которая была строгимъ критикомъ моихъ произведеній, я написалъ лучшія мои статьи для „Révolté“, — между прочимъ, обращеніе „Къ молодежи“, сотни тысячъ котораго разошлись на различныхъ языкахъ. Въ сущности, я выработалъ здѣсь основу всего того, что впослѣдствіи написалъ. Мы, анархисты, разсѣянные преслѣдованіями по всему свѣту, больше всего нуждаемся въ общеніи съ образованными людьми одиковаго съ нами образа мыслей. Въ Кларанѣ у меня было такое общеніе съ Элизэ Реклю и Лефрансэ, да кромѣ того еще постоянныя сношенія съ работниками, которыя я продолжалъ поддерживать. И хотя я работалъ очень много по географіи, я могъ вести анархическую пропаганду еще шире, чѣмъ прежде.

VIII.

Въ Россіи, борьба за свободу обострялась все болѣе и болѣе. Нѣсколько политическихъ процессовъ: процессъ „Ста девяносто трехъ“, „Пятидесяти“, „Долгушинцевъ“ и другіе разбирались въ то время; и изъ всѣхъ ихъ выяснилось одно и то же. Молодежь шла проповѣдывать соціализмъ на фабрики и въ деревни, распространялись брошюры, отпечатанныя за-границей; и народъ призывался, нѣсколько неопредѣленно и не ясно, къ бунту противъ гнетущихъ экономическихъ условій. Словомъ, дѣлалось то, что дѣлается повсемѣстно соціалистическими агитаторами. Слѣдовъ заговора противъ царя, или даже приготовленій къ революціонному образу дѣйствія—не было найдено никакихъ И въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Тогда, большинство молодежи относилось даже враждебно къ такой дѣятельности. И, припоминая теперь движеніе 1870—78 годовъ, я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи удовлетворилось

бы возможностью спокойно жить среди крестьянъ и фабричныхъ работниковъ, учить ихъ и работать съ ними, либо лично, либо въ земствѣ,—словомъ, возможностью оказывать народу тѣ безчисленныя услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могутъ быть полезны крестьянамъ и рабочимъ. Я зналъ людей этого движенія и говорю съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Между тѣмъ приговоры судовъ были жестоки,—безсмысленно жестоки, такъ какъ движеніе,—порожденное всѣмъ предыдущимъ состояніемъ Россіи, — слишкомъ глубоко вкоренилось, чтобы его можно было раздавить одними суровыми карами. Приговоры на шесть, десять, двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудники, съ пожизненнымъ поселеніемъ потомъ въ Сибири, стали дѣломъ обычнымъ. Былъ даже случай, что одну дѣвушку сослали на девять лѣтъ каторжныхъ работъ, за то, что она вручила запрещенную соціалистическую брошюру рабочему. Въ этомъ заключалось все ея преступленіе. Другую, четырнадцатилѣтнюю дѣвушку, Гуковскую, сослали на поселеніе въ Восточную Сибирь за попытку, подобно Гётевской Клерхенъ, подстрекнуть равнодушную толпу на освобожденіе Ковальскаго и товарищей, приговоренныхъ къ смертной казни. А между тѣмъ, ея поступокъ тѣмъ болѣе былъ естественъ въ Россіи, даже съ точки зрѣнія властей,—что у насъ нѣтъ смертной казни для уголовныхъ преступленій, и что примѣненіе ея для политическихъ преступленій было тогда нововведеніемъ, или вѣрнѣе возвратомъ къ самымъ тяжелымъ преданіямъ николаевскихъ временъ. Заброшенная въ глухую деревню, Гуковская вскорѣ потомъ утопилась въ Енисеѣ. Даже оправданныхъ судомъ отправляли административнымъ порядкомъ въ отдаленные сибирскіе и русскіе поселки, гдѣ имъ представлялась перспектива голодной смерти, на казенномъ пособіи въ три рубля въ мѣсяцъ. Въ такихъ поселкакъ нѣтъ спроса на ремесла, а политическимъ ссыльнымъ строго воспрещается учить, или заниматься какимъ бы то ни было интеллигентнымъ трудомъ.

Какъ бы для того, чтобы еще больше привести молодежь въ отчаянье, осужденныхъ друзей ихъ не отправляли прямо въ Сибирь. Ихъ держали по нѣсколько лѣтъ въ „централкахъ“, въ сравненіи съ которыми даже Сибирскіе рудники казались завидными. Центральныя каторжныя тюрьмы, дѣйствительно, были ужасны. Въ одной изъ нихъ—„очагѣ тифозной заразы“, какъ выразился тюремный священникъ въ своей проповѣди,—смертность въ одинъ годъ достигла двадцати процентовъ. Въ „централкахъ“, въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ и въ крѣпости, заключенные должны были прибѣгать къ „голоднымъ бунтамъ“, чтобы защитить себя отъ жестокихъ тюремщиковъ или, чтобы добиться самыхъ ничтожныхъ льготъ: какой нибудь работы, или книгъ, которыя спасли бы ихъ отъ помѣшательства, грозящаго всякому сидящему въ одиночномъ заключеніи, безъ всякаго занятія. Ужасы подобныхъ голодовокъ, во время которыхъ заключенные и заключенныя отказывались по семи и восьми дней принимать пищу, а затѣмъ лежали безъ движенія въ бреду,—повидимому, нисколько не трогали жандармовъ. Въ Харьковѣ, умирающихъ заключенныхъ связали веревками и кормили насильственно, какъ гусей.

Свѣдѣнія объ этихъ ужасахъ проникали сквозь тюремныя стѣны, долетали изъ далекой Сибири и широко распространялись среди молодежи. Было время, когда не проходило недѣли, безъ того, чтобы не узнавалось о какой нибудь новой подлости такого рода, или еще худшей.

Полное отчаянье овладѣло тогда молодежью. — „Въ другихъ странахъ,—стали говорить,—люди имѣютъ мужество сопротивляться. Англичанинъ или французъ не потерпѣлъ бы подобныхъ насилій. Какъ это мы можемъ терпѣть ихъ? Надо сопротивляться, съ оружіемъ въ рукахъ, ночнымъ набѣгамъ жандармовъ. Пусть они знаютъ, по крайней мѣрѣ, что, такъ какъ арестъ означаетъ медленную и мучительную смерть въ ихъ рукахъ, то возьмутъ они насъ только съ боя“. Въ Одессѣ, Ко-

вальскій и его друзья встрѣтили револьверными выстрѣлами жандармовъ, явившихся ночью арестовать ихъ.

Александръ II отвѣтилъ на это новое движеніе осаднымъ положеніемъ. Россія была раздѣлена на нѣсколько округовъ, съ генералъ-губернаторами, получившими приказаніе вѣшать немилосердно. Ковальскій, который, къ слову сказать, никого не убилъ своими выстрѣлами, былъ казненъ. Висѣлица стала своего рода лозунгомъ. Въ два года повѣсили двадцать три человѣка, въ томъ числѣ девятнадцатилѣтняго Розовскаго, захваченнаго при наклеиваніи прокламаціи на желѣзнодорожномъ вокзалѣ. Этотъ фактъ былъ единственнымъ обвиненіемъ противъ него. Хотя мальчикъ по лѣтамъ, Розовскій умеръ, какъ герой.

Тогда боевымъ кличемъ революціонеровъ стало: „защищайтесь“! Защищайтесь отъ шпіоновъ, втирающихся въ кружки подъ личиной дружбы и выдающихъ потомъ направо и налѣво, по той простой причинѣ, что имъ перестанутъ платить, если они не будутъ доносить. Защищайтесь отъ тѣхъ, кто звѣрствуетъ надъ заключенными; защищайтесь отъ всемогущихъ жандармовъ!.. Три видныхъ правительственныхъ чиновника и два или три мелкихъ шпіона погибли въ этомъ новомъ фазисѣ борьбы. Генералъ Мезенцевъ, убѣдившій царя удвоить назазанія послѣ приговора по дѣлу ста-девяносто трехъ, — былъ убитъ въ Петербургѣ среди бѣла дня. Одинъ жандармскій полковникъ, виновный еще въ худшемъ,—подвергся той же участи въ Кіевѣ, а въ Харьковѣ былъ убитъ генералъ-губернаторъ, мой двоюродный братъ Дмитрій Кропоткинъ, когда онъ возвращался изъ театра. Центральная тюрьма, гдѣ началась первая голодовка и гдѣ прибѣгли къ искусственному кормленію,—находилась въ его вѣдѣніи. Въ сущности, онъ былъ не злой человѣкъ; я знаю, что лично онъ скорѣе симпатизировалъ политическимъ; но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, притомъ — придворный и, поэтому, предпочелъ не вмѣшиваться, тогда какъ одно его слово могло бы остановить жестокое обращеніе съ заключенными. Александръ II

любилъ его, и положеніе его при дворѣ было такъ прочно, что его вмѣшательство, по всей вѣроятности, было бы одобрено въ Петербургѣ.

— „Спасибо! Ты поступилъ согласно моимъ собственнымъ желаніямъ“,—сказалъ ему царь въ 1872 году, когда Д. Н. Кропоткинъ явился въ Петербургъ, чтобы доложить о народныхъ безпорядкахъ въ Харьковѣ, во время которыхъ онъ мягко поступалъ съ бунтовщиками.

Но теперь онъ одобрилъ поведеніе тюремщиковъ, и харьковская молодежь до такой степени была возмущена обращеніемъ съ заключенными, что по немъ стрѣляли и смертельно ранили.

Тѣмъ не менѣе личность императора оставлялась еще въ сторонѣ, и вплоть до 1879 года на него не было дѣлано покушенія. Слава Освободителя окружала его ореоломъ и защищала его неизмѣримо лучше, чѣмъ полчища жандармовъ и сыщиковъ. Если бы Александръ II проявилъ тогда хотя малѣйшее желаніе улучшить положеніе дѣлъ въ Россіи; если бы онъ призвалъ хотя одного или двухъ изъ тѣхъ лицъ, съ которыми работалъ во время періода реформъ, и поручилъ имъ разслѣдовать общее положеніе страны, или хотя бы однихъ крестьянъ; если бы онъ проявилъ хотя малѣйшее намѣреніе ограничить власть тайной полиціи, — его рѣшеніе привѣтствовали бы съ восторгомъ. Одно слово могло бы снова сдѣлать Александра II „освободителемъ“, и снова молодежь воскликнула бы, какъ Герценъ въ 1858 году: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“! Но точно также, какъ во время польской революціи пробудился въ немъ деспотъ и, подстрекаемый Катковымъ, онъ не нашелъ другого выхода, какъ висѣлицы,—такъ точно и теперь, слѣдуя внушеніямъ того же злого генія, Каткова, онъ ничего не придумалъ, кромѣ назначенія особыхъ генералъ-губернаторовъ, съ полномочіемъ—вѣшать.

Тогда, и только тогда, горсть революціонеровъ,—Исполнительный Комитетъ, — поддерживаемый однако ростущимъ недовольствомъ среди образованныхъ клас-

совъ и даже среди приближенныхъ къ царю, объявилъ ту войну самодержавію, которая, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній, закончилась въ 1881 году смертью Александра II.

Два человѣка жили въ Александрѣ II, и теперь борьба между ними, усиливавшаяся съ каждымъ годомъ, приняла трагическій характеръ. Когда онъ встрѣтился съ Соловьевымъ, который выстрѣлилъ въ него и промахнулся, Александръ II сохранилъ присутствіе духа настолько, что побѣжалъ къ ближайшему подъѣзду не по прямой линіи, а зигзагами, покуда Соловьевъ продолжалъ стрѣлять. Такимъ образомъ онъ остался невредимъ. Одна пуля только слегка разорвала шинель. Въ день своей смерти Александръ II тоже проявилъ несомнѣнное мужество. Предъ дѣйствительной опасностью онъ былъ храбръ; но онъ безпрерывно трепеталъ предъ призраками, созданными его собственнымъ воображеніемъ. Единственно, чтобы охранить свою императорскую власть, онъ окружилъ себя людьми самаго реакціоннаго направленія, которымъ не было никакого дѣла до него, а просто нужно было удержать свои выгодныя мѣста.

Когда Исполнительный Комитетъ свершилъ попытку взорвать Зимній Дворецъ, Александръ II сдѣлалъ шагъ, до того безпримѣрный. Онъ создалъ родъ диктатуры и облекъ Лорисъ-Меликова чрезвычайными полномочіями. Этому генералу, армянину родомъ, Александръ II уже раньше давалъ диктаторскія полномочія, когда въ Ветлянкѣ, въ низовьяхъ Волги, проявиласъ чума, и Германія пригрозила мобилизовать свою армію и объявить Россію подъ карантиномъ, если эпидемія не будетъ прекращена. Теперь, когда Александръ II увидалъ, что онъ не можетъ довѣряться бдительности даже дворцовой полиціи, онъ далъ диктаторскія права Лорисъ-Меликову, а такъ какъ Меликовъ считался либераломъ, то новый шагъ истолковали въ томъ смыслѣ, что скоро созовутъ Земскій Соборъ. Но послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ новыхъ покушеній немедленно не послѣдовало,

а потому Александръ II опятъ успокоился, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Меликовъ могъ выполнить что бы то ни было, онъ изъ диктатора превратился въ простого министра внутреннихъ дѣлъ. Внезапные припадки тоски, во время которыхъ Александръ II упрекалъ себя за то, что его царствованіе приняло реакціонный характеръ, теперь стали выражаться сильными пароксизмами слезъ. Въ иные дни онъ принимался плакать такъ, что приводилъ Лорисъ-Меликова въ отчаянье. Въ такіе дни онъ спрашивалъ министра: „Когда будетъ готовъ твой проектъ конституціи?“ Но если два-три дня позже Меликовъ докладывалъ, что органическій статутъ готовъ, царь дѣлалъ видъ, что рѣшительно ничего не помнитъ. „Развѣ я тебѣ говорилъ что нибудь объ этомъ“?—спрашивалъ онъ. „Къ чему? Предоставимъ это лучше моему преемнику. Это будетъ его даръ Россіи“.

Когда слухъ про новый заговоръ достигалъ до Александра II, онъ готовъ былъ предпринять что-нибудь; но когда въ лагерѣ революціонеровъ все казалось спокойнымъ, онъ слушался нашептыванія реакціонеровъ и оставлялъ все, какъ было прежде. Лорисъ-Меликовъ со дня на день ждалъ, что его попросятъ въ отставку.

Въ февралѣ 1881 года Лорисъ-Меликовъ доложилъ, что Исполнительный Комитетъ задумалъ новый заговоръ, планъ котораго не удается раскрыть, несмотря на самыя тщательныя разслѣдованія. Тогда Александръ II рѣшилъ созвать родъ совѣщательнаго собранія изъ представителей отъ земствъ и городовъ. Постоянно находясь подъ впечатлѣніемъ, что ему предстоитъ судьба Людовика XVI, Александръ II приравнивалъ предполагавшуюся „общую коммиссію“ тому собранію нотаблей, которое было созвано до Національнаго Собранія 1789 года. Проектъ долженъ былъ поступить въ государственный совѣтъ; но тутъ Александръ II сталъ снова колебаться. Только утромъ перваго марта 1881 года, послѣ новаго серьезнаго предупрежденія со стороны

Лориса-Меликова объ опасности, Александръ II назначилъ слѣдующій четвергъ для выслушанія проекта въ засѣданіи совѣта министровъ. Первое марта падало на воскресенье и Лорисъ-Меликовъ убѣдительно просилъ царя не ѣздить на парадъ въ этотъ день, въ виду возможности покушенія. Тѣмъ не менѣе, Александръ II поѣхалъ. Онъ желалъ повидать великую княжну Екатерину Михайловну, дочь его тетки Елены Павловны, которая въ шестидесятыхъ годахъ была однимъ изъ вождей партіи реформъ, и лично сообщить ей пріятную вѣсть; быть можетъ, — какъ актъ покаянія, предъ памятью Маріи Александровны. Говорятъ, царь сказалъ великой княжнѣ: „Je me suis décidé à convoquer une Assemblée des Notables“ (я рѣшился созвать собраніе именитыхъ людей). Но эта запоздалая и нерѣшительная уступка не была доведена до всеобщаго свѣдѣнія. На обратномъ пути изъ манежа Александръ II былъ убитъ.

Извѣстно, какъ это случилось. Подъ блиндированную карету — чтобы остановить ее — была брошена бомба. Нѣсколько черкесовъ изъ конвоя были ранены. Рысакова, бросившаго бомбу, тутъ же схватили. Несмотря на настоятельныя убѣжденія кучера не выходить изъ кареты—онъ утверждалъ, что въ слегка поврежденномъ экипажѣ можно еще доѣхать до дворца,—Александръ II все-таки вышелъ. Онъ чувствовалъ, что военное достоинство требуетъ посмотрѣть на раненныхъ черкесовъ и сказать имъ нѣсколько словъ. Такъ поступалъ онъ во время русско-турецкой войны, когда, напримѣръ, въ день его имянинъ сдѣланъ былъ безумный штурмъ Плевны, кончившійся страшной катастрофой. Александръ II подошелъ къ Рысакову и спросилъ его о чемъ-то; а когда онъ проходилъ затѣмъ совсѣмъ близко отъ другого молодого человѣка, Гриневецкаго, стоявшаго тутъ-же, на набережной, съ бомбою,—тотъ бросилъ свою бомбу такъ, между обоими, чтобы убить и себя, и царя. Оба были смертельно ранены и умерли черезъ нѣсколько часовъ.

И Александръ II лежалъ на снѣгу, истекая кровью,

оставленный всѣми своими сторонниками! Всѣ исчезли. Кадеты, возвращавшіеся съ парада, подбѣжали къ умирающему царю, подняли его съ земли, усадили въ сани и прикрыли дрожащее тѣло кадетской шинелью, а обнаженную голову—кадетской фуражкою. Да еще—одинъ изъ террористовъ, Емельяновъ, съ бомбой, завернутой въ бумагу подъ мышкой, рискуя быть схваченнымъ и повѣшеннымъ,—бросился, вмѣстѣ съ кадетами, на помощь раненому... Человѣческая природа полна такихъ противоположностей.

Такъ кончилась трагедія Александра II. Многіе не понимали, какъ могло случиться, чтобы царь, сдѣлавшій такъ много для Россіи, палъ отъ руки революціонеровъ. Но мнѣ пришлось видѣть первыя реакціонныя проявленія Александра II и слѣдить за ними, какъ они усиливались впослѣдствіи; случилось также, что я могъ заглянуть въ глубь его сложной души, увидать въ немъ прирожденнаго самодержца,—человѣка сильныхъ страстей, но слабой воли,—и для меня эта трагедія развивалась съ фатальной послѣдовательностью шекспировской драмы. Послѣдній ея актъ былъ ясенъ для меня уже 13-го іюня 1862 года, когда я слышалъ рѣчь, полную угрозъ, произнесенную Александромъ II передъ нами, только-что произведенными офицерами, въ тотъ день, когда по его приказу свершились первыя казни въ Польшѣ.

IX

Дикая паника охватила придворные круги въ Петербургѣ. Александръ III отказался поселиться въ Зимнемъ Дворцѣ и удалился въ Гатчину, во дворецъ своего прадѣда, Павла I. Я знаю это старинное зданіе, планированное, какъ вобановская крѣпость, окруженное рвами и защищенное сторожевыми башнями, откуда потаенныя лѣстницы ведутъ въ царскій кабинетъ. Я видѣлъ люкъ въ кабинетѣ, черезъ который можно бросить неожиданно

врага въ воду,—на острые камни внизу, а затѣмъ тайныя лѣстницы, спускающіяся въ подземныя тюрьмы и въ подземный проходъ, ведущій къ озеру. Всѣ дворцы Павла I построены по такому же плану. Тѣмъ временемъ, подземная галлерея, снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революціонеры не могли подкопаться, рылась вокругъ Аничкова дворца, гдѣ Александръ III жилъ до восшествія на престолъ.

Для охраны царя была основана тайная лига. Офицеровъ различныхъ чиновъ соблазняли тройнымъ жалованіемъ поступать въ эту лигу и исполнять въ ней добровольную роль шпіоновъ, слѣдящихъ за различными классами общества. Бывали, конечно, комическіе эпизоды. Два офицера, напримѣръ, не зная, что они оба принадлежатъ къ одной и той же лигѣ, вовлекали другъ друга въ вагонѣ въ революціонную бесѣду, затѣмъ арестовали другъ друга и, къ обоюдному разочарованію, убѣждались, что потратили напрасно время. Эта лига существуетъ до сихъ поръ въ болѣе оффиціальномъ видѣ, подъ названіемъ „Охраны“ и время отъ времени пугаетъ царя всякими сочиненными ужасами, чтобы поддержать свое собственное существованіе.

Еще болѣе тайная организація—священная лига—основалась въ то же время, съ Владиміромъ Александровичемъ, братомъ царя, во главѣ, чтобы бороться съ революціонерами всякими средствами.

. . . . . .

Въ дѣйствительности же, эмигранты вовсе не вмѣшивались въ дѣятельность Исполнительнаго Комитета въ Петербургѣ. Стремленіе руководить заговоромъ изъ Швейцаріи, тогда какъ революціонеры въ Петербургѣ находились подъ безпрерывной угрозой смерти, было бы безсмыслицей. И Степнякъ, и я писали не разъ, что никто изъ насъ не взялся бы за сомнительный трудъ вырабатыванія плановъ дѣятельности, не находясь на мѣстѣ. Но, конечно, въ интересѣ петербургской полиціи было утверждать, что она не въ силахъ охранять царя, такъ какъ всѣ заговоры составляются за-границей. Шпіоны,—

я знаю это хорошо,—снабжали ее въ изобиліи донесеніями въ желаемомъ смыслѣ.

Генералу Скобелеву тоже предложили вступить въ эту лигу, но онъ отказался наотрѣзъ. Изъ посмертныхъ бумагъ Лорисъ-Меликова, часть которыхъ обнародована въ Лондонѣ другомъ покойнаго (смотри „Конституція Лорисъ-Меликова", лондонское изданіе *Фонда*, 1893 года), видно, что когда Александръ III вступилъ на престолъ и не рѣшался созвать земскихъ выборныхъ, Скобелевъ предлагалъ даже Лорису-Меликову и графу Игнатьеву („Лгунъ-пашѣ," какъ прозвали его константинопольскіе дипломаты) арестовать Александра III и заставить его подписать манифестъ о конституціи. Какъ говорятъ, Игнатьевъ донесъ объ этомъ царю и, такимъ образомъ, добился назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ. Занимая этотъ постъ, онъ, пользуясь совѣтами бывшаго префекта парижской полиціи, Андріе, предпринималъ разные подходы, чтобы парализовать дѣятельность революціонеровъ.

Если бы русскіе либералы проявили въ то время хоть сколько-нибудь гражданскаго мужества и какую-нибудь способность совмѣстной дѣятельности, Земскій Соборъ былъ бы созванъ. Изъ тѣхъ же самыхъ посмертныхъ бумагъ видно, что Александръ III нѣкоторое время думалъ о созывѣ Земскаго Собора. Онъ рѣшился, наконецъ, это сдѣлать и сообщилъ объ этомъ своему брату. Старый Вильгельмъ I поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи. Но либералы ничего не предпринимали, тогда какъ партія Каткова усиленно дѣйствовала въ противоположномъ направленіи. Андріе писалъ Александру III, что раздавить нигилистовъ ничего не стоитъ, и указывалъ, какъ это нужно сдѣлать (письмо съ совѣтами напечатано въ упомянутой брошюрѣ). Тогда Александръ III наконецъ рѣшился заявить, что останется неограниченнымъ самодержцемъ Россіи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Александра II меня изгнали изъ Швейцаріи, по приказу

федеральнаго совѣта. Правду сказать, я не почувствовалъ въ этомъ особой обиды. Донимаемыя монархическими странами за убѣжище, даваемое Швейцаріей политическимъ изгнанникамъ, и опасаясь угрозъ русской оффиціальной прессы, просившей изгнать изъ Россіи всѣхъ швейцарокъ-боннъ и гувернантокъ, которыхъ у насъ такъ много,—власти маленькой республики, высылая меня, давали нѣкоторое удовлетвореніе русской полиціи. Но мнѣ жаль было Швейцарію, что она рѣшилась на такой шагъ. Имъ подтверждалась, такъ сказать, теорія „заговоровъ, замышляемыхъ на швейцарской почвѣ;“ въ немъ было сознаніе слабости, которымъ большія державы не преминули немедленно-же воспользоваться. Два года спустя, когда Жюль Ферри предложилъ Германіи и Италіи подѣлить Швейцарію, его главный аргументъ былъ, что швейцарское правительство само признало, что республика является „очагомъ международныхъ заговоровъ.“ Первая уступка вызвала вскорѣ болѣе дерзкія требованія и, несомнѣнно, сдѣлала положеніе Швейцаріи менѣе независимымъ, чѣмъ оно было раньше.

Декретъ объ изгнаніи вручили мнѣ немедленно послѣ моего возвращенія изъ Лондона, гдѣ въ іюлѣ 1881 года я присутствовалъ на анархическомъ конгрессѣ. Послѣ конгресса я прожилъ нѣсколько недѣль въ Лондонѣ, гдѣ написалъ для „Newcastle Chronicle“ первыя статьи о русскихъ дѣлахъ съ нашей точки зрѣнія. Англійская печать, въ то время, являлась отголоскомъ мнѣній г-жи Новиковой, то-есть взглядовъ Каткова и русскихъ жандармовъ; и я былъ счастливъ, когда старый радикалъ, мистеръ Джозефъ Коуэнъ, согласился удѣлить мнѣ мѣсто въ своей газетѣ, для выясненія нашихъ взглядовъ.

Я только-что пріѣхалъ къ женѣ, которая жила тогда въ горахъ, недалеко отъ Элизэ Реклю, когда мнѣ предложили покинуть Швейцарію. Мы отправили нашъ небольшой багажъ на ближайшую желѣзнодорожную станцію, а сами пошли пѣшкомъ въ Эгль, наслаждаясь въ послѣдній разъ видомъ на горы, которыя мы такъ лю-

били. Мы перебирались черезъ горы напрямки и много смѣялись, когда убѣждались, что „прямой путь“ заставлялъ насъ дѣлать большіе обходы. Наконецъ мы спустились въ долину и пошли по пыльной дорогѣ. Комическій элементъ, который всегда является въ такихъ случаяхъ въ жизни, былъ внесенъ въ этотъ разъ одной англійской дамой. Нарядная лэди, покоившаяся на подушкахъ кареты, рядомъ съ джентельмэномъ, бросила нѣсколько душеспасительныхъ брошюръ двумъ бѣдноодѣтымъ пѣшеходамъ, которыхъ обогнала. Я поднялъ изъ пыли эти брошюры. Лэди очевидно была одна изъ тѣхъ дамъ, которыя думаютъ, что онѣ христіанки и считаютъ своимъ долгомъ раздавать божественныя книжечки „развратнымъ иностранцамъ.“ Разсчитывая, что мы навѣрное застанемъ даму на станціи, я надписалъ на одной изъ брошюръ извѣстный стихъ о богатомъ, которому труднѣе пройти въ царство небесное, чѣмъ верблюду въ игольное ушко, и прибавилъ соотвѣтственное мѣсто о фарисеяхъ. Когда мы пришли въ Эгль, дама закусывала и запивала, сидя въ каретѣ. Очевидно, она предпочитала лучше продолжать путешествіе по прелестной долинѣ въ экипажѣ, чѣмъ въ душномъ вагонѣ. Я вѣжливо возвратилъ ей душеспасительныя книжки, замѣтивъ, что прибавилъ къ нимъ кое-что полезное для нея самой. Лэди не знала, кинуться ли ей на меня или же принять урокъ съ христіанскимъ смиреніемъ. Оба движенія отражались въ ея глазахъ одно за другимъ.

Жена моя сдавала въ женевскомъ университетѣ послѣдніе экзамены на степень бакалавра естественныхъ наукъ. Поэтому, мы поселились въ маленкомъ французскомъ городкѣ, Тононѣ, лежащемъ на савойскомъ берегу Женевскаго озера и прожили здѣсь мѣсяца два.

Что касается смертнаго приговора, который мнѣ вынесла священная лига, то предупрежденіе о немъ я получилъ изъ Россіи отъ одного очень высокопоставленнаго лица. Мнѣ стало извѣстно даже имя той дамы, которую послали изъ Петербурга въ Женеву, гдѣ она должна была стать душой заговора. Поэтому я ограни-

чился тѣмъ, что сообщилъ фактъ и имена женевскому корреспонденту „Times," съ просьбой огласить ихъ, если что нибудь случится со мной. Въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я также замѣтку въ „Révolté". Послѣ этого я больше не думалъ о приговорѣ. Жена моя, однако, не такъ легко отнеслась къ дѣлу, точно такъ же, какъ и добрая крестьянка madame Сансо, у которой мы нанимали въ Тононѣ квартиру со столомъ. Она узнала о заговорѣ другимъ путемъ (черезъ свою сестру, служившую няней въ домѣ одного русскаго агента) и окружила меня трогательной заботливостью. Домикъ ея находился за городомъ, и каждый разъ, когда я отправлялся вечеромъ въ городъ, чтобы встрѣтить жену на станціи или за какимъ нибудь дѣломъ, мадамъ Сансо всегда находила предлогъ послать со мной своего мужа съ фонаремъ.

— Подождите минутку, господинъ Кропоткинъ, — говорила она,—мой мужъ тоже идетъ въ городъ за покупками и, какъ вы знаете, всегда беретъ фонарь съ собой.—А не то она посылала своего брата, чтобы онъ издали, такъ чтобы я не замѣтилъ, провожалъ бы меня.

X

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1881 года, какъ только жена сдала экзамены, мы переѣхали изъ Тонона въ Лондонъ, гдѣ прожили около года. Не особенно много времени прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ могу сказать, что умственная жизнь Лондона, да и всей Англіи, сильно еще отличалась тогда отъ того, чѣмъ она стала всего нѣсколько лѣтъ позже, и что она представляетъ теперь. Извѣстно, что въ сороковыхъ годахъ Англія стояла почти во главѣ соціалистическаго движенія въ Европѣ. Но въ послѣдовавшіе затѣмъ годы реакціи, великое движеніе, широко захватившее рабочіе классы, и во время котораго все, что теперь извѣстно подъ именемъ научнаго соціализма и анархизма было уже высказано,—замерло, заглохло. Его забыли, какъ

въ Англіи, такъ и на континентѣ, а то движеніе, которое французскіе писатели называютъ третьимъ пробужденіемъ пролетаріата,—еще не начиналось въ Великобританіи. Труды земледѣльческой комиссіи 1871 года, пропаганда Джозефа Арча среди сельскихъ работниковъ и предшествовавшія усилія христіанскихъ соціалистовъ, конечно, до нѣкоторой степени расчистили путь. Но пробужденіе соціалистическихъ стремленій, произведенное пріѣздомъ въ Англію Генри Джорджа, въ восьмидесятыхъ годахъ, и его книгой „Прогрессъ и Бѣдность", еще не наступило.

Годъ, прожитый нами тогда въ Лондонѣ, былъ настоящимъ годомъ ссылки. Для сторонника крайнихъ соціалистическихъ взглядовъ не было атмосферы, чтобы жить. Того оживленнаго соціалистическаго движенія, которое я засталъ въ полномъ разгарѣ при моемъ возвращеніи въ 1886 году еще не было и признака. О Бёрнсѣ, Чампіонѣ, Гарди и другихъ рабочихъ вожакахъ и слуха еще не было. Фабіанцы не существовали; Вилліямъ Морисъ еще не объявилъ себя соціалистомъ; а трэдъ-юніоны (рабочіе союзы), въ которые въ Лондонѣ входили только нѣкоторыя привилегированныя отрасли промышленности,—относились враждебно къ соціализму. Единственными дѣятельными и открытыми представителями соціалистическаго движенія были супруги Гайндманъ (Hyndman), вокругъ которыхъ группировались немногіе работники. Осенью 1881 года они устроили небольшой конгрессъ; но онъ былъ такъ малъ, что мы въ шутку говорили, что весь конгрессъ жилъ въ квартирѣ у г-жи Гайндманъ. Даже болѣе или менѣе окрашенное соціализмомъ радикальное движеніе, которое несомнѣнно совершалось тогда въ умахъ, еще не выступало открыто. Тѣ образованные мужчины и женщины, которые вышли въ большомъ числѣ на арену общественной жизни четыре года спустя и, не становясь соціалистами, приняли участье въ различныхъ движеніяхъ, имѣющихъ цѣлью благосостояніе или воспитаніе массъ, создавъ почти въ каждомъ городѣ Англіи и Шотландіи

совершенно новую атмосферу и новое общество реформаторовъ—еще не проявляли себя. Такіе люди, конечно, существовали; они думали и говорили; въ наличности имѣлись всѣ элементы широко-распространеннаго движенія. Но, не находя центровъ притяженія, которыми впослѣдствіи стали соціалистическія группы, они затеривались въ толпѣ, не знали другъ друга и зачастую не знали самихъ себя.

Н. В. Чайковскій жилъ тогда въ Лондонѣ, и съ нимъ, какъ въ былые годы, мы начали пропаганду среди работниковъ. Поддерживаемые немногими англійскими рабочими, которые познакомились съ нами на конгрессѣ 1881 года, или которыхъ преслѣдованіе Джона Моста привлекло къ соціалистамъ,—мы ходили въ радикальные клубы, говорили о русскихъ дѣлахъ, о движеніи нашей молодежи въ народъ и о соціализмѣ вообще. Слушателей набиралось до смѣшнаго мало; рѣдко, рѣдко больше десятка человѣкъ. Порой поднимался среди слушателей какой-нибудь сѣдобородый чартистъ и съ грустью говорилъ, что все, что мы проповѣдуемъ,—высказывалось уже сорокъ лѣтъ тому назадъ и тогда восторженно привѣтствовалось толпами работниковъ; но теперь—все умерло, и нѣтъ больше надежды на возрожденіе.

Гайндманъ только-что выпустилъ прекрасное изложеніе ученій Маркса, подъ названіемъ „Англія для всѣхъ“ и я помню, какъ лѣтомъ 1882 года я убѣждалъ его основать соціалистическую газету. Я говорилъ ему, съ какими ничтожными средствами мы начали издавать „Révolté“, и предсказывалъ ему успѣхъ. Но положеніе дѣлъ было такъ неприглядно, что даже Гайндманъ считалъ попытку безнадежной,—развѣ онъ самъ внезапно разбогатѣетъ и сможетъ самъ покрывать издержки. Быть можетъ, онъ былъ правъ; но когда, года два спустя онъ основалъ „Justice“, рабочіе охотно поддержали газету, а въ началѣ 1886 года выходили уже три соціалистическія газеты, и соціалдемократическая федерація пріобрѣла значительное вліяніе.

Лѣтомъ 1882 года я произнесъ на ломанномъ англій-

скомъ языкѣ рѣчь предъ доргамскими углекопами на ихъ годичномъ собраніи. Я также читалъ въ Ньюкастлѣ, въ Глазго, въ Эдинбургѣ лекціи о русскомъ движеніи, и меня принимали съ большимъ энтузіазмомъ, Толпы работниковъ восторженно кричали на улицѣ, послѣ лекціи, *ура* въ честь нигилистовъ. Но все таки, мы съ женой чувствовали себя до такой степени одиноко въ Лондонѣ, а наши усилія пробудить соціалистическое движеніе въ Англіи казались до такой степени безнадежными, что осенью 1882 года мы рѣшили снова переѣхать во Францію. Я былъ увѣренъ, что тамъ меня скоро арестуютъ; но мы часто говорили другъ другу: „лучше французская тюрьма, чѣмъ эта могила".

Тѣмъ, кто вѣчно толкуетъ о медленности всякой эволюціи, не мѣшало бы изучить развитіе соціализма въ Англіи. Эволюція—медленный процессъ; но ходъ ея никогда не бываетъ одинаковъ. Онъ имѣетъ свои періоды замиранія—и періоды внезапнаго хода впередъ.

XI

Мы опять основались въ Тононѣ и сняли квартиру у нашей прежней хозяйки, мадамъ Сансо. Къ намъ пріѣхалъ изъ Швейцаріи братъ моей жены, находившійся въ послѣднемъ фазисѣ чахотки.

Никогда не видѣлъ я такой кучи русскихъ шпіоновъ, какъ въ тѣ два мѣсяца, что прожилъ въ Тононѣ. Начать съ того, что какъ только мы поселились, какой-то подозрительный мужчина, выдававшій себя за англичанина, снялъ другую часть дома. Стада, буквально стада русскихъ шпіоновъ осаждали домъ и пытались проникнуть туда подъ различными предлогами, а то по-просту бродили взадъ и впередъ подъ окнами, партіями въ два, три и четыре человѣка. Воображаю себѣ, какія удивительныя донесенія сочинялись ими! Шпіонъ долженъ доносить. Если онъ попросту скажетъ, что онъ про-

стоялъ недѣлю на улицѣ и ничего подозрительнаго не замѣтилъ,—его живо прогонятъ.

То былъ золотой вѣкъ русской тайной полиціи. Игнатьевская политика принесла плоды. Двѣ или три разныя полиціи усердствовали въ перегонку и вели самыя смѣлыя интриги. Каждая имѣла въ своемъ распоряженіи кучу денегъ. Полковникъ Судейкинъ, напримѣръ, устраивалъ заговоры съ Дегаевымъ, убившимъ его впослѣдствіи, выдавалъ женевскимъ эмигрантамъ игнатьевскихъ агентовъ и предлагалъ террористамъ въ Россіи убить, при его помощи, министра внутреннихъ дѣлъ, Толстаго, и великаго князя Владиміра. Судейкинъ прибавлялъ, что тогда его самаго назначатъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ диктаторскими полномочіями, и царь тогда всецѣло будетъ въ его рукахъ. Этотъ фазисъ развитія тайной полиціи достигъ полнаго своего выраженія въ похищеніи принца Баттенбергскаго изъ Болгаріи.

Французская полиція тоже находилась въ возбужденномъ состояніи. Ее мучилъ вопросъ: „что онъ тамъ дѣлаетъ въ Тононѣ?“ Я продолжалъ редактировать „Révolté“ затѣмъ писалъ статьи для „Британской Энциклопедіи“ и для „Newcastle Chronicle“. Но это казалось имъ слишкомъ прозаичнымъ. Однажды мѣстный жандармъ явился къ моей квартирной хозяйкѣ. Онъ слышалъ съ улицы стукъ какой-то машины и горѣлъ желаніемъ послать доносъ объ открытіи у меня тайнаго печатнаго станка. Онъ явился, когда меня не было, и потребовалъ у хозяйки, чтобы та ему показала станокъ. Мадамъ Сансо отвѣтила, что никакого станка нѣтъ и высказала догадку, что жандармъ вѣроятно слышалъ стукъ ея швейной машины. Но тотъ не могъ удовлетвориться такимъ банальнымъ объясненіемъ. Онъ заставилъ хозяйку шить на машинѣ, а самъ прислушивался въ домѣ и подъ окнами, чтобы удовлетвориться, походитъ ли стукъ на тотъ, который онъ слышалъ раньше.

— А что онъ дѣлаетъ весь день?—спросилъ жандармъ у хозяйки.

— Пишетъ.

— Не можетъ же онъ писать весь день!

— Онъ пилитъ дрова въ саду, въ полдень, а послѣ обѣда, между четырьмя и пятью,—гуляетъ.

Дѣло было въ ноябрѣ.

— Ага! Вотъ оно. „A la tombée de la nuit!“ (когда стемнѣетъ). И жандармъ отмѣтилъ въ книжкѣ: „Никогда изъ дому не выходитъ раньше, чѣмъ стемнѣетъ“.

Въ то время я не могъ объяснить себѣ эту необычайную внимательность со стороны русскихъ шпіоновъ; но, вѣроятно, она находилась въ связи съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріе, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ своихъ агентовъ въ Швейцарію, гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издавать газету, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправленія. Главная же задача изданія заключалась въ борьбѣ съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него тѣхъ эмигрантовъ, которые отрицательно относились къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ. Затѣмъ, когда почти всѣхъ членовъ Исполнительнаго Комитета арестовали въ Россіи, и только два или три изъ нихъ бѣжали въ Парижъ. Игнатьевъ послалъ агента, чтобы предложить имъ перемиріе. Онъ обѣщалъ, что больше казней по поводу заговоровъ, составленныхъ въ царствованіе Александра II, не будетъ, даже если бѣжавшіе попадутъ въ руки правительства; что Чернышевскаго выпустятъ изъ Вилюйска, и что назначатъ комиссію для пересмотра положенія всѣхъ сосланныхъ административнымъ путемъ въ Сибирь. Съ другой стороны, Игнатьевъ требовалъ, чтобы Исполнительный Комитетъ не дѣлалъ новыхъ покушеній на царя, покуда не состоится коронація. Быть можетъ, упоминались также реформы, которыя Александръ III собирался сдѣлать въ пользу крестьянъ. Договоръ былъ заключенъ въ Парижѣ, и обѣ стороны соблюли его. Террористы прекратили военныя дѣйствія. Правительство никого не казнило за прежніе заговоры;

но тѣхъ, которыхъ арестовали,—замуровали въ Шлиссельбургѣ, въ этой русской Бастиліи, гдѣ никто не слыхалъ о нихъ за цѣлые пятнадцать лѣтъ, и гдѣ большинство изъ нихъ томится до сихъ поръ. *) Чернышевскаго привезли изъ Сибири и поселили въ Астрахани, отдѣливъ его отъ всего интеллигентнаго русскаго міра. Въ этомъ заточеніи онъ вскорѣ умеръ. Въ Сибирь послали комиссію, которая возвратила нѣкоторыхъ ссыльныхъ и назначила сроки для всѣхъ остальныхъ. Моему брату она надбавила пять лѣтъ.

Когда я былъ въ Лондонѣ въ 1882 году, мнѣ тоже сказали разъ, что человѣкъ, называющій себя агентомъ русскаго правительства и берущійся доказать это,—желаетъ вступить со мною въ переговоры.

— Скажите ему,—передалъ я,—что если онъ явится ко мнѣ, я его сброшу съ лѣстницы.

Игнатьевъ, считая царя обезпеченнымъ отъ покушеній Исполнительнаго Комитета, боялся, по всей вѣроятности, что анархисты могутъ предпринять что нибудь. Поэтому, онъ желалъ, надо думать, запрятать меня подальше.

XII

Анархическое движеніе во Франціи значительно разрослось въ 1881—1882 годахъ. Вообще принято было думать, что духъ французовъ враждебенъ коммунизму и, поэтому, въ Международномъ Рабочемъ Союзѣ проповѣдывался „коллективизмъ“. Въ то время подъ коллективизмомъ подразумѣвалось — обобществленіе средствъ производства и—свобода для каждой группы производителей опредѣлить потребленіе на основѣ индивидуалистической или коммунистической, какъ они сами рѣшатъ. Въ дѣйствительности-же французскій духъ враждебенъ только казарменному коммунизму, то-

*) Выпущены только теперь (1905).

есть фаланстеріямъ старой школы и „арміямъ труда“, о которыхъ говорили коммунисты сороковыхъ годовъ. Когда же мы, въ Юрской федераціи, на съѣздѣ 1880 года, смѣло высказались за анархическій коммунизмъ, то-есть за вольный коммунизмъ, анархическія воззрѣнія сейчасъ же нашли во Франціи многихъ сторонниковъ. Наша газета стала шире распространяться; мы вступили въ дѣятельную переписку съ многими французскими работниками, и значительное анархическое движеніе быстро развилось въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ особенности же вокругъ Ліона. Пересѣкая Францію въ 1881-мъ году, на пути изъ Тонона въ Лондонъ, я посѣтилъ Ліонъ, Сентъ-Этьенъ и Віенъ, гдѣ читалъ лекціи. Въ этихъ городахъ я нашелъ значительное число рабочихъ, готовыхъ принять наши воззрѣнія.

Въ концѣ 1882 года, въ ліонскомъ округѣ свирѣпствовалъ страшный кризисъ. Производство шелковъ было совсѣмъ парализовано, а нищета среди ткачей такъ велика, что множество дѣтей толпилось по утрамъ у воротъ казармъ, гдѣ солдаты раздавали имъ остатки своего хлѣба и супа. Тутъ началась, между прочимъ, популярность генерала Буланже, разрѣшившаго солдатамъ раздачу остатковъ отъ ихъ харчей. Углекопы во всей области тоже находились въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Я зналъ, что тамъ началось значительное броженіе, но за одиннадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Лондонѣ, у меня утерялись близкія связи съ французскимъ движеніемъ. Уже изъ газетъ я узналъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего возвращенія въ Тононъ, что у углекоповъ въ Монсо-ле-Минъ, приведенныхъ въ отчаяніе притѣсненіями со стороны владѣльцевъ шахтъ, ревностныхъ католиковъ,—начался родъ возстанія. Они устраивали тайныя сходки и обсуждали всеобщую стачку; каменные кресты, стоявшіе на всѣхъ дорогахъ вокругъ шахтъ, были опрокинуты, или же разрушены тѣми динамитными патронами, которые въ большомъ ко-

личествѣ употребляются рудокопами въ подземныхъ работахъ и часто остаются у работниковъ. Въ Ліонѣ агитація тоже приняла болѣе сильный характеръ. Анархисты, которыхъ было довольно много въ городѣ, не пропускали ни одного митинга опортюнистовъ (умѣренныхъ, буржуазныхъ республиканцевъ), безъ того, чтобы не говорить публично: они брали платформу приступомъ, если имъ отказывали въ словѣ. Тогда они постановляли рѣшенія въ томъ смыслѣ, что шахты, всѣ орудія производства, а также и жилые дома должны принадлежать народу. И эти рѣшенія, къ ужасу буржуазіи, принимались восторженно.

Съ каждымъ днемъ недовольство работниковъ росло противъ городскихъ совѣтниковъ и политическихъ вожаковъ-опортюнистовъ, которые ничего не дѣлали для облегченія растущей нищеты, а также противъ печати, которая говорила съ легкимъ сердцемъ, какъ о пустой вещи, о такомъ ужасномъ кризисѣ. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, ярость бѣднѣйшей части населенія направилась прежде всего противъ мѣстъ увеселенія и распутства, которыя тѣмъ болѣе озлобляютъ народъ въ минуты страданія и отчаянія, что эти мѣста являются для нихъ олицетвореніемъ бездушія и разврата богатыхъ. Мѣстомъ, особенно ненавистнымъ работникамъ, было кафэ въ подвальномъ этажѣ театра Бэль-куръ, которое оставалось открыто всю ночь. Здѣсь, до утра, журналисты и политическіе дѣятели пировали и пили въ обществѣ веселыхъ женщинъ. Не было рабочей сходки, на которой не слышались бы полускрытыя угрозы по адресу этого кафэ, и, разъ ночью, кто-то взорвалъ тамъ динамитный патронъ. Рабочій — соціалистъ, оказавшійся случайно въ кафэ, кинулся, чтобы потушить зажженный фитиль патрона, но былъ убитъ взрывомъ, который также слегка ранилъ нѣкоторыхъ пирующихъ буржуа. На слѣдующій день, динамитный патронъ взорвали въ дверяхъ рекрутскаго присутствія, и пошла молва, что анархисты намѣреваются взорвать громадную статую Богородицы на холмѣ Фурвіеръ,

близъ Ліона. Нужно жить въ Ліонѣ или въ окрестностяхъ его, чтобы видѣть, до какой степени населеніе и школы находятся еще въ рукахъ католическихъ поповъ, и понять ту ненависть, которую питаетъ къ духовенству все мужское населеніе.

Паника охватила ліонскую буржуазію. Арестовали шестьдесятъ анархистовъ, все работниковъ, за исключеніемъ одного Эмиля Готье, дававшаго въ то время рядъ лекцій въ ліонскомъ округѣ. Ліонскія газеты стали въ то же время систематически убѣждать правительство, чтобы оно арестовало меня; онѣ выставляли меня вожакомъ волненія, нарочно прибывшимъ изъ Англіи, чтобы руководить движеніемъ. Опять въ нашемъ маленькомъ городѣ стали прогуливаться своры русскихъ шпіоновъ. Почти ежедневно я получалъ посланія, очевидно написанныя шпіонами международной полиціи, съ указаніемъ какого-нибудь динамитнаго заговора, или съ таинственными упоминаніями о партіяхъ динамита, отправленныхъ ко мнѣ. Я собралъ цѣлую коллекцію подобныхъ писемъ и отмѣчалъ на каждомъ: „Police Internationale“. Французская полиція забрала ее у меня при обыскѣ, но этихъ писемъ она не посмѣла предъявить на судѣ. Ихъ, впрочемъ, мнѣ не возвратили.

Въ декабрѣ сдѣлали обыскъ у меня въ домѣ, совсѣмъ по россійски. Задержали также на станціи и обыскали жену, отправлявшуюся изъ Тонона въ Женеву. Конечно, не нашли ничего компрометирующаго меня или другихъ.

Прошло десять дней, во время которыхъ я могъ бы свободно уѣхать, если бы захотѣлъ. Я получилъ нѣсколько писемъ съ совѣтомъ бѣжать; одно изъ нихъ— отъ невѣдомаго русскаго друга, быть можетъ, члена дипломатическаго корпуса, который, повидимому, зналъ меня когда-то. Онъ совѣтовалъ мнѣ скрыться немедленно, потому что иначе я могу сдѣлаться первой жертвой договора о выдачѣ, который долженъ быть заключенъ между Франціей и Россіей. Я остался на мѣстѣ. Когда въ „Times“ появилась телеграмма съ сообщеніемъ

о моемъ побѣгѣ изъ Тонона, я написалъ письмо въ редакцію этой газеты, указалъ мой адресъ и заявилъ, что не думаю скрываться, послѣ того, какъ арестовано такъ много моихъ друзей.

Въ ночь на 21-ое декабря мой шуринъ умеръ у меня на рукахъ. Мы знали, что его болѣзнь неизлѣчима; но всегда страшно тяжело видѣть, какъ на вашихъ глазахъ гаснетъ молодая жизнь, послѣ упорной борьбы со смертью. Мы съ женой были въ страшномъ горѣ: мы оба очень любили этого прекраснаго юношу... Часа три спустя, когда стало брезжить утро печальнаго зимняго дня, явились жандармы—арестовать меня. Видя въ какомъ состояніи была жена, я просилъ остаться съ ней до похоронъ, на честное слово, что явлюсь къ назначенному сроку въ тюрьму, но мнѣ отказали, и въ ту же ночь меня отвезли въ Ліонъ. Элизэ Реклю, котораго извѣстили телеграммой, явился немедленно и проявилъ въ отношеніи къ моей женѣ всю доброту своего золотого сердца. Прибыли друзья изъ Женевы. Хотя похороны носили чисто гражданскій характеръ, чего раньше никогда не бывало въ нашемъ городкѣ, половина всего населенія шла за гробомъ. Оно желало этимъ показать моей женѣ, что симпатіи бѣдноты и савойскихъ крестьянъ были съ нами, а не съ правительствомъ. Когда начался мой процессъ, крестьяне слѣдили за нимъ изодня въ день и спускались изъ горныхъ деревень въ городъ, чтобы купить газеты и узнать, какъ обстоятъ мои дѣла на судѣ.

Глубоко тронулъ меня также пріѣздъ въ Ліонъ одного знакомаго англичанина. Онъ былъ присланъ хорошо извѣстнымъ и уважаемымъ въ англійскомъ политическомъ мірѣ радикаломъ, въ семьѣ котораго я провелъ въ Лондонѣ не мало счастливыхъ часовъ въ 1882 году. Посланный привезъ значительную сумму денегъ, чтобы взять меня на поруки. Въ то же время онъ передалъ мнѣ желаніе лондонскаго друга, чтобы я не заботился о судьбѣ залога и немедленно уѣзжалъ изъ Франціи. Какимъ-то таинственнымъ путемъ мой знакомый ухит-

рился даже имѣть свободное свиданіе со мной, то-есть личное, а не въ клѣткѣ за двумя рѣшетками, какъ я видѣлся всегда съ женой. Онъ былъ такъ же сильно взволнованъ моимъ отказомъ принять его предложеніе, какъ и я — трогательнымъ проявленіемъ дружбы со стороны лица, къ которому, какъ и къ его замѣчательно хорошей женѣ, я и прежде уже относился съ большимъ уваженіемъ.

Французское правительство пожелало произвести сильное впечатлѣніе большимъ процессомъ; но оно не могло преслѣдовать арестованныхъ анархистовъ за взрывы. Для этого пришлось бы передать разборъ дѣла присяжнымъ, которые могли бы оправдать насъ. Поэтому, правительство прибѣгло къ маккіавеліевскому способу— насъ преслѣдовали за принадлежность къ Международному Союзу Рабочихъ. Во Франціи существуетъ законъ, изданный немедленно послѣ паденія коммуны, по которому принадлежащіе къ Интернаціоналу могутъ быть преданы обыкновенному полицейскому суду и могутъ быть приговорены имъ до пяти лѣтъ тюремнаго заключенія. Полицейскій же судъ всегда выноситъ приговоръ, угодный правительству.

Судъ начался въ Ліонѣ въ началѣ января 1883 года, и продолжался почти двѣ недѣли. Обвиненіе было смѣшно, такъ какъ всѣ знали, что ліонскіе работники никогда не принадлежали къ Интернаціоналу: оно даже вполнѣ провалилось, какъ это видно изъ слѣдующаго эпизода. Единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія былъ начальникъ тайной полиціи въ Ліонѣ,—пожилой человѣкъ, къ которому судъ относился съ необычайнымъ уваженіемъ. Его показанія, долженъ я сказать, фактически были совершенно вѣрны. Анархисты, говорилъ онъ, пріобрѣли себѣ многочисленныхъ сторонниковъ среди населенія. Они сдѣлали митинги оппортюнистовъ невозможными, такъ какъ говорили на каждомъ изъ нихъ, проповѣдывали коммунизмъ и анархизмъ, и увлекали такимъ образомъ слушателей. Видя, что на-

чальникъ тайной полиціи показываетъ, согласно съ истиной, я рѣшился задать ему вопросъ:

— Слышали ли вы когда нибудь, чтобы въ Ліонѣ говорилось объ Интернаціональной Ассоціаціи работниковъ?

— Никогда!—отвѣтилъ онъ угрюмо.

— Когда я возвратился съ лондонскаго конгресса въ 1881 году и сдѣлалъ все возможное, чтобы возродить Интернаціоналъ во Франціи, имѣлъ ли я успѣхъ?

— Нѣтъ. Работники нашли Интернаціоналъ не достаточно революціоннымъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ я; затѣмъ обратившись къ прокурору, прибавилъ: „вотъ вамъ все зданіе обвиненія, разрушенное вашимъ-же собственнымъ свидѣтелемъ".

Тѣмъ не менѣе, насъ всѣхъ (пятьдесятъ два человѣка) приговорили за принадлежность къ Интернаціоналу. Четырехъ изъ насъ присудили къ высшему наказанію,—къ пятилѣтнему заключенію и штрафу въ двѣ тысячи франковъ; остальныхъ—къ тюремному заключенію на сроки отъ четырехъ лѣтъ до одного года. Въ дѣйствительности, обвинители наши и не пытались доказать существованія Интернаціонала. Объ этомъ, повидимому, совершенно забыли. Намъ попросту предложили говорить объ анархизмѣ,—что мы и сдѣлали весьма охотно. А когда кто-то изъ ліонскихъ товарищей попытался выяснить этотъ пунктъ, ему грубо замѣтили, что насъ преслѣдуютъ не за взрывы, а за участіе въ Интернаціоналѣ, къ которому, кстати сказать, кромѣ меня, никто не принадлежалъ.

Въ подобныхъ процессахъ всегда бываетъ какой-нибудь элементъ комизма, и на этотъ разъ онъ былъ внесенъ однимъ моимъ письмомъ. Построить обвиненіе рѣшительно было не на чемъ. Десятки обысковъ были произведены въ квартирахъ французскихъ анархистовъ; но нашли только два моихъ письма. Прокуроръ пытался выжать изъ нихъ все, что возможно. Одно изъ нихъ я писалъ французскому работнику, который какъ-то палъ

духомъ. Я говорилъ ему о знаменательной эпохѣ, въ которой мы живемъ, о наступающихъ великихъ перемѣнахъ, о зарожденіи и распространеніи новыхъ идей... Письмо было невелико, и представитель обвиненія ничего не сумѣлъ извлечь изъ него. Что касается до втораго письма, то оно было на двѣнадцати страницахъ. И тутъ-то прокуроръ отличился. Я написалъ его тоже другу французу, молодому башмачнику. Онъ зарабатывалъ средства къ жизни тачаніемъ башмаковъ у себя на дому. На лѣво отъ него стояла желѣзная печурка, на которой онъ самъ стряпалъ свой супъ, а направо—столикъ, на которомъ онъ писалъ длинныя письма къ товарищамъ, не вставая съ низенькой сапожничьей скамьи. Стачавъ ровно столько паръ башмаковъ, чтобы хватило на покрытіе крайне скромныхъ расходовъ и осталось нѣсколько франковъ, чтобы послать старухѣ матери въ деревню, мой другъ цѣлыми часами писалъ письма, въ которыхъ съ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ и проницательностью развивалъ принципы анархизма. Теперь онъ—хорошо извѣстный во Франціи писатель, и уважается всѣми за открытый характеръ, прямоту и здравый политическій смыслъ. Къ несчастью, въ то время онъ могъ исписать восемь или десять страницъ и нигдѣ не поставить ни одной точки, или хотя бы запятой. Разъ я присѣлъ и написалъ ему предлинное письмо, въ которомъ объяснилъ, что на бумагѣ мысли раздѣляются на главныя предложенія и на придаточныя, что первыя слѣдуетъ отдѣлять точкой, или точкой съ запятой, а для вторыхъ—не пожалѣть хотя бы запятую. Я объяснялъ пріятелю, какъ много выиграютъ его писанія, если онъ пріймeтъ эту маленькую предосторожность.

Это письмо прокуроръ прочелъ на судѣ и прибавилъ къ нему пречувствительныя толкованія.

— „Вы внимали, милостивые государи, этому письму,— началъ онъ, обратившись къ суду.—Вы слушали его. На первый взглядъ, въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Подсудимый даетъ урокъ грамматики рабочему... Но,— и тутъ голосъ прокурора задрожалъ отъ сильнаго вол-

ненія,—дѣлалъ онъ это вовсе не для того, чтобы помочь бѣдному работнику въ пріобрѣтеніи знаній, которыхъ онъ по всей вѣроятности изъ лѣности, не получилъ въ школѣ. Не для того, чтобы пособить ему честно заработать свой хлѣбъ... Нѣтъ, милостивые государи! Это письмо писано для того, чтобы внушить ему ненависть къ нашимъ великимъ и прекраснымъ учрежденіямъ; для того, чтобы лучше напитать его ядомъ анархизма, съ единственной цѣлью сдѣлать его болѣе страшнымъ врагомъ общества... Да будетъ проклятъ день, когда Кропоткинъ вступилъ на французскую почву!"

Мы не могли удержаться и хохотали, какъ дѣти, во время всей этой филиппики. Судьи глядѣли на прокурора, какъ бы желая сказать ему: „довольно!"—но тотъ вошелъ въ азартъ, ничего не замѣчалъ и, увлеченный потокомъ собственнаго краснорѣчія, гремѣлъ, впадая все больше и больше въ театральный тонъ. Онъ усердствовалъ изо всѣхъ силъ, чтобы получить награду отъ русскаго правительства, которая и была ему дана.

Вскорѣ послѣ осужденія, предсѣдатель полицейскаго суда получилъ повышенія и былъ сдѣланъ членомъ окружнаго суда. Что касается до прокурора и до другаго члена полицейскаго суда,—то, трудно повѣрить этому,—русское правительство прислало имъ по Аннѣ, а французское правительство разрѣшило принять ордена. Такимъ образомъ, знаменитый франко-русскій союзъ зародился еще въ Ліонѣ, послѣ процесса.

Этотъ процессъ, во время котораго были произнесены, воспроизведенныя всѣми газетами блестящія анархическія рѣчи, такими первоклассными ораторами, какъ работникъ Бернаръ и Эмиль Готье, и во время котораго всѣ обвиняемые держались мужественно и въ теченіе двухъ недѣль пропагандировали свое ученіе,—имѣлъ громадное вліяніе, расчистивъ ложныя представленія объ анархизмѣ во Франціи. Безъ сомнѣнія, онъ въ извѣстной степени содѣйствовалъ пробужденію соціализма и въ другихъ странахъ. Что касается осужденія, оно до такой степени мало оправдывалось фактами, что фран-

цузская пресса, за исключеніемъ газетъ, преданныхъ правительству,—открыто осуждала судей. Даже умѣренный „Journal des Economistes“ открыто не одобрялъ „приговора, котораго отнюдь нельзя было предвидѣть на основаніи фактовъ, установленныхъ во время процесса.“ Въ состязаніи между нами и судомъ выиграли мы. Общественное мнѣніе высказалось въ нашу пользу. Немедленно же въ парламентъ было внесено предложеніе объ амнистіи, за которое подали голосъ около сотни депутатовъ. Предложеніе вносилось потомъ правильно, каждый годъ, заручаясь все бо̀льшимъ и бо̀льшимъ числомъ голосовъ, покуда на конецъ насъ освободили.

XIII

Судъ кончился; но мы еще мѣсяца два оставались въ ліонской тюрьмѣ. Большинство моихъ товарищей аппелировало на рѣшеніе полицейскаго суда и ждало отвѣта. Я же, съ четырьмя друзьями, отказался принять какое либо участіе въ аппеляціи и продолжалъ работать въ своей pistole (камерѣ одиночнаго заключенія). Мой большой пріятель, Мартэнъ, суконщикъ изъ Віэна, сидѣлъ въ сосѣдней pistole; и такъ какъ мы были уже осуждены, то намъ разрѣшили гулять вмѣстѣ. Когда же намъ хотѣлось поболтать въ теченіе дня, мы перестукивались—точь въ точь, какъ въ Россіи. Декабристская азбука и тутъ пригодилась.

Уже во время моего заключенія въ Ліонѣ, я началъ понимать то страшно деморализующее вліяніе, которое тюрьма имѣетъ на арестантовъ. И эти наблюденія, впослѣдствіи, во время трехлѣтняго пребыванія въ Клэрво, заставили меня рѣшительно высказаться противъ всей тюремной системы вообще.

Ліонская тюрьма—„современный“ острогъ, построенный въ видѣ звѣзды, по камерной системѣ одиночнаго заключенія. Пространства между лучами звѣзды заняты

маленькими, вымощенными асфальтомъ двориками. Если позволяетъ погода, заключенныхъ выводятъ сюда на работы. Главное ихъ занятіе состоитъ въ приготовленіи шелковыхъ оческовъ. Въ извѣстные часы во дворики выводили также множество дѣтей, и я часто наблюдалъ изъ моего окна эти исхудалыя, изможденныя, плохо кормленныя существа, представлявшія скорѣе тѣни дѣтей. Всѣ эти истощенныя лица и исхудалыя, дрожащія дѣтскія тѣла носили явные слѣды анеміи—и зло увеличивалось не только въ дортуарахъ, но даже во дворѣ, среди бѣла дня. Что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, когда они оставятъ подобныя школы, съ разрушеннымъ здоровьемъ, съ вытравленной волей, съ надломленной энергіей? Анемія, убивающая энергію и охоту къ труду, ослабляющая волю, разрушающая умственныя способности и развращающая воображеніе, подстрекаетъ къ преступленію въ значительно большей степени, чѣмъ полнокровіе. И именно этотъ врагъ рода человѣческаго воздѣлывается въ тюрьмахъ.—А къ тому еще, тюремное образованіе, получаемое въ этой ужасной обстановкѣ! Даже если бы возможно было полное разобщеніе арестантовъ—что не достижимо,—оно не помогло бы. Тюремный воздухъ насыщенъ прославленіемъ той страсти къ азарту, которая составляетъ самую сущность кражи, плутовства и другихъ противо-общественныхъ поступковъ того же порядка. Въ этихъ питомникахъ, которые государство содержитъ на свой счетъ, а общество терпитъ, только потому, что не желаетъ слышать обсужденія и анализа его собственныхъ язвъ,—воспитываются цѣлыя поколѣнія будущихъ преступниковъ. „Попалъ ребенкомъ въ тюрьму, умереть тебѣ острожникомъ.“—вотъ что слышалъ я впослѣдствіи отъ всѣхъ, интересующихся вопросомъ о тюрьмахъ. И когда я видѣлъ этихъ дѣтей, и понялъ, что ждетъ ихъ въ будущемъ, я не могъ не задать себѣ вопроса: „кто большій преступникъ?—этотъ ли ребенокъ, или судья, приговаривающій ежегодно сотни дѣтей къ подобной участи?“ Я охотно допускаю, что преступленіе судьи безсознательно. Но—

дѣйствительно ли такъ сознательны всѣ преступленія, за которыя людей отправляютъ въ тюрьму?

Въ первыя же недѣли моего заключенія меня поразило еще одно обстоятельство, которое, однако, ускользаетъ отъ вниманія судей и криминалистовъ. Я хочу сказать, что тюрьма, въ большинствѣ случаевъ, не говоря уже объ ошибкахъ правосудія, представляетъ наказаніе, карающее людей совершенно невинныхъ, гораздо болѣе сурово, чѣмъ самихъ осужденныхъ.

Почти всѣ мои товарищи, типичные представители французскаго рабочаго населенія, поддерживали или женъ и дѣтей, или сестру, или старуху мать. Оставшись безъ поддержки, всѣ эти жены дѣлали все возможное, чтобы достать работу. Нѣкоторыя достали; но ни одна изъ нихъ не могла правильно зарабатывать, хотя бы полтора франка въ день. Девять, а иногда и семь франковъ—вотъ все, что онѣ могли добыть въ недѣлю для поддержанія себя и дѣтей. Это означало, конечно, недоѣданіе, лишенія всякаго рода; разстроенное здоровье женщинъ и дѣтей; затѣмъ — ослабленіе умственныхъ силъ, энергіи и воли... Я понялъ тогда, что приговоры, постановляемые судомъ, въ сущности налагаютъ на совершенно невинныхъ людей всякаго рода страданія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, горьше выпадающихъ на долю самихъ осужденныхъ. Принято вообще думать, что законъ наказываетъ преступника, налагая на него всякія физическія и нравственныя мученія. Но человѣкъ—существо, привыкающее мало по малу ко всякимъ условіямъ жизни. Если онъ не можетъ измѣнить ихъ, онъ принимаетъ ихъ, какъ нѣчто неизбѣжное, и мало по малу приспособляется къ нимъ,—точно также, какъ онъ привыкаетъ къ хронической болѣзни и становится мало чувствительнымъ къ ней. Но что приходится, во время его заключенія, на долю его жены и дѣтей,—людей ни въ чемъ не повинныхъ? Законъ караетъ ихъ еще съ большей жестокостью, чѣмъ самаго „преступника.“ И при нашей косности мысли и рутинѣ, никто никогда не думаетъ даже о той великой несправедли-

вости, которая творится такимъ образомъ. Я самъ не думалъ объ ней, до тѣхъ поръ, покуда дѣйствительность не выдвинула предо мной голые факты.

Въ серединѣ марта 1883 года, двадцать-два человѣка изъ насъ, осужденные больше, чѣмъ на годъ, были съ необыкновенной таинственностью перевезены въ центральную тюрьму, въ Клэрво. Когда-то тутъ было аббатство бернардинскихъ монаховъ, превращенное во время великой революціи въ пріютъ для неимущихъ. Впослѣдствіи изъ него сдѣлали исправительную тюрьму: Maison de dé tention et de correction (домъ заключенія и исправленія), и она получила отъ заключенныхъ и даже отъ начальства вполнѣ заслуженную кличку: „Maison de détention et decorruption“ (домъ заключенія и развращенія).

До тѣхъ поръ, покуда мы сидѣли въ Ліонѣ, съ нами обходились, какъ вообще обращаются во Франціи съ заключенными до суда, то-есть, мы ходили въ своемъ платьѣ, имѣли право получать пищу изъ ресторана, и за нѣсколько франковъ въ мѣсяцъ могли нанимать нѣсколько бо̀льшую камеру,—такъ называемую pistole. Я воспользовался этимъ правомъ, чтобы усиленно работать надъ статьями для „Encyclopaedia Britannica“ и для „Nineteenth Century.“ Теперь насъ интересовало, какъ съ нами будутъ обращаться въ Клэрво. Но во Франціи вообще принято полагать, что для политическихъ заключенныхъ потеря свободы и вынужденная бездѣятельность уже сами по себѣ тяжелое наказаніе, такъ что незачѣмъ отягчать ихъ. Поэтому, намъ объявили, что насъ оставятъ на положеніи предварительнаго заключенія. Намъ дадутъ отдѣльные камеры, позволятъ носить свое платье; освободятъ отъ принудительныхъ работъ и разрѣшатъ курить.

— Тѣ изъ васъ,—сказалъ смотритель,—которые желаютъ заработать что нибудь ручнымъ трудомъ, могутъ шить корсеты или гравировать небольшія вещицы изъ перламутра. Все это плохо оплачивается, но вы не можете работать въ тюремныхъ мастерскихъ, гдѣ изго-

товляются желѣзныя кровати, рамы для картинъ и тому подобное, потому что для этого васъ пришлось-бы помѣстить вмѣстѣ съ уголовными арестантами."—Какъ и другимъ заключеннымъ, намъ позволили покупать, въ тюремной маркитанской, добавочную пищу и полбутылки краснаго вина въ день. Все это было хорошаго качества и доставлялось по очень дешевой цѣнѣ.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Клэрво, было самое благопріятное. Мы пробыли въ дорогѣ цѣлый день, съ двухъ или трехъ часовъ утра, въ маленькихъ клѣткахъ, на которыя обыкновенно раздѣляются арестантскіе вагоны. Когда мы прибыли въ тюрьму, насъ помѣстили временно въ зданіи одиночнаго заключенія. Крошечныя камеры были здѣсь обычнаго типа,—очень чистыя. Не смотря на позднiй часъ ночи, намъ дали простую, но превосходнаго качества горячую пищу. Предоставили намъ также возможность получить по полубутылкѣ хорошаго vin du pays, мѣстнаго вина, которое продавалось въ тюремной маркитанской всего по гривеннику (двадцать-четыре сантима) за литръ. Смотритель и всѣ надзиратели были съ нами чрезвычайно вѣжливы.

На другой день смотритель повелъ меня показывать, предназначавшіяся для насъ помѣщенія. Когда же я замѣтилъ, что комнаты хороши, но только маловаты для двадцати-двухъ человѣкъ, и что, поэтому, отъ скученности могутъ произойти болѣзни,—онъ сейчасъ же выбралъ намъ другой рядъ комнатъ, въ зданіи, гдѣ когда то жилъ настоятель монастыря, а теперь помѣщался госпиталь. Наши окна выходили на маленькій садъ, и изъ нихъ открывался чудесный видъ на окрестность. Въ томъ же самомъ отдѣленіи, въ сосѣдней комнатѣ, старый Бланки провелъ три или четыре года до своего освобожденія. Раньше этого онъ содержался въ одиночномъ заключеніи.

Такимъ образомъ въ нашемъ распоряженіи были три просторныя комнаты и одна поменьше, отведенная мнѣ и Готье, такъ что мы могли продолжать литературную

работу. По всей вѣроятности, эта послѣдняя любезность объяснялась ходатайствомъ значительнаго числа англійскихъ ученыхъ, которые, какъ только меня осудили, подписали петицію о моемъ освобожденіи. Среди подписавшихъ были многіе сотрудники „Encyclopaedia Britannica," а также Гербертъ Спенсеръ и поэтъ Суинбёрнъ (Swinburne). Викторъ Гюго, кромѣ подписи, прибавилъ еще нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ. Вообще общественное мнѣніе во Франціи приняло очень неблагопріятно наше осужденіе. Когда моя жена упомянула въ Парижѣ, что мнѣ нужны книги, то академія наукъ предложила свою библіотеку, а Эрнестъ Ренанъ, въ очень миломъ письмѣ, предоставилъ въ мое распоряженіе всѣ свои книги.

У насъ былъ небольшой садикъ, въ которомъ мы могли играть въ кегли, или въ jeu de boule, причемъ во время этой игры поднимался такой гамъ, на который только способны французы и южане. Кромѣ того, мы разработали небольшую грядку вдоль стѣны, и на пространствѣ въ двадцать квадратныхъ саженъ выращивали почти невѣроятныя количества салата, редиски и кое-какихъ цвѣтовъ. Нечего и говорить, что мы сейчасъ же устроили курсы, и въ теченіе трехъ лѣтъ пребыванія въ Клэрво, я читалъ моимъ товарищамъ лекціи по космографіи, геометріи и физикѣ, а также помогалъ имъ при изученіи иностранныхъ языковъ. Почти всѣ они изучили, по крайней мѣрѣ, одинъ языкъ: англійскій, нѣмецкій, итальянскій или испанскій. Нѣкоторые же изучили два. Занимались мы также переплетнымъ дѣломъ, изучивъ его по одному изъ томиковъ превосходной „Encyclopédie Roret".

Несмотря на это, къ концу перваго года, мое здоровье снова подалось. Клэвро выстроено на болотистой почвѣ; малярія здѣсь имѣетъ эндемическій характеръ,— и малярія съ цынгой привязались ко мнѣ. Тогда моя жена, учившаяся въ Парижѣ и работавшая въ лабораторіи Вюрца, подготовляясь къ экзамену на степень доктора естественныхъ наукъ, бросила все и пересели-

лась въ деревушку Клэрво, состоящую всего изъ десятка домиковъ, ютящихся у громадной стѣны, окружающей тюрьму. Разумѣется, жизнь ея, въ полномъ одиночествѣ, въ деревушкѣ, рядомъ съ тюрьмой, не была красна; но она пробыла здѣсь, покуда меня не освободили. Въ теченіе перваго года ей разрѣшали свиданія со мной только разъ въ два мѣсяца, и то въ присутствіи надзирателя, сидѣвшаго между нами. Но когда она выразила твердое намѣреніе остаться въ Клэрво, ей разрѣшили видѣть меня ежедневно въ одномъ изъ домиковъ, лежащихъ въ тюремной оградѣ, гдѣ находился караульный постъ. Пищу мнѣ приносили изъ той гостинницы, гдѣ жила жена. Впослѣдствіи намъ позволили даже гулять въ саду смотрителя, подъ строгимъ надзоромъ сторожа. Одинъ изъ товарищей обыкновенно присоединялся къ намъ во время этой прогулки.

Къ моему удивленію я открылъ, что центральная тюрьма въ Клэрво цѣлый промышленный городокъ, окруженный фруктовыми садами и хлѣбными полями, и обнесенный внѣшнею стѣною непомѣрной длины. Фактъ тотъ, что если во французской центральной тюрьмѣ заключенные, быть можетъ, болѣе находятся въ зависимости отъ произвола и капризовъ смотрителя и надзирателей, чѣмъ въ англійской тюрьмѣ, за то обращеніе съ арестантами гораздо гуманнѣе, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ по ту сторону канала. Средневѣковая система возмездія, которая господствуетъ еще въ англійскихъ тюрьмахъ, давно уже исчезла во французскихъ. Заключеннаго не заставляютъ спать на голыхъ доскахъ и не даютъ ему матрасъ только черезъ день. Какъ только арестантъ поступаетъ въ тюрьму, ему даютъ удовлетворительную постель, которую и не отнимаютъ больше. Его не принуждаютъ къ унижающей работѣ, какъ топтаніе на колесѣ или щипанье пеньки. Арестантъ, напротивъ, дѣлаетъ полезную работу, и вотъ почему тюрьма въ Клэрво носитъ характеръ промышленнаго города. Тысяча-шестьсотъ заключенныхъ, содержащихся въ ней, изготовляютъ желѣзныя кровати, рамы для кар-

тинъ, зеркала, мѣры, бархатъ, полотно, дамскіе корсеты, мелкія вещицы изъ перламутра, деревянные башмаки, и вмѣстѣ съ тѣмъ воздѣлываютъ нѣсколько пшеницы, овса и овощей.

Кромѣ того, если наказаніе за непослушаніе очень жестоко, за то нѣтъ сѣченія, которое практикуется еще въ англійскихъ тюрьмахъ. Такое наказаніе было бы абсолютно невозможно во Франціи. Въ общемъ, можно сказать, что Клэрво—лучшая тюрьма въ Европѣ. А между тѣмъ результаты, получаемые здѣсь, такъ же плохи, какъ во всякой другой тюрьмѣ стараго типа.—„Всѣ твердятъ теперь, что заключенные исправляются въ нашихъ тюрьмахъ,—говорилъ мнѣ директоръ тюрьмы.—Все это вздоръ. Я ни за что не позволю себѣ поддерживать подобную ложь".

Аптека находилась подъ занимаемыми нами комнатами, и мы, порой, приходили въ соприкосновеніе съ арестантами, работавшими тамъ. Одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ, лѣтъ пятидесяти-пяти, которому вышелъ срокъ, когда мы были въ Клэрво. Трогательно было видѣть, какъ онъ прощался съ тюрьмой. Онъ зналъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль попадетъ обратно, и потому заранѣе просилъ доктора поберечь ему мѣсто въ аптекѣ. Старикъ былъ не въ первый разъ въ Клэрво и зналъ, что онъ—не въ послѣдній разъ. Когда его освободили, у него не было ни души, къ кому онъ могъ бы пойти, чтобы найти пріютъ на старость. „Кто захочетъ дать мнѣ работу?—говорилъ онъ.—И какое ремесло я знаю? Никакого. Когда меня выпустятъ, только мнѣ и хода, что къ прежнимъ товарищамъ. Они, по крайней мѣрѣ, навѣрное пріймутъ меня какъ стараго друга". Затѣмъ, въ ихъ компаніи пропускался лишній стаканъ, слѣдовалъ возбуждающій разговоръ о какомъ-нибудь ловкомъ дѣлѣ, объ отличной штукѣ, которую можно сдѣлать новымъ воровствомъ, и частью по слабохарактерности, частью—чтобы угодить друзьямъ, старикъ присоединялся къ нимъ и снова попадалъ въ

тюрьму. Такъ повторялось уже нѣсколько разъ. Прошло, однако, два мѣсяца, послѣ освобожденія старика, а онъ не возвращался въ Клэрво. Тогда арестанты и надзиратели начали безпокоиться. „Неужели онъ успѣлъ перебраться въ другой судебный округъ, что его еще нѣтъ обратно?—говорили всѣ.—Лишь бы бѣдняга не впутался въ какое-нибудь скверное дѣло“,—подразумѣвалось подъ этимъ нѣчто худшее, чѣмъ воровство. „Жалко было бы,—такой славный, спокойный старикъ“. Скоро, однако, выяснилось, что вѣрно было первое предположеніе. Пришла вѣсточка изъ другой тюрьмы, что нашъ странникъ сидитъ тамъ—и хлопочетъ о переводѣ въ Клэрво.

Старые арестанты, представляли самое печальное зрѣлище. Для многихъ изъ нихъ тюремный опытъ начался въ дѣтствѣ или въ ранней юности; другіе попали въ тюрьму въ зрѣломъ возрастѣ; но...

— „Разъ попалъ въ тюрьму, значитъ, тюрьма на всю жизнь“. Такова поговорка, сложенная на основаніи опыта. И теперь, переваливъ за шестьдесятъ, старики знали, что имъ предстоитъ окончить жизнь въ заключеніи. Какъ бы для того, чтобы ускорить ихъ смерть, тюремное начальство отправляло ихъ въ мастерскія, гдѣ изготовлялись изъ разнаго шерстяного отброса войлочные чулки. Пыль, стоящая въ мастерскихъ, быстро зарождала въ старикахъ чахотку, которая и уносила ихъ. Тогда четыре арестанта относили стараго товарища въ общую могилу. Кладбищенскій сторожъ и его черная собака были единственными существами, провожавшими гробъ. Тюремный священникъ, шедшій впереди, машинально бормоталъ свои молитвы и разсѣянно глядѣлъ на каштаны и ели по сторонамъ дороги; четыре товарища только радовались своей минутной свободѣ. И лишь черная собака, повидимому, чувствовала трогательность процессіи.

Когда во Франціи ввели реформированныя центральныя тюрьмы, то предполагалось, что возможно будетъ поддерживать въ нихъ систему абсолютнаго молчанія.

Но она до такой степени противна всему человѣческому, что строгое примѣненіе системы пришлось оставить.

Поверхностному наблюдателю тюрьма кажется совершенно нѣмой, но въ дѣйствительности въ ней идетъ такая же дѣятельная жизнь, какъ въ маленькомъ городкѣ. Вполголоса, оброненными мимоходомъ словами, произнесенными шопотомъ, или же черезъ посредство наскоро нацарапанныхъ строчекъ на клочкахъ бумаги, въ тюрьмѣ немедленно передаются изъ конца въ конецъ всѣ новости. Все, случающееся между самими заключенными или на парадномъ дворѣ, гдѣ живетъ администрація, или въ деревнѣ Клэрво, или въ тирокомъ мірѣ парижской политики, немедленно же передается во всѣ общія и одиночныя камеры и въ мастерскія. Французы слишкомъ общительны по природѣ, чтобы удалось совершенно запретить имъ говорить. Мы не имѣли никакихъ сношеній съ уголовными арестантами, а между тѣмъ знали всѣ новости дня. „Садовникъ Жанъ снова попалъ на два года". „Инспектора жена здорово задралась съ женой такого-то". „Жака, который въ одиночномъ, поймали, когда онъ передавалъ словцо Жану изъ рамочной мастерской". „Старая скотина N.—больше не министръ юстиціи. Министерство пало". И такъ далѣе. А когда узнаютъ, что Жанъ обмѣнялъ у тюремнаго сторожа два фланелевыхъ жилета, купленныхъ за пятьнадцать франковъ у тюремной администраціи, на двѣ пачки табаку въ пятьдесятъ сантимовъ, то вѣсть въ одно мгновеніе распространяется по всей тюрьмѣ. Со всѣхъ сторонъ къ намъ обращались за табачкомъ. Разъ какъ-то, сидѣвшій въ тюрьмѣ мелкій ходатай по дѣламъ захотѣлъ передать мнѣ записку, чтобы я попросилъ мою жену, жившую въ деревнѣ, навѣстить его жену, тоже поселившуюся тамъ. Множество арестантовъ приняли живѣйшее участіе въ передачѣ этой записки, которая должна была пройти богъ вѣсть сколько рукъ, покуда достигла своего назначенія. А когда въ парижскихъ газетахъ появлялась замѣтка, которая могла заинтересовать насъ, номеръ газеты попадалъ къ намъ самымъ

неожиданнымъ путемъ: напримѣръ, черезъ высокую стѣну нашего сада, съ завернутымъ въ газету камнемъ.

Одиночное заключеніе не прекращаетъ сношеній. Когда мы прибыли въ Клэрво, и насъ помѣстили въ одиночкахъ, въ нихъ было страшно холодно, такъ что я едва могъ писать; и когда жена моя, жившая тогда въ Парижѣ, получила мое письмо, она даже не узнала почерка. Директоръ отдалъ приказъ топить камеры на сколько возможно; но несмотря на всѣ старанія, въ нихъ холодъ стоялъ такой же, какъ и прежде. Оказалось, что всѣ паровыя трубы были забиты клочками бумаги, обрывками записокъ, перочинными ножичками и всякаго рода мелочами, которыя прятались тамъ нѣсколькими поколѣніями арестантовъ.

Мартэнъ, тотъ самый мой пріятель, о которомъ я уже упомянулъ, получилъ разрѣшеніе отбыть часть своего срока въ одиночномъ заключеніи. Онъ предпочиталъ быть одинъ, чѣмъ съ десяткомъ людей въ одной камерѣ. Въ великому своему изумленію, однако, Мартэнъ нашелъ, что онъ вовсе не одинъ. Стѣны и замочныя скважины говорили вокругъ него. Черезъ два-три дня, во всѣхъ одиночныхъ камерахъ знали уже, кто онъ такой, и онъ завелъ знакомства во всемъ зданіи. Въ камерахъ, повидимому изолированныхъ, кипитъ жизнь, какъ въ ульѣ. Эта жизнь только принимаетъ иногда такой характеръ, который относитъ ее всецѣло къ области психопатологіи. Даже Крафтъ Эбингъ не имѣлъ представленія о тѣхъ извращеніяхъ чувствъ, которыя встрѣчаются въ одиночныхъ камерахъ.

Я не стану повторять здѣсь того, что сказалъ уже о нравственномъ вліяніи тюремъ на заключенныхъ, въ моей книгѣ: „Въ русскихъ и во французскихъ тюрьмахъ“, изданной по англійски въ Лондонѣ въ 1886 году, вскорѣ послѣ моего освобожденія изъ Клэрво. Ограничусь лишь слѣдующимъ. Тюремное населеніе состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ. Принимая во вниманіе только категорію собственно, такъ называемыхъ „преступниковъ“, о которой мы такъ много наслышались въ

послѣднее время отъ Ломброзо и его учениковъ, я былъ крайне пораженъ однимъ фактомъ. Тюрьмы, разсматриваемыя обыкновенно, какъ гарантія отъ противообщественныхъ поступковъ,—въ сущности являются разсадниками самихъ этихъ поступковъ. Всякому извѣстно, что отсутствіе образованія, отвращеніе къ правильному труду, физическая неспособность къ напряженному усилію, невѣрно направленная любовь къ приключеніямъ, наклонность къ игрѣ, отсутствіе энергіи, не выработанная воля и беззаботность о благѣ другихъ, являются причинами, приводящими этотъ классъ заключенныхъ въ тюрьмы. Во время моего заключенія, меня, однако, сильно поразилъ тотъ фактъ, что именно эти недостатки, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности, неизбѣжно усиливаются въ тюрьмѣ. И развиваются они именно потому, что такова сущность тюрьмы: покуда существуютъ тюрьмы, онѣ будутъ развивать ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что продолжительное заключеніе разрушаетъ — неизбѣжно, фатально — энергію въ человѣкѣ; оно убиваетъ, къ тому же, еще и волю. Заключенный не находитъ въ тюремной жизни необходимости упражнять свою волю. Наоборотъ, если онъ ее имѣетъ, онъ, съ нею, наживетъ себѣ бѣды: — воля арестанта *должна* быть, по мнѣнію начальства, убита; и ее убиваютъ. Еще меньше возможности онъ находитъ для проявленія естественнаго сочувствія. Все дѣлается такъ, чтобы помѣшать арестанту сноситься, въ стѣнахъ или за стѣнами тюрьмы, съ тѣми, къ которымъ онъ чувствуетъ влеченіе. Затѣмъ, заключенный, по мѣрѣ того, какъ проходятъ годы, все меньше и меньше становится способнымъ, въ физическомъ и умственномъ отношеніи, къ напряженной работѣ. И если онъ уже прежде не любилъ правильную работу, это чувство только усиливается въ немъ во время его острожной жизни. Если прежде, чѣмъ онъ попалъ въ тюрьму, его легко утомлялъ однообразный трудъ, который онъ не способенъ былъ выполнять надлежащимъ образомъ, или если онъ не взлюбилъ чрезмѣрную, плохо оплачи-

ваемую работу, на которую обреченъ рабочій,—теперь, въ тюрьмѣ, это чувство превращается въ полное отвращеніе. Если прежде, онъ только сомнѣвался въ полезности ходячихъ правилъ нравственности, то теперь, бросивши критическій взглядъ на оффиціальныхъ защитниковъ этихъ правилъ и узнавши, какъ смотрятъ на нихъ товарищи, онъ открыто бросаетъ старые законы нравственности за бортъ. И если болѣзненное развитіе страстнаго и чувственнаго темперамента толкнуло человѣка на преступное дѣяніе, эта болѣзненная черта характера еще болѣе разовьется за нѣсколько лѣтъ заключенія и достигнетъ во многихъ случаяхъ ужасающихъ размѣровъ. Въ послѣднемъ направленіи—наиболѣе опаснымъ—сильнѣе всего сказывается вліяніе тюремнаго воспитанія.

Въ Сибири я видѣлъ, какими безднами мерзости и какими очагами физическаго и нравственнаго развращенія являются наши старые, грязные, переполненные арестантами остроги. И когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ, я думалъ, что эти учрежденія могутъ быть значительно улучшены, если камеры не будутъ такъ набиты, если арестантовъ раздѣлятъ на категоріи и дадутъ имъ здоровую работу. Теперь приходилось отказаться отъ всѣхъ этихъ иллюзій. Я могъ убѣдиться, что самыя лучшія, „реформированныя“ тюрьмы,—все равно, будутъ ли онѣ одиночныя или нѣтъ,—въ отношеніи къ арестантамъ и относительно пользы для общества,—также плохи, какъ и старые дореформенные остроги, а можетъ быть и хуже. Онѣ не исправляютъ заключенныхъ. Напротивъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онѣ имѣютъ самое пагубное вліяніе. Воръ, плутъ, грабитель, проведшіе нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, выходятъ оттуда еще болѣе готовые приняться за старую профессію. Они теперь лучше подготовлены; они изучили всѣ тайны ремесла и болѣе озлоблены противъ общества. Они находятъ теперь лучшее оправданіе своему возстанію противъ его законовъ и обычаевъ. По необходимости, неизбѣжно, человѣкъ все больше и больше погружается въ тѣ про-

тиво-общественные проступки, которые разъ уже привели его въ судъ. То преступленіе, которое онъ совершитъ послѣ освобожденія, неизбѣжно будетъ болѣе серьезнаго характера, чѣмъ то, за которое онъ попался въ первый разъ. И ему предопредѣлено умереть или въ тюрьмѣ, или на каторгѣ. Въ вышеупомянутой книгѣ я замѣтилъ, что „тюрьмы—университеты преступности, содержимые государствомъ". И теперь, думая черезъ много лѣтъ объ этомъ, я, на основаніи массы новыхъ фактовъ, могу только повторить тоже самое.

Лично, я не имѣю никакого основанія жаловаться на годы, проведенные мною во французской тюрьмѣ. Для дѣятельнаго и независимаго человѣка потеря свободы и дѣятельности, сама по себѣ, уже такое большое лишеніе, что обо всѣхъ остальныхъ тюремныхъ лишеніяхъ не стоитъ и говорить. Безъ сомнѣнія, мы сильно томились нашею вынужденною бездѣятельностью, когда до насъ доходили слухи про оживленную политическую жизнь, зачинавшуюся во Франціи. Конецъ перваго года, въ особенности, въ мрачную зиму, всегда тяжелъ для заключеннаго. И когда наступаетъ весна, больше чѣмъ когда либо чувствуется лишеніе свободы. Когда я видѣлъ изъ нашего окна, какъ луга снова покрываются зеленью, а на холмахъ опять виситъ весенняя дымка; когда въ долинѣ. бывало, промчится поѣздъ, я, конечно, испытывалъ сильное желаніе послѣдовать за нимъ, подышать лѣснымъ воздухомъ или унестись въ потокѣ человѣческой жизни въ большомъ городѣ. Но тотъ, кто связываетъ свою судьбу съ тою или другою крайнею партіей, долженъ быть готовъ провести годы въ тюрьмѣ, и ему не слѣдуетъ на это роптать. Онъ сознаетъ, что даже въ заключеніи онъ не перестаетъ, въ извѣстной степени, содѣйствовать прогрессу человѣчества, который развивается и укрѣпляетъ дорогія ему идеи.

Въ Ліонѣ надзиратели были очень грубый народъ; въ этомъ имѣли возможность убѣдиться мы всѣ: товарищи, моя жена и я самъ. Но послѣ нѣсколькихъ стычекъ все уладилось. На придачу, администрація знала

хорошо, что за насъ—парижская пресса, и вовсе не желала навлечь на свои головы громы Рошфора или жгучую критику Клемансо. Въ Клэрво, оказалось дѣло обошлось безъ столкновеній. Всю администрацію смѣнили за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего прибытія. Надзиратели убили въ камерѣ одного изъ арестантовъ и повѣсили потомъ его тѣло, чтобы представить смерть, какъ самоубійство. Но дѣло выплыло на этотъ разъ, благодаря врачу. Главнаго смотрителя и нѣсколькихъ помощниковъ смѣстили, и совершенно иныя отношенія установились въ тюрьмѣ. Вообще, я вынесъ изъ Клэрво самыя лучшія воспоминанія о смотрителѣ и, въ концѣ концовъ, во время моего пребыванія тамъ, не разъ думалъ, что люди часто бываютъ лучше, чѣмъ тѣ учрежденія, къ которымъ они принадлежатъ. Но, не имѣя личныхъ жалобъ, я тѣмъ болѣе свободно и безусловно могу отрицать само учрежденіе, какъ пережитокъ мрачнаго прошлаго, ошибочный въ принципѣ и являющійся источникомъ безчисленныхъ золъ для общества.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ, что поразило меня даже сильнѣе, чѣмъ деморализующее вліяніе тюремъ на заключенныхъ. Какимъ гнѣздомъ заразы является каждая тюрьма и даже каждый судъ для сосѣдей, для всѣхъ живущихъ вблизи! Ломброзо нашумѣлъ очень много своимъ „преступнымъ типомъ“, открытымъ будто бы имъ среди острожнаго населенія. Если бы онъ съ такимъ же вниманіемъ наблюдалъ публику, тяготѣющую къ суду: сыщиковъ, шпіоновъ, уличныхъ адвокатовъ, доносчиковъ и обманщиковъ всякаго рода,—Ломброзо, навѣрное, пришелъ бы къ заключенію, что географическая сфера распространенія „преступнаго типа“ не ограничивается только тюремными стѣнами. Никогда я не видалъ такой богатой коллекціи лицъ самаго низшаго людского типа, какъ въ ліонскомъ судѣ, гдѣ эти существа шныряли десятками. Ничего подобнаго я, конечно, не встрѣчалъ въ стѣнахъ Клэрво. Диккенсъ и Круикшэнкъ обезсмертили нѣкоторые изъ этихъ типовъ, составляющихъ совсѣмъ особый міръ, который вра-

щается вокругъ судовъ и распространяетъ заразу далеко вокругъ. То же самое относится ко всякой центральной тюрьмѣ, вродѣ Клэрво. Вокругъ тюрьмы, какъ масляное пятно, распространяется цѣлая атмосфера мелкаго воровства и мошенничества, шпіонства и порочности всякаго рода.

Все это я видѣлъ. И если до моего осужденія я зналъ уже, что современная система наказанія дурна, то, оставляя Клэрво, я понялъ также, что система эта не только дурна и несправедлива, но что чистое безуміе со стороны общества поддерживать на свой счетъ—по невѣдѣнію или по притворному незнанію дѣйствительности, — эти „университеты преступленія“ и эти гнѣзда развращенія; все это—подъ предлогомъ, что остроги необходимы для обузданія преступныхъ инстинктовъ нѣсколькихъ людей!

XIV

Каждый революціонеръ встрѣчаетъ на своемъ пути извѣстное число шпіоновъ и агентовъ-провокаторовъ. Я тоже сподобился этого добра. Всѣ правительства тратятъ значительныя деньги на содержаніе этихъ гадинъ; но въ сущности, онѣ опасны только для зеленой молодежи. Кто знаетъ немного жизнь и людей, быстро научается узнавать этотъ сортъ людей,—что-то такое въ нихъ, что заставляетъ его сразу быть на сторожѣ. Вербуются они изъ поддонковъ общества,—изъ людей, нравственный уровень которыхъ очень низокъ. И если кто присматривается къ нравственному облику тѣхъ, съ которыми встрѣчается, то скоро замѣчаетъ въ манерахъ этихъ „столповъ общества“ нѣчто такое, что поражаетъ его и заставляетъ задать себѣ вопросъ: „что привело этихъ людей ко мнѣ? Что общаго могутъ они имѣть со мной?“ Въ большинствѣ случаевъ этотъ простой вопросъ достаточенъ, чтобы насторожиться.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Женеву, агентъ

русскаго правительства, который долженъ былъ слѣдить за эмигрантами, былъ всѣмъ намъ хорошо извѣстенъ. Онъ назывался „графомъ Х.“; но такъ какъ у него не было ни лакея, ни кареты, на которой онъ могъ бы помѣстить свой гербъ, то онъ вышилъ его на попонкѣ своей собачки. Мы встрѣчали его иногда въ кафэ, но не заговаривали съ нимъ. Въ сущности, онъ былъ „безобидный“, такъ какъ попросту покупалъ въ кіоскахъ изданія эмигрантовъ и, по всей вѣроятности, сдабривалъ ихъ своими примѣчаніями въ донесеніяхъ по начальству.

Совсѣмъ другой народъ началъ появляться въ Женевѣ, когда туда стало пріѣзжать новое поколѣніе эмиграціи. И однако, тѣмъ или инымъ путемъ, мы всегда узнавали и новыхъ шпіоновъ.

Когда на нашемъ горизонтѣ появлялся неизвѣстный, ему съ обычной нигилистячей прямотой задавались вопросы о его прошломъ, и что онъ думаетъ дѣлать. Такимъ образомъ быстро выяснялось, что за человѣкъ предъ нами. Откровенность въ взаимныхъ отношеніяхъ — лучшее средство для установленія хорошихъ отношеній между людьми; въ подобномъ же случаѣ она неоцѣнима. Люди, которыхъ никто изъ насъ не зналъ и о которыхъ даже никто ничего не слышалъ въ Россіи,—совершенно неизвѣстные въ нашихъ кружкахъ, пріѣзжали въ Женеву, и многіе изъ нихъ, черезъ нѣсколько дней, а не то и часовъ, совсѣмъ сближались съ колоніей. Но шпіонамъ, по той или другой причинѣ, никогда не удавалось вкрасться къ намъ въ дружбу. Шпіонъ можетъ назвать общихъ знакомыхъ, онъ можетъ дать самый лучшій отчетъ, подчасъ даже вѣрный, о своемъ прошломъ въ Россіи; онъ можетъ въ совершенствѣ усвоить нигилистячіе манеры и жаргонъ; но онъ никогда не можетъ усвоить нигилистской этики, создавшейся среди русской молодежи. И это одно держало его вдали отъ нашей колоніи. Шпіоны могутъ притворяться во всемъ, но только не въ этихъ правилахъ нравственности.

Когда я работалъ вмѣстѣ съ Реклю, въ Кларанѣ жилъ подобный индивидуумъ, отъ котораго мы всѣ держались въ сторонѣ. Мы не знали ничего худого за нимъ; но мы чувствовали, что онъ не „нашъ“. И чѣмъ больше онъ пытался проникнуть къ намъ, тѣмъ больше вызывалъ онъ подозрѣній. Я никогда не говорилъ съ нимъ ни слова, и поэтому онъ особенно добивался моего знакомства. Видя, что обычнымъ путемъ ему не втереться ко мнѣ, онъ началъ писать мнѣ письма и назначалъ таинственныя свиданія, для таинственныхъ цѣлей, въ лѣсу или въ тому подобныхъ мѣстахъ. Шутки ради, я разъ принялъ приглашеніе и пошелъ на назначенное мѣсто, причемъ хорошій мой пріятель слѣдовалъ издали. Но сей господинъ, который вѣроятно имѣлъ соумышленника, должно быть узналъ, что я не одинъ, и не явился. Такимъ образомъ, я избавися отъ удовольствія когда бы то ни было разговаривать съ нимъ. Къ тому же я тогда работалъ такъ усиленно, что каждая минута моего времени была занята, или географіей, или „Révolté“,—для конспирацій у меня не было времени. Однако, мы узнали потомъ, что этотъ человѣкъ посылалъ въ третье отдѣленіе подробные отчеты о мнимыхъ разговорахъ, которые онъ будто бы велъ со мною, о моемъ довѣріи къ нему и о страшныхъ заговорахъ въ Петербургѣ противъ царя, которыми я руковожу. Все это принималось въ Петербургѣ за чистую монету. И не въ одномъ Петербургѣ: въ Италіи также вѣрили всякому вздору, присылавшемуся шпіонами. Такъ, когда Кафіеро разъ арестовали въ Швейцаріи, ему показали страшные отчеты итальянскихъ шпіоновъ, которые доносили своему правительству, что мы съ Кафіеро, вооруженные бомбами, готовимся перейти границу. Въ дѣйствительности, я никогда не былъ въ Италіи и никогда не собирался туда.

Нужно сказать, что шпіоны не всегда составляютъ свои донесенія изъ однихъ вымысловъ. Часто они сообщаютъ вѣрные факты; но все зависитъ отъ того, какъ

разсказать происшествіе. Мы не мало смѣялись по поводу одного отчета, посланнаго французскому правительству шпіономъ, слѣдовавшимъ за нами въ 1881 г., на пути изъ Парижа въ Лондонъ. Шпіонъ, какъ это часто бываетъ, велъ двойную игру, и продалъ свой отчетъ Рошфору, который и напечаталъ его въ своей газетѣ. Все, что шпіонъ доносилъ, было вѣрно; но нужно было видѣть, какъ это сообщалось! Соглядатай писалъ, напримѣръ: „Я занялъ сосѣднее отдѣленіе съ тѣмъ, въ которомъ сидѣли Кропоткинъ съ женой.“ Совершенно вѣрно: онъ сидѣлъ тамъ. Мы его замѣтили сразу, потому что его злобное, непріятное лицо привлекло наше вниманіе. „Они говорили все время по русски, чтобы остальные пассажиры не могли ихъ понять“. Опять-таки совершенно вѣрно: мы говорили по русски, какъ всегда. „Когда они прибыли въ Калэ, оба потребовали себѣ по бульону“. Святая истина: мы спросили бульонъ. Но здѣсь начинается танственная сторона путешествія. „Послѣ этого, они оба внезапно исчезли. Я напрасно искалъ ихъ на платформѣ и въ другихъ мѣстахъ; когда же они появились, онъ былъ переодѣтъ, и съ нимъ находился русскій священникъ, который не оставлялъ его до самаго Лондона, гдѣ я потерялъ его изъ виду“. Опять-таки все это было совершенно вѣрно. У моей жены слегка разболѣлся зубъ, и я попросилъ у содержаля буфета позволенія зайти въ его комнату, гдѣ я могъ бы прижечь зубъ. Такимъ образомъ объясняется „исчезновеніе“. А такъ какъ намъ предстоялъ переѣздъ черезъ каналъ, я сунулъ мягкую поярковую шляпу въ карманъ и надѣлъ мѣховую шапку: я „переодѣлся“. Что же касается таинственнаго священника, то и онъ дѣйствительно существовалъ. Онъ былъ не русскій; но это все равно: одѣтъ онъ былъ, во всякомъ случаѣ, какъ греческій священникъ. Я увидалъ, какъ онъ стоялъ у буфета и просилъ, чего никто не понималъ.

— Agua! Agua!—повторялъ онъ жалобно.

— Дайте этому господину стаканъ воды,—сказалъ я служителю. Священникъ, пораженный моими изуми-

тельными лингвистическими способностями, сталъ благодарить меня за услугу съ чисто восточнымъ пыломъ. Жена моя сжалилась надъ нимъ и попробовала заговорить съ нимъ на различныхъ языкахъ; но онъ не понималъ ни одного, кромѣ ново-греческаго. Оказалось, наконецъ, что онъ знаетъ нѣсколько словъ на одномъ изъ южно-славянскихъ языковъ. и мы поняли слѣдующее: „Я—грекъ; турецкое посольство, Лондонъ“. Мы объяснили ему, больше знаками, что мы тоже ѣдемъ въ Лондонъ, и что онъ можетъ присоединиться къ намъ.

Забавнѣе всего то, что я дѣйствительно узналъ для него адресъ турецкаго посольства, раньше даже, чѣмъ мы прибыли на Чарингъ-кросскій вокзалъ въ Лондонѣ. Поѣздъ остановился на какой-то станціи, и въ набитый уже вагонъ третьяго класса вошли двѣ изящно одѣтыя дамы. Обѣ держали въ рукахъ газеты. Одна дама была англичанка, другая—красивая женщина, хорошо говорившая по французски—выдавала себя за англичанку. Едва мы успѣли обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, какъ она выпалила мнѣ въ упоръ, à brûle pourpoint, по французски.

— Что вы думаете о графѣ Игнатьевѣ?—и непосредственно за этимъ: „Скоро ли вы убьете новаго царя?“ Профессія ея выяснилась для меня по этимъ двумъ вопросамъ; но, вспомнивъ о моемъ священникѣ, я спросилъ ее: „Не знаете-ли вы, быть можетъ, адресъ турецкаго посольства въ Лондонѣ?“—„На такой-то улицѣ, такой-то нумеръ дома“, отвѣтила дама безъ запинки, какъ школьница. „Вы вѣрно знаете также, гдѣ русское посольство?“ продолжалъ я. И этотъ адресъ былъ сообщенъ мнѣ съ тою же готовностью. Когда мы пріѣхали на Чарингъ-кросскій вокзалъ, дама навязчиво засуетилась около моего багажа. Она вызывалась даже нести въ своихъ затянутыхъ перчатками рукахъ тяжелый чемоданъ; такъ что наконецъ, къ великому ея изумленію, я оборвалъ ее.—„Довольно; дамы не носятъ багажа мужчинамъ. Уходите!“

Но возвращусь къ моему правдолюбивому француз-

скому шпіону. „Кропоткинъ вышелъ на Чарингъ-кросскомъ вокзалѣ—рапортовалъ онъ; но не уѣзжалъ со станціи около получаса послѣ прибытія поѣзда, до тѣхъ поръ, покуда убѣдился, что всѣ разъѣхались. Я все это время сторожилъ, спрятавшись за колонной. Убѣдившись, что всѣ пассажиры разошлись съ платформы, онъ съ женой вскочили въ кэбъ. Я, тѣмъ не менѣе, послѣдовалъ за ними и слышалъ адресъ, сообщенный извощикомъ полисмэну у воротъ: „№ 12, улица такая-то". Я побѣжалъ за каретой. Вблизи не было извощиковъ, такъ что я долженъ былъ бѣжать до Трафальгаръ-сквэра, гдѣ нашелъ кэбъ. Тогда я погнался за ними. Они остановились у упомянутаго дома".

Всѣ эти факты, адресъ и все прочее опять-таки вѣрны. Но какой таинственный видъ все это имѣетъ! Я предупредилъ о моемъ пріѣздѣ пріятеля, русскаго, который, однако, проспалъ, такъ какъ въ то утро стоялъ густой туманъ. Мы прождали его съ полчаса, а затѣмъ, оставивъ вещи на вокзалѣ, поѣхали къ нему на квартиру.

„Они сидѣли до двухъ часовъ дня со спущенными шторами, и только тогда изъ дома вышелъ высокій человѣкъ, возвратившійся часъ спустя съ ихъ багажемъ". Даже и это замѣчаніе о спущенныхъ шторахъ вѣрно. По случаю тумана, пришлось зажечь газъ, и мы спустили шторы, чтобы избавиться отъ сквернаго вида маленькой улицы въ Ислингтонѣ, закутанной въ желтый туманъ.

Когда я работалъ вмѣстѣ съ Элизэ Реклю въ Кларанѣ, то два раза въ мѣсяцъ уѣзжалъ въ Женеву, чтобы выпускать „Révolté". Разъ, когда я пришелъ въ типографію, мнѣ сказали, что какой-то русскій желаетъ меня видѣть. Онъ уже побывалъ у моихъ друзей и объявилъ имъ, что пріѣхалъ предложить мнѣ изданіе новой русской газеты, по типу „Révolté"; онъ вызывался дать для этого всѣ необходимыя деньги. Я пошелъ на свиданіе съ нимъ въ кафэ. Онъ назвался мнѣ нѣмец-

кимъ именемъ—скажемъ, Тонлэмъ—и выдавалъ себя за уроженца балтійскаго края. Онъ хвастался большимъ состояніемъ, нѣсколькими имѣніями и фабриками, и негодовалъ на правительство за руссификацію остзейскихъ губерній. Въ общемъ онъ производилъ нѣсколько неопредѣленное впечатлѣніе, не хорошее, но и не плохое, такъ что друзья настаивали на томъ, чтобы я принялъ его предложеніе. Мнѣ, не знаю почему, онъ не особенно понравился съ перваго взгляда.

Изъ кафэ онъ повелъ меня въ гостинницу, въ свой номеръ. Здѣсь онъ сталъ менѣе сдержанъ, сталъ больше самимъ собою, а потому произвелъ уже совсѣмъ невыгодное впечатлѣніе. „Вы не сомнѣвайтесь въ моемъ состояніи,—говорилъ онъ мнѣ.—Я сдѣлалъ замѣчательное открытіе, которое дастъ мнѣ кучу денегъ. Я возьму патентъ на него и всѣ деньги отдамъ на русскую революцію". Тутъ, къ великому моему изумленію, онъ показалъ мнѣ жалкій подсвѣчникъ, оригинальность котораго заключалась въ невѣроятномъ безобразіи и въ трехъ кусочкахъ проволоки, чтобы вставлять свѣчу. Бѣднѣйшая хозяйка не польстилась-бы на подобный подсвѣчникъ, и если-бы, паче чаянія, патентъ и былъ взятъ, ни одинъ фабрикантъ не далъ бы за него больше четвертной. „Богатый человѣкъ, и возлагаетъ надежды на подобный подсвѣчникъ,—подумалъ я,—да онъ, навѣрное, никогда не видалъ лучшихъ". И мое мнѣніе о немъ опредѣлилось. Онъ не могъ быть богачемъ, и деньги, которыя онъ предлагалъ,—не его. Поэтому я напрямикъ заявилъ ему: „хорошо, если вамъ такъ желательно имѣть русскую революціонную газету и если вы такого лестнаго мнѣнія обо мнѣ, какъ вы говорите, то внесите деньги на мое имя въ какой-нибудь банкъ, въ полное мое распоряженіе. Но предупреждаю васъ, что вы не будете имѣть никакого касательства къ газетѣ".

— О, конечно, конечно,—отвѣчалъ онъ,—я ограничусь тѣмъ, что порой только буду заглядывать, иногда подамъ совѣтъ и помогу вамъ перевозить газету въ Россію". „Нѣтъ, ничего этого не будетъ. Вы совсѣмъ

не должны меня видѣть". Друзья мои полагали, что я слишкомъ сурово обошелся съ человѣкомъ; но нѣкоторое время спустя мы получили письмо изъ Петербурга, въ которомъ насъ предупреждали, что у насъ будетъ шпіонъ изъ третьяго отдѣленія, по имени Тонлэмъ. Подсвѣчникъ, такимъ образомъ, оказалъ намъ хорошую услугу.

На подсвѣчникѣ, или на чемъ-нибудь другомъ, но эта братія всегда выдаетъ себя, такъ или иначе. Въ Лондонѣ, въ туманное утро, въ 1881 году, насъ навѣстили два русскихъ. Одного изъ нихъ я зналъ по имени; другой—молодой человѣкъ, котораго первый рекомендовалъ, какъ своего пріятеля,—былъ мнѣ совершенно незнакомъ. Онъ вызвался сопровождать своего пріятеля во время кратковременнаго пребыванія въ Лондонѣ. Такъ какъ его рекомендовалъ знакомый, то у меня не было никакихъ подозрѣній относительно него. Но въ тотъ день я былъ очень занятъ и попросилъ другого знакомаго, жившаго по близости, найти для нихъ комнату и показать имъ Лондонъ. Моя жена, которая тоже еще не видала Англію, отправилась вмѣстѣ съ ними. Вернувшись вечеромъ, она замѣтила мнѣ: „Знаешь, этотъ человѣкъ мнѣ очень не нравится. Остерегайся его". „Но почему? Въ чемъ дѣло?"—спрашивалъ я. „Ничего, рѣшительно ничего; но только онъ навѣрно „не нашъ". По его обращенію съ прислугой въ кафэ и по тому, какъ онъ платитъ деньги, я сразу поняла, что онъ „не нашъ". А если такъ, то зачѣмъ ему было явиться къ намъ?" Жена была такъ увѣрена въ своихъ подозрѣніяхъ, что, исполняя долгъ гостепріимства, она въ то же время ни на минуту не оставляла молодого человѣка одного въ моей комнатѣ. Мы завели разговоръ, и тутъ гость сталъ все больше и больше проявлять низость своего характера, такъ что даже его знакомый краснѣлъ за него. Когда же я задалъ ему болѣе подробные вопросы о его прошломъ, отвѣты получились еще менѣе удовлетворительные. Мы насторожились.

Короче, дня черезъ два, оба оставили Лондонъ, а черезъ двѣ недѣли я получалъ отъ моего пріятеля-русскаго отчаянное письмо, въ которомъ онъ извинялся, что представилъ мнѣ молодого человѣка, состоявшаго, какъ оказалось, въ Парижѣ, шпіономъ при русскомъ посольствѣ. Я справился со спискомъ тайныхъ агентовъ во Франціи и въ Швейцаріи, который мы, эмигранты, получили недавно отъ Исполнительнаго Комитета (у него были свои люди всюду въ Петербургѣ). И въ этомъ спискѣ я нашелъ имя молодого человѣка. Была измѣнена только одна буква.

Основать оплачиваемую полиціей газету, съ полицейскимъ агентомъ во главѣ—старая штука: къ ней и прибѣгъ парижскій префектъ полиціи, Андріё, въ 1881 году. Я жилъ съ Элизэ Реклю въ горахъ, когда мы получили письмо отъ одного француза или, точнѣе, бельгійца, сообщавшаго намъ, что онъ собирается основать анархическую газету въ Парижѣ и проситъ нашего сотрудничества. Письмо, наполненное лестью, произвело на насъ неблагопріятное впечатлѣніе. Къ тому же Реклю смутно припоминалъ, что слышалъ имя автора письма, въ связи съ какой-то неприглядной исторіей. Мы рѣшили отказаться отъ сотрудничества, и я написалъ пріятелю въ Парижъ, что мы должны сперва узнать, откуда идутъ деньги, на которыя газета будетъ основана. Быть можетъ, деньги даютъ орлеанисты:—штука не новая, не разъ практиковавшаяся этой семьей; мы далжны знать источники. Мой пріятель въ Парижѣ, съ откровенностью, свойственной рабочимъ, прочиталъ мое письмо на собраніи, на которомъ присутствовалъ и будущій издатель газеты. Тотъ сдѣлалъ видъ что крайне оскорбленъ, и мнѣ пришлось отвѣтить на нѣсколько писемъ по этому поводу; но я твердо стоялъ на своемъ: „Если лицо, о которомъ идетъ рѣчь, серьезно относится къ дѣлу, оно пойметъ, что должно объяснить намъ, откуда явились деньги“.

Такъ онъ и сдѣлалъ въ концѣ концовъ. На настой-

чивые вопросы онъ отвѣтилъ, что деньги даетъ его тетка, богатая дама, придерживающаяся старыхъ взглядовъ, но уступившая наконецъ настойчивому желанію племянника имѣть свою собственную газету. Дама живетъ не во Франціи, а въ Лондонѣ. Мы потребовали тогда, чтобы намъ дали ея имя и адресъ, а нашъ другъ Малатеста вызвался повидаться съ ней. Онъ отправился съ другимъ пріятелемъ—итальянцемъ, торговавшимъ подержанной мебелью. Дама занимала небольшую квартиру. Покуда Малатеста бесѣдовалъ съ „теткой“, и все больше и больше приходилъ къ заключенію, что она играетъ только роль въ комедіи, пріятель его, перекупщикъ, осматривалъ столы и стулья и нашелъ, что вся мебель взята на-прокатъ—вѣроятно, не дальше какъ наканунѣ—у его сосѣда, тоже перекупщика. Ярлыки торговца виднѣлись еще на столахъ и стульяхъ. Конечно это ничего не доказывало, но наши подозрѣнія усилились. Я наотрѣзъ отказался имѣть что-нибудь общее съ изданіемъ.

Газета была кровожадная до крайности. Поджоги, убійства и динамитныя бомбы проповѣдывались въ каждомъ нумерѣ. Я встрѣтилъ издателя этой газеты, ѣдучи на лондонскій конгрессъ. И какъ только я увидалъ его отекшее лицо, услыхалъ его разговоръ, и присмотрѣлся къ женщинамъ, въ обществѣ которыхъ онъ постоянно обрѣтался, мое мнѣніе о немъ опредѣлилось. На конгрессѣ, на которомъ онъ предлагалъ всякаго рода страшныя резолюціи, всѣ держались отъ него въ сторонѣ. А когда онъ захотѣлъ узнать адреса анархистовъ во всѣхъ странахъ, ему отказали, далеко не въ вѣжливой формѣ. Короче сказать, его разоблачили мѣсяца два спустя, и газета на слѣдующій день послѣ этого прекратилась. Года черезъ два Андріё издалъ свои записки, и въ нихъ онъ разсказалъ самъ о газетѣ, основанной имъ, и о взрывѣ, который устроили его агенты въ Парижѣ, подложивъ „начиненныя чѣмъ-то“ коробки отъ сардинокъ подъ памятникъ Тьера.

Можно себѣ представить, какую кучу денегъ стоило все это Франціи и другимъ націямъ.

Я могъ бы написать нѣсколько главъ на тему о шпіонахъ, но ограничусь только однимъ еще разсказомъ о двухъ авантюристахъ въ Клэрво.

Жена моя жила тогда въ единственной маленькой гостинницѣ, въ деревнѣ, выросшей въ тѣни тюремныхъ стѣнъ. Разъ хозяйка вошла къ ней въ комнату съ посланіемъ отъ двухъ господъ, которые только что прибыли въ гостинницу и желали видѣть мою жену. Хозяйка пустила въ ходъ все свое краснорѣчіе въ ихъ пользу.

— О! я знаю людей,—говорила она,—и могу васъ увѣрить, барыня, что это настоящіе господа, самые что ни на есть отмѣнные! Одинъ изъ нихъ иазываетъ себя германскимъ офицеромъ, но онъ, навѣрное, либо баронъ, либо „милордъ“, а другой—его переводчикъ. Они васъ знаютъ очень хорошо. Баронъ отправляется въ Африку,—быть можетъ, навсегда,—и желаетъ васъ видѣть передъ своимъ отъѣздомъ.

Жена моя взглянула на адресъ письма, на которомъ значилось такъ: „A madame principesse Kropotkine. Quand à voir?“ Ей не нужны были уже другія доказательства, чтобы убѣдиться, кто такіе эти „что ни на есть отмѣнные господа“. Что касается содержанія письма, то оно было еще хуже, чѣмъ адресъ. На перекоръ всѣмъ правиламъ грамматики и здравому смыслу, „баронъ“ писалъ о какомъ-то таинственномъ сообщеніи, которое желалъ ей передать. Жена рѣшительно отказалась принять автора письма и переводчика. Тогда „баронъ“ сталъ бомбардировать ее письмами, которыя она возвращала не вскрытыми. Вскорѣ вся деревня раздѣлилась на двѣ партіи: одна, во главѣ съ хозяйкой, стояла за барона, другая, съ хозяиномъ во главѣ,—противъ него. Въ деревнѣ циркулировала уже романтическая исторія:—баронъ зналъ мою жену, раньше чѣмъ она вышла за меня. Онъ танцовалъ съ ней много разъ

въ русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Онъ все еще влюбленъ въ нее, а она, жестокая, не позволяетъ ему даже взглянуть на себя передъ отправленіемъ въ опасную экспедицію!

Затѣмъ пошла въ ходъ таинственная исторія про мальчика, котораго мы, оказывается, скрывали. „Гдѣ ихъ мальчикъ?"—баронъ желалъ это знать. „У нихъ сынъ, которому теперь шесть лѣтъ. Гдѣ онъ?"—„Она никогда не разсталась бы съ сыномъ, если бы у нихъ былъ ребенокъ",—говорила одна партія. „Да, какъ бы не такъ, у нихъ есть мальчикъ, но они его прячутъ",—заявляла другая сторона.

Для насъ двухъ этотъ споръ былъ интереснымъ откровеніемъ. Онъ доказалъ намъ, что не только тюремное начальство читаетъ мои письма, но что ихъ содержаніе становится извѣстнымъ русскому посольству. Когда я былъ въ Ліонѣ, а жена поѣхала въ Швейцарію, чтобы повидаться съ Элизэ Реклю, она писала мнѣ разъ: „нашъ «мальчишка» процвѣтаетъ; здоровье его отлично. Вчера ему минуло пять лѣтъ, и мы провели весело вечеръ, празднуя его рожденіе". Я зналъ, что жена говоритъ о „Révolté", такъ какъ мы часто называли его „notre gamin", нашимъ мальчишкой.

Теперь, когда эти господа освѣдомлялись о „нашемъ мальчишкѣ" и точно указывали даже его возрастъ, было очевидно, что письмо побывало въ рукахъ не у одного тюремнаго смотрителя. Это слѣдовало принять къ свѣдѣнію.

Ничто не ускользаетъ отъ вниманія деревенскихъ жителей, и баронъ скоро вызвалъ нѣкоторыя подозрѣнія. Онъ написалъ женѣ новое письмо, еще болѣе краснорѣчивое, чѣмъ прежнія. Теперь онъ просилъ прощенія за то, что, добиваясь свиданія съ ней, выдавалъ себя за ея знакомаго. Онъ признавался, что она его не знаетъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ доброжелатель и долженъ сдѣлать важное сообщеніе. Жизнь моя подвергается большой опасности, о чемъ онъ и желаетъ предостеречь. Баронъ и секретарь его пошли въ поле, чтобы вмѣстѣ

прочесть письмо и посовѣтоваться на счетъ его содержанія. Лѣсной сторожъ слѣдовалъ за ними издали. Они не сошлись во взглядахъ на письмо, разорвали его и бросили въ полѣ. Тогда сторожъ обождалъ, покуда они скрылись изъ виду, подобралъ лоскутки и прочелъ письмо. Черезъ часъ вся деревня знала уже, что баронъ никогда не былъ знакомъ съ моей женой; романтическая исторія, которую съ такимъ чувствомъ передавала партія барона, разсѣялась, какъ дымъ.

— Ага! Въ такомъ случаѣ они — не то, за что себя выдаютъ,—заключилъ въ свою очередь brigadier de gendarmerie (жандармскій унтеръ-офицеръ).—Значитъ, они нѣмецкіе шпіоны,—и арестовалъ ихъ.

Нужно сказать въ защиту бригадье, что не задолго до того въ Клэрво дѣйствительно побывалъ нѣмецкій шпіонъ. Во время войны громадное тюремное зданіе, расположенное недалеко отъ границы, можетъ служить провіантскимъ депо или казармами для войска; поэтому германскій генеральный штабъ, конечно, желалъ знать внутреннее расположеніе зданія и военное его значеніе. И вотъ, разъ въ нашу деревню прибылъ веселый странствующій фотографъ; онъ завелъ дружбу со всѣми, снимая всѣхъ даромъ, и ему разрѣшили снять, не только тюремный дворъ, но даже камеры. Сдѣлавъ все это, онъ отправился въ другой городъ на восточной границѣ, и здѣсь его арестовали французскія власти, и нашли на немъ компрометирующіе военные документы. Бригадье, въ которомъ свѣжо еще было воспоминаніе о развязномъ фотографѣ, пришелъ къ заключенію, что баронъ и его секретарь тоже нѣмецкіе шпіоны, и доставилъ ихъ въ тюрьму, въ маленькій городокъ Баръ-сюръ-Объ. Тамъ ихъ освободили на другой же день, и мѣстная газета заявила, что задержанные—„не германскіе шпіоны, а лица, посланныя другой, болѣе дружественной державой“.

Теперь общественное мнѣніе всецѣло возстало противъ барона и его секретаря. Ихъ приключенія не кончились. Послѣ освобожденія, они зашли въ маленькое

деревенское кафэ и, за бутылкой вина, стали по нѣмецки отводить душу въ дружескомъ разговорѣ. „Ты дуракъ и трусъ,—говорилъ мнимый секретарь мнимому барону.— Будь я на твоемъ мѣстѣ, я угостилъ бы, вотъ изъ этого револьвера, слѣдственнаго судью. Пусть онъ только попробуетъ продѣлать тоже со мной: я ему всажу пулю въ лобъ",—и такъ далѣе.

Тѣмъ временемъ, странствующій приказчикъ, спокойно сидѣвшій въ углу, немедленно побѣжалъ къ бригадье и передалъ ему подслушанный разговоръ. Бригадье составилъ тутъ же протоколъ и снова арестовалъ секретаря, оказавшагося аптекаремъ изъ Страсбурга. Его доставили въ полицейскій судъ, въ тотъ же Баръ-сюръ-Объ, и присудили къ мѣсячному тюремному заключенію „за угрозы судьѣ, въ общественномъ мѣстѣ". Послѣ этого у барона были еще другія приключенія, и деревня приняла свой обычный спокойный видъ только послѣ отъѣзда обоихъ незнакомцевъ.

Эта шпіонская исторія имѣла комическій финалъ. Но сколько трагедій — ужасныхъ трагедій — создаютъ эти люди! Сколько драгоцѣнныхъ жизней погибло, сколько семействъ, счастье которыхъ разрушено — и все для того, чтобы подобные негодяи могли жить въ довольствѣ! Когда подумаешь о тысячахъ, разъѣзжающихъ всюду шпіоновъ, находящихся на содержаніи у всѣхъ правительствъ; о западняхъ, разставляемыхъ ими неосторожнымъ людямъ; о человѣческихъ жизняхъ, кончающихся трагически, благодаря имъ; когда вспомнишь о страданіяхъ, разсѣваемыхъ ими всюду на своемъ пути; о значительныхъ суммахъ, издерживаемыхъ на содержаніе этой гнусной арміи, вербуемой среди отбросовъ общества; о порокахъ, прививаемыхъ ими обществу вообще и въ частности отдѣльнымъ семьямъ; когда подумаешь обо всемъ этомъ, — нельзя не содрогнуться предъ тѣмъ непомѣрнымъ зломъ, которое идетъ отъ нихъ. И эта армія состоитъ не только изъ господъ, являющихся шпіонами политическими или военными. Въ Англіи есть газеты, въ особенности въ курортахъ, столбцы

которыхъ наполнены объявленіями „сыскныхъ агентуръ“, берущихся собирать весь необходимый матеріалъ для разводовъ, выслѣживающихъ мужей по порученію женъ, и женъ по порученію мужей, проникающихъ въ семьи, улавливающихъ глупцовъ и дѣлающихъ все, что угодно, лишь бы имъ платили. Люди скандализируются тѣми мерзостями системы шпіонства, которыя недавно раскрылись во Франціи въ высшихъ военныхъ сферахъ; но они не замѣчаютъ, что и среди нихъ,—быть можетъ, въ ихъ же домѣ — тайныя агенства, оффиціальныя и частныя, дѣлаютъ тоже самое, если еще не хуже.

XV

Требованія о нашемъ освобожденіи поднимались безпрестанно, какъ въ печати, такъ и въ палатѣ депутатовъ. Тѣмъ болѣе, что одновременно съ нами осудили Луизу Мишель... за грабежъ! Луизу Мишель, которая буквально отдаетъ послѣднюю свою шаль или накидку нуждающейся женщинѣ, а во время тюремнаго заключенія никогда не хотѣла имѣть лучшую пищу, чѣмъ другіе заключенные, и всегда отдавала другимъ то, что ей присылали, — и вдругъ ее присудили къ девяти-годичному заключенію, за открытый грабежъ! Это казалось несообразнымъ, даже для оппортюнистовъ буржуа. Дѣйствительно, Луиза Мишель стала разъ во главѣ процессіи безработныхъ и, войдя въ булочную, взяла нѣсколько хлѣбовъ, и раздѣлила ихъ между голодными:— въ этомъ заключался ея грабежъ. Освобожденіе анархистовъ превратилось, такимъ образомъ, въ боевой крикъ противъ правительства, и осенью 1885 года всѣхъ моихъ товарищей, за исключеніемъ троихъ, освободили декретомъ президента Греви. Тогда еще громче стали требовать, чтобы освободили Луизу Мишель и меня. Однако, противъ этого былъ Александръ III. Разъ премьеръ Фрейсинэ, отвѣчая на запросъ въ палатѣ, рѣшился даже сказать, что „дипломатическія осложненія препятствуютъ

освобожденію Кропоткина". Странныя слова въ устахъ перваго министра независимой страны! Но еще болѣе странныя слова говорились впослѣдствіи, со времени заключенія этого злосчастнаго союза между республиканскою Франціею и царскою Россіею. Наконецъ, въ срединѣ января 1886 года освободили Луизу Мишель, меня и трехъ товарищей, оставшихся со мною въ Клэрво.

Мое освобожденіе означало также освобожденіе моей жены, отъ ея добровольнаго заключенія въ деревушкѣ у тюремныхъ воротъ, которое начинало сказываться на ея здоровьѣ. Мы отправились въ Парижъ, чтобы провести нѣсколько недѣль у нашего друга Эли Реклю, извѣстнаго антрополога, котораго за предѣлами Франціи часто смѣшиваютъ съ его младшимъ братомъ, географомъ Элизэ. Тѣсная дружба съ ранняго дѣтства связывала обоихъ братьевъ. Когда пришло для нихъ время поступить въ университетъ, они пошли вмѣстѣ въ Страсбургъ, пѣшкомъ, изъ деревни, лежащей въ долинѣ Жиронды. Какъ настоящихъ странствующихъ студентовъ, ихъ сопровождала собака; и когда они останавливались въ деревняхъ, то чашку супа получалъ четвероногій товарищъ, тогда какъ ужинъ братьевъ зачастую состоялъ изъ хлѣба и нѣсколькихъ яблоковъ. Изъ Страсбурга молодые братья пошли въ Берлинъ, куда ихъ привлекли лекціи великаго Риттера. Впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, они оба были въ Парижѣ. Эли Реклю сталъ убѣжденнымъ фурьеристомъ; оба видѣли въ движеніи 1848 года наступленіе новой эры. Вслѣдствіе этого, послѣ coup d'état Наполеона III, они вынуждены были оставить Францію и эмигрировали въ Англію.

Послѣ амнистіи, братья Реклю возвратились въ Парижъ, гдѣ Эли издавалъ фурьеристскую кооперативную газету, которая пользовалась широкимъ распространеніемъ среди работниковъ. Замѣчу кстати, что Наполеонъ III, игравшій, какъ извѣстно, роль Цезаря и, какъ подобаетъ Цезарю, интересовавшійся положеніемъ рабочихъ классовъ, отправлялъ одного изъ своихъ адъютан-

товъ въ типографію газеты, каждый разъ, когда она должна выйти, чтобы привезти въ Тюльери первый экземпляръ, прямо изъ подъ станка. Потомъ Наполеонъ III готовъ былъ даже покровительствовать Международному Союзу Рабочихъ, подъ условіемъ, что онъ выразитъ, въ одномъ изъ своихъ бюллетеней, въ нѣсколькихъ словахъ довѣріе къ великимъ соціальнымъ реформамъ Цезаря. Но Интернаціоналъ наотрѣзъ отказался, и Наполеонъ приказалъ начать противъ него судебное преслѣдованіе.

Когда провозглашена была коммуна, оба брата всѣмъ сердцемъ присоединились къ ней. Эли принялъ постъ консерватора національной библіотеки и луврскаго музея, подъ управленіемъ Вальяна. Въ значительной степени, благодаря его предусмотрительности и неусыпнымъ трудамъ, уцѣлѣли, во время бомбардированія Парижа и послѣдовавшихъ затѣмъ пожаровъ, несмѣтныя сокровища человѣческаго знанія и искусства, собранныя въ этихъ двухъ учрежденіяхъ. Страстный поклонникъ античнаго искусства и глубокій знатокъ его, онъ упаковалъ всѣ наиболѣе цѣнныя статуи и вазы Лувра и спряталъ ихъ въ подвалахъ зданія. Онъ принялъ величайшія предосторожности, чтобы укрыть въ безопасномъ мѣстѣ наиболѣе драгоцѣнныя книги національной библіотеки и чтобы спасти зданіе отъ пожаровъ, свирѣпствовавшихъ кругомъ. Жена его, мужественная женщина, достойная подруга философа, сопровождаемая на улицѣ двумя своими маленькими мальчиками, устраивала тѣмъ временемъ въ своемъ кварталѣ систему столовыхъ для народа, который во время второй осады доведенъ былъ до крайней степени нужды. Въ послѣднія недѣли своего существованія Коммуна поняла, наконецъ, что главной ея заботой должно бы быть снабженіе пищей народа, лишеннаго возможности зарабатывать себѣ хлѣбъ, и добровольцы вызвались выполнить это. Только по чистой случайности Эли Реклю, занимавшій свой постъ до послѣдняго момента, не былъ разстрѣлянъ версальцами. Его приговорили къ каторгѣ за то, что онъ дерзнулъ

принять отъ коммуны столь необходимый постъ. Но онъ скрылся и перебрался съ семьей въ Англію. Теперь, возвратившись въ Парижъ, онъ принялся за трудъ всей жизни — за этнографію. О достоинствахъ этого труда можно судить по немногимъ главамъ, изданнымъ отдѣльно, подъ названіемъ „Les Primitifs“ и „Les Australiens“, а также по исторіи происхожденія религій, которую онъ излагаетъ въ лекціяхъ, въ Брюсселѣ, въ основанной его братомъ Ecole des Hautes Etudes. Во всей этнографической литературѣ не много найдется произведеній, до такой степени проникнутыхъ симпатіей къ дикарямъ и пониманіемъ ихъ. Что касается до исторіи религій (часть ея была напечатана въ журналѣ Société Nouvelle, выходившемъ потомъ подъ названіемъ Humanité Nouvelle), то это, по моему мнѣнію, лучшій трудъ, появившійся по этому вопросу. Безъ сомнѣнія, трудъ Реклю лучше попытки Спенсера въ томъ же родѣ, потому что англійскій философъ, несмотря на весь свой мощный умъ, не обладаетъ тою способностью пониманія безъискусственной и простой натуры первобытнаго человѣка, которая такъ развита въ Эли Реклю. Ко всему этому Эли присоединяетъ еще глубокое знаніе, мало разработанной вѣтви народной психологіи—развитія и преобразованія вѣрованій. Нечего и говорить о замѣчательной добротѣ и скромности Эли Реклю или о его сильномъ умѣ и глубокомъ пониманіи всего, касающагося развитія человѣчества. Все это видно въ его стилѣ, не имѣющемъ себѣ равнаго. По своей скромности, спокойствію движеній и глубокой философской прозорливости, онъ — типичный древне-греческій философъ. Въ обществѣ, менѣе увлеченномъ методами патентованнаго образованія и отрывочнаго знанія, и болѣе цѣнящемъ развитіе широкихъ гуманитарныхъ понятій — Эли Реклю былъ бы окруженъ, какъ бывали его древніе предшественники, множествомъ учениковъ. Мы, русскіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, съ благодарностью вспоминаемъ его прекрасныя политическія письма изъ Парижа, печатавшіяся въ *Дѣлѣ*, за подписью „Жакъ Лефрель“.

Въ то время, какъ мы жили въ Парижѣ, здѣсь росло оживленное анархическое и соціалистическое движеніе. Луиза Мишель читала лекціи каждый вечеръ, и ее восторженно принимала публика, какъ рабочая, такъ и буржуазная. И безъ того широкая популярность Луизы еще больше увеличивалась, и распространилась даже среди студентовъ, которые, быть можетъ, ненавидѣли ея крайніе взгляды, но преклонялись предъ ней, какъ предъ идеальной женщиной. Когда я былъ въ Парижѣ, произошла даже драка въ кафэ, потому что одинъ изъ присутствующихъ отозвался непочтительно о Луизѣ Мишель въ присутствіи студентовъ. Молодые люди ополчились въ ея защиту, пустились въ драку и разгромили всѣ столы и стулья. Я также прочелъ одну лекцію, объ анархизмѣ, предъ публикой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и оставилъ немедленно Парижъ, прежде чѣмъ правительство успѣло послушать реакціонную и руссофильскую прессу, настаивавшую на моемъ изгнаніи изъ Франціи.

Изъ Парижа мы отправились въ Лондонъ, гдѣ я еще разъ встрѣтилъ моихъ старыхъ друзей, Степняка и Чайковскаго. Соціалистическое движеніе было теперь въ полномъ разгарѣ, и жизнь въ Лондонѣ больше не была для меня скучнымъ, томительнымъ прозябаніемъ, какъ четыре года тому назадъ. Мы поселились въ маленькомъ котэджѣ, въ Харро, подъ Лондономъ. Меблировка насъ мало заботила. Значительную часть ея мы смастерили съ Чайковскимъ. Онъ, тѣмъ временемъ, побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ научился немного столярничать. Мы съ женой были также очень рады, что при домѣ оказался клочекъ земли. Хотя то была тяжелая мидльсекская глина, но мы съ большимъ увлеченіемъ стали огородничать и получали великолѣпные результаты, которые слѣдовало предвидѣть послѣ знакомства съ сочиненіемъ Тубо и нѣкоторыми парижскими огородниками, а также и послѣ нашихъ собственныхъ опытовъ въ тюремномъ саду, въ Клэрво. Что касается до моей жены, которая перенесла тифъ, вскорѣ послѣ того, какъ

мы поселились въ Харро, то работа въ саду въ періодѣ выздоровленія лучше помогла ей укрѣпиться въ силахъ, чѣмъ пребываніе въ самомъ лучшемъ санаторіумѣ.

Въ концѣ лѣта насъ сразилъ страшный ударъ. Мы узнали, что моего брата Александра нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ за-границей, до моего заключенія во Франціи, мы никогда не переписывались. Въ глазахъ русскаго правительства—любить брата, котораго преслѣдуютъ за политическія убѣжденія, уже тяжелый грѣхъ. Поддерживать же съ нимъ сношенія, когда онъ въ изгнаніи—преступленіе. Подданный царя обязанъ ненавидѣть всѣхъ, возмутившихся противъ верховной воли, а братъ находился въ лапахъ русской полиціи. Я упорно отказывался, поэтому, писать ему или кому нибудь изъ моихъ родственниковъ. Послѣ того, какъ царь отвѣтилъ на прошеніе сестры Елены: „пусть посидитъ", оставалось очень мало надежды на скорое освобожденіе брата. Впослѣдствіи назначена была комиссія для опредѣленія сроковъ административно-ссыльнымъ въ Сибири, и брату назначили пять лѣтъ. Съ тѣми двумя годами, которые онъ уже пробылъ въ ссылкѣ—это составляло семь. При Лорисѣ-Меликовѣ назначена была другая комиссія, которая прибавила еще пять лѣтъ. Братъ, такимъ образомъ, кончалъ срокъ въ октябрѣ 1886 года, отбывши двѣнадцать лѣтъ ссылки, сперва въ Минусинскѣ, а потомъ въ Томскѣ. Здѣсь, въ низменностяхъ Западной Сибири, онъ не могъ даже пользоваться здоровымъ климатомъ высокихъ степей.

Когда я сидѣлъ въ Клэрво, братъ написалъ мнѣ, и мы обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ писалъ, что такъ какъ наши письма будутъ читаться жандармами въ Сибири и тюремными властями во Франціи, то мы можемъ, наконецъ, переписываться подъ этимъ двойнымъ надзоромъ. Онъ писалъ о своей семейной жизни, о своихъ троихъ дѣтяхъ, которыхъ описывалъ очень хорошо, и о своей работѣ. Онъ очень совѣтовалъ

мнѣ, внимательно слѣдить за развитіемъ науки въ Италіи, гдѣ производятся превосходныя и оригинальныя изслѣдованія, которыя остаются неизвѣстны ученому міру, покуда ихъ не используютъ въ Германіи. Высказывалъ онъ также свое мнѣніе о вѣроятномъ ходѣ политической жизни въ Россіи. Онъ не вѣрилъ въ возможность у насъ, въ ближайшемъ будущемъ, конституціоннаго порядка по образцу западно-европейскихъ парламентовъ; но онъ ждалъ (и считалъ вполнѣ достаточнымъ для настоящаго времени) созыва Земскаго Собора. Соборъ не имѣлъ бы законодательной власти, но только подготовлялъ бы проэкты законовъ, которымъ Государственный Совѣтъ и императорская власть давали бы окончательную форму и утвержденіе.

Больше всего онъ писалъ мнѣ о своихъ научныхъ работахъ. Братъ всегда питалъ особенную склонность къ астрономіи, и когда мы были въ Петербургѣ, онъ напечаталъ по русски отличный сводъ всего того, что извѣстно о падающихъ звѣздахъ. При помощи своего тонкаго критическаго ума онъ скоро различалъ сильныя и слабыя стороны различныхъ гипотезъ и, безъ достаточнаго знанія математики, лишь при помощи сильнаго воображенія, онъ схватывалъ результаты самыхъ запутанныхъ математическихъ изслѣдованій. Живя воображеніемъ среди вращающихся небесныхъ тѣлъ, онъ часто постигалъ ихъ сложныя движенія, лучше нѣкоторыхъ математиковъ—въ особенности, чистыхъ алгебраистовъ, которые часто теряютъ изъ виду дѣйствительности физическаго міра и видятъ только свои формулы и логическіе выводы изъ нихъ. Наши петербургскіе астрономы говорили съ большимъ уваженіемъ о работѣ брата. Въ Сибири онъ принялся изучать строеніе вселенной и взялся за разборъ данныхъ и гипотезъ о мірахъ солнцъ, о звѣздныхъ кучахъ и туманностяхъ, разбросанныхъ въ безконечномъ пространствѣ. Онъ старался угадать ихъ вѣроятныя взаимныя отношенія, ихъ жизнь и законы ихъ развитія и исчезновенія. Пулковскій астрономъ Гильденъ съ большимъ уваженіемъ отозвался объ этой новой

работѣ Александра и познакомилъ его письменно съ американскимъ астрономомъ, Хольденомъ, лестное мнѣніе котораго о работахъ брата я имѣлъ удовольствіе слышать лично недавно въ Вашингтонѣ. Время отъ времени наукѣ нужны именно подобныя обобщенія широкаго размаха, произведенныя добросовѣстнымъ, трудолюбивымъ умомъ, одареннымъ и критическимъ духомъ и воображеніемъ.

Но въ небольшомъ сибирскомъ городѣ, вдали отъ библіотекъ, лишенный возможности слѣдить за прогрессомъ науки, братъ успѣлъ только разобрать въ своей работѣ изысканія, произведенныя до его ссылки. Послѣ этого появилось, однако, нѣсколько капитальныхъ сочиненій. Александръ зналъ о нихъ; но какъ доставать необходимыя книги, покуда онъ находился въ Сибири? Окончаніе срока ссылки не внушало ему радужныхъ надеждъ. Онъ зналъ, что ему не позволятъ жить въ университетскихъ городахъ и не пустятъ также за-границу:—что за сибирской ссылкой послѣдуетъ другая, быть можетъ еще худшая, въ какой нибудь захолустный городокъ въ Восточной Россіи. Отчаяніе овладѣвало имъ.—„На меня нападаетъ порою фаустовская тоска,“—писалъ онъ мнѣ. Когда срокъ ссылки подходилъ къ концу, братъ отправилъ жену и дѣтей въ Россію, съ послѣднимъ пароходомъ передъ закрытіемъ навигаціи. И въ одну темную ночь фаустовская тоска положила конецъ его жизни...

Туча мрачнаго горя висѣла надъ нашимъ домикомъ нѣсколько долгихъ мѣсяцевъ, до тѣхъ поръ, покуда лучъ свѣта прорѣзалъ ихъ. Въ слѣдующую весну на свѣтъ явилось маленькое существо, дѣвочка, носящая имя брата. И ея безпомощный крикъ затронулъ въ моемъ сердцѣ новую, невѣдомую до тѣхъ поръ струну.

XVI

Въ 1886 году соціалистическое движеніе въ Англіи находилось въ полномъ ходу. Многочисленныя группы работниковъ открыто присоединялись къ нему въ главныхъ городахъ. Представители среднихъ классовъ—въ особенности, молодежь — всячески ему помогали. Въ томъ году во многихъ отрасляхъ промышленности господствовалъ сильный кризисъ. Каждое утро, а иногда и весь день, я слышалъ, какъ на улицахъ партіи работниковъ распѣвали: „У насъ нѣтъ работы“, или какой нибудь гимнъ, и молили о хлѣбѣ. Много народа проводило ночи на Трафальгаръ-сквэрѣ, въ дождь и вѣтеръ, прикрывшись газетнымъ листомъ. И разъ, въ февралѣ, толпа, выслушавъ рѣчи Бёрнса, Гайндмана и Чэмпіона, бросилась на Пиккадилли —одну изъ самыхъ богатыхъ улицъ Лондона—и разбила нѣсколько стеколъ въ громадныхъ магазинахъ. Гораздо большее значеніе, чѣмъ этотъ взрывъ неудовольствія, имѣлъ, впрочемъ, тотъ духъ, который господствовалъ среди бѣднѣйшей части рабочаго населенія на окраинахъ Лондона. Онъ былъ таковъ, что если бы вожаки движенія, которыхъ привлекли къ отвѣтственности за мятежъ, получили суровые приговоры, то пробудился бы, дотолѣ неизвѣстный въ послѣднихъ рабочихъ движеніяхъ Англіи духъ ненависти и мести—симптомы его были ясно видимы въ 1886 году,—и онъ наложилъ бы тогда свой отпечатокъ на долгое время, на всѣ послѣдующія движенія. Но средніе классы поняли опасность. Немедленно въ Вэстъ-эндѣ собраны были громадныя суммы для облегченія нищеты въ Истъ-эндѣ. Конечно, этихъ денегъ совершенно не хватало, чтобы облегчить широко распространенную нищету; но ихъ было достаточно, чтобы проявить хорошія намѣренія. Что касается до арестованныхъ агитаторовъ, то ихъ приговорили—на основаніи тѣхъ же соображеній—только къ двухъ и трехъ мѣсячному тюремному заключенію.

Во всѣхъ слояхъ общества заинтересовались тогда соціализмомъ и различными проэктами реформъ и преобразованія общества. Осенью, затѣмъ зимою, ко мнѣ постоянно обращались съ предложеніями читать лекціи. Такимъ образомъ я объѣхалъ почти всѣ большіе города Англіи и Шотландіи, читая отчасти о тюрьмахъ, но больше всего объ анархическомъ соціализмѣ. Такъ какъ я обыкновенно принималъ первое сдѣланное мнѣ предложеніе гостепріимства послѣ окончанія лекціи, то мнѣ приходилось иногда ночевать въ богатомъ дворцѣ, а на другой день въ бѣдномъ жилищѣ рабочаго. Каждый вечеръ я видѣлся послѣ лекціи со множествомъ народа, принадлежавшаго къ самымъ различнымъ классамъ. И, въ скромной ли комнатѣ рабочаго, или въ гостинной богача, завязывалась одинаково оживленная бесѣда о соціализмѣ и анархизмѣ, продолжавшаяся до глубокой ночи, пробуждая надежды въ котеджахъ и опасенія въ богатыхъ домахъ. Всюду она велась съ одинаковой серьезностью.

У богачей, главный вопросъ былъ: „чего желаютъ соціалисты? Что они намѣреваются сдѣлать?“ Затѣмъ слѣдовало: „какія уступки абсолютно необходимо будетъ сдѣлать въ извѣстный моментъ, для избѣжанія серьезнаго столкновенія?“ Во время этихъ разговоровъ мнѣ рѣдко приходилось слышать, чтобы требованія соціалистовъ назывались несправедливыми или вздорными; но я находилъ также повсемѣстно твердую увѣренность въ томъ, что революція въ Англіи невозможна, и что требованія большинства рабочихъ еще не достигли, ни того размѣра, ни той точности, которые высказываются въ требованіяхъ соціалистовъ. „Рабочіе—говорили мнѣ—удовлетворятся гораздо меньшимъ, и второстепенныя уступки, обезпечивающія легкое увеличеніе ихъ благосостоянія и немного большій досугъ, они примутъ, какъ временный залогъ еще лучшаго будущаго“. „Англія—страна лѣваго центра и мы живемъ компромисами“,—замѣтилъ мнѣ разъ одинъ старый членъ парламента, который изъ долгаго опыта хорошо зналъ свою страну“.

Въ жилищахъ работниковъ, ко мнѣ также обращались съ другими вопросами, чѣмъ во Франціи и въ Швейцаріи. Работниковъ латинской расы глубоко интересуетъ общіе принципы; частныя-же измѣненія опредѣляются самими этими принципами. Если какой-нибудь городской совѣтъ отпускаетъ деньги на поддержаніе стачки, или устраиваетъ безплатныя столовыя для дѣтей въ школахъ, то этимъ фактамъ не придаютъ важнаго значенія. Ихъ считаютъ вполнѣ естественными. „Это само собою разумѣется: голодный ребенокъ не можетъ учиться",—скажетъ французскій рабочій. „Нужно же его накормить". А по поводу ассигнованія денегъ на стачку Городскою Думою, онъ замѣтитъ: „хозяинъ, конечно, былъ неправъ, коли довелъ рабочихъ до этой стачки: ихъ слѣдовало поддержать". Этимъ и ограничатся всѣ разговоры. Вообще, рабочіе не придаютъ никакого значенія ничтожнымъ уступкамъ въ пользу коммунизма, дѣлаемымъ въ нынѣшнемъ индивидуалистическомъ обществѣ. Мысль рабочаго забѣгаетъ впередъ. Онъ спрашиваетъ себя,—„Если переходить къ соціалистическому строю, то кто долженъ будетъ предпринять организицію производства: община, союзы рабочихъ, Городская Дума или государство? Достаточно ли одного свободнаго соглашенія для поддержанія общественнаго строя? Каковъ будетъ нравственный двигатель, который замѣнитъ существующее нынѣ въ обществѣ принудительное начало? Можетъ ли выборное демократическое правительство выполнить необходимыя глубокія измѣненія въ соціалистическомъ направленіи, и не долженъ ли будетъ свершившійся фактъ—захватъ собственности—предшествовать законодательнымъ реформамъ?

Въ Англіи же, наоборотъ, больше всего заботились о томъ, чтобы получить рядъ уступокъ и палліативовъ. Но, съ другой стороны, рабочіе давно уже рѣшили невозможность соціализаціи государствомъ производства, и больше всего ихъ интересовала созидательная дѣятельность рабочаго движенія, а равно и средства, которыя могли бы привести къ осуществленію ихъ желаній.

— „Хорошо, Кропоткинъ, предположимъ, завтра мы овладѣемъ доками въ нашемъ городѣ. Какъ, думаете вы, управлять ими?"—задавался мнѣ, напримѣръ, вопросъ, какъ только мы усаживались въ комнатѣ рабочаго. Или же я слышалъ слѣдующее: „Намъ не нравится государственное завѣдываніе желѣзными дорогами. Нынѣшнее же нахожденіе ихъ въ рукахъ отдѣльныхъ компаній—не что иное, какъ организованный грабежъ. Но предположимъ, что рабочіе завладѣли желѣзными дорогами. Какъ организовать пользованіе ими?" Недостатокъ общихъ идей замѣнялся, такимъ образомъ, желаніемъ глубже проникнуть въ живыя подробности и частности.

Другою характерною чертою движенія въ Англіи было значительное число лицъ изъ среднихъ классовъ, поддерживавшихъ его всякимъ образомъ. Одни изъ нихъ открыто присоединялись къ движенію, другіе косвенно помогали ему. Во Франціи и въ Швейцаріи обѣ партіи, рабочіе и средніе классы, стояли въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга, рѣзко раздѣленные на два лагеря. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ 1876—1885 годахъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, то знакомства мои были исключительно среди работниковъ; врядъ ли я имѣлъ двухъ, или трехъ знакомыхъ изъ среднихъ классовъ. Въ Англіи это было бы невозможно. Значительное число мужчинъ и женщинъ изъ буржуазіи, не колеблясь, открыто, появлялись въ Лондонѣ и въ провинціи нашими помощниками при устройствѣ соціалистическихъ митинговъ, при сборѣ въ паркахъ денегъ въ пользу стачечниковъ; секретарями въ секціяхъ, организаторами манифестацій. Кромѣ того мы видѣли зачатки движенія „въ народъ", подобнаго тому, которое совершалось въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ, хотя не такого глубокаго, не проникнутаго такимъ самоотреченіемъ, а также не лишеннаго характера „благотворительности", которое совершенно отсутствовало у насъ. Въ Англіи, тоже, многіе искали всякіе способы сближенія съ рабочими, посѣщая для этого трущобы, устраи-

вая народные университеты, Тойнби-Холлъ и прочее. Нужно сказать, что тогда существовалъ значительный порывъ энтузіазма. Многіе изъ образованныхъ классовъ думали, безъ сомнѣнія, что соціальная революція уже начинается, какъ это думалъ герой комедіи Вильяма Морриса, „Tables Turned“, у котораго вырывается фраза „революція не только приближается, — она уже началась“. Случилось, однако, то, что всегда бываетъ съ подобными энтузіастами: когда они увидали, что въ Англіи, какъ и всюду, нужна долгая, упорная предварительная работа, чтобы преодолѣть всѣ препятствія, значительная часть ихъ удалилась отъ борьбы. Теперь они довольствуются ролью сочуствующихъ зрителей.

XVII

Я принялъ живое участье въ этомъ движеніи, и съ нѣсколькими англійскими товарищами мы основали, въ дополненіе къ существующимъ уже тремъ соціалистическимъ газетамъ,—анархическое ежемѣсячное изданіе „Freedom“, которое живетъ и до сихъ поръ. Въ то же время я опять принялся за научную разработку анархизма, которая была прервана моимъ арестомъ. Критическая часть моей работы была издана Элизе Реклю, когда я находился въ Клэрво, подъ заглавіемъ „Paroles d'un Révolté“. Теперь, я принялся разрабатывать созидательную часть анархически-коммунистическаго общества, на сколько его можно предвидѣть, и излагалъ свои взгляды въ рядѣ статей въ „La Révolté“ (Нашъ „мальчишка“, котораго преслѣдовали за противно-военную пропаганду, долженъ былъ перемѣнить заголовокъ и теперь сталъ дѣвочкой). Впослѣдствіи, эти статьи, въ переработанномъ видѣ, вышли отдѣльной книгой, подъ названіемъ „La Conquête du Pain“ (въ русскомъ переводѣ „Хлѣбъ и Воля“, 1902).

Эти работы заставили меня изучить болѣе внимательно нѣкоторые пункты экономической жизни современныхъ

народовъ. Большинство соціалистовъ говорило до сихъ поръ, что современное цивилизованное общество производитъ гораздо больше, чѣмъ требуется для обезпеченія благосостоянія всѣхъ, и что неправильно только распредѣленіе. И когда,—говорили они,—произойдетъ соціальная революція, то каждому останется только возвратиться на свою фабрику или въ мастерскую. Общество само завладѣетъ „прибавочной стоимостью“, или прибылью, идущею теперь капиталисту. Я, напротивъ, думалъ, что при современной системѣ частной собственности само производство приняло ложное направленіе и совершенно недостаточно, даже для удовлетворенія первыхъ жизненныхъ потребностей: частная собственность прями-таки мѣшаетъ даже этому удовлетворенію. Ни одинъ изъ продуктовъ не производится въ большемъ количествѣ, чѣмъ его требуется для удовлетворенія всѣхъ потребностей. „Перепроизводство“, о которомъ такъ часто говорятъ, означаетъ только то, что массы слишкомъ бѣдны и не въ состояніи купить предметовъ даже первой необходимости, въ которыхъ сильно нуждаются. А между тѣмъ, во всѣхъ образованныхъ странахъ производство, какъ промышленное, такъ и земледѣльческое, должно и очень легко можетъ быть увеличено до такаго уровня, чтобы обезпечить довольство для всѣхъ. Это повело меня къ изученію того, чѣмъ можетъ стать современное земледѣліе, а также—какъ переустроить образованіе на новыхъ началахъ, чтобы дать возможность каждому заняться пріятной физической и умственной работой. Я развилъ эти взгляды въ рядѣ статей, появившихся въ „Nineteenth Century“ и вышедшихъ потомъ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ „„Fields, Factories and Workshops“ (въ русскомъ переводѣ А. Коншина, „Земледѣліе“).

Другой важный вопросъ привлекъ затѣмъ мое вниманіе. Извѣстно, къ какимъ выводамъ пришло большинство послѣдователей Дарвина,—даже такихъ умныхъ, какъ Гексли,—въ толкованіи его формулы, „борьба за существованіе“. Нѣтъ такого насилія бѣлыхъ на-

родовъ надъ черными, или же сильныхъ по отношенію къ слабымъ, котораго не старались бы оправдать знаменитою формулою.

Уже во время моего пребыванія въ Клэрво я чувствовалъ, что необходимо совершенно пересмотрѣть самое понятіе „борьбы за жизнь“ въ мірѣ животныхъ, а тѣмъ болѣе его приложенія къ міру человѣческому. Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи нѣкоторыми соціалистами, положительно не удовлетворяли меня, и я думалъ объ этомъ вопросѣ, когда нашелъ, въ рѣчи русскаго зоолога, профессора Кесслера, произнесенной на съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, новое, превосходное пониманіе борьбы за существованіе. „Взаимная помощь,—говорилъ онъ,—такой же естественный законъ, какъ и взаимная борьба; но для *прогрессивнаго* развитія вида, первая несравненно важнѣе второй“.

Эта мысль, которую Кесслеръ доказывалъ, къ сожалѣнію, лишь весьма немногими фактами (зоологъ Сѣверцевъ сейчасъ же принялъ ее и подтвердилъ двумятремя примѣрами), явилась для меня ключомъ ко всей задачѣ. Я сталъ собирать матеріалы, а когда Гекели выступилъ, въ 1888 году, со своею жестокою статьею—„The Struggle for Existence: a Program“ (Борьба за существованіе: программа дѣятельности“),—я рѣшился, наконецъ, изложить въ удобо-читаемой формѣ матеріалы, которые набрались у меня за послѣдніе два-три года, и выставить мои возраженія противъ ходячаго пониманія борьбы за жизнь между животными и между людьми. Я сказалъ объ этомъ нѣкоторымъ моимъ друзьямъ; но скоро убѣдился, что „борьба за существованіе“, истолкованная, какъ боевой кличъ: „горе слабымъ!“ и возведенная на степень „естественнаго закона“, освященнаго наукой,—пустила въ Англіи такіе глубокіе корни, что превратилась почти въ канонъ. Только два человѣка ободряли меня выступить противъ этого ложнаго толкованія фактовъ природы. Издатель „Nineteenth Century“, Джемсъ Ноульзъ (Knowles), со

своей замѣчательной проницательностью, тотчасъ усмотрѣлъ важность вопроса и сталъ убѣждать меня, съ чисто юношескою пылкостью, взяться за эту работу; а другой былъ—Бэтсъ, авторъ хорошо извѣстной у насъ книги, „Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ“. Онъ, какъ извѣстно, много лѣтъ собиралъ факты, на которыхъ Дарвинъ и Уолласъ построили свои великія обобщенія, и Дарвинъ, въ своей автобіографіи, говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ умныхъ людей, которыхъ когда либо встрѣчалъ. Бэтсъ былъ секретаремъ географическаго общества, и я зналъ его. Когда я ему сообщилъ о моемъ намѣреніи, онъ пришелъ въ восторгъ.—„Да, непремѣнно сдѣлайте эту работу,“—говорилъ онъ. „Это—настоящій дарвинизмъ. Просто стыдно подумать, что *они* сдѣлали изъ идей Дарвина. Пишите вашу книгу, а когда вы ее издадите, я вамъ пришлю письмо, которое вы можете напечатать“. Лучшаго поощренія нельзя было пожелать, и я приступилъ къ работѣ, которая появилась въ „Nineteenth Century“ подъ заглавіями: „Взаимопомощь у животныхъ, у дикарей, у варваровъ, въ средневѣковомъ городѣ и въ современномъ обществѣ“, а потомъ книгою, „Mutual Aid: a factor of Evolution“ (въ русскомъ переводѣ А. Николаева „Взаимопомощь среди животныхъ и людей“). Къ сожалѣнію, я не послалъ Бэтсу двухъ первыхъ статей, о взаимной помощи у животныхъ, хотя онѣ вышли еще при его жизни. Я надѣялся скоро закончить вторую часть труда, посвященную взаимной помощи у людей; но мнѣ понадобилось для этого нѣсколько лѣтъ, а тѣмъ временемъ Бэтсъ умеръ.

Изысканія, которыя мнѣ пришлось сдѣлать, чтобы ознакомиться съ учрежденіями варварскаго періода и вольныхъ средневѣковыхъ городовъ, привели меня къ другимъ интереснымъ изслѣдованіямъ, а именно, о роли государства въ Европѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, со времени послѣдняго его проявленія. Съ другой стороны, изученіе учрежденій взаимопомощи въ различные фазисы цивилизаціи привело меня къ изы-

сканіямъ о развитіи, въ человѣчествѣ, идей справедливости и нравственности. Я изложилъ эти работы въ двухъ лекціяхъ. Одна изъ нихъ озаглавлена „Государство и его роль въ исторіи"; другая называется „Справедливость и Нравственность". Въ ней я набросалъ свое пониманіе этики, т. е. общественной нравственности вообще, а эти послѣдніе три года я занялся болѣе полною разработкою мыслей, высказанныхъ въ этой лекціи.

За послѣдніе десять лѣтъ развитіе соціализма въ Англіи приняло новый характеръ. Тѣ, которые принимаютъ во вниманіе одно лишь число соціалистическихъ и анархическихъ собраній, и число слушателей, привлекаемыхъ ими, готовы заключить, что соціалистическая пропаганда идетъ на убыль; а тѣ, которые судятъ объ успѣхахъ идеи по числу голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, домогающихся представлять соціализмъ въ парламентѣ,—приходятъ къ заключенію, что соціалистическая пропаганда вотъ-вотъ исчезнетъ въ Англіи. Но о глубинѣ и ширинѣ распространенія соціалистическихъ воззрѣній нельзя судить по числу лицъ, приходящихъ на собранія, и еще меньше—по числу голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ, въ большей или меньшей мѣрѣ выставляющихъ въ своихъ программахъ требованія соціалистовъ. Въ особенности, это было бы невѣрно въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ трехъ соціалистическихъ направленій, разработанныхъ Фурье, Сэнъ-Симономъ и Робертомъ Оуэномъ,—въ Англіи и въ Шотландіи господствуетъ послѣднее. Поэтому, о силѣ движенія нужно судить, не столько по числу митинговъ и по количеству голосовъ, сколько по проникновенію соціалистическихъ идей въ рабочіе союзы, въ кооперативныя общества и въ такъ-называемый муниципальный соціализмъ, а также въ умы народа вообще во всей странѣ. Въ однихъ умахъ эти воззрѣнія вполнѣ сознательны, въ другихъ они еще очень неопредѣленны; но для всѣхъ они уже начинаютъ служить мѣркой при оцѣнкѣ экономическихъ и политическихъ явленій.

Разсматривая Англію съ этой точки зрѣнія, мы найдемъ, конечно, что соціалистическія идеи значительно распространились здѣсь, сравнительно съ 1886-мъ годомъ. И я скажу даже, не колеблясь, что ихъ распространеніе громадно, сравнительно съ тѣмъ, что оно было въ 1876—1882 годахъ. Могу прибавить также, что постоянныя усилія маленькихъ анархическихъ группъ содѣйствовали развитію и распространенію идей объ устраненіи всякаго правительства, о правахъ личности, о независимости мѣстныхъ организацій и о возможности свободнаго соглашенія. Вспомнивши, какія царили повсюду, двадцать лѣтъ тому назадъ, воззрѣнія о всесильномъ государствѣ, о централизаціи и дисциплинѣ,— мы смѣло можемъ сказать, что не потеряли даромъ своего времени.

Вся Европа переживаетъ теперь очень скверный моментъ—развитія военщины. Она—неизбѣжное послѣдствіе побѣды, одержанной надъ Франціей, въ 1871 году, военною германскою имперіею, съ ея системой всеобщей воинской повинности. И она была предсказана, тогда-же, въ особенности Бакунинымъ. Но противоположное теченіе начинаетъ уже намѣчаться.

Что же касается коммунистическихъ идей, то съ тѣхъ поръ, какъ ихъ стали проповѣдывать, не въ ихъ казарменной или монастырской формѣ, а въ формѣ общиннаго, вольнаго соглашенія, онѣ невѣроятно широко распространились въ Европѣ и въ Америкѣ. Я могъ убѣдиться въ этомъ во-очію, за послѣднія двадцать семь лѣтъ, что принимаю активное участіе въ соціалистическомъ движеніи. Когда я вспоминаю о неопредѣленныхъ, смутныхъ, робкихъ идеяхъ, выраженныхъ работниками на первыхъ конгрессахъ Интернаціонала, или обращавшихся въ Парижѣ во время Коммуны, даже среди наиболѣе выдающихся людей, и когда я сравниваю ихъ съ мыслями, распространенными теперь среди громаднаго числа рабочихъ,—я долженъ сказать, что мнѣ онѣ представляются принадлежащими къ двумъ, совершенно различнымъ мірамъ.

Нѣтъ періода въ исторіи,—за исключеніемъ, быть можетъ, революціоннаго періода XII-го вѣка, вызвавшаго образованіе средневѣковыхъ вѣчевыхъ городовъ,—во время котораго идеи общественности пережили бы такое-же коренное преобразованіе. И теперь, на шестидесятомъ году жизни, я еще болѣе глубоко убѣжденъ, чѣмъ былъ тридцать лѣтъ назадъ, что положеніе Европы таково, что чисто-случайное совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ можетъ вызвать революцію, которая также быстро распространится по всѣмъ странамъ, какъ революція 1848 года, но будетъ имѣть при томъ гораздо болѣе глубокое значеніе: она представитъ міру—не простую борьбу между враждебными политическими партіями, но быстрое и рѣшительное преобразованіе всего общественнаго строя. И я глубоко убѣжденъ, что какой-бы характеръ не приняло это движеніе въ различныхъ странахъ,—всюду, въ каждой странѣ проявится гораздо болѣе широкое пониманіе соціальныхъ перемѣнъ, сдѣлавшихся неизбѣжными, чѣмъ мы это видѣли, гдѣ-бы то ни было, за послѣдніе шесть вѣковъ. Въ то же время сопротивленіе, которое это движеніе встрѣтитъ со стороны привиллегированныхъ классовъ, едвали будетъ носить тотъ характеръ слѣпого упорства, который дѣлалъ революціи прошлыхъ вѣковъ столь кровавыми.

Этотъ великій результатъ вполнѣ достоинъ усилій, которыя были сдѣланы, за послѣднія тридцать лѣтъ, тысячами борцовъ всѣхъ націй и всѣхъ классовъ.

Конецъ.

Библиотека Общественной Помощи в Дании

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе автора къ настоящему русскому изданію III
Предисловіе автора къ первому русскому изданію V
Предисловіе Георга Брандеса IX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дѣтство.

Глава I.—Старая Конюшенная 1
Глава II.—Смерть матери 5
Глава III.—Родъ Кропоткиныхъ.—Отецъ —Мать 6
Глава IV.—Мадамъ Бурманъ.—Ульяна.— *M. Poulain*.—Изученіе французскаго языка и римской исторіи.—Воскресныя развлеченія.—Страсть къ театру 11
Глава V.—Балъ въ честь Николая I.—Назначеніе въ пажи . 19
Глава VI.—Нравы стараго барства.—Крѣпостные слуги.—Типы Старой Конюшенной 24
Глава VII.—Наказы бурмистрамъ.—Доставка живности.—Отъѣздъ въ Никольское.—Долгіе сборы.—*M. Poulain* объясняетъ подвиги великой арміи.—Военныя упражненія.—Пробужденіе демократическаго духа 31
Глава VIII.—Крѣпостное право.—Макаръ.—Браки по приказу.—Андрей портной.—Сдачи въ солдаты.—Горничная Поля.—Саша-докторъ.—Герасимъ Кругловъ.—Какъ Маша получила вольную 42
Глава IX.—Крымская война —Смерть Николая I 55
Глава X.—Благотворное вліяніе студентовъ-учителей.—Н. П. Смирновъ.—Проявленіе литературныхъ наклонностей.—Первые опыты.—«Временникъ» 58

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пажескій корпусъ.

Глава I.—Поступленіе въ корпусъ.—Экзамены.—Полковникъ Жирардотъ.—Порядки и нравы корпуса 63
Глава II.—Отраженіе пробужденія Россіи въ пажескомъ корпусѣ.—Преподаватели: капитанъ Сухонинъ, профессоръ Классовскій, Беккеръ, Эбергъ, Ганцъ.—«Бенефисъ» . . 75

Глава III.—Переписка съ Сашей.—Его увлеченіе философіей и политической экономіей.—Великое разочарованіе.—Свиданіе украдкой съ братомъ 85
Глава IV.—Ярмарка въ Никольскомъ.—Первая статистическая работа.—Поѣздка «съ Козломъ».—Въ бѣлой харчевнѣ . 93
Глава V.—Бурное время въ корпусѣ.—Похороны имератрицы Александры Ѳедоровны 98
Глава VI.—Занятія въ пажескомъ корпусѣ.—Изученіе физики, химіи и математики.—Часы досуга.—Итальянская опера въ Петербургѣ 102
Глава VII.—Лагерь въ Петергофѣ.—Практическія занятія въ полѣ.—Совѣтъ воспитателямъ 110
Глава VIII.—Распространеніе революціонныхъ идей.—Отмѣна крѣпостнаго права.—Важныя послѣдствія освобожденія крестьянъ 114
Глава IX.—Жизнь при дворѣ.—Система шпіонства во дворцѣ.—Александръ II.—Императрица Марія Александровна.—Александръ Александровичъ 127

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сибирь.

Глава I.—Выборъ полка.—Пожаръ въ гостинномъ дворѣ.—Начало реакціи.—Производство въ офицеры.—Отъѣздъ въ Сибирь 138
Глава II.—Иркутскъ.—Генералъ Кукель.—Реформаціонная дѣятельность.—Волна реакціи 150
Глава III.—Польское возстаніе.—Гибельныя послѣдствія для поляковъ и для русскихъ.—Реакція въ Сибири.—Конецъ реформамъ 155
Глава IV.—Присоединеніе Амурскаго края.—Поѣздка по Амуру.—Первыя попытки въ роли мореплавателя.—Тайфунъ.—Командировка въ Петербургъ 165
Глава V.—Возвращеніе въ Иркутскъ.—Путешествіе по Маньчжуріи.—Перевалъ черезъ Хинганъ.—Китайскія власти . 178
Глава VI.—Вверхъ по Сунгари.—Гиринъ.—Пріятели китайцы 186
Глава VII.—Изслѣдованіе Западныхъ Саяновъ.—Изслѣдованіе новаго пути.—Уроки, вынесенные изъ Сибири 191
Глава VIII.—Возстаніе на Кругобайкальской дорогѣ.—Планы ссыльныхъ.—Усмиреніе.—Выходъ въ отставку 196

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Петербургъ. Первая поѣздка за-границу.

Глава I.—Поступленіе въ университетъ.—Поправки въ орографіи и картографіи сѣверной Азіи 202

Глава II.—Русскіе путешественники того времени: Сѣверцовъ, Миклухо Маклай, Федченко, Пржевальскій.—Проэктъ полярной экспедиціи.—Геологическія изслѣдованія въ Финляндіи 206
Глава III.—Цѣль жизни.—Отказъ отъ предложенія занять мѣсто секретаря Географическаго Общества 214
Глава IV.—Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Двойственность натуры Александра II.—Продажность администраціи.—Препятствія распространенію народнаго образованія . . 218
Глава V.—Перемѣны къ худшему въ петербургскомъ обществѣ.—Результаты реакціи.—Каракозовское дѣло.—Пытали-ли Каракозова?—Трагическая борьба 222
Глава VI.—Высшее женское образованіе.—Стремленіе женской молодежи на курсы.—Причины успѣха 231
Глава VII.—Смерть отца.—Новыя теченія въ Старой Конюшенной 236
Глава VIII.—Первая поѣздка за-границу.—Пребываніе въ Цюрихѣ; Интернаціоналъ.—Соціалистическая литература.—Вожди и политиканы 239
Глава IX.—У юрскихъ часовщиковъ.—Начала анархизма.—Мои невшательскіе друзья.—Коммунары-эмигранты 252
Глава X.—Вліяніе Бакунина.—Соціалистическая программа . 259
Глава XI.—Краковъ.—Переговоры съ контрабандистами.—Перевозка книгъ черезъ границу 263
Глава XII.—Нигилизмъ.—Его презрѣніе къ условному, его правдивость.—Стремленіе въ народъ 266
Глава XIII.—Кружокъ Чайковцевъ: Дмитрій, Софья Перовская, Н. В. Чайковскій 273
Глава XIV.—Политическія и соціалистическія теченія.—Александръ II и революціонеры 277
Глава XV.—Видные дѣятели кружка Чайковскаго.—Дружба съ Степнякомъ.—Его хожденіе въ народъ.—Успѣшная пропаганда среди рабочихъ.—Мужество ихъ 285
Глава XVI.—Аресты.—К. въ положеніи нелегальнаго.—Мой арестъ.—Допросъ.—Прокуроръ-лгунъ.—Заключеніе въ Петропавловской крѣпости 297

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Крѣпость. Побѣгъ.

Глава I.—Петропавловская крѣпость.—Мой казематъ.—Страданія отъ вынужденной бездѣятельности.—Разрѣшеніе продолжать научныя занятія 311
Глава II.—Научныя работы.—Изученіе исторіи Россіи 317
Глава III.—Прогулки во дворѣ.—Арестъ брата.—Месть третьяго отдѣленія 319

Глава IV.—Перестукиваніе заключенныхъ.—Неожиданный визитъ Николая Николаевича 324
Глава V.—Результаты заключенія.—Переводъ въ военный госпиталь.—Побѣгъ.—Укрываніе отъ жандармовъ.—На англійскомъ пароходѣ 329

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Западная Европа.

Глава I.—Въ Эдинбургѣ и въ Лондонѣ.—Сотрудничество въ *Nature* и въ *Times*.—Отъѣздъ въ Швейцарію 344
Глава II.—Интернаціоналъ и нѣмецкая соціалъ-демократія.—Прогрессъ Интернаціонала во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи 349
Глава III.—Юрская Федерація и видные ея дѣятели: Швицгебель, Шпихигеръ, Элизе Реклю, Лефрансэ и другіе . . 356
Глава IV.—Пребываніе въ Шо-де-Фонѣ.—Воспрещеніе краснаго знамени въ Швейцаріи.—Новый общественный строй 361
Глава V.—Борьба между анархизмомъ и соціалъ-демократіей.—Изгнаніе изъ Бельгіи.—Пребываніе въ Парижѣ.—Возрожденіе соціализма во Франціи 370
Глава VI.—Знакомство съ Тургеневымъ.—Его вліяніе на русскую молодежь.—Тургеневъ и нигилизмъ.—Базаровъ . 373
Глава VII.—Увеличеніе недовольства въ Россіи послѣ русско-турецкой войны.—Процессъ ста-девяносто-трехъ.—Покушеніе на Трепова.—Четыре покушенія на коронованныхъ лицъ.—Преслѣдованія противъ Юрской Федераціи.—Мы основываемъ *Le Révolté*.—Чѣмъ долженъ быть соціалистическій журналъ.—Денежныя и техническія затрудненія 379
Глава VIII.—Революціонное движеніе въ Россіи принимаетъ болѣе серьезный характеръ.—Покушеніе на Александра II, устроенныя Исполнительнымъ Комитетомъ.—Смерть Александра II 390
Глава IX.—Возникновеніе лиги для борьбы съ революціонерами и для защиты императора.—Предполагавшіяся убійства—Изгнаніе изъ Швейцаріи 398
Глава X.—Годъ въ Лондонѣ.—Застой въ Англіи 403
Глава XI.—Отъѣздъ въ Тононъ.—Шпіоны.—Договоръ Игнатьева съ Исполнительнымъ комитетомъ 406
Глава XII.—Франція въ 1881—1882 годы.—Страданія рабочихъ въ Ліонѣ.—Взрывъ въ кафэ.—Арестъ и осужденіе . . 409
Глава XIII.—Пагубное вліяніе тюремъ съ общественной точки зрѣнія.—Въ центральной тюрьмѣ въ Клэрво.—Занятія заключенныхъ.—Печальное положеніе старыхъ арестантовъ.—Дѣятельное сношеніе заключенныхъ между собою.—Деморализующее вліяніе тюрьмы 418

Глава XIV.—Мои столкновенія съ тайной полиціей.—Забавное донесеніе тайнаго агента.—Разоблаченные шпіоны.—Мнимый баронъ.—Послѣдствія шпіонства 433
Глава XV.—«Грабежъ» Луизы Мишель.—Эли Реклю.—Переселеніе въ Харро.—Научные труды моего брата Александра.—Смерть его 447
Глава XVI.—Соціалистическое движеніе въ Англіи въ 1886 г. 455
Глава XVII.—Участіе въ движеніи.—Формула «Борьба за существованіе» дополненная естественнымъ закономъ взаимопомощи.—Великое распространеніе соціалистическихъ идей 459